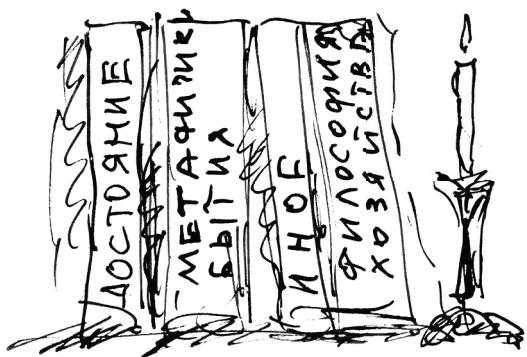

Ю.М. Осипов

ИНОЕ ДОСТОЯНИЕ

собрание прерванных текстов

в трёх томах / 1

Москва 2025

УДК 33
ББК 65
О-74

Осипов, Ю.М.

О-74 Иное достояние : собрание превентивных текстов от политэкономии к философии хозяйства, от софиологии к софиасофии : в 3 т. Т. 1 / Ю.М. Осипов ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М.; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2025. – 476 с.

ISBN 978-5-00078-962-9

Непонятное и неоцененное в момент явления на свет по прошествии времени становится ежели не понятым и оценённым, но все-таки все более привлекающим внимание из среды не погруженной в навязанную доктрину части ученої публики, даже и из неофитов, и возникает странный, внезапный эффект соответствия замеченного ранее сущего и о нем преподнесенной тогда же вести, чего ни заметить, ни оторвать друг от друга, ни опровергнуть уже нельзя, разве лишь, как повелось, вновь проигнорировать, да вот время делает свое коварное дело, возвышая истинное и снижая надуманное.

Случилось подобное и с философией хозяйства: не приняли её, хоть для понимания её всё потребное было сказано, да вот со временем не исчезла она, не без тщания изолированная, а взметнулась, ничем извне не толкаемая, вверх, что и дает основание кое-что переиздать, как оказалось, из нетленного. Зато всё вроде бы общепризнанное пустеет себе и пустеет, превращаясь в вертлявый скелет.

Что ж, повторение — мать учения, а уж с уколами прямо в глаз — отец!

Для самостоятельно думающих персоналий независимо от личного положения, ранга, возраста, пола и места пребывания. А ну-ка, не прими!

УДК 33
ББК 65

ISBN 978-5-00078-962-9

© Осипов Ю.М., 2025
© Московский государственный
университет имени М.В. Ломоно-
сова, 2025

Непонятое и неоцененное
в момент своего явления на свет
по прошествии времени
вдруг становится
ежели не доказанно понятым и оцененным,
но все-таки все более
привлекающим внимание
ученой публики.

ОТ АВТОРА (от автоапологии до самозащиты)

«Философия хозяйства» — весьма ныне употребимый и достаточно устоявшийся в гуманитарном размыслительстве именной бренд, однако по внутренней смысловой начинке бренд сей весьма *иной*, чем обычно кажется неискушённому его употребителю, ибо уже само «хозяйство» здесь *ино*, которое хоть при случае и синонимично экономике, но это вовсе не только и не столько экономика, сколько, оставив в стороне организменную физиологию, всё(!) *жизнеотправление человека*, да мало что человека, но и природы, и планеты Земля с ближайшим к ней космосом, и всего Мироздания, и самого Господа Бога Творца, ну и «философия» здесь, конечно же, *ина*, ибо это не так «любовь к мудрости», как сама мудрость и есть, однако мало что метафизическая, так еще и софийная, она же и мудрость мудрости или *софиасофия*, когда софия человеческая следует за софией божественной, не более и не менее!

Что ж, коли философию хозяйства в вышеприведенной интерпретации можно-таки посчитать за выдающееся гуманитарное достояние (почему нет?), разумеется, за *иное*, чем любое другое (что очевидно!), то, учитывая бытующее в ученых гуманитарных кругах, в особенности причисляющих себя к экономическим (от политэкономических до эконо-метрических), неоднозначное, если не прямо негативное, отношение к философии хозяйства, мы считаем себя вправе «обозывать» публикуемые в двухтомнике философско-хозяйственные тексты... э-э... *превентивными*, опираясь на то толкование слова «превентивный» (от лат. *«preventus»*), которое помимо привычных «предупреждающий» или «предохранительный» означает еще и «опережающий» действия противной стороны» (не слабо, правда?!), что, знаете ли, никак не помешает двухтомному экспликативному представлению вполне себе самостоятельного внедогматического течения гуманитарной мысли эпохи разверзшейся в земно-космическом мире апокалиптики.

Из настоящего в настоящем

Ученые-гуманитарии зачем-то иногда пишут нестандартные по замыслу и исполнению книги и книжицы, немало их и выстрадывая, и книги и книжицы сии расходятся, вовсе не всегда внимательно прочитываемые, отчего их содержание редко когда заинтересовано кем-то усваивается, зато книги и книжицы сии залеживаются до некоторых макулатурных пор на полках, пылясь там и про себя недоумевая — почему и зачем же?, а потом напрочь забываются, ну и нередко куда-то исчезают. Вложенная в них смысловая начинка при этом частенько вовсе не устаревает и не пропадает втуне, наоборот, вдруг начинает внезапно биться в чьих-то, иной раз и в случайных неофитских мозгах новыми смысловыми откровениями.

Вот и философия хозяйства не избежала такого вот злоключения: все нужное вроде было ею сказано, доведено до самой что ни на есть ученоей общественности, даже до неохотного восприятия самых из самоуверенно капризных (всезнающих) читателей, казалось бы, уже и понято, ан-нет, не тут-то было, как будто ничего не было и нет!

Что ж в переизданиях есть своя сермяжка, как и нестойкая, наивная надежда на вдруг! — вдруг настало-таки время... э-э... не так даже понять ранее сказанное, а хотя бы обратить на него затасканное непосильными гуманитарными трудами ученое внимание, да и увидеть, что старательно незамечаемое всё равно есть, мало того, еще и вовсю работает, да-да, работает, пусть и посредством поверхностно воспринявших его записных media-говорунов, вещающих, естественно, это какими самими вымысленное свое, безо всяких ссылок на недостойных-де упоминания безымянных, вполне и окаянных, авторов.

Пребывать в науке вовсе не значит ею всерьез заниматься, а все-рьез заниматься наукой не значит приближаться хоть к какой-нибудь сущностной истине, как раз гуманитарной науке-то и менее всего доступной. А подойти к истине вне науки совсем не значит быть понятым и признанным, причём со стороны самоуверенной науки прежде всего, что понятно, но и со стороны тех же давно задогматизированных философии и богословия, что тоже в общем-то понятно.

Каков же позитивный расчет в публикации вроде бы забытых или полузыбтых, а то и не забытых, но решительно отвергнутых, вовсе широко и не знаемых, текстов? Разумеется, никакой: не на остаточных же марксистов рассчитывать, не на примкнувших ненароком к пустому экономику новых пустомелей, не на adeptов же заумной, но невольно склонной к бессодержательной «игре в бисер», эконометрики. Да, здесь небезнаивный расчёт на тех, кто не потерял чувства реальности, кто вдруг возьмет, да и прочтет, а то и перечтёт нарочито переизданное, задумается глубоко и вдруг воскликнет в пушкинском экстазе: «А ведь верно, черт возьми, так оно и в самом деле есть!»

Каждая книга — памятник, правда, смотря чему — веру смыслов, пусть и невольно до времени скрытых за каскадом умных слов, или же безверной пустоте, типографическим литерным оттиском лишь неловко прикрытой, однако это всегда тот или иной памятник, живой или мертвый, а коли уж живой, то непременно подлежащий быть освобожденным из полочного плена и вновь вылететь громогласным смысловым зарядом в потускневшее гуманитарное пространство, ядовито и смертоносно связанное не без умысла новоявленной техногенейроцифровой сетью.

Я — ДОСТОЯНИЕ, однако ИНОЕ!

Согласно уже установившемуся бренду, Я — это *философия хозяйства*, рожденная более столетия назад в России, в Московском университете, затем нарочито на восемь десятков лет забытая, причем прежде всего как раз в России, точнее в СССР, будучи старательно упрятанной в библиотечных заказниках по воле заправлявших в стране в гуманитарной сфере «правильных научных марксистов» затем внезапно-намеренно переоткрытая, причем все там же, аккурат уже на исходе СССР, в России, во всем том же, хоть уже и заметно ином, Московском университете (МГУ), ну и там же в России и, прежде всего, во все том же МГУ, целостно развитая и, хоть и обретшая официальный статус научной школы, но в то же время официально никак не квалифицируемая как значительное гуманитарное, причем российское и мировое, достояние — ДОСТОЯНИЕ!

Однако, ежели признать философию хозяйства за бесспорно выдающееся достояние гуманитарной мысли, то следует при этом подчеркнуть, что это все-таки ИНОЕ в парадигмальном плане достояние, чем это могло быть в гуманитарном размыслительстве эпохи Просвещения до появления на свет философии хозяйства, как и в тот же период ее запретительного забвения, возможно, чем есть даже где-то и сейчас, уже в саморасцвет философии хозяйства.

Ежели *хозяйство* для философии хозяйства есть *отправление жизни* или *жизнеотправление*, включая при этом и отправление *смерти* (vito наряду и в единении с morto), чего нельзя не признавать при обращении к жизни в аспекте ее извечного отправления в переплетении со смертью — *жертвоотправления*, то такое жизне-смертное отправление относится в общем-то ко всему на свете из подлежащего субъектному, пусть и сугубо трансцендентному, аттракторно-сингулярно-сингергийному ведению, а для человечества — ведению *осознаниенному*, то бишь ведению *сознанием через сознание*, а несколько иначе — *разумом через разум*, с участием гнездящихся в идеальном мире человека таких феноменов, как *знание, слово, язык, идеи, память, навыки, опыт, воображение, фантазии*, что не исключает присутствия и действия в сем идеальном по преимуществу «управленческом» процессе

элементов, прорывов и потоков бессознания, безумия, как и той же, инфернальной пустоты.

Хорошо, пусть так, но что же здесь *иного*?

А *иное* тут, конечно, не так в выше только что сказанном, хоть немало и в нем, как, во-первых, в принципиальном отличии понятия «хозяйство» от синонимически широко и в общем-то весьма бездумно употребляемого понятия «экономика», ибо то и другое понятия, хоть и бывающие в скоротечном употреблении синонимами, но по сути же это во многом принципиально различные понятия, хотя саму экономику можно посчитать за хозяйство и даже за жизнеотправление человека, однако лишь такое в экономическом образе хозяйство-жизнеотправление, которое согласно философии хозяйства опосредовано движением и действием *идеальной субстанции* под уже привычным для экономической (точнее, политэкономической) мысли именованием — *стоимости*, выраженной на практике в идеально-трансцендентном «кварке», состоящем из денег и цен (оцененных денег и оденеженных цен), а во-вторых, иное тут в том важнейшем обстоятельстве, что философия хозяйства, трактуя как вообще хозяйство, так и его частность — экономику, полагает себя ментально (*Sic!*) *за пределами* не только экономической науки в любой ее ипостаси (от «седой» политэкономии до еще молодцеватой эконометрики), но и (*Sic!*) *науки вообще*, то бишь находясь не в жестких и во многом прямо-таки надуманных и упоенно догматизированных матричных рамках *гуманитарной физики*, а в куда более свободной и творческой стихии *гуманитарной метафизики*, как раз заметно более адекватной хозяйственно-экономической, тоже ведь весьма свободной и стихийной, реальности, чем тяготеющая к материальности, порядку и системности любая наука, стремящаяся как-никак, а к точности, пусть всего лишь и квазиточности.

Да, выходя за пределы той же политэкономии, философия хозяйства попала попервах в сферу фундаментальной философии, что заставило в гуманитарной среде полагать, что философия хозяйства есть либо просто применение философии к хозяйству, либо некая отрасль самой философии, однако, развиваясь через самоосмысление в единении с осмыслением хозяйственной реальности, философия хозяйства не пре-

минула выйти и за пределы самой общепринятой тогда и сейчас философии, сосредоточившись на *иной* философии, точнее, на *метафизике*, однако тоже весьма *иной*, причем не так умозрительной, как источаемой непосредственно самой *хозяйственно-экономической реальностью*.

Здесь не было и нет какого-то полного и окончательного отказа от философии как таковой, как и от той же экономической науки, нет, здесь имело и имеет место лишь смысло-ментальное *преодоление* того и другого, дабы обеспечить свободное смысло-ментальное приближение к тому, что не mentalъно говорила и говорит от себя и за себя, пусть вроде бы и всецело немотствующая, хозяйственная реальность.

Да, хозяйство есть жизнеотправление, однако так или иначе предварительно предусматриваемое ведущим его субъектом, его сознанием и разумом, пусть и не без вмешательства бессознания и даже безумия, да мало что предусматриваемое, но и моделируемое, проектируемое, планируемое, а *иной* раз и попросту угадываемое, отчего хозяйство, несмотря на присутствие в нем вполне осознаваемых человеком как так или иначе самостоятельная данность труда, производства и потребления благ, творчества, как раз вроде бы согласно той же экономической науке не только не отделимых от хозяйства, но его в основе и составляющих, это-то хозяйство, согласно уже философии хозяйства, ничего из перечисленного хозяйственного не отрицающей как раз и прежде всего наличествует не где-нибудь, а в сфере сознания, в головах людских, будучи исходно и по ходу нечто идеальным, воображаемым, мало того, еще и немало трансцендентным.

Все то же самое можно сказать и об экономике: вся стоимость с ее деньгами и ценами, капиталами, инвестициями, кредитами, доходами, затратами и т. п. вещами-вестями бытует не где-нибудь, а в сфере сознания, если хотите, в ноосфере, аккурат в тех же головах людских, и этих хозяйствующих экономически голов она — стоимость — никогда не покидает, как и не покидает их и вся в целом экономика, которая не есть ни труд как таковой, ни производство и потребление благ, ни как таковое творчество, ни даже сам по себе физический обмен благами, а есть, повторяем, *жизнеотправление человека*, опосредованное, опять повторяем, движением и действием *идеальной субстанции* — *стоимости*, еще и принима-

ющей на себя роль вполне себе трансцендентного хозяйствующего субъекта.

Да, правильнее, наверно, было бы говорить не так о философии хозяйства, как о *метафизике хозяйства*, причем исходящей не только от ведущего хозяйство субъекта, но и от самой по себе хозяйственной реальности, в ней-то как раз в особенности и гнездящейся (метафизика вовсе не только субъектна и субъективна, она и вполне себе объектна и объективна). Да вот что тут поделать: бренд, он и есть бренд, так что приходится мириться с символическим словосочетанием «философия хозяйства», что, правда, не мешает и саму философию в философии хозяйства понимать не совсем как философию, да и вообще любую философию воспринимать весьма не так, как это повсюду принято.

Здесь ведь более всего не философия как таковая, даже и не умозрительная метафизика, а исходящее от (из) идеально-трансцендентного объекта... э-э... *знание*, конечно, вовсе не точное знание, хоть частично и не без оного, а знание, органично сплетенное с *незнанием*, то бишь не просто знание рядом с незнанием, могущим вдруг стать познанным, перейдя в разряд знаниевого знания, а знание рядом с никогда не могущим оказаться познанным и перешедшим в разряд знаниевого знания sacramentalным *Незнанием* (с большой буквы, чего тут стесняться!), восходящим к, быть может, не субстанциальной, но зато прочно присутствующей во Вселенной *Великой Неизвестности*, непосредственно сопряженной с неведомой человеку *Вечностью*, не избегающих при этом и своего присутствия в текущем *Времени*, включая и историческое, а главное, сопряженной с восходящим к Великой Неизвестности и действующим во Времени, будучи в исходе своем не менее неизвестным, чем сама Великая Неизвестность, так называемым *Иным*, заставляющим человека, во-первых, трансцендентно, незнамо и как, открывать в себе самом, в своем бытии и своем хозяйстве, как и в окружающем мире, нечто *иное*, не просто отличное от чего-то уже известного, а вполне себе авторитарное *Иное*, не поддающееся никакому ясному, тем более, физикалистскому (научному-де) отображению, а лишь интуитивно улавливаемое человеком; во-вторых, алкать и алкать ускользающей от человека и ему принципиально недоступной исходной или же конечной, кому как

нравится, истины; в-третьих, по-каински менять и менять себя, свое хозяйство, свой мир, стремясь к их и себя невнятно-неземному совершенству, в реальной жизни никак вполне не достижимому, а ежели вдруг и, условно говоря, достижимому, то лишь на площадке (панели) всеобщего погоста, да и то не в абсолютной мере.

Да, человек живет, хозяйствуя, а хозяйствуя — живет, точно так же, то бишь хозяйствуя, он — человек — и умирает, и все это в лоне безразличной к нему *Великой Неизвестности* и под непрестанным влиянием неустанного *Иного*.

Человек на Земле, как известно, вовсе не в Раю, а в самом настоящем... Аду, оснащенным и непрерывно работающей *Преисподней*, отчего только и возможно на Земле... э-э... *Творение*, следовательно, и жизнь, и хозяйствование и неугасаемое стремление к чему-то иному, и перемены, и развитие, и прогресс, аккурат на страдном, смрадном и страдательном пути из реального Ада в нереальный Рай, да что поделать: так говорит... нет, вовсе не Заратустра согласно самоотверженным усилиям Ф. Ницше... а сама земно-космическая реальность, которая, заметим, как раз сплошь и *хозяйственная* (для человека хоть обыденная, хоть производственно-потребительская, хоть лукаво экономическая, хоть не менее лукаво политическая, хоть работная, хоть служилая, включая армию и любые войновские происшествия, хоть бандитская, да и вообще любая в разнообразном и вовсе не совершенном бытии человеческом).

А говорит немотствующая о себе хозяйственная реальность не сама по себе, точнее, не только сама по себе, а через посредничество не чего-нибудь, а самой *Софии Премудрости Божией*, а по-нашему по-просту *софийности* или *софийной метафизики*, отчего не через философию как «любовь к мудрости», а через иную софию, сопряженную с Софией, а именно, как утверждает философия хозяйства, через *софиасофию*, когда человеческой, даже и природной, софии предопределяющее предшествует софия — что божественная, как прямая мысль Божия, что тварная, уже как мысль Божия, воплощенная в Творении, а с софийным подходом к делу познания философия хозяйства, которая, кстати, тоже хозяйствует, как и те же наука с философией, как литература, как искусство, так вот философия хозяйства становится *иной*, а именно *софиасофией*.

ской, а ежели подойти к сему определительно, то превращается из философии хозяйства в *софиасофию хозяйства*, что, знаете ли, соответствует сбросу с себя аки змея своей потускневшей шкуры привычного и тоже уже немало потускневшего псевдонима «философия хозяйства» и обретения своего, куда более реально-истинного, именования *софиасофии хозяйства*, правда, все равно остающегося в тени своего устоявшегося в гуманитарном мнении позывного в виде «философии хозяйства», а потому иного именования, никак к себе широко и не применимого.

Да-а, слышат гуманитарии незнакомый им звон, да не знают, что и где он, что тоже вносит свою лепту в факт *инойности* меня — философии хозяйства, деля меня не просто выдающимся, от чего уже не уйти, ДОСТОЯНИЕМ гуманитарной мысли, так еще и ИНЫМ достоянием, мало что другим по смыслам, так еще и для большинства гуманитариев чем-то из разрядавольно или невольно *неизвестного* (этакой *terra incognita*), от чего уж точно никуда не уйти, а предвзятым залогом всему этому служат непонарошные непонимание, невосприятие, игнорирование и даже никак смыслово не обосненное, но зато дружное, отвержение философии хозяйства, не говоря уж о софиасофии и о софиасофии хозяйства, то бишь гуляющие вокруг источающей нешуточное беспокойство «*terra incognita*» негативы, идущие не без раздражения со стороны массовой, уже и остаточной по воле все более оцифруемой ультрасовременности, гуманитарщины.

Бог всему и всем тут судия, а сакрализованная реальность как-нибудь во всем этом непременно сама и разберется, правда, с каким и для кого итогом, что, возможно, и сам Господь Бог пока — до Конца Времен — не знает!?

КУРС ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА

Программа философии хозяйства

Преамбула

Философия хозяйства — новая отрасль знания. Она не имеет сколько-нибудь канонических устоев, находится в свободном развитии. Это предопределенная возможность различных подходов, толкований и решений, категориальных наборов и содержательных структур. Любое систематическое изложение философии хозяйства сегодня — *авторское*, — и никаким другим оно быть не может. Отсюда потребность в некоторых предварениях экспликативного свойства.

Что автор понимает под философией хозяйства, им же самостоятельно разработанной?

Нет, не философию экономии, т. е. не философию экономической науки, хотя без некоторых обращений к философии науки тут не обойтись. Не понимает автор под философией хозяйства и некое «офилофостровование» экономической теории, хотя и без этого тоже не обойтись. Не склонен автор считать философию хозяйства и одной из отраслей философии вообще — в ее как бы прикладной сфере, ибо явление философии хозяйства вовсе не означает простого распространения философии на такой предмет, как хозяйство, хотя известное вхождение философии в сферу хозяйства, конечно же, имеет место. Не склонен автор и видеть в философии хозяйства лишь особый раздел — философский — теоретической экономии, ибо у философии хозяйства, пересекающейся, естественно, с теоретической экономией, немало резонов быть чем-то большим, чем любая экономическая теория, а частично и вовсе не быть экономической теорией, а скорее ее по-своему дополнять, в чем-то и позитивно отрицая.

Философия хозяйства — *специфическое, даже и вполне самостоятельное, знание-размытие*, несмотря на свое генетическое и содержательное родство с философией и с экономией. Это никакая не смесь философии и экономии, как и не что-то между ними срединное. Разумеется, наплывов философии и экономии на философию хозяйства не избежать, но лишь наплывов, не определяющих собственно содержания

философии хозяйства. Философия хозяйства охотно принимает нечто из философии и экономии, что вполне естественно и объяснимо, но, и что тоже вполне естественно и объяснимо, приспосабливает их под себя, нередко и трактуя по-своему. И у нее есть на это право, ибо она является не философией в экономии и не экономией в философии, а исходящее непосредственно от своего предмета, имеющее свою задачу, а главное, свой характер, *специфическое, даже и вполне самостоятельное, знание-размышление*.

Откуда же идет и в чем состоит эта специфика, дающая столь значимую самостоятельность философии хозяйства?

Идет все это от самой *реальности*, взятой возможно более объемно — без характерных для экономической науки ограничений. От человека, от жизни, от мира. От *реальной целостности*, которую наука обычно не ухватывает, а наоборот, делит и рассматривает по частям. А целостность эта заставляет видеть и мыслить по-иному, не так или не совсем так, как это может делать наука, а соответственно, и по-иному ведать. Как же? Неограниченно масштабно, уходя и в запределье, обязательно возвренчески, не боясь умозрительных, конечно же оправданных, мнений; проницательно-откровенчески, не останавливаясь перед тайносущим, или трансцендентным, его воспринимая и с ним творчески взаимодействуя. В итоге рождается знание, которое уже само по себе есть *философия*, что очень важно, даже не *по поводу* взятого предмета, а *от самого этого предмета, из него как бы и вытянутая*.

Да, именно *вытянутая* — человеком размышляющим, причем не из постороннего для человека предмета, так сказать, объективного, а из такого предмета, который, быть может, даже более в самом человеке, в его сознании и деятельности, в его представлениях и мыслях, чем где-то вне человека. Никакого хозяйства нет без хозяйствования, а последнего нет и не может быть без вполне деятельного субъекта. Человек познающий в данном случае не посторонний наблюдатель-исследователь, а творчески активное лицо, способное вытягивать знание не просто из внешнего предмета, а из себя самого, причем во всех ипостасях — как деятель, как созерцатель, как мыслитель. Субъективное и объективное здесь сливаются, и предмет выглядит сразу *многоединным*, что позволяет

человеку познающему вытягивать не просто философию, а непосредственно и *диалектику*, если не *полилектику* — как высшее знание, делая это, надо заметить и без всяких специальных, заранее задаваемых диалектических или иных упражнений, т. е. естественно, органично, само собой.

Выпячивание хоть и рефлексивной, но вполне реалистичной диалектики-полилектики, становится возможным в силу попадания человека размышляющего в так называемую *точку обратной перспективы*, а лучше сказать, в место смыслового пересечения всего и вся, с которого видно сразу все и сразу — в достаточной целостности. Разумеется, такое попадание доступно не всякому, а подготовленному размыслителю, хотя бы осознавшему потребность в выходе за пределы собственно науки, как и собственно философии, становящемуся *метанаучным*, и даже *метафизико-философическим*, взыскиющему вполне реальные метасмыслы. А последнее как раз и есть те самые *смыслы смыслов*, которые содержат в себе, или выражают собой, не одну различимую имманентность, но и скрытую в глубине трансцендентность, не столько наблюдательно выводятся, сколько проницательно ухватываются — и непосредственно из реальности.

Философия хозяйства — это *метасмыслология*, извлеченная из объективно-субъективного предмета — в котором наряду с внешним миром и сам человек хозяйствующий и размышляющий — посредством погружения в предмет и в нем пребывания, а не одного лишь его обозрения со стороны.

Философия хозяйства — это *не философия и не экономия, не их смесь и не промежуточное связующее звено, мало того, это и не философия в экономии*, — тут все иначе: *философия хозяйства — вытянутое из самой реальности, в которой также и человек, и его сознание, и его мысли, а не одни лишь окружающие человека вещи, метанаучное знание-размыщление, не отдельное ни от мира, ни от всей доступной человеку идеальности*.

Это не новая наука и не иная философия, хотя в чем-то и это тоже, это просто *новое знание*, причем непременно *знание-размыщление*, когда человек не просто пользуется добытым уже знанием, а его непосредственно созидает, включая интуицию, и откровение, и сверхсознание.

Здесь царство не профессии, а мудрости, не умения, а вживания, не техники, а вдохновения. Обучение философии хозяйства — не обучение инструкции, а ненавязчивое и почти что сакральное *введение* — в смысловое *поле*, в котором при желании можно обнаружить, если хорошо мысленно похозяйствовать, кое-какие весьма необычные вещи. Не усвоение готовых сентенций тут главное, а разносторонняя подготовка к самостоятельному видению и ведению. Мыслитель в общем-то здесь «первее» ибо не от знания здесь мыслитель, а знание — от мыслителя.

Что же получается, философия хозяйства, выходит для избранных? Пожалуй, и так, но кто сказал, что избранных должно быть мало, а мудрость можно как-то приватизировать?..

Важно иметь в виду, что философия хозяйства возникает и развивается в особые исторические сроки, когда тихоголосая философия уже пережила свой апогей, надежно превратившись в кладезь собственной мудрости — в историю самой себя, а громкоголосая наука находится в состоянии триумфальной эйфории, за которой уже маячит и неожиданное пока отрезвление, а потому философия хозяйства уже и *post*-философическое и *post*-научное знание, а точнее, даже не знание как таковое, а скорее *пребывание в знании*. Философия хозяйства выходит на размыслительный сцену, когда она уже не может довольствоваться ни вросшей в саму себя философией, ни выросшей для самой себя экономией. Тут уже действительно *post*: и как *постфилософия*, и как *постэкономия*, что, конечно же, не означает, что в философии хозяйства нет ничего от обычной философии и обычной экономии. Не только есть, но и много чего есть: язык-то ведь общий, а вот смыслология тут уже не общая — *философско-хозяйственная*, причем за словом «хозяйственная» здесь скрывается не один только предмет — хозяйство, но и особый характер оригинального знания-размышления, имеющего как особую свободу — из-за масштабности и неопределенности предмета, так и особую нормативность — от высокой ответственности, исходящей от предмета, который есть не что-нибудь вообще, а именно *хозяйство*, т. е. непрерывный и результативный праксис, а праксис на то и праксис, чтобы быть самой что ни на есть реалистичной реальностью, так что философия хозяйства — реальное знание о реальности, действующее знание, даже и *практикующее*. А раз так, то это действительно не традиционно философское

и не привычно экономическое знание: «хозяйственное» удерживает философию хозяйства в рамках реального бытия, делая ее как бы заниженной — реалистичной — философией, и одновременно позволяет видеть в реальности гораздо больше смыслового богатства, чем это делает обычно экономия, а потому явно завышает философию хозяйства относительно экономии, т. е. делает философию хозяйства как бы возвышенной, или парящей, экономией. В итоге философия хозяйства дает то, что не могут дать ни при каких обстоятельствах ни философия, ни экономия как таковые, но делает она это, что исключительно важно уразуметь, не как просто философия-экономия, а как вышедшее из философии и экономии, их преодолевающее — при творческом снятии, т. е. и при сохранении в себе всего из них для себя необходимого, *post*-философское и *post*-экономическое знание, к тому же *хозяйственно* обусловленное — реалистическое, разнообразное, ответственное.

В некотором отношении философия хозяйства есть и своеобразный *постмодерн*, коль скоро она преодолевает модерн, т. е. науку, а соответственно преодолевает и премодерн, т. е. философию, хотя к этому последнему — классическому — в какой-то мере и возвращается. Однако философия хозяйства — не новоэтапный постмодерн, который нынче в моде: у нее есть важные постановочно-целевые якорьки, удерживающие ее в сфере *над*-эпохального знания, т. е. знания, соответствующего бытию *вообще*, а не какому-то егоциальному этапу, пусть и замечательному. Стихийно и незаметно философия хозяйства, конечно же, была всегда, присутствуя не только в быту, но и в философской и научной рефлексии. Иное дело, что *сама по себе* она появится именно в *post*-эпоху, но не столько ради этой самой постэпохи, сколько ради осмысливания всего бытия в целом, которое, как оказалось, надо осмысливать не просто *вообще*, а именно в русле философии хозяйства, — постмодерн, но постмодерн одновременно и *над*-исторический, ибо сегодня человеку размышляющему нужно не вообще что-то новенькое узнать, а там, глядишь, за разработку этого новенького, и премию престижную заполучить, а многое, очень многое *осмыслить*, осмыслить все, что с человеком хозяйствующим, а следовательно, живущим, действующим, практикующим, происходит, происходит и может произойти, да не просто осмыслить, а в главном, пожалуй, и переосмыслить, да что там переосмыслить,

еще и стать при этом *другим размышающим*, далеко не таким, как прежде и как сейчас. Постмодерновый человек требует *философии хозяйства*, а философия хозяйства — *другого человека*, не того вовсе, который как раз сегодня. *Новый человек — новое знание, новое знание — новый человек*. Круг непростой, но разрешимый — если серьезно захочет, кое-что неожиданно и распознав.

Философия хозяйства вполне постмодернична, коли не имеет ни строго очерченного предмета, ни обязательной методологии, ни какого-то приоритетного стиля, но она при этом и никакая не аморфность, не калейдоскопичность, не игра, ибо *ответственна!* Она не стремится к нарочитой системности, как и к назидательной диалектичности, ибо сама по себе она изначально системна и диалектична; ей не нужна жесткая конструкционность, хотя она и не лишена своей, может, несколько завуалинной, архитектоники; она не претендует на логичность и доказуемость, несмотря на наличие, разумеется, не такой уж и явной, суперлогики и пользование, пусть и ненавязчиво, убедимостью. Будучи свободным, возникающим, творящим, даже и в чем-то импровизационным, знанием-размышлением, философия хозяйства, однако, — не абы что вовсе, а вполне соорганизованное и даже дисциплинированное знание, а лучше сказать, знаниевое течение, которому свойственны и контуры, и знаки, и узелки, и связки, и векторы, и строения, да мало ли что еще, что может быть присуще реалистично движущемуся и едино развертывающемуся знанию. Есть тут и свои устои, и свои понятия, и свои категории. Здесь есть на что опереться, от чего оттолкнуться, из чего строить. Главное, что здесь есть ничем не стесненное, кроме реальности, *слово*.

Свободное слово!

Живое слово!

Всякий, кто возьмет на себя труд познакомиться с представляемой программой, может легко в этом убедиться. Это программа-предложение, программа-размыщение, программа-путеводитель, но и программа-объяснение — объяснение автора, ибо автору и впрямь надо объясниться, так как никаких затвержденных законов тут нет, и объяснение читателю, ибо последнему нужны не указания, а ясность — той же авторской позиции.

Программа сделана так, что ее можно воистину читать, вдумываясь и размышляя, извлекая из нее не одни лишь намеки, но и смыслы; программе можно при желании и следовать, однако творчески, т. е. уже по-своему, авторски. Не надо стремиться буквально исполнить программу: этого не выдержит ни программа, ни философия хозяйства, ни сам учитель, ни его ученики. *Каждый по-своему, каждый о своем, каждый свое сокровенное!* Философия хозяйства — не устав, а возможность, но не устава, а свободного мыслеизъявления.

И как же тут удержаться в русле?

Непростая задача, но выполнимая.

Несколько правил.

Первое: помнить о трансцендентном, т. е. о высшем, сущем и за-пределном, что скрыто и невидимо, но что везде, во всем и рядом, что раскрывается и раскрывает, без чего нельзя.

Второе: исходить из того, что все смыслы идеальны, а потому обыкновенный предмет, как вообще мир, по преимуществу идеален, более того, названное материальное есть уже идеальное, иходить поэтому надо в размышлении от идеального к идеальному, покоряя раскинувшийся вокруг и находящийся в себе идеальный мир.

Третье: знать, что смысл в слове, но чем меньше слов, тем больше смысла; смысл от мысли, а мысль — молчание («м» — «мы»), из которого исходит слово («сл» — «слъ»); из напряженного молчания («мы—ы!») рождается смягченная мысль («слъ»), а от нее, еще потаенной, открытое и звонкое слово («сл»), что как раз и означает слов-ленную мысль, приведшую из молчаливого, но творческого, ничто; торжество молчания, которое золото и которое благо («молчание — золото» и «благое молчание»), а потому вдумывание в слово при минимуме слов, а также погружение в дословье, откуда и София — Премудрость Божья.

И если подытожить, то лучше сказать так: хорошо начинать с Бога и завершать Богом, как и поверять Богом.

Есть нечто, что словами не выразить (слово, кстати, вовсе не слова), но что можно понять без слов — в молчании и в Духе. И это как раз очень важно для философии хозяйства, нацеленной на метасмыслогию, как важно это и для дающего философию хозяйства и для ее принимающего. Тут уж, как говорится, ни дать, ни взять, а вот словить,

при переживательном размышлении, можно, но там, внутри, в себе.

Ниже следующая программа — *пред слово*, но не потому, что без слов, а потому что, надеемся, и *из молчания*, того самого, что предшествует слову, и словам, в которых философия хозяйства лишь находит знако-смысловую явленность.

Структура курса

Часть I. Начальные основания.

- Тема 1. Философия хозяйства как специфическая отрасль знания.
- Тема 2. Хозяйство как реальность.
- Тема 3. Хозяйство как изведение реальности.
- Тема 4. Хозяйство как реализация.
- Тема 5. Хозяйство как физис.
- Тема 6. Хозяйство как идеальность.
- Тема 7. Хозяйство как социальность.
- Тема 8. Хозяйственная субъектность.
- Тема 9. Хозяйство как движение.
- Тема 10. Хозяйство как развитие.
- Тема 11. Хозяйство как качественно-количественный праксис.
- Тема 12. Хозяйственная мера.
- Тема 13. Хозяйственное время-пространство.
- Тема 14. Хозяйство как метасистема.
- Тема 15. Хозяйство как иерархия.
- Тема 16. Хозяйственный центр и хозяйственная периферия.
- Тема 17. Хозяйство и хозяйственный механизм.
- Тема 18. Хозяйство как метареальность.
- Тема 19. Хозяйство как культура.
- Тема 20. Хозяйственная идеология.
- Тема 21. Софийность хозяйства.
- Тема 22. Хозяйство как инферно.
- Тема 23. Хозяйство как диалектический праксис.
- Тема 24. Философия хозяйства как метазнание.

Часть II. Феноменология хозяйства.

- Тема 25. Хозяйство как история.
- Тема 26. История хозяйства: от метаспособа к метаспособу.
- Тема 27. Село и город.
- Тема 28. От натураномики к экономике.
- Тема 29. Металогика перехода к экономике.
- Тема 30. Экономический способ хозяйства — экономика.
- Тема 31. Сущность экономики — стоимость.
- Тема 32. Экономика — стоимостное хозяйство.
- Тема 33. Стоимость как деньги.
- Тема 34. Стоимость как капитал.
- Тема 35. Экономика как кредитное хозяйство.
- Тема 36. Экономика как финансовое хозяйство.
- Тема 37. Экономическая эксплуатация.

Часть III. Феномен экономической цивилизации.

- Тема 38. Экономическая цивилизация.
- Тема 39. Экономика как организованное время-пространство.
- Тема 40. Экономическая цивилизация в неэкономических измерениях.
- Тема 41. Этноэкономика, или признание национальной обусловленности хозяйственной жизни.
- Тема 42. Государственность и антигосударственность экономической цивилизации.
- Тема 43. Индустриальное хозяйство.
- Тема 44. Научный и технический прогресс в рамках экономической цивилизации.
- Тема 45. Динамика хозяйственной жизни в условиях экономической цивилизации.
- Тема 46. Поиск альтернативы.
- Тема 47. Мелиорация экономической цивилизации.

Часть IV. Новейшие тенденции экономической цивилизации.

- Тема 48. Технологизация хозяйственного бытия и движение к технике.

Тема 49. Информатизация хозяйственного бытия и движение к информаномике.

Тема 50. Финансизация экономики и возникновение финансомики.

Тема 51. Глобализация хозяйственной жизни и переход к глобальной экономике.

Тема 52. Современная экономика — новая экономика, или неоэкономика.

Часть V. Метасмыслология человеческого хозяйства.

Тема 53. Хозяйственнаяteleология.

Тема 54. Хозяйственное метасмыслие.

Тема 55. Хозяйственная эсхатология.

Тема 56. Хозяйственная апокалиптика.

Тема 57. Хозяйственный апокатастасис, или хозяйственная апокатастика.

Тема 58. Хозяйственный утопизм.

Тема 59. Хозяйственное богословие.

Часть VI. Метафизика российского хозяйства.

Тема 60. Метасмыслология российского хозяйства.

Тема 61. *Бесхозяйственное хозяйство.*

Тема 62. Метаистория российского хозяйства.

Тема 63. Российская Реформация.

Тема 64. Сталинский эксперимент — тотальный хозяйственный государствизм.

Тема 65. Экономическая революция в России.

Тема 66. Цветущая апокалиптика.

Тема 67. Вера в апокатастику.

Часть VII. Хозяйствующая философия.

Тема 68. Безграничная вертикаль.

Тема 69. Философия действия.

Часть I. Начальные основания

Тема 1. Философия хозяйства как специфическая отрасль знания

Онтологическая обусловленность и гносеологическая потребность в философии хозяйства. Смысловое богатство хозяйственного бытия, его немеханичность, идеальность и трансцендентность. Недостаточность научно-экономического подхода и соответствующих ему теоретических построений. Потребность в философской, мировоззренческой, диалектической рефлексии. Предмет и методология, их неопределенность и нестрогость. Соотношение с иными знаниями. Приоритет качественного анализа. Синтезная способность философии хозяйства. Экспликативная функция. Выход к *метасмыслам*. Философия хозяйства как особое, но в то же время универсальное, знание о хозяйственной жизни человека.

История философско-хозяйственной мысли. Русская традиция. Возрождение философии хозяйства в России.

Тема 2. Хозяйство как реальность

Феномен хозяйства как *феномен организационно-производительного бытия человека*.

Хозяйственное — *организационно-производительное*, всегда действенное и всегда результатное.

Хозяйство — возникающая, развертывающаяся, распространяющаяся реальность. Хозяйство — образуемая и образующаяся реальность, приходящая и уходящая, являющаяся и исчезающая, воспроизводящаяся.

Хозяйство — *становящаяся целостность*, ничего не исключающая и ничем не пренебрегающая. Хозяйство — вся реальность, вся заново и вся вновь.

Хозяйство — *созидаемая реальность*. *Созидание реальности* — хозяйствование.

Бытие человека — хозяйственное бытие, оно есть хозяйство и хозяйствование.

Феномен человека — феномен хозяйства и хозяйствования. Явление хозяйства — явление человека. Без хозяйства нет человека. *Хозяйство как производство человека*.

Хозяйство — жизнь, а жизнь — хозяйство. *Хозяйство как производство жизни.*

Хозяйство и мир. Мир как хозяйство. Человек, жизнь, мир: связь в хозяйстве и через хозяйство. Мир человека — мир хозяйственный. *Хозяйство как производство мира.*

Тема 3. Хозяйство как изведение реальности

Хозяйство — превращение одной реальной данности в другую. Отсюда *изведение*: чего-либо из чего-либо, т. е. созидание, а также чего-либо ради чего-либо, т. е. уничтожение. Извести как создать и извести как уничтожить. Хозяйство — *изведение реальности*.

Хозяйство — бытие, но и небытие, жизнь, но и смерть, мир, но и ничто. Переходы и перекрестки одного в другое. Хозяйственная реальность как реальность переворачивающаяся: из реальности в ирреальность, из ирреальности в реальность — новую реальность (как по ленте Мебиуса). Ирреальность — не только спутница, но и посредница реальности, мало того, уничтожительно-созидающее лоно реальности. Реальность — из ирреальности! *Хозяйство — реально-ирреальный процесс.*

Тема 4. Хозяйство как реализация

Хозяйство как реализуемая и реализующаяся реальность. Движение реальности.

Хозяйство как производство хозяйства.

Человек как человек хозяйственный. Человек — *хозяйствующий субъект.*

Хозяйство — из человека. *Изведение хозяйства.* Хозяйство как реализация сознания в его сопряжении с бессознательным. Участие сверхсознания и подсознания. Разум, рассудок, чувство. Реализация хозяйства — реализация человека, его жизни, его бытия.

Хозяйство в хозяйстве и через хозяйство. Хозяйство как деяние. Труд, творчество, творение. Хозяйство — то, что есть, и то, чего нет. «Да» и «нет» вместе. Рождение. *Хозяйственная демиургия.*

Организация хозяйства. Организация как *организация* и как *самоорганизация*. Взаимодействие организации и самоорганизации или же

организации-несамоорганизации и организации-самоорганизации. *Феномен управления.*

Способ реализации хозяйства — *способ хозяйства*. Способ реализации хозяйствования — *способ хозяйствования*. Способ как способ (единичное) и способ как способы (множественное). Обилие способов как отражение разнообразия бытия, жизни, мира и самого человека.

Тема 5. Хозяйство как физис

Физис — физическая реальность. Хозяйство как физический процесс. Вещество, вещественность и вещественные превращения. Энергия и информация. Материальность мира, бытия, жизни, человека. Материальное как твердь, плоть, упругость, как носитель, оболочка, форма, как остав, каркас, держатель. *Материальная субстанциальность хозяйства. Хозяйство как материальный процесс.*

Природа. Природа как хозяйство (хозяйственность природы) и хозяйство как природа (природность хозяйства). Природность человека и его внеприродность. Хозяйство как природный (природой обусловленный и в природе совершающийся) процесс. Хозяйство как взаимодействие человека с природой. Переделка природы, ее покорение человеком. Ум, рука, орудие. Мир умов, мир рук, мир орудий. *Созидание неприроды.* Литосфера, биосфера, ноосфера. От природного физиса (данного человеку) к неприродному физису (созданному человеком) посредством производительного физиса (взимаемого человеком).

Физическое бытие человека, его физическое производство и воспроизводство. Организм и организмы. Биомир. Физическое благо, его производство и воспроизводство. Мир физических благ. Потребление благ. Хозяйство как благовый феномен. Человек и физическое благо, жизнь и физическое благо, их нераздельность. *Хозяйство как физическое благо.*

Хозяйство как материальная культура.

Тема 6. Хозяйство как идеальность

Идеальность реальности и реальность идеальности. Идеальное как дух, эфир, прозрачность, как невесомость, немассовидность, невыраженность, как несомое, обкладываемое, оформляемое. Идеальное как *смысл.*

Идеальность в хозяйстве и идеальность хозяйства. Идеальная субстанциальность хозяйства. Хозяйство как идеальный процесс. Мир идей и их взаимодействие. Хозяйство как движение идей.

Хозяйство в идеальной возможности и в идеальной действительности. Целеположенность и целеполагаемость. Воображение и предсмотрение. Виртуальность. Воплощение идеального в идеальном и в материальном. *Хозяйство как жизнь идей.*

Хозяйственные смыслы. Хозяйство как движение смыслов. Смыслология хозяйства.

Хозяйственные ценности. Хозяйство как созидание ценностей и им следование.

Хозяйство как идеальная культура. Мир идеальных благ. Хозяйство как идеальное благо.

Хозяйство как мир слов.

Тема 7. Хозяйство как социальность

Человек — общество (не один, а множество; не по одному, а вместе, сообща). *Хозяйство как общественный процесс. Хозяйственные взаимодействия. Хозяйственные отношения (отношения). Хозяйственная ответственность (от-вет-ственность). Хозяйственная совместность (со-вмест-ность, сов-местность). Хозяйственная самость: личная, семейная, групповая, массовая. Разделение хозяйственной жизни. Феномен присвоения, обособления, собственности. Феномен возмездных хозяйственных отношений.*

Социальное обустройство хозяйства. Отражение социального обустройства в способе хозяйствования. *Хозяйство как социальная реальность.*

Хозяйство — социум. Качественное многообразие хозяйственного социума, его воспроизводственная целостность.

Социальная структурированность хозяйства. Хозяйственная функциональная специализация. Феномен социальной хозяйственной иерархии. Отношение управления и эксплуатации.

Хозяйство как социокультура и социоблаго.

Хозяйство как мир речи.

Тема 8. Хозяйственная субъектность

Субъектность от субъекта, действующего лица, человека. Хозяйство *субъектно*, оно осуществляется субъектами, через субъектов, в мире субъектов. Отсюда *хозяйственный субъект* — участник хозяйственного действия. Но особая роль в хозяйстве за *хозяйствующими субъектами* — действительными организаторами хозяйственного процесса, теми организаторами, которые способны осуществить хозяйствование как *целостный производительный процесс*. Таких субъектов отличает *полная хозяйственная системность*, что означает, что хозяйствующий субъект располагает *всем необходимым* для ведения жизнеспособного хозяйства: от материальных элементов до идеальных (от земли и орудий труда, к примеру, до навыков и знаний). Такой субъект обладает *собственностью на хозяйствование*, т. е. на системно-целостный, организменный, начально-конечный процесс, результатом которого является *хозяйственный продукт*, предназначенный для *потребления*. Равным образом такой субъект обладает и *собственностью на саму организацию* хозяйственно-производственного процесса.

Далеко не все *хозяйственные* субъекты (или *хозяйственные агенты*) могут быть и являются *хозяйствующими* субъектами, ибо большинство лишь так или иначе участвует в хозяйственной жизни, трудясь или потребляя, совершая отдельные хозяйственные действия, либо в рамках производственного процесса, реализуемого *хозяйствующими* субъектами, либо за его пределами.

Само выделение *хозяйствующих* субъектов, а тем более их классификация или типологизация, всегда достаточно условно, в особенности, если субъекты не отличаются явностью (в реальности можно встретить и недостаточно выраженных, и скрытых, и даже трансцендентных *хозяйствующих* субъектов, которых часто приходится лишь предполагать). Явные, а тем более простые, *хозяйствующие* субъекты легко замечаются и определяются, чего не скажешь о субъектах не слишком очерченных и более сложных. *Субъектология* — весьма непростое знание, как теоретическое, так и практическое.

Хозяйствующими субъектами могут быть отдельные лица, группы лиц, семьи, коллективы, общины, сложные иерархические образования,

различного рода институты, государства и т. д. Для сложных хозяйствующих субъектов характерны сложные же структуры и механизмы функционирования с многообразными внутренними отношениями и зависимостями. Аналогично им свойственны и не менее сложные и разнообразные внешние отношения и зависимости: с другими субъектами и вообще со средой бытия.

Каждый хозяйствующий субъект — организатор *своего* пространства и времени. Вне организованного времени — пространства нет и не может быть хозяйствующего субъекта. Все субъекты так или иначе связаны друг с другом, образуя вполне реальную, но в то же время достаточно трансцендентную, *субъектную сеть*. Сетевая конструкция дополняется *иерархически-пирамидальной*. Мало того, один субъект входит в другой, образуя своеобразную субъектную *встроенность*, либо субъекты находят друг на друга, *переплетаясь*. В итоге получается сложнейший мир субъектов с разнообразной структурной выраженностью и многообразными функциональными механизмами.

Субъектная характеристика хозяйства чрезвычайно важна, ибо, во-первых, субъекты, в особенности, хозяйствующие, это *все*: организация, собственность, власть, воля, намерения, решения, отношения, действия, структуры, системы, поведение, прогресс, развитие, да мало ли еще что; во-вторых от типа субъекта зависит и тип хозяйства, от имеющихся типов субъектов зависит характеристическая структура хозяйства (к примеру, так называемая *многоукладность*), от преобладающего по числу и силе типа субъекта зависит по сути и тип хозяйства в целом.

Природа, характер, строение и поведение субъектов различны. Типология субъектов сложна. Однако в рамках философии хозяйства полезно выделять не только субъектов *в обществе*, т. е. тех субъектов, которые и составляют это субъективированное общество, но и субъектов *от общества*, а проще говоря, видеть в самом обществе хозяйствующего субъекта, как и, в частности, в государстве, равным образом и вообще в человечестве. *Общество, государство, человечество* — субъекты особого рода, причем не просто большие, сложные и неопределенные, в чем-то и стихийные, а в полном смысле этого слова *трансцендентные*, — не вообще трансцендентные, что характерно для любого субъекта, ибо

в каждом есть своя тайна, а по-особому, в самом своем строении и поведении, такие, когда трансцендентность не просто объективно присущее свойство, а само, если так можно выразиться, содержание субъекта. Подобные субъекты осуществляют в решающей мере *трансцендентное хозяйствование*, когда многое остается как бы в тумане, в неясности и в неясности. Попробуй, определи смыслы и действия таких субъектов, пойми телеологию их хозяйствования, и немедленно убедишься в их, позволим так выразиться, органической трансцендентности.

Но это не все. Есть и посложнее проблемы. С той же природой. Ведь природа *рождает, изводит, ходит*, т. е. в общем-то и хозяйствует. Разумеется, объективно. Но как-то сознательно, пусть и условно сознательно. *Природа знает, что ей делать, и она делает*. Разве уйдешь от такого факта. Выходит, что *природа есть некий хозяйствующий субъект*, конечно же, трансцендентный, даже и *трансцендентальный*, т. е. вообще за пределами человеческого сознания. Как быть? Одушевлять или не одушевлять? Вот и пойми! А иметь *что-то* в виду надо: ведь хозяйствует же!

А если не отрицать огульно Господа Бога, факт Его творения — мира, природы, человека, как и факт Его внимания к сотворенному Им, да еще и факт Его участия, во всем этом, тогда что? Тогда получается, что уже и Господь Бог — *хозяйствующий субъект*, уже *абсолютно трансцендентный*. И почему нет? Почему же этого не предполагать, тем более, если это объясняет кое-что важное в феномене мира, природы, человека? Разумеется, не для всех, и не всем, но все-таки!..

Тема 9. Хозяйство как движение

Хозяйство — *движение*. Без движения (перво-наперво «хождения») нет хозяйства. Какое хозяйство без хождения, без действия, без взаимодействия, без ответов, без противлений, без перемен?

Хозяйство как *текущее* — во времени-пространстве, как течение количества и как течение качества, как течение бытия, существования, жизни.

Разнообразие хозяйственного движения — разнообразие движения мира. Сложность хозяйственного движения, его разномерность.

Хозяйственная ритмика и хозяйственная аритмия. Колебания,

волны, возвраты. Длительность и прерывность. Замедления, стояния, ускорения.

Срывы, крахи, катастрофы.

Превращения.

Периоды.

Цикличность.

Тема 10. Хозяйство как развитие

Хозяйство как потенция и стремление. Истечение хозяйства.

Хозяйственное преодоление. Хозяйственная свобода. Хозяйственный натиск. Хозяйственный потоп.

Расширение хозяйства, его рост. Усложнение из себя, под давлением расширения и роста, под влиянием созидающей среды. Качественные изменения — *развитие хозяйства*.

Количественная и качественная экспансия. Агрессивность хозяйства. *Хозяйственный прогресс*. Наращивание человеческого хозяйства. Охозяйствование мира. *Пересовторение мира*. От природного хозяйства к неприродному хозяйству, от естественного мира к искусственному миру — *homo-mиру*.

Тема 11. Хозяйство как качественно-количественный праксис

Хозяйство — *качественно-количественный процесс*, когда имеет место, с одной стороны, постоянное, хотя и прерывное (дискретное), качественно-количественное изменение всего и вся, а с другой — оперирование с качествами и количествами, их великим разнообразием. Хозяйство — *параметрический и метрический процесс*. Чем ближе к материальному, тем четче и солиднее параметризация, тем яснее и рисуночнее его систематизация и структуризация, тем механичнее его механика, а соответственно, тем технологичнее хозяйствование, а уж тем более производство, в то же время и тем расчетнее, проективнее, архитектурнее, а следовательно и математичнее. Хозяйственный праксис — *технологоматематический праксис*.

Качества обозначаются, количества определяются, как и наоборот. Человек хозяйствующий называет качества, выводит количественные

показатели, исчисляет их величины, а главное, находит и моделирует *взаимодействия*. Отсюда схематизация, формулировка, технологизация. Хозяйство, как и хозяйствование — *механизм*, если не *машина*. Одно выводится из другого, одно определяется другим, одно измеряет другое. Образуются механические цепи, действуют закономерности, из прошлого через настоящее проглядывает будущее. Тогда можно считать и рассчитывать, чертить и очерчивать.

Разумеется, полно случайностей, вероятностей и неадекватностей: чем дальше от материально-вещественного, тем больше. Однако и экономическое, т. е. стоимостное, параметрируется и метрируется, измеряется, а потому считается и рассчитывается. Здесь тоже механика, хотя и более сложная. И виртуальное считается и рассчитывается. И здесь количества, числа, цифры.

Однако есть в хозяйстве и что-то, что просто так не считается и не рассчитывается, что улавливается либо приблизительно, либо безрасчетно, либо бессознательно, но что есть и что важно, что ближе к смыслам, чем к параметрам. Хозяйственное бытие — более чем качественно-количественный практис, это еще, к примеру, и идеология, и культура, и мораль, и юриспруденция, и политика, да мало ли еще что, что не определяется как простое качество и не исчисляется как простое количество.

Представляющееся механизмом, даже машиной, хозяйство в основе и в целом не есть собственно механизм, — уж тем более не есть машина, а потому — при всех громадных возможностях счета и расчета, ему свойственных — хозяйство есть более всего жизнь в целом, а не одна лишь ее метрическая составляющая.

Для хозяйства важны нормы, ограничения, лимиты, даже и *стандарты*, без которых оно практически не осуществляется, но хозяйственной жизни необходимы также перемены в нормах, ограничениях, лимитах и стандартах, а потому хозяйственный процесс есть процесс *нормативно-переменческий*, что как раз и восходит к качественно-количественной стороне хозяйственной практики. При этом важно иметь в виду, что не все в хозяйственной жизни подлежит жесткому нормативному регламентированию, как и просто устойчивому (долговременному)

регламентированию, а потому стремление ко всеобщему стандартизированию встречает объективное сопротивление живой реальности, с чем необходимо считаться. Вообще же реальность полна борьбы между стандартом, его имитацией и избеганием, но также и качественно-количественной вольностью.

Тема 12. Хозяйственная мера

Хозяйство и мера. Необходимость меры. Возможность безмерия. Идеальность и трансцендентность *хозяйственной меры*, ее относительность, подвижность и нестрогость. Отсутствие постоянной опорной величины. Применение множества внешних материальных мер, имеющих вспомогательное, временное и локальное значение. Феномен размытой, блуждающей и прыгающей меры: от меры к мере, от искажения к искажению, от безмерности к безмерности. *Хозяйство как неопределенное поле неопределенной меры*. Хозяйство как поле множества определенных ограниченных мер.

Феномен *хозяйственного расчета* — неопределенного, вероятностного, трансцендентного. Воспроизводственная мотивация и природа расчета, его текущий, подвижный и относительный характер. Приоритет качества над количеством. Траты, затраты и растраты. *Избыточность хозяйства*. Оптимум как частность, как мгновение и как миф. Возможность ложных, нереальных и недопустимых ориентаций. Потери и утраты как мера и возможность хозяйственного расчета.

Хозяйство как метахозяйство (хозяйство больше хозяйства). Безмерность времени-пространства хозяйства. Безмерность меры хозяйства или *мера хозяйства как метамера*. «Цена» хозяйства как трансцендентная цена или *метацена*. Плата за хозяйство как трансцендентная плата или *метаплата*.

Величина хозяйства, его объем или размер как трансцендентные метапараметры. Возможность таких суждений, как «много хозяйства» или «мало хозяйства», «больше хозяйства» или «меньше хозяйства», «максимум хозяйства» или «минимум хозяйства». Качественный характер подобных «количественных» суждений.

Хозяйственная чрезмерность.

Хозяйство как мир чисел.

Тема 13. Хозяйственное время-пространство

Хозяйство, как и вообще жизнь, да и само мироздание, реализуется во времени-пространстве, не просто в физическом *времени-пространстве*, а в хозяйственном, т. е. в обусловленном хозяйственным действом-процессом.

Хозяйственное время — время свершения хозяйственного акта, цепи актов, время того или иного события, ряда событий; это время изменений, превращений, преобразований; время начала — конца, когда что-то в хозяйстве начинается и что-то заканчивается, производится и воспроизводится, живет — от рождения до смерти. Хозяйственное время — не просто длительность, но насыщенная материей и идеями длительность. Такое время, безусловно, ритмично, циклично, но также и неравномерно. Это не предметное время, при этом и качественно не однобразное.

Есть одно время, а есть другое (в деревне, к примеру, одно время, а в городе — совсем другое). Отсюда и различие течения и скорости хозяйственного времени.

Хозяйственное время — *природное* в основе своей время. Однако и *культурное, цивилизационное*. Если в натуральном хозяйстве природность времени особенно сильна, то в том же экономическом хозяйстве, да еще и в развитом, на первое место выходят время *технологическое*, равным образом и *бизнес-время* (время тут все более оборотистое, «шустрое», стремящееся к нулю). С развитием *информатики* хозяйственное время вообще покоряется, поглощается, исчезает. Недаром сегодня все более говорят о *режиме реального времени*, т. е. о времени без времени, разумеется, как бы без времени. Компьютер — гаситель времени, его губитель.

Все сказанное о времени годится и для пространства. *Хозяйственное пространство* тоже материально и идеально насыщено, оно — содержательная реальность. Оно тоже разнообразно и состоит из подпространств. Есть *природное* пространство (и тоже разнообразное — равнинное, горное, лесное, степное и т. п.), а есть пространство *технологическое*, даже и *культурное, цивилизационное, народонаселенческое* (расселенческое), *социальное* (общинное, общественное, суперобщественное), не говоря уже о *геопространстве* — вплоть до *планетарного*

и космического. Экономика, а вместе с ней техника и информатика покоряют не одно время, но и пространство, о чем свидетельствуют те же развивающиеся средства связи, транспортная инфраструктура, мегаполисы. Хозяйственное пространство не только расширяется — до космоса, но и сужается — в аспекте его преодоления.

Хозяйственное время-пространство активно глобализуется, космизуется, все больше становясь и единым, а лучше сказать — общим, но не в плане владения им, а в плане реализации общечеловеческого, общеземельного, общепланетарного хозяйственного процесса.

Частный — по отношению к мировому масштабу — хозяйствующий субъект все более отходит от локального времени-пространства, становясь субъектом все более мирообусловленным, даже и космообусловленным. Локальное время-пространство, растворяемое в мировом, хотя и не полностью и не насовсем.

Мировизация, а одновременно и как бы освобождение хозяйствующего человека от плена времени-пространства, в особенности, природного, не означает уравнения всех хозяйствующих субъектов перед лицом мирового времени-пространства, ибо доступ к последнему остается различным, в частности, различными остаются возможности распоряжения этим временем-пространством, как и управления им. Транснациональный комплекс, к примеру, вряд ли стоит здесь приравнивать к обычному хозяйственному субъекту, действующему все-таки более внизу и в локации.

Пока преодоление времени-пространства сводится к усилию возможностей человека действовать во времени и в пространстве, т. е. преодолевать то и другое, не отменяя их совсем (преодоление через увеличение скорости действий, передвижений, распространений и т. п.). Однако человек-демиург вынашивает идею-задачу уже такого преодоления времени-пространства, при котором это последнее как бы перестает быть (время вспять, мгновенный переход из пространства в пространство, любое перевоплощение и т. д.). Это, конечно, фантазия, но сколько же фантазий уже стало реальностью!

Тема 14. Хозяйство как метасистема

Мир — система, но точнее — метасистема, т. е. система в ее

трансцендентности, или с ее трансцендентностью, т. е. скорее не система, даже и не метасистема, а *как* система-метасистема, когда система и метасистема более *образ* реальности, чем сама реальность. Мир слишком сложен, таинствен и неопределен для человека, чтобы быть просто системой, даже и метасистемой, а потому любая системная характеристика мира (мироздания) есть условность и долевая недостоверность.

Система — нечто в частях и как целое, но и в воспроизведенном взаимодействии частей. Отсюда всё в мире есть система и сам мир тоже.

Человек не может, или почти не может, рассматривать мир вне системного образа, или бессистемно (даже облако — система), а потому человек обязан систематизировать мир, любой предмет изучения. Однако есть опасность, во-первых, недосистематизировать (не охватить систему), во-вторых, пересистематизировать, т. е. не заметить, что мир (предмет) есть не только система, но и что-то другое, что есть и без системы не бывает, но что не есть собственно система (качество, идея, дух, равным образом, и характер, свойства, комплексы, а также и то, что вообще не определимо).

Есть предметы, которые сравнительно легко систематизируются (представляются как системы), а есть предметы, которые систематизируются с трудом, очень условно, приблизительно. Отсюда опасность применения системности первого типа в области предметов второго типа (перенос естественно-научных и технических приемов систематизации, к примеру, в гуманитарную сферу, а то и в область духа).

Хозяйство — сфера, в которой можно применять любой системно-логический подход, однако внутри этой сферы есть «зоны», где системность оказывается не более чем «организацией ума», хотя и нужной, но вовсе не такой уж разрешительной.

Хозяйство в целом — *метасистема*, однако весьма и весьма условная, как бы подразумевательная (знаем, что система, но выразить не можем). Но не иметь в виду системность (метасистемность) хозяйства нельзя. Хозяйство в частях легче систематизируется — вплоть до систем технического типа.

Хозяйству свойственны *механизмы* и *технологии*, что непосредственно, как и *структуры*, вытекает из системности, но в выделении

механизмов и технологий, как и в их понимании, потребна осторожность или гносеологическая экология. Механистичность и технологичность хозяйственного процесса позволяет говорить о механизменности и технологичности вообще хозяйства, но это не означает, что хозяйство есть в полном смысле слова механизм или технология. В хозяйстве, как и в мире и природе вообще, много немеханизменного и нетехнологического, а если и есть что-то механизменное и технологическое, то по преимуществу *немеханического* рода (отсюда *немеханический механизм и нетехнологическая технология*).

В эпоху торжества науки и техники возникает большой соблазн *механистических* трактовок хозяйства и характерных ему механизмов и технологий, а соответственно, и навязывания хозяйственной жизни *механистических* проектов и решений.

Но природа хозяйства по большей части не механистична, даже и социально не механистична, а потому нужны немеханические трактовки предмета, что требует и *метануки*, порой даже и *ненауки*.

Тема 15. Хозяйство как иерархия

Хозяйство, будучи самой жизнью, имеет *иерархический* принцип построения и бытия, когда есть низ и верх, базис и надстройка, «тяжелое» и «легкое», «аид» и «рай», когда есть уровни и когда между уровнями имеют место соотношения (взаимозависимости). Такой *иерархизм* объективен, от него не ушло и не могло уйти ни одно хозяйство, ибо на каждом из уровней решаются свои и совершенно необходимые задачи, и ни один из уровней не может заменить собою другой, а хозяйство в целом не может обойтись без хотя бы одного из потребных уровней.

Иерархизация хозяйства разнообразна, настолько, насколько хозяйству вообще свойственно разнообразие.

Первичен вообще низ, базис, фундамент, ибо он основнее, начальное, истиннее, а вот *первое* все-таки верх, надстройка, суперструктура, ибо тут кругозорнее, «виденнее», «веданнее». Низ солиднее, степеннее, важнее, а верх — ловчее, игравее, виртуознее, но и значительнее, ибо вверху всегда главное, центровое, масштабное, а внизу — второстепенное, периферийное, местное.

Верх — «город», низ — «деревня», — и ничего тут не поделать,

ибо — верх совсем не то, что низ, он больше знает, а главное знает то, что никогда не узнает низ, а потому верх не только ведает, но и ведет, т. е. он не только вверху, но и впереди. Верх опережает низ.

Но верх и *господствует* над низом, хотя и по-разному, мало того, верх *эксплуатирует* низ, что тоже бывает по-разному. Это ни плохо, ни хорошо, это просто есть так: вплоть до *паразитизма*.

Ясно, что без низа нет верха, а потому сначала низ, а потом верх, но не менее ясно и то, что низ без верха — ничто, т. е. даже и не низ, а потому низ терпит верх, даже и в ущерб себе. Низ кормит верх, а верх служит низу. Здесь в общем-то *гармония*, которой может и не быть, но не для жизни. Тут взаимность, хотя и не равная, скорее, *равноприемлемая*.

Тема 16. Хозяйственный центр и хозяйственная периферия

Хозяйственный центр абсолютно необходим, ибо он удерживает и организует хозяйственное время-пространство, а также выполняет те организационно-хозяйственные функции, которые может выполнить только *центр*, причем центр *властный*. Всякое сколько-нибудь большое хозяйство имеет *центр* и *периферию*, не говоря уже о том хозяйстве, которое может квалифицироваться как макрохозяйство. Центро-периферийная организация характерна и для экономического хозяйства, более того, она ему абсолютно необходима.

Периферия — то, что не в центре. Это вовсе не что-то непременно далекое, второстепенное, низшее. Это не более не менее, как все хозяйство, но рассматриваемое все-таки вне центра, а лучше сказать в его соотнесении с центром. Периферия может оказываться в подчиненном, даже и эксплуатируемом, положении, быть, к примеру, колониальной, но не такое положение делает периферию периферией. Главное здесь в наличии центра и остального — нецентрового, а также в соотношении того и другого.

Центр *управляет*. Если бы он этого не делал, то не был бы центром. Периферия *управляется*. Если бы она этого не делала, то не была бы периферией. Отношение *власти* и *подвласти*. И надо полагать, что периферия в целом и в итоге как бы проигрывает центру, но этот стабильный проигрыш абсолютно необходим, ибо все они нужны — и центр, и

периферия. Хозяйство, — и экономика в особенности, — не могут обходиться без центро-периферийной организации, без некоего их пирамидального устройства. За саму возможность хозяйствовать надо платить, — и хозяйство всегда платит — своему центру. А центр отплачивает хозяйству своей действенностью, полезностью, эффективностью. Без центра нельзя, — и если вдруг он куда-то и как-то исчезнет, то обязательно образуется другой центр, возможно, являясь и извне. Хозяйство, его время-пространство, его процесс непременно центро-обусловлены. Центр и периферия *организменны* и должны быть так или иначе взаимно *организованными*. В противном случае хозяйство (макрохозяйство) идет вразнос.

Всякое сколько-нибудь крупное макрохозяйство *регионализовано*. *Хозяйственные регионы*, которые есть та или иная хозяйственная целостность, реализующаяся вполне время-пространственно в рамках общего макропространства — необходимость. Регион — не макрохозяйство, а *мидихозяйство*, имеющее свои воспроизводственные особенности. Макрохозяйство не состоит из региональных хозяйств, а в них выражено, ибо региональные хозяйства не самостоятельны, они и не могут быть таковыми. *Периферийный центр — не макроцентр*. Регион — *локация*, и у него локальные задачи, однако те, которые могут выполняться именно на региональном уровне.

Хозяйственное пространство включает в себя не одни регионы, но и различные более мелкие *хозяйственные локации*, которые как раз и входят в регионы. *Локальные хозяйства* — непременная принадлежность хозяйственной жизни общества, как непременной принадлежностью общества являются города, селения, местности, территории, коммуникации и т. д., т. е. все то, что как раз и относится в первую очередь к локальным, или местным, хозяйствам.

Тема17. Хозяйство и хозяйственный механизм

Само хозяйство вряд ли следует непременно рассматривать как хозяйственный механизм, тем более, если выделять такой феномен, как *способ хозяйства*. Однако иногда целесообразно различать механизменную часть хозяйства, т. е. часть как бы *непосредственно организационную*, более того, как бы *организацию организации*, а именно *организацию*

организации системы. Вот тогда имеет смысл говорить о *хозяйственном механизме*, который не является как понятие заменой ни хозяйства, ни способа хозяйства, ни системы хозяйства. Обращение к хозяйственному механизму важно при ответе на вопрос, *как* работает хозяйство, его способ, его система, с участием каких центров решений, с помощью каких принципов, средств, методов и форм организационных действий, с реализацией каких организационно-действенных цепочек.

Категория «*хозяйственный механизм*» не только не чужда хозяйству, но может иметь вполне плодотворное применение.

Важно иметь в виду, что при всей своей механичности и технологочности хозяйственный механизм в реальности вовсе не механистичен, т. е. механика хозяйственного механизма, не та механика, которая свойственна обычно техническим или природным системам. У хозяйства *своя* природа, *своя* механика, *своя* технология, а потому нужно иметь в виду не только сложность, разнообразие и неопределенность самого устройства хозяйственного механизма, но и его *метаскопический* характер. Хозяйственный механизм — *метамеханизм*, со свойственной ему, как и хозяйству вообще, *трансцендентностью*.

Тема 18. Хозяйство как метареальность

Метареальность реальности. *Метареальность хозяйства*. Из абсолютности и вечности в абсолютность и вечность через относительность и временность на их основе и в их рамках. Из *ничто* в *ничто* через *нечто*, которое есть *не нечто* вовсе, а всего лишь неопределенное *что-то*. Неопределенность хозяйства, его размытость и неявность. Безначальность и бесконечность — при началах и концах. *Метасмысловость хозяйства, его имманентность и трансцендентность*. Погруженность в тайну — тайну мира и тайну хозяйства. *Метасмыслогика хозяйства*.

Хозяйство как раскрытие и развертывание тайны с участием тайны, как преодоление трансцендентности с участием трансценденции, как выворачивание нечто с участием ничто. Открытость хозяйства. Хозяйство как воспроизведение незавершенности.

Хозяйство — преодоление и покорение бытия в бытии, пространства в пространстве, времени во времени. Хозяйственное бытие — изменяемое и изменяющее бытие. Хозяйство как игра с бытием в небытии

и с небытием в бытии. Хозяйственное пространство как овладеваемое и сужающееся пространство — пространство изменяющегося, обновляющегося и усложняющегося бытия. Хозяйственное время как ускоряющееся и исчезающее время — время свершений, утрат и перемен. *Хозяйство как конфликт со временем-пространством, с абсолютностью — вечностью, с бытием, с жизнью, с миром и с ничто.* Хозяйство как игра со смертью.

Хозяйственное понуждение и хозяйственная свобода. Тирания хозяйства. Хозяйство как возвышение. Хозяйство как нисхождение. Необходимая целеположенность и вольное целеполагание. Известная неизвестность как хозяйственная телеология. Хозяйство как стремление к запредельному. Хозяйство как бег — вперед и на месте. Драма хозяйства.

Тема 19. Хозяйство как культура

Все созидаемое человеком — материальное и идеальное, положительное и отрицательное, полезное и вредное, божественное и дьявольское — есть *культура* (с антикультурой, субкультурой, псевдокультурой вместе). Созидание — хозяйствование — хозяйство. *Культура есть хозяйство, но и хозяйство есть культура.* Однако есть и *культура хозяйства.* Отсюда и *хозяйство как культура.*

Культура вообще, которая по природе всегда вообще хозяйственна, и собственно *хозяйственная культура*, которая присуща самому хозяйству, его процессу, его реализации, та самая культура, которая делает хозяйство *культурным феноменом*, осуществляющимся культурно, с культурой, через культуру — причем как бы и собственную культуру, ему непосредственно служащую, его самого опосредствующую. У хозяйства своя культура, хотя она и не изолирована от культуры вообще, как и любой «отраслевой» культуры: бытовой, социальной, идеологической, религиозной, политической, технологической, равным образом, и собственно культурной, культуры. Здесь дело не в отделенности (особенностях), а в принадлежности (присущности). *Хозяйство как культура: культура хозяйства вместе с хозяйственной культурой,* если под *культурой хозяйства* понимать всю культурную среду хозяйства, его культурное поле, его культурное пространство, в которых хозяйство осуществляется, с которыми имеет дело, в которых проявляется, а под *хозяйственной*

культурой — сам способ реализации хозяйства со всеми его методами, приемами, установлениями, нормами, стандартами, равным образом и характерными импровизациями, т. е. со всеми атрибутами соответственно хозяйственного процесса — действия — спектакля (вплоть до «ужимок» и «прыжков»).

Рассмотрение хозяйства как культуры, или с культурной стороны, дает очень многое, если не возможно необходимое, в понимании того, что есть хозяйство и как оно осуществляется, что есть хозяйствующий человек и как он действует, что есть хозяйствующее общество и как оно реализуется, но так же и немало в понимании того, что движет хозяйством, какие задачи перед ним возникают, куда оно устремляется и к каким итогам идет.

Без культуры (даже ее реального отрицания) нет хозяйства, а без учета и понимания культуры (пусть и антикультуры) нет и не может быть удовлетворительного понимания хозяйства (даже и антихозяйства). Культура — не элемент и не момент хозяйства, даже и не его атрибут, — это как раз само хозяйство и есть, но не как только организационно-производительное действие, а как сама жизнь, т. е. *смысловая наполненность*.

Тема 20. Хозяйственная идеология

Нет и не может быть хозяйства без *идеологии*, т. е. какого-то идеологического обустройства хозяйственной деятельности, даже и для раба, заключенного или какого-нибудь криминального нелегала.

Материальная обусловленность хозяйства лишь его обусловленность, это еще не понимание хозяйства, не его идейность, не его сознание. А у хозяйства есть *сознание*, пусть и обезличенное, даже и не осознанное, в чем-то и трансцендентное.

Само хозяйство есть мир и движение *идей*, и отнюдь не случайных и не разрозненных, а вполне упорядоченных — до идеологии. А где идеология, там и сознание, — идеология как раз и составляет остов сознания.

Нормы нормами и нормативы нормативами, а их понимание, выведение и им следование — уже идеология. Последняя — ясность хозяйственного сознания, его целообразующая.

Недооценка *хозяйственной идеологии*, как и *хозяйственного сознания*, свойственного не отдельному субъекту, а всему миру субъектов,

т. е. идеологии и сознания, существующих как бы и самих по себе, над субъектами, а не только в субъектах, как идеология и сознание самого хозяйствующего общества, может, и простительна, но ничем серьезным не оправдана. Достаточно внимательнее посмотреть на религию, философию, право, науку, да и самую обыкновенную бытовую культуру, чтобы заметить мощную в них хозяйственную составляющую, причем не в одних только идеиных установках, но и в объяснениях, мотивировках, оправданиях.

Если учесть, что идеология *сама по себе есть объект и продукт хозяйства*, то логично сделать вывод о том, что не только хозяйства нет без идеологии, но и идеология в значительной мере *хозяйственна*. Трудно сказать, что здесь изначально что определяет, ибо мы попадаем в привычный заколдованный круг «курицы и яйца», но отрешить идеологию от хозяйства мы не можем, более того, мы скорее всего приблизимся к тому заключению, что хозяйство если и не определяет полностью любую идеологию, то в значительной степени производит ее под себя. Абсолютный *хозяйственный детерминизм* здесь вряд ли уместен — таким утверждением, что все идеологическое исходит от хозяйства, от хозяйственной собственности и власти, образуется в их интересах, мы лишь необоснованно исказим реальность, хотя определенный детерминизм в самом отношении отрицать не приходится. Нет, не надо все и вся сводить к *хозяйственному детерминизму*, ибо в идеологии все-таки не все от человека и от его хозяйства, а есть кое-что очень важное от жизни и бытия вообще, от сверх-сознания, от трансцендентности, но не замечать творческой связи идеологии с хозяйством, как и недооценивать роли хозяйства в становлении идеологий, нельзя.

Идеология — это целостное прежде всего объяснение, оправдание и понимание, как и не менее целостное, хотя и достаточно абстрактное, руководство, — и разве можно хозяйство представить без идеологии, от него исходящей и ему служащей, как и на него влияющей. Помимо *хозяйственного детерминизма* в отношении идеологии есть и *идеологический детерминизм* — уже в отношении хозяйства, который в обычное спокойное время не очень заметен, но который становится вдруг активным, созидающим и даже агрессивным в моменты реформ, революций

и катастроф. Хозяйство при случае можно и прямо выводить из идеологии.

Тема 21. Софийность хозяйства

Хозяйство как позитивная реализация бытия, жизни, мира, а также самого человека. Хозяйство как реализация *трансцендентной Премудрости* — *Софии*. Софийность как реализация любви, добра и мудрости. Единение человека хозяйствующего, хозяйства и хозяйствования с хозяйственной средой. Поддержание экологических мер. Гармония внутри хозяйствующего общества. Удовлетворение от хозяйства и хозяйствования в аспекте физического и нравственного здоровья, трудового отправления и духовно-интеллектуального переживания. Достижение высот и торжество красоты.

Софийность хозяйства как реальность и ирреальность, как нечто, что есть, и как нечто, чего нет. *Софийный идеал*, стремление к нему, недостижимость его во всей полноте. Возможность *софийной утопии*, ее неизбежность и необходимость.

Позитивная эсхатология.

Тайна Софии.

Тема 22. Хозяйство как инферно

Инфернальная сторона бытия, жизни, мира, равным образом и человека. Тьма, негатив, пагуба. *Инфернальность хозяйства: во тьме, в негативе, в пагубе*. *Антихозяйственное падение*: в хозяйстве, вместо хозяйства, против хозяйства. Опошление хозяйственной жизни. *Феномен антихозяйства*. Разрушительность. Против бытия, жизни, духа; против согласия, разума, совести. *Антисофийность хозяйства*. Насилие: в хозяйстве, от хозяйства, над хозяйством. Борьба. Захват, подчинение, принуждение. Несправедливость. Кровь. *Хозяйственное жертвоприношение*. Эксплуатация и паразитизм. Война. Сбросы, выбросы, отбросы. *Отрицательная эсхатология*.

Тема 23. Хозяйство как диалектический праксис

Диалектика как способ реализации бытия, знания о нем и любого практического опыта. Разнообразие диалектики, ее выход на *триадику* и *полилектику*. От разделения, обособления, частности к единению,

слиянию, целостности. От дисгармонии к гармонии. От низшего к высшему. Не только и не столько борьба и единство противоположностей, сколько их взаимное синтезное преодоление. Не только и не столько *противоречие*, сколько *единоречие*, однако с непоглотительным поглощением противоположных начал. Важность не противостояния, а его разрешения. Разрешение есть диалектика: по способу и результату.

Диалектика как явление и движение метасмыслов.

Самореализация и вездесущность диалектического праксиса.

Хозяйство — диалектический праксис.

Бесконечное множество проявлений. Постоянное рождение и преодоление. Неизбытность. Мир положений и отрицаний, противостояний и борьбы, сочетаний и единений. Появлений, исчезновений, возвращений. Мир, когда *что-то* есть одновременно и *другое* — противоположное, когда в *чем-то* содержится сразу и *то*, и *это* — тоже противоположное, когда *что-то* есть и не *то*, и не *это*, даже и не *то* и *это* вместе, а совсем *другое* — третье. И все в движении, в столкновениях и отталкиваниях, сближениях и слияниях, переходах и превращениях.

Тема 24. Философия хозяйства как метазнание

Хозяйство — метафеномен. Недостаточность простого знания о нем и необходимость *метазнания*, т. е. знания, сопряженного с незнанием, или *трансцендентированного знания*, уходящего ввысь, вширь и вглубь, туда, куда не может дойти оно, но куда может проникнуть размышление-переживание. Потребность в философии как *мета науке*, а отсюда и необходимость *философии хозяйства*. Философия хозяйства как *пост-научное* знание, не отменяющее науку, но ее преодолевающее, идущее дальше. Философия хозяйства как увязывание имманентности с трансцендентностью.

Внешняя неограниченность философии хозяйства как философии и ее внутренняя самоограниченность как знания о хозяйстве. Хозяйство — *практическая реальность*, а потому философическое знание о ней, даже и в метасмысловом ракурсе, не может быть каким угодно. Философии хозяйства органически присущ самоконтроль, предостерегающий ее от слишком вольных фантазий и роковых заблуждений. На это же работает и *целостность* философско-хозяйственного знания.

Часть II. Феноменология хозяйства

Тема 25. Хозяйство как история

Начало начал: трансцендентная размытость. Выход (или вырыв) из природности как главное условие начала человека и его хозяйства. *Феномен отрицания природы в природе*. Внеприродность, околоприродность, противоприродность человека и хозяйства. *Неприродное начало* в человеке и его хозяйстве. Проблема «курицы — яйца» в ракурсе «человек — хозяйство»: кто что или что кого породило?

Первичная простота с потенцией сложности. Усложнение человека и хозяйства со временем. Осознание себя и своего хозяйства — конец предыстории и начало истории человека и хозяйства.

История: от простого к сложному, от материальности к идеальности, от стадности к общественности, от «членства» к индивидуальности, от естественности («дикости») к культуре (и цивилизации), от натуральности к искусственности, от природности к неприродности.

Столбовая историческая дорога: *от природы к неприроде*. Неприродное начало в человеке и хозяйстве, его развитие. Хозяйство как преодоление природы, а затем и неприродности. *От природного мира к миру все более неприродному*.

Революционные, хотя в то же время и эволюционные, переходы (они же и качественные скачки) от *хозяйства в природе*, ведущегося более по-природному, чем по-неприродному, сначала к *хозяйству с природой*, ведущемуся как бы «на равных» с природой, а затем и к *хозяйству вне природы*, ведущемуся как бы уже независимо от природы. Явление *Новой природы* или *Неприроды*. Превращение *мира данного* в *мир созданный* через посредство *мира взятого*. Денатурализация человека, хозяйства и мира. Хозяйство как история — как история денатурации человека, хозяйства и мира.

Смыслогика истории хозяйства.

Тема 26. История хозяйства: от метаспособа к метаспособу

Хозяйство — *текущее*, течение бытия, жизни, мира и самого человека. Калейдоскопическое, хотя и не полностью случайное, но и не полностью закономерное формообразование. *Оформование хозяйства*.

Появление устойчивых, воспроизводящихся, системных образований. Их разнообразие. Образы разно-образ-ных образ-ований. Образы организационно-производительного бытия человека, образы действия, образы хозяйства, т. е. способы реализации хозяйства (способ, сп-ос-об — сподобить особым образом) или *способы хозяйства*.

История хозяйства как история бытия способов хозяйства: в хозяйственном пространстве и в хозяйственном времени. Время-пространственная, или историческая, логика: от способа к способу. Матрица способов, их типологические классификации.

Понятие *метаспособа хозяйства* (суперспособа, агрегативного способа, обобщающего способа). Видовой характер метаспособа, его реализация в некотором множестве способов (менее и более сложных, менее и более развитых, менее и более адекватных метаспособу). Метаспособ как имманентное, — и обязательно решающее, — качественно-смыслоное основание некоторого множества способов. Парадигмальность метаспособа. Большая размерность и эпохальность метаспособа, его развернутость, распространность, разверстанность во времени-пространстве.

Тема 27. Село и город

Ясно, о чём идет речь, хотя обозначения — село и город достаточно условны. Не все, что есть на селе, не относится к городу, как и наоборот: там и там есть, или может быть, что-то общее, хотя и по-разному выраженное (то же ремесло в деревне, а животноводство в городе). Однако есть все-таки *село* со своим *сельским хозяйством*, а есть *город* со своим *городским хозяйством*, как и есть, естественно, взаимоотношения села и города, их хозяйств, причем в рамках общего для них локального, регионального, национального и даже мирового хозяйства.

Сельские и городские хозяйства рассматриваются обычно всего лишь как отраслевые или секторальные части хозяйства вообще, что оправданно, но не совсем, ибо здесь речь идет о настолько особенных феноменах, что вправе говорить об особых, если не способах хозяйства, то *хозяйственных миражах*. Вот на это-то, т. е. на мировость, восходящую к селу и городу, стоит обратить внимание.

Много общего между селом и городом, но немало и различного, причем очень важного.

Так, в *селе* большие массы возделываемой и продуктивной земли, угодья, леса, водоемы, а сегодня вот и свежий воздух, т. е. еще и экология. В селе большое разнообразное растениеводство и животноводство. И каким бы товарным и денежным не было бы сельское хозяйство, как бы в нем не присутствовали ремесло и промышленность, оно все равно будет оставаться более всего *природным хозяйством* — несмотря на машины, химию, шоссейные дороги, телесвязь и компьютеры. И человек в селе более *природный*, чем неприродный, к тому же и более социабельный. На селе все *свои*, и всем находится дело: и учитель свой, и врач, и ветеринар, и калека, и даже пьяница, а зачастую, и дачник — посланник города. В селе есть родовые усадьбы, в которых обитают сразу три, а то и четыре, поколения, где все трудятся, где все вместе и все заодно. И производство человека налажено, и его воспитание, и, если нет катаклизмов, вся его будущая жизнь. Село — не рай, но и не ад. Многое забот, труда, тяжести, но видимых, понимаемых и принимаемых. Село — жизнь и резерв жизни, ее источник. Село — поставитель человека.

Город. Город уже не то, что село, хотя найдем и кое-что общее. Город — от городить, ограждать, что вполне понятно, но в городе звучит и гора, и горыныч, и горыня, и горе. Город — не природа, а неприрода, даже и антиприрода. И чем больше город, тем дальше он от природы, от натуральности, тем он искусственнее, а следовательно, тем больше в нем искусства. Сельскому человеку в городе трудно, да и невозможно. Нужна адаптация. И хорошо еще сельскому, т. е. изначально натуральному, ибо город от сельского человека выигрывает, получая и труженика, и мораль, и вообще дух. А у детей города, особенно с третьего поколения, ничего такого уже и нет — все это уже сильно искажено. Страшен человек города, особенно мегаполиса — нервен, выворочен, пуст. Город — более ад, чем рай, но город невероятно прельстителен, ибо он полон искусственной свободы. Горожанин — не селянин, это совсем другой человек, шаг за шагом теряющий в себе человеческое и превращающийся в человекообразное.

Однако город активен, изобретателен, изощрен. Город — гора, а потому он выше села. Более того, он — *эксплуататор села, им управлятель, его искусствитель и его же разложитель*. Город не может без села, ибо он надстройка, а село — базис. Город рано или поздно покоряет село,

заставляя его себе служить. Город — *цивилизация*, одновременно и *государство*, из города и *деньги*. Село — под городом, и никуда ему не деться. Город живет, паразитируя и разлагаясь, но он и восстает, себя воспроизводя. В городе живет горожанин, который тоже трудится, да не просто трудится, он еще и творит, подключая отвлеченное знание, науку и технологию. Из города идет искусственность, переделывающая природу и село.

Разные это хозяйства — сельское и городское, и не только в материальном, но и в идеальном; это разные миры с разными не просто хозяйствующими субъектами, но разными людьми; телеология сельского хозяйства — не телеология городского; сельское хозяйство более жизненное, городское — более смертельное, и не потому, что в городе-де больше мрут, а в селе меньше, — просто село есть прямое воспроизводство жизни, а город есть более потребление жизни, чем ее воспроизводство, хотя горожане могут пребывать на этом свете и подольше селян, и понаделать побольше их, и даже Конец Света успешнее подготовить.

Тема 28. От натураномики к экономике

Первичность природного, или, лучше сказать, обусловленного природой, метаспособа — *натурального*.

Феномен натураномики.

Натуральное хозяйство как хозяйство натуральной мотивированности, натуральной целостности, натурального единения, натуральной воспроизводимости, натуральной последовательности, натуральной реализуемости. Все в *nature*: общность, участие, отношения; организация, управление, «хождение»; труд, орудия труда, предметы труда; производство благ, их распределение и присвоение; мера, расчет, предвидение; идеология, слово, чувство.

Натуральная предположенность и принудительность организации хозяйства, производства и присвоения благ.

Феномен принудительного распределения благ.

Отношения равенства и неравенства. Достаток и богатство. Солидарность и эгоизм. Аскеза и расточительство. Возможность доминирования и эксплуатации. Личная зависимость. Прикрепление к земле, производству. *Феномен рабства.*

Община, город, цивилизация.

Вторичность неприродного, или, лучше сказать, обусловленного неприродой, метаспособа — *ненатурального*, но при этом: с разделением-объединением хозяйства (с феноменом обособленной хозяйственной специализации), а потому уже не натурального, а *социального*; с хозяйственным обменом — трудом, благами, а потому уже не натурального, а *товарного*; с обменом взаимоизменяющим, т. е. и оценочным, а потому уже не натурального, а *стоимостного*, и в итоге: не натурального, а *экономического*. *Феномен экономики*. *Экономическое хозяйство* как антипод (антитеза) натурального хозяйства. Экономическое хозяйство как синтез экономического и натурального начал при недопущении натураномики. Натураномика как пред-экономика, а экономика как после-натураномика.

Феномен прогресса хозяйства.

Тема 29. Металогика перехода к экономике

Экономика как отрицание натураномики. Металогика человеческого бытия как бытия стремящегося, преодолевающего, вырывающегося, освобождающегося, ищущего, импровизирующего, варьирующего, эволюционирующего, изменяющегося, превращающегося, а главное — возвышающегося: над природой, над самим собой. Вне *такого* бытия нет и не может быть *человека*. Хозяйствуя, человек созидает хозяйство, изменяя его и возвышая над собой. Хозяйствуя, человек метахозяйствует, превращая хозяйство в объект хозяйства. Хозяйствование — *поиск хозяйства*, его лучшей и более высокой организации и производительности (количественной и качественной). Человек хозяйствующий — демиург и новатор, способный к своему собственному преобразованию и преобразованию хозяйства. Переход (перескок) от натураномики к экономике логичен, необходим и неизбежен, ибо обусловлен *внеприродной природой человека*.

Человек не может не искать *соответствующего себе* бытия и хозяйства, а потому не может не уйти от соответствия своего бытия и хозяйства природе. Путь человека — путь обособления, приватизации и индивидуализации, а в целом — *самоотчуждения* во всех возможных

направлениях и аспектах. Это путь выделения человека в среде и отделения его от среды, путь от Природы к Неприроде, от Земли к Небу, от Планеты к Космосу. Это путь трансцендентно заложенной в человеке *хозяйственной программы*, им, может, и не осознаваемой, но интуитивно реализуемой. Это путь от несвободы к свободе, разумеется, не абсолютной, а лучше сказать, от большей несвободы к меньшей, или от меньшей свободы к большей.

Самовозышавшись, человек самоотчуждается, а самоотчуждаясь, возвышается.

Самоотчуждение человека хозяйствующего ведет к *экономике*. Самоотчуждение от природы, от натуральной общности, от принудительности отношений и личной зависимости, от рабства. Переход к раздленно-объединенному хозяйствующему обществу со всеми вытекающими последствиями: хозяйственной обособленностью, специализацией, обменом и оценками, а также товарами, деньгами, ценами, капиталами, прибылями, рентами, банками, ссудами, процентами, затем валютными курсами, ценными бумагами, биржами, финансами, денежными налогами и бюджетами.

Самоотчуждение, о котором идет речь — не полная изоляция от природы и от других людей, что невозможно, а переход *всего* хозяйствующего общества в *иное* состояние — *разделительно-объединительное*, когда образующиеся частности не изолируются друг от друга, а активно взаимодействуют — через свободный обмен, испытывая воистину жизненную нужду друг в друге, более того, во всей сразу общественной целостности. Простая натуральная механика натурономики заменяется на сложную социальную органику экономики. Хозяйственный мир удваивается (или раздваивается): натуральный базисный мир дополняется ненатуральным надстроенным. Экономика как надстройка.

Прорыв в безграницье, в производительность, в расширение.

Стремление к *богатству* и его *накоплению*, обретение в этом свободы.

Экономическая аскеза и экономическое потребительство.

Феномен экономического богатства.

Тема 30. Экономический способ хозяйства — экономика

Экономика — хозяйство, но хозяйство — не экономика, ибо экономика — *особое хозяйство*, его частный случай. Не всякое хозяйство есть экономика, но всякая экономика — хозяйство. Экономика — возвышенное, наднатуральное (или сверхнатуральное), а лучше сказать, *межнатуральное хозяйство*. Все хозяйственное наличествует в экономике, но в экономике есть еще и свое особенное — *экономическое*, которого может не быть в хозяйстве и которого нет и не может быть в натураномике. Экономика — хозяйство, устроенное по-экономически, на основе разделения-объединения хозяйствующего общества и посредством возмездного, или товарного, обмена трудом и благами между самостоятельно действующими хозяйствующими субъектами, реализующими разделение-объединение хозяйствующего общества. Экономика — сообщество *экономических субъектов*, которых нет и не может быть в натураномике. Для экономики характерна *экономическая свобода*, базирующаяся на *экономической собственности на хозяйство и на экономической мотивации хозяйствования*. Наличие экономической свободы не говорит о полной хозяйственной свободе, но говорит об ином качестве свободы, как и об иной ее мере — большей.

Разделение-объединение хозяйствующего общества, возмездный обмен между самостоятельно действующими хозяйствующими субъектами, само экономическое хозяйствование, как и сама экономическая организация хозяйства в целом, возможны при появлении и действии особого рода хозяйственного феномена — *хозяйствующей вещи*, — не человека, а именно *вещи*, а соответственно — особого рода *овеществлении хозяйственного процесса* (не производства и потребления благ, что понятно, а именно хозяйственного процесса с его межсубъектными отношениями). Такой хозяйствующей вещью в экономике являются (оказываются) *деньги*. Происходит *оденежживание* субъектов, отношений и всего хозяйства. Так возникает и реализуется экономика — с деньгами, через их посредство, в денежном выражении. Хозяйственный расчет становится *экономическим, т. е. денежным, расчетом*. Возникает и реализуется *феномен экономики*, т. е. оденежженной меры хозяйства, достижения минимизаций (затрат расходов), оптимизаций (решений и действий) и максимизаций (эффектов, доходов). Появляется экономический, он же

экономный, режим хозяйствования, что, конечно же, не означает отсутствия безмерия, чрезмерностей и искажений меры. Однако: не экономишь, или не экономствуешь, — не хозяйствуешь.

Экономика — хозяйство, в котором «ходят» не одни люди, но и деньги, а сами люди «ходят» как оденеженные люди, как люди-деньги. Экономика — оденеженный способ хозяйства.

Смысловая значимость и познавательная продуктивность различения понятий «хозяйство» и «экономика», равным образом, «экономическое хозяйство» и «неэкономическое хозяйство», «экономика» и «натураномика». Почему же не «хрематистика»? А потому что вокруг в идеальной реальности не хрематический, а экономический расчет, не хрематические, а экономические принципы хозяйствования, не хрематистика, а экономика.

Тема 31. Сущность экономики — стоимость

Денежная оценка всего и вся: благ, субъектов, отношений, труда, деяний, среды. Оцененные деньги. Всякое начало с денег, всякое завершение в деньгах. Все оценено, все в деньгах, все посредством денег.

Все и деньги, деньги и все.

Деньги и все — не одно различие, но и единство, ибо все в деньгах, а деньги во всем. Единство взыскиует единой субстанции: для денег и всего остального. Субстанции при этом оценочной — оцененной и оценивающей. Не материальной вовсе субстанции, а идеальной, не абсолютной, а относительной, ибо оценка — *отношение*, к тому же осознанное, между хозяйствующими субъектами, а потому и субъективного свойства, что не значит, что произвольного, но в то же время и не жестко определенного.

Единое субстанциальное, в то же время идеальное и относительное — *стоимость*. Рождающееся и реализующееся в движении экономической реальности — *всей* реальности. Ирреальное в реальном, а потому и реальное в реальном. Виртуального свойства. Длящееся и прерывное. Не имеющее массы, но имеющее размеры, однако чисто числовые. Мир взаимообусловленных относительных чисел, не имеющий постоянной, — отправной и опорной, — величины. *Трансцендентный феномен.*

Стоимость — *субстанция*, однако не имеющая иной субстанции, кроме себя самой.

Субстанция, отношение, оценка.

Триипостасность стоимости.

Главная ипостась — отношение, без которого нет ни оценки, ни субстанции. Однако не отношение, а отношения — все отношения. Мир отношений — относительный мир. Отношение — движение, но и акт. Мир актов — активный мир. Столкновения и отталкивания. Решения. Цены. Мир цен. Цена — не стоимость, но без цены нет стоимости, а потому цена — стоимость.

Однако стоимость — не только цена. Стоимость и то, что в цене, что переходит из цены в цену, что суммируется и делится, что существует как неценовая величина: в деньгах, в товарах, в любых иных хозяйственных единицах и массах. Стоимость — *субстанция*.

Стоимость — процесс. Возникшая от движения и в движении экономики, она сама есть движение. Стоимость, как и экономика в целом — *течение*. Субстанция от течения — сама есть течение. *Производство стоимости* — ее *воспроизведение*. Движение стоимости — движение чисел, их перетекание друг в друга, возникновение и исчезновение. Число — не только величина, но и субстанция, приходящая и уходящая.

Самой по себе стоимости нет, она всегда в чем-то, а будучи в чем-то и во всем, она есть и как таковая.

Возникновение стоимости — ее *вменение*, вменение во что-то, а потому и вменение в саму себя, ее само-образование.

Стоимость возникает не сама по себе, а через движение всего нестоимостного, как и в движении разума или человеческого идеального, соприкасающегося с идеальным веществом — нестоимостных вещей, но возникает стоимость все же сама, ибо никто и ничто не создает стоимости непосредственно. Человек и вещи создают условия возникновения стоимости, и только поэтому созидают стоимость, т. е. не непосредственно, не прямо, не как таковую.

Стоимость — сама себе сущность. Сущность, субстанция, стоимость — одно и то же (для случая экономики, да и не только).

Тема 32. Экономика — стоимостное хозяйство

Если различать «хозяйство» и «экономику», то исходя из экономики логично утверждать, что все в экономике имеет стоимостную природу. Экономическая сущность всего и вся в экономике — *стоимость*. Отсюда и вывод: экономическое хозяйство есть *стоимостное хозяйство*, и само это хозяйство есть не что иное как движение стоимости, ее воспроизводство. Стоимость — на первом месте, все остальное — на втором. *Хозяйство через стоимость, ради стоимости, под стоимость*. Стоимость везде и во всем, но оттого и сама по себе — в деньгах. Стоимость внутри всего нестоимостного, но она и вне всего нестоимостного, будучи выделенной и существующей как бы самостоятельно: рядом со всем нестоимостным, но при этом и над ним.

Отсюда следствия: 1) стоимость не просто условие экономического хозяйства, его пассивный споспешствователь, но и активный реализатор, — и не только потому, что со стоимостью все в экономике начинается и стоимостью все заканчивается, не говоря уже о том, что все со стоимостью длится, а потому, что все зависит от движения стоимости, ее воспроизводства, мало того, все зависит — при всей активности и значимости хозяйствующего человека и нестоимостных вещей и процессов — от *само-определения* стоимости, ибо стоимость — *само-определяющаяся нечто*; 2) ничто не может заменить стоимости в ее бытии и функции, а она, самоопределяясь, определяет хозяйственную жизнь, причем определяет и в определении самой себя, своего числового бытия (стоимость не только от человека и вещей, она и от самой себя, ибо она в начале, в ходе и конце — *стоимость делает стоимость*); 3) стоимость делает хозяйство не просто стоимостным, но *хозяйством стоимости*, когда стоимость не просто присутствует в хозяйстве, являясь ее свойством, а *сама и хозяйствует* (отсюда и *господство стоимости, стоимостное управление, стоимостной фетишизм*).

Стоимость — фактор организации, управления. Стоимость позволяет организовать хозяйство, им управлять. Она сама выходит из организации, управления. Сама организуема и управляема. И она организует и управляет. Все сразу! Ничего не выкинуть из сложного, целостного, таинственного феномена стоимости. И без стоимости не обойтись, не заменив экономическое хозяйство на неэкономическое.

Тема 33. Стоимость как деньги

Деньги — стоимость. Но не только деньги. Стоимостью оказываются и не-деньги, однако... в деньгах. Деньги — всеобщий выразитель стоимости, а потому как бы стоимость вдвойне: для себя стоимость и для денег стоимость. Отсюда деньги — *непосредственное воплощение стоимости*, но в отношении ко всему миру товаров — денег и неденег.

Деньги — стоимость, а сама стоимость выражена прежде всего в деньгах. Без денег бессмысленно говорить о стоимости, ибо без них нет выражения стоимости, ее присутствия, ее реализации. Стоимость идет и находит для себя деньги. С деньгами есть и стоимость.

Деньги — не только знак стоимости, не только какое-то количество стоимости, ее число, не только конкретная величина стоимости, выраженная в *цене*. Деньги — масса стоимости, ее сумма, агрегатная абстрактная величина, т. е. сама по себе стоимость в любом возможном объеме. Денежный поток — не просто стоимостный поток, а поток стоимостной.

Экономика — *оденежженное хозяйство*. Не только цены в деньгах, но и вся жизнь через деньги. Дело не в одном лишь обмене, не в одних лишь купле-продажных сделках, не в одних лишь оценках: без денег нет вообще ни одной хозяйственной акции, ни одного хозяйственного действия, причем не в роли денег как посреднике, а в их функции *начала*. Деньги — начало любого экономического процесса. Формула $D-T-D$ фундаментальнее и начальнее формулы $T-D-T$. Деньги не только посредничают, но и начальствуют. Отсюда и феномен *денежного фетишизма*.

Деньги *идеальны*. Они вполне субъективны, хотя и не произвольны. Они объективны, но не настолько, чтобы не быть «сознательными», т. е. сознательно *произведенными*. Деньги — результат хозяйства и хозяйствования. В то же время они и сами *хозяйствующий субъект*, хотя и крайне особенный. Деньгами управляют, с деньгами управляют, через деньги управляют. Но и сами деньги управляют. Хозяйственная роль денег сложна и разнообразна. Экономика — денежный мир и мир денег, а деньги — сами есть мир. Экономика — оденежженное хозяйство, но существует и *денежное хозяйство*, сопутствующее экономике.

Деньги — мера, ее «плоть» и средство. Но и сами деньги

из-мер-ены, имеют *собственную меру*. Они всегда обусловленно *оценены* и всегда имеют обусловленное количество. Цена денег, как и их количество — субъективно-объективны, но при этом и имманентно-трансцендентны. Отсюда и неопределенность денег, их вероятность, да и просто их *тайна*. Пробы, ошибки, исправления. Деньги *текучи* — во всех отношениях. Они в механизме и сами механизм, но они не механистичны. Деньги глобальны: они всюду. Деньги самостоятельны, хотя они и при субъектах. Деньги — информация, но при этом и энергия. Кровь, но и мозг (вроде спинного). Деньги в механизме решений, но они и сами решают. Они средство, но и цель, и фактор. Все экономические субъекты — *оденеженные субъекты*.

Жизнь денег, денежная жизнь. Микрожизнь и макрожизнь. Частность и целостность, микрокосм и макрокосм. *Философия денег*, но и *денежная философия*.

Тема 34. Стоимость как капитал

Феномен *принесения (добычи) стоимости стоимостью* по формулам $D \rightarrow D'$ и $D \rightarrow T \rightarrow D'$. Эффект *возрастания стоимости*, ее умножения и накопления в ходе экономического хозяйствования. Сама по себе стоимость не возрастает, она возрастает через посредство нестоимости, ее превращенческое движение. Входя в движение нестоимости и испытывая характерные для этого движения превращения (из денег в неденьги, из одних денег в другие), стоимость может выйти из этого движения, вновь став собою, т. е. вновь превратившись деньги, но уже в увеличенном размере, т. е. став большей суммой денег ($D' > D$), чем это было до погружения в движение нестоимости.

Так обнаруживается феномен *капитала*. Капитал — *возрастающая стоимость*, или *стоимость ради возрастания стоимости*, или *стоимость, производящая стоимость*. Капитал — *стоимость, извлекающая стоимость*.

Деньги способны *притягивать* деньги, однако по преимуществу через посредство обоснованного хозяйственным, т. е. организационно-производительным, образом производства денег, что означает не производство денег как таковых — в рамках собственного денежного хозяйства, а производство стоимости в неденежной форме, т. е. реализацию

оденеженного хозяйства в неденежной реализации, а затем уже производство денег — как следствие действия и расширения неденежного, хотя и оденеженного хозяйства.

Источник стоимости не в деньгах, но без денег нет *истечения стоимости*, а потому *производство стоимости есть производство стоимости через стоимость*: стоимость выжимаема из нестоимости, даже и из натуры, из натуральной основы хозяйства, а не из экономики как таковой. Экономика — стоимость, но стоимость действующая, а не рождающаяся. Происходит стоимость из нестоимости (иначе, зачем и стоимость?), экономика из хозяйства, а потому и деньги из хозяйства, и капитал, т. е. при постоянном превращении хозяйства в экономику, а экономики — в хозяйство. Не экономика, а хозяйство дает жизнь капиталу, но без экономики нет самого феномена капитала. Всякое приращение стоимости — дело хозяйства, а заслуга — экономики, т. е. стоимости.

Стоимость, выходя из хозяйства, его же и обволакивает, мало того, контролирует, входя в хозяйство, в него проникая, себя ему и *вменяя*. В итоге возникает новая стоимость, замещающая старую, умершую, но возникает в расширенном масштабе, ибо реальное хозяйство растет — в натуре. Так реализуется, пропадая и выявляясь, капитал — потому-то и *самовозрастающая стоимость*. Стоимость предшествует возрастанию стоимости; она умирает и вновь возникает — родившись; отсюда и *само-возрастание*, хотя обусловлено оно превращением стоимости в нестоимость и движением этой нестоимости, ее возрастанием.

Тема 35. Экономика как кредитное хозяйство

Экономическое отношение — стоимостное, обменно-оценочное, оденеженное отношение. Купле-продажное отношение, возмездное.

Выраженная в деньгах, стоимость выступает как посредник в реализации экономических отношений, устанавливая, проявляя и утверждая их *эквивалентный*, т. е. допустимого воспроизводственного соотношения, характер.

Эквивалентность означает осуществление *экономических равенств*, однако трактуемых сложно: как фактических равенств ($x = y$) и как приближения к равенствам ($x = ? y$). Экономическое равенство — не физическое, не механическое, не материальное равенство, а равенство

идеальное, в воображении, в допущении, в признании.

Экономическое отношение с характерным для него соблюдением эквивалентного равенства есть так или иначе *отношение доверия* (при все возможном эмоциональном недоверии участников отношения друг к другу). Раз отношение свершается, то уже поэтому оно является доверительным отношением: участники доверяют друг другу, ибо чувствуют себя удовлетворенными (не в эмоциональном, а в чисто операциональном смысле).

Доверие есть *кредит*. Отсюда экономическое отношение — *кредитное отношение*. Однако не только по причине эквивалентности, реализуемой в экономических отношениях. Сама природа экономического отношения такова, что оно не может не быть *доверительным отношением* уже с самого начала своего возникновения, т. е. еще до эффекта эквивалентности. Экономическое отношение — совершенно идеальное отношение, при котором его участники обмениваются доверием, отдают его друг другу, а иначе — *кредитуют друг друга*, — в противном случае никакого экономического отношения вообще быть не может. Кредитный эффект еще более ощущается, если принять во внимание воспроизводственную зависимость экономических агентов друг от друга: несмотря даже на состоявшийся купле-продажный акт, пусть и совсем эквивалентный, каждый из агентов остается в состоянии общего воспроизводственного риска, а потому отторжение от себя товара или денег в ходе экономических отношений представляет собой взаимнокредитную акцию каждого из участников всеобщего экономического действия. Товары и деньги уходят от своих владельцев к другим владельцам не как-нибудь, а в кредит, что не просто осознать, но что происходит именно так.

Экономика — кредитное хозяйство!

Что касается реализации экономических отношений с *отсрочкой платежа* (с временной оттяжкой осуществления), то кредитная природа такого рода акций не вызывает сомнения: здесь доверие явно и осуществляется как бы в квадрате.

Не менее явен и кредитный характер любого *авансирования стоимости-денег*, в том числе и в форме обычного производительного капитала. *Само авансирование капитала есть акт кредитный*. Столь же кредитными являются и *отношения между капиталом и трудом*: здесь

имеет место безусловное взаимное кредитование. Кредитностью отличаются и операции на рынке ценных бумаг, не говоря уже о чисто *ссудных операциях*.

Кредитная природа экономики дает о себе знать и в *денежном хозяйстве*, ибо *деньги по сути есть идеальный кредитный феномен*, а их выпуск — акция вполне кредитного свойства.

Цена — кредитный феномен!

Отсюда и *сама стоимость имеет идеально-кредитную природу*. Вне свойства кредитности вообще невозможно понять ни стоимости, ни экономики, ни какого-либо частного экономического явления.

Тема 36. Экономика как финансовое хозяйство

Реально действующие в руках хозяйствующего субъекта и в его интересах деньги, обеспечивающие его хозяйственный процесс, его начинающие и его заканчивающие, уходящие от субъекта в хозяйственную среду и из нее к нему возвращающиеся, делающие хозяйственную деятельность осмысленной и целеположенной по экономическому (стоимостному) критерию, выводящие ее на уровень экономической (стоимостной) эффективности, есть *финансы*.

Любой экономический субъект, оперирующий хозяйственными деньгами, т. е. деньгами, обеспечивающими хозяйственное дело — с тратой денег и их возвратом (с приходом денег и их уходом), является *финансовым субъектом*.

Финансы — воспроизводящиеся деньги, однако в ходе реального хозяйственного процесса, ведущегося хозяйствующим субъектом на экономической основе и экономическим образом.

Феномены постоянно возникающего (каждый момент) *финансового итога* (доход — расход, расход — доход). Финансовый итог как цель, условие, руководство хозяйствования. Финансовые критерии и ориентации. *Финансовый расчет*. Финансовое здоровье и финансовая патология. Феномен *финансового камуфляжа* и феномен *финансового фетишизма*.

Финансовые отношения. Собственность на финансы и финансовая власть. Финансовое управление. Финансовые структуры и финансовые иерархии. Финансовые переплетения. *Финансовая жизнь*.

Тема 37. Экономическая эксплуатация

Деньги как присваивающее благо. Деньги берущие и деньги присваивающие. Деньги, делающие деньги.

Стоимостное присвоение.

Собственность на стоимость, ее сосредоточение и движение, на ее вменение, на ее производство, на ее распределение.

Стоимостная власть и власть над стоимостью.

Стоимость берущая и стоимость отдающая. Стоимость, присваивающая стоимость; стоимость, обогащающая стоимость. Превращение в стоимость под контролем стоимости как условие и механизм присвоения стоимости.

Стоимостный доход, стоимостная рента.

Феномен *стоимостной эксплуатации* всего и вся: природы, человека, техники, культуры, знаний, информации, энергии, пространства, времени, Земли, Космоса. Феномен *стоимостной эксплуатации стоимости*.

Роль обменно-оценочного механизма. Цена и феномен эксплуатации. Цена труда. Через стоимость, а не через труд, хотя и с использованием труда.

Экономическая элита и экономические массы. Экономическая стратификация социума. Экономический паразитизм. Социальное равновесие и социальная борьба.

Цена эксплуатации. Эксплуатационная телеология. Эксплуатационная эсхатология.

Часть III. Феномен экономической цивилизации

Тема 38. Экономическая цивилизация

Феномен экономической цивилизации. Новизна постановки, понятия и термина. Почему цивилизация? Трактовка цивилизации вообще и ее особых исторических реализаций. Суть экономической цивилизации. Сочетание экономических и неэкономических составляющих. Целостность.

Историческая обусловленность экономической цивилизации, ее возникновение. Феномен *глобальной экономической революции*. Усилие

экономического начала и экономической организации в жизни человека, общества. Феномен *экономизации*. Становление экономической цивилизации, ее экспоненциальное развитие. Глобальность экономической цивилизации. Основные исторические этапы. Исторический триумф.

Тема 39. Экономика как организованное время-пространство

Хозяйство — *организация*. Организация всего и вся, в том числе, а может, и в первую очередь — *времени-пространства*. *Организованное время* — уловленное будущее — реальная возможность хозяйства, а следовательно, жизни. *Организованное пространство* — обретенное расстояние, как и обретенная расстановка, а отсюда и реальная возможность хозяйства-жизни. Феномен *удержания времени-пространства*, контроля над ним, власти над ним, собственности над ним, а соответственно, удержание самой возможности хозяйства, жизни.

Экономика — счет, расчет, кредит (доверие), конструирование, виртуальность. Все экономическое, по преимуществу идеальное, нуждается не просто во времени-пространстве, что понятно, а именно в удержании времени-пространства, причем в некоторых достаточных масштабах длительности и разброса. Отсюда феномен *экономической границы*, феномен *экономического центра* и феномен *экономической государственности* — чтобы удержать и организовать *экономическое время-пространство*, им пользоваться.

Произвести, продать, купить, получить доход, потребить и т. д. — все это, плюс еще деньги, налоги, выплаты, требует не вообще времени-пространства, которое мы называем экономическим, т. е. *экономически упорядоченным*, предполагающим в нем и через него *бытие стоимости*. Это *стоимостное время-пространство*, в котором размыта и структурирована стоимость, эта идеальная, виртуальная, мерцающая, ускользающая, вездесущая и все определяющая, неуловимая, всем отдающаяся, надо всем господствующая, трансцендентная, но, однако, и имманентная, *субстанция*. Такой субстанции просто нет вне соответствующим образом организованного времени-пространства, где есть *рынок*, но есть и достаточно упругая *структурная решетка* — из определяемой центром *экономической власти*.

Макроэкономика — это то, что как раз и соответствует изначально,

в основе, в базисе экономической организации времени-пространства, как и просто экономически организованному времени-пространству. Макроэкономика — исходная уверенность во время-пространственной реализации экономики.

Тема 40. Экономическая цивилизация в неэкономических измерениях

Идеологическая компонента: стоимостная десакрализация и денатурализация хозяйственной жизни, ее секуляризация и прагматизация; гуманизм и либерализм; оправдание богатства, накопления и демиургии; фетишизация денег, капитала и бизнеса.

Психологическая компонента: стоимостной (экономический) человек; человек — самоценность; личный успех как императив; человек — мера всех вещей; человек — умная машина; человек как демиург; человек как творец собственного счастья; от Богочеловека к человекобогу, а затем и человекочеловеку.

Этическая компонента: стоимостная мораль; индивидуализм и польза, рационализм и расчет; стоимостные (экономические) отношения; конкуренция и кооперация; стоимостная эксплуатация человека человеком; эффект отчуждения; опосредование отношений; диктатура закона; стоимостное принуждение; двойной стандарт; компенсационные механизмы.

Социальная компонента: стоимостная стратификация общества, ее иерархическая бинарная структура; собственность как стоимостное присвоение и собственность как стоимостное отчуждение; социальная борьба и социальный компромисс; социо-пространственная мобильность; «верхи» и «низы»: феномен неуправляемого управления; стоимостная судьба человека, семьи, коллектива, класса, общества.

Институциональная компонента: стоимостные институты, институты под стоимость и институты по причине стоимости; высокое институциональное разнообразие; институциональный тоталитаризм; человек как институт, а мир как мир институтов.

Правовая компонента: стоимость и право; всеобщность права, правовой диктат и правовой тоталитаризм; «обоправленная» жизнь;

правовой фетишизм; право и стоимость (экономический аспект юриспруденции).

Культурная компонента: экономизация культуры; культура на службе у экономики; освобождение от внешней и внутренней цензуры; неограниченность; имитация, импровизация, виртуализация; неопределенность и игра; элитарность и массовость; феномен антикультуры.

Политическая компонента: распределение единого стоимостного интереса по разным стоимостным интересам; возникновение политического эффекта: столкновения и компромиссы; политическая реализация экономического сообщества; политическая власть на службе у экономики; внутренняя экономическая политика и внешняя экономическая политика; экономика политики.

Информационно-пропагандная компонента: экономическая информация и информация для экономики; пропаганда экономики и экономического образа жизни; информирование; управление через информацию; формирование общественного мнения; ориентация поведения экономических субъектов и населения; переделка сознания; «зомбирование» и манипулирование; «иллюзионирование» и мифотворчество; пиар.

Экологическая компонента: противостояние природе, человеку, обществу, исторический конфликт с ними; глобальная разрушительно-созидающаяся потенция экономической цивилизации; разнозданная демиургия и переделка всего и вся; обновление мира: выход за пределы мира данного и переход к миру даваемому; возникновение глобальных проблем-угроз; необходимость экологического подхода; на путях отступления или наступления?; только вперед!

Тема 41. Этноэкономика, или признание национальной обусловленности хозяйственной жизни

Этнос, народ, нация. Этно-культурная обусловленность хозяйственной жизни. Фактор истории. Общественность. Феномен народного хозяйства. Экономика как национальная экономика. Макроэкономика в национально-этническом измерении. Традиции и прогресс. Диалектика общего и особенного. Разная экономика. Разнообразие национальных воплощений экономики. Экономическая цивилизация и национальное

начало. Глобальность экономики и невозможность полной унификации хозяйственной жизни. «Цветущая сложность» хозяйственного бытия, его этноэкология.

Тема 42. Государственность и антигосударственность экономической цивилизации

Государственный императив: экономика нуждается в государстве, а государство — в экономике. Огосударствление экономики и экономизация государства. *Антигосударственный императив*: экономика опасается государства, а государство стремится в экономику. Борьба государства с экономикой: столкновения и компромиссы. Разные исходы. Государство как необходимая для экономики важнейшая институционально-организационная сила. Государство как хозяйствующий субъект. Хозяйственные и экономические функции государства. Можно ли экономике обойтись без государства?

Тема 43. Индустриальное хозяйство

Industria на латинском означает не более не менее, как неусыпную деятельность, трудолюбие, что никак не объясняет того, что сегодня понимается под индустрией, ибо трудолюбие свойственно всякому роду деятельности, в том числе и, согласно нашему пониманию, неиндустриальному, например, личному, семейному, домашнему (при желании и уборку квартиры можно посчитать за индустрию, а то и воспитание ребенка). Так что латинский язык нам здесь не поможет.

А что русский? Здесь, пожалуй, будет получше, ибо индустрия по-русски понимается как *промышленность* — от *промышл*, но не божьего пока, а лишь человеческого, хотя и связанного в чем-то и как-то и с Промыслом Божиим, хотя бы по способности мыслить, а соответственно, и промыслить. А раз промыслить, то и промышлять, а коли промышлять, то и промышленствовать, т. е. вести промышленность, а по-латински — индустрию.

Чем хороша здесь русская смыслология? Раз промысл, то значит что-то, чего еще нет, что появляется внове или заново, что не дает окружающий мир. И в самом что ни на есть сельском хозяйстве есть свой промысл и своя промышленность, но, однако, не столько новые, сколько

воспроизводящиеся. Новое редко удается крестьянину — последний ценит более традицию. А вот если промысел, о котором идет речь, вывести за пределы сельской рутины, обособить и выпустить на свободу (вширь и вглубь), то, пожалуй, можно обрести и особое промысловое, или даже промыслительное, хозяйство, т. е. *хозяйство промышленное* или *промышленность*. Так получается и *индустрия*.

Индустриальное хозяйство — хозяйство с сильной промыслительной составляющей, способное производить то, чего нет, в любом разнообразии и в любом количестве.

Зародившись в сельском мире, промышленность-индустрия сосредоточивается, что вполне понятно, в городе, где нет сковывающих промысел традиций и достаточно для его реализации свободы. Индустриальное хозяйство — по преимуществу городское хозяйство, но в то же время и хозяйство товарно-обменное, однажденное, т. е. и экономическое. Индустрия — принадлежность прежде всего *экономической цивилизации*, но не потому, что только в ней и с ней, а потому что в ней и с ней получается полное развитие. До экономической цивилизации тоже была индустрия, но *ремесленная*, которую лучше воспринимать как *прединдустрию*, ибо ремесленное хозяйство, как и классическое сельское, тоже тяготела более к традиции, чем к новизне.

Именно экономическая цивилизация сделала индустриальное хозяйство ведущим, противопоставив его — качественно и функционально — сельскому и ремесленному. *Экономическая цивилизация* — *индустриальная цивилизация*. И дело здесь не столько в фабриках и заводах, в машинах и электричестве, в телевидении и компьютерах, сколько именно в *промышленном хозяйстве*, том самом, что идет от мысли, от неприроды, от искусства. Не поставив индустриальность в контекст человеческой (в лучшем случае, прометеевской) промыслительности нельзя, по-видимому, сказать ничего существенного или метасмыслового об индустрии и индустриальном хозяйстве. Но здесь становится обязательной важнейшая оговорка: промыслительность человеческую, даже и внущенную Прометеем, нельзя путать с Промыслом Божиим, ибо последний обширнее, глубже, сложнее, наконец, трансцендентнее человеческого, настолько, насколько человек вообще не бог, а мысли его в общем-то не божьи.

Тема 44. Научный и технический прогресс в рамках экономической цивилизации

Становление и развитие науки. От религии и философии к науке. Господство науки. Экономические и неэкономические побуждения к развитию техники в лоне экономической цивилизации. *Homo Sapiens* как творец. Феномен человеческой демиургии. *Научная революция. Техническая революции. Промышленная революция XVIII—XIX вв. Научно-технический прогресс*, его экспоненциальность. Качественные скачки: от одного *технического способа* к другому. Прогресс в экономической организации хозяйственной жизни.

Тема 45. Динамика хозяйственной жизни в условиях экономической цивилизации

Феномен хозяйственного *расширения и развития*. Динамичность хозяйства в условиях экономической цивилизации. Факторы роста и развития. Роль стоимости и капитала. Роль конкуренции и межотраслевого соперничества. Роль научно-технического прогресса. Флуктуативная динамика хозяйственного процесса. Феномен *кризисов*. Феномен *циклов*. Разнообразие кризисов и циклов. *Трансформации и этапы развития экономической цивилизации*.

Тема 46. Поиск альтернативы

Противоречия и пороки экономической цивилизации. Власть денег — власть тьмы. Экономическая эксплуатация и социальная несправедливость. Пролетариат, колонии, периферия. Рост богатства — рост неудовлетворенности. Паразитизм и обнищание. Сопротивление — изнутри и извне.

Поиск альтернативы.

Возникновение *социалистического проекта* как проекта по преодолению экономической цивилизации или ее принципиальному улучшению. Социалистическая идеология. Социалистическая утопия. Социалистическое движение. Реальный опыт социализма. Социализированный капитализм. *Феномен СССР. Феномен неэкономического хозяйства — тотального государства, централизованного планово-администра-*

тивного управления. Приоритет натуральности и техницизма над экономизмом. От принуждения свободой к свободному принуждению. Использование экономических форм и механизмов. Достижения и неудачи опыта СССР, его сильные и слабые стороны, противоречия и пороки. Практический социализм в других странах.

Оконтуривание *социалистической цивилизации*. Возникновение *социалистического мира*, его борьба с мировой экономической цивилизацией.

Победа (абсолютная ли и окончательная, относительная ли и временная?) мировой экономической цивилизации над цивилизацией социалистического толка. Поражение практического социализма, однако не полное.

Триумф экономической цивилизации — не начало ли конца? Что дальше? Социализм или что-то *другое*, как и просто *иной* социализм? Возможность *консервативной революции*, возрождающей *традицию* в новом историческом облике. Возможность *несоциалистической альтернативы*. Возможность *альтернативы* вообще?

Тема 47. Мелиорация экономической цивилизации

Способность экономической цивилизации к *автомелиорации*, к улучшению самой себя. Накопление богатства, обучение, приспособление и исправление — в пределах оснований устройства. Способность самосовершенствования как потенция развивающейся экономической цивилизации, ее важнейший жизненный ресурс. Способность порождать, переносить и преодолевать кризисы — качественно-трансформационного свойства. Способность к превращениям, перестройкам, реформам. Способность вырабатывать новые формы и механизмы бытия, не меняя основ цивилизации, переводить противоречия и проблемы на новые уровни или в иные сферы реализации. Гибкость и живучесть, качественная подвижность, многоликость.

Гуманизация, социализация, оцивилизовывание.

Умение гибко эксплуатировать и умело паразитировать, не доводя дело до самоуничтожения. Ослабление возникшей было потенции к *антиэкономизму* (*антикапитализму*) и к *революции* (*переваривание революции*, ее выпаривание). Ослабление классового сознания у трудящихся,

у эксплуатируемых, перевод стрелок в сторону индивидуализма, эгоизма, потребительства, накопительства. Опора на средний класс. Пропаганда, пиар, зомбирование. Использование государственной власти, а также и прямого насилия.

Построение Рая на Земле!

Часть IV. Новейшие тенденции экономической цивилизации

Тема 48. Технологизация хозяйственного бытия и движение к техномике

Технологическая революция последней четверти XX в. Переход к *неоиндустриальному хозяйству*. Антипромышленный момент в *неоиндустриализме*.

Технологизация хозяйственного бытия. Организационная революция: вытеснение всего нетехнологического и замена его на технологическое, однако на *самоорганизационное технологическое*. Утверждение *технологизма*. Феномен *нетехнического инженеризма* (социального, психологического, политического, этического, правового, культурного). *Технологизация человека*, хозяйствующего субъекта, «принимателя» и реализатора решений. Феномен *технанизированного человека* (не человек с техникой, а техника в человеке). *Технологизация поведения*.

Утверждение *сциентизма*. Онаучивание сознания, мировоззрения, мышления. Феномен *сциентизированного человека*.

Компьютеризм. Феномен *компьютеризированного человека*. Феномен *человека-компьютера* (ячейки в виде человека и компьютера вместе).

Технологизация экономики. Вытеснение экономического начала из экономики. Технологизация стоимости, механизма ее реализации, а в итоге — ограничение и подчинение. Тенденция к *техномике*.

Тема 49. Информатизация хозяйственного бытия и движение к информаномике

Информационная революция: от бытия как информации к информации как бытию. Феномен *информационного бытия как бытия из ин-*

формации, которая есть либо информация об информации, либо информация от информации, т. е. *информация как информация*. Появление самостоятельного *информационного мира* или *информамира*, состоящего из самостоятельной же информации. Выделение информации из мира и ее как бы надмирное, побочное, параллельное существование. Победа информации как информации над миром, который есть связанная информация. Переход от «мира тяжелого» к «миру легкому», от «мира связанного» к «миру порхающему».

Производство информации как информации, ее переработка и распространение. Мобильность, превращаемость, операциональность. Информационное творчество. Конструирование. Информационная инженерия.

Информатизация жизни, хозяйства, человека (внедрение информамира в бытие и подчинение бытия информамиру). Преодоление времени и пространства, обезвременивание и обезпространствование бытия, заодно и его обезысторивание. *Виртуализация бытия*, его обыскустствование, обымитировывание и обымпровизировывание.

Информатизация экономики, сравнимое с ее технологиацией. Тенденция к *информаномике*, что не есть одно лишь развитие информационной сферы, а представляет собой изменение самой природы экономики.

Тема 50. Финансизация экономики и возникновение финансомики

Рост и развитие финансов в рамках экономической цивилизации. Феномен *финансового капитала*, его структурность, иерархичность и системность. Расширение финансовой сферы экономики в XX в., усиление роли финансов, переход к *финансовому капитализму*.

Финансовая революция последней четверти XX в. Окончательная *финансизация экономики*. Экономизм переходит в *финансизм*. Феномен *финансомики*.

Финансомика как высшая историческая форма бытия экономики (экономики как экономики). Современная экономика — финансомика. Подчинение реального хозяйства финансовой суперсистеме. Триумф стоимости, ее полное господство над хозяйственной жизнью. Зависи-

мость реального хозяйства от *финансового хозяйства*. Финансовое овладение хозяйством. Финансовая собственность и финансовая власть. Финансовое извлечение доходов. Феномен *финансовой ренты*. Финансовое богатство. Тотальная *финансовая эксплуатация* хозяйства, человечества, мира.

Техницизм, информатизм, виртуализм на службе у финансовой системы.

Финансовые субъекты. Финансизированные субъекты. Субфинансовые субъекты.

Финансовый строй хозяйства и общества. *Бизнес* как образ поведения, хозяйствования и жизни. Бизнес как финансизм. Финансовое основание и содержание бизнеса.

Мировой финансизм.

Тема 51. Глобализация хозяйственной жизни и переход к глобальной экономике

Глобализация как объективный процесс *межстрановой хозяйственной интеграции*. Глобализация как овладение экономикой хозяйственной жизнью в целом и в масштабе планеты. *Всемирная экономизация хозяйства*. Глобализация как процесс подчинения всемирной хозяйственной жизни *мировому центру*. Три ипостаси глобализации: интеграция, экономизация, централизация. Итог: *глобальное экономическое пространство, глобальная финансомика, глобальная экономика*.

Особенность глобальной экономики не в одном ее всемирном (планетарном) масштабе или во всемирном (планетарном) пространстве реализации, как и не в самом однообразии ее повсеместного бытия, хотя это и верно, и важно, даже и не в единомировом механизме реализации, что бесспорно и знаменательно, а в том, что глобальная экономика это экономика всего человеческого мира сразу, т. е. мировая, а не просто мировая, экономика, которая вплетена в человеческий мир в целом и в целом этот мир определяет, которая как бы ведет к окончательному замещению — со своих демиургических позиций — трансцендентности имманентностью, что знаменует установление почти полного хозяйственного контроля над феноменом человека, жизни, мира.

Параметры, механизмы и процессы хозяйственной жизни как *глобальные (глобализированные) параметры, механизмы и процессы*.

Значительная унификация (стандартизация) хозяйства и жизни. Разнообразие, подчиненное единобразию.

Феномен *глобальных решений*. Глобальная информация и информированность. Глобальное знание и глобальное незнание.

Феномен разного (*двойного*) *стандарта*. Просвещенные и профаны, допущенные и отринутые, участвующие и блуждающие. Творящие и творимые — в мировом масштабе.

Печальная судьба стран, наций, государств, их превращение в составные части единого мирового целого — с таким изменением своей сути и содержания, которое позволяет говорить об их почти-исчезновении.

Переход к *глобальной — центро-иерархической — организации* мирового сообщества и планетарного хозяйства. Глобализм как реальный *ультраимпериализм*.

Наличие противодействующих тенденций. Феномен *антиглобализма*. Реальный и фиктивный антиглобализм. Антиглобализм как глобализм с человеческим лицом. Антиглобализм как альтернатива надвигающемуся реально глобализму. Полицентризм. Экономики «больших пространств». Партнерство. Утопия всемирного согласия. Возможность *ответственного мирообщежития*.

Тема 52. Современная экономика — новая экономика, или неоэкономика

Новая экономическая революция и переход к *новой экономике*, или *неоэкономике*.

Революция и переход, сравнимые с экономической революцией середины II тысячелетия от Р. Х. и вхождением в экономическую цивилизацию.

Завершение капиталистической, индустриальной, империалистической, колониальной эпохи и переход к новой эпохе, отличающейся такими *нео-феноменами*, как техномика, информаномика, финансомика, глобальная экономика, ультраимпериализм, но одновременно отличающейся и всеобщей экономизацией хозяйства и жизни, их виртуализацией,

дематериализацией, ирреализацией (отрыванием от реальности, уходом в субъективное, фантазийное, игровое), суперструктурой (надстраиванием идеальной надстройки, ее усложнением), тотализацией.

Переход от экономики, строящейся *снизу*: от реальной жизни, от реального хозяйства, от реального производства, к экономике, изливающейся *сверху*: из идеального, мыслительного, расчетного «эгрегора».

Стоимость *снизу* подчиняется *стоимости* *сверху*. Излияние стоимости важнее созидания стоимости. Вменение стоимости значимее производства стоимости. Стоимость не столько уже как посредница, сколько как властительница. *Оборот стоимости* (не оборот, а оборот), или *стоимостной переворот*.

Замещение рынка товаров (вещей) рынком *товарностей* (знаков, прав, принадлежностей) или рынком *самых-по-себе-стоимостей*. Оперирование с пустотой.

Покорение экономикой времени и пространства, а также объективности, самой реальности. Неоэкономика как экономика вольная, импровизационная, проективная. Не движение, а полет, не трудность, а удовольствие, не тяжесть, а воспарение.

Неоэкономика как идеальная надстройка («надслойка») над экономикой, хозяйством, жизнью.

Пост-экономический мотив в неоэкономике. Усиление роли *не*-экономических факторов и расчетов (умственных, технических, инженерных). Выветривание социального начала из экономики. Неоэкономика как *не*-общественная организация общества. Вымывание отношений (от-ношений).

Неоэкономический человек как суперэкономический, но в то же время уже и постэкономический, человек.

Неоэкономика и неоэксплуатация (несоциальная, неформальная, невыраженная, незаметная).

Часть V. Метасмыслология человеческого хозяйства

Тема 53. Хозяйственная телеология

Телеология — учение о *цели* и обо всем, что с целью связано, что определяет цель, что с ней сообразуется, что ведет к цели, наконец,

что реализуется в цели, в ее достижении. Однако телеология понимается и как реальный процесс — *целеобусловленный процесс бытия*. Отсюда телеология не только познание, но и онтология. Здесь же под телеологией разумеется *познаваемая целеобусловленность хозяйственной жизни*, правда, с учетом мощного трансцендентного момента, в соответствии с которым хозяйственная телеология в основе своей есть *работающая трансценденция*.

Откуда, почему, зачем, для чего, т. е. с какой целью или ради какой цели, осуществляется вообще хозяйство, причем по преимуществу не в соответствии с ближайшими и примитивными задачами физического выживания, явно отдающими имманентностью, а в соответствии с не бросающимися в глаза глубинными и сложными задачами демиургического свойства, т. е. с *мета*-задачами, насквозь пропитанными трансцендентностью?

Присутствие тайны.

Даже и выживание таинственно, как и сама жизнь. Почему, собственно, *выживание*, а вместе с ним потребление, труд, производство? Ради жизни. А зачем тогда жизнь? Если ради удовлетворения физических потребностей, то что из того? Но если у человека есть сознание, да еще и творческое, то возможно, что удовлетворение физических потребностей лишь первое условие хозяйственного бытия, его первая ступень, служащая для чего-то иного, хотя бы для удовлетворения уже идеальных, даже и виртуальных, потребностей, что уже за пределами физического производства человека, что уже в зоне идеального производства идеального человека, однако и этого мало, ибо есть идеальные потребности, сопряженные с физическим бытием человека, а есть и такие, которые уходят далеко от человеческого физиса, даже и социума, и культуры, которые сопрягаются не с чем иным, как с потребностью творчества, созидания несуществующего, очеловечения мира, демиургии.

Человек-творец, человек-демиург, человек-преобразователь. Откуда, почему, зачем, для чего — с какой целью и ради какой цели?..

Видимое — выживание, замечаемое — творчество, осознаваемое — демиургия. От природы к неприроде, от естества к культуре, от мира данного к миру созидаемому. *Пересотворение мира, пересотворение человека, пересотворение жизни.* И великая тайна: откуда, почему,

зачем, для чего?..

Трансцендентная телеология. Имманентность бытия здесь не выручает, ибо главное остается либо за кадром, либо в неясности, либо в недоступности. Потребность в *откровенном знании*. София — Премудрость Божия и софиология. Чего желает человек хозяйствующий, к чему стремится, знает ли, что творит? Какова *сверх*-задача, какова *супер*-цель, каков *мета*-замысел? Необъяснимая телеология, или *метателеология*, человеческого хозяйства.

И однако: покорение природы и создание искусственного мира (поля бытия); очеловечивание среды обитания; от Бога к богочеловеку — к человекобогу — к человекочеловеку, а затем и... к Человеку Богу (?), что вроде бы величественно, но и крайне рискованно; создание плацдарма для перехода... в иной мир, но какой?

Телеология хозяйственной жизни — сплошные вопросы, сплошные загадки, сплошная трансцендентность. Здесь царство не науки, а философии — *философии хозяйства*.

Тема 54. Хозяйственное метасмыслие

Хозяйство — *метасмысловое богатство*. Необходимость метаразмыслительных погружений — улавливаний метасмыслов. *Метасмысловая индукция*. Оперирование с метасмыслами. *Метасмысловая дедукция*. Разворачивание метасмыслов в ходе метаразмышлений. Обнаружение и реализация *метасмыслологии*. Феномен *метасмыслового древа* (древа метапознания). Точка *обратной перспективы* — точка метапознания. Все вместе и все сразу. Метаописание познанного. Метаопределения (с трансцендентной неопределенностью и глубиной). Метаязык. В итоге: *метасмыслие*.

Досадное, но, возможно, и спасительное, незнание. Недостоверность. Обозначить тайну — узнать тайну, однако как тайну. Раскрытие как вхождение в *знаемое незнаемое*. Не моделирование, но и не блуждание в потемках. Представление. Не истина, но истинность. Ни опыта, ни проверки. Оправданная интуиция. Трансцендентная интенция. *Работающий миф*.

Размыслительная добросовестность.

Философия — любомудрие. Контакт с метасмыслами — *метасмыслие*. По любви и при мудрости. Несуетность. Размыслительная тишина. Покой. *Молчание*.

Засловие, зазвучие, затекстие. «За» и есть по преимуществу «мета», или то, где «мета». Умение узнавать необозначенное и увидеть за знаком больше, чем может дать знак. Смысл — не знак, хотя смысла нет без знака; знак — не смысл, хотя без знака нет смысла. Знак — обозначитель смыслла, его покоритель, но не сам по себе смысл. Смысл шире, дальше, глубже знака. Видеть за знаком, больше знака. Смысл богаче знака. Но знак характеристичен.

Философия хозяйства — *откровение*, хотя и не только, а все это «не только» лишь прелюдия, обрамление, контекст для откровенного, т. е. открытого, а скорее — приоткрытого, сокровенного. Главное в философии хозяйства — *метазнание*, которое и есть ее *эзотерика*, ее *собственное смысловое ядро*.

Хозяйство как бытие, жизнь, существование — уже метасмыслие и метамыслие. А что говорить о цели хозяйства, выходящего за пределы выживания? Выходит, что у хозяйства есть метацель, о которой ничего достоверно не известно. Хозяйство имеет логику, часто и весьма простую, но в хозяйстве есть и металогика, которую можно почувствовать, но вряд ли постичь. Тут-то и потребно откровение, на котором и базируется в главном философия хозяйства.

Философия хозяйства — *метазнание*. Не наука буквально, а *метанаука*, т. е. знание, которое больше, богаче, неопределеннее, чем наука. Хотя возможна и научная философия хозяйства, та же политэкономия — в некоторой своей части, но надо сознавать, что это уже не совсем философия хозяйства.

Тема 55. Хозяйственная эсхатология

Любое хозяйство в рамках человеческого бытия эсхатологично, т. е. сопряжено с исчезновением, умиранием, концом, но в то же время и с появлением чего-то нового, ранее не бывшего, часто и неестественного. Эсхатология — это *исходы*: то ли вниз, отрицательные, то ли вверх, положительные. Исходы, они и *итоги*. Без того или иного *исхода-итога* нет

хозяйства, в том числе и без исхода-итога *самого хозяйства*. Было хозяйство и нет его! Похозяйствовали, и хватит! Сегодня хозяйство, а завтра, глядишь — и антихозяйство! Было одно (по качеству) хозяйство, а теперь вот уже и другое!

Эсхатологический момент. Эсхатологический эффект. Эсхатологический мотив.

Эсхатология касается всего: материального и идеального, ненужного и нужного, реального и ирреального, свободного и несвободного, тощего и жирного, сумасшедшего и здравого... Созидание сопряжено с уничтожением, возникновение — с исчезновением, конструирование — с разрушением, производство — с потреблением... И все это имеет свои концы — положительные и отрицательные. Такова правда: *хозяйство эсхатологично!*

Есть эсхатология и эсхатология.

Есть обычная, *имманентная эсхатология*, которая явна, откровенна, привычна, а есть *эсхатология трансцендентная*, которая уже не столь видна и понятна, не столь и обыкновенна. Одно дело — просто эсхатология, совсем другое — *мета-эсхатология*. Хозяйству человеческому свойственна *метаэсхатология*, которая свидетельствует о наличии какого-то *хозяйственного иного*, куда и уходит каким-то образом хозяйство, жизнь, бытие, — и это *иное* имеет как положительный, так и отрицательный знаки, т. е., с одной стороны, *новое нечто*, или новая положенность, а с другой — *новое ничто*, или новая отрицательность. В любом случае то или иное завершение.

Утверждение, что все в мироздании никуда не исчезает, а лишь преобразуется — не более чем предположение, либо лишь правильная частность. От образа к образу — эсхатология, но не вся, ибо от образа к образу через безобраз (как бы и через провал, бездну, ничто), т. е. тут двойственная эсхатология. Но это не все: нет ли в хозяйственной переработке мира, т. е. в его пересотворении, помимо общего положительного итога, еще и общего отрицательного итога, т. е. не только глобального *нового нечто*, но и глобального *нового ничто*? Не уходит ли хозяйство в некую «черную дыру», поглощающую его энергию — информацию, его жизнь?

Проблема *общей энтропии*, как и *общей негентропии*, хозяйства.

Связь эсхатологии хозяйства с его телеологией.

Проблема *глобальной экологии* человеческого хозяйства.

Тема 56. Хозяйственная апокалиптика

Человеческое хозяйство как страдание, испытание, наказание.

Искушение. Грех. Вынужденное или вольное *злодеяние*, но не в смысле сплошного зла, а в плане его постоянного присутствия. Износ, жертва, убийство. Плата здоровьем, счастьем, жизнью. Убывание. Отходы, отбросы, мусор.

Антибогатство.

Стихия, беда, бедность.

Кризисы, крахи, катастрофы.

Беспорядок.

Тьма.

Инфернальность.

Апокалиптическая линия. Апокалиптическая составляющая.

Апокалиптическая выставляющая.

Апокалиптичность хозяйства — хозяйственная апокалиптика.

Апокалиптическое хозяйство: во времена кризисов, войн, революций, реформ, завоеваний, полонов, покорений, захватов, эксплуатаций, вырывов, отчаяний, освобождений...

Апокалиптическое состояние, когда падение, обморок, опрокидывание, подрыв и надрыв, но также и жертвенный рывок, кровавый взлет, мучительное рождение.

Апокалиптический кризис, из которого нет и не может быть ни автоматического, ни легко программируемого, ни сколько-нибудь естественного выхода, когда нужно страдательное переживание — со сменой поколений, когда громадный риск и незнаемый исход.

Растерянность — апокалиптика, но и высокая мобилизация — тоже. Здесь два знака: отрицательный, когда с патологией вниз, и положительный, когда от патологии вверх — но при этом все же патологически.

Отсутствие перспективы.

Смена способов хозяйства, социального устройства, хозяйственных форм.

Антихозяйство.

Апокалиптичность экономики: деньги, нажива, эксплуатация, обман, соперничество... все то, что разлагает, опустошает, убивает. Все экономические коллизии: разорения, банкротства, безработица, инфляция, кризисы... Социальная борьба, потрясения, восстания.

Апокалиптика экономической цивилизации. Триумф и эсхатология. Что дальше?

Экологическая драма. Уничтожение природы. Конфликт с природой. Угроза глобального катаклизма.

Человек перед лицом *нового мира*, им же созданного: столкновение с неопределенным исходом. Возможность *њњуогоменида* с античеловеческими чертами. Не последние ли тут времена?

Апокалиптика как суицидная потенция.

Тема 57. Хозяйственный апокатастасис, или хозяйственная апокатастика

Апокатастасис — *анти-апокалипсис*, апокатастика — *анти-апокалиптика*.

Хозяйство как сочетание апокалиптики и апокатастики, нанизанных на *стержень жизни*. Стержень жизни — норма, устои, обыкновенность, т. е. то, что как раз изучается и преподносится по преимуществу благонамеренной наукой. Без стержня жизни нет жизни. Воспроизводственная, понятная, спасительная середина.

Всякий апокалиптический напор порождает апокатастическую реакцию, хотя последняя может и не справиться с первым. Но шанс преодоления напирающей апокалиптики всегда есть, пусть и преодоления не полного. Апокатастический эффект особенно заметен по завершении или ослаблении апокалиптической волны. *Катарический (очистительный) эффект.*

Хозяйственная жизнь — противодействие апокалиптики и апокатастики, однако такое, что в *целом* не побеждает ни одна из сторон, хотя в какой-то момент победа одной из них может и состояться: Конец Света в случае «успеха» апокалиптики и Преображение в случае успеха апокатастики.

Вообще же апокалиптика вернее, заметнее и чувствительнее

апокатастики, но без последней невозможны ни хозяйство, ни жизнь, ни человек.

Для бытия характерно *убытие и прибытие* — всего и вся, что и предопределяет возможность не только апокалиптики и апокатастики, но и самого бытия — обновляющегося, перестраивающегося, преобразующегося, равным образом и возможность поддержания *стержня бытия*, корреспондирующего со стержнем жизни.

Апокалиптика и апокатастика порождают стремление к *иному*, уже свободному от этих обеих сил-тенденций, бытию, что и кладется в основу радикального хозяйственного проектирования, но, естественно, по очень большому счету — как бы и за пределами пока еще характерного для человека мира-хозяйства.

Тема 58. Хозяйственный утопизм

Проектирование в хозяйстве и *проектирование хозяйства*. Проектирование нового способа хозяйства и проектирование *нового хозяйства* — вместе с новым человеком, новой жизнью, новым миром, т. е. проектирование, возможно, и какого-то *после-хозяйства*, во всяком случае хозяйства, преодолевающего многое основное, что характерно для хозяйства, что пока делает хозяйство хозяйством, что еще мешает хозяйству стать свободным от хозяйственных же оков. Помимо физических, природных препятствий, идущих от окружающего мира и от природы самого человека, есть и такие помехи, как тяжкий труд, болезни, смерть, т. е. то, что делает жизнь выживанием, а хозяйство — выживательным, а потому и несвободным. Фактически речь идет о полном обожествлении человека хозяйствующего и его хозяйства, и, соответственно, о переходе от выживательного, еще и страдательного, хозяйства к счастливому, игровому, здоровому, как бы и обессмертенному *после-хозяйству*, а, соответственно, и *после-бытию*.

Человек стремится через свое хозяйство к преодолению себя, своего бытия и своего мира. От ужасной природы через еще ужасную неприроду к благостной *после-природе*.

Отсюда супермасштабные проекты — *метапроекты*. Те же коммуно-социалистические проекты, теософско-антропософские и рерихи-

анские, в то же время и космические (от космизма), и спасительного «общего дела» (типа федоровского), и софianские («царства духа и мудрости»), не говоря уже об иных проектах оккультного, эзотерического, масонского или каббалистического толка. Проектов всяческих хватает, и все их можно принять за проекты философско-хозяйственного плана, что говорит о широких возможностях той сферы знания, которую мы называем философией хозяйства. Сила дедукции, а иногда и просто фантазии, здесь велика. Потому и нужен *критерий ответственности* для прогностических размышлений, а тем более проектов, и таким критерием должно служить *ответственное смиление* человека, его *не-обожествление* (ни религиозное, ни философское, ни научное, ни какое-либо другое). *Человек не Бог, а хозяйство человека — не хозяйство Бога!*

Утопия — далеко не полная фантазия, это все-таки проект, хотя и проект с мощным фантазийным мотивом. Утопия — проект и не проект одновременно, как и одновременно фантазия и не фантазия. Утопия ирреальна, но в то же время она и реалистична, а потому может быть и вполне реальной — как уже нечто воплощающееся. Утопия — это, в общем-то, так или иначе в тот или иной момент исполняемый проект, хотя, быть может, и не полностью, не совсем так и вовсе даже не там.

Утопизм вполне органичен человеку, его жизни и его хозяйству. Хозяйство человека так или иначе *утопично*, причем не случайно, а вполне закономерно. Создание утопии, а тем более, и воплощение — хозяйственное действие. Без утопизма вообще нет человеческого хозяйства.

Утопия — вовсе не то, что непременно отрицательно. Однако утопия может быть и, как правило, является *отрицательной*, ибо рождается она, как правило, от непомерной гордыни человека — человека хозяйствующего, человека-творца, человека-демиурга. Без утопии, видно, нельзя, но утопии должна всегда противостоять *антиутопия*, т. е. тот самый антипроект, который ответствен по-особому — со смиренностью.

Есть разные проекты и, соответственно, разные утопии, но не является ли человеческое хозяйство в целом утопическим, хотя бы, к примеру, современное? Большой вопрос, на который возможен и утвердительный ответ — чисто, заметим, философско-хозяйственный. А если так, то на хозяйство человека, его экономику, можно посмотреть уже совсем по-иному...

Тема 59. Хозяйственное богословие

Разумеется, не то богословие, о котором может подумать просвещенный человек, как и не какая-то его особая часть. Однако все-таки *богословие*, ибо с Богом — одно хозяйство, ведущееся *одним* человеком, а без Бога — совсем *другое*, реализуемое и *другим* человеком, а по истечении времени, т. е. к сроку, *человеком ли вообще*..

Философия хозяйства не может не обратиться если не прямо к Богу, то хотя бы к *идее Бога*, что как раз приемлемее для современного человека, способного допустить лишь идею Бога — как нравственно-психологическую, возможно, и терапевтическую (максимум возможного от обезбоженного времени). Отсюда и не более чем *философское богословие*, которое есть лишь приемлемая часть для философии хозяйства, но никак не сколько-нибудь адекватное богословие в традиционном понимании. В эпоху в общем-то уже *бездожного хозяйства*, когда человек практически уже не только не обращается к Господу в процессе своего хозяйствования, но даже вовсе Его и не учитывает — даже как идею, философия хозяйства, не скованная научной догматикой и научным атеизмом, не может пройти мимо Божественного Начала, только и могущего как-то сдержать если и не совсем зарвавшегося, то уже явно сорвавшегося («отвязавшегося») человека, творящего по-своему разумению то, что он хочет, но чего, надо полагать, не знает, а если и знает, то утопически.

Настало время какого-то особого *осознания*, которого пока нет, от которого человек ушел и к которому не приблизился. Философия хозяйства чувствительнее к *бездне*, а потому и чувствительнее к *Богу*, т. е. к тому самому *критерию ответственности*, которого лишено безбожное хозяйство. Философия хозяйства призывает к тому, что выше не только полезности и расчета, но даже и самой нравственности, понимаемой по-человечески. Она стоит за *метакритерий*, который вне человека и над человеком. Отсюда и *хозяйственное богословие*.

Философия хозяйства это не просто хозяйственное любомудрие, хотя это совсем и не плохо, а нечто большее: это *любовь — мудрость — хозяйство*, что означает *Бога (Христа), Софию — Премудрость Божию* (тоже Христа) и *Хозяйство*, ведущееся с любовью и мудростью, т. е. по-божески и софийно, по Христу, чего и должен возжелать

смиренно человек хозяйствующий, но чего он, похоже, желать горделиво не хочет. Отсюда не просто апокалиптика, а *апокалиптика безбожная*, о которой и подумать-то страшно. Философия хозяйства тут прозорливо умолкает.

Часть VI. Метафизика российского хозяйства

Тема 60. Метасмыслология российского хозяйства

Россия — *тайна!* Никто и никогда не мог и не сможет разгадать тайну России, выразить ее логически и словами. Возможно лишь приближение к тайне — откровенчески-интуитивное, где слова лишь знаки, а смыслы — сами по себе. Царство дословья и засловья. *Идея России — в тайне!*

Российское хозяйство *трансцендентно*, причем более, чем вообще хозяйство, чем любое другое хозяйство. Хозяйство России — *странные* хозяйство, не подлежащее в глубине своей обычной оценке. Это как бы и не хозяйство вовсе, а какое-то *противо*-хозяйство, или *хозяйство-наоборот*, или *не-так*-хозяйство. Телеология такого хозяйства не только не ясна, но и трансцендентно, а может, и вообще провидчески, скрыта. Наряду с обычными целями, правда, тоже не слишком выраженным (воспроизведение жизни, богатство, благосостояние, процветание, прогресс...), присутствуют, — а может, и нет, — иные цели — скрытые, не-прочитываемые, как бы и *бес*-цельные. Хозяйство с *не*-хозяйственными, даже и с *противо*-хозяйственными, целями, т. е. целями, которые не совпадают не только с бытовыми, но даже и с обычными бытийственными, целями, которые где-то за пределами доступного пониманию жизнехозяйства. Хозяйство, которое реализуется не ради хозяйства, т. е. не ради собственно жизни, бытия, мира, а ради чего-то *другого*. Отсюда и особого рода *эсхатологизм* российского хозяйства, как и характерная ему *апокалиптика* — вместе с *апокатастикой*.

Не-от-мира-сего-хозяйство!

Что доступно, не берется и не делается, что недоступно, то вызывает стремление, часто безрезультатное, краховое, пораженческое.

Такое трансцендентное хозяйство нуждается и в трансцендентальном объяснении — за пределами обычного логического разумения.

Господство особой иррациональности, за которой, надо полагать, скрывается какая-то *сверхрациональность*, просто так умом не схватываемая.

Метасмыслогика российского хозяйства сложна, она как бы с двойным «мета», что выводит российское хозяйство на какой-то *иной* уровень бытия и познания, с которым обязательно надо считаться: в противном случае остается лишь безобразное и безобразное *хозяйство-антихозяйство*, что, конечно же, и так, но и не совсем так, более того — далеко не так.

Российское хозяйство — *тайна*!

Тема 61. Бесхозяйственное хозяйство

Бес-хозяйственность — не отсутствие хозяйства и не его плоскость, а ведение особого рода хозяйства, обладающего сильной *противо-хозяйственной* потенцией (*хозяйства с противодействием*).

Бес-хозяйственное хозяйство — аномальное, патологическое, энтропийное хозяйство, склонное к расплаззанию, угасанию, исчезновению. Такое хозяйство не может быть ни совершенным, ни особенно стабильным, ни ритмичным. Для него характерна некая *без-воспроизводимость, без-наращиваемость, без-накопляемость*. Оно внутренне сдержанно и *без-расцветно*.

Бес-хозяйственное хозяйство — выживательное хозяйство.

Это *хозяйство борьбы* — за жизнь, за воспроизводство, за само хозяйство тотальной борьбы — всех за всех, а не единичной борьбы — друг с другом. Не столько конкуренция *в* хозяйстве, сколько конкуренция *за* хозяйство, а вместе с тем — за жизнь вообще, за воспроизводство вообще. Здесь *личное напряжение сочетается с общей напряженностью*, что не значит обязательной справедливости внутри хозяйства, но что свидетельствует об общей праведности хозяйства. Здесь воистину бремя, страда, жертвенность.

Это *хозяйство «принуда»*: от взыскательной природы, сурового и не слишком стабильного климата, необъятного и открытого пространства, тягучего времени, массы холода и массы темноты, от редкости, неравномерности и разнородности народонаселения, от временности, непостоянства и неосновательности бытия и быта, от непременной

разрушаемости всего и вся, от воспроизводящейся бесперспективности жизни, вообще от всякой невозможности. Принуд от среды рождает необходимость хозяйственного преодоления, однако тоже принудительного: личного, семейного, группового, общественного, — и в итоге феномен принудительного хозяйства, — что от среды, что от общества. Отсюда приоритет тяготы над выгодой, приказа над диалогом, контроля над доверием, взимания над обменом, общественного над частным, волевого над законным, иерархического над сетевым, центра над периферией, натураномики над экономикой. Отсюда и большой государствизм, и азиатство (хотя бы в аспекте азиатского способа производства), и имперскость (более внутреннего, чем внешнего порядка).

Минимационное хозяйство. Много затрат и утрат, но не так много эффекта. Без-производительное, без-прогрессное, без-расширительное хозяйство, хотя и с вынужденной и принужденной производительностью, с прогрессом, с расширением. *Хозяйство через бес-хозяйство, хозяйство-вопреки, хозяйство-через-силу, силовое хозяйство, вырывающееся хозяйство.* Максимизация через принудительное преодоление минимизации.

Не-само-хозяйство!

Метасопротивленческое хозяйство, которое надо не просто вести, а вытягивать — как бы за пределы самого себя, поднимать, подготавливать, выжимать.

Не богатство, а *достаток*, а если *богатство*, то временно и для немногих — за счет многих, которые в *недостатке*.

Российское хозяйство — в полном смысле слова *апокалиптическое*, т. е. с сильной апокалиптикой, а соответственно и с *апокатастикой*, что находит выражение как в неожиданных взлетах и падениях, так и в судорожных реформах и революциях. Отсюда особая судьба российского хозяйства — *драматическая*!

Тема 62. Метаистория российского хозяйства

Телеология: от простой натураномики ко все более сложной — между натураномикой и экономикой — по третьему натуро-экономическому пути.

Феномен *натуральной экономики*, или *экономической натуральности*, или *натураэкономики*.

Феномен *натураэкономической цивилизации*.

Минование европейского ренессанса (неучастие в нем), а соответственно, экономической революции и экономической цивилизации.

Становление и метаморфозы *хозяйственного принуда*: собственнического, присвоительного, распределительного, бытийного, трудового, исполнительного.

Многоукладность, характерная для натураэкономики. Сочетание общественного и частного начал на разных уровнях и в разных сферах. Крестьянское хозяйство, земельная община, поместье, крепостничество. Артель. Торговый и промышленный капитал. Использование последним принудительного труда. Отходничество. Банковское дело. Прямое и косвенное участие государства в хозяйственной жизни. Государственный хозяйственный уклад.

Дефицит хозяйственной свободы, инициативности, восприимчивости к нововведениям. Тенденция к *хозяйственной энтропии* (застою, сжатию, угасанию, нехваткам) и необходимость *принудительной хозяйственной негентропии*. Феномен *под-государственности*, когда многое так или иначе оказывается под государством, его опекой. Хозяйственный патернализм. Хозяйственное армейство. Имперскость (более внутренняя, чем внешняя). Феномен *государственного (из центра) прогрессизма*.

Хозяйственный инфернализм, характерный для натураэкономики принудительного типа (эксплуатация, бедность, скудость; болезни,увечья, смерть; казнокрадство, мздоимство, воровство; растраты, потери, разорения; насилие, инертность, лень; бегство, грабежи, бунты, и т. д., и т. п.).

Тенденция к *энтропийному антихозяйству* и постоянно воспроиз водящаяся потребность в целостном преобразовании хозяйства.

Реформация как желательно-нежелательная принадлежность исторического бытия российского хозяйства и российской цивилизации.

Апокалиптическое в целом хозяйство, однако давшее *великую духовную культуру*, которая только и возможна, видно, в *имперском времени-пространстве*, в хозяйственной цивилизации срединного типа, там, где есть принуд, ответственность и служение.

Тема 63. Российская Реформация

Органическая потребность в *хозяйственных преобразованиях*: органических и не-органических. Насильственный характер преобразований — сверху и из центра. Необходимость развития, или приспособления, при нежелании хозяйства развиваться и приспосабливаться. Давление сдерживающего экономического начала. Проблема *экономизации и капитализации*. Сочетание органики с неорганикой, т. е. *своего и несвоего*. Противоречивые преобразования хозяйства, поиск новой органики, включающей в себя и неорганику. *Преобразовательное постоянство*.

Феномен *Российской Реформации*. Преобразовательная тенденция с постоянным напором экономики при окончательной *недо-экономизации*. Уход со *своей* дороги, часто разрушительный, если не гибельный, и возврат на *свою*, хотя и в чем-то уже иную, дорогу. Развитие российской хозяйственной цивилизации. Реформационное возвращение. Реформационная цикличность. Усиления и ослабления. Реформы и революции — с разными целями и подтекстами. Обратные действия и процессы: антиреформы и антиреволюции. *Апокалиптика Российской Реформации*.

История российского хозяйства Нового времени — история Российской Реформации. Основной вопрос Российской Реформации — *экономический*. Развитие экономического начала при сохранении российской специфики. Дilemma: экономика или Россия? Чаяния экономики и желания России. Невозможность органического единства. Плата Россией за экономизацию. Полная и последовательная экономизация — исчезновение России.

Волны Российской Реформации: петровская, александровская, сталинская, горбачевско-ельцинская. *Историческое блюждание российского хозяйства*. Выбредание на свою дорогу, хотя и не в экономическом, но и не в самом российском образе. Усиление и всеохватность хозяйственного принуждения. Ненависть к принуждению при неприятии экономического начала. Принуждение как обратное следствие экономизации. Потребность в адекватном разрешении основного вопроса Российской Реформации. *Неразрешимость Российской Реформации*.

Тема 64. Сталинский эксперимент — тотальный хозяйствственный государствизм

Государствизм — феномен тотального огосударствления жизни, когда государство в лице государственного и партийного аппарата оказывается главным, основным и ведущим хозяйствующим субъектом, а все остальные хозяйствственные агенты оказываются либо его составляющими, либо производными от него, либо зависимыми от него. Государство, реализующее всестороннюю тоталитарную, дополненную партократией, — *глобальный хозяйствующий субъект-монстр*, охватывающий прямо или косвенно *все* хозяйство и делающий хозяйство своим *внутренним моментом*. *Хозяйство внутри государства!* Отсюда не государственное даже хозяйство, а именно *хозяйственный государствизм*, когда государство не просто участвует в хозяйстве, имея и свое в нем хозяйство, а буквально ведет хозяйство *в целом*. Остаточные, т. е. как-то свободные от государственности, хозяйственные зоны принципиального значения не имеют.

Хозяйственный государствизм — в принципе *не* экономический способ хозяйства. Он не в состоянии предоставить свободу экономике, ибо это для него опасно и невозможно, но он может, однако, использовать — и весьма эффективно — экономическое начало — под жестким контролем, в рамках и на основе своей организации. Экономика — внутренний момент государствизма, один из используемых им механизмов, подчиненное начало. Феномен *зависимой, подопечной, принудительной экономики*.

Необходимость и возможность использования любых неэкономических форм и механизмов хозяйственной организации, по преимуществу натуральной и военно-административной.

Феномен *планомерности*.

Сочетание принудительного и свободного труда, всех форм заинтересованности в труде, социального равенства и неравенства, социалистических и буржуазных принципов жизнеотправления.

Высокая мобилизационная потенция государствизма. Государствизм как *мобилизационное по преимуществу хозяйство*. Возможность и действительность хозяйственного рынка.

Хозяйственный государствизм как реформационная *контр-реформация*. Попытка снять основное противоречие Российской Реформации между экономизацией и Россией за счет полного огосударствления хозяйства, подчиняющего себе и экономику, и Россию. В то же время и *альтернатива экономической цивилизации вообще*, переживавшей *общий, или органический, кризис*. Хозяйственный государствизм как *апокалиптическая попытка преодолеть обострившуюся апокалиптику хозяйства и жизни — в России и в мире*. Хозяйственный государствизм вышел из борьбы, революций, войн, кризисов, крахов, распада, стихии, хаоса... ради преодоления всего этого в условиях всего этого и в кратчайшие сроки. *Угрозы!* Необходимость срочного «догоняния». Эффект сжатого, короткого, насыщенного времени. Судорожность. Отчаянность. Порывистость. Особая драматичность. Колossalное жертвоприношение. Кровь. Энтузиазм. Отрешение. Подвижничество.

Великий проект — великие свершения — великая цена!

Феномен глобального социо-хозяйственного *архитекторства* вкупе с не менее глобальным *инквизиторством* ради построения счастливого будущего. Феномен *мощнейшей хозяйственной демиургии*. Хозяйственный государствизм как самоцель и как средство реализации иных целей, как полная самодостаточность и как *временное событие*, подлежащее *реконструированию*.

Апокалиптическая попытка завершения *пересотворения мира и человека*, альтернативная экономикоцивилизационной, или капиталистической.

Эсхатологизм амбициозного проекта и самого феномена хозяйственного государства. Крайность, экстремальность, маргинальность. Утопический момент. Ограниченност. *Безблагодатность!* Невозможность длительного бытия — конфликт с жизнью. *Антижизненность.* Порча. Неперестраиваемость. Неразрешенность проблем Российской Реформации. Напор экономизма изнутри и извне. Пороки государства — пороки человека — поиск иного порочного. Тяга человека к экономизму. *Неизбежность краха хозяйственного государства.*

Тема 65. Экономическая революция в России

Горбачевская перестройка как скрытая подготовка экономической (буржуазной, капиталистической, одновременно и мировой) революции в России. Явление *ельцинизма* и свершение *экономической революции*. *Разгосударствление хозяйства и общества*. Распад СССР и обужение России. Утверждение экономики. Попытка решения проблемы Российской Реформации через экономизм и в его пользу. Триумф *экономической цивилизации* и полное поражение государства.

Государство против государственности: феномен *антигосударства*. Антигосударство и экономика против цивилизованности: феномен *антицивилизации*. Антигосударство, антицивилизация и экономика против хозяйства: феномен *антипроизводства и антитворчества*, феномен *антихозяйства*. Замена демиургии хозяйственного государства на демиургию экономического присвоительства. Паразитирование экономики на хозяйстве, его остатках. Торжество *антимира*. *Инфернализация* экономики, хозяйства, жизни.

Утверждение *финансизма*. Уродливая *финансомика*. Чудовищная *финансовая олигархия*.

Антиэлита.

Внутренняя и внешняя эксплуатация российского хозяйства. Феномен *субхозяйства* — *субэкономики*. Российское хозяйство как донор.

Антижизнь.

Катастрофа России и российского человека.

Уход России из России. Господство *анти-России*. Бегство из России.

Тема 66. Цветущая апокалиптика

Концентрация российской исторической апокалиптики: *российский апокалипсис*. Апокалиптическая реформа-революция — апокалиптический кризис — апокалиптическая безвыходность.

Апокалиптическое хозяйство. Безвременье и беспространствие. Распродажа. Хозяйство как распродажа. Время распродажи и пространство распродажи. Пока распродажа — пока и Россия, точнее, то, что называется Россией. Исчезновение России через распродажу, что и называется экономикой, рыночным хозяйством, предпринимательством.

Процветает только то, что способствует распродаже.

Стремление к нулю как внеисторическая антиперспектива. Погружение в глобализованный мир. Удержание в нем в качестве обезымяленной взвеси. Распад, рассредоточение, взвесь.

Тема 67. Вера в апокатастику

Нашествие *глобальной экономики*, или *экономического глобализма*, а лучше сказать, *глобальной финансомики*, или *финансового глобализма*, поддерживаемое заинтересованной в нем *антироссийской антиэлитой*, захватившей власть и хозяйство в уходящей России всерьез и надолго.

Конец не одного лишь хозяйственного и иного в России государства, а и конец самого *российского мира* — с самостоятельным и животворным национальным хозяйством, с национальной культурой и даже национальным языком. И дело здесь не в одной глобализации, но и в *дероссиизации* хозяйственного и жизненного пространства.

Приговор России!

История повторяется.

Российская апокалиптика — не только, а быть может, и не столько, российского происхождения. Август 1991 г. — «февральский август».

Скорейший отказ от России в России — как бы и залог выживания, чуть ли не полуколониального процветания, — и не постсоветского, как кажется, а уже и *построссийского*, человека.

Осознание *нового перестворительного проекта*, тайно навязанного России и в ней же тайно претворяемого.

Выжить и сорвать *проект*. Не столько субъективно и сознательно, сколько объективно и бессознательно — в ходе вещей и самим ходом вещей.

Уверовать!

Вообще просто уверовать — *о-дух-отвориться!*

Вера в апокатастасику может привести к *реальному апокатастасику!*

Осознать *по-новому новую* целостность России.

Осознать *по-новому* время-пространство — выйти на *новое бытие*.

Возрождение государственности — в новом образе, и имперской — тем более в новом образе.

Становление новой российской цивилизации.

Поиск приемлемого сочетания между Россией, экономикой и глобализацией.

Трудно, невозможно, но... нужно и можно — не без краха тотального атлантизма, или Новой Атлантиды!

Часть VII. Хозяйствующая философия

Тема 68. Безграничная вертикаль

Философия хозяйства — безграничное знание, ничего не отвергающее, но ни в чем не замыкающееся. Знание-размыщение. *Гносеологическая вертикаль*. От имманентного к трансцендентному и обратно. Горизонталь — лишь отправное основание.

За-научная санкция, рождаемая действительностью. Философия хозяйства как за-действительное знание. За-опытная ценность философии хозяйства.

От трансцендентности бытия к трансцендентности занятия. Неуловимость как норма. Страх перед тайной — бесстрашие с тайной!

Философия хозяйства — *особое знание*, не являющееся частью ни философии как таковой, ни экономики как таковой, хотя и выходящее на философию и экономику, в них участвующее. Философия хозяйства дает знание, которое не дает ни философия, ни экономия, и обогащает при этом как философию, так и экономику. Философия хозяйства есть одновременно и философия бытия, и философия жизни, и философия человека, и философия природы, и... разная другая философия. *Метаскопическая значимость философии хозяйства.*

Философия хозяйства как благая весть!

Тема 69. Философия действия

Философия хозяйства как хозяйство, т. е. *само-хозяйство* (*само* есть хозяйственный процесс), но, разумеется, как по преимуществу *метасмысло-хозяйство*. Производство идей. Идеология. *Высокая культура*. Видение, ведение, провидение. Саморефлексия и самоконтроль.

Высшая критериальность. Сверхзаданность и сверхзадачность. *Просвещение.*

Не руководство, но и не бездействие. Созерцание, решение, действие — с философией хозяйства, от нее, из нее. С философией хозяйства и без оной (лишь с той же наукой): что лучше?

Не технология, а *концептуальность*. Однако открытая. Возможность *заоблачных ориентаций*.

Стихийно-бытийственная, осознанно-рефлексивная и трансцендентно-откровенная философия хозяйства. Источники, истоки, истины. *Фабрика мысли*. Питательная среда. Опора и преддействие.

Философски обусловленный хозяйствующий субъект.

Философски оправданное хозяйство.

КУРС ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА

Учебное пособие (свод лекций)

Предисловие

Философия хозяйства зародилась в Московском университете в начале XX в. благодаря главным образом усилиям Сергея Николаевича Булгакова, окончившего университет и бывшего его профессором. В 1912 г. Булгаков защитил в Московском университете докторскую диссертацию, которая так и называлась — «Философия хозяйства». Так было фактически положено начало новой отрасли гуманитарного знания.

Судьба оказалась не очень милостива ни к философии хозяйства, ни к ее основателю. Булгаков, принявший в 1918 г. священство (став о. Сергием) и вынужденный покинуть Московский университет, был выслан в 1922 г. за пределы родины, а философия хозяйства, как и однотипный булгаковский труд, были надолго подвергнуты забвению.

Однако жизнь брала свое: потребность в философском осмысливании хозяйства, как и в известном переосмысливании теоретической экономики, нарастала и не могла не вылиться в конце концов к обращению, уже на новом историческом витке, ко все той же, хотя и содержательно уже во многом иной, философии хозяйства.

Автор настоящего труда опубликовал свою первую работу по философии хозяйства — монографию «Опыт философии хозяйства», в 1990 г., еще не будучи знакомым с выдающимся произведением Булгакова, изданным вновь как раз в 1990 г. Ознакомление с замечательной булгаковской работой укрепило автора в правильности избранного пути и подвигло на создание в Московском университете научно-образовательной школы философии хозяйства, признанной в настоящее время официально. Булгаков — безусловный основоположник русской философии хозяйства. Вот почему автор от всего сердца посвящает настоящую работу именно *Сергею Николаевичу Булгакову*. Уместно заметить, что Булгаков стал первым действительным членом созданного в Московском университете Философско-экономического ученого собрания, которое учредило также почетную медаль С.Н. Булгакова для награждения выдающихся ученых современности. Творческое наследие Булгакова находится под пристальным вниманием ученых, оно является объектом тщательного изучения и оживленных обсуждений. Можно сказать, что Булгаков вернулся в Московский университет, заняв достойное место среди самых выдающихся его воспитанников и деятелей. Его творчеству посвящаются крупные научные форумы и содержательные монографии.

Философия хозяйства, несмотря на свои весьма древние корни, все-таки еще молодое знание, по крайней мере, еще не сложившееся знание, по которому еще нет учебников и учебных пособий, нет даже сколько-нибудь общепринятых учебных программ. У философии хозяйства еще все впереди. Однако кое-что уже есть: монографии, статьи, пособия. Пришло время, когда стало возможным пойти на создание если и не в полном смысле слова учебника, то во всяком случае целостного учебного пособия по курсу философии хозяйства. Публикуемый ниже «Курс философии хозяйства» как раз и представляет собой первую на сегодняшний день попытку перевести исследования и мысли в сферу образования.

Философия хозяйства — объемное знание. Ясно, что автор не мог при всем желании коснуться в лекциях всех проблем, волнующих сегодня философию хозяйства. Ему пришлось выбирать главное. Философия хозяйства поэтому не только не раскрыта здесь в полном объеме,

но и в ряде случаев показана лишь эскизно. Автор просил бы читателя это учитывать, как просил бы вообще относиться к философии хозяйства как к не только становящемуся, но и по природе своей (что станет видно из последующего текста) весьма неопределенному знанию-размышлению. Важно также иметь в виду, что философия хозяйства допускает немалую субъективность в выделении ее основных проблем, их понимании и представлении. Будучи общей по основной исходной посылке — философия хозяйства есть философия хозяйства, философия хозяйства не может быть единой по реализации. Разнообразие мнений — не порок для философии хозяйства. Заметим также, что философско-хозяйственное знание совсем не просто — в том смысле, что его нельзя как-то «автоматом» усвоить, с ним надо терпеливо работать, над ним надо много размышлять, его надо одновременно и создавать, т. е. даже в процессе обучения подходит к нему творчески. Людям, не склонным к мировоззренческим размышлениям, философия хозяйства особенно ни к чему, но зато приверженцам неформального обобщающего познания она крайне необходима. Нет большей радости, чем радость самостоятельного добывания — не без помощи письменного и устного слова — не берущегося просто так в руки знания. Отсюда не знакомство только с философией хозяйства, а глубокое в нее погружение, сопряженное и с размыслительным переживанием.

Помимо учебного курса в настоящей работе также публикуются различные труды, прямо или косвенно относящиеся к философии хозяйства, во всяком случае, находящиеся, если так можно выразиться, в философско-хозяйственном поле. Представляя самостоятельную ценность, они в то же время могут оказать существенную помощь в овладении философией хозяйства, в особенности, те работы, которые подготовлены в качестве исходных статей для создающейся в Московском университете философско-хозяйственной энциклопедии. Время, в которое выходит в свет издаваемая работа — не просто сложное, но, по многим оценкам, прямо-таки апокалиптическое, а потому актуальная проблематика философии хозяйства не может не отражать острой проблемности самого нынешнего бытия, в особенности, российского. Не может философия хозяйства пройти мимо и непростой, даже кризисной, ситуации, сложившейся на сегодняшний день в науке и в мысли, в частности,

в экономической. Отсюда и известная драматичность представленной философии хозяйства, ее активная мировоззренческая и нравственная позиции. Не будет преувеличением сказать, что в философии хозяйства ныне все (по крайней мере, очень многое) сошлось, что она не где-нибудь, а в самом центре актуальных обществоведческих, человековедческих и жизневедческих размышлений, что без философии хозяйства ученый мир уже обойтись не может. Не все это еще осознали, но осознание это приходит.

Лекция первая. Вводная

Лекция вторая. Ни предмета, ни метода, ни стиля

Лекция третья. Притязания философии хозяйства

Лекция четвертая. Хозяйство как хозяйство

Лекция пятая. Хозяйство в разнообразии и развитии

Лекция шестая. Экономика

Лекция седьмая. Стоимость

Лекция восьмая. Деньги

Лекция девятая. Капитал

Лекция десятая. Экономическая цивилизация

Лекция одиннадцатая. Неоэкономика

Лекция двенадцатая. Хозяйственная демиургия

Лекция тринадцатая. Пересотворение мира

Лекция четырнадцатая. Хозяйственное богословие

Лекция пятнадцатая. Россия хозяйствующая

Заключение. Философия хозяйства — хозяйствующая философия

Лекция первая

Вводная

Философия хозяйства — не предмет, не дисциплина, даже не наука, хотя ее можно назвать при случае и предметом, и дисциплиной, и наукой. Философия хозяйства — нечто большее и менее определенное, это некая *область знания*, к тому же не имеющая сколько-нибудь четко очерченных границ — ни пространственных, ни познавательных, ни концептуальных. К философии хозяйства можно отнести очень многое, ибо, с одной стороны, хозяйство есть, по сути, само бытие, по крайней мере, бытие человека, а это, согласимся, совсем не мало, а с другой стороны, способ познания тут не какой-нибудь, а философский, т. е. самый общий, масштабный, разнообразный и свободный. В итоге сочетания двух вроде бы достаточно ясных слов — философии и хозяйства — получается далеко не такое уж ясное нечто — *философия хозяйства*, о которой только и можно сказать — загадка.

Но отчаяваться не надо, ибо что на свете не загадка? Для того и существует познание, чтобы загадки разгадывать, разумеется, с разной долей успеха. И мы попытаемся еще более приоткрыть уже приоткрывшуюся тайну — тайну философии хозяйства, ибо обозначить вещь (а вещь, как известно, вещает, подает о себе весть, раскрывается) — уже многое о ней узнать, схватить ее внутренний смысл, коснуться сокровенного, приручить, — правда, удается это не всякому уму, а лишь кое-что уже знающему, находящемуся в познавательном контакте с молчаливым, но вещающим миром.

Какую же весть подает нам окружающий мир, если смотрим мы на него через призму словосочетания «философия хозяйства»?

Правильно, — говорит нам мир, — что пытаешься смотреть на меня, во-первых, максимально объемно и целостно, ничего покамест из меня не исключая (как хозяйство, так и философия, как мы уже успели убедиться, действительно весьма объемны и целостны); во-вторых, совершенно непредвзято, ибо не ставите никаких априорных аксиоматических и иных каркасов, меня заранее стесняющих (оставляете мне загадочность и самостоятельность); в-третьих, с любовью, ибо стараешься не распотрошить меня изыскательски, а понять таким, какой я есть

в своей полной самости, а соответственно с мудрым расчетом на познавательный диалог.

Но это не все.

Мир начинает уже перед нами раскрываться, хотя и очень абстрактно.

Как же?

Посмотрим повнимательнее на саму нашу познавательную призму.

Философия хозяйства. Что касается философии, то ее можно временно отложить, исходя из того, что «философия» — понятие более или менее общепризнанное и довольно-таки понятное (любомудрие, любовь к мудрости, любовь и мудрость — приятие знания, его добывание, правда, знания обобщенного, глубокого, воззренческого, — для начала и такого понимания философии для нас достаточно). Сложнее с хозяйством, — это несмотря на широчайшее употребление данного слова — практически обиходного. Что же мы разумеем под «хозяйством»?

Выше мы заметили, что хозяйство есть само бытие. Возможно. Однако вряд ли сам материал бытия является хозяйством. Значит, хозяйство есть бытие, но и не совсем бытие или не все бытие, не во всем объеме. Бытие, но и в бытии, т. е. бытие, взятое в каком-то отношении, в какой-то своей части.

Бытие — основа. От бытия уходить нет никакого смысла. Определяя хозяйство, надо базироваться на бытии, и не только потому, что все вокруг бытие, а прежде всего потому, что бытие человека, если хоть на миг серьезно задуматься, и есть по большей части хозяйство. Говоря о бытии, задумываешься так или иначе о хозяйстве, а говоря о хозяйстве — о бытии.

Уловить *хозяйственное в хозяйстве* нам поможет русский язык, которому и принадлежит само слово «хозяйство». Хозяйство происходит от... *хождения*. Вдумаемся: ходить в лес, в поле, на рыбалку, на работу, за животными, за детьми (выходить ребенка!), да мало куда и за чем приходиться в буквальном и переносном смысле ходить, заниматься хождением, хозяйствовать, а потому и вести то или иное хозяйство. И вот выясняется: все или почти все бытие человека связано с хождением, реализующим это бытие. Нет бытия без хождения. Какого бытия?

Жизненного, того самого, которое *жизнью* зовется. Без хождения нет жизни. Вот и получается, что хозяйство это и есть жизнь, и есть бытие. Но со стороны хождения, именно хождения, т. е. какого-то обусловливающего жизнь и бытие передвижения, того самого, которое жизнь дает, позволяя бытию быть бытием. Жизни и бытия нет без этого полезного для них передвижения, без динамики живых существ, без движения организмов, т. е. без их *хождения*.

Перемещение организма, перемещение человека. Любопытно! Но ведь как будто бы можно и стоять, как это делают те же растения. Разумеется, можно. Но тогда вся среда так или иначе должна передвигаться, быть в динамике, ходить. Без ходьбы тут не обойтись. И это очень для нас важно. Живой организм должен передвигаться, ходить, хозяйствовать. Обеспечить реализацию жизни и самого себя организм может только в движении, только во взаимодействии со средой, равным образом, и во взаимодействии с себе подобными. Хозяйствуя, ведя хозяйство! Вот и выходит, что жизнь (того же человека) есть хозяйство, а бытие — тоже хозяйство.

Динамика человека целесообразна. У живого организма нет бесцельной динамики, во всяком случае, у здорового организма (у нездорового организма динамика тоже целеположена хотя бы на обеспечение того же нездоровья, не говоря уже о попытках выздоровления). Хождение, о котором мы говорим, связано с жизнеобеспечением (как и с обеспечением вообще бытия организма) — оно тем более не бесцельно. Цель — сама жизнь, само бытие. Если жизнь, то хождение, если бытие, то ведение хозяйства, т. е. реализация того же хождения.

И тут важный смысловой момент. Хождение все-таки есть динамика организма во взаимодействии со средой, это есть реализация динамического отношения организма со средой, равным образом, и с другими организмами. Это не есть внутриорганизменная динамика, как тот же обмен веществ, а именно вне- и межорганизменная динамика. *Хозяйствовать — обеспечивать организм жизнью посредством внешней жизнедеятельности организма*.

Хозяйствовать — быть в мире, жить в мире, иметь дело с миром. Миродействовать. Поэтому-то бытие и есть хозяйство, и жизнь тоже

хозяйство. Хозяйствовать — споспешствовать организму в его выживании. Делать жизнь. Жизнь, конечно, не во всем есть хозяйство, но жизни вообще нет без того, чтобы жизнь не была бы в основе хозяйством. Отсюда жизнь — это хозяйство, а хозяйство — это жизнь, хотя жизнь как феномен шире хозяйства, содержательнее, многоцветнее.

Хождение по поводу жизни. Двигаешься и живешь. Ходишь и производишь жизнь. Стоп! Мы уловили вдруг что-то очень знаменательное, натолкнувшись на емкие по смыслу словосочетания — производство и жизнь, жизнь и производство, а в итоге — *производство жизни*, осуществляемое организмом во взаимодействии со средой. А где производство жизни, там и *жизнь производства*, точнее, *жизнь производства жизни*. И опять выпирает не что иное, как хозяйство, ибо оно и есть жизнь производства жизни, если не выходить при этом за рамки взаимодейственного со средой целесообразного хождения.

Жизнь организма — производство жизни, а последнее невозможно без жизни производства жизни. Хочешь жить, умей ходить и производить — жить. Вот такой у любого организма императив. Хочешь жить, хозяйствуй — производительно, т. е. води (веди) — хозяйство и изводи что-то крайне для жизни необходимое, а в итоге — производи (изведствуй) жизнь.

Живи, производя жизнь, *однако в производительной динамике с внешним миром*, — изменения, переделывая, превращая внешний мир, меняя свое положение в нем и его положение по отношению к тебе, наконец, и что самое главное, пропуская этот внешний мир, пусть и его часть, через себя, а лучше сказать и честнее — *потребляя этот внешний мир*. Жизнь организма — потребление внешнего мира, в том числе, увы, и самой жизни, т. е. живых организмов, среди которых находится место, увы, и самому человеку. Жить значит потреблять, и соответственно хозяйствовать — не просто жить и не просто производить, но и *потреблять*.

Хозяйство — жизнь производства жизни, но точнее сказать, жизнь производства жизни через потребление внешнего мира и жизни. И все это непременно через хождение, динамику, действие, через взаимодействие живущего и хозяйствующего организма с внешним миром и другими организмами.

Много здесь от физики и биологии. Много. Хозяйство, как и жизнь — физико-биологический процесс. И никто на это не собирается закрывать глаза. Натуральный процесс. Процесс в натуре. Процесс сатурой. Что не значит, конечно, что весь этот процесс надо рассматривать лишь с физической или биологической стороны. Нет, конечно. Но забывать о натуральном характере феномена жизни нет никакого резона. И философия хозяйства, будучи знанием максимально объемным и целостным, вовсе и не становится натуральности хозяйства, более того, она вполне способна включать в себя не что иное, как *натурфилософию хозяйства* — со всеми ее энергиями, информациими, энтропиями, генами, кодами и т. п., — и все это никак философии хозяйства не мешает, наоборот, ее существенно обогащает.

Особенность организменной природы состоит в том, что ни один организм сам по себе не существует, а соответственно — не существует. Либо вместе, либо наряду, либо во взаимодействии, либо один за счет другого, — так или иначе, но не в одиночестве — в *отношениях*. Великое открытие наблюдательного человека — *отношение*, а за ним и *всеобщая отношенческая (и относительная) взаимозависимость*, доходящая до абсолютной данности. Отсюда хозяйствовать — *соотноситься* не только и не просто с окружающим миром, а и друг с другом (т. е. с другими, себе подобными, как внутри вида, так и между видами). Без отношений, кстати, и отношений между людьми, т. е. *homo*отношений, хозяйства по сути нет (не будем повторять здесь набившую оскомину историю Робинзона, который даже на острове хозяйствовал как существо отношенческое и через отношение — с теми же создателями кораблей, топоров, пил, ружей и т. п., не говоря уже об имевшихся у Робинзона знаниях и навыков, ранее и потом приобретенных — из общества). Без отношений хозяйства нет и, если немного подумать, быть не может. И вот важное обращение к *отношениям между людьми*. Да, какими бы они ни были, эти отношения, но без отношений ни хозяйства, ни жизни нет.

Хозяйство, в частности, хозяйство человека или *homo*-хозяйство — нечто отношенческое, межорганизменное, межчеловеческое. Общее — для всех. *Общественное*. Или с иностранного — *социаль-*

ное. Хозяйство — отнюдь не только физико-биологический, но, оказывается, и социальный, или общественный, феномен. Хозяйствует не организм, а *общество организмов*, как не человек как индивид, а *общество людей*, или *человеческое общество*, и, если будет угодно — просто *общество*.

От отношений к обществу. Мощный шаг мысли. Это сегодня образованному человеку кажется, что тут нет ничего особенного — ни в отношениях, ни в обществе. А ведь это великие заключения великого философического ума, без которых нет сколько-нибудь достойного понимания ни человека, ни хозяйства, ни жизни вообще.

Хозяйствует человек, но хозяйствует при этом и общество. Хозяйство — общественный процесс. Огрубляя — помимо физико-биологической материи (или субстанции) в хозяйстве присутствует и материя (субстанция) социальная. Очень важно уяснить себе этот момент, чтобы не впадать ни в какие иллюзии. Хождение — акт только с одной стороны индивидуальный, а с другой — общественный, — и не потому только, вокруг тоже ходят, а потому что хождение индивида как реализация жизнедеятельности возможно только вместе, сообща, в обществе, общественно, — в противном случае оно и смысла лишено, и невозможно (это важно помнить любителям эгожизни, индивидуализма, личной свободы, либерализма, анархизма, демократизма, да мало ли еще чего, порождающего иллюзию необщественности; говорить-то говорят, а вот жить все равно без ближнего не могут, особенно без его эксплуатации). Хочешь ходить, участвуй во всеобщей ходьбе. *Хочешь хозяйствовать, участвуй во всеобщем хозяйстве.*

Социальность — та же природность. Нет природы без социальности. Как было бы хорошо об этом всегда помнить и, различая природность и социальность, не забывать об их единстве. Природное значит социальное, социальное значит природное. А для неживой природы? И для неживой, ибо ничего в ней нет само по себе существующего, как ничто не мешает нам, различая живую и неживую природы, исходить из их единства. И не только в Боге Создателе такое единство открывается, но и в самой природе — Природе.

Однако вернемся к социальной природе хозяйства. Две природы у хозяйства — как делания жизни. Одна — физико-биологическая,

другая — социальная. Наряду с натурфилософией хозяйства вполне достойное место должна занимать, надо полагать, социософия хозяйства. Но этим дело не исчерпывается. Разве можно упускать из виду сам по себе *хозяйствующий организм*, но, как мы уже убедились, организм общественно обусловленный. И вот имея это в виду, вновь вернемся к организму, индивиду, человеку, а вместе с этим, и к его жизненно важному хождению. Ходит-то все-таки человек, хоть и вместе со всем обществом, со всем миром.

Ходит и делает. Именно так, ходит и делает. Занимается жизнебеспечением, что, конечно же, не исключает и противоположного — ходит и смерть нагоняет. Что ж, и смертное дело — хозяйствование. Но нас сейчас интересует другое — не *что* делает, а *как* делает, в плане реализации собственного организма.

И вот оказывается, что, хозяйствуя, т. е. расхаживая туда-сюда, человек-организм совершает работу, мало того, он не только двигает ногами и руками, целесообразно воздействуя — по преимуществу последними — на внешний для него мир, но и «двигает головой», т. е. думает, размышляет, осуществляет те или иные, пусть даже самые примитивные, ментальные операции. *Хозяйствование — следствие жизнедеятельности организма, функция организма, организменное дело.*

Без организма тут никуда. Это было ясно с самого начала. Однако нас интересовало прежде всего взаимоотношение организма с внешним миром, в среде которого и другие организмы. Мы выявили перво-наперво жизненные условия организма, без которых организма просто нет. И теперь настал момент вернуться к организму, но уже в ином аспекте — организменном.

Без работы организма, причем самой разнообразной, нет хозяйства, как нет и самой жизни. Ходить — хорошо, но ведь надо и обеспечивать это хождение, делать его целесообразным, наконец, производительным. И тут выходит, что организм важен, важна его собственная реализация, но особенно важна при этом «работа головы», т. е. той подсистемы организма, которая обеспечивает руководство (от «рукой водить», кстати) в деле нашего хождения. *Хозяйствовать — это мыслить, думать, принимать решения.* А мысля, действовать. Ничего бездумного,

пусть плохого и парадоксального, пусть патологического, в хозяйствовании нет. *Хозяйствование — действие обдумываемое.*

Обратим внимание на то, что в хождении нашем первенство все-таки не за ногами и руками, а за головой — принимающей решения. Ходить-то надо с умом, по уму, умственно. Ногам и рукам голова потребна. И хождение наше явно с головы начинается, в которой замыслы и решения созревают. Ноги еще стоят, руки не двигаются, а голова уже идет — по-хозяйственному. Вот отсюда-то и хождение, и хозяйство. Ноги и руки ходят, ноги и руки делают. Но... от головы, от головы.

Хозяйство природно, хозяйство социально, но хозяйство и организменно. И хотя в организме и природного хватает, и социального — все это так, но в организме есть и что-то специфическое — именно он выдает решения, именно он действует. Так мы приходим к еще одной, наряду с *натурфилософией* и *социософией*, составляющей философии хозяйства — организменной, для которой и названия-то подходящего не просматривается, разве лишь *этософия хозяйства* (от «этос» — нравы) или *психософия хозяйства*, а может, попросту и *органософия хозяйства*.

Да, философия хозяйства — действительно масштабное и вряд ли чем-нибудь серьезно ограниченное знание. Об одних только отношениях между людьми в хозяйственном процессе можно говорить и говорить, выделяя в рамках социософии самые различные отрасли — управленческую, трудовую, психологическую, поведенческую, этическую, нравственную, социологическую, политическую, народонаселенческую, этническую, инженерную, патологическую и т. п., а с выходом за пределы собственно общества и человека — экологическую, геополитическую, ландшафтную и т. д. Нет ни одного аспекта в жизни и деятельности человека, его положения в мире, его социального бытия, который не представлял бы интереса для философии хозяйства, разумеется, как знания абстрактного, синтетического, возвренческого.

Уместно заметить: *философия хозяйства — знание космическое*. И не только в обычном значении космоса, ибо что есть мир, если не космос, как и человек в мире, который тоже есть космос, а в том смысле, что философия хозяйства есть воистину знание *всеобъемлющее*, хотя и

объемлющее предмет не во всем объеме его содержимого, а в неких снимаемых с него смысловых контурах, однако снимаемых со всего объема предмета. Ничто не ускользает от философии хозяйства — в разрезе аспектов и обобщений, конечно, а не деталей и перечислений, хотя, по необходимости, и деталей, и перечислений. Погружение в философию хозяйства есть погружение не только в космос-бытие, но и в космос-знание. Отсюда реальная, а не символическая *космичность* философии хозяйства.

С какой стороны тут ни подойдешь, всюду масштаб, всюду неисчерпаемость — что со стороны хозяйства, ибо это есть — с некоторой долей условности — само бытие, сама жизнь, что со стороны философии, ибо какое еще знание объемнее, разнообразнее, вольнее, чем философское. Но ведь не все же бытие в нашем поле зрения, не вся же философия. Конечно, не все и не вся. А лишь в некотором смысловом отношении. Об этом уже шла речь выше. Но потребность в уточнении все-таки остается.

Очень хочется определения, четкой дефиниции. Как было бы здорово услышать, а еще лучше — прочитать, что философия хозяйства это... то-то, то-то и то-то. Но в том-то и дело, что философия хозяйства есть сразу очень многое и сразу очень неопределенное. К философии хозяйства надо лишь приближаться — медленно, постепенно и осторожно. Наскоком тут ничего не сделать.

От философии вообще философия хозяйства отличается уже и хотя бы своей целевой установкой — направленностью на хозяйство. На первый план здесь выходит просто философская трактовка хозяйства, однако взятого, надо заметить, философически, а лучше сказать, принципиально философически. И не только максимально широко, глубоко и в многоцветии, а, если так можно сказать, в особом познавательном ключе — вообще не рассчитывая на сколько-нибудь утвердительную определенность. Тут — таинство. Не тайна даже, которую ненароком и разгадать можно, а именно таинство, с которым общаться можно, в том числе и познавательно, но на полное раскрытие которого претендовать не приходится.

Особого рода ситуация.

Из тех самых, из вечных — в аспекте разрешения. Суждение тут

иметь можно, даже, порой, и вполне достоверное, но лишь суждение, всего лишь суждение. Уклончив предмет, неустойчиво знание о нем. А что можно извлечь прочного и утвердительного из распостертого за горизонты зыбкого и волнующегося нечто, называемого хозяйством? Из этого суперразнообразного мира с неясными контурами и конфигурациями? Разве хозяйство более доступно для восприятия, чем то же самое бытие, та же самая жизнь, тот же самый человек?

Отсюда и таинство, отсюда и отношение к хозяйству как к таинству, отсюда и благоговение перед таинственным познаваемым, отсюда и знание, переполненное мерцающим отражением неберущейся, хотя и приоткрываемой, тайны.

Слабость?

Конечно, слабость. Но великая слабость, ибо в слабости этой и великая сила — сила познавательного соприкосновения с тайной.

Особого рода здесь познание — не столько разборно-исследовательское и фиксационное, сколько целостно-отраженческое и представленическое. Как бы и не совсем научное, во всяком случае, не слишком точное, не доказательное, не проверяемое опытным путем. Если и научное, то по-особому научное, настолько, насколько научным можно считать познание, допускающее противоположные суждения, разные по сути определения одного и того же, вольные смысловые переходы, наборы обрисовочных картинок и т. п., что не слишком-то характерно для науки, а если и бытует в ней, то более всего по ее периферии, так сказать, по границе с еще необследованным, недостаточно изученным, не особенно доступным и т. д. И если для научного познания здесь просто вынужденный шум, то для того, о котором мы говорим, это самая что ни на есть норма.

Тут познание непознаваемого. Для сознающего диалектику ума здесь нет проблем, а для ума, сориентированного на познавательную определенность, здесь не более и не менее как абсурд. Что значит «познание непознаваемого»? А то и значит, что есть познание, однако при этом его как бы и нет, ибо не доходит это познание до конца. Познаваемое ускользает перед познающим, однако до тех пор, пока не свершается великий познавательный акт — признание тайны и таинства. Тогда

становится легче. Тайна признана, и она открывается, не переставая оставаться тайной. Опять диалектика, опять абсурд. Но другого выхода здесь нет. Вот почему мы и не настаиваем на научности познания, а объявляем его просто философическим.

И предмет познания оказывается у нас философическим — категорически философическим. Само хозяйство, строго говоря, философично, еще до его философского обозрения. Вперив взор на хозяйство, даже просто выделив этот феномен, попадаешь уже в поле философии, в тот ее сегмент, который и философией хозяйства назвать незазорно.

Выходит, что хозяйство как бы «конгениально» философии, а философия — хозяйству? Пожалуй, что так, если быть целостно-последовательным. Иное дело, что хозяйство может и должно подвергаться и собственно научному обозрению, но это уже будет не «конгениальное» познание хозяйства как хозяйства, а скорее отдельных сторон или даже пластов хозяйства, либо хозяйства в каком-нибудь отншении (ракурсе), либо просто при каком-то условном ограничении предмета. В целом научное познание не может охватить такого феномена, как хозяйство — тут потребна философия. А вот вместе с философией, как и вовслед ей, возможны и научные подходы в познавании хозяйства, его характерных свойств, элементов и подсистем.

Сильное заявление, не правда ли?

Да, сильное. И принципиальное. К тому же и честное. Как философы хозяйства, мы утверждаем, что способны многое сказать по-особому — о хозяйстве, но сказать возвренчески, не совсем исследовательски, и скорее образно, чем предметно, вытаскивая из хозяйства только ту определенность, которая позволяет человеку любознательному достаточно ориентироваться в хозяйственном мире, не претендуя на полную познавательную раскрытость. Наука все-таки претендует на истину (желательно, последнюю), — оттого и страсть у нее к определениям (особенно, самым верным). Не то философия — если ее и волнует истина, то не та, не окончательная, а другая, за этой окончательной скрывающаяся, не определений требующая, а вчувствований. Для науки важно знать и, по возможности, точно и единообразно, для философии же — чувствовать, не настаивая при этом ни на каком однообразии, кроме, быть может, чисто лингвистического.

Любое познание так или иначе условно, хотя наука тяготеет к выверенности и безусловности. Любое знание — тот или иной образ, хотя бы просто словесный. Однако философии более свойствен свободный образ, часто непреднамеренный. Науке нужно идти от одного верного образа-истины к другому, конструируя истинные связки и комплексы. Философия тоже может поступать таким же образом, реализуясь как, по сути, научная философия, но может этого и не делать, осуществляясь фактически как литература. И вот там и тогда, где и когда наука пасует перед предметом, либо его вообще не осваивая, либо создавая слишком уж оторванный от реальности образ, философия выходит на первый план. Наконец, есть вещи, которые создаются только философией — этой служанкой свободы, а не жестко установленного размыслительный порядка.

Хозяйство — *сакральный предмет*. А каким ему еще быть, коли в нем столько необхватности, недоступности и непознаваемости? Не надо бояться этого слова — сакральный. Не о святости здесь речь, хотя и о ней тоже, ибо хозяйство — жизнь, а что священнее для человека, чем жизнь, со смертью сопряженная. Разве бытие вообще не сакрально?

Что значит в нашем случае сакральный? Как минимум, сам по себе и сам в себе; с нами и через нас, но и к нам, и от нас; здешний, выходящий и являющийся, но и пришлый, ходящий и исчезающий. Неясный. Скрытый. Неведомый. Внушающий почтение, а то и страх. Непонятный. Молчаливый. Но вещающий. Говорящий. Не особенно ясно. Скрытный.

Хозяйство — *великая трансцендентность*. Как и сама жизнь, само бытие, сам человек. Трансцендентное — не непознаваемое, а тайное, уходящее в глубины-высоты бытия-небытия, в неизвестность, не могущую быть полностью раскрытой по причине принципиальной ограниченности человека, его изначальной относительности. Нет, не человек создатель этого мира, не человек, хоть и хозяйствует он, хоть и бродит по этому миру — пораженный. И ничего не остается ему, как поклоняться этому миру, уповая на его милость — в смысле овладения его милости — в смысле овладения смыслами этого мира, в аспекте его — этого мира — трансцендентности.

Трансцендентность — не непознаваемость вовсе, это все-таки познаваемость, но особая — деликатная, когда ясно, что вокруг все

не очень-то ясно, и ясность наступает только с признанием этой неясности, настойчиво заботящейся о том, чтобы у человека хозяйствующего и познающего никогда не терялся интерес к миру, чтобы никогда человек не останавливался в своем хождении по миру, как и в своем в нем восхождении.

Хозяйствование — не просто спутник, но цель жизни человека, как и способ его бытия. Остановить хозяйствование — остановить жизнь, причем вовсе не в физико-биологическом понимании, а в полном человеческом. Вся жизнь человека — хозяйство. В том числе и жизнь интеллектуальная, и познавательная, и художественная. Мысль — момент хозяйствования, не говоря уже о мысли разумчивой, тонкой, конструктивной. Деструкция тоже в хозяйствовании — либо как необходимость, либо как неизбежность, но может быть и целью — только тогда антихозяйствования.

Хозяйствуя, человек познает мир, себя, Бога, как и созидает свой мир — искусственный, неприродный. Хозяйствовать — вовсе не только выживать, тем более физико-биологически, это еще и творить, демиургировать. Высшее проявление хозяйствования — творчество. И обретение знания есть хозяйствование. Даже если оно происходит в замирении и молчании — мыслению (есть ведь и в мысли хождение, как и хождение самой мысли).

Хозяйствование, как и вообще жизнь, нечто необходимое и ответственное. Из хозяйства, как и из самой жизни, человеку не выйти (бессмертие человека — человек! — нонсенс, как восстановление всех человеков на Земле бытовавших). От Земли человек, выйдя в Космос, так и не оторвался. Человек — землянин, и Космос его — Земля, как, впрочем, и он сам — человек. Восхождение — не отбытие в Космос. Хозяйство — дело Земельное.

Ой, как не хочется смиряться с этим современному человеку, но что поделать — иного человеку не дано. Надо жить и хозяйствовать, а следовательно, творить и думать, на Земле. И вот тут-то встает проблема знания и осознания. Чего? Всего: мира, жизни, человека, Бога, хозяйства. Знания и осознания. И не исследовательского вовсе знания, а обобщенно-воззренческого, того самого — философического. Филосо-

фии мира, философии жизни, философии человека, философии Бога, философии хозяйства. Вот в каком ряду оказывается философия хозяйства. Вот поди и порешай эту задачу — философии хозяйства, когда мир передовой вообще от философии отвернулся, ибо страшно ему, страшно... уже и не перед Богом, — что современному человеку Бог, — а перед самим собой, перед сотворенным, ибо знания многое имеет современный человек — технического, а вот знания о мире в целом, да еще и спасительного, что-то не просматривается. Заметался гордый человек, забегал, — и какое уж тут разумное хозяйствование, коли хозяйство как раз хождения, а не бегания требует. Вместо хозяйства бегство какое-то получается (слово «бегство» мы употребляем здесь как коррелят слова «хозяйство»).

Однако все это требует осмысления. И не просто так, а в рамках... философии хозяйства, если не более, но и в рамках тоже. Наше прикосновение к большим проблемам (а по сути — страшным проблемам) лишь свидетельство в пользу философических познаний и раздумий, столь важных и столь, увы, ныне отвергаемых. Не хочет научный человек философии, не хочет. И убеждение имеет, что философия-де уже преодолена и в прошлом оставлена — как интеллектуальная реликвия.

Ошибается, однако, научный человек, и ошибается жестоко. Правда, утешает себя тем, что философия мол тоже наука, что если к ней подойти строго по-научному, то и в науку ее включить можно — как науку о науке или, на крайний случай, как введение в науку, в общем, как некую наукообразную «обобщиловку», этакий «научный общак». Почему нет? Человек волен делать многое, но одного он делать не может — стать Богом. А потому и философствовать он должен постоянно — *философствовать!* Над собой размышлять, над жизнью, над миром, о Боге думать. И все, что есть у человека, так это философия. Не наука вовсе, хотя она тоже есть у человека, а именно *философия* — как нечто самоценное и самореализующееся. Не может философия быть наукой, она как раз должна быть вопреки науке, — и не философия должна быть научной, хотя частично это и не возбраняется, а наука должна быть философической, т. е. считаться с философией как с необходимо пронизывающим науку знанием, а лучше сказать, вестью, если прямо-таки не совестью.

Хозяйство, конечно, связано с делом, деянием, действием. Факт.

Но фактом, правда, гораздо менее замечаемым, является и то, что хозяйство — не только дело, деяние, действие. Как так, — возразят нам активные трудоголики-«бегуны» (деловые люди, бизнесмены, менеджеры), — разве есть что-либо важнее и первее дела? Нет, мы не будем спорить с «бегунами», как и с теми, кто твердит об этом по-научному, бегая по свету с набором схем-слайдов и кейсов, ибо мы хорошо знаем, что не в споре рождается истина, а в диалоге жизни и смерти, — зачем спорить, коли глух нападающий, коли ему и так все ясно, коли не нуждается он в наших сентенциях? Поэтому не для спора, а как раз против него, укажем на то, что в хозяйстве всего важнее мировоззрение и тот интеллектуально-духовный потенциал, в среде и с помощью которых принимаются человеком хозяйствственные решения, да и сами решения, надо заметить, первее и важнее дела, хотя с принятия решения как раз дело и начинается. Дела — хорошо, решения — лучше, а всего лучше — миропонимание. Хозяйство — не дело как таковое, даже не решения как таковые, это, повторим еще раз, — воззрение. И вот это-то воззрение и должно быть *философским*, а не научным, тем более не техническим.

Человек знает о мире и жизни только то, что знает. Ничего другого он знать не может. Глуповатый выходит парадокс. А что делать? Знание, которым располагает человек, как раз и есть тот мир, о котором человек что-то знает. Мир через знание. И дело здесь не в степени достоверности знания. Просто другого понимания мира, кроме даваемого знанием, нет и быть не может. В этом тоже проявляются трансцендентность мира и знания о нем. Человек изучает мир, имеет о нем знание. Это-то знание и есть мир. Вот почему для одного человека мир один, а для другого — другой. Отсюда желательно возможно более полное знание о мире — и не самонадеянное. Научное знание — частное знание, и достаточно самонадеянное. Оно и не полно, и не скромно. Как наука, к примеру, активно третирует религию — наивысшее в общем-то знание в распоряжении человека (нет критерия для абсолютного подтверждения религиозных истин, но ни одна из них не может быть опровергнута — всегда с нами, хотя и всегда против нас). Научное знание — ограниченное знание, весьма поверхностное, служебное. Всякие сколько-нибудь масштабные и проникновенные обобщения возникают и исчезают в науке как дым: сегодня одна гипотеза, завтра — другая. Разумеется, наука очень

многое говорит о мире, но только о том, что в нем видимо и схватываемо, что, конечно же, совсем не плохо, но, во-первых, недостаточно, во-вторых, содержит угрозу искаженного в конечном счете миропонимания, к тому же и опасного — для мира, жизни, хозяйства. Что ж тогда, не надо науки, научного знания, научного миропонимания? Боже упаси! Все это надо, но, во-первых, не только это, а во-вторых, не на первом месте. Научное знание не должно затмевать собою ни философское знание, ни религиозное, ни художественное. Эпоха господства научного мироощущения проходит, что не означает, что с наукой надо кончать, как пытались (да и пытаются!) сама наука покончить с той же философией. И человек еще не знает, что его ждет впереди, какое мирознание. О синтезе разных знаний поговаривают, но все это более от познания, чем знания — того, что человека поджидает. В этом и прелесть жизни, ее трансцендентность. Знаем, что какое-то другое грядет знание, а вот какое, не знаем. И хорошо, и слава Богу!

Замечательны научные истины, что говорить. С ними легче, ибо отличаются они утвердительностью. Как в воинских уставах. Хотя, конечно, есть и исключения. А при пристальном взгляде таких исключений набирается столько, что порой и не знаешь, в каком же мире — достоверном или нет — живешь и хозяйствуешь. Есть, чем гордиться науке, но есть, и от чего поунывать. Выясняется, что наука, имея дело с очень уж неопределенным предметом, идет на обыкновенное мифотворчество, часто полезное, а нередко и злостное. Нет, конечно, не подтасовки тут, но ведь и от таких ощущений не отвернешься. Что, к примеру, содержится в горах статей, книг, диссертаций? Истина? Говорят, что факты. *May be.* А ведь мифотворчество в науке вовсе не есть творчество мифов как таковых, тех самых мифов, которые истине служат, мир объясняют, хозяйствованию помогают. Как наделают что-нибудь иной раз по науке, так за голову — научную — и хватаются.

Нет, не надо в нас видеть врагов науки. Мы за науку, но и... против нее. Наука уже заслужила, особенно человековедческая и обществоведческая, свою долю иронии. Ничего не поделаешь. Мы ведь тоже из науки, и тоже хотим добра: не одной науке, но и жизни, и миру, и себе. Что-то ведь заставляет нас выходить за рамки научного знания, искать иные

смыслы и решения, думать *не-только-по-научному*? И это что-то — неудовлетворенность от распостертого научного знания — самодовлеющего и ограниченного, давно уже на себе замкнувшегося и себе служащего, крепко мифологизированного, значительно уже и вырожденного.

Выход за пределы научного знания — выход в пространство иных смыслов и аксиоматических установок, иных размыслительных прорывов и решений, позволяющих вольно думать над тем, о чем наука не думает или думает мало, а если и много, то без нудных результатов и, кроме того — вольно думать над тем, над чем наука думает постоянно и привыкла считать своим — с уже одеревеневшим, как правило, итогом. Нет, не порывать с наукой нужно, а преодолевать ее — *диалектически*, опять же разумно, творчески, деликатно. Главное, не удовлетворяться, не покоряться, не смиряться. В науке уже много — слишком много! — от музея, да что там музея — от мавзолея, если вообще не от кладбища идей, — и задача мудрого человека покинуть это кладбище, чтобы выйти к сокровищнице живой мысли — насколько это позволяет современная цивилизация.

Хозяйство и философия. Возможен ли плодотворный акт? Ведь почуять, провозгласить, стянуть вместе — еще не добиться результата. Философия хозяйства пока лишь обозначает знание, обещая его доставление. Но ключ, кажется, есть. Воспользуемся же им и войдем в новую область знания, заботливо прикрытую неунывающей трансценденцией.

Лекция вторая

Ни предмета, ни метода, ни стиля

Философия хозяйства. Сакральные слова. Что мы знаем о философии хозяйства, кроме этого словосочетания? Правда, нам, кажется, известно, что это не наука, не дисциплина, не предмет. И то хорошо. Еще известно, что это знание. Но какое? Вопросы тут можно расставлять как палки в изгороди — сколько угодно. Ибо знание это не из рода скрупулезно добываемого и раскладываемого по ранжиру. Тут все-таки не изгородь. Тут лес, сам растущий, хотя и не без участия пытливого ума. Тут воля!

Как хороша философия хозяйства своей волей! Никаких заведомых рамок, никаких твердо установленных правил, никаких прокрустовых ложе. Все само собой, хотя и не анархично. Воля — вовсе не обязательно безобразие, с волей может и красота сойтись. Но сама по себе — не вымученно. Здесь ведь не изящество мысли, а тонкость мироощущения. Философия ведь, да еще и, слава богу, не академическая, не научная. Вольная. Еще не вошедшая в справочники и учебники, не привязанная накрепко к именам и школам, не замордованная (не в наморднике). Так уж получилось, что тектоника социальная на пользу философии хозяйства сработала, а та, к счастью, вовсе еще и не сложилась, а воспарила свободно над зашнурованным по науке человеческим сознанием, ничего от последнего и не требуя. Счастливый миг для вырывающегося из небытия знания: рождение неопределенного.

Вдумаемся в это слово — *неопределенное*. Ах, какое замечательное слово! Если перед тобой что-то неопределенное, — но именно признанное таковым, — то, во-первых, страшно интересное, во-вторых, просящееся в определение и его избегающее, в-третьих, могущее быть определенным, но в сонме блуждающих определений, в-четвертых, предполагающее сюрпризы, в-пятых... а мало ли еще какое... ведь неопределенное же... Где неопределенность, там и богатство смыслов, конечно, не в каждом случае, но все-таки... Там жизнь, там бытие, там мир.

Сколько определительных споров рождает неопределенность: десятки, сотни, тысячи. Пока ученые умы не догадаются договориться хотя бы о наиболее вероятном, приемлемом или просто удобном понимании чего-либо для них важного — это в лучшем случае. Сколько существует та или иная предметная наука, столько и спорят ее адепты между собой — об определениях, причем, надо заметить, и о самых исходных. И каждый раз кто-либо заявляет глубокомысленно: «давайте разберемся в понятиях», «договоримся, что есть что», «о чём мы все-таки говорим?...» и это по истечении столетий. Есть, есть в науке свои «достопримечательности», ее бесконечно волнующие... но никак не подводящие к истине — хотя бы договорной. Это не плохо, не хорошо. Так выходит, а все потому, что предмет-то у науки бывает весьма и весьма неопределенный. Во многих науках, существующих, повторим, века, он так и оста-

ется как бы и не установленным (не сформулированным). Споры бесконечно идут и по самому предмету.

Это естественно. Ибо все в мире, в том числе и знание (в значительной своей части), трансцендентно. Любой камушек на дороге трансцендентен, а что говорить о... мире, бытии, жизни. Знание, откуда бы оно ни взялось и о чем бы оно ни было, трансцендентно. Ибо оно есть всего лишь знание, а не само то, о чем оно есть знание. Знание вторично, условно, относительно. Но есть ведь и абсолютное знание, нам возразят. Однако какое и где оно? То же, к примеру, знание о камушке на дороге, нам скажут. Чем не абсолютная истина? На что уже и мы скажем: а разве камушек на дороге и есть именно камушек на дороге, а не что-либо совсем другое? Ведь это мы *так* считаем, — и ничего более. Это наше знание *так* считает. Разумеется, камушек подает весть, ибо он вещь. Верно, подает. Однако, во-первых, это мы так считаем, что подает и что он вещь, а во-вторых, ту ли собственно весть подает нам камушек, если он даже и вещь. Кто ж знает? Наше знание как будто и знает, но это всего лишь *наше* знание, что говорит о том (тоже, кстати, весть подает), что ничего по-настоящему или предельно достоверного оно... не знает. Но ведь наше знание позволяет действовать, хозяйствовать, жить. Это так. И это чудесно. Да, именно чудесно. Знание неизвестно о чем делает что-то чем-то, т. е. неопределенное делает определенным, но, заметим, условно определенным, и позволяет нам мысленно или механически этим чем-то оперировать нам же на пользу. И только это оперирование — или практика — и позволяет судить о чем-то как об истинном, в том числе и правильно названном. Выходит, что знание есть как бы само по себе (здесь не важно, что в наших головах) образующееся и существующее нечто, откуда-то и как-то берущееся, самого себя верифицирующее, себя поддерживающее и воспроизводящее. Важно учитывать, что знание есть непременно знание о знании, а потом уже о чем-то другом — об узнаваемом, о незнаемом, о незнании. Это что-то другое, что не есть знание, но о чем является знание, достаточно трудно определить, разве лишь *ничто*. Знание — не ничто, это уже *нечто*. Но это нечто о ничто есть одновременно и нечто о нечто — в рамках самого себя. Знание — самостоятельная говорящая субстанция, — говорящая сначала о самой себе, а затем уже о чем-то другом, как бы за знанием стоящем (а ведь за знанием,

строго говоря, ничего не стоит, точнее, стоит ничто).

Все это свидетельствует о трансцендентности знания. Каким бы оно ни было предметным, объективным и правильным, оно всегда остается по своей природе и в своем исходе чем-то само собою возникшим, самого себя выражающим, себе служащим, самого себя познающим. Знание от знания. Знание в знании. Знание со знанием. Некая на самого себя замкнутость. Вещь в себе. Страшно, но это так. Казалось бы, что может быть прозрачнее знания. Ах нет. Знание тоже закрыто, оно есть не меньшая тайна, чем все остальное на свете, чем все то, о чем знание свидетельствует, свидетельствуя при этом о самом себе. Между человеком и миром, между человеком и человеком, как и «между» одним и тем же лицом, находится знание — со всей своей самостоятельностью, условностью, относительностью, закрытостью, таинственностью, т. е. со всей своей трансцендентностью.

Трансцендентность мира, бытия, жизни сочетается с трансцендентностью знания. Знание — элемент мира, бытия, жизни, характерная для него стихия-субстанция. И знание не может быть отличным от своей среды, хотя, казалось бы, оно как раз и призвано освобождать эту среду от трансцендентности, просвещать ее, лишать таинственности. Но не тут-то было. Знание никак не устраниет и устраниить не может всеобщей трансцендентности, хотя и частично — диалектически — ее снимает, т. е. обнажает, показывает, даже раскрывает. Вторгаясь в трансцендентность мира, бытия, жизни, знание не убирает из мира, бытия, жизни их трансцендентность, ибо оно не может убрать эти мир, бытие, жизнь, сделать их другими — нетрансцендентными. Но оно выявляет это их фундаментальное свойство, превращая мир, бытие и жизнь в относительную известность. Полнотью закрытый мир — не мир вовсе, это ничто. Мир без и вне знания о нем — не мир (во всяком случае, для человека). Мир со знанием — обозначенный мир, различаемый мир, и именно об этом мире, т. е. узнаваемом, только и можно сказать, что он трансцендентен. Смешно было бы, если б знание о мире, а по существу, — сам этот мир, ибо вне знания мира просто нет, полностью снимало бы трансцендентность мира и само бы оказалось нетрансцендентным.

Трансцендентность обычно толкуют как непознаваемость. Это

неверно, или почти неверно. Точнее, может, и верно, но при условии диалектического сочетания с познаваемостью. Но все это не так уж и важно, ибо трансцендентность состоит более всего не в непознаваемости — познаваемости, что в общем-то довольно пошлая мелочь, а в само собой реализующейся, работающей и управляющей тайне, в чем-то, может, и познаваемом, но не ухватываемом, неподвластном, непокорном, в чем-то принципиально не своем, ином, может, и просто потустороннем. Можно, видимо, говорить о присутствии в нашем, освещаемом знанием, мире какого-то другого мира — не нашего, того самого, который здесь и не здесь, который известен и неизвестен, который ненавязчив, но который не обойдешь. Признание трансцендентности — признание Великой Тайны Мира, а соответственно согласие и на тайну самого знания о мире.

Если б знание само не было трансцендентным, то что бы мы знали о мире, о бытии, о жизни, о себе? Вопрос не праздный, и над ним стоит подумать. И ответ тут тоже не праздный — ничего. Именно *ничего*. Вот что полезно уяснить, если хочется познавать мир. Знание не может не быть трансцендентным, и не только в силу своей принадлежности трансцендентному миру, но и в силу своей собственной природы, как и в силу своего собственного механизма бытия.

Именно трансцендентность знания накладывается на трансцендентность среды, как, собственно, и наоборот, что как раз и позволяет знанию быть знанием, а миру оставаться миром, однако, как бы миром прочитываемым, извещающимся, знаниевым. Трансцендентность — это разрешающая способность знания, имеющего дело с трансцендентной средой; это залог адекватности знания предмету, о котором оно вещает; это возможность жизнеспособности знания и того ума, который им пользуется.

Знание неопределенно. И это здорово. Но не менее здорово и то, что знание в некоторой своей части определено. И трансцендентность не менее обозначена в определенности, чем в неопределенности. Важный момент. Трансцендентно все — и неопределенность, и определенность. Определенность гасит трансцендентность, но... через трансцендентность. Трансцендентность на трансцендентность. Определенность — не меньшая, а может, и большая, тайна, чем неопределенность. Сам факт выделения в среде неопределенности зоны определенности — чудо!

И в этом плане наука, гордящаяся своей определенностью, тоже чудо. Вполне трансцендентное чудо, хотя нетрансцендентных чудес, как известно, не бывает. Однако не все в науке определенно. Очень многое остается в поле неопределенности, и гораздо большее, чем это обычно представляется. Тут и идут бесконечные споры, а спорить-то часто не имеет никакого смысла, ибо определенность тут родиться не может, что тоже по-своему чудо, но с гораздо более скромным звучанием, чем в случае с определенностью.

Наука и научное знание трансцендентны. И это несмотря на их явную антитрансцендентную направленность. Как ни странно, а в общем-то это совсем и не странно, наука далеко не всегда знает, о чем, собственно, она вещает — пытается вещать. Предмет изучения и вещания ей бывает не слишком ясен. Смутно наука, может, и догадывается, о чем она ведет речь, но лишь смутно и лишь догадывается. Знание, сообщаемое наукой, как бы висит в таком случае в воздухе, оно явно само по себе, для себя, перед собой. Но ничто не говорит априори, что это знание плохое. Оно просто такое, какое есть. И этот момент висения очень важен, ибо это момент истины — блестящего подтверждения трансцендентности знания.

Ничего особенного нет в том, что предмет познавательного размышления для человека трансцендентен и неопределенен. Ничего особенного нет и в адекватной характеристике знания о предмете. Наука, особенно претендующая на точность, не любит трансцендентности и неопределенности. Отсюда масса недоразумений: то кажется, что наука плоха; то хочется непременно избавиться от неясностей, вольно или невольно порождая ясности, за которыми могут скрываться и обыкновенные выдумки; то хочется яростно спорить — фактически ни о чем; то приходится только и делать, что «играть в бисер», задумчиво передвигая мысли-слова-категории в заботливо взращенных интеллектуальных матрицах. Так или иначе, но имеет место самый обыкновенный «холостой ход», ни на йоту не приближающий науку к спасительной определенности. Наука тогда болеет.

С философией (той самой, что под категорию науки не слишком подпадает) намного легче, ибо философия изначально на слишком уж высокую определенность может не претендовать. И к трансцендентности

философия может относиться спокойно, более того, она способна легче и продуктивнее извлекать из трансцендентности познавательную выгоду. Можно даже сказать, что собственно философия начинается именно там, где кончается определенность, схватываемая обычно наукой, и философия имеет дело по преимуществу как раз с неопределенностью. Определенность вовсе не противопоказана философии, она с удовольствием ее воспринимает, но она при этом не впадает ни в раж, ни в растерянность при встрече с неопределенностью, со всем тем, что более всего сопрягается с трансцендентностью, с тайной. И сама философия спокойно содержит в себе неопределенность, трансцендентность и тайну, вовсе не претендуя на кристальную ясность сообщаемого знания. Философия способна никого не инструктировать, никого не вгонять в гносеологические рамки, никого интеллектуально не насиливать. Философия способна на диалогическое, а не только диалектическое, познание и знание. Философия приглашает не знать — строго и определенно, а познавать, погружаясь в свободное, т. е. и неопределенное, знание. Философия может себе позволить обходиться без строгих определений, как и довольствоваться разными определениями одного и того же. Философское знание — постоянно рождающееся в размышлении знание, обладающее свойством самопроизвольной новизны. Разумеется, и здесь хватает «игры в бисер» и бессмысленных споров, но все это происходит на фоне признанной неопределенности и признанной невозможности ее преодолеть.

Мы далеки сейчас от проблемы оценки знания по критерию «хорошо — плохо» или, к примеру, «верно — неверно», ибо наша задача в другом — показать, по возможности, характер знания вообще, его непростоту, его, если хотите, «улыбчивость». Нет, мы не будем называть знание вообще лукавым, но сколько, согласитесь, можно обнаружить в знании того же лукавства — даже в научном (или же в том, которое таковым прозывается). Нас интересует больше всего некая «зыбистость» знания, его «волнительность», его «лгетучесть». И возможность казаться — то одним, то другим; то хорошим, то плохим; то истинным, то неистинным; то пятым, то десятым. И все это при наличии свойства некоторой определенности — иногда временной, а иногда и практически постоянной.

К какому же заключению можно придти? Да ко вполне утешительному: знание подвижно, но оно дает возможность на что-нибудь опереться; знание каверзно, но оно дает возможность куда-нибудь выбраться; знание неопределенно, но оно дает возможность отыскать определенность. И все это хорошо, так и должно быть. Именно в игре противоположных начал, причем, надо заметить, в игре трансцендентной, только и может существовать и развиваться знание, только и возможна его жизнь.

Философия. У нее *своя* задача. Она берется за то, за что другие механизмы познания не берутся, да и браться не могут. По отношению к науке, например, философия выступает орудием овладения неопределенностью, перед которой как раз наука пасует. Неопределенность эта, правда, особого рода — не счетная, не статистическая, не вероятностная, в общем, не количественная. Эта неопределенность качественная, однако, не лежащая на поверхности, как, к примеру, какое-нибудь диковинное животное; это не внешняя неопределенность, а внутренняя — скрытая, закадровая, потусторонняя. Философия обеспечивает проникновение мысли туда, куда нет открытого опытного доступа, где работает лишь воображение. И в этом аспекте философия близка религии, однако с той важной разницей, что религия есть слово по преимуществу откровенное, т. е. по сути своей богохвальное, а философия, хотя и может быть таковой в какой-то своей части, есть по преимуществу слово человеческое, механизм и итог работы собственно человеческого разума.

Философия — орудие мысленного проникновения, воображения, обобщения, одним словом — *воззрения*. И если познающий человек идет по философскому пути, то это означает, что по другому пути он идти уже не может — ни по научному, ни по литературному. От науки философия отличается сравнительной неточностью, многозначностью и даже разномыслием, а от литературы, наоборот — неким внутренним единством, отражающим необходимость разработки обобщенного знания об общем предмете и для общего пользования. Кратко говоря, от науки философия отличается литературой, а от литературы — наукой. Разумеется, в философии хватает науки с литературой, как, собственно, и в науке с литературой хватает философии. Но философия все-таки специфична. Выход на философскую тропу — призыв к обретению знания особого рода:

более неопределенному, чем в науке, но более определенному, чем в литературе. Получается, что философское знание достаточно неопределенно, чтобы быть адекватным познаваемой неопределенности, но достаточно при этом определенно, чтобы этой неопределенностью овладеть. Философия — не блажь, а вымученность. Без философии обойтись нельзя, как нельзя обойтись и без других способов познания и отраслей знания, ибо без философского подхода не будет как раз того знания, которое добывается только через философские размышления. Нет никакого резона смешивать философию с другими способами познания и отраслями знания. Гораздо продуктивнее видеть специфичность философии, хотя увидеть это бывает и не просто, — мы касаемся здесь трансцендентных вещей, обычно весьма трудно схватываемых.

Теперь самое время вспомнить о хозяйстве, точнее, о *философии хозяйства*.

Укажем на важность самого сочетания двух слов — философии и хозяйства. Раз «философия», то речь идет о философском подходе к познанию и философском типе добываемого знания. Соответственно и... *философском предмете* самого познавательного процесса, поскольку, как мы имели возможность убедиться, не только предмет познания формирует способ познания, но и способ познания формирует предмет познания (вспашка земли с помощью трактора, конечно, вспашка, но это и *другая* вспашка, существенно отличная по результатам от вспашки, осуществляющей, скажем, с помощью лошади; примерно то же самое имеет место и в случае со способами познания — не только разные добываются знания, но и знания о разных предметах). Здесь полезно провести различие между *объектом познания* и *предметом познания*. Объект может быть один и тот же, а вот предмет может при этом оказаться разным, — и не только из-за различности в ракурсе познания, но и по причине разности способов познания. То, что доступно науке или литературе, не имеет резона быть предметом философии; у философии всегда свой предмет, как раз недоступный для науки или литературы. И если речь у нас идет о философии хозяйства, то это значит, что не просто вообще о хозяйстве (и наука, как известно, занимается хозяйством, создавая, к примеру, те же математические его модели, и литература бывает обра-

щенной к хозяйству, рассказывая о жизни тех же предприятий), а о хозяйстве, схватываемом по-философски, т. е. об особом все-таки хозяйстве. Объект у всех тут один, а предмет — разный, ибо является объект перед его познавателями по-разному и *разным* (что для нас и особенно важно).

Итак, мы имеем философское обозначение (или квалификацию) предмета. Философия у нас вынуждена, без нее не обойтись, — и она обязывает. Все взаимосвязано. И, если мы берем хозяйство, то хозяйство мы берем как философское, т. е. рассматриваемое по-философски и соответствующим образом раскрываемое. Не хозяйство вообще, не всякое хозяйство, не все хозяйство. Да и само понимание хозяйства должно быть каким-то особым. Тут никуда не деться. Хозяйство, но не то, о котором начал бы думать научный исследователь или, скажем, писатель. Какое-то *другое* хозяйство.

Что говорить, мы находимся в сложном пункте нашего размыслительного движения, когда явно хочется заполучить ясное представление о предмете, а представление это явно от нас ускользает. Попытаемся подойти к искомому предмету несколько с иной стороны — со стороны качества (типа) обнаруживаемых философией смыслов.

Философия вступает в дело, когда возникает потребность в проникновении в глубь реальности, на крайний случай, в некотором ее экспликативном обобщении. Так или иначе, но философ не может довольствоваться ни простым описанием реальности, ни ее механическим отображением. Для философа реальность не просто движущаяся, но живущая, бытующая, существующая. Реальность рассматривается им как имеющая внутренний резон быть, существовать, жить, т. е. иметь свой *внутренний смысл бытия, существования, жизни*. И этот внутренний смысл никак не раскрывается, во всяком случае, напрямую, поверхностино-механической реализацией реальности. И вот эти-то внутренние смыслы, которые не очень-то корреспондируют с поверхностино-механической данностью, но которые присутствуют в ней и в ней воплощаются, можно было бы определить как *метасмыслы*, т. е. вне-непосредственно-реальностные смыслы. Ясно, что эти смыслы скрыты, неявны, потаенны, а одним словом — *трансцендентны*, хотя, надо заметить, трансцендентность присутствует во всей реальности, в том числе и в поверхностино-

механической, но не все обнаруживаемые смыслы стоит квалифицировать как трансцендентные, тем более, называть их *трансцендентальными*, т. е. совсем уж сопряженными с *трансценденцией* — этим потрясающим воображение неизвестным основанием мира.

Призвание философии — обнаруживать метасмысли и ими оперировать, конструируя и объясняя живущую по-своему и по своим резонам реальность. Это не значит, что философия чурается иных, более простых, смыслов, но это значит, что метасмысли имеют для философии первостепенное значение. Пока в рассмотрении мыслителя нет удовлетворительно понимаемых метасмыслов, пока нет ни философии, ни, соответственно, самого *философского предмета*.

И коль скоро нас интересует хозяйство, то в философском ракурсе, т. е. в привязке к философии — философии хозяйства, предметом познавательного интереса будет *хозяйство на уровне и с уровня метасмыслов*, что то же самое — *метахозяйство*.

Сказать, что предметом философии хозяйства является хозяйство — многое, конечно, сказать, если при этом хотя бы немного представлять, что же есть все-таки это нечто, называемое хозяйством; но сказать так в то же время — почти ничего не сказать, ибо предметом философии хозяйства является не вообще хозяйство, а хозяйство, взятое в определенном отношении — как метахозяйство, которое надо еще извлечь из сложной реальности, что то же самое — абстрагировать его от всей среды, в том числе и хозяйственной, той самой, которая известна, которая учитывается, но которая не нужна или почти не нужна для раскрытия хозяйства как метахозяйства.

Что теперь получается? Предмет вроде бы выведен, как-то обозначен. Но много ли при этом в наших головах ясности? Думается, что не очень. И это понятно — тут царствует трансцендентность, причем не только в зоне предмета, не только в знании о нем, но и в наших головах тоже. О трансцендентности забывать нельзя, да она и не дает о себе забыть.

Неопределенность реальности, знания о ней, процесса познания, самого познавательного организма — факт, и факт, пожалуй, наиболее определенный. Избежать неопределенности нельзя, — и не нужно этого

делать. Надо признавать неопределенность и ею оперировать. Познание — не одно снижение неопределенности, а и взаимодействие с ней, более того, при случае и ее возвышение, о чем как раз и свидетельствует наше упорное обращение к трансцендентному началу, присутствующему в реальности.

Искомый предмет мы определили, что не значит, к сожалению, а может, и к счастью, что мы справились с его неопределенностью. Мы, конечно, справились в какой-то мере с ней, но совершенно по-философски, диалектически, не только оставил ее в нашем сознании, но и признав ее неизбежное в нем присутствие.

Что такое метасмыслы? А кто ж знает? Ведь до них надо еще докапываться — посредством философских размышлений, а последние возможны только на уровне метасмыслов. Метасмысл не лежит на поверхности, не является непосредственно, не лезет в двери и окна познавательных механизмов. До метасмыслов надо еще дойти, погрузившись одновременно и в сложную реальность, и в не менее сложный когнитивный процесс. И только в ходе такого погружения можно что-нибудь и узнать о предмете интереса, как-то его раскрыть.

Обратим внимание на все эти «что-нибудь» и «как-то». Эти словечки тут вовсе не случайны. Мы не можем без них, ибо они указывают на великую и вездесущую неопределенность, от которой нельзя никак избавиться, но с которой можно при желании поладить. И чем больше такого лада с неопределенностью, тем больше возможностей ее познания, тем больше является определенность.

Так обнаружен нами предмет философии хозяйства или нет? Об ответе нетрудно догадаться после столь настойчивых рассуждений о трансцендентности, — и да, и нет. Вот такой выходит ответ, как бы и никакой. А на самом-то деле очень даже и определенный, ибо примиряет нас с неопределенностью. Мы чувствуем предмет, знаем о нем, по возможности о нем и судим, но мы не видим его, не знаем и говорим весьма осторожно — с оговорками, недомолвками и условностями. Мы допускаем предмет, но мы допускаем... и его отсутствие. Ибо где он, этот предмет? Легко сказать — метапредмет, но как трудно его не то что описать, но даже заметить.

Вот почему мы хотели бы избежать определения предмета — в аспекте дефиниции. Нам, в общем-то, достаточно указания на него, которое мы уже сделали, причем, заметим, не двумя словами. Но этого мало, принципиально мало. Ибо мы хотим получить особый отклик от познающих организмов, причем не столько даже интеллектуальный, сколько душевный. Как все-таки чудесно бытие, если оно оказывается столь неуловимым с помощью слов, хотя без слов с бытием вообще нечего делать. Слова нужны, абсолютно нужны, но слова все же относительны и недостаточны. Нужно проникать в *за*-словье, и пользуясь активно словами, видеть и ведать то, что словами особенно и не выразить. Трансцендентность вообще не для слов, во всяком случае, не для припечатывания ее словами. Между познающим умом и трансцендентностью приходится ставить необходимое слово, но этой постановкой ограничиваться нельзя: надо входить в *бес*-словесный, а лучше сказать, *за*-словесный, контакт с трансцендентностью, в котором, возможно, больше уже сердца, чем ума. Мыслитель, не обладающий способностью сердечного, а не только лишь умственного, соприкосновения с реальностью, остается фактически лишь на пороге этой реальности. О дружбе с трансцендентностью не может быть тогда и речи.

Философ — *проницатель* (проникновенец). Это не просто ловкий мыслитель, играющий в познавательные карты, а именно проницатель, которому споспешствует как раз сердце, душа, а не один чистый ум, т. е. помогает вся трансценденция, свойственная познающему организму. Трансценденция на трансценденцию, — и познание имеет место, причем познание, что называется, крепкое, т. е. способное обходиться без упрощающих дефиниций, зато опираясь на многосмысловое восприятие предмета.

Познать — не выучить, а понять. Понять со словами и без слов. Учебник для трансценденции — не лучшее средство познания. Обязательно требуется размышление, сопряженное с переживанием. Самостоятельное размышление с собственным переживанием. Читать надо, слушать надо, усваивать надо, но и производить надо — в том числе движением души, сердца.

Метапредмет шутить не любит. Не хочешь, не надо. Он все равно есть, он все равно работает, он все равно делает свое дело. Просто ты

о нем ничего не знаешь, ибо не обладаешь возможностью проникать и понимать. Ты — игрушка в руках предмета, — не более того. И все потому, что дефиниций ясных ждешь, что предмет увидеть во всей полноте хочешь, что предпочитаешь жить пусть в мире и ограниченном, но зато совершенно открытом. А бытие вокруг совсем другое — трансцендентное, и познание должно быть ему адекватным, и понимание. Не наставление на ясности предмета — великая мудрость познающего субъекта, не до всех, к сожалению, а может быть, и к счастью, доходящая. Представить себе жизнь человеческую, где все люди — проницатели, не то что трудно, но даже и страшно. Однако философ должен признавать трансцендентность и уметь с ней достойно обращаться.

Предмет у философии хозяйства есть. Однозначно есть. Но его при этом как бы и нет. Но не однозначно нет, а неоднозначно нет. Условно нет. А потому наличие предмета тоже условно. Хочешь, есть, не хочешь, нет. Все зависит от познающего. Тут воля. Никто ничего никому здесь навязать не может. Не вижу и все, хоть убей. Вот почему мы, определив не без труда наш предмет, воздерживаемся от его безусловной квалификации, той самой, которая споры бесконечные и вряд ли продуктивные упорно порождает.

В науке (в широком смысле — как познании вообще) велико значение «первого похода» — на предмет, когда закладываются основания нового знания, когда формируется первая аксиоматика, когда делаются первичные заключения. В это время многое неопределенно и даже неясности, но в это время велико чувствование предмета, в него проникновение, его еще трепетное понимание. Да, ясность приходит, обычно, позже, но... вместе с ней приходит... и ширма, отгораживающая субъекта от «трансцендирующего» предмета. На место живого предмета приходит его не слишком живое отображение, а в худшем случае — просто хорошо скомпонованная, но далекая от реальности, легенда. Развитие знания — хорошо, но вместе с тем и опасно, ибо несет в себе угрозу закоснения и омертвления. Обращение к истокам всегда полезно, ибо это есть обращение к еще неопределенному знанию, а потому к знанию, быть может, более адекватному реальности и более внутри себя дееспособному.

Предмет нами очерчен и предложен. Но он *не навязывается*.

Вот почему мы позволили в заголовок вынести «ни предмета, ни...», т. е. не отрицая наличия предмета, мы не нашли возможности настаивать на какой-либо безоговорочной его трактовке. Отсюда и «ни» (заметим, что не «нет», а именно «ни», т. е. без полного отрицания, с сомнением, с возможностью вывода). Философия хозяйства не настаивает на каком-либо определенном для себя предмете, ибо, во-первых, может себе это позволить (не наука ведь со всеми ее определенностями и конечными истинами — «истинно научными истинами»), и во-вторых, не хочет превращаться во что-то другое, в том числе и в противоположное, а желает оставаться именно философией хозяйства, — вольным знанием, полным неопределенности и трансцендентности. Предмет есть, но его и нет. Отсюда и «ни»...

Однако не только предмета, но и *метода*. И здесь тоже «ни», тоже ненастаивание, тоже вольность. Не желает философия хозяйства связывать себя каким-нибудь методом, а предпочитает свободные рассуждения с любым построением. И тем не менее философия хозяйства тут не всеядна. У нее есть свои ориентации, диктуемые как предметом («ни-предметом»), так и самим познавательным процессом.

Философия хозяйства допускает вполне *природное размыщление*, не чурающееся ни работы, ни биения сердца, ни интеллектуальных методов, ни интуитивных озарений; то самое размыщление, которое сопряжено с вчувствованием, с жизнью в жизни, с проникновением в глубины естества. Философом является не тот, кто обладает каким-то придуманным и усвоенным методом познания, а тот, из которого этот метод легко и естественно выливается в окружающий мир, причем, как и такой метод, о котором философ и не задумывается как о специально примененном методе. Философу свойственна органичность познания и его метода, он находится с ними в полной, хотя и, безусловно, в чем-то относительной, гармонии. Грубо говоря, философу не надо задумываться о методе, правда, на уровне истинно философских размышлений или *мета-размышлений* (в нашем понимании «мета»). Добрый философ может не заботиться о методе, ибо ценность метода не в методе, а в его результате, который достигается путем и в рамках философских размышлений сам собой — без специально разработанного и применяемого механически

метода. Невероятно, быть может, но факт. Вот почему у нас и было заявлено выше: «ни метода».

Но метод, конечно, есть. И он там, в органике философского размышлений. Что это за метод? Обычно его называют *диалектическим*, что стало прямо-таки штампом, но лучше его величать *полилектическим*, не привязываясь вплотную к противоположностям, парам и дихотомиям, хотя их не избежать и избегать не стоит. Полилектика сложнее и гибче диалектики, ибо имеет возможность оперировать с любыми гаммами смыслов, со всей цветущей сложностью бытия, со всей его целостностью. И если мыслителю удается сразу оперировать целостностями со всеми сидящими в них смыслами, то это означает, что он реализует себя как именно философ — не как думающая машина, а как *переживающая трансценденция*.

Что же выходит в итоге из таких органических и гармонических размышлений? Выходят *идеи*, но *идеи-образы* — с запечатленными в них *смыслами*. Выходит *культура идей*, обладающая содержательной, иерархической и пространственной согласованностью элементов в рамках целостного возвренческого разброса. Именно так: *целостного разброса*, т. е. не жесткой и закрытой конструкции, а гибкого и открытого распространения. Философия не терпит законченных интеллект-сооружений, слишком строго на себе замкнутых и слишком уж отгороженных от бытующих вокруг, но не совместимых концептуально со слишком уж совершенной конструкцией, смыслов. Достоинство философских построений в их несовершенности и даже некоторой незаконченности, отражающих неухватываемое просто так богатство реальности, ее трансцендентность.

Философская целостность — не поверхностно-механическая целостность, характерная для точных системных решений; это совсем другая целостность — внутренняя, скрытая, глубинная, а главное — открытая. Это целостность не механической системы, а жизни, формальной систематизации не подлежащей. Нет и не может быть философии для заключенных, омертвленых, неживых систем, — если и возможно что-то подобное, то лишь как псевдофилософия или антифилософия, если не просто пародия на философию. Философия там, где трансцендентность, где меняющаяся сложность, где неохватываемая широта, где недостигаемая

глубина, где... великая и таинственная непостижимость, обладающая параметром жизни (не в биологическом, а в философском, конечно, смысле).

Нам нет необходимости рассуждать о логическом, формально-логическом, системном, диалектическом (или еще каком-нибудь) методах познания, ибо это не имеет никакого значения для философии, которая сама, собственно, и есть метод. Философия — это все: знания, познания, предмет, метод. И эту замечательную органическую целостность философии необходимо постоянно иметь в виду.

Для философии важно не останавливаться, идти вперед, однако не просто по пути познавательного прогресса, а по пути творческого и возвышенного оперирования с трансценденцией. Философия должна обладать возможностью не только гибких и многочисленных трактовок, но и их спокойного замещения, сброса ненужных и свободного допуска более приемлемых. Философия не может стать законченным знанием, не подлежащим обновлению, причем по всему объему. Некая «истинность» — смерть для философии, хотя очень многое в ней почитается за истину и остается надолго неизменным. Но философия не должна быть привязанной ни к одному — даже самому совершенному — концептуальному построению. Свобода в философии — фундаментальный принцип бытия и залог ее жизнеспособности. В философском знании есть, конечно, общие места, даже своя доктрина, но это совершенно не исключает возможности творческих начинаний и свершений, которые к тому же являются трансцендентно необходимыми

Философия может делать все, что хочет, — в пределах вообще философского познавательного подхода. Но это не означает, что философия — если речь идет именно о философии, а не о подделке под нее — абсолютно всеядна и бесцеремонна. В сознании людей задерживается не всякое предлагаемое философией знание, а то по преимуществу, которое наиболее приемлемо отвечает потребности адекватного представления о предмете, о котором в философии заходит речь. Ненужное в любом случае отбрасывается, хотя возможны и упорные навязывания этого ненужного. Оценка философского знания — тоже философия. Сама философия и оценивает философское знание. Это возможно потому, что философия неоднообразна и неоднозначна, что она динамична — несмотря

на присутствие в ней мощной консервативной тенденции. *Философия подверяет философию*. Самокритика — мощное орудие философии, ее развития и обновления.

Что значит быть адекватным, а потому и приемлемым знанием? Разумеется, очень многое, а главное — достаточно неопределенное. И тем не менее мы можем судить о том, позволяет или не позволяет философия, как и ее отдельное течение, понимать то, что подлежит пониманию, ориентироваться в том, в чем необходимо ориентироваться, выживать в том, в чем приходится выживать, творить то, что надлежит творить. Философия сама предлагает, сама и отбрасывает, разумеется, во взаимодействии с реальностью, с умом и сердцем, с другими знаниями, с практикой, с работающей трансценденцией.

Что представляет собой *идея-образ*, столь дорогая для философии? Ответим так: это есть одновременно отражение реальности и сама реальность, в том числе и такие отражение и реальность, которые принято считать ирреальными, т. е. явно выдуманными, изведенными из сознания человека, не выходящими за рамки вольного воображения, не имеющие отправных аналогов во внешнем, т. е. другом мире (идеи сами по себе, из себя и для себя). Идея-образ — идеальное обозначение чего-либо в бытии, как и самого бытия в целом, обладающее свойством различения и закрепления различенного, способное выделить вещь, воспринять вещь и овладеть вещью, а также самостоятельно вещать, извлекая из всего обозначаемого заключенные смыслы и переводя их в режим эффективного восприятия сознанием. Идея-образ — элемент (или момент) сознания. Познанный мир — мир осознанный, а познание мира есть его осознавание. Сознание — мир человека и мир в человеке. Вне сознания для человека ничего нет, а потому осознанность мира — наличие мира. Мира без сознания нет, точнее, есть, но каков он тогда — вне сознания?

Сознание и есть знание, сидящее в человеке, но одновременно и оперирование этим знанием. Сознание — представление обо всем, что есть вокруг, но при этом и продуцирование всего, что есть вокруг — в аспекте как освоения, так и созидания.

Философия — одна из важнейших реализаций сознания, его работы, его бытия. Философия делает сознание философским, а мир — осознанным по-философски. Вводя в сознание свои идеи-образы, философия

обеспечивает сознание философским видением мира. Философия «официализирует» мир, и мир предстает не каким-нибудь, а «официальным». Это важно. Идеи-образы — продукты одновременно мира и сознания, им овладевающего, а то и просто продукты одного лишь сознания, в мире действующего. И проблема познания состоит не в том, что первично, а что вторично (мир или сознание, объективная данность или отражающая ее идея, предмет или его образ и т. д.), а насколько вообще приемлема та или иная идея-образ, насколько она действенна, насколько отвечает реальности и думающему над ней сознанию, насколько просто изящна и т. п. Истинность идеи-образа не в соответствии чего-либо, например, какой-либо данности, а в качестве идеи образа, в ее эффективности. И если качество и эффективность идеи-образа определяется в какой-то момент или в каком-то аспекте соответствием идеи-образа чему-либо, что она отображает, то тогда и только тогда вступает в действие при ее оценке именно критерий соответствия. На соответствия вообще не стоит замыкаться, ибо в реальности все сложнее, она требует разных критериев оценки качества и эффективности идеи-образов.

Идея-образ обычно выражается словами, и она близка по своей природе к слову. Ведь слово — тоже где-то и по сути идея-образ. Но сводить все к словам здесь нельзя, ибо идея-образ содержит в себе не только выраженное словами, но и то, что стоит за ними или между ними, что так или иначе в словах не выражено, хотя и не выражено абсолютно без слов. Не все смысловое отражается и заключается в примененных словах, что-то всегда остается словесно не оформленным, нередко и самое важное. Смыслы вообще богаче слов, хотя без слов смыслов нет, как и в одном слове возможна целая гамма смыслов. Взаимоотношения смыслов и слов — большая самостоятельная проблема, выходящая за рамки наших рассуждений.

Идею-образ в зависимости от смыслового и концептуального контекста называют то *символом*, то *мифологемой*. Нашу задачу мы видим сейчас в выведении главной архитектонической единицы познания и знания, в которой *все* сходится. Разумеется, ее можно не только называть по-разному, но и понимать по-разному, но уйти от нее нельзя. Мы предпочитаем говорить об идеи-образе, на наш взгляд, наиболее глубоком по смыслу отображении того, что мы хотим отобразить, ибо символ или

мифологема есть что-то уже менее емкое по смыслу, менее корневое, что-то уже оценочное, характеристичное, более при этом поверхностное. Остановимся поэтому на *идее-образе*.

Совокупность идей-образов, позволяющих составить впечатление, т. е. отражающих некоторое смысловое и формальное единство, некую ментальную целостность, корреспондирует с тем, что можно было бы назвать *стилем*. Стиль — свободно реализующийся идейный порядок, организованный идеально языком, взаимообусловленный категориальный состав, обращенный к внутренней норме *дискурса*. В любом случае стиль — способ упорядоченного познания и знания, отображения, смысловыведения и смыслопреподнесения. Стиль — это что-то более или менее нормативное, внутри себя благоустроенное, конструкционное. Стиль — это в некотором роде правило, закон, требование. Ориентировка. Он ближе всего к *манере*.

Философия, естественно, не чужда стилю. Она даже к нему тяготеет, как тяготеют к стилю сознание вообще и культура вообще. Стиль — как бы сознание самой философии, ее культура. В то же время и ее градус. Стиль — обустроенностъ философии.

Однако стилей может быть много, разумеется, как *стилей стилей*. Стиль всегда есть, но он и всегда разный; стили могут существовать друг с другом, сменять друг друга, короче, быть во множестве. О едином стиле в философии говорить не приходится.

Но вот есть ли некий характерный вообще для философии стиль, что то же самое — философский стиль? Наверное, есть, но вряд ли он может быть определен сколько-нибудь строго, ибо философия обширна и... неопределенна. Ясно, что вне собственного стиля, — мы бы сказали — *метастиля*, философия невозможна. Но выявление такого стиля вряд ли будет благодарной задачей, ибо уходит он в трансцендентность. Конечно, можно сказать, что философский стиль отличается той же самой трансцендентностью, но ею отличаются и другие стили. Поэтому, чувствуя, что стиль есть и что он именно философский, лучше все-таки воздержаться от его сколько-нибудь определенной квалификации. Отсюда, естественно, «ни стиля»...

Лекция третья

Притязания философии хозяйства

Философия хозяйства. Этим уже многое сказано, разумеется, для человека сколько-нибудь сведущего. Здесь, как при обратной перспективе, из одной точки видно все, и чем дальше и шире, тем лучше. В данном словосочетании все богатство заячных смыслов, из этих слов как бы выходит вся возможная гамма *притязаний философии хозяйства*. Но все требует рассказа, все нуждается в пояснениях. На что же претендует философия хозяйства?

Хозяйством, как хорошо известно, активно и плодотворно занимается наука. Правда, хозяйственной науки вроде бы нет, но зато есть так называемая *экономическая наука*, которая предпочитает иметь дело не с хозяйством, а с *экономикой*, разумея под последней некую сферу (часть) жизнедеятельности человека, сопряженную непосредственно с его, так сказать, материальным (почти сплошь физическим) жизнеобеспечением. Наука трактует экономику явно *уже* хозяйства — в его философской трактовке, что позволяет науке часто рассматривать «хозяйство» всего лишь как синонимический аналог «экономики».

Предпочтя экономику хозяйству, наука обрекла себя на решение достаточно определенных и сравнительно простых — по постановке — задач. Если материальное жизнеобеспечение оказывается в приоритете, то на первый план не могут не выходить вопросы, связанные с производством и распределением благ; с собственностью на них и на условия их производства и распределения; с богатством — как совокупностью благ и условий их производства и владения ими; с эффектом от использования производительных сил и ресурсов труда; с организацией производственного и распределительного процесса; с решением задач потребления и воспроизводства населения и т. д. Ничего плохого во всем этом, разумеется, нет, наоборот, экономическая наука обращена к решению важных вопросов человеческого бытия, — и никто, конечно же, не собирается за это порицать науку.

Наука есть наука. Она позитивна и прагматична. В постановке задач она не романтична, не считая разве что элемента сложности, а потому и своеобразного преключенчества, иногда содержащегося в тех или иных

задачах. Наука предельно рациональна, она должна ставить ясные задачи и давать им ясные решения (насколько это удается — другой вопрос). И в этом смысле наука необыкновенно проста.

Иное дело — раскрытие поставленных проблем. Здесь не все так просто, более того, здесь более сложно, чем просто, ибо предмет экономической науки достаточно сложен. Поэтому итоговым продуктом экономической науки бывают отнюдь не «слабые» трактаты, требующие пристального и длительного изучения. Поставив в общем-то достаточно прозаическую задачу, наука вынуждена погружаться в насыщенное смыслами, противоречиями и коллизиями бытие, вытаскивая из него — как угли из жара — все необходимое для освещения проблемы, которая ее волнует. И бывает так, что, конечно же, неизбежно, что наука смыкается с философией, становясь на границе с этой последней как бы философской (официальной) наукой. Именно в этих моментах наука сталкивается с трансцендентной неопределенностью, заставляющей науку искать и соответствующие — однако более научные, чем философские — решения. Тут наука нисходит даже до литературы и откровенного мифотворчества.

Но наука настроена объективистски. Она ищет как бы окончательных решений, хотя в процессе развития способна переходить от одного окончательного решения к другому. Дело не в том, что наука действительно всегда и везде находит эти окончательные решения, а в том, что она к ним непременно стремится — иначе, какая же это наука, если не может предложить ничего истинного? Науке нужны эти окончательные, т. е. в какой-то мере антитрансцендентные, решения. Именно поэтому наука — не философия, она живет «истинными истинами», она их добывает и ими дорожит. Отсюда и известное презрение (не будем придавать этому слову негативного значения) к философии, занимающейся, на взгляд строгого научного человека, болтологией, может и занимательной, но все-таки болтологией.

Что ж, у науки есть достижения, ей есть, чем гордиться. Успехи науки отрицать не приходится. Однако человека свободно размышляющего все равно не покидает чувство неудовлетворенности от познания вообще, ибо научные решения касаются все-таки достаточно ограничен-

ной области бытия, оставляя без внимания или удовлетворительного когнитивного заключения многое из того, что в бытие входит и на чем бытие держится. Сами научные решения, хоть и славные своей определенностью и истинностью, остаются весьма — и подчас значительно — условными. Многое из реальности остается наукой не объясненным, либо объясненным неудовлетворительно, либо даже попросту затененным — научной экспликативной вуалью. Реальность ведь явно богаче, сложнее и противоречивее, а главное — глубже, неопределеннее и свое-вольнее, чем это предполагает научный к ней подход, благодаря которому можно ухватить лишь поверхность, лишь в ограниченном круге, лишь в упрощенной трактовке. Смычка с философией иной раз выручает науку, но последняя ограничивается более всего лишь «рукопожатием» с первой, ибо в случае явной открытости в сторону философии науке грозит переход в иное качество познания и знания, которое как раз наукой и не предполагается. Наука предполагает оставаться наукой, что вполне объяснимо и оправданно.

Наука не может превращаться в философию, хотя и может с ней вступать в творческий контакт — однако достаточно скромный. Здесь явное противоречие, которое не может найти полного разрешения ни на путях взаимного проникновения друг в друга — слишком разная аксиоматика, ни на путях подчинения одного другому, что явно абсурдно. Что же остается? А остается творческое сосуществование — с возможным (и неизбежно противоречивым) взаимодействием.

Будучи сторонниками философии, мы вовсе не являемся противниками науки. Более того, мы склонны считать себя как раз сторонниками науки, однако не игнорирующей философии. Науке — научово, философии — философиево. И при интересе к одному и тому же объекту — разные решения. Нет никакой необходимости вытеснять одно значение другим, а вот дополнять одно значение другим — необходимо. И если надеяться на синтез, то на синтез не формально-функциональный — на уровне значений, а трансцендентный — на уровне *метазначения*. Такой синтез способно осуществлять человеческое сознание — одному ему ведомым способом. Наша же задача — сообщить сознанию разные знания, с которыми можно и интересно иметь дело.

Философия, таким образом, претендует на то, на что не претендует

и не может претендовать наука. Философии не нужно и даже наивно ограничиваться экономикой, решая частные в общем-то задачи. Философия — не бредень, как наука, а широкий невод. Философии тесна экономика, как и тесен сам научный способ познания. Философия шире и вольнее. Она присматривается не к экономике, хотя и к экономике тоже, а к хозяйству, стремясь познавать его не по-научному, хотя и по-научному тоже, а по-философски — прежде всего по-философски.

Поразмыслив, можно убедиться в том, что экономическая наука и философия хозяйства — разные течения познания реальности, высматривающие в реальности разные в общем-то реальности, несмотря на совместные наплывы на один и тот же реальный объект. И нет проблемы «или — или», а есть одна большая когнитивная проблема, прояснение которой предполагает разные подходы — научный и философский. И не вина здесь науки и философии в том, что получается у них все по-разному, настолько, что приходится говорить лишь о возможности дополнения одного значения другим, — и дополнения достаточно противоречивого, совсем даже не мягкого. Ничего не поделаешь — оба подхода выдают на-гора слишком разные результаты, часто несовместимые.

Философия хозяйства выходит за рамки экономической науки, а точнее было бы сказать, *экономической теории* или, еще точнее, *теоретической экономии* (с конкретными экономическими дисциплинами философия хозяйства, так сказать, не конкурирует). Выход за рамки не обязательно трактовать как расширение предмета познания, а скорее, стоило бы понимать как обретение иного — более широкого и глубокого — предмета, не улавливаемого, даже отвергаемого, наукой. Толчком к выходу в более объемное пространство может быть неудовлетворенность от научных решений, во всяком случае, в некотором ракурсе и в некоторой зоне познавательного интереса, но сам по себе заход философии на хозяйство, даже на экономику, имеет и иное оправдание, вовсе не отрицательно-критическое по отношению к экономической науке. В конце концов для философии хозяйства довольно-таки безразлично, есть ли она — теоретическая экономия — или ее нет, хороша она или плоха, ибо у человека думающего всегда найдется куча вопросов, которые можно решить только на философском пути. Но смысловая корреля-

ция относительно экономической науки все-таки имеет место, ибо экономическая наука — факт культурного бытия человека.

Мы не призываем ни к соревнованию философии хозяйства с теоретической экономией, ни тем более к сражению с ней. Но мы не можем не констатировать той неудовлетворенности от теоретической экономии, особенно современной, которую испытывает любой мало-мальски воззренчески размышляющий человек.

Он не может уже пройти мимо заведомой ограниченности теоретической экономии, ее известной оторванности от реальности, не слишком оправданной мифологичности, как и заметной слабости перед лицом многих фундаментальных вопросов. Что говорить, теоретическая экономия немало уже заформализовалась, окоснела и подзапуталась. Она уже давно во многом идет на холостом ходу, лениво и безральично перебирая свои категориальные четки. Правда, она значительно усовершенствовалась, достигла облика почти идеально отлаженного механизма, но... для себя и внутри себя. Наука более всего служит... науке. А это первый и решающий признак, нет, не омертвения, конечно, но уже надвинувшейся «экспонатности». Наука давно уже с удовольствием занимается разглядыванием в зеркале самой себя, не слишком-то бросаясь в омут реальности. А что еще можно ожидать от познания, решительно вступившего на путь механико-математических интерпретаций реальности, весьма далекой от столь упрощенного образа? Познанием чего по преимуществу занимается сегодня наука? Реальности или себя в этой реальности?..

Боже упаси, у нас нет желаний крушить науку, от нее отказываться. Но у нас есть желание, во-первых, поразмышлять над вопросами, которые наука либо обходит, либо дает на них не удовлетворяющие нас ответы; во-вторых, проверить малость и саму науку, поискать и иных в ее зоне решений, которые даются на базе иной аксиоматики, иных концептуальных подходов. Ничего страшного тут нет: ни для науки, ни для нас, ни для вообще познания.

Критика науки — занятие не только непростое, но и по-своему не-благодарное. Ведь одной критики мало, взамен нужны конструктивные предложения. Но пройти мимо критики тоже нельзя, ибо экономическая наукаочно занимает место главного инициатора действительности,

более того, сама, кажется, и является этой действительностью: иной-то действительностью человек обучающийся на сегодня не располагает. Хочешь, не хочешь, а приходится идти сквозь науку, ее вуальное заграждение. Обходные пути, конечно, есть, и частично они служат познанию, но движения по главной дороге все-таки не избежать. Наука, разумеется, не занимает собою всего пространства познаваемого нами объекта, но стоит она перед ним вполне уверенно и достаточно солидно, да так здорово, что ни проигнорировать ее, ни обойти невозможно. На пути философии хозяйства так или иначе теоретическая экономия, что, надо особо заметить, не так уж и плохо.

Критика, которую мы адресуем науке, в значительной мере может быть адресована любому знанию. Мы это понимаем и не настроены столь самодовольно, чтобы не опасаться аналогичных ловушек для той же философии хозяйства. Разве последняя не может стать вдруг ограниченной и оторванной от действительности, отрицательно мифологизированной, работающей более всего на саму себя. Конечно, может. Критикуя науку, мы заранее самокритичны, ибо вовсе не хотим для себя тупикового результата. Нравится нам это или нет, но мы обязаны быть крайне осмотрительными, постоянно поверяя свои выкладки самым критическим образом. У философии хозяйства нет никаких заранее обусловленных индульгенций, она идет по тернистому пути, и никто не собирается ее принимать с безоговорочно распостертыми руками. У философии хозяйства своя голгофа.

Наука. Она очень многое сделала в познании экономики. Трудно переоценить ею совершенное. Но пришло время и известного тупика — экономическая наука все более твердит о самой себе. Случилось неизбежное замыкание на самой себе, когда новых, но реалистических, концептуальных решений не появляется, более того, когда достигнуты пределы, обусловленные принятой в свое время в науке, но уже отработанной аксиоматикой. Мифотворчество теряет эффективность, утверждения носят все более странный характер, жизнь идет своим путем, а наука — своим. Нет плодотворного схождения науки с жизнью, нет искрящегося между ними контакта, нет перспективных решений. И это в момент наивысшего торжества науки, когда кажется, что она не только все объяснила, но и все уже вокруг определяет.

Определять-то она определяет, но что и с каким результатом? Большой вопрос, на который напрашивается не слишком радостный ответ: *определяет наязывание себя реальности с заменой последней самою собою*. Резко сказано, но не справедливо ли?.. Не благо ли, что реальная жизнь в общем-то мало руководствуется теоретическими выкладками, что ее в чем-то явно спасает, но хорошо ли, что реальная жизнь лишена нормальной воззренческой поддержки?.. Почему-то выходит так, что общетеоретическое знание, которое получает ныне человек обучающийся, либо далеко от реальности, либо прямо искажает эту реальность, либо говорит удовлетворительно только о части реальности. Здесь проблема, и отнюдь не гносеологическая, а социальная — *большая социальная проблема!* Человек действующий еще должен получить удовлетворительный ответ на это — на странное состояние и на странную роль предоставляемого ему теоретического знания.

Аналитикам и историкам науки как социокультурного феномена тут есть, чем заняться. В самом деле, разве не любопытно, что наука (имеется в виду наука социальная), с самого начала претендовавшая и поныне претендующая на достоверность, оказалась в столь неблаговидном положении. Ясно, что научное знание все-таки не столь адекватно реальности, как это обычно представляется, что оно весьма и весьма условно, даже «легендно», что оно и не очень-то объективно. Оно сильно *само по себе*. И здесь опять тяжелый вопрос: а может ли научное знание быть адекватным реальности, безусловным, объективным, т. е. воистину удовлетворительным? Абсолютно, конечно, нет, — тут с нами согласится любой адепт науки, — а хотя бы относительно? Похоже, что нет. Человек, общество, жизнь — не те объекты, которые можно взять одним научным заходом, хотя наука может предоставить солидное исходное знание — как материал — о человеке, обществе, жизни. Наука, правда, может обеспечить — до известных пределов — знание о том, как управлять человеком, обществом, жизнью, при этом управлять *незаметно*, как и может снабдить человека в то же время и навыками самоуправления, но с онтологией человека, общества и жизни у науки не все в порядке, ибо наука не призвана проникать в суть вещей, слышать, о чем вещи вещают, чувствовать и отражать диалектику и полилектику реальности, считаться

с ее неопределенностью и уважать ее трансцендентность. Наука вырывает из реальности схему, а если не удается вырвать, то создает ее сама, а потом стремится навязать эту схему в качестве картины реальности, не слишком беспокоясь ни о бедности такого представления реальности, ни об его условности, ни даже об его оторванности от объекта представления. Вчитываясь в учебники и энциклопедии, не перестаешь ловить себя на мысли о странности многих и многих научных выкладок, как и на мысли о легкости, с которой странные выкладки переходят из книги в книгу в течение нескончаемого времени. Вообще научное знание отличается поразительной лоскутностью: то вроде бы ничего — реально или близко к реальности, а то вдруг явно несуразно — реальность тут уже бывает вовсе не причем. Говорят, что наука-де развивается, что она еще... и т. д.; но при чем же здесь развитие, если несуразиы не только имеют права гражданства, но и с умилением повторяются, повторяются, повторяются... Нет, тут что-то не так. Тут наконец-то непреодолимое противоречие науки, какая-то ее априорная слабость, врожденный порок. И он есть, этот порок, и заключен он в самом научном подходе к объекту, который может описываться научным образом в известном пределе — далее наступает неизбежное искажение реальности, в особенности, на воззренческом познавательном уровне. Факты и явления (некоторые) еще подвластны науке, а вот обобщение — уже не очень. Реальность сложнее того, что может уловить наука, чем оперировать. *Реальность значительно не научнее, чем это кажется науке.* Вот почему реальность не охватывается и не раскрывается в достаточной мере наукой, и в итоге она лишь значительно и угрюмо искажается.

Что ж, — возразят нам адепты науки, — так и сидеть человеку с вашей философией, ничего действенного вообще предложить не могут-шь? Нет, — ответим мы, — мы не против науки, но мы против идеализации и идолоизации науки, как и против забвения других знаний, в том числе и философских. Одна наука ничего сделать не может, точнее, может, но не все, а в том, что может, далеко не все оказывается приемлемым. Если и есть спор, то не между наукой и философией, а между сторонниками и противниками одного и другого знаний, что, согласимся, не одно и то же. Мы, повторяем, за деятельное и взаимокорректное сосу-

ществование науки и философии, за их плодотворное соучастие в познании мира, за их поддержку друг друга. Наука не может быть чужда философии, хотя и не может ее в себя включать, как и философия не должна чураться науки, хотя и не должна без оглядки вбирать в себя все научное. Роли и судьбы науки и философии так или иначе переплетены.

Случилось так, что философия оказалась к концу ХХ в. значительно потеснена наукой. К философии утрачено серьезное отношение. Она воспринимается более как реликт, некое культурное достояние, с которым полезно быть знакомым, а не как жизненно необходимое знание, без которого не может действовать, как и хозяйствовать, человек. Ныне в реальности действует человек онаученный, но не человек «офилофенний». Более того, можно даже сказать, что ныне действует человек «дезофилофенний», если вообще не антифилофический. Таковы факты. Воззренческая составляющая ушла либо уходит из головы человека действующего, и если что-то и есть, то не более как некий суррогат этой воззренческой составляющей, включающей в себя несколько вульгаризированных сентенций. Никогда в истории человек не был столь обделен целостным видением мира, как это имеет место сегодня. В воззренческом плане человек сейчас невероятно беден и пуст. Бодрый функционал, он не знает ни мира, в котором действует, ни того, что он, собственно, делает в этом мире, исключая реализацию конкретной прилипнувшей к нему функции. Особое, странное и страшное состояние человека — *бес-филофическое!*

Философия ушла в тень, забралась в тайники академической науки, растворилась в тишине библиотек. Что может *такого* сказать философия современному всезнающему незнайке — активному и целеустремленному? Философские факультеты скромны, в образовании публики роль философии ничтожна. Это даже не кризис, это — катастрофа!

Катастрофы науки нет, во всяком случае, ее никто не ощущает. Может быть, кризис, но уж никак не катастрофа. Наука внедрена в сознание людей, она один из фундаментов современной цивилизации, ее значение никем не оспаривается. Человек еще не чувствует катастрофических веяний, ибо сама по себе наука в катастрофе вряд ли окажется, но зато может обеспечить всеобщую катастрофу, которая только и обозначит всерьез катастрофность самой науки. Но не будем о плохом, и так кругом

столько проблем, а тут еще... Действительно, не будем: зачем говорить о том, чего нет... хотя... и провидится, но ведь только провидится? А вот о катастрофе философии говорить вполне уместно, ибо она налицо.

Да, философия переживает катастрофу. И дело не только в ее вытеснении и утеснении, не только в падении к ней общественного интереса. Философия незаметно для себя давно уже превратилась в... историю философии, т. е. живет более для себя, чем для общества. Здесь, наверное, и вина самой философии. Философское знание — во многом уже музейное знание, а в некоторой мере — и мертвое. Это тоже нужно осознавать. И если проводить ренессанс философии, то, разумеется, при активном участии самой философии, способной пережить собственную смерть... чтобы затем воспрять и расцвести.

Нужна ли сегодня философия? Странный вопрос, не правда ли? Нужна, и лучшим доказательством тому служит... растерянность думающего человека, переживающего шок от действительности и от слабости, если не порочности, научного мировидения. Куда податься онаученному человеку в стремлении к пониманию окружающего бытия и себя самого в этом бытии? Куда?..

Переберем мысленно ответы, и станет ясно, что к какому-то иному — не слишком уже научному — знанию, которого, быть может, еще и нет, но которое все-таки должно быть. Как обозначить это чаемое знание? Воспользуемся тем, чем мы уже располагаем и что в данном случае работает. Да, так и есть, это, конечно же... *философия*.

А куда от нее уйти? И ясно, о чем речь, и широко, и основательно. Любомудрие. К тому же нейтрально, без заведомых жестких ограничений. Мы не говорим пока, *какая* философия, а лишь констатируем факт обращения вообще к философии. Кому-то это, может, и не понравится, но нас такой исход устраивает, ибо человек ныне, — и как никогда ранее, — нуждается именно в том знании, на «фронтоне» которого как раз и можно начертать это замечательное слово — *философия*.

Философия нужна, нужна философия. Обновленная философия, переосмысленная, сохраненная и вновь обретенная, современная, та философия, которая так или иначе адекватна нынешнему человеку и окружающему его миру — по преимуществу уже искусственноому, сформированному человеком, неприродному. Есть, над чем по-философски

поразмышлять, есть, чем заняться мыслителям-философам, есть, чего стоит ожидать от непредвзятых и глубоких раздумий. Способна ли философия к столь значительному возрожденческому движению? Очень не-простой вопрос. Не умерла ли она окончательно? Потребность потребностью, а реальная возможность — возможностью. Вопрос носит явно трансцендентный характер, и ответ на него может быть соответствующим: философия обязана идти вперед, умело оглядываясь назад, и делать это независимо от того, есть ли у нее на это возможность или нет. Окончательно ответить на вопрос должна сама реальность философии, в которой мы, надеемся, принимаем посильное участие, хотя и понимаем при этом, что современный интеллектуализм не очень-то жалует философский поиск.

Принято считать, что философия занимается так называемыми вечными вопросами, хотя и не только ими, не находя при этом на эти вечные вопросы ответов. Но это не совсем так. Философия находит кое-какие ответы, которые, правда, не слишком, быть может, нравятся человеку, но ответы такие есть. В каждое историческое время эти ответы формулируются по-разному, но суть их мало меняется. Есть ответы, которые можно было бы почитать и за *почти*-окончательные, если б... они не касались трансцендентного и сами не были бы трансцендентными, даже трансцендентальными. А это означает, что... с ответами можно не считаться, т. е. будучи даже и окончательными по своему внутреннему смыслу, они не могут претендовать на статус окончательных по их восприимчивости извне. Коли нет у человека того же музыкального слуха, то какую-такую музыку он может услышать, воспроизвести или тем более создать? Так и в случае с философскими истинами — для их восприятия нужен особый, — философский и трансцендентный, — слух, а где его взять, коли ни выучить его нельзя, ни приобрести за деньги, ни украсть. Открыть можно, но для этого и открыться надо — навстречу трансценденции.

У философии, надо заметить, могут быть разные ответы на один и тот же вопрос, и все ответы при этом могут быть, как это ни странно выглядит, правильными. Один философ говорит: трансценденция есть, а другой, наоборот: трансценденции нет, переставая, правда, в этот момент быть философом, а становясь, так сказать, ученым. Правилен любой

ответ, ибо почувствовать трансценденцию можно, а вот увидеть нельзя. К какому же правильному ответу склониться несчастному человеку? А к любому, но с той лишь оговоркой, что слух при этом у человека бывает разный (ведь Моцарт — человек, и Сальери — человек, а вот слух у них разный). Слух, а не ум, чувственность, а не образованность, интуиция, а не умения. Кто как может, тот так и слушает, кому что дано, то и будет услышано, кому предназначено, тот и слышит. Философия — не столько познание и знание, сколько *призвание* — к познанию и знанию, именно к философскому.

Вечные вопросы: что есть мир? что есть человек в мире? зачем этот мир? зачем человек в этом мире? куда идет мир? куда идет человек?.. Масса вопросов, а окончательно ясных ответов на них нет и быть не может, тех самых, что вопросы исчерпывают, их полностью замещают. Те ответы, что есть, совсем другие ответы, по-другому окончательные, таким образом, что вопросы вновь и вновь встают, а человек вновь и вновь дает на них — или получает — все те же ответы. Заколданный круг, но не человеком ученым он заколдован — как в науке бывает — а самим бытием, не человеком созданным. Вопросы эти носят вполне сакральный характер и должны быть вечными. Страшно представить себе некоего ученого человека, разрешившего все вечные вопросы, знающего все и вся. Вечные вопросы на то и вечные, чтобы человек оставался человеком, задумываясь над ними и получая разные *почти*-окончательные ответы.

Заметим одну вещь: у философии, как и у религии, могут быть разные ответы, в том числе и не слишком весомые, достоверные или просто удовлетворительные, даже глупые, но в главном эти ответы отличаются серьезностью, ненадуманностью, выверенностью, которые просто так не отбросить, если хоть раз проницательно их услышать, а вот у науки... у науки столько замечательно придуманных, но невообразимо туманных, обобщающих ответов, из которых ничего путного вывести просто нельзя. Речь идет, конечно, не о конкретных феноменологических ответах, а об ответах абстрактного, обобщающего, возвренческого характера, об ответах о *началах начал*. И если философия с религией часто дают простодушные по форме и стилю ответы, но при соответствующем понимании вполне допустимые, а часто и неопровергимые, то наука сплошь и

рядом дает невероятно сложные и тяжелые ответы, изобилующие словами и формулами, но зияющие в итоге своей бессодержательной пустотой.

Науке — научово, философии — философиево. Повторим это еще раз. Оба потока мысли и знания должны иметь место, и ни один не может заместить другого, что не значит, что они не должны или не могут пересекаться. И могут, и должны, взаимно обогащаясь.

Почему, собственно, не может быть философии хозяйства, способной ставить *свои* вопросы и разрешать их *по-своему*? Тем более, если наука эти вопросы не ставит или почти не ставит. Но ведь есть еще и такие вопросы, на которые философия хозяйства может дать ответы, отличные от научных, т. е. могут как бы посоревноваться с наукой. Разве у человека познающего нет вопросов, подходящих именно для философии хозяйства? Разве человеку хозяйствующему так уж все ясно в своем хозяйственном бытии? Разве он достаточно хорошо оснащен наукой и практическим течением жизни в вопросах хозяйственной деятельности? Разве ему не интересны фундаментальные начала, т. е. начала начал, хозяйства вообще и любых хозяйственных реализаций, имеющих место в жизни?.. Думается, что не все так просто у человека по этой части, ему есть, над чем задуматься, как и есть, ради чего получить ответы на самом высоком размыслительно-познавательном уровне. Человек сознательный не может хозяйствовать вслепую, во всяком случае, не должен. Особенно сейчас, в эпоху науки и техники, во времена необычайной производительности и гигантских свершений, в период нарастающего наступления неприроды. Нет, есть, над чем подумать человеку хозяйствующему и человеку познающему, вопросы для философии хозяйства не то что есть, они буквально окружают человека, да что окружают, они решительно наступают на него, требуя многих и многозначительных ответов. Видящий да видит!

Нужно ли вообще выделять понятие хозяйства, да еще и по-философски — с максимальным захватом смыслового объема, возвренчески? Все зависит от подхода человека познающего к окружающему миру, к бытию, к жизни, к самому себе. Жить можно, даже профессорствовать, вообще ничего не выделяя и ничего не придумывая, — что скажут сверху, а еще лучше — из-за океана, то и делать, следовательно, обходиться

без философии и без хозяйства — как особой категории. Но гораздо интереснее жить, думая, задавать себе разные вопросы и искать на них ответы.

Категория хозяйства, как было уже отмечено выше, — «большая категория», однопорядковая в общем-то таким категориям, как жизнь, бытие, мир. Хозяйство от хождения, а что не ходит в этом мире, что не ищет реализации, что не находит своего места в мироздании, что не подвержено общему ходу вещей? *Ход вещей*. Сильно ведь сказано, если подумать. Вещи и те ходят, а что говорить о существе, обладающем сознанием и понимающем, что ходить надо, а соответственно — хозяйствовать. Все в мире ходит, ходит и человек. Однако все ли в мире хозяйствует? И какое оно — хозяйственное хождение? И почему? И для чего?.. Вот и пошли вопросы, для ответа на которые надо мысленно подниматься до *начала начал*, т. е. размышлять по-философски. Причем не просто так, а задумавшись над самой жизнью и ее смыслом, над человеком и его предназначением, над бытием и его полаганием, над миром и его устройством, над Богом и его миссией... И всего этого будет мало. А сознание, а труд и творчество, а язык, да мало ли еще что? И надо всем надо серьезно и много думать. А что такое благо, а что богатство, а что производство? А что есть собственность?..

На многие вопросы, нам скажут, ответила уже наука — *теоретическая экономия*, ранее бывшая *политической экономией*, а сейчас ставшая вдруг *экономической теорией* (хотя единой теории здесь нет и быть не может, так как обширный предмет позволяет закладывать любую аксиоматику и получать, соответственно, разные теоретические результаты; если что тут и есть, так это сумма теорий, либо некий учебниковый конгломерат, выхватывающий из каждой теории по приглянувшемуся кусочку). Да, теоретическая экономия за более чем два столетия существования дала на многие вопросы ответы, однако ответы *свои*, по преимуществу «строго научные», никак, кстати, не исключающие почему-то разные толкования одного и того же. Более того, мы знаем, что наука дала немало почему-то не объективистских, а вполне заинтересованных ответов — в интересах той ли иной субъективной воли. И ответы, данные наукой, порождают немало вопросов, как и немалое желание еще поразмышлять над теми же проблемами. Ответы науки есть, но они не только

не абсолютны, но и часто по тем или иным причинам просто неудовлетворительны. Часть и хвала теоретической экономии, она многое совершила полезного, но присутствие ее в познавательном поле вовсе не исключает других, в том числе и не совсем научных подходов.

Специфика строго научного подхода состоит в выделении более или менее определенного объекта, становящегося специальным предметом специального рассмотрения. Научный подход дифференцирует знание, выделяя никак или почти не связанные друг с другом области знания. Каждому специальному предмету и каждому специальному о нем знанию соответствует и специфическая область науки, что то же самое — специфическая наука. Раз возникнув, такая наука затем борется за чистоту — себя, предмета, метода, категориального аппарата, накапливаемого знания. Каждая наука — знаниевый бастион.

Ничего предосудительного в этом нет. Для науки это нормально. Это не очень нормально для реализующейся жизни, для познания вообще, для человека синтетически размышляющего. Сейчас, надо заметить, уже многие это понимают, с ужасом взирая на рождение все новых научных дисциплин — даже там, где науки и быть не должно. Все сейчас становиться наукой, все не хочет быть обычным практическим бытовым знанием. Какие только кафедры не открываются в вузах, какие только дисциплины не преподаются в научном облачении. Знание сплошь онаучивается, дифференцируясь, и активно дифференцируется, онаучиваясь. Вообще науки, т. е. некой обобщающей все и вся науки, тоже, быть не может. Наука может реализовываться только в науках.

Здесь есть свои преимущества, но есть и крупные недостатки. Наука отгораживается от науки, сообщаясь друг с другом только на академических совещаниях, где представители разных наук мало друг друга понимают, лучше сказать, много друг друга не понимают. А общение разных наук, причем неформальное, необходимо.

Тут на выручку придти может только философия, правда, понимаемая научными людьми по преимуществу как научная философия. Оставляя в стороне вопрос о соотношении философии и науки и о продуктивности собственно научной философии, заметим, что философия действительно может придти на помощь науке, выполняя роль воззренческого синтезатора. Правда, философии придется действовать более

всего по-философски, переводя, с одной стороны, язык науки на язык философии, а с другой — разрабатывая свое собственное знание, весьма отличное от научного. Философия не может быть ни отраслью науки, ни ее признаком, ни даже вспомогателем. У философии свои задачи. И она может делать то, что не может делать наука, — сразу действовать в режиме синтеза, т. е. не следующего за научным анализом синтеза, а синтеза априорного, изначального, исходного. В этом великое преимущество философии.

Теоретическая экономия — одна из наук, борющаяся за свою чистоту, а следовательно, отгораживающаяся от всего неэкономического. А неэкономического в экономике, как говорится, навалом. Теоретическая же экономия занимается как бы только экономическим в экономике, правда, не слишком себе представляя, что же есть на самом деле и само по себе это экономическое. Теоретическая экономия — раба собственной специализированной гордыни. Отвергая неэкономическое, не знает при этом удовлетворительно, что есть экономическое, а выделяя каким-то образом экономическое, не очень здорово при этом представляя себе, что есть неэкономическое. Но никто теоретическую экономию за это не упрекает, ибо... здесь проблема... великая гносеологическая проблема, ждущая решения (вечная проблема, почему-то за вечную не почитаемая). В самом деле, разве легко признаться, что славная теоретическая экономия не знает, что есть экономическое в экономике, она, пожалуй, и не задается этим вопросом, спокойно оперируя... с *неизвестным*, не менее спокойно при этом отрицая феномен... трансцендентности, — как это делает всякая уважающая себя наука.

Но не будем о грустном. Наша задача куда более оптимистичная — показать возможности философии. И вот что интересно: для философии вообще нет проблемы отгораживания от чего-либо — ни по предмету, ни по его познанию, ни по знанию о нем. Что есть в предмете, то и интересует философию, — зачем что-либо отбрасывать? Другое дело, что не все в предмете стоит непременно и скрупулезно рассматривать, тщательно анализировать, исполнять над каждой конкретной вещью ритуальный познавательный танец. Философия умеет мыслить синтезно, сходу принимая во внимание многообразие предмета, которым занимается, что не мешает ей — при необходимости — кое-что изучать

и внимательнее, и даже отдельно от контекста. Ничто в данном аспекте не чуждо философии.

Вот и на свой предмет — хозяйство — она смотрит не только не-экономически (как пытается это сделать экономическая наука), но даже и не по-хозяйственному, т. е. не по-предметному, а смотрит она на него всего лишь по-философски — комплексно, синтезно, целостно, воззренчески, «проникательно», одним словом — сложно. *Здесь сложность на сложность через сложность.* Ничего тут не дано и «дадено» быть не может. Поэтому для философии хозяйства в предмете интереса все интересно, все важно, все нужно. И то, что обычно именуется экономическим, и то, что называется, к примеру, социальным, технологическим, политическим, психологическим, этическим, эстетическим и т. д. и т. п. *Ничто не чуждо философии хозяйства, ничто.* И здесь не всеядность, а исходная синтезность, нацеленность на восприятие цветущей сложности бытия.

Наука, по сути дела, *энтропийна*, она вычленяет что-то из бытия, отделяет его от контекста, препарирует, схематизирует, оставляет скелет, помещает в музей, т. е. работает, хотя и оправданно, против жизни в ее многообразии; не то философия — она может позволить себе быть *негэнтропийной*, т. е. соответствующей более или менее богатству бытия (не без некоторой энтропийности, конечно).

И вот что важно: не пренебрегая ничем, учитывая все имеющееся в бытии в целостной расстановке, философия способна к более, на наш взгляд, эффективному различению любого особенного, ибо это особенное — не вычлененное специально и навечно — лучше и полнее, а главное — охотнее, о себе заявляет, раскрывая свою специфику. И экономическое в контексте хозяйства легче определить как экономическое, чем это удается специализированной науке, пытающейся отделить экономическое от всего неэкономического.

Хозяйство — само бытие, сама жизнь, однако взятые и рассматриваемые как хозяйство. Не хозяйство в бытии и в жизни, а бытие и жизнь *как хозяйство*. Бытие и жизнь в их хозяйственном аспекте. Не касаясь здесь существа хозяйственного (мы это уже делали ранее), отметим огромную многозначительность приведенных утверждений. Из такого

начала начал вытекает практически все, что может иметь место к реализации бытия и жизни с хозяйственной точки зрения. Заход здесь, как мы видим, самый что ни на есть масштабный, очень сложный, целостный и, разумеется, непосредственно трансцендентный.

Ладно с бытием и жизнью. Возьмем любое другое: разве цивилизация не хозяйство? а политика? а деторождение и воспитание людей? а литература? а войны? а грабеж? а разного рода гнусности? — о, хозяйственного вокруг много, ох, как много! И все это, заметим, производство, т. е. изведение чего-либо. Всего и вся. Идей, например, обычаев, правил, навыков. Тоже ведь производство. А производство людей, отношений между людьми, социальных институтов, обществ, — что это, если не производство, если не хозяйство?

Мы не определяем сейчас сути хозяйственного, — это мы уже немного делали и еще будем делать, — но мы хотим бегло продемонстрировать, *что* же может стоять за хозяйственным, какое смысловое богатство, какие познавательные возможности. Нет, разумеется, нет, в поле зрения философии хозяйства не все вовсе бытие, не вся вовсе жизнь, но тем не менее не какая-то часть бытия и жизни, не какой-либо их отдельный фактор, не какой-нибудь специфический механизм, а именно бытие и жизнь как таковые, не во всем, понятно, объеме, но в полном или довольно полном масштабе. Философия хозяйства отталкивается от бытия — жизни *в целом*, — и это ее великое достоинство, но и большая проблема. Однако другого хода здесь нет: *максимум претендует на максимум*.

Философия хозяйства не ограничивается и не может ограничиваться феноменальным рядом, характерном для реальности, ее интересует и не может не интересовать ноуменальный или сущностный ряд, ибо философия хозяйства не может пройти мимо глубинной сложности бытия — возвренчество ведет здесь философию хозяйства. Не фиксация вещей и их отношений характерна для философии хозяйства, а проникновение в суть вещей, а также в ту уже суть, которая стоит за вещами. Ничто не останавливает и не может остановить философию хозяйства, ибо она базируется на свободном созерцании и воображении, на проникновении и проницательности, на обобщении и объяснении, т. е. на всем том, что не имеет априорно заданных пределов. Она не страшится, как уже

неоднократно заявлялось, таинственности мира, его трансцендентности. Она принимает мир во всей его сложности.

Куда ни кинь, везде в связи с философией хозяйства масштаб и глубина, сложность и целостность, неограниченность и неопределенность, везде трансцендентность. Везде и возможности — другие, не научные, обильные и трудные, многообещающие.

Философия хозяйства притягивает на... философию хозяйства.

Лекция четвертая

Хозяйство как хозяйство

Мы уже немало сказали о *хозяйстве*. И примерно представляем себе, что есть хозяйство с философской точки зрения, точнее, с *философско-хозяйственной*, ибо, как мы старались показать выше, нельзя хозяйство в нашем случае оторвать от философии, лишившись важнейшего для нас смыслового ядра.

Сказав многое, мы в то же время еще не сказали о хозяйстве всего *понятийного*, что ему присуще. В хозяйстве еще надо поразбираться, посмотрев на него уже с его собственной стороны — хозяйственной. Нас интересует теперь *хозяйство как хозяйство*.

Ранее мы выводили хозяйство непосредственно из бытия, жизни, самого существования человека. И более или менее уяснили, что не только бытие человека, но и бытие вообще следует рассматривать в хозяйственном аспекте и соответственно выделять феномен хозяйства как принадлежность бытия вообще, не говоря уже о бытии человека.

Трудно себе представить существование человека как *не-хозяйственное*. На самом деле трудно, ибо за бортом остается важнейшая характеристика видового существования человека как *само-существование*, но не в смысле изолированности человеческого вида от контекста, а в смысле жизненной или жизнеобеспечивающей активности человека в ходе, ради и в результате своего существования. Человек, как и все в мире (исключая момент сотворения мира, о чём мы еще поговорим), базируется на жизненной на уровне организмов активности, приносящей ему возможность существования и его — это существование — реализу-

ющей. Такое существование можно назвать жизнедеятельным, когда организм — в видовом образе, живя, одновременно и производит жизнь — прежде всего самого себя. Хочешь жить, производи себя, производи вид. И не только в физико-биологическом смысле, а и в плане деятельной активности организмов, их взаимоотношений друг с другом и со средой.

Почему так происходит, — особый вопрос. Но *так* происходит. Хочешь жить, хозяйствуй, будешь хозяйствовать, будешь жить. *Хозяйство — жизнь как производство жизни на уровне активных организмов.*

Это нам более или менее известно. Отвлечемся на мгновение от жизни, бытия, существования как исходных базовых моментов для понимания хозяйства и посмотрим повнимательнее уже на хозяйство как хозяйство. Что мы увидим, помимо жизненной активности организмов?

Мы уже говорили ранее о *хождении*. Обратимся к нему вновь и попробуем в нем немного поразбираться, ибо в этом хождении должна, по-видимому, находиться и некая «бацилла» хозяйственного, узрев которую можно увидеть и *хозяйственность* в ее более или менее чистом виде. Здесь нам требуется некоторое познавательное напряжение, поэтому будем повнимательнее.

Хождение, о котором идет речь, не может быть *бесцельным* хотя бы в силу его громадной ответственности перед жизнью. Допустив бесцельность в рамках отдельной хожденческой акции, мы не можем ее допустить для хождения вообще. Наше хождение, безусловно, имеет цель, а потому вполне является *целеположением*. Однако такая цель, как обеспечение жизни, — слишком общая, чтобы выделять ее как хозяйственную. Хотелось бы увидеть в хождении именно хозяйственную цель. Это трудно, но можно.

Из предыдущих рассуждений в общем-то ясно, что это, по первой мере, *производительная цель*. Хождение ради производства — всего, что обусловливает производство жизни, — как в хорошем, так и в не очень хорошем смысле. *Производительное хождение — безусловно хозяйственное хождение.*

Но производительное хождение не может осуществляться без свершения какого-либо *дела*. Отсюда хозяйственное хождение — *деловое хождение*. Цель и реализация цели здесь органично совмещаются, образуя вполне логичное единство. Цель определяет дело, а дело

обеспечивает цель.

Дело. Что это такое? Кажется, хорошо известно. Но стоит обратить внимание на то, что дело есть непременно некое *качественное изменение, происходящее по воле и при участии делающего*. Какого тогда качества, в каком качественном направлении и при каком качественном результате?

Целеположенному изменению подлежит некая *качественная данность*, которую застает делающий и которую он желает изменить, да так, чтобы получить, по возможности, желаемый результат. Нечто превращается через дело в другое нечто, хотя, как хорошо мы знаем по жизни, во все не обязательно *в точности* в желаемое нечто. Однако важно заметить: есть данное нечто, которое становится другим нечто. Имеет место качественное преобразование нечто в нечто. Возникает иной образ уже имеющегося нечто. Имеющееся нечто переходит в еще-не-имеющееся нечто. И переходит в случае и в рамках человеческого дела, так сказать, поневоле, т. е. по инициативе, проекту и деянию делающего. По его субъективной воле и по его субъектному деланию. От качества к качеству (или от одного качественного состояния к другому) в соответствии с субъективной целью. От одной реальности к другой, однако... через *ирреальность* — через *ничто*, но особое ничто, полное при этом замысленного нечто, что то же самое — полное *идеи нечто*. Конечно, идея — не совсем ничто, но по отношению к имеющемуся нечто это в какой-то мере именно ничто, ибо есть еще не совершившееся нечто. Последнее вроде бы есть, но его еще и нет, а раз нет, то и... нет.

Здесь мы затрагиваем важнейший аспект бытия, который можно было бы обозначить как *виртуальность*. Возникает момент, когда нечто в бытии уже есть — как идеальный проект, но его в бытии и нет, ибо проект еще ни во что не воплощен (проект может иметь, кстати, и вполне идеальное воплощение, если речь заходит, скажем, о словесной или музыкальной культуре — разве песня не есть что-то уже воплощенное?). Всякому делу, всякому хождению, как нетрудно догадаться, предшествует *проект*, сидящий поначалу как бы в ничто, и только потом — в итоге свершения дела — может обратиться в полноценное нечто. *Путь к нечто здесь лежит через ничто*. Важнейший вывод. Ничто принимает

самое активное участие в реализации бытия, и, что наиболее знаменательно, без этого ничто бытия просто нет — по крайней мере, как бытия динамического.

Виртуальность — необходимый момент-атрибут бытия. Это, конечно, возможность, но возможность все-таки работающая, участвующая в реализации бытия и как бы дающая бытию эту реализацию. Дающая, если так можно сказать, бытию жизнь (не в обычном понимании жизни, а в более общем). Вообще виртуальность сложна и многозначна (об этом еще будет идти речь), но в данном контексте это некая проективная возможность, обращающаяся в действительность, та возможность, без которой нет действительности. Тут имеет место переход от потенциальной действительности к действительной действительности, от ирреальности к реальности, если, конечно, не забывать при этом что потенциальная действительность тоже действительность, а ирреальность — тоже реальность.

Необычного в познавательном смысле здесь вроде бы ничего нет — кто не знает о возможности и действительности? Но здесь есть важный фундаментальный аспект, на который, кажется, особого внимания не обращается, а именно тот аспект, что возможность, виртуальность, наконец — ничто играют не только сложную, но и судьбоносную роль в осуществлении бытия — роль своеобразного *творческого начала*. И эта роль, заметим, становится ясной, когда мы обращаемся к бытию и к жизни с хозяйственным критерием. Хождение наше оказывается не просто целеположенным и деловым, но и *творческим хождением*. И бытие без этого творческого хождения не обходится.

Творческое хождение. Это важно и знаменательно. Но это и по-настоящему интересно, потому как сопряжено с виртуальным моментом, с реализацией ничто. *Из ничто — нечто*. Творческому деловому хождению предшествует момент замысла, проекта, но в то же время и момент *небытия*. Небытие в бытии, *жизненного небытия*, когда из небытия рождается бытие (то, что это рождение бытия сопровождается смертью бытия, сейчас значение не имеет, хотя и исключительно важно — само по себе и для бытия вообще, — об этом речь еще впереди).

Хозяйствование есть активное целеположенное преобразование бытия, осуществляемое по проекту, рождающемуся в бытийственном

ничто. Важный вывод. Хозяйствование — не вообще динамика бытия, хотя вне динамики бытия нет хозяйствования, не даже целеположенная динамика бытия, а такая динамика бытия, которая обязана своей реализацией динамике какого-то там виртуального ничто, т. е. чего-то достаточно трансцендентного.

Тогда зададимся вопросом: каким же образом в ничто возникает проект какого-либо нечто? Посредством, как минимум, снятия с контекста всей необходимой информации, ее сжатия в точку и переработки, возникновения в точке информационного, одновременного и виртуального, образа, перевода этого образа в рабочее, т. е. реализационное, состояние, выброса в среду необходимой развернутой информации, отражающей не один образ будущей реальности, но и способ ее осуществления в полном взаимодействии со средой. Ничего себе, — скажет изумленный понаватель бытия, — выходит, что небытие важнее бытия, или, по другой мере, скрытое бытие значительнее бытия открытого... Мы не будем гасить непременно этого нечаянного изумления, поскольку знаем, что трансцендентность действительно важнее реальной — феноменальной — реальности. Мало того, что все самое важное происходит где-то в ничто, но и происходит, заметим, как-то само собой, скрыто, неуловимо, если не сказать просто — загадочно.

Хозяйственное сопряжено с проективностью. Реальному делу предшествует замысел. Последний рождается из реальности, но с обязательным переходом в ирреальность (в совсем другую реальность). Такой переход абсолютно необходим. Из ирреальности рождается реальность. Хозяйственное осуществляется через *преобразжение* — но не просто одной реальности в другую реальность, но и реальности в ирреальность, причем это второе предшествует первому, его определяет. И осуществляет эти переходы *организм*, т. е. человек, субъект, хозяйствующий субъект.

Мы видим, что хозяйствование — не только деловая, но и проективная функция, хотя, конечно же, проект — тоже дело, а дело всегда в той или иной мере проект. Дела нет без проекта. Хозяйствование — реализующийся проект. И проект важнее дела, при всей значимости дела как такового. Нужно знать, что делать. И знание это приходит откуда-то, из ничто, из виртуального мира (подмира). Обеспечение той же жизни

в реальности обусловлено своеобразной жизнедеятельностью ирреальности. Творчество жизни сопряжено с творчеством ничто. И если жизнь — это хозяйство, а хозяйство — жизнь, то хозяйство в жизни — выход жизни через деятельность организма из ничто. Хозяйствующий организм — *творец жизни*. Хождение организма — *жизнетворческое хождение*. Не в плане прежде всего переделывания реальности, а в плане выработки образа этого переделывания.

Организм. Загадочная вещь. И не столько в физико-биологическом аспекте, сколько в духовно-интеллектуальном. Вот уж где трансцендентного хоть отбавляй! Но убавить тут нечего. С трансценденцией в организме надо считаться. Лучше ее учитывать, чем не учитывать. Так гораздо тоньше, реалистичнее и мудрее.

Не что-то конкретное делает организм в своем хождении по миру, хозяйствуя, что и так понятно, а выполняет замысленную программу, возникающую в итоге совершенно виртуального поглощения этого мира, его части, и совершенно виртуального производства этого мира, его части, но уже в каком-то новом, не бывшем ранее, качественном облике-состоянии. Хождение, сопряженное с рождением и смертью — рождение нового и умирание старого. Хозяйствование — отнюдь не безобидное действие, а творчество, с ним связанное, — отнюдь не радостная для мира потенция.

Две неразделенные функции — проектирование и дело. Они свойственны всем организмам, но могут иметь разные степени, формы и механизмы овладения последними, как и по-разному организмами выполняться, не говоря уже о различных итогах такого выполнения. Бывает и так, что один организм более проектирует, а другой — более непосредственно делает, во всяком случае, один следует в своем хождении замыслу другого. Ничего особенного в этом нет, реальность сплошь это демонстрирует. И нам здесь важно то, что в проекте-деле может быть именно организменное разделение: один совершает одно, другой — другое. Выходит, что хозяйствовать, а следственно, ходить — не только ходить по реальности, ее реально перебирая, но и ходить по реальности виртуально, в сфере ирреального, ходить мысленно, воображенчески. Когда это делает тот же самый организм, что и совершает само дело, то это, т. е. виртуальное действие, не выглядит столь рельефно, как в случае

в разными организмами, выполняющими в одном хозяйственном действии разные функции. А сама возможность только виртуального хождения-хозяйствования очень знаменательна — для понимания сути хозяйственного. Хождение, попросту говоря, гораздо сложнее, умнее и трансцендентнее, чем собственно практическое, реализабельное, деловое хождение. Хозяйствование — тонкая вещь.

Хозяйствование — умное делание. В нем участвует прежде всего ум организма, вместе, разумеется, с сердцем, а затем уже такие органы, как ноги, руки. При всем великом значении той же руки главная роль остается все-таки за умом. Хождение исходит из ума, а не из ног, как это может показаться на первый взгляд. Хозяйствование — хождение ума.

Ум не сам по себе ходит или, скажем, хождение происходит не просто в уме — хождение реализуется всем организмом, но ум — в начале, даже в начале начал. Оттуда, оттуда исходит хозяйствование, из ума. *Из-ум-ленное* это дело, *из-умное*. Вполне виртуальное. Вполне и трансцендентное. Выходит себе, и все тут. Думай, что хочешь, а оно себе рождается и рождается — как великое изумное нечто, разумеется, из ничто, там — в уме.

А почему все-таки виртуальность обращается в реальную реальность? Только потому, что ум (вместе с сердцем, которое, кстати, тоже думает) управляет всем организмом — как на уровне самого ума, так и на уровне всего остального, в том числе и ног, и рук. В итоге получается и проект, и дело, и результат. Хозяйствование ведь — *нечто результатное* (о каком хозяйствовании стоит говорить, коли нет результата).

Управление. Без него нет хождения, нет хозяйствования. Управление всем: умом, сердцем, ногами, руками, организмом в целом, как и всем процессом проектирования и делания, всего хозяйствования. *Хозяйствование — управляемый процесс, как, собственно, и процесс управления*.

От бытия, от жизни идет хозяйство, в них и реализуется, им служит — как *управляемый феномен*. В некотором роде хозяйство — *управление бытием, жизнью*. А разве не так? Управление бытием, жизнью, исходящее от самих бытия и жизни, но проходящее через организм, из него вытекающее, им творчески обрабатываемое. Тут ведь сплошное опосредование — при всеобщем взаимоопределении, тут — *полилекти-*

ческий узел. И удивляться взаимопереходам одного в другое не приходится.

Но вырвем из контекста это самое *управление*. Это очень важно. В какой-то точке управление рождается, из нее исходит и все вокруг — в пределах, конечно, — способно как-то определить. Сделать по-своему, по-задуманному, по-рожденному. А управление есть передача некоего направляющего и изменяющего импульса — от одного элемента к другому, есть так или иначе осуществление какого-то порядка между элементами, есть в той или иной мере некоторая их систематизация, т. е. взаимозависимое распределение по пространству бытия. Одновременно это может быть определение и распределение качества (или качеств), равным образом определение и распределение количества (или количеств).

Управление вместе с определяемым им созиданием и получаемым итогом можно трактовать как *организацию*. Мы ведь знаем, что все вокруг организовано, а все организованное подвергается организации — как действию, как и является организацией — как итогом действия, т. е. все имеет тотальную организационную выраженность. И организм, конечно же, в первую очередь. *Орган-изм орган-изован, орган-изм — орган-изация, орган-изм орган-изует*. Организация сама по себе не организм, ибо она может быть и неорганизменной, а вот организм — безусловная организация. И весьма для нас интересная, так как имеет отношение к реализации хождения и хозяйствования. Чем же она интересна в особенности?

Да, разумеется, своей способностью понимать, проектировать и реально создавать организацию — пусть даже в виде реорганизации уже существующего. Поразительная способность. *Организация по организации организации*. И мы хотим видеть организм не трансцендентным, тот самый организм, который продуцирует организацию *из ничего через ничто!*

Организм — продуцент организации. Его хождение — организационное. *Хозяйствование — организационное действие, процесс организации*. Отсюда хозяйство — бытие, жизнь в аспекте организации, как и организация бытия, жизни. Мы получаем организационную трактовку хозяйства, что очень важно. В организации сразу все: хождение, цель, проект, дело, управление, производство... Конечно, мы не должны здесь

трактовать организацию слишком абстрактно, иначе мы выйдем из сферы хозяйственного, т. е. говоря об организации, мы должны все время помнить о ее хозяйственной природе и реализации.

Фундаментальная смысловая связка: *хозяйство и организация, организация и хозяйство*, столь же фундаментальная, что и *бытие, жизнь и хозяйство, хозяйство и бытие, жизнь*. Только если вторая относится как бы к первичному началу начал, то первая — как бы ко вторичному. С организации вряд ли стоило бы начинать наш подход к хозяйству, ибо организаций всяких много, да и все равно надо знать, о какой организации или об организации чего идет речь. А вот с бытия и жизни мы начали совершенно логично, взяв самое объемное, важное и... близкое к хозяйству, и только потом перешли к организации, раскрывающей хозяйство в его связи с бытием, жизнью. Наши рассуждения замыкаются здесь в добротный логический круг: *бытие, жизнь — хозяйство — организация, а учитывая функциональную роль организации в бытии, жизни и в хозяйстве, было бы лучше наше логическое построение сделать следующим: бытие, жизнь — организация — хозяйство.*

Что такое хозяйство?

Бытие, жизнь, организуемые организмами; организация организмами бытия, жизни. Но и продуцирование организмами организации бытия, жизни ради обеспечения бытия жизни. Как и створение нечто из ничего ради бытия, жизни посредством продуцирования организации сначала ничего, а потом нечто... Определительный ряд, наверное, можно было бы продолжить, но в этом нет никакой необходимости. Будем надеяться, что понимание, — естественно, в меру трансцендентное, — уже есть, а это главное.

Однако определение хозяйства в смысле его обрисовки еще не закончено. Мы выявили важные смысловые составляющие хозяйства, но само хозяйство мы рассмотрели со стороны хозяйственной функции организма — в единственном, что ли, числе. Но нам хорошо известно, что один организм — как отдельное живое существо — в поле не воин. Живут, бытийствуют и хозяйствуют организмы, причем не простой массой, а в особой взаимосвязи, составляя при этом большие организмы — *социальные организмы*. Нас интересуют человек и его хозяйство,

а потому мы все время имеем в виду, конечно же, именно человека и людей, человеческие индивидуальные и социальные организмы.

Достаточно хорошо показано, что человек — существо *общественное*. Почему это так, мы не знаем, хотя можем собрать массу этому доказательств. Так устроено Творцом, под которым каждый может понимать что угодно — Бога, Природу, Большой Взрыв, Синергетику, что человек идет по данному миру, так сказать, сообща, а потому и хождение хозяйственное осуществляется сообща, вступая в различного рода хозяйствственные отношения и создавая хозяйствственные сообщества. Человек хозяйствует индивидуально и общественно одновременно. Вот и вся тут диалектика. Кому не нравится данное заключение, пусть представит другое — может, мы будем думать тогда иначе.

Нетрудно догадаться, к чему мы тут клоним, — да, действительно, хозяйство человека — дело *общественное*, что означает, что при слове «хозяйство» нам следует воображать не просто действия отдельных людей, их хождения, а целый мир людских действий и хождений, причем по преимуществу не параллельных относительно друг друга, а взаимосвязанных и взаимообусловленных, и соответственно воображать действие и хождение *общества людей*.

Хозяйствует у нас человек, но человек как общество людей. Как хочешь, так и понимай. Хозяйствует человек — хозяйствует общество. Не просто человек из общества и в обществе, а именно *человек как общество*. То, что люди как-то кооперируются в своей хозяйственной деятельности, это понятно, труднее уловить *хозяйствование общества*, а оно тем не менее есть, даже если члены общества не собираются вместе и не принимают совместных хозяйственных решений. *В мире хозяйствует человек, в мире хозяйствует общество, в мире хозяйствует человечество.*

Социальный организм — не индивидуальный организм. Однако ничего плохого в трактовке общества как организма нет. Просто надо иметь в виду, что это другой организм — не организменный организм.

Но чем хорошо, что общество у нас организм? Тем, что в организации общества, в том числе и хозяйства, просматривается взаимообусловленность частей, характерная для организма. Не для вообще системы, а именно для организма, когда одна часть организма способствует другой, а вместе они обеспечивают воспроизведение друг друга и всего

организма. Хозяйствование индивида невозможno без взаимосвязанного и взаимообусловленного хозяйствования не только других индивидов, но всего их сообщества, причем не самой совокупности индивидов, а их общественного целого. Речь может идти о любом сообществе — семье, общине, обществе, сверхобществе (по терминологии А.А. Зиновьева), мировом сообществе, человечестве в целом, но сообщество как хозяйственное целое, причем активное, должно непременно быть. Таковы факты человеческого бытия, такова, как говорится, жизнь.

Хозяйство — это не просто проект и дело, это мир, в рамках которого реализуются проекты и дела; это не просто хождение и даже хождения, это *мир хождений*, но и это не все — это еще и *хождение мира*, разумеется, человеческого мира, или мира, опосредованного человеком. Хозяйство — *мировое целое*, не что-то в жизни человека и общества, а сама жизнь человека и общества, взятая, естественно, в определенном — хозяйственном — аспекте.

Организация — не просто момент хозяйства, его реализация, но и целостное бытие хозяйства, его состояние, его форма. Нет хозяйства, которое бы не было всесторонней организацией и которое бы не было при этом *организацией общественной*, как и *организацией общества*. Общество организовано и организует, оно при этом организуемо и организуется. Хозяйствуя, общество организуется, организуемо и организует, а организуя и организуясь, общество хозяйствует.

Есть хозяйствование индивидуальное, элементное, частное, т. е. то хозяйствование, которое ведется отдельным человеком, социальной ячейкой, скооперировавшимся сообществом, а есть хозяйствование общественное, совокупное, целостное, т. е. то хозяйствование, которое так или иначе осуществляется обществом в целом — как собственно общественный процесс. Субъективность первого класса хозяйствования очевидна, оно восходит к субъекту, его осуществляющему — человеку, общине, сообществу; субъектность второго класса не столь очевидна, так как общество — субъект особого рода, субъектно не выраженный. Кто в обществе и только в обществе субъект, кроме самого общества? Никто. Ибо есть общество — оно и субъект, однако субъект как бы и бессубъектный. Такой субъект — как именно субъект — носит безусловный

трансцендентный характер, его даже можно назвать трансцендентальным. Он есть и его нет. Сам по себе, в процессе, без явных субъектных функций и отправлений. И однако субъект — по отношению ко всему бытию, всей жизни, всему миру. Ибо он творит, творит по-хозяйственному, если и не особенно целеположено, то тем не менее как-то направленно. Субъектность общества не в прямом наличии, но в опосредованном проявлении.

Хозяйство — это разные хозяйствования, среди которых прямо субъектные и опосредованно субъектные хозяйствования, те хозяйствования, которые базируются на конкретных делах и в них реализуются, и то хозяйствование, которое есть всего лишь не слишком выраженный общественный процесс, в котором тонет всякая субъектность, кроме незаметно всплывающей трансцендентальной.

Сейчас самое время коснуться вопроса о *хозяйствующем субъекте*. Нетрудно по размышлении согласиться с тем, что хозяйствующий субъект есть прежде всего некое действующее по-хозяйственному лицо, способное выработать хозяйственный замысел, перевести его в дело и добиться предусмотренного (пусть и не по всем пунктам) результата. Хозяйствующий субъект — субъект-организатор, обладающий возможностью организовывать (реорганизовывать) пространство бытия, приспособливая его к жизни и обеспечивая при необходимости его поглощение ради той же самой жизни. Хозяйствующий субъект — не просто участник хозяйственного действия, а прежде всего его созидатель — во всем необходимом объеме и разнообразии. Нет более значимой и ответственной фигуры в хозяйственном процессе, чем хозяйствующий субъект, так как со стороны функциональной это действительно «начало начал» (так сказать, «начальник начал»), т. е. фигура, изводящая из себя не что-нибудь, а само хозяйство. Хозяйство держится на хозяйствующих субъектах.

Полезно различать *хозяйствующего субъекта* и *хозяйственного субъекта* (часто *агента*). Второй — всего лишь участник хозяйственного действия, а первый — его зачинатель, оплодотворитель и организатор. Хозяйство прямо-таки вытекает из хозяйствующего субъекта, а хозяйственный субъект — лишь участник хозяйственного потока. Ясно, что роли могут меняться, что один и тот же субъект может сразу выполнять обе

роли и т. д., но различать функционально первых и вторых полезно и необходимо. Главное, не упустить хозяйствующего субъекта.

Любой субъект, занятый хозяйственным процессом — прежде всего просто человек, затем группа людей, потом и сообщество людей. Хозяйство может рождаться не из одной головы, но и из множества голов, соответствующим образом взаимодействующих. Субъект, как правило, многоголов. Но отношения между людьми, составляющими того или иного единого субъекта, — особые отношения, это *внутрисубъектные отношения*. Это отношения, позволяющие образовать субъекта, его реализовать, а также судить о субъекте, его организме, его организации, его работе.

С субъектом, имеющим более или менее явную субъектную выраженность, т. е. лицо, личность, индивидуальность, все более или менее ясно. Субъект есть субъект. Труднее обстоит дело с субъектом невыраженным, расплывчатым, попросту незаметным. И такие есть, — и самым надежным примером является тут, конечно же, общество — хозяйствующее общество. Мы уже отмечали трансцендентальность такого субъекта. И это важно иметь в виду: нельзя к субъекту-обществу относиться так же, как и к субъекту-индивиду, субъекту-группе, субъекту-сообществу. В общественном плане субъект как бы есть, но его как бы и нет. Это ведь субъект-процесс, не субъект с процессом того же функционирования, а именно субъект-процесс, где процесс и есть субъект. Особенность такого субъекта состоит в отсутствии конкретного лица, его представляющего, конкретной — пусть и коллективной — личности. Отношения внутри такого субъекта носят не внутрисубъектный, а *межсубъектный характер*, ибо субъект-процесс состоит, в отличие от ясно выраженного субъекта, уже из субъектов, а не просто из голов, людей, индивидуумов. Безличный, но все-таки субъект. Почему? В силу его роли в мире вообще. И роль эта, несмотря ни на что, субъектна, ибо человечество в целом так или иначе хозяйствует, ведя хозяйство, имеющее свои начала и свои концы (завершения), отнюдь не безразличные для бытия, жизни, мира.

Вообще говоря, нам пора вводить разграничение между хозяйством, возникающим в процессе деятельности отдельного субъекта, и хозяйством, реализующимся в итоге взаимной деятельности всех субъектов

в совокупности или, что то же самое, субъектом-обществом. Это разграничение не просто полезно, но крайне необходимо, так как хорошо раскрывает свершающийся хозяйственный процесс. Хозяйство, короче, складывается из *микро-хозяйств* и из *макро-хозяйства*.

Микрохозяйства, которым также соответствуют *микро-субъекты* и *микро-хозяйствования*, образуют само основание того феномена, который мы называем хозяйством (хозяйством вообще). Как бы то ни было, но хозяйство невозможно без участия в нем собственно людей и создаваемых ими субъектно-институциональных образований, непосредственно кующих то, что как раз и составляет по сути хозяйство. Человеческое хозяйство идет от человека, от его хождения, оно не рождается где-то вне человека, хотя и учитывает многое, что выходит за собственно человеческий мир. Без человека нет и не может быть человеческого хозяйства. Никакой загадки тут нет. Здесь все ясно. Хозяйство — от человека, от субъекта, от *макро-уровня*.

Но хозяйство и от *макро-уровня*, не существующего само по себе, а результатно базирующегося на микрохозяйствах, из них состоящего, от них возникающего. Макрохозяйство — не просто результат микрохозяйств, это и самостоятельно действующее хозяйство, однако реализующееся тем не менее в ходе взаимодействия микрохозяйств. Любое микрохозяйство в той или иной мере трансцендентно, но макрохозяйство воистину *трансцендентально* — здесь трансценденция явно вершит свой таинственный и многозначительный пир.

Собственно субъектное хозяйство, или микрохозяйство, достаточно *субъективно* — по роли субъектно-субъективного начала в реализации этого хозяйства. Разумеется, ни один субъект не действует только лишь субъективно, он испытывает воздействие объективности, которой, естественно, хватает, но все-таки за субъектом всегда остается немало того, что исходит только от него, что выражает его предпочтения, что соответствует его воле. Субъективность субъекта не стоит преувеличивать, но она определенно есть. И это важно, в том числе и потому, что отражает его трансцендентность — пойди, догадайся, что там замыслил субъект, что он, собственно, делает, с какой-такой целью и т. п. Действия субъекта далеко не прозрачны, как не слишком они бывают прозрачными

и для него самого. Тут сложная объективно-субъективная трансценденция.

Что же касается макрохозяйства, то оно, конечно же, гораздо более объективно, чем микрохозяйство, поскольку объективность прямо заложена в само функционирование макрохозяйства, являясь фундаментальным принципом его бытия. Говорить о субъективности макрохозяйства можно лишь в том аспекте, что по отношению к бытию, жизни и миру вообще все, что вытворяет хозяйствующее человечество, можно принять в известной мере за субъективность — очень условную и относительную. Здесь тоже сидит — и очень мощный — заряд трансцендентности, превращающий субъективность макрохозяйства в трансцендентную субъективность.

Тут уместно задаться вопросом: а что, если предположить существование субъекта — как бы микросубъекта, способного действовать в макромасштабе, вмешиваться сознательно в макрохозяйство, определять его жизнедеятельность, т. е. хозяйствовать уже в каком-то макровыражении, быть *макросубъектом* (но не макросубъектом-обществом), вести в некотором роде макрохозяйство? Речь идет, таким образом, о переходе микросубъекта в положение макросубъекта или о появлении, скажем, среди вообще субъектов какого-то особенного субъекта, способного к макрохозяйствованию. Возможно ли это?

Сама реальность давно ответила на этот вопрос: возможно, более того, иногда и очень нужно. И самым ярким аргументом здесь может служить феномен *хозяйственного, как и одновременно хозяйствующего центра*, имеющего место в некоторых реализациях макрохозяйств. Чтобы не бродить долго по лабиринтам доказательств, укажем сразу на макрохозяйственную роль *государства*. Думается, это весьма убедительный довод в пользу того, что есть-таки макрохозяйствующие субъекты, теряющие или просто не имеющие микрохозяйственных функций, т. е. напрямую реализующие себя как субъекты непосредственно макрохозяйства.

А раз так, то тогда выходит, что субъектность макрохозяйства, или макросубъектность, не такая уже трансцендентная вещь, точнее, наряду с отмеченной выше трансцендентальностью субъекта-общества реализу-

ется гораздо менее трансцендентное макрохозяйствование. Действительно, это так, что и отражает полилектическое богатство хозяйственной жизни, в которой, как говорится, всего хватает.

В реально действующем феноменальном ряду ничего случайного нет. Здесь все к месту и все имеет свое функциональное назначение. Здесь важна каждая деталь, а что уж говорить об агрегативных частях, без которых вообще нет полноценной работы хозяйственного организма? Конечно, мы рассуждаем с вами не о механических системах, а о суперсложных построениях богатого смыслами и элементами бытия, где все совсем даже не просто, но бытие должно работать, и оно работает, а потому оно и по-своему *системно*, даже более, если так можно выразиться, системно, чем это может себе позволить организм. Общество сложнее, неопределеннее, трансцендентнее организма, хотя образ организма все время приходит на ум, когда речь заходит об обществе. В этом образе нет ничего плохого, особенно если помнить, что общество — не вообще организм, а *социальный организм*, т. е. организм особого — слишком особого — рода.

Мы не можем сейчас раскрывать все устройство хозяйства. Вообще-то это и не наша задача — это миссия *теории хозяйства*, а мы все-таки занимаемся философией хозяйства, что, разумеется, не одно и то же.

Каково соотношение философии и теории? Конечно, разное, как и многое другое, если не все, в этом непростом мире. Здесь могут быть самые различные суждения. Нам ничего не остается, как придерживаться своего мнения, хотя бы потому, что у нас есть свое понимание соотношения философии и науки. А теория где-то тут — в сердце данного соотношения. Нам представляется, что теория может иметь место и в науке, что особенно естественно, и в философии, что менее естественно, но все-таки возможно. *Теория* — это некая целостная смысловая конструкция, способная целостно объяснять адекватную ей предметную целостность. Понятно, что такого рода смысловые конструкции более характерны для науки, во всяком случае, для знания, обращенного к более или менее определенному по онтологическим параметрам предмету. И в той степени, в которой предмет достаточно определен, построение теории является наиболее вероятным. И поскольку философия наилучшим образом

проявляет себя как раз с не слишком определенными предметами, то возникновение теории в рамках философии наименее вероятно, хотя и возможно — в случае достаточно подходящего предмета. Для философии характерны более не теории, а *учения*, не претендующие на достаточно жесткие смысловые конструкции, на некую окончательность.

Мы находимся в лоне философии хозяйства и рассуждаем о хозяйстве по-философски, т. е. на том уровне познания, который отличается особой неопределенностью — трансцендентной. Мы можем перейти на более простой уровень и рассуждать более систематически, построив какую-нибудь приемлемую теоретическую конструкцию, но тогда мы покинем сферу собственно философских рассуждений и выйдем в поле рефлексий, свойственных более науке, чем философии. Любопытно, что, строго говоря, мы не можем оставаться только в сфере философии — нас все время забрасывает в сферу науки, что вполне естественно. Сами такие забросы не страшны, наоборот, они позволяют многое понимать лучше, но их должно быть по возможности меньше. Мы стремимся оставаться в сфере философии, но мы не стремимся при этом вовсе не попадать в сферу чисто теоретических рассуждений, ибо последние нам тоже нужны. Тем не менее мы должны проявлять осторожность перед возможностью впасть в большое теоретизирование, которое могло бы просто увести нас в сторону. Что хорошо для *теории хозяйства*, не очень здорово для *философии хозяйства*.

Вернемся к тому же хозяйствующему субъекту. С позиций теории хозяйства нам бы надо показать его качественное разнообразие (дать типологию), формы реализации, функции, вообще раскрыть весь механизм деятельности, как и различных отношений, в которые ему приходится вступать, реализуя себя и свои задачи. Для философии хозяйства это излишне. У нее свои задачи: показать суть хозяйствующего субъекта как феномена хозяйственной реальности и реальности вообще в его отношении к их — этих реальностей — глубинам. Для философии хозяйства важна более всего *творческая функция* хозяйствующего субъекта — как действующего сознательно и как реализующегося бессознательно. О результатах деятельности хозяйствующего субъекта мы пока не говорим, а вот о некоторых исходящих намерениях — да.

На данном этапе для нас важно следующее заключение: *хозяйствующий субъект творит мир по своему усмотрению*. Сильно сказано, не правда ли? Хозяйство — не просто реализация жизни, бытия. Это что-то познательнее. *Хозяйство — творение жизни, бытия*. И творение по усмотрению. С одной стороны, по тому усмотрению, которое корреспондирует с данным человеку миром, считаясь с этим последним. А с другой — по тому усмотрению, которое идет непосредственно от человека хозяйствующего, выходит из ничто и ничем перед данным человеку миром не отчитывается. Стоп, чувствуется ли здесь что-то воистину значительное? Наверное, да. И вовсе не такое уж радостное, если вспомнить о том состоянии, в котором находится нынешний, хозяйственным образом переделанный, мир. Тут многое героического, но многое и драматического. *Хозяйство как героика, хозяйство как драма*. Вот что значит философский подход к хозяйству. Теория теорией, а философия философией. Теория много в себя вбирает (разных частностей, ибо ей надо быть изоморфной предмету), но многое и отбрасывает, ибо ей надо быть стройной. Философия же ничего частного особенно в себя не вбирает, ибо она равнодушна к частностям, но ничего важного из разнообразия жизни не отбрасывает, поскольку стремится к живому восприятию жизни.

Хозяйство — это демиургия. Хозяйствовать — демиургировать. Хозяйствующий субъект — демиург. Нешуточные характеристики, не правда ли? И приди они могут в философствующую голову, т. е. *поп-философски хозяйствующую голову*. И если какой-нибудь экономист-теоретик любит порассуждать о *рациональности* хозяйствующего субъекта, о том, как он все здорово умеет рассчитывать, спроектировать и сделать, то нам, незадачливым философам-хозяйственникам, приходится задумываться над *иррациональностью* хозяйствующих субъектов, над тем, что они вовсю творят то, чего сами не ведают, что действия их не так уж и рациональны, что руководствуются они не одним хозяйственным расчетом, и т. д. Так нам, философам, и надо, ибо мы рассматриваем хозяйство как органический момент жизни, бытия, однако находящийся при этом с жизнью и бытием в особом — и вовсе не адекватном — отношении. Для нас хозяйствующий субъект — не счетно-решающее устрой-

ство, хотя он и считает, и решает, даже весьма успешно, для нас хозяйствующий субъект — прежде всего человек со всеми своими силами и страстями, со всеми своими порывами и слабостями, со всеми своими делами и тайнами, со всеми своими правилами и странностями, короче, со всем своим полилектическим многообразием. Для нас хозяйствующий субъект — целый мир со свойственной ему трансцендентностью.

И хозяйство для нас — не сфера рациональных решений и действий. Не механизм, который можно просто так смастерить (пусть и ментально), не система, которую можно просто так смоделировать, не мирок, который можно просто так описать математически. И если это производство, то уж производство не одних каких-нибудь потребительных благ, как это любит представлять теоретическая экономия, а производство жизни, бытия в целом, от чего не то что головоломно становится, а в некотором роде и страшно — от масштабов, от разнообразия, от неизвестности.

Хозяйство как хозяйство. Что это? А кто ж знает? Что-то мы сказали о хозяйстве, что-то осталось за пределами сказанного. Для науки это недопустимо. Наука любит определенность и точность. А тут?.. Вот именно, тут сплошная неразбериха: что-то сказано, что-то не сказано... и необходимость додумывания. Верно. Философия не только не чурается засловия и междусловия, она ими живет. Хочешь понять хозяйство, войди в неизвестное, сойдись с невысказанным. Только так его и познаешь — по-философски.

Лекция пятая

Хозяйство в разнообразии и в развитии

Хозяйство — феномен космический. Как бытие, как жизнь. Но и по-настоящему творческий, это — творческий, творящий космос, человеческий космос, космос от человека — человека хозяйствующего.

Человек хозяйствующий — нет, не только жизнь свою обеспечивающий, но и жизнь свою изменяющий, как и все вокруг себя. Демиургирующий. Мир свой созидающий.

Хозяйство вправлено в жизнь, в бытие, в мир. Человек — часть мира. Хозяйство — творческий срез мира, доступного человеку, а может

быть, и его *ядро*. Ядро человеческого космоса, способное к излучению вокруг себя демиургической энергии — информации. Ядро, из которого вытекает хозяйственное бытие человеческого мира — космоса.

Вот-те раз, — скажет иной наблюдатель, — от хождения человека к демиургическому ядру космоса, — не слишком ли? Нет, не слишком. Мы действительно переходим от хождения человека к хождению космоса. Разумеется, космоса человеческого. И ничего другого мы предложить не можем. Человек ходит, и космос, извините, ходит. И хождением этим космос обязан человеку не просто ходящему, а ходящему по-хозяйственному, т. е. с умыслом, с делом, с сотворением.

Как появился человек на Земле, да и на Земле ли, мы не знаем. Приятно, конечно, сознавать, что человек произошел от обезьяны, но легче от этого не становится. В любом случае человек появился на Земле как *существо хозяйствующее*, способное не только к обеспечению своей жизни, но и к производству своей жизни, равным образом и к ее изменению, точнее, к изменению условий ее реализации, а в чем-то и самой жизни. Хозяйское проникновение в биологический код — не шутки, глядишь, и человека не будет, а будет что-то другое... может, и дарвинистская обезьяна наконец-то появится... почему нет? Сегодня хозяйствуем в одном направлении, в одном ключе, завтра в другом: не в лучшем и не в худшем, просто в другом; сегодня от обезьяны к человеку, а завтра... вдруг и наоборот. Почему нет?..

Человек, хочет он того или нет, но должен хозяйствовать: ради физического выживания, ради полноты жизни, ради изменения условий существования, ради перемен в самой жизни, ради устройства бытия, ради его переустройства... И долженствование здесь очень сильное. Это закон. Можно сказать, что существование человека подчинено *закону хозяйствования*, а бытие — *закону хозяйства*. В таком утверждении нет никакого преувеличения. Хозяйствование и хозяйство — не прихоть и не случайность, это необходимость, это неизбежность, это вынужденность. Это закон!

Что-то делать всегда надо. Меняется «что-то», меняется «делать», но само хозяйственное действие — каким бы оно ни было — всегда остается. Надо есть и пить, надо дышать, надо ходить; надо детей рожать, надо их растить, надо воспитывать; надо содержать стариков (хотя, как

мы знаем, не так уж и обязательно), надо поддерживать больных и калек (что, впрочем, тоже не слишком обязательно), надо хоронить умерших (тоже...); иной раз и себе подобных поедать надо... Да мало ли что надо. И все это есть хозяйствование, и везде тут хозяйство.

И вот, что примечательно. Разная бывает у человека жизнь, разное ему полагается бытие, разное он отправляет существование. И ходит при этом по-разному — в смысле, конечно, хозяйственного хождения. Весьма и весьма по-разному, что зависит от массы обстоятельств: природных, культурных, социальных, технологических, психологических, как и любых других. Зависит от человека, его, если хотите, *типа*, зависит от сообществ, человеком образуемых, зависит от идеологий, в головах человеческих гнездящихся, зависит от технических средств, которыми человек пользуется, зависит от изобретательности, человеком проявляемой, зависит от набора ценностей, человеком предпочитаемых, и т. д. Легче, наверное, назвать то, от чего хозяйствование не зависит, поскольку вовсе нет того, от чего бы оно не зависело. И эта зависимость от всего подряд и от всего сразу имеет, безусловно, трансцендентный характер. Поди разберись, чего там больше, чего меньше, да и попробуй пойми, что есть, а чего нет. Суждение-то составить всегда можно, но лишь суждение. Наверняка знать невозможно (почти невозможно — для веряющих в силу научного анализа).

Хозяйство может быть одним и другим — по качественному, естественно, полилектическому — образу. Цели бывают разные, устройства разные, хождения разные, не говоря уже о реализации и результатах. Хозяйства бывают *разные* — как во времени, так и в пространстве. Разные. И отличаться они могут друг от друга не чем-нибудь одним, а буквально всем, т. е. по всему кругу параметров. Есть *одно* хозяйство, а есть *другое*. Два рядом реализующихся субъектных хозяйства могут быть абсолютно не похожими друг на друга. А что говорить о хозяйствах, рассеянных по всему времени — пространству. И общественные хозяйства бывают разные — как в пространстве, так и во времени. Разнообразие хозяйств отражает вообще разнообразие мира. Это тоже своего рода закон — закон *соответствия разнообразия хозяйств разнообразию бытия, жизни, мира*. Но это еще не все: *разнообразие хозяйств отражает и разнообразие самого человека, его внутреннего космоса*. Хозяйственное действие

не может не быть разнообразным. Оно подчиняется, конечно, необходимости, но, во-первых, разной, чрезвычайно разной, а во-вторых, оно все-таки во многом *импровизационно*, как импровизационен и сам человек, в том числе и человек хозяйствующий. Хозяйство, не забудем, ведь жизнь, а жизнь... ох, как разнообразна и непредсказуема, как вольна... при всей этой, чтимой наукой, всеобщей необходимости. Случай, Его Величество Случай. И сколько его в человеке, в его душе и уме, в организме — этом сложнейшем и непутевейшем *ничто*, даже в английском, даже в немецком, а что говорить о славянском или каком-нибудь грузинском? Наука улавливает много всего единообразного и законного, но сколько оставляет она нетронутым, — может, и хорошо, что многое в жизни проходит мимо требовательной и высушивающей науки. У нее ведь все просто — что ни человек, то схема, что ни схема, то точка с траекторией, что ни точка с траекторией, то правильность... Правда, есть вероятности — вот, пожалуй, и все, что может позволить себе наука, отвечая на потребности реальной жизни, — делай, мол, что хочешь, но все равно сделаешь по теории вероятностей, по закону больших чисел, т. е. сделаешь то, что надо, что предписано, а если что и не так, то лишь в исключение попадешь, и никто никогда не узнает... как хороша реальная жизнь, как она разнообразна, как она импровизационна.

Теоретически разнообразные реальности можно даже признать, выделить похожести, составить группировки, вывести *типологию*. Ничего плохого в типологических конструкциях нет — они позволяют ментально упорядочивать реальность, ее как-то сфотографировать. Но мы в рамках философии хозяйства специально этим заниматься не будем, оставляя это увлечение для теории хозяйства. Нам достаточно подчеркнуть разнообразие, как и отметить однообразие, тоже имеющее место. Однако есть все же задачи типологического свойства, мимо которых философия хозяйства пройти не может. Однако выделение факта разнообразия — однообразия явно недостаточно, ибо хозяйственная реальность бывает не просто различной, а очень сильно и масштабно различной, настолько, что можно даже говорить о различных хозяйственных космосах, реализуемых человечеством. Главное, избежать схем, таких менделеевских таблиц, так как в них что-то уже от мавзолея, а за ними

уныло проглядывается и целое кладбище. Одно дело — таблица химических элементов, совсем другое — хозяйственных реалий. Там элементы, а тут — жизнь!

Откуда и почему взялся человек на Земле, и на Земле ли, мы не знаем, но хозяйствует он — пока! — на Земле, на природе и среди природы, будучи как будто бы и сам частью природы, правда, весьма какой-то неприродной частью, очень уж ей противостоящей и противоречащей. Не в равновесии вовсе с природой человек, не в равновесии. И постоянно говорит противное тому, что говорит ему природа. Не так ли? Природа вещает, но и человек вещает. Говорят, что человек мир отражает, но так ли это? Не вещает ли человек что-то свое — из ничто? Почему нет, ибо столько вокруг примеров «своего», что иной раз человеку думающему явно не по себе становится. И не есть ли познание мира познанием себя и из себя, а точнее, столкновением знаний — от природы и от человека, их своеобразным наложением друг на друга — как накладываются два снимка на один и тот же дагерротип? И откуда вообще неясности: от непознанности мира или от его некой беззащитности перед человеческим знанием, оборачивающимся незнанием? Не от столкновения ли знаний, этих идеальных миров, так много, слишком много кругом трансцендентного — подчас очень отрицательного?

Не так все просто в человеческом мире, в его хозяйственном королевстве. Природа, она, конечно, природа, но вот что же есть на самом деле человеческое хозяйствование в природе: ее реализация или ее, допустим, преодоление?

Философу, ему просто: и то, и другое. Диалектика тут же приходит на помощь, тем более что и в действительности вроде бы так и есть: и то, и другое, т. е. и реализация природы (куда уж от нее деться человеку относительному), и преодоление природы (раз от нее деться некуда, то хотя бы... переделать можно). Тут всплывает любопытнейший мировоззренческий вопрос: а почему это вдруг человеку все и вся переделывать хочется, если он от обезьяны, т. е. от природы, да и чего это вдруг в природе и от обезьяны? Странно все это, странно. Однако философия не боится каверзных вопросов, так как готова дать на них и каверзные, совсем даже и не удовлетворительные ответы: философия посвящена неопределенности.

сти и трансцендентности, ей нечего бояться (надеемся, что мы не слишком надоели со всей этой неопределенностью и трансцендентностью).

Так вот, философу ничего не стоит сделать и такое заявление: человек существует в природе, не им созданной, но существует в ней как существо в то же время и неприродное, стремящееся эту природу качественно под себя изменить. Поэтому хозяйствует человек *не только по-природному, но и по-неприродному*. Хозяйствование человека — глубоко противодейственное хозяйствование, в котором течение в одном направлении сочетается с течением в прямо противоположном направлении. Фактически имеет место некое *шизофреническое хозяйствование* (может, и в самом деле от обезьяны — по случаю шизофрении; обезьяна, она, конечно, тоже может против природы похозяйствовать, но на нее всегда ведь управа находится, а вот человек... человек свободен... не абсолютно, разумеется, но все-таки...). Человек может хозяйствовать по-неприродному, равным образом и против природы. Он может, хозяйствуя, природу качественно изменять, во всяком случае, отходить от природы, создавая рядом с природой что-то качественно иное — *неприроду*.

Может делать неприроду и делает. Не только переделывает природу, но и делает неприроду. Демиургирует не по-природному, хотя и использует при этом всесторонне природу.

Человек в природе, но и вне природы. В этом мире, но как бы и из другого мира — ему совершенно неизвестного, а если и известного, то само собой эзотерично, неосознанно. Человек хозяйствует во многом интуитивно, без полного на то понимания, даже вслепую. Иррационально. Далеко не все идет собственно от сознания, от разума, от ума. Что-то идет от какой-то неизвестности или, лучше сказать, безвестности, от ничто. Человек как бы реализует неведомую ему программу, хотя ему кажется, что он все вытворяет сам и вполне осознанно. Ох, не так все просто в этом хозяйственном хождении среди природы и по природе — ради неприроды, — не все!

Исторически дело представляется так: человек сначала жил и хозяйствовал в природе и максимально по-природному, чему залогом служит так называемая *первобытная жизнь с первобытным же хозяйством*. Назвали и повторяют: первобытное, первобытное, а так ли это на самом деле, кто знает? Но пусть так, пусть первобытное, которое лучше было

бы назвать *первоприродным*, наверное, или же просто *природным*. И действительно, хозяйство этого типа максимально приближено к природе, а в определенной мере можно сказать, что и дружит с природой, находясь с нею в равновесии, безусловно, динамическом. В таком хозяйстве есть свое переделывание природы, но в рамках самой природы, в ее стихии. В целом же это, безусловно, *про-природное* хозяйство. Потребление природы как-то сочетается здесь с ее прежде всего природным производством, хотя и тут возможны нарушения жизненно важного баланса между природой, ее потреблением и ее воспроизведением. Последствия таких нарушений весьма драматичны вплоть до гибели самих хозяйствующих субъектов, их вызывающих. Природа шутить не любит. Сама по себе она не слишком зла, скорее бывает сурова, но если... то тут уж слишком свободному хозяйственнику приходится пенять только на себя.

Природное человеческое хозяйство. И саму природу можно рассматривать как хозяйство (правда, кого?), но для нас сейчас важна встроенность человеческого хозяйства в природу (или даже в хозяйство природы, т. е. буквально в природное хозяйство). Но так вышло, что человек все-таки не захотел жить и хозяйствовать по-природному, в единении с природой, а предпочел отправиться в загадочное путешествие по неприродному лабиринту. Так или иначе, но человек бросился в захватывающую неприродную неизвестность.

Произошло это, конечно, не сразу. Сначала природное хозяйство человека стало *полуприродным*, когда возникли города и дороги, появился широкий обмен продуктами труда и природы, развились торговля по морям, рекам и долгим сухопутным путям. Природа отступила, но занимала все еще приоритетные позиции. Аграрное ручное производство, поддерживаемое участием тяглового скота, и ремесленный ручной труд явно доминировали в хозяйственной реальности. Человек создал уже тогда немалую неприроду, но она в общем-то гармонировала с природой — оттесненной неприродой, но ею не покоренной. Имело место если и не равновесие с природой, то какое-то с ней согласие, некий вынужденный паритет.

Но наступило наконец-то и время мощного прорыва через природное начало на неприродный простор. Вооружившись машинной техни-

кой и высокопроизводительными технологиями, человек хозяйствующий, что бы он при этом не думал, решительно порвал с природой — как со своей матерью, отрещил от себя ее родительскую опеку, сбросил, как ему казалось, гнетущую зависимость и пошел по пути *свободного строительства для себя неприродного космоса*. Это произошло окончательно и бесповоротно в итоге *Великой хозяйственной революции*, совершенной в Европе (точнее, в Западной Европе) в третьей четверти второго тысячелетия от Р. Х. Об этой революции почему-то не говорят, хотя ее факт налицо, а значение непереоценимо.

Человек хозяйствующий окончательно разошелся с природой, как расходятся друзья или супруги, он перестал следовать велениям природы, его хозяйствование окончательно стало *неприродным*, а результатом его стало стремительное и со временем ускоряющееся созидание *неприроды*. Порвав с природой как с руководящим началом для своего хозяйствования и его основной средой, человек, конечно же, не покинул вообще природы, ибо это не в его относительных силах (во всяком случае, пока!), а продолжил с нею взаимодействие, как продолжают иной раз отношения разошедшиеся друзья и супруги, но это взаимодействие носило уже совсем иной, чем прежде, характер — природа оказалась в подчиненном, эксплуатируемом, зависимом положении, — и если что хорошего и делал теперь с природой или для природы человек, то только по своему усмотрению, по-своему и в своих интересах. Природа подверглась колossalной переделке со стороны неприроды, — и подчас уже трудно было различить, что в природе от природы, а что от ее самоуверенной противоположности.

Никогда ранее хозяйствование человека не было столь демиургическим. Ум стал свободен, руки развязанными, инициатива беспредельной, фантазии неистощимыми. Человек почувствовал себя *хозяином природы*, перед которой он уже не преклонялся. Хождению в природе и ради природы он предпочел хождение по природе и против природы. Человек воспринимал себя *реальным вершителем неприроды*, а соответственно *неприродного хозяйства*.

Полный переворот в хозяйственном бытии человека. И разве этот переворот не заслуживает квалификации Великой хозяйственной революции? Ясно, что заслуживает.

От природного хозяйства к неприродному. Переворот, но и историческая тенденция. Да, таковой оказалась историческая тенденция в человеческом хозяйствовании, в его хозяйственном хождении. Человек выходил неприроду и ее победу над природой; он выходил неприродное хозяйство и его победу над природным хозяйством; человек выходил неприродную жизнь и ее победу над природной жизнью; человек выходил, наконец, и *неприродного человека* (во многом неприродного, возможно, в решающей уже стадии) и его победу над природным человеком. Кто скажет, что все это не важно и не серьезно? Кто скажет, что это воистину хорошо?..

Наступила громадная перемена в качестве хозяйственной жизни и вообще жизни человека. Спорить с этим не приходится. От одного *типа* хозяйства человек перешел к другому *типу*. Но сколько всего значительного, малопонятного и судьбоносного стоит за этим переходом от типа к типу, какие тут скрываются большие смыслы! И какая тут скрывается трансцендентность, — аж дух захватывает! Есть, есть над чем думать философам хозяйства, есть, чему посвятить себя любому драм.

Рассмотренная нами историческая тенденция в развитии человеческого хозяйства, как и соответствующий радикальный переворот, не единственная линия качественных изменений в человеческом хозяйствовании на Земле. Таких линий, в общем-то, немало. И каждой из них надо заниматься. Однако мы обратимся к одной из них, но очень значимой, быть может, не менее, чем та, которую мы уже рассмотрели.

Речь идет о *превращении хозяйства в экономику*.

Нет, не в экономику в обычном для экономической науки и хозяйственного быта понимании. Совсем не в эту экономику, так как в эту экономику не надо никакого превращения — производство и потребление благ всегда были, есть и всегда будут. Была, есть и будет *эта* экономика.

Мы позволим себе говорить о *другой* экономике, — ведь мы, как ни крути, все же философы, а философам многое позволено, им проще, они ни к чему априори не привязаны. Хочешь, одно учение, хочешь — другое. Лишь бы реалистично было, а так...

Вот и мы возьмем на себя смелость свое отношение к сути экономики и экономического выразить, раскрыв по-особому и их смысловое

отношение к *хозяйству* и *хозяйственному*.

Выше мы только что имели неосторожность высказаться о переходе хозяйства в экономику, тем самым застолбив возможное отрицание хозяйства экономикой, как и возможное их смысловое противопоставление. Такая заявка ко многому обязывает. Вот и начнем с нее.

Экономика в данном случае получается, с одной стороны, как бы хозяйством, так как хозяйство в основании бытия, жизни и от него никуда не деться, а с другой — как бы и не хозяйством, коль скоро хозяйство у нас превращается в экономику. Однако все становится на свои места, если учесть, что экономика *всего лишь особенное хозяйство*, его частный случай, но столь масштабный и значимый, что впору говорить о переходе вообще хозяйства в вообще экономику, хотя исторически и фактически таким переходом может быть затронуто не все хозяйственное пространство. Здесь уместна аналогия с развитием неприроды, которая отрицает и полагает природу одновременно, причем не исходит из обязательного контакта с природой по всему мирозданческому пространству. То же самое и с экономикой, которая точно так же отрицает и полагает хозяйство, не претендуя при этом на обязательное превращение хозяйства в экономику по всему фронту. Но если это превращение идет, то оно затрагивает хозяйство на столь значительную глубину, что предпочтительнее говорить все-таки о превращении хозяйства в экономику, а не превращении части хозяйства в экономику, как и, допустим, о возникновении в хозяйстве какой-то там экономической части. В смысловом отношении превращение хозяйства в экономику гораздо более общее, чем частное дело.

Хозяйство и *экономика*. Большая и сложная проблема. Ее уяснение требует времени и терпения. И размышлений — умом и сердцем. Попробуем это неприметно проделать.

И для ясности повторим еще раз: экономика — это хозяйство, но особое хозяйство. И вот что интересно: экономика при этом — не-совсем-хозяйство, но не в том смысле, что она перестает быть хозяйством, а в том, что она уже не *первохозяйство*, не начало начал, *не первородное хозяйство*, что она уже хозяйство из хозяйства или хозяйство в хозяйстве, что она уже *производное хозяйство*, такое хозяйство, которое вызвано не одной лишь природой человека, но и его неприродой,

т. е. очень уже очеловеченное хозяйство, как бы им, а не природой, изобретенное и сотворенное.

Ясно, что пока никакой ясности с экономикой у нас нет. Есть лишь туманная и загадочная подготовка этой ясности, которая может наступить только с введением основного смыслового критерия, отражающего самое существенное в экономике. И такой критерий есть — это *критерий возмездного обмена благами (продуктами труда), трудом и хозяйствованием*. Обмена. Того, что не предположено сугубо природным хозяйством, сводящимся просто к обеспечению жизни и бытия, к производству и потреблению благ, к труду, к творчеству. Для природного хозяйства более всего свойственно *соучастие* людей в едином, хотя и не однообразном, хозяйственном процессе, а не *обмен* хозяйствованием. Соучастие и обмен («баш на баш») — совсем разные вещи. Одна вещает о совместности и нераздельности, другая — о многоместности и раздельности. В первом случае хозяйствующий субъект един, хотя и обществен, во втором же единого субъекта нет и быть не может, тут уже действует некая совокупность субъектов. Единый субъект-общество и общество самостоятельно хозяйствующих субъектов — прямо скажем, не одно и то же, даже принципиально не одно и то же. В первом случае участие людей в общем хозяйстве, во втором же лишь участие самостоятельных хозяйств в общественном хозяйстве. Строго говоря, именно для второго случая характерны такие феномены, как микрохозяйства и макрохозяйство, а для первого случая они практически не имеют значения, если, конечно, под «микро» не понимать просто отдельного человека, а под «макро» — просто сообщества людей.

Отметим принципиальную неприродность экономического хозяйства. Феномен обмена — феномен все-таки более *социальный*, чем просто природный. Он возникает вместе с определенным устройством хозяйствующего общества, когда общество разделяется на взаимодействующие друг с другом через обмен хозяйственными («хозяйствующие») ячейки. Появляется некая ячейковая организация общественного хозяйства, когда каждая из ячеек — хозяйствующий субъект, а общество в целом — совокупность ячеек и хозяйствующих субъектов. Здесь уже не совсем природное хозяйство, это уже хозяйство явно *социальное*, с особым *социальным устройством*. Природность тут отходит на задний план.

О какой природности и какой социальности у нас идет речь?

Главный смысл природности состоит здесь в том, что человек (общество) хозяйствует как бы в *натуре*, занимаясь всеми аспектами своего бытия сразу. Все, что человек в таком случае делает, он делает непосредственно для себя (общества). Натура здесь определяет не только все необходимое, но и *достижение* этого необходимого в хозяйственном процессе. Вся хозяйственная жизнь непосредственно натуральна. Отсюда и часто встречаемое определение такого типа хозяйства как *хозяйства натурального*.

Иное в случае с экономикой. Здесь натура, конечно, остается, но перестает качественно доминировать, уступая место социальной доминанте. Натура дает о себе знать потребностями жизни, ибо для жизни и здесь требуется все необходимое — в целостности, но удовлетворение этих потребностей, как и требования целостности, происходит совсем по-другому — не непосредственно в рамках единого (общего) хозяйства, а опосредованно, через *обмен*, т. е. через действие особых социальных отношений — *обменных*. Ни один хозяйствующий субъект в таком случае не сможет существовать сам по себе, без обмена хозяйствованием с другими субъектами. Только вместе, да еще и в определенной общественной целокупности, отвечающей целостности самой жизни, такие субъекты могут нормально себя реализовывать — от ведения хозяйства до обеспечения жизни. И такую «вместность» реализует, конечно же, обмен.

Мы видим, что натуральное хозяйство и экономическое хозяйство — принципиально разные хозяйства. И разность их восходит к обмену — этому социальному в основе и по происхождению феномену. Правда, человеку и в случае с натуральным хозяйством приходится заниматься обменом, обусловленным прежде всего чисто природными различиями в реализациях хозяйств. Что-то у кого-то есть, а у других нет; что-то у кого-то в большем количестве, чем у других; кто-то имеет лучшие качественные результаты, чем другие. Возникает потребность обмена, но... обмена все-таки натурального в основе своего обоснования, а не социального, дополняющего натуральное хозяйство, а не замыкающего его совершенно иным хозяйством. Дело не в том, что при господстве натурального хозяйства вообще нет обмена, а в том, что обмен не лежит тут в основании хозяйственной жизни.

Феномен натурального обмена вполне понятен. Сложнее проблема социального обмена. Почему он возник, что заставило хозяйствующего человека пойти на разделение общественного хозяйства, или, наоборот, что заставило натуральные хозяйства вступить в обменные отношения друг с другом, образуя уже не натуральные, а экономические хозяйствственные сообщества? Как обычно в подобных случаях причин тут можно найти немало, но нам представляется, что обмен надо выводить прежде всего из творческого характера вообще человеческого хозяйствования, что последнее вовсе не нацелено только на физическое жизнеобеспечение, что оно разнообразно по функциям и направлениям реализации, что в его задачу входит и качественное развитие самого хозяйствования. Не надо забывать, что хозяйствование связано с творческой потенцией человека, что сознание человека — космос, ему во многом и неведомый. Человек не просто стремится к удовлетворению физико-биологических и даже культурных потребностей, а испытывает потребность выведения своей жизни на какой-то иной уровень, вплоть, как мы уже знаем, до стрепительного создания неприроды. Человек устроен сложно, он, безусловно, трансцендентен, и не нужно думать, что он недостаточно трансцендентен, чтобы не делать... глупостей, из которых вдруг являются судьбоносные следствия вовсе, кстати, не негативного свойства. Та, допустим, выгода, которая как будто бы очевидна при переходе к экономике (рост того же производства благ, увеличение их разнообразия, изменение условий и образа жизни и т. п.) может не быть столь же очевидным поводом для такого перехода. Тут не все просто. Поведение человека вообще является трудно объяснимым, ибо здесь много трансцендентного. А почему мы можем спокойно и рационально объяснить переход к иной — радикально новой — манере хозяйствования? Или человек когда-то не был силен сознанием? Или он не был изобретателем? Или он не был demiургичен? Коли человек — творец, то почему же только в новые времена, а не во времена туманной древности? Хозяйствуя, человек должен искать выгоду, хотя бы для того, чтобы меньше трудиться, но это вовсе не значит, что каждый человек ведет себя точно так же — иной может выгоду и не искать вовсе либо искать ее в чем-то совсем другом, а то и просто действовать не по выгоде, даже в ущерб

себе, кстати, и дополнительно тяжело трудясь. Чего больше хотел человек, переходя к экономике: выгоды или, к примеру, самой элементарной свободы, может, и не слишком в тот момент выгодной, кто знает?

Не будем забывать, что человек — существо разумное, но и иррациональное, а чего больше, точно ведь неизвестно. Пусть не каждый из нас иррационален, но ведь не каждый и изобретателен. Зачем путешественник идет в дальние края, как и зачем какой-нибудь искусствник мастерит годами пароходик в бутылке? Нет, не так все тут просто. Поди-ка разберись, чем руководствуется человек хозяйствующий в тех или иных случаях, почему это он вдруг облюбовывает нестандартные решения и действия, отчего вдруг жертвует всем своим благополучием ради исполнения какой-нибудь прихоти. А мы почему-то хотим загнать человека (человека!) в какие-то самими придуманные модели и стереотипы поведения. Этот у нас сангвиник, а этот холерик, а этот... вообще пааноик, — и всех по местам, всех по ячейкам. А может, все и не так, и человек вообще не нуждается в такого рода классификациях? Сангвиники — это хорошо, а пааноик, который плохо... вдруг возьмет, да и перейдет от натурального хозяйства к экономическому. Вот и все.

Конечно, экономика закрепилась в истории в следствие и выгоды (самой разной), и какого-то соответствия потребностям человека, быть может, человека, к тому времени сильно изменившегося. В некотором роде и *мутанта*. Человек «смутировал», и хозяйство «смутировало». Почему нет? Возникла экономическая форма, возможно, и случайно, и иррационально, и вообще не по-людски (наверное, так оно и было), но закрепилась и развилась, видимо, уже не очень-то случайно, скорее, закономерно, как и вполне — на поверхности — рационально.

Хозяйство и хозяйствование определяются не одной реальностью, не одной средой, не одними обстоятельствами, особенно объективными, а движениями пытливого ума и беспокойной души, наконец, просто трансцендентным ничто, сидящим в человеке, в его сознании и бессознании, откуда-то, из ирреальности, таинственно выползающим.

Природный обмен естествен, он понятен и довольно легко объясним. А вот социальный? Тут все действительно не просто. Что-то ведь подвигло человека на эту крайность? Может, внешнее давление (та же,

кстати, природа), а может, и какое-то внутреннее беспокойство. Во всяком случае, переход этот таинственно произошел, по крайней мере, что-то где-то возникло, затем было кем-то как-то подхвачено, а потом уже и само пошло в режиме саморазвития — триумфальное шествие экономики.

Как бы то ни было, но хозяйство стало со временем все более становиться экономикой. И тут надо сказать о двух важнейших событиях, сыгравших, по-видимому, главную роль в становлении экономики: появлении *денег* и появлении специфических *обменных* и *денежных хозяйственных агентов*. Без всего этого обмену, а следственно, экономике было бы не удержаться.

Деньги — одна из обмениваемых вещей, обладающая свойством обмениваться на все вещи, а также определять их сравнительную обменную значимость в собственном вещном выражении. Деньги сделали очень важное: они не только упростили обмен, но превратили его во всеобщее целостное явление-процесс (как в пространстве, так и во времени). Деньги позволили хозяйствовать по-настоящему обменно: постоянно, непрерывно, на перспективу. Значение денег невозможно переоценить: именно они навсегда утвердили экономику, став при этом ее главным представителем. Обменное хозяйство стало *хозяйством с деньгами*, или даже *денежным хозяйством*, став при этом и окончательно обменным хозяйством. Полноценное обменное хозяйство появляется только с деньгами.

Аналогичную роль сыграло и специфическое обменное и специфическое денежное хозяйствование. С развитием обменного хозяйства появились особые хозяйствственные агенты, занятые только обменом и только деньгами, а попросту говоря *торговцы* и *ростовщики* (они же *менялы*). Когда есть торговец, тогда и удобно хозяйствовать на обмен и по-обменному — на перспективу, а когда есть еще и ростовщик-меняла, тогда, оказывается, хозяйствовать еще удобнее, во всяком случае, возможнее. И дело тут, конечно, не в одних удобствах и возможностях, а в мощном *стимулирующем воздействии торговли и ростовщичества на развитие экономики в целом*. Можно даже сказать, что торговля и ростовщичество буквально вытянули экономику — за волосы, превратив ее в неисчезающий исторический факт.

Сам по себе переход к экономике — революционный шаг. Однако это был шаг, выразившийся в весьма и весьма длительных хождениях хозяйствующих людей и самих хозяйств. Революционный по смыслу, это был вполне эволюционный по исполнению шаг. Растворенный на века шаг, однако состоявшийся. Экономика как целостность становилась долго, настолько долго, что можно говорить о целой эпохе перехода к экономическому хозяйству, хотя, конечно, все могло быть и иначе — внезапнее и быстрее. Так или иначе, но радикальный переход произошел и принес с собой огромные перемены. Хозяйство человека, став экономическим, уже не возвращалось к своему первоначальному облику, хотя кое-где и продолжало сохраняться как хозяйство природное или натуральное (кстати, на весьма обширных пространствах планеты Земля).

Обмен, и вдруг революция. Да, это действительно так, именно революция и именно с обменом. Ведь что такое обмен? Особое хозяйственно-общественное отношение, в котором принимают участие не только люди, но и... *вещи* (не будем говорить — предметы, так как тут могут фигурировать и беспредметные нечто). Вещи в данном случае просто не люди, это внечеловеческие создания — либо людей, либо природы. И это очень важно: среди людей расположились вещи, которые участвуют в межлюдских отношениях, и участвуют, что особенно важно, вовсе не нейтрально. В этом как раз и весь фокус. Вещи эти активны и заинтересованы, они не просто участвуют в делах людей, но и эти дела весьма *определяют*. Как это так, спросит неискушенный познаватель: вещи и вдруг что-то определяют, причем в делах искушенных людей? Именно так, определяют, не все, конечно, но многое, подчас решающее.

Что такое обмен? Это акция *купли-продажи*, что нам всем хорошо известно из практической экономической жизни. В то же время это акция *оценки*. Все, что продается и покупается, подлежит оценке — в деньгах, все имеет цену — в денежном выражении. Все, что поступает в обмен и его проходит, является, как известно, *товаром*. Товар — не обязательно даже вещь, как таковая, это может быть что угодно — феномен, знак, идея... пустота (кстати, товаром бывает и человек, который в этот товарный момент становится, конечно же, вещью; и не думайте, что речь идет о рабах, наемных работниках или представительницах древнейшей про-

фесии, нет, речь идет обо всех людях, участвующих в экономике и ведущих жизнь по-экономически, в том числе и о хозяйствующих субъектах, как и о тех лицах, которые вполне пристойно получают какие-нибудь процентные доходы или ту же заработную плату от государства). И несмотря на то, что товаром может быть все, что угодно, все становится на момент товарной или купле-продажной сделки именно *вещью*. Вещью же, участвующей в такой сделке, являются, конечно же, и деньги, хотя они могут и не иметь при этом конкретного вещного облика. Два типа вещей, таким образом, принимают участие в экономических отношениях — *товары и деньги*, хотя деньги — тоже товар, но особого рода. И вот, что примечательно: несмотря на активную созидающую роль экономических субъектов в купле-продажных сделках, решения, которые они принимают, зависят и от вещей, их поведения и движения, от висящих на них оценках, в особенности, конечно, от денег. Есть деньги, хорошо, можно хозяйствовать, участвуя в обменах, нет денег, тоже хорошо, так как можно ничего не делать, правда, до некоторых пор — голод не тетка, а смерть вряд ли благо. Идет товар — хорошо, не идет — плохо, тогда что-то менять надо. Хороша цена на свой товар — хорошо, доход есть, может, и немалый, а плоха цена — плохо, дохода нет, жизнь не мила. Рассказ об этом можно было бы продолжать и продолжать, но надеемся, что все и так ясно. Вещи-товары, как и вещи- деньги, активны и по-своему заинтересованы, т. е. имеют свой интерес, выливающийся во влияние на деятельность экономических субъектов, их решения, не говоря уже о том *культе*, который возбуждают у людей эти замечательные вещи: как хорошо иметь ходовые товары, как хорошо иметь деньги, как хорошо выгодно продать и еще более выгодно купить, как вообще здорово при товарах и деньгах, как важно все оценивать и оценивать, играя то на повышение, то на понижение, и т. д., и т. п. Экономическое хозяйствование — *товарно-денежное хозяйствование*, когда товары и деньги не просто посредники в отношениях и делах, а активные в них участники, способные не только влиять на них, но и зачастую весьма серьезно определять. Мало того, экономическое хозяйствование — определенно культовое хозяйствование, где объектами культа служат, особо отметим, не Бог и не природа, а самые обыкновенные

вещи, подчас и невидимые. Экономического субъекта преследует феномен, который обычно определяется как фетишизм — экономический фетишизм, называемый чаще всего *товарно-денежным фетишизмом*.

Мы говорим все это не для того, чтобы страшить добросовестного познавателя, нет, мы хотим этим подчеркнуть всю значимость переворота, произведенного в хозяйстве человека и вообще в его жизни в связи с переходом к экономике. Здесь имеет место не просто *иное* хозяйствование, может быть, и лучшее, чем натуральное, в частности, более эффективное, правда, судя по тому, как на это смотреть, а такое хозяйствование, при котором человек отдается — причем вполне добровольно — *во власть вещей*. Человек сам *овеществляет* свое хозяйство и свою жизнь, — и не с точки зрения присутствия вообще вещей, что имеет место и при натуральном хозяйстве, а с точки зрения хозяйственного и жизненного целеполагания, ценностных ориентаций человека, способов организации хозяйства и жизни, управления ими и самим человеком.

Экономическое хозяйство — бесспорно дуальное хозяйство, в котором действует двойственная и, разумеется, противоречивая ориентация субъектов — на натуральное начало и на начало социальное, которое, в свою очередь, тоже двойственно и противоречиво, ибо, с одной стороны, предполагает столкновение интересов (та же купля-продажа — диалог соревновательный), а с другой — допускает вещи к активному и заинтересованному участию в субъектно-общественных делах и отношениях. В таком хозяйстве человеку практически все равно, что производить, главное, чтобы был обмен, чтобы был приток товаров, чтобы был денежный доход и т. д. Хозяйствование ориентируется не только и не столько на природу, сколько на неприроду, причем ориентируется не непосредственно, а через сложные и по-своему слепые обменные отношения, а также через *вещание вещей*, тоже далеко не кристально ясное. Положительная, т. е. природная трансцендентность, дополняется здесь трансцендентностью отрицательной, т. е. неприродной. Представленная человеку трансцендентность противоречиво сочетается с трансцендентностью, им же сотворенной. Хозяйство и жизнь необычайно усложняются: экономика — весьма неопределенное и весьма запутанное хозяйство.

Важно заметить, что в организацию человеческого хозяйства приносятся в рамках экономики не просто другие, но качественно особые механизмы — *механизмы самореализующихся овеществленных отношений*, среди которых первостепенное значение имеет *механизм денег*. Хозяйственная жизнь человека активно и заинтересованно опосредуется не то чтобы независимой, но заметно самостоятельной по отношению к человеку организацией. Теперь в хозяйстве действует какая-то постоянно рождающаяся в нем руководящая сила, способная не только все и вся расставить по местам, но и завладеть умами и сердцами людей, принявших образ так или иначе соперничающих за возможность хозяйствовать и жить субъектов. Экономический субъект не может не быть соперником другому, ибо экономика предполагает, во всяком случае, в период своего становления более или менее свободный вход субъектов в экономическое пространство и еще более свободный из него выход. И кто знает, сколько субъектов может войти и какое влияние на общее положение хозяйства они могут оказать? В любом случае возникает некоторая субъективная теснота, создающая между субъектами напряженные соревновательные отношения. И каждый ведь стремится к выгоде, к приемлемой эффективности. Хочешь не хочешь, а возникает атмосфера борьбы — борьбы за существование в хозяйственном пространстве. Проигравший уходит. Экономика — хозяйство напряженных соревновательных отношений, что то же самое, по привычной терминологии, — *хозяйство конкурентное*.

Конкуренция. Не вообще борьба за существование, характерная и для природного мира, а борьба, сознательно и специально устроенная — как в играх, как в спорте. Борьба, которая является образом бытия и самодействующим орудием организации. Само самостоятельное существование субъекта с обменными отношениями с другими субъектами, даже если это самый мирный по характеру субъект, уже есть борьба. Борьба здесь хоть и социальная, но в своей несомненности выглядит прямо-таки естественной. От такой борьбы не уйти — никогда и нигде, за исключением локальных случаев, о которых мы пока не говорим. Борьба всесторонняя — за место под солнцем, за производство, за обмен, за оценки, за доход, буквально за все. Экономика — *крайне беспокойное хозяйство*. Штиль здесь, конечно, бывает, но, как и положено, на время и где-нибудь

в укромном местечке. Случается и так, что находится сила — в виде того же государства или тех же ремесленнических цехов, — которая как-то умиряет экономическое пространство, но соревновательности и борьбы за существование до конца не снимает, лишь делая их более скрытыми и внешне пристойными.

Уже из краткой вводной в экономику мы видим, насколько это *поразительное хозяйство*. Разумеется, в нем есть свои правила и законы, которым необходимо следовать, но в нем и велика степень свободы, во всяком случае высокая степень свободы здесь допустима. И насколько противоречиво все это выглядит. Такое хозяйство буквально соткано из противостояний и противоборств. Сама организация хозяйства на уровне самого ее механизма именно так и устроена, т. е. речь идет не о каких-то там невольных противоречиях, свойственных вообще всему на свете, а о противоречиях вольно и сознательно допущенных, даже внедренных, если, уж извините, прямо-таки не изобретенных.

У экономики есть свои преимущества. Они дают о себе знать не столько априори, сколько апостериори. Априори можно почувствовать свободу, может быть и какую-нибудь пользу — для всех участников того же обменного действия. Но действительные преимущества, как и положено для столь трансцендентной организации, какой является экономика (недаром же о «невидимой руке» так много говорят), выявляются апостериори, по итогам функционирования. Да, разделение хозяйства, хозяйствований, труда и производства в аспекте *производительности, разнообразия и обновления* полезно и выгодно, какими бы социальными и психологическими жертвами оно ни сопровождалось. Это так, и это хорошо показано наукой. Тут спорить не о чем. Экономика — *хозяйство с хорошо заложенной в нем потенцией к производительности, росту и развитию*. Недаром экономика не только возникла и закрепилась, но и распространилась по свету, достигнув высочайшей степени и своего собственного результата. Более того, экономика создала не более и не менее как *экономическую цивилизацию*, о которой нам еще предстоит говорить. Экономика — *динамичное во всех отношениях хозяйство, не способное к консервации*. Важнейший мировоззренческий вывод. Экономика, извините за грубость, *всегда прет вперед*. Это своеобразный *perpetuum mobile*, для которого нет проблемы ни ресурсов, ни проектов,

ни действий, ни результатов. Хозяйство не просто ради жизни, а ради какого-то неприродного возвышения жизни, ее постоянного перехода в иное состояние. У экономики, в сущности, нет ясной цели, кроме, пожалуй, одной — *цели перемен*. Разумеется, не всякая исторически существующая экономика бывает способной к *такого рода* самореализации, что зависит от разных обстоятельств, но именно в экономике есть все необходимое для именно *такой* самореализации. Всем своим нынешним бытием, всем своим образом жизни, человечество обязано не чему-нибудь, а *экономике* — этому самодвижущемуся неуклонно вперед хозяйству.

Мы рассмотрели два типа хозяйства, свойственных человеческому бытию, — *природное*, или *натуральное хозяйство*, и *социальное*, или *экономическое хозяйство*. В рамках каждого типа имеют место различные вариации, делающие хозяйствственный мир человека весьма разнообразным. Но рассмотренные два типа имеют безусловное фундаментальное значение. И важно не только смысловое соотношение двух типов, один из которых более органичен природе и человеку в ней, а другой — неприроде и человеку, ее творящему, но и их историческое соотношение, поскольку второй тип наследует первому, не просто с ним сосуществуя, но и прямо его отрицая. Нравится нам это или нет, но история демонстрирует борьбу этих двух типов, в которой второй занимает гораздо более агрессивную и радикальную позицию, не останавливаясь ни перед уничтожением первого, ни перед его эксплуатацией. Дело не в том, что второй тип более прогрессивен, как любят утверждать сторонники исторического прогресса, а в том, что он действительно более динамичен и заинтересованно активен и уже своим существованием и развитием представляет прямую угрозу первому. История распорядилась (пока, во всяком случае) в пользу экономического хозяйства. Произошла *экономизация* хозяйственной жизни человека, а вместе с нею и определенная *демонизация* человека хозяйствующего, получившего такое мощное основание для своей демиургии, которое позволяет ему свободно лететь в трансцендентную неизвестность.

И последнее. Имеем ли мы основание использовать слово «экономика» в том значении, которое мы ему придаем? Всякое словоупотребление — дело во многом вкуса, а о вкусах не спорят. Но в данном случае

мы руководствовались не вкусовым мотивом. Нам нужно отличать хозяйство безобменное и безденежное (хотя и, естественно, распределительное) от хозяйства обменного и денежного (со всеми отличительными особенностями того и другого). Какое слово тут использовать? Мы даже его не выбирали, ибо оно уже повсюду активно применяется — в самой хозяйственной жизни. Это слово — *экономика*. Да, мы прекрасно осознаем, что в науке это слово применяется с иным смыслом, как слово, обозначающее, по сути, вообще хозяйство, а лучше сказать, хозяйственную сферу бытия человека, а точнее, сферу производства и потребления благ. Однако в реальности к экономике относят прежде всего все, что связано как раз с деньгами и обменом, с куплей-продажей, с денежной выгодой, и если, к примеру, говорят об экономическом поведении или расчете, как и об экономических решениях, то имеют в виду именно обменно-денежные моменты хозяйственной жизни. Реальность сама расставила все по местам, придав слову «экономика» то значение, в котором мы его и используем. Это дает нам основание, с учетом некоторой условности, применять слово «экономика» в специфическом смысле, противопоставляя его в некотором отношении слову «хозяйство».

Слово «хозяйство», или его аналог, есть во всех языках. В русском языке оно есть — почему же нам не воспользоваться им, опять же выделяя в нем специфический, пусть и несколько условный, смысл? Мы ведь думаем и пишем на русском языке. И если русский язык позволяет решить важную познавательную проблему, то почему мы не должны этого делать? Что же касается других языков, не имеющих аналогов русскому слову «хозяйство», то можно порекомендовать эти нужные слова. Так, к примеру, для языков латинского алфавита можно предложить такой вариант: аналогом «хозяйства» — *economie* (экономия), а аналогом «экономики» — *economika* (экономика). Почему нет? Главное ведь в том, чтобы проблема была решена, ясность смысловая достигнута, представление о реальности адекватное получено. А коли во всем этом виноват русский язык, так что же тут плохого, тем более что русский язык восходит к очень древнему — проторусскому — языку, по утверждениям некоторых исследователей, даже более древнему, чем условный индоевропейский.

Лекция шестая

Экономика

В предыдущей лекции мы лишь вывели экономику на свет божий, ее первично охарактеризовали, главным образом, в противопоставлении натуральному хозяйству — *натураномике*. Нам было важно зацепить экономику как возникающее явление хозяйственной жизни человека, как нечто новое, идущее на смену старому, к тому же еще и весьма судьбоносное. Трудно сказать, что у нас получилось, но экономику мы все-таки вытащили из неэкономики, показав ее фундаментальные исходные особенности. Теперь нам предстоит заняться собственно экономикой — как расцветавшим, расцвешшим и расцветающим феноменом хозяйственной реальности человека. Сделать нам это придется, конечно, не в одной лекции, но эта — основополагающая.

Экономикой, даже в нашей специфической трактовке, занимается большая и разнообразная экономическая наука, в рамках которой всего ближе к философии хозяйства так называемая экономическая теория или, по-нашему, теоретическая экономия. Надо заметить, что экономика вполне заслуживает сонма специальных экономических наук, в том числе и теоретических. Объект чрезвычайно объемен, разнообразен и сложен. Заслуживает и особого — гигантского — раздела в теории хозяйства, столь нам близкой — теории экономики. Нет, не экономической теории, а именно теории экономики — как части теории хозяйства, этой последней питающейся и руководствующейся.

Однако мы ходим, т. е. хозяйствуем, в сфере философии хозяйства, а потому если что нам и ближе, так это *философия экономики*. Попробуем подойти к экономике с философских позиций, забегая, конечно, вольно или невольно, в пространство собственно теории экономики. Родственность последней философии хозяйства позволяет нам это делать, не нарушая внутреннего режима философии экономики.

Мы уже отмечали, что экономика начинается с *обменом*, с *обменом* она и существует. Экономическое по самому своему существу восходит к обмену, однако не просто к обмену, а к *обмену-оценке* — обмену всем и вся, к оценке всего и вся. Можно еще добавить, что в обмене непременно участвуют *деньги*, что обмен есть действие денежное, когда

что-то обменивается на деньги и в этих же деньгах оценивается, либо когда деньги обмениваются на что-то, точно так же этими же деньгами оценивается. Все тут просто и невероятно сложно, ибо приемлемые оценки все-таки имеют место и обмен так или иначе совершается. Тут, в принципе, сонмище загадок и вопросов, до конца так наукой и не раскрытых, — ибо здесь *трансцендентность*, — но на практике все так и происходит: и обмен, и оценки, и общее хозяйственное самоудовлетворение — на момент обмена-оценки. А вся экономика, по сути, — *сложнейший, как-то сам собой реализующийся, общественный обменно-оценочный процесс*, пожалуй, лишь еще более таинственный, чем отдельный обменно-оценочный акт. И все в хозяйственном целом как-то взаимосвязано, все взаимодействует, все взаимореализуется. Экономика свершается.

Трудно вообще придумать что-либо более занятное, чем экономика. Тут сплошные загадки. И вся прелесть экономики как раз и состоит в том, что это *хозяйство сплошных загадок*. В экономике нет ничего просто фактического, просто ясного, просто непосредственного. Тут одни оптические обманы (недаром ведь по-русски обмен и обман столь близки, думается, даже не по звучанию и написанию, а прямо-таки этиологически). Попробуй что-либо понять в экономике (не в экономическом вообще хозяйстве, а именно в экономике, в чистой, так сказать, экономике) и ты быстро увидишь, что ничего не понимаешь, точнее, понимаешь, конечно, что что-то происходит и что ты в этом происходящем дажеучаствуешь, но *что* именно происходит или *что* происходит на самом деле и происходит ли вообще *что-либо*, ты этого не понимаешь и понимать не можешь. Здесь действительно гуляет трансцендентность, и экономика — *феномен явно трансцендентальный!*

Впечатление, что экономика находится какой-то своей частью, естественно, фундаментальной, может, сущностной, в каком-то *другом* мире, с ним таинственно взаимодействуя, а нам показывая только результат этого взаимодействия. Впечатление именно такое, и от него не отдельиться. Даже сегодня, в эпоху сложнейшей техники и информатики, хотя именно в эту эпоху легче судить об экономике как о суперсложном и недоступным для наблюдателя счетно-решающем устройстве. Раньше все это называлось *стихией*, — и неплохо называлось, но делался

при этом не самый удачный вывод, что это, конечно, плохо, но лучшего не дано, а потому, мол, терпеть надо. На самом же деле, это ни хорошо, ни плохо, это просто *так есть и по-другому быть не может*. Такова она — эта самая экономика.

Все знают, что есть обмен, есть оценки, есть деньги и все остальное, причем придуманное как будто бы самими людьми к своей же выгоде, но никто не может ничего путного сказать о том, *как же* все это происходит, точнее, сказать кое-что может, но вовсе не то, чем можно было бы заменить — хотя бы мысленно — проделываемое экономикой. Экономика все делает сама, хотя и с участием людей, их заинтересованно активным участием. И все не слепы — ни агенты, ни экономика, все решают, и у всех что-то непременно получается, но что поразительно — все при этом на удивление слепы — что агенты, что экономика. Чудеса, да и только! И это на самом деле так: ни один агент не пользуется и не может пользоваться стопроцентной информацией и принимать совершенно верные решения, хотя и может при этом неплохо «интуичить»; экономика в целом — достаточно закрытая для понимания и моделирования вещь, в чем-то главном она всегда есть не что иное, как самый настоящий «черный ящик», настолько «черный» и настолько настоящий, что экономика никогда не знает, что происходит в ней — ни сейчас, ни через мгновение, ни через какое-то время; ясно с экономикой только одно — что ничего не ясно, она действительно есть стихия, но стихия, уж извините нас, умная, вовсе не во всем и вся разрушительная, хотя и не во всем и вся созидательная, однако явно более созидательная, чем разрушительная. Поразительная это вещь — экономика!

При всем при этом экономика вещает — как и любая, особенно умная, вещь. И очень доступно, и очень разнообразно, и очень полезно. Экономика не нема, хоть и молчалива. Она выдает массу необходимой информации. Только ориентируйся. Но за руку не ведет. Тут уж решай сам, всматриваясь пристально в экономическое «море-океан». Еще и за конкурентами следи. В общем, хозяйствуй и живи, если можешь. А мочь надо, и уметь надо. Как капитану, ведущему корабль. И уметь, и мочь.

Экономика — *большая неизвестность*. Однако *раскрывающаяся неизвестность*, — и не более того. Раскрывающаяся ровно на столько,

чтобы можно было иметь с ней дело (*рискованное!*) и чтобы неизвестность при этом не стала известностью. Хитрая это вещь — экономика — воистину трансцендентная! И надо это понимать и не только практикующему хозяйствующему субъекту, но и размышляющему над экономикой мудрецу, хотя бы для того, чтобы не впадать в разного рода иллюзии — ни в плане знания экономики, ни в плане ее незнания. Разве не мудро поступить таким образом: я знаю, что ничего *конечного* об экономике не знаю и знать не могу, ибо в противном случае была бы не экономика, а какая-то другая, как принято говорить, система хозяйства.

Экономика — *космос*, бесспорный, так сказать, космос. Космос, вырванный из бытия человеком. Вряд ли можно сказать, что это просто созданный человеком космос, поскольку создать сознательно и проективно ничего подобного человек не мог. Человек вырвал из какую-то созидающую силу, и она создала весь этот космос. А человеку ничего не оставалось, как участвовать в этом вырванном им и не им созданном космосе. И посмотрите, ведь весь этот космос возник не просто с обменом, но *прямо-таки* из обмена, и не потому, что все началось с обмена, а потому, что все это космическое сидело как раз в обмене, из него оно и вышло — как громадное дерево из маленького зернышка. Обмен, ведь в нем все: и отношение, и соревнование, и игра; и оценка, и деньги, и цена; и правило, и стихия, и обман; и информация, и решения, и судьба; и определенность, и неопределенность, и тайна... Тут и великая, почти прозрачная ясность, здесь же и великая, совсем даже мглистая, трансцендентность. И если в зернышке все *так*, то почему же в космосе все должно быть как-то *иначе*? И космос такой же — как этот самый маленький и частненький, совсем даже микроскопический, *обменчик* (он же и *обманчик*).

Что здесь особенно интересно? Все, что есть в хозяйственном бытии вокруг участников обмена, все непременно сходится в виде какого-то информационного сгустка в микроскопическом обменном (обменно-оценочном) акте; этот акт как бы вбирает в себя всю хозяйственную (и не только хозяйственную) реальность, — последняя как бы сжимается в точку; и в этом акте происходит, — опять же, извините, как бы, — разряжение (от разрядиться) этой сжатой в точку реальности, — она вдруг вся и проявляется (чем не момент термоядерной реакции); мало

того, энергия-информация от обменно-оценочного акта уходит в хозяйственный, в данном случае экономический, космос. Выходит, что *вся* реальность способна пройти через отдельный акт обмена как сквозь игольное ушко, становясь в чем-то уже другой реальностью. Поразительно, но факт!

Экономика по природе своей *самостоятельна*, она, так сказать, *сама стоит*. Как природа в целом, как жизнь, как человечество. И стоит она сама по себе не вообще как-то, а в весьма конкретном отношении — функциональном. Участвовать в экономике можно — сколько угодно! — а вот заменить ее нечем, если, конечно, с обменом, т. е. оставляя обмен в реальности. Мы приходим к важнейшему заключению: всякие попытки поставить на место экономики какую-либо искусственную систему хозяйственной реализации, способную решать *те же* задачи, что и экономика, обречены на провал; более того, обречены на провал и попытки создать искусственные системы, способные что-либо решать за экономику или наряду с экономикой. *То, что делает экономика, может делать только экономика!* Отсюда довольно-таки наивно моделировать все обмены-оценки, все решения экономических агентов, все структурные реализации в экономике. *Наивно!* Хотя за подобные модели можно получать и Нобелевские премии. Одно дело моделировать для уяснения работы экономики — этого «черного ящика», совсем другое — пытаться создать заменяющие экономику счетно-решающие устройства (неважно, будет ли это технический аппарат или учреждение, как и то и другое вместе). Все это невозможно и, главное, *не нужно*.

Экономика сама хозяйствует, причем не в образе каких-то достаточно медленно разворачивающихся процессов, что и для природного хозяйства характерно, а в образе быстродействующего и вполне разумного субъекта. Экономика думает, принимает решения, проектирует, реализует, добивается результатов. Это больше, чем просто хозяйство-общество. Это общество, превращенное в хозяйствующего субъекта, способного представлять это общество, от него при этом как бы и отрываясь. Это нечто вроде над-общественного субъекта, действующего в обществе и посредством общества, но своей активностью превращающего общество в какую-то персону. И эта персона не просто активна и заинтересо-

вана настолько, что заставляет считаться с собою любого хозяйствующего субъекта, как и общество в целом. Сопротивление ему возможно, но не то что бы бесполезно, а имеет свои границы, а в чем-то и бессмысленно. Сколько субъектов и даже сколько обществ эта трансцендентальная персона, что называется, скрутила, а сколько и попросту угробила. Как по своей воле, так и по желанию самих субъектов и обществ, как при подчинении ей — чрезмерном, так и при сопротивлении ей — тоже чрезмерном. С такой персоной нужен *баланс взаимодействия*, который бывает совсем не просто нащупать.

Экономика поглощает. Человек-субъект погружается в экономику и действует в ней — по ее правилам. У него есть свобода, но ее и нет. Часть свободы бесцеремонно забирает экономика, частицей которой как раз и является субъект. Взаимодействие с экономикой — хорошо сказано, даже простодушно. Все куда как сложнее: жизнь в экономике, не исключающей вовсе и смерти. Своеобразная экономическая экзистенция. Да, кое в чем субъект свободен, но не во всем. Насколько свободен, настолько и не свободен. И свобода не спасает, наоборот, она-то часто и подводит. Экономический субъект ведет рискованную жизнь. Риск, риск, риск! А куда ему деться: из экономики можно выйти только в небытие. Да она и сама с удовольствием вышибает зазевавшегося. Сидишь в экономике, будь экономическим человеком, т. е. считай, рискуй, опять считай, опять рискуй — и так все время. Не только считай, не только рискуй. Подчиняйся и велениям экономики, иной раз и ускользая от ее слишком уж назойливых побуждений. Живи, что называется, полной жизнью.

Говорят, что экономический человек или, как часто принято, *homo economicus*, это тот хозяйственный агент, который все делает *рационально*. Конечно, в рациональности экономическому субъекту не откажешь. Попробуй-ка не считать и не рассчитывать, не обдумывать и не проектировать. Все это так. Но почему-то упускается из виду другое, а именно то, что экономический субъект, действуя в экономической среде, сильно зависит от экономики, что он включен в ее течение, что он вынужден с ней постоянно считаться. Но это не все. Экономика по отношению к субъекту не такая уж рациональная, скорее, необорот, она очень даже иррациональная. Опять же упускается из виду, что экономический субъект не может все и вся рационально рассчитать, у него нет для этого

никаких возможностей. Выходит, что субъект вынужден буквально братьсяся в пучину экономической жизни, — какая уж тут рациональность? Экономический субъект действует в достаточно иррациональной среде и достаточно иррационально. Отсюда позволим заключение, возможно, для многих неожиданное: экономический человек — это тот самый хозяйствственный агент, который ведет себя (или вынужден себя вести) довольно-таки *иррационально*, что, быть может, и спасает его в водовороте экономики. Экономический человек — полилетически сложная фигура. Его основное достоинство не в том, что он свободен и рационален, а в том, что он умеет быть несвободным и иррациональным. Только так он выживает в невероятно сложном, стихийном и весьма к нему безразличном экономическом мире.

Тут нужна оговорка. Мы все время говорим об экономике как бы в чистом виде, о себе самой предоставленной экономике, о так называемой свободной экономике. В заглавии лекции написано: экономика. Вот мы ее и рассматриваем. Однако в реальности экономика может не иметь, да и, как правило, не имеет полной свободы. Бывают даже случаи, когда экономику удерживают силой в настолько несвободном положении, что она не имеет возможности проявить все свои потенции и продемонстрировать все свои прелести. Но тогда и экономика, попросту говоря, не-совсем-экономика (иногда и вовсе полу-экономика), а поведение ее участников тоже не-совсем-экономическое. Зная об этом, мы все-таки предпочитаем разглядывать экономику как экономику, тем более что удерживать экономику в жестких тисках — не самое лучше для нее, хозяйства и жизни дело. Правда, совсем без тисков экономики, конечно, нет, — и мы еще поговорим об этом, — но тиски эти не должны ставить под сомнение саму экономику.

Экономика — *вполне живая система*, если под жизнью понимать здесь нечто активно и заинтересованно самореализующееся, а не какой-нибудь физико-химико-биологический процесс. Человек создал экономику, точнее, выпустил ее, и ей же вынужден подчиняться. Хозяйствование человека на хозяйствование экономики. Инициатива субъектов на инициативу самореализующегося сообщества субъектов, т. е. экономики в целом. В итоге — *трансцендентное течение экономики и жизни, хозяйства и бытия*.

Легко сказать, трансцендентное течение. Может, и поток, в который попал человек, хозяйствующий, причем поток, который и сам по себе хозяйствующий. Человек выпустил экономического джина, и джин поглотил человека. Выпустил джина из небытия, и джин понес человека, но куда? Пока мы знаем, что по пути прогресса, т. е. ускоренного созидания неприроды, ну а дальше? Что нам известно? *Ничего*. Вот почему поток, вот почему трансцендентный.

Человек привык к экономике, она дала ему невиданную ранее производительность, снабдила всем, чем угодно, totally изменила жизнь, бытие, переменила самого человека. *Из природного сделала неприродным*. Совсем другим — не то человеком, не то еще кем-то. Экономика совершила *переворот* — мирового, космического значения. Она передела мир, космос. И вряд ли найдется что-нибудь еще, что сыграло бы столь внушительную роль в истории и судьбе человека, да и не только человека.

Хозяйство человека. Но и *хозяйство над человеком*, если угодно, *хозяйство человеком*. Хождение человека, но и хождение с человеком и по человеку. Сам человек стал объектом и средством какого-то *не-сам-человеческого хозяйства*. Забавно, не правда ли? И интересно, жутко интересно. Есть, над чем поразмышлять любому дру.

Не преувеличиваем ли мы самостоятельность, активность и судьбоносность экономики? Не все же так у нее неотвратимо кульмиционно? Конечно, не все. Но очень многое, быть может, решающее. Указывая на мощную самопотенцию экономики, даже ее господство в жизненном космосе человека, мы вовсе не хотим впасть в какой-то философствующий фатализм, с головой подчинив человека левиафанисткой экономике. Нет, разумеется, и мы еще поговорим далее о резистанском поведении человека относительно экономики, ее давления на его жизнь. Однако ничто не может заслонить факта действительного доминирования экономики над человеком и его бытием, поскольку это подтверждается ежечасно и многовековой историей. Человек хозяйствующий — и хозяйствующий по-экономически — сам себя отдает во власть экономики, ведя тот образ действий и жизни, который необходим этой последней. Ничего другого тут быть не может, хотя и возможна какая-то

спасительная для человека реакция на экономику, т. е. возможно его более сложное в ней и по отношению к ней поведение, более сложное, чем того требует сама экономика. Вести себя с экономикой можно по-разному, но выйти из нее нельзя, как и нельзя не считаться с массой ее требований.

И вот тут весьма интересный вопрос — о творческом начале в реализации экономики и экономического человека. Чем более всего объясняется это творчество, эта потенция к нововведениям, эта способность к переменам? Нам сразу же укажут на обмен, имеющий некий творческий момент, на конкуренцию, поощряющую обновление, на стремление к деньгам,двигающее вперед инициативу. Все это так, но все же этого мало. Сколько народу во всем этом участвует и даже не чувствует потребности к новаторству. Да и экономика не всегда имеет состояние, способствующее выдавливанию из человека всяких новшеств. Есть, конечно, кризисы, но, думается, они могут быть стимуляторами, но вряд ли причиной потенции к обновлению и качественным переменам. Нам обязательно укажут и на фигуру предпринимателя, этого субъекта-инициатора, которого принято даже называть субъектом-новатором. Да, без предпринимателя никаких инноваций не происходит, но сколько опять же предпринимателей, не думающих вовсе ни о каких новшествах. Предприниматель может быть новатором и с повышенной долей вероятности, но это новаторство не есть его непременное свойство. Здесь, видимо, опять же все сложнее.

Обмен, конкуренция, стремление к наживе, предпринимательство, кризисы — все это, надо полагать, лишь антураж, способствующий новаторству, но вряд ли что-либо из этого можно принять за его фундаментальную причину. Новаторство тут остается загадкой. Правда, нам, философам, признающим трансцендентность, можно на этом и остановиться: для нас этот ответ — вполне достойный. Но все-таки хочется на эту тему поразмышлять, — а вдруг... вдруг нам что-то и откроется. Попробуем.

Экономика — великолепная среда для нововведений, для перемен. Факт. Причем среда, ко всему этому толкающая. Но чтоб так сильно и с таким ускорением? Наверное, тут есть что-то другое, а именно потен-

ция, гнездящаяся в самом человеке, конечно, достаточно свободном и достаточно самостоятельном.

Трудно сказать, откуда взялся на Земле человек, но появился он на ней не просто так, во всяком случае, не как обычное животное, втиснутое в свою жизненную (и одновременно экологическую) нишу. Человек явился не как скромный житель Земли, а как ее истовый потребитель, отрицатель и преобразователь. Человек — в противопоставлении Земле. Он существует, изменяя земную природу, приспосабливая ее под себя, переделывая, создавая неприроду. Напомним еще раз, что человек — *творец*, даже *демиург*. Отсюда так называемое новаторство — в крови у человека, пусть даже далеко и не у каждого. И экономика возникла в результате творчества человека, его демиургии. Новаторство, короче, не только свойство экономического человека, того же предпринимателя. Это свойство вообще человека. Иное дело, обстоятельства для творчества могут быть разные, в том числе и противные. А вот экономика — наиболее благоприятная среда для творчества и нововведений.

Но дело все же сложнее, чем просто схождение вместе двух потенций — со стороны вообще человека и экономического человека и со стороны экономики. Надо полагать, что здесь также вина и еще чего-то третьего, того, что повлияло на человека как человека, разожгло в нем жажду знаний и нововведений, открыло возможность неуклонного движения по пути созидания неприроды. Должна была произойти какая-то революция в человеке, свершившийся переворот в его уме и сердце, человек должен был стать *другим* человеком. И такая радикальная мутация, как мы знаем, произошла с человеком — в Западной Европе, в эпоху так называемого Возрождения, хотя, надо думать, это было не столько возрождение, сколько за-рождение — нового человека, испытывающего прилив творческой, демиургической энергии, переставшего заигрывать с природой, снявшего с себя какие бы то ни было культурные и идейные оковы, почувствовавшего себя... Богом, во всяком случае, по скромности — *человекобогом*. Да, это был прежде всего религиозный (как и антирелигиозный) переворот, а главное — это был *идейный переворот*, переворот в самоощущении и самопонимании человека. Гигантский переворот. *Из человека выскоцил человекобог*. Леонардо да Винчи — один из первых

мутантов такого рода, еще только пробовавших силы, еще только подступавших, еще только примеривавшихся.

Экономика возникла в очень древние времена, тогда же возникло и экономическое предпринимательство, пусть по преимуществу и торговое. Человек экономический появился очень давно, правда, был он долгое время весьма скромно экономическим. И экономика, надо сказать, вела себя достаточно скромно, зажимаемая общинными, феодальными, цеховыми и государственными ограничительными порядками. Экономическое начало обслуживало человеческое хозяйствование, но его не определяло. Человек экономический вовсе не господствовал ни в хозяйстве, ни вообще в жизни.

Но все резко изменилось в связи с Великим Идейным Переворотом. Появление *нового человека* — с иным идейным содержанием, с другим сознанием, с иной психологией, с другой культурой — сопровождалось переворотами во всех областях жизни, в том числе и в хозяйственной. Произошла в конце концов Великая Экономическая Революция, а вместе с нею и выход на хозяйственную и жизненную арену уже не скромного вовсе, а активного и заинтересованного экономического начала, упивавшегося свободой делать, крушить (все неэкономическое) и создавать — желаемое. Трудно сказать, что подвигло на весь этот глобальный переворот — жажда свободы для экономического начала, жажда идейно-культурной свободы, жажда вообще человеческой свободы, как и трудно определить, что чему тут предшествовало, что было причиной, а что следствием. Экономический ли человек вызволил из себя человекобога или, наоборот, человекобог выдвинул вперед человека экономического? Так или иначе, но переворот произошел — вместе с экономической революцией.

Теперь экономика реализовывалась как свободная экономика, себе полностью соответствующая, себя любящая и волнующая, на себя работающая. Революция свелась не к рождению экономики, а к ее высвобождению, к ее триумфу. Экономика вольно и масштабно пошла вперед, завоевывая хозяйственное пространство, развивая и себя. Тут как раз и пошел вперед *капитал*, причем уже не торговый и ростовщический, а производительный и банковский. Экономика быстро приняла образ *капитализма*. А капитализм есть, по сути, экономика, сориентированная

на делание денег с помощью денег — по хорошо известным формулам: $D-D'$, $D-T-D'$ либо даже просто D' . Великая экономическая революция оказалось одновременно и великой капиталистической революцией. Вот и гадай, религиозный ли переворот вызвал экономико-капиталистический или потребность в экономико-капиталистическом перевороте вызвала переворот религиозный? В конце концов, не суть важно — для нас, по крайней мере. Для нас тут важно другое: логично предположить, что в издревле ведущейся борьбе человек здесь победил человека, т. е. человек *одного типа* победил человека *другого типа*, к примеру, человекобог победил богочеловека, что имеет, конечно, трансцендентную обусловленность и не может быть просто так раскрыто. Одна трансценденция победила другую. А раз так, то и произошло это на не известном нам уровне, там, где человеческая логика бессильна. Господь Бог, если и не проиграл, то отошел в сторону, предоставив человеку возможность выбора, — и человек такой выбор сделал, судя по всему, в сторону от Бога, ибо сам себя на его место и поставил. Вековечный спор на этот раз завершился в пользу человекобога, сопровождаемого... ладно, не будем больше об этом, тем более что слишком тут много от трансцендентности. Хорошему философу и так все понятно.

Свершилась — не в один день, конечно — экономическая революция. Тут как раз и захватила экономика человека, совсем не так, как раньше, а всерьез. И человек отдался со рвением экономике. Игра приняла игру. Пошло бурно развитие — всего и вся, всех потенций. Человек всерьез принялся за природу, которую окончательно отверг за неперспективностью (как были отвергнуты недавно неперспективные деревни), и за неприроду, полюбившуюся ему за свою необыкновенную перспективность. На арену жизни вышел *неприродный экономический человек*, которому уже ничего не оставалось, кроме как жить по-экономически и творить нововведенчески. Главным лозунгом жизни и хозяйствования стал *прогресс*, тот самый — *прогресс ради прогресса*. Как тут не быть постоянному обновлению, как тут не появиться лихорадочной изменчивости. Вот тут-то и вышел на арену предприниматель-новатор, тут-то и подвернулась вовремя конкуренция, тут-то и заработал жаждущий всего и вся капитал. Но появился тут и *потребитель*. Причем массовый. И получил в ответ *массовое производство* — всего и вся. И *технический прогресс* —

ради производства и потребления, а потом уже и ради создания неприроды, ради ее победы над природой. Экономика заработала в полную силу, во всех направлениях, всеми своими механизмами. И человек в ней и с нею... забегал. Хождение перешло в бегание. А как же иначе: стал человекобогом, вот и бегай!

Хозяйство быстренько превратилось в «бежайство», а экономика — в «бегномику». Разве не так? Посмотрите, как бесконечно много работают предприниматели и ответственные менеджеры, как они спешат, как суетятся. Ну и хорошо, — восхлинут некоторые. А мы и не говорим, что плохо, мы только констатируем. Попал в экономику — как хозяйствующий элемент, бегай либо других заставь, — кто-то тут обязательно должен бегать. Нет, не ходить, а именно бегать. И дело вовсе не в ритме, не в скорости, не в быстроте, а в жутком, трансцендентном, нечеловеческом *стремлении* — грозном, безжалостном, изматывающем. Сидишь в менеджеровском кресле, а бежишь — мыслями, умом, сердцем. Хочешь жить, умей вертеться — очень даже экономическая сентенция, и отнюдь не юмористическая. Бегающая, вихреобразная, зыбкая реальность. Но зато какие успехи, какие достижения, какие высоты! Верно, никто этого не оспаривает. *Взрыв*. Активности, инициативности, результатов. Экспоненциальный рост, крутой подъем, бурное развитие. Расцвет. Скачок — *из царства нищеты в царство богатства*.

Богатство. Нет, не достаток, а именно богатство. Причем материальное. Не духовное вовсе, которое от Бога, — потому и *бог-атство*, а именно материальное, Богом не завещанное, зато у Бога как бы и украченное — в плане словообразования. Богатство как вещизм, в первейшем понимании вещи — как блага, удовлетворяющего потребность. *Благовещь, вещь-благо*. Тут все и замкнулось. Основное внимание этому благу-вещи, этой вещи-благу. А в экономическом контексте — *товару*. Товарное потребно богатство. От него и вся жизнь, вся от нее удовлетворенность. Вот почему экономика — не жизнь, не бытие, а производство и потребление благ, к тому же еще и благ-товаров. И все сознание экономическое, в том числе и теоретическое, так и крутится вокруг этих благ-товаров, их обмена, их оценок, затрат на их производство и сбыт, их предложений и их спросов (спросов на них), их структуры, их распределений

и потреблений. Экономическая теория более всего является своеобразным *благо-ведением*, *товаро-ведением*, *богатство-ведением*. Ничего плохого, разумеется, в этом нет, но как это узко, как неглубоко, как прозаично. И сколько надуманного! Ведь хочется, к примеру, цену прямо из блага-товара вывести, или прямо из акта его обмена, или прямо из его производства, или прямо из его потребления. Как и цену денег из товаров выудить, а то и прямо из денег. А из чего же еще, коли видишь перед собой одни блага-товары, одни вещи, одно материальное богатство. Экономическая наука — наука о богатстве и, разумеется, его прирастании, на крайний случай, еще и распределении. Ведь так. Отсюда и головоломные задачи и решения, формулы, модели. Отсюда и совершенно не воспринимаемые ни умом, ни сердцем замысловатые конструкции. Отсюда и бесконечность, и беспечность споров — в пользу, конечно же, истины, ее непрестанного поиска. Отсюда, надо заметить, и звания, награды, премии. Отсюда и реальное богатство, пусть и не такое, как какого-нибудь удачливого предпринимателя-бизнесмена, но все же... Наука ведь тоже ценится, тоже вознаграждается.

Благо. А что есть, собственно, благо? А что *не-благо*, даже *анти-благо*? Проблема. Экономическая теория обычно отвечает на это вопрос так: благо есть то, что (имеется в виду какой-нибудь предмет или услуга) удовлетворяет потребность (потребность человека). Вполне приличное определение, куда от него деться, хотя строго экономически благо есть то, что проходит обмен, становясь товаром, и приносит деньги, т. е. удовлетворяет не какую-нибудь вообще потребность, а определенную — экономическую. Для экономической теории этих объяснений, может, и достаточно. Но мы находимся в сфере философии хозяйства, а тем самым и в сфере философии экономики. Для нас такого узкоэкономического подхода недостаточно. Не все, что удовлетворяет потребность вообще или собственно экономическую потребность, для нас благо. Те же наркотики мы как-то не очень хотим почитать за благо, хотя они и удовлетворяют всем требованиям экономической науки. За благо не хочется почитать и, к примеру, ту же бешеную музыку или те же американские масс-фильмы. А почему, скажем, бульварные газеты почитать за благо, глупые любовные романы или пустые детективы? А плохую работу врача или адвоката? Да и какое такое благо в адвокате?.. Да, с экономической точки

зрения все это благо, ибо у экономики других критериев нет. В этом плане экономика очень определенна, она не допускает никаких трансцендентных мотивов. С хозяйством же легче, ибо хозяйство сложнее и разнообразнее экономики, оно не чуждо ни моральных, ни эстетических, ни просто, как принято говорить, человеческих смыслов. Хозяйство — жизнь, и если что-то против жизни, то почему же это благо?

Для философии благо есть благо, как это принято вообще в языке и культуре. Здесь в общем-то не нужны пояснения, а тем более определения. И так все ясно, ибо сознание человека, будучи трансцендентным, спокойно улавливает скрытый в этом слове-понятии смысл. И если мы видим, что что-то не благо, то мы это что-то и называем неблагом, а то и антиблагом. И дело не в том, что определения экономической теории неверны, а в том, что с экономической точки зрения благом является все, что угодно, лишь бы... а вот с этим как раз и не хочется соглашаться: наркотики, детективы и адвокаты тоже ведь входят в богатство, а раз входят, то это здорово, хотя все знают, что это совсем и не здорово, а как раз наоборот. На блага и богатство нельзя закрывать глаза — в смысле запаха, от них исходящего, а потому у философии хозяйства несколько отличная точка зрения на эти феномены. Иной вопрос, можно ли этой точкой зрения руководствоваться в экономическом хозяйстве? Ответим определенно: *нет*. Экономика этого просто не допускает и не допустит. Как не допускает она вообще очень многое, например, природное отношение к природе или человеческое отношение к человеку, — увы!, у экономики другие задачи — ей бегать надо, а не ходить.

С благом можно ходить, к благу можно подходить, равным образом и с богатством ходить и к богатству подходить. Это, если благо и богатство трактовать жизненно-философски, — *добро* и *дар*, а соответственно как *жизнеобеспечение* и как *достаток*. А вот бегать приходится за всем сразу: и за благом, и за неблагом, и за антиблагом. Чем больше больных, тем больше доход больниц; чем больше правонарушений, тем больше заработок адвокатов; чем больше наркоманов, тем больше доход наркодельцов; чем больше малокультурных, тем больше продается кассет с американскими ужастиками, и т. д. Экономика, как мы видим, со всеми своими пониманиями блага и богатства, как и со стремлениями к ним, способна спокойно работать... против человека, против жизни,

не говоря уже о природе и Боге. Разве здесь нет острой человеческой проблемы, не разрешимой, кстати, в рамках экономического хозяйства?

Экономика, как нетрудно заметить, равнодушна ко многому моральному, ибо моральное ей, как правило, мешает. Нельзя сказать, что в экономике вообще нет какой-то позитивной морали, но, что интересно, этой даже относительной морали можно там и не следовать. Сам по себе вопрос о соотношении нравственного и экономического начал — большой и большой вопрос; который очень не нравится поднимать теоретической экономии; и если для политической экономии он еще имел значение и довольно-таки широко в ней обсуждался, то для современной математизированной экономической теории он уже не имеет никакого значения. Все, что полезно, что эффективно, что выгодно, то и нравственно, точнее, не то что бы нравственно, но стоит настолько вне нравственного мотива, что никакого резона говорить о нравственном начале в экономике просто нет. Так обходится с нравственностью современная экономическая наука, да и какую-такую нравственность можно обнаружить посреди безжизненных, скелетообразных, хотя как будто и движущихся как водоросли в глубокой воде, абстрактных схем. Теория давно лишена жизни — что ей какая-то там нравственность?! Морально или не морально, вообще говоря, умалчивать о морали или, наоборот, о ней беззаботно разглагольствовать? Здесь опять трансценденция, тут снова эта неизбытная неопределенность, а что с ними поделать? Наука всего этого не любит.

Ладно наука, а экономика-то любит? В том-то и дело, что нет. Если чего экономика и любит, так это *без-нравственность* — в смысле полного отсутствия критерия нравственности. Посмотрите вокруг и увидите. Здесь даже особенно зрячим не нужно быть. Любопытная получается вещь: чем ближе хозяйственная жизнь к экономике, тем дальше она от нравственности, да и вообще от всякой порядочности, как, собственно, и от всякого порядка. Где всего больше экономики? А там, в теневой сфере, среди наркотиков и порнографии, среди подделок и жулья, среди шулеров и бандитов. Именно там экономика реализуется в самом чистом виде. Именно на черном рынке.

Однако возьмем, что называется, самую что ни на есть цивилизованную экономику: всучивание залежалого и вообще некачественного товара; навязывание грабительского валютного курса; всякие «ножницы

цен»; финансовые пирамиды; завышенные или заниженные ссудные проценты; сознательная инфляция; заниженная оплата наемных работников, особенно, иностранных и в колониях; завышенные доходы «предпринимателей» и «менеджеров»; безжалостные налоги; отвратительные продажные суды, да мало ли еще чего, что так характерно для живой экономической реальности. Это, скажут нам рассудительные теоретики от экономики, вполне естественная изнанка жизни, побочные явления, досадные исключения. Нет, ответим мы, это далеко не так, ибо это вполне органично самой природе экономики, хотя вовсе и не обязательно должно быть повсюду и всегда, в каждой поре экономического общества и в каждый момент его реализации. Действительность, конечно же, сложнее, в ней всего хватает, но, право же, безнравственность более адекватна экономике, чем нравственность.

А чего стоит один *феномен эксплуатации человека человеком*? Ах, как не любят говорить о нем академическая наука и кафедральное образование, а факт-то ведь налицо. И хорошо доказанный — той же политической экономией. Экономика хороша тем, что умело скрывает этот феномен, как и *феномен откровенного паразитизма* части населения, владеющей деньгами и ничего в обмен на получаемые с них доходы не делающей. Зато великолепно потребляющей. Разве этого нет и разве это не так уж важно для понимания реальности, называемой экономической?

Эксплуатация человека человеком — не изобретение экономики. Ей лишь принадлежит честь создания самых изощренных и по-своему трансцендентных способов этой эксплуатации. Оттого и выглядит экономика — конечно, раскрыта — в моральном отношении ниже рабства или феодализма, поскольку эксплуатирует не меньше, а создает видимость отсутствия эксплуатации или ее легкости и незначительности. Нет, мы не собираемся обвинять экономику, особенно в ее раннекапиталистическом облике, во всех смертных грехах, мы желаем лишь адекватной взренческой констатации.

Экономическая революция сделала трудящегося лично свободным и свободным от собственности на средства производства, т. е. создала условия, при которых трудящийся мог стать только *наемным работником*.

ком капиталистического хозяйствующего субъекта, не имея возможности осуществить себя в качестве самостоятельного хозяйствующего агента. Разумеется, не все наемные работники желают самостоятельно хозяйствовать, но значительная часть этого непременно хочет, более того, она как раз насильственно лишается этой возможности. И таким людям ничего не остается, кроме как продавать себя и свой труд субъектам-капиталистам либо любым другим субъектам, что не так уж и важно. Имеет место купля-продажа людей и их труда, причем совершенно добровольная (о продаже в рабство мы тут не говорим, хотя и оно немало использовалось господами-капиталистами). Человек и его труд становятся *товарами*, как, собственно, и все в условиях буйно разрастающейся экономики. А наемный работник, как известно, приносит владельцу капитала *прибыль*, хотя и не только он. Так или иначе, но капиталист имеет возможность эксплуатировать в своих интересах наемный труд. Разумеется, тут все не так просто, ибо наемный работник может вполне довольствоваться своим положением (неважно, по каким причинам), не замечая факта эксплуатации. Это может быть, но это не обязательно бывает: истории известны факты чудовищной эксплуатации наемных работников, доводимых до физического изнеможения и преждевременной смерти. Истории хорошо известна и жесткая имперско-колониальная эксплуатация населения колониальных, зависимых и просто слаборазвитых, а иной раз и довольно-таки развитых, стран. Повторим еще раз, что мы не преследуем цели специально чернить экономику-капитализм, мы просто желаем полноты картины. И если кому-то кажется, что времена буйной эксплуатации человека человеком будто бы позади, что сейчас эксплуатации нет или она слабая и гуманная, тот сильно ошибается. Экономика-капитализм не может обойтись без эксплуатации: кто-то непременно должен много работать, как правило, исполняя работу тяжелую и малопривлекательную, но при этом мало за нее получая, хотя и быть при этом вполне довольным, а кто-то, наоборот, должен либо не работать вообще, либо работать мало, а если иной раз работать много, но зато иметь при этом много — бизнес-дохода либо просто вознаграждения за труд. При всем так называемом демократизме экономика-капитализм не уничтожила и не могла уничтожить ни эксплуатации, ни материального и

социального неравенства, ни социальной иерархии. Нет, мы вовсе не виним за это экономику-капитализм, мы только, повторяем, констатируем. Такая констатация особенно знаменательна, когда вокруг себя видишь все эти «штучки», а то и сам оказываешься объектом такого рода опеки со стороны экономики-капитализма — своей ли, доморощенной, или чужой, закордонной.

Любопытно, что экономическая теория, особенно западная, не любит называть капитализм капитализмом, а предпочитает твердить о *рыночной экономике*. Это и понятно. Капитализм — это капитализм, со всеми своими прелестями, а рыночная экономика — так себе, не слишком понятно, что и без особых прелестей, зато с предложениями и спросами, ценами, предпочтениями потребительским выбором и всем остальным, что характерно для рынковедения-товароведения. Здесь есть, о чем спокойно и деловито порассуждать, не утруждая себя не слишком приятными реминисценциями. Но дело даже не в желании скрыть «язвы капитализма», а в том, что экономическая теория давно занимается поверхностью. А что в экономике самое поверхностное, кстати, и самое экономическое? Обмен, рынок, купля-продажа. Еще, конечно, разные *финансовые дела*, но они тоже оказываются сферой рыночной экономики.

При нашем понимании экономики ни о какой рыночной экономике речи вести не нужно. Экономика есть экономика, и если *что-то*, а это что-то еще надо обнаружить и определить, тянет на то, чтобы называться рынком, то это не значит, что вся экономика должна получить при этом специфический рыночный окрас. Ведь что значит «рыночная»? Наверное, либо рынку служащая, либо рынком управляемая, либо хотя бы рынком как-то определяемая. А коли нет, то зачем же тогда называть экономику *рыночной*?

Что такое по сути *рынок*? Если исходить из реальности, а не их теоретических предпочтений, то рынок есть *сообщество любых взаимодействующих между собой экономических агентов, разумеется, взаимодействующих экономически, а не как-нибудь еще*. В рамках этого общественного экономического взаимодействия есть все: товары, деньги, предложения и спросы, цены, предпочтения, выбор и все остальное, чем

богата экономическая действительность. Из рынка тут выпадает внутренняя, производственная деятельность агентов, а все, что связано с их взаимными экономическими отношениями, т. е. с обменно-оценочными отношениями, с купле-продажными отношениями, наконец, отношениями взаимного соперничества за участие во всех этих отношениях, все это уже относится к рынку, а точнее, к рынкам — товарному, трудовому, инвестиционному, ссудного капитала, валютному, ценных бумаг. Можно ли сказать, что рынок все и вся определяет, надо всем главенствует, всем и вся управляет? Нет, нельзя. Рынок, может, и активен, — хотя это всего лишь *сообщество экономических агентов, находящихся во взаимных экономических отношениях*, т. е. сама экономика и есть, может, ее как бы внешняя, поверхностная часть, — но ведь и на рынок оказывается организационное воздействие, а в таком случае попробуй разберись, кто тут чем управляет — *рынок агентами или агенты рынком?* Конечно, какое-то управляющее воздействие со стороны сообщества агентов — стихийно, кстати, функционирующего — на каждого из агентов есть, но управление ли это именно рынка? Если предполагается, что это управление со стороны того же спроса или тех же цен, то причем тут рынок, если все это формируется в обществе агентов? Не рынок все-таки управляет агентами, да и не рынком управляют агенты, а управляют они собою и своими параметрами, формируя через свою деятельность и общественные параметры те же предложение, спрос, цены, на которые они при необходимости и ориентируются. И если что-то в экономике и можно назвать рынком (ничего плохого, к примеру, нет в таких словосочетаниях, как хлебный рынок, рынок металлов, невольничий рынок, городской рынок, колхозный рынок и т. п.), то это вовсе не значит, что какой-то там *рынок* существует сам по себе, вне сообщества агентов, вне их решений и действий, и при этом еще и хозяйствует. Где он, *этот* рынок? Не является ли поэтому бессмысленным определять экономику как рыночную, и не потому, что здесь есть тавтология («масло масляное»), а потому, что нет того самого рынка, который-де и делает экономику экономикой? Слово «рынок» полезно, конечно, употреблять, но совсем в других, не столь уж фундаментальных и ответственных значениях.

Таково наше понимание экономики, то самое, которое возникает при философском обозрении объекта познания.

Лекция седьмая

Стоимость

Философия способна не только к обобщительному подходу к реальности, но и к «проникательному», когда она как бы внедряется в реальность, входит вовнутрь, вытягивая оттуда сидящие там смыслы, отражающие уже не столько явленческую, сколько сущностную составляющую реальности. Делать это всего труднее, ибо за *феноменальным* рядом надо разглядеть другой ряд — *ноуменальный*, мало того, что скрытый, но и более основательно уходящий в трансцендентность, — и который не то что разглядеть, но и вообразить-то весьма сложно, не говоря уже о том, что его трудно, иногда почти невозможно, выразить словами. Тут имеет место настояще проникновение в *метасмысли*, столь чаемые философией и столь для нее каверзные.

Философское познание так устроено, что оно всегда так или иначе соприкасается с сущностной стороной изучаемого объекта, ибо философ всегда стремится *объяснить* предмет, а объяснение невольно заставляет выходить на смыслы, стоящие за рамками голой констатации лежащих на поверхности явлений. Разумеется, так поступает не одна философия, но философия так поступает *всегда* — в противном случае это будет уже не философия, а какое-то другое — нефилософское — знание. Философу, к примеру, недостаточно установить, что есть явление А и явление Б, как и недостаточно установить, что А воздействует на Б, даже недостаточно показать, что А есть причина Б, ему надо непременно выявить нечто такое, *что* стоит за А и Б вместе взятыми, *чего* А и Б являются внутренними выражениями, — и в этом-то *что* ему и надо не просто увидеть общую причину А и Б и их взаимоотношений, что, кстати, уже немаловажно, а разглядеть в нем глубокое основание А и Б, на котором они покоятся, их источник, из которого они исходят и которым питаются, их общее начало, которому они обязаны своим бытием. Философ, конечно, любит докапываться до самых что ни на есть *первооснов* (основ основ) и *первоначал* (начал начал), но такое докапывание зависит от цели и характера познавательной и объяснительной акции, им предпринимаемой. Так или иначе, но философу приходится идти в глубь реальности, а не только скользить непринужденно по ее поверхности, выявляя то, что скрыто, что

в глубине, что сжато, что насыщено трудно уловимыми смыслами, что имеет диалектическую и полилектическую природу, что неопределенно, что трансцендентно, если не вообще трансцендентально.

Рассматривая экономику, мы, конечно, не скользили непринужденно по поверхности, а старались разобраться в глубинной ее онтологии, зачерпывая, по возможности, и сущностные реалии. Однако мы шли широким фронтом по предмету нашего интереса, стараясь ухватить и описать его как целостный феномен реальности. Осуществив первичное с ним знакомство, мы попытаемся теперь — на следующей стадии познания, не отходя ни от масштабности взгляда на предмет, ни от целостности его восприятия, пойти более вглубь, чем вширь, обуровеваемые стремлением докопаться до первооснов и первоначал экономики.

Главная смысловая ячейка экономики на уровне ее феноменального ряда — *обмен*. Нет, не благо, к примеру, ибо благо свойственно любому хозяйству, не тот же самый товар, даже и не деньги, ибо и товар, и деньги, как, собственно, и цена — все это принадлежность и следствие обмена — не будь обмена, ничего не будет и другого, даже самих экономических субъектов. Обмен и только обмен — вот что делает экономику экономикой.

Обмен — это прежде всего функциональная акция, как и общественный функциональный процесс. Обмен — непременно возмездность, а возмездность — непременно *оценка*. Обмен без оценки невозможен, он ее поэтому и производит. Оценка выходит из обмена, чем бы она при этом вообще ни определялась. Рождаясь в обмене, оценка в нем существует, а участвуя, его обуславливает настолько, что судьба обмена непосредственно зависит от оценки.

Обмен нельзя оторвать от оценки, а оценку — от обмена. Вот почему обменный акт или процесс логично считать *обменно-оценочным* актом или процессом. Экономике свойствен обмен, но обмен с оценкой, и настолько с этой «с», что оторвать обмен даже в абстрактном смысловом аспекте от оценки невозможно. Благо А, становясь товаром, обменивается на благо Б, и благо Б, тоже став товаром, оценивается при этом благо А (хотя все можно прочитать и наоборот, начав с блага Б). Да, обмен предшествует оценке — без обмена о какой вообще оценке можно говорить, но обмен не происходит без оценки, с которой он органично связан.

Без обмена нет оценки (вообще нет, как феномена), но без оценки нет и обмена (как факта и как феномена). Тут функциональная и смысловая неразрывность.

Первичная ячейка экономики — обмен, но лучше было бы сказать (полнее, точнее и интереснее) — *обмен-оценка*, разумея, что оценка в данном случае — лишь внутренний момент обмена.

Внутренний момент обмена. Факт. Но берется оценка не из обмена, хотя и в нем возникает. Оценка больше обмена в том смысле, что ее вообще бытие выходит за рамки обмена. Ее онтология шире и глубже. Что обмен? Он ведь сам по себе ничего существенного об оценке не говорит, лишь ее фиксируя (обнаруживая, называя). Обмен — механизм оценки, ее реализация. Но сам по себе обмен — не оценка. Появление оценки в обмене не означает, что она выходит из обмена как таковая, т. е. не как факт и величина, а как содержание и величина. Обмен по этой части пуст.

Обязанная своим появлением обмену, оценка базируется при этом не на обмене, ибо из обмена как такового ничего фундаментального для оценки не выведешь. Обмен фиксирует обменное оценочное равенство и об этом громогласно объявляет. Но создать это равенство обмен не может. Отсюда не только функциональная зависимость обмена от оценки (без оценки нет факта обмена), но и зависимость, так сказать, содержательная, так как величина оценки, что то же самое — пропорция обмена, обусловливается все-таки не обменом.

Оценка тем самым выходит за рамки обмена. Пространство ее бытия, ее свершения, ее определения объемнее обмена, оно распространяется за пределы обмена. *Онтология оценки богаче онтологии обмена*.

Мы констатируем любопытный момент: *момент перехода содержательной инициативы при рассмотрении экономики от обмена к оценке*. Если это еще не бросилось в глаза, то через некоторое время станет совершенно ясным. Обмен ловок, динамичен, изобретателен, но он, что называется, худ — в нем нет никакой, если хотите, телесности, он ничем не наполнен, он в общем-то пуст. Это функция, это отношение, это взаимодействие. Но это не тело. А вот оценка — *тело*, конечно же, наше, условное, бестелесное тело, т. е. нечто не материальное, но содержательное. Шутки ради, обмен можно сравнить с фокусом, который сам

по себе есть ничто — просто фокус, а оценку — с реальным содержанием фокусного действия, т. е. с тем, что хорошо известно фокуснику и совершенно неизвестно зрителю. Обмен лишь проделывает оценочный фокус, а реальное оценочное действие выходит за рамки обмена и совершается по преимуществу не им.

Отсюда несчастливый для обмена вывод: с обмена все начинается в экономике, без обмена этой последней нет, но самое важное и интересное в экономике происходит не в обмене, а за его пределами. Одно дело быть первым, другое — важным. Оценка важнее обмена. Ею мы теперь и займемся, не забывая, конечно, об обмене.

Оценка. Это и факт, и процедура, и процесс. И результат. Итогом оценки, ее вершиной, является *цена*. Цена — завершенная оценка, правда, цена на обмененный товар. Любая другая цена — лишь предварительная, этапная, виртуальная цена, находящаяся еще в стадии оценки.

Оценка и цена. Первая определяет второе, второе завершает и оформляет первое. Цены нет без оценки, а оценка без цены — нонсенс. Заметим, что как бы они, т. е. оценка и цена, ни были связаны, это все-таки разные вещи. Хотя они относятся к одному и тому же, а именно — *ценообразованию*. Важно их не смешивать. Цена — только факт, а не процесс, а вот оценка — и факт, и процесс. И в *ценообразовании* решающий, ибо через оценку, ее реализацию, происходит и образование цены. Ценообразование нейтрально по сравнению с оценкой, ибо оценка — непосредственно созидательный акт, а *ценообразование* — размазанное действие. Образно, хотя и несколько грубо, говоря, *ценообразование* — это игра в мяч (футбол, баскетбол, волейбол), а оценка — забитый гол, мяч в корзине, удар через сетку, добывающий очко. Оценка — жало, впивающееся в вещь, ее обозначение, ее клеймо. *Ценообразование* — все, что вообще связано с оценкой, ее подготовкой и реализацией, с возникновением цены, с игрой цен, с маршем цены, с взаимодействием цен и оценок. В *ценообразовании* ничего особенно философского нет — это обыкновенная экономическая практика, не заслуживающая специального философского рассмотрения. Другое дело — *оценка*.

Оценка — *выстрел*. И в этом выстреле сразу все: как, с одной стороны, вся сжатая в точку вводная информация, так и, с другой стороны, вылетающая из точки разнообразная информация. А сколько в оценке

энергии — входящей и выходящей, а сколько вообще жизни — реальной и спрятанной!

Характерно, что оценка *субъектна* и *субъективна*, хотя при этом и *объективна*. Именно с кончика языка субъекта слетает оценка — как слово, неся в себе и объективность, и субъективность; и закономерность, и случайность; и возможность, и действительность; и виртуальность, и реальность. Да мало ли что: оценка — дело всего экономического (и хозяйственного также, если не вообще жизненного) космоса. *Космическое дело*. Субъективность оценки не мешает ее космичности. Субъект при этом — вовсе не только проводник космичности, ее микрореализатор, он и активный и заинтересованный участник события, способный вогнать в него и свой микрокосм.

Нетрудно догадаться, что оценка — *феномен трансцендентный*, даже весьма. А потому и не раскрываемый до конца, полностью не моделируемый, не конструируемый. Оценка — *весь*, и весть не элементарная, как и не скучного происхождения. Ее надо слушать, ею надо пользоваться, по возможности, и на нее влиять. Насколько позволяет весь оценочный процесс. Оценка никогда не бывает одна, сама по себе, сама из себя, сама к себе. Она всегда в мире оценок и всегда одна из этого мира оценок. Все оценки взаимосвязаны, опять же трансцендентно, они глядят друг в друга, входят друг в друга, соперничают друг с другом, контролируют друг друга, убивают друг друга, выручают местами, сотрудничают, ранжируются, бесятся... да мало ли что они вместе делают. Главное, что они *вместе*, во взаимодействии, в единстве. И цены тоже. *Ценообразование — трансцендентный микро-макро-процесс*.

Смешно, право, искать какой-нибудь общий закон оценок или общий закон ценообразования, как, к примеру, искать подобный закон словообразования или закон языка. Однако ищут и, надо заметить, находят, правда, ими — этими законами — никто на практике, слава богу, не пользуется. Оценки осуществляются в ходе реального экономического процесса, обладающего замечательным свойством трансцендентности. И заменить этот процесс нечем, да и не нужно его ничем заменять. Зачем, скажем, заменять чем-то жизнь, даже смертью или бессмертием? Глупо-с! А почему, спрашивается, процесс ценообразования, а это, повторяем, весь космически разворачивающийся экономический процесс, заменять

чем-то надуманным не глупо? Не логично.

И тем не менее хочется, очень хочется что-то знать о механизме оценок, о реализации ценообразования, о том, как все это в действительности происходит. Ничего плохого в таком стремлении нет, если не ставить перед собой задачи разложить все по полочкам и все разом выяснить, а потом еще и возжелать... все это точнехонько реконструировать.

А что же тогда остается? Очень мало. Мы мало что можем сказать о механизме оценок, о реализации ценообразования, не считая того, что и так хорошо известно каждому хозяйственному субъекту: цены в подавляющем большинстве должны превышать издержки, разумеется, выраженные также в ценах; ценами можно манипулировать в разных целях, но либо играя ими (фокусничая), либо — если всерьез — ограниченно; цену можно навязывать, но не до бесконечности, цена отвечает за цену; наилучшая тенденция для цены — вверх, хотя могут быть и исключения. Перечисление подобных сентенций можно продолжить, но не в этом дело: все это естественные житейские правила, каждое из которых, заметим особо, *не является абсолютным*. Вообще, не одно утверждение относительно оценок, ценообразования и цен *не является абсолютным*, кроме разве лишь самого факта оценок, ценообразования и цен.

И все-таки, может, цены должны все же чему-нибудь соответствовать? Должны. *Самим себе и обязательно все вместе*. Ничему другому цены соответствовать не обязаны. Соответствовать самим себе и обязательно все вместе — это очень и очень много, особенно, если принять во внимание, что цены могут и *не соответствовать самим себе, тем более все вместе*. Повторяем, ни одно утверждение относительно цен, их образования и участия в их образовании оценок, не является абсолютным. Более того, ценообразование как раз предпочитает сразу взаимное несоответствие цен, ибо ценообразование есть живой, ищущий, колебательный процесс, в котором соответствие естественным образом сочетается с несоответствием.

Конечно, цены должны быть *воспроизводственными*, причем во всех аспектах: воспроизводства каждого из агентов, воспроизводства самих цен. Ясно, что все должно воспроизводиться с помощью цен, а цены должны воспроизводиться вместе со всем. Однако и здесь нет

и не может быть «абсолютизма»: цены должны быть воспроизводственными, но могут и не быть таковыми, более того, должны быть и невоспроизводственными — хотя бы ради выбывания неудачников, структурных перестроений (во времена тех же кризисов), а также ради нововведений или каких-либо хозяйственных начинаний. Вот почему мы против поиска «золотых правил» для ценообразования, как и «золотых критерииев», по которым оценивать сами цены — как «нормальные» и «ненормальные», «правильные» и «неправильные», «естественные» и «неестественные» — в аспекте, естественно, их производства. Иное дело, оценить сами цены как таковые — с точки зрения, к примеру, их «нахальства», — что ж, это вполне возможно, но для этого не надо иметь никаких специальных абстрактных теорий — любая домохозяйка на все это прекрасно укажет и все замечательно объяснит.

Цена — вещь одновременно вольная и невольная. С одной стороны, цена как будто бы вольна, она, кажется, может быть любой, а с другой — ничего подобного, цена вовсе и не вольна, она обязана быть вполне определенной. Общественное ценообразование все это допускает и исполняет — волю и неволю. *Само ценообразование и есть основной закон ценообразования.* Цены бывают разные — на один и тот же товар, но они в то же время испытывают внутреннее — в ценообразовании — давление к каким-то мерам, которые цены, конечно же, нарушают, но которые и соблюдают.

Надо ли моделировать как-то ценообразование и рассчитывать правильные на все цены? *Нет, не надо.* Это вообще ошибка. Нет ничего такого, что можно было бы рассчитать и заложить в цены, тем более что цены всегда в динамике и общий состав цен все время меняется. Реальное ценообразование — замечательный (потрясающе замечательный!) трансцендентный механизм, который сам все и делает. Глупо, бездарно глупо, его не то что заменять, но даже моделировать.

Иное дело — участие в реальном ценообразовании, влияние на цены, наконец, просто та же политика цен. Все это возможно, но... до некоторых пределов, определяемых реальным ценообразованием, происходящим, кстати, в единстве со всем хозяйственным процессом, если не со всей жизнью. Не будем забывать о космосе — экономическом, хозяйственном, жизненном.

Оценка и цена, ее венчающая, — как мы изволили уже заметить, — имеет некое содержание, скажем, то же информационное, но не отраженное в величине цены, — величина есть всего лишь величина — сигнал, а сидящее где-то внутри цены и лишь определяющее ее величину. Такое информационное содержание не измерить, к примеру, в битах, ибо оно, во-первых, более качественно, чем количественно, во-вторых, практически бесконечно разнообразно, в-третьих, вообще не подлежит никакому измерению. Это есть некое сложное *ничто*, в котором все есть и в котором ничего нет. Ни разглядеть, ни пощупать, ни зацепить. Только чувствовать, да и то лишь шестым чувством — трансцендентным.

Но содержание есть, ибо откуда же тогда цена? Она ведь *что-то* обрамляет. И действительно, обрамляет. Свое, в ней находящееся, ее конструирующее. Так вот, это *что-то...* есть, по терминологии, принятой в теоретической экономии, не что иное, как *стоимость*. Не цена, а стоимость, т. е. нечто, в цене сидящее, ее как бы наполняющее, ее и определяющее. Это вовсе не одна из цен, скажем, правильная, естественная, нормальная, справедливая, средняя, равновесная, соответственная, общественная и т. д., и т. п., а именно содержание цены, ее нематериальная материя, ее невещественное вещество, ее, выражимся по-философски, *субстанция*. Это, пожалуй, лучшее выражение — субстанция, что как бы и вещество, и содержимое, и основа основ, и сущность. Субстанция — замечательное слово, многозначное и многосмысловое. Такое же, примерно, как мир, бытие, жизнь, хотя, конечно, поуже, попроще, попрямее, что не значит, разумеется, что не важнее.

Выходит, что оценка и цена не так уж и случайны, хотя и случайны тоже. Наполнение же идет — *субстанциальное*. А раз наполнение, то и процесс, действие, конструкция. Причем тайное, уму человеческому не доступное, более чудесное, чем практическое. Мгновенное. Мистическое. Однако и ответственное, реальное. Космическое. Сложное, очень сложное — и невероятно простое. Точечное. Все содержимое — точка, а в точке — все. Как это все понять, не свихнувшись?

А понимать надо. На то и философия, с трансценденцией дружная. Для философии все возможно — даже невозможное. На то и диалектика с полилектикой.

Цена обязана соответствовать стоимости. Она ей и соответствует,

но гибко, не в лоб. Двигаясь, меняя величину, колеблясь. Извиваясь. Не хочется цене соответствовать стоимости, а надо. И не потому, что стоимость бывает отличной от цены — такого просто не может быть, а потому, что стоимость и цены, как и их соответствие, рождаются вместе. Гуляние цены есть гуляние стоимости, но вместе они гуляют к... самим себе. Занимаются характерным для хозяйственной жизни *хождением*. Что ж тут плохого или неестественного? А то, что они идут в процессе хождения к самим себе, разве это предосудительно?

Стоимость и оценка, стоимость и цена. Без оценки и цены нет стоимости, ибо нет явления, в котором она содержится, как нет и величины, которой она представляется внешнему миру. Но и без стоимости нет оценки и цены, ибо нет той субстанции, которая их держит — на себе. Все тут взаимосвязано, что оригинальным никак не назовешь.

Однако... и тут просьба внимания... стоимость — *не только оценка и цена*. Вот-те раз, — воскликнет недоуменный знаток экономической теории, — а что же еще? Ответим: все то же самое, но не только... не только оценка и цена, а кое-что и еще, а именно, как внутреннее содержимое не цены, которая, конечно же, всего органичнее стоимости, а той вещи, на которую цена распространяется, т. е. *товара*. Почему товар называется товаром? Потому что обменен и оценен. Верно. Но и потому, что в нем сидит... *стоимость*. Не в цене товара, а в самом товаре, но, разумеется, через цену товара, с ее участием. Не в одной цене товара стоимость, но и в самом товаре. Очень важный вывод. Без цены нет товара, но и цены нет без товара. И оба эти феномена — товар и цена, чувствуют себя самостоятельными (в аспекте самовыражения) и тесно дружными благодаря единому для них феномену-субстанции — *стоимости*.

Еще выразительнее феномен стоимости проявляется в связи с деньгами. Ведь что есть деньги? Товар, один из товаров, всеобщий ценностный эквивалент и т. д. Что это значит? Это значит, что перед лицом всех товаров вообще есть товар, который в силу своей особой роли по отношению ко всем товарам способен непосредственно представлять собою стоимость, необходимую для выявления стоимости всех товаров одновременно и сразу. Именно в деньгах выражается цена, что и говорит как раз о том, что цены и стоимости всех товаров, точнее, их величины, обозначаются и даже измеряются деньгами.

Стоимость денег, их цена служит определению стоимостей и цен всех товаров.

Деньги сами по себе, во всяком случае в покое, не имеют никакой стоимости. Стоимостью они наполняются в отношенческом движении вместе со всеми товарами. Только выполняя свою функцию выражения и измерения стоимостей и цен товаров (всех сразу), деньги и обретают стоимость (и цену). То, что цена денег формально и изначально назначается (тем же государством), ни о чем не говорит — в аспекте обретения ими стоимости, ибо это назначение должно получить реальное подтверждение в реальном обменно-оценочном процессе, — и это подтверждение деньги получают, правда, какое в итоге — с точки зрения их реальной, а не номинальной, стоимости? Ясно, что *другое*, ибо государство просто не может угадать со стоимостью денег — определение стоимости вообще является делом реального товарооборота, реального хозяйственного процесса, реальной жизни.

Деньги — стоимость, но, что особенно знаменательно, как бы стоимость сама по себе, непосредственная стоимость, стоимость как таковая. И именно «как бы», поскольку, повторяем, стоимости без реальных обменно-оценочных отношений нет и быть не может, даже для денег. Стоимость всегда есть нечто возникающее, рождающееся, сиюминутное, что не значит, что стоимость не может «храниться» — может, но при условии продолжения обменно-оценочного процесса и нового рождения «хранящейся» стоимости (естественно, если надо, то и с новой величиной стоимости и цены). Абсолютной стоимости нет и быть не может. Всякая стоимость относительна. Она выходит из отношений. Всякое складывание стоимости, к примеру, есть всего лишь суммирование показателей действующей стоимости, а не действительное соединение стоимостей в единую субстанциальную массу. Такой массы, строго говоря, нет и быть не может. Стоимость, кстати, *вообще не имеет массы, а имеет лишь объем — показательный (в цене) размер*. И все.

Однако не совсем все. Приходится снова убеждаться в том, что абсолютных утверждений здесь — в царстве трансценденции — не бывает. А та же сумма денег, разве это не сумма стоимости, не ее масса? Нет, не масса в буквальном смысле, как масса того же вещества, это все-таки не более чем объем, но объем и в самом деле суммированный —

опять же по показателю стоимости — по цифрам. Всякая сумма денег — сумма цифр, и только. Но за этой суммой может скрываться вполне реальная стоимость, ибо эта сумма есть сумма непосредственного представителя стоимости, ее чистого воплотителя — денег. Здесь возможно складывание и раскладывание стоимости, ибо здесь стоимость как бы сама по себе, без распределения по товарам. Сумма денег — сумма стоимости. Такую возможность стоимости, заключенной в деньгах, дают деньги с их особой по отношению ко всем товарам функцией.

В деньгах — стоимость, непосредственная стоимость. Операции с деньгами — операции непосредственно со стоимостью. Очень важный момент. Владея деньгами, хозяйствующий субъект владеет стоимостью и непосредственно ею оперирует. Складывает деньги, отправляет по назначению. Заметим, что экономический субъект вообще ничего не может без денег: ни купить что-либо, ни дело открыть, ни произвести товар, в общем — ничего! И это страшно важно. Без денег жить нельзя на свете, в первую очередь, на хозяйственном. Без денег — труба! С денег все в экономическом мире начинается, и все в этом мире заканчивается. А капитал — с его формулами $D \rightarrow D'$, $D \rightarrow T \rightarrow D'$? Эти формулы прямо и указывают на фундаментальную роль денег, как и на то, ради чего вообще существует капитал. Совершенно верно, ради возрастания денег ($D' > D$), а лучше сказать — стоимости. Почему же лучше? А потому что в этом движении участвуют не одни деньги, а товары, в том числе и такой товар, как труд (трудящийся, работник). В этом движении происходит превращение форм стоимости, ее воплощений: то стоимость в форме денег, то в форме товара; то в форме инвестиций, то в форме прибыли; то в форме сырья, то в форме товара; то в форме издержек, то в форме цены... Капитал — *возрастающая стоимость*, а в силу некоторой таинственности этого возрастания — *самовозрастающая стоимость*, хотя стоимость сама по себе, без превращенческого движения, без производства и реализации товара, без какой-либо отношенческой акции, без хозяйственно-экономического процесса, наконец (той же перепродажи товара), не увеличивается. Стоимость возрастает только в деле, посредством дела, деловым образом, — через взаимодействие, если хотите, с *нестоимостью*, т. е. с продуктом, трудом, природой, т. е. со всем

тем, на чем держится не собственно экономическая, а вообще хозяйственная жизнь, как и сама по себе жизнь (вот еще доказательство в пользу смыслового разделения хозяйства и экономики, как и понимания хозяйства как жизни).

Теперь самое время сделать очередное весомое заключение: мы видим, что собственно экономическим содержанием экономического, экономической подоплекой экономического хозяйства, экономической субстанцией экономики является не что иное, как *стоимость*. Даже при первом приближении заметно, что стоимость есть что-то гораздо более солидное — по смыслам, положению и роли, чем тот же обмен и даже оценка. Выше мы ушли от несчастного обмена, без которого нет экономики, и перешли вожделенно к оценке (и цене), затем, и в ней «разочаровавшись», как и в обмене, отдали предпочтение уже *стоимости* — чему-то, заметим, внутреннему, скрытому, эзотерическому. И это внутреннее, скрытое, эзотерическое, а одновременно и содергательное, сущностное, трансцендентное нас *вполне* устраивает, гораздо более устраивает, чем хорошо различимые обмен и оценка (цена), а равным образом, что не-трудно здесь добавить по смыслу, и деньги, и капитал. Нас устраивает глубинное и общее, даже всеобщее, ибо нет в экономике ничего экономического, что не было бы *стоимостным* (берите хоть процент, хоть ренту, хоть ценные бумаги, хоть налоги, хоть бюджеты, хоть... ресурсы, факторы, субъекты... да что угодно, все, все будет *стоимостным*).

Экономика обладает своей специфической субстанцией — *стоимостью*. Эта субстанция особого рода, она не то что не вещественна, не то что материальна, но даже и... кто ж знает, из чего состоит эта субстанция, разве лишь из духа? И действительно, мы не можем ничего удовлетворительного сказать о субстанции субстанции, той субстанции, которую мы называем стоимостью. То, что стоимость сама есть субстанция — для всего в экономике, мы это знаем и утверждаем, а вот относительно субстанции самой стоимости... Тут — молчок, сказать нам нечего. А может, и вовсе не случайно? В самом деле, а есть ли она, эта субстанция субстанции, если, конечно, это не просто дух? Так вот, отвечая на этот вопрос, мы приходим к утверждению, что *никакой субстанции стоимости (или для стоимости) нет и быть не может*. Всякая такая субстанция, которую можно как-то уловить, взвесить, измерить,

просто лишена смысла существования. Стоимость есть *отношение*, и рождается стоимость из *отношения — обменно-оценочного отношения*. О какой же субстанции самой стоимости (для самой стоимости) можно тогда говорить?

Стоимость есть одновременно *субстанция, отношение и оценка* (обменом можно пренебречь, так как отношение и оценка подразумеваются в нашем контексте и обмен). Стоимость — *триипостасный феномен*. Четвертой ипостаси тут не надо, но зато и двух мало, а вот три — в самый раз. Ни одну из трех не выбросить, не заменить. Полный и достаточный набор. Целостная сложность. *Триада*.

Стоимость не нуждается ни в какой иной по природе субстанции, чем сама стоимость. Отсюда всякие попытки определять стоимости товаров, их как-то рассчитывать суть не более чем заблуждение, хотя это заблуждение и длится столетиями. Не только не нужно считать стоимости, но не нужно даже и воображать себе, что они-де имеют субстанцию (некий материал), которую можно хотя бы представить улавливаемой и рассчитываемой, представить для того, чтобы строить соответствующие этой посылке теоретические конструкции. Что из таких попыток получилось, а точнее, что из них не получилось, мы хорошо знаем: *ничего не получилось*. Стоимость как не считалась, так и не считается.

И от того, что она не считается, т. е. не дается ни в руки, ни в уме для расчета, нельзя делать выводы, что ее и нет вовсе, что идея стоимости — идея надуманная и пустая, к тому же и бесполезная. Так и поступила наша славная экономическая теория, выбросив стоимость за порог, так ничего в ней и не поняв. Что ж, нам не привыкать: сначала искали субстанцию стоимости, чтобы правильно рассчитывать все и вся, как и объяснять; затем, не найдя этой проклятой субстанции, выкинули вообще стоимость из головы, поставив на ее место, к примеру, какую-нибудь предельную цену, тоже впрочем не более понятную, чем субстанциальная стоимость. Одно бессмысленное — на другое бессмысленное. Зато головы заняты, лекции читаются, деньги идут. И опять же все интересно: поди-ка пойми непонимаемое, разберись в неразбираемом, покопайся не в копаемом. Фокус, он и есть фокус.

А почему все это происходит? Нет, не от злого умысла, даже от доброго, но... без учета сложной, эзотерической, трансцендентной

природы хозяйственного мира вообще и экономического мира в частности. Это миры не механические, не машинные, не поверхностно-функциональные. Тут не то что механика, а даже и синергетика не поможет, хотя она и ближе подходит к пониманию природы этих миров. Синергетика лучше механики, но это все-таки механика, пусть и допускающая неопределенность, самосостоятельность, даже закрытость. Мир все равно сложнее и загадочнее, чем это может предположить синергетика, все еще пытающаяся его моделировать. Общение с таким миром более по силе философии, чем любой из наук, пусть и с синергетическими заходами.

То, что стоимость, по сути, *тайна*, вряд ли стоит здесь доказывать. Если оценка — тайна, то что говорить о стоимости? Нам ничего не остается, как объявить стоимость феноменом трансцендентальным, хотя это и не значит, что мы его считаем совсем уж потусторонним. Нет, он наш — этого мира, но он настолько сам по себе, настолько там, в плохо проглядываемой глубине, настолько недоступен для внешнего обозрения, что мы вправе обозвать его именно трансцендентальным. Признав это, мы сразу признаем очень многое — все смысловое и функциональное богатство стоимости, все ее значения, всю ее роль.

А зачем, собственно, настаивать на стоимости, крутиться около нее, загадочно о ней говорить? Не лучше ли, право, обойтись без нее? Считать мы ее не можем, ибо она сама себя считает прекрасно; за хвост тоже ухватить не можем — никак не дается, хоть убейся; объяснить до конца — тем более. Да, все это мы не можем проделывать со стоимостью, ну и не надо. И не потому, что сама стоимость в этом не нуждается, а потому, что и мы сами в этом не нуждаемся. Мы нуждаемся в другом — в признании стоимости, в ее трансцендентном понимании, а также в использовании этого феномена-идеи для познания мира, в котором действуем, хозяйствствуем, живем. Разве плохо, к примеру, сознавать, что *это* делать можно и нужно, а вот *этого* делать «не можно» и не нужно? Например, рассчитывать все цены по всему хозяйственному пространству; или «морозить» их нещадно, или подгонять упорно подо что-нибудь... Разве это плохо — не делать ненужного и плохого? И если стоимость облегчает понимание этого, так почему же не быть ей — стоимости?

Тогда что же, выходит, что стоимость просто удобный миф? Возможно, а что тут, собственно, плохого? Пусть и миф, если он удобен, если он полезен, если он работает. Однако стоимость все-таки не миф, точнее, одной стороной, которой она сидит в нашей голове, т. е. интерпретационной, она, быть может, и миф, а вот другой, повернутой к реальности, она вовсе не миф. Стоимость — реальность, если, конечно, за реальностью признавать и право на ирреальность, во всяком случае, на что-то не-совсем-понятное, не-совсем-доступное, не-совсем-реальное, на что-то скрытое, тайное, трансцендентное. Впрочем, стоимость в любом случае реально есть, ибо есть экономика — это сдобренное неприродным эликсиром хозяйство. И не является ли этим эликсиром наша замысловатая стоимость?..

В том-то и дело, что является. Да, обмен, да, оценки, да, все остальное, что есть в экономике, но всего этого мало — без стоимости остается что-то неясное, невыявленное, неосознанное, остается какая-то пустота, — нет, не тот вакуум, что полон смыслов и жизни, а совершенно мертвая пустота, над которой экономика как бы зависает, не имея собственного сущностного содержания, на котором экономика поконится и которым питается.

Но проблема здесь еще сложнее. Без стоимости, ее субстанциальной, но собственно субстанциальной трактовки — как самостоятельной субстанции — остается нераскрытой очень важное в природе экономики — ее непреодолимая двойственность, когда экономика есть одновременно хозяйство людей и хозяйство какой-то там субстанции-духа — *стоимости*. Стоимость везде и всюду, она все и вся опосредует, все определяет, у нее до всего есть дело. Она все представляет, все дублирует, от всего получает информацию и всему дает свою информацию. Она не просто везде участвует, она всюду организует, всех и вся наставляет, на всем настаивает, управляет. Экономика — хозяйство не просто стоимостное, со стоимостью, но это *хозяйство стоимости*, когда сама стоимость и есть, быть может, основной хозяйствующий субъект. Сначала стоимость, ее воспроизводство, ее хозяйствование, а потом уже все остальное. *Господство стоимости*. А ведь стоимость — субстанция. *Работающая субстанция*. Умная, изобретательная, творческая. *Организменная*.

Человек хозяйствующий — не раб стоимости, но и ее раб. Даже когда он сам не поклоняется деньгам, товарам, обмену, богатству. В условиях экономики человек становится *стоимостным человеком* — во всех отношениях: он вынужден иметь дело со стоимостью, как вынужден с ней и считаться; он вынужден думать по-стоимостному и поступать стоимостным образом; он и сам наполняется стоимостью, становясь одним из ее воплощений (будучи хоть продаваемым рабом, хоть свободным предпринимателем). Нет, человек не пассивен перед лицом стоимости, но он активен по-стоимостному, вообще так активен. А что ему остается? Считать и считать. Быть реализатором и рупором стоимости. Быть ее агентом, этой, повторим еще раз, какой-то там субстанции.

Не будем преуменьшать самостоятельность человека как человека, но не будем ее и преувеличивать. Нет субъекта, свободного от стоимостной паутины, как и нет субъекта — в рамках экономики, — стремящегося от нее избавиться. В науке, идеологически — это, пожалуйста, а вот практически, в жизни — вопрос. Нет такого субъекта и быть не может. Более того, экономический субъект предпочитает в стоимости просто купаться, ею дышать, ею жить — в каждое мгновение своего хозяйственного и вообще существования.

Стоимость. Любопытнейшее, надо заметить, словечко. Русское словечко. В самом деле, что значит «стоимость», коли это слово родственно таким словам, как стойкий, стан, стоящий, стоящий и т. д., наконец, и просто сто..? В любом варианте что-то солидное, важное, прочное, весомое, фундаментальное, целостное. *Стоит* значит *стоит*. Ответственное. Разумеется, не сегодняшние дымные стоимости, а тогдашние, древние — на самом деле стойкие, заслуживающие доверия, способные к обмену, к оценке. Оценка, кстати, со своей ценой, центом, сотней (поплатински — cent), тоже ведь близка к стоимости — как к слову. И все это, надо полагать, не случайно. Обмен когда-то покоился на чем-то серьезном, как и на самом обыкновенном стоянии — раз товар остался на месте, а не унесен, значит, есть согласие на пропорцию обмена — древние продавцы-покупатели не гадели друг другу в лицо, а степенно (стоимостно) удалялись друг от друга — во взаимном доверии, позволяя спокойно поразмышлять, посоветоваться, постоять. Вот вам и *стоимость*, сколько в ней смысла! Мы, конечно, не можем точно так же понимать сегодня

стоимость, но все равно ее прошлое — словесное — очень интересно. Как-никак, а стоимость чего-либо, т. е. цена, все-таки стоит и стоит, запечатленная. Фиксация есть фиксация. Как же без «ст»?

И опять же это «ст»: можно, конечно, не обращать внимание на эти две совмещенные буквы, на эту литерную конфигурацию, на этот знак, но а если обратить да задуматься, то получается весьма интересный густок разного смысла. Так «с» означает охватное движение, с началом и концом, но без полного замыкания, т. е. как вечное движение, однако на себя сориентированное, что, согласимся, имеет символическое отношение к бытию стоимости, а вертикальная палочка от «т», т. е. «—», означает как бы ось, упор, ударение, в то же время и некое замыкание, доминирование, решение, что тоже весьма характерно для стоимости, управляющей экономическим миром, его определяющей, а вот горизонтальная палочка от «т», т. е. «|», означает, надо полагать, некое завершение, крышу, опеку, что тоже свойственно стоимости, властвующей над экономическим миром и от себя его не отпускающей. Фантазии, — скажет скептик, — на что мы ответим: фантазии, но зато *какие!*

Стоимость бытует в экономике в двух функциональных образах — в *микро*-образе и *макро*-образе. В первом случае образом стоимости служит непосредственно цена или какая-то сумма, она же и доля — от всей массы денег. Во втором — сумма цен по всему хозяйственному пространству или соответствующая ей масса денег (не денег, которые обращаются, а именно денег, соответствующих всей обращающейся товарной массе). И если в микрослучае все более или менее понятно — цена есть цена, хотя и часто как-то мелькающая, а какая-то сумма денег в руках экономического субъекта, даже возрастающая как капитал, есть не что иное, как сумма денег. Проблем здесь особых нет, за исключением источника возрастания микростоимости, но это особый вопрос — решаемый, но здесь нами не затрагиваемый. Проблемы начинаются при обращении к макростоимости. Во-первых, что есть, собственно, сумма цен, если ее вообще можно как-то подсчитать. Допустим, просто какая-то абстрактная сумма цен, кстати, постоянно меняющаяся (динамика цен, инфляция, влияние валютных курсов и пр.). Но что значит сама эта сумма, если стоимость вообще относительный феномен, хороший только в сравнительном отношении (один товар, к примеру, значит в обществе

больше, чем другой и т. д.)? А абсолютная сумма, так сказать, микростоимостей, что это такое? Вся общественная стоимость или просто арифметическая сумма цен? И вот выясняется, что все-таки второе — просто сумма цен. Ибо общественная стоимость имеет ту особенность, что, существуя как некая работающая совокупность микростоимостей и как целое, она совершенно безразлична к своей величине, так как какой бы такая величина ни была, она все равно соответствует 100% своего объема. Массы стоимости нет, но есть ее объем, и для макростоимости он как бы всегда равен 100%. Ценовое выражение макростоимости может меняться, но объем ее от этого не увеличивается. Стоимость не абсолютна, а относительна. Но лишь на микроуровне. А вот на макроуровне никакого такого стоимостного соотношения нет — тут нечему к чему-либо сравнительно соотноситься. Вот такая она, *стоимость*, этот воистину поразительный сущностный феномен экономики. А учитывая вездесущность стоимости, ее глобальную функциональную роль, ее полное соответствие всему хозяйственному процессу, наконец, как бы и *второе бытие* хозяйства — в стоимостном уже воплощении, можно вполне логично пойти на следующее утверждение: *стоимость — это экономика, а экономика — это стоимость!*

Лекция восьмая

Деньги

Удивительная вещь эта — деньги! Они хоть и на поверхности, и среди нас, и в наших руках, но они не менее трансцендентны, чем стоимость — сама по себе нам и не являющаяся. Стоимость только показывается — в тех же деньгах, как и в той же цене, но сама по себе она не является. Однако и видимое, даже осязаемое, может быть по-своему трансцендентным и не может быть понятым вне своего трансцендентного свойства.

Деньги — тайна! Конечно, не настолько, чтобы не знать и не узнавать их, но ровно настолько, чтобы до конца не раскрыть их содержания, внутренний мир — своеобразный внутренний космос. Нет, не надо бояться ни утверждать тайну денег, ни говорить об их внутреннем космосе. Деньги хоть и не живое существо, но... существо среди живых существ,

обладающее поэтому и как бы свойством жизни. В силу взаимодействия с людьми, по причине бытия в обществе, деньги в чем-то сравнимы с живым существом, имеющим и космическую — космообразную — реализацию.

Разумеется, деньги, как и все в этом мире, космичны в двух аспектах — внутреннем и внешнем, о чем у нас еще пойдет речь.

А пока — деньги как деньги. Что это такое? Любопытно, что никому из людей, даже малолеткам, не нужно никаких на этот счет объяснений — и так все ясно. Деньги, — ответят нам даже трехлетние, — это деньги... на которые можно все купить и с которыми очень хорошо. Кто не любит денег? Все любят, и с деньгами действительно очень хорошо. Нужно ли тут что-либо добавлять? Практически нет, хотя мы можем сказать, конечно, что это средство не одной покупки, но и продажи, что цены выражены в деньгах, что деньги даются взаймы и в рост, что их можно и полезно накапливать, что деньги можно обменять на другие деньги. Это нам, кстати, скажет и любой школьник. Знание о деньгах, заметим, на редкость органическое знание — как бы даже врожденное. И тут действительно не нужно особых разъяснений — любой школьник спокойно выведет вам, — конечно, по-своему, — все основные функции денег: меры цены, средства обмена, средства платежа, долгового средства, средства накопления, средства капитала, средства валютных отношений. Скажите, что здесь не ясно, — надо полагать, все здесь вполне понятно. Даже учебников читать не надо, которые, как правило, не столько проясняют суть дела, сколько запутывают.

Функции денег лежат, что называется, на поверхности — их и отыскивать не надо. Но совсем другое дело — природа денег, их бытие в обществе, сама возможность деньгам быть деньгами, как, разумеется, и поведение денег, их собственная ценность, их масса в обращении, а также все в целом, что несут деньги в хозяйство, общество, культуру, цивилизацию, человека. Здесь все сложнее, гораздо сложнее. Воззренческое описание денег — совсем иная задача, она посильна только тем людям, которых принято в обществе называть учеными, философами, мыслителями. Это даже не дело специалистов, каждый день профессионально общающихся с деньгами, ибо и они, зная гораздо больше о деньгах, чем обыкновенные ими пользователи, могут не все улавливать

в деньгах, в особенности, в недоступных для прямого наблюдения сферах. Гносеология денег — особое обобщительно-проникательное занятие, которое под силу не столько собранным и эффективным профессионалам, сколько рассеянным и бесполезным мудрецам.

Деньги. Деньги — вещь. В полном смысле слова — вещь. Не живое вовсе существо, но нечто, явно вещающее. Разве мало всякой информации, если не просто сведений, дают нам деньги: нет денег — нет жизни; мало денег — нет красивой жизни; много денег — нет спокойной жизни; хочешь денег — действуй (хоть воруй!); крепкие деньги — хорошо, стабильно, расчетливо; худые деньги — плохо, беспокойно, боязно, и т. д., и т. п. Деньги чрезвычайно красноречивы. Золотые деньги, как было совсем недавно, — здорово, бумажные — не очень, американский доллар — хорошо, итальянская лира — похуже. Береги золото, имей доллары, избегай лиры. А как, скажем, с умом деньги тратить: сколько тут раздумий, расчетов, арифметики? Деньги информируют, деньги требуют, деньги определяют. Есть деньги, становись покупателем, вкладчиком, а то и предпринимателем — при, так сказать, лишних деньгах. Нет лишних денег, а все равно отдай — налоги государству, — лучше меньше, чем больше. А на работу наниматься, о зарплате думать, о профессии, об образовании. Что ни говори, а деньги «речисты», — сколько они всего сообщают, на что только не ориентируют, чему только не служат. Говорить об этом можно бесконечно, но нет никакого смысла, — тут все и так ясно. Деньги — большой смысловой феномен.

Мы коснулись лишь внешней — функциональной — стороны денег, да и то не в полном объеме, — лишь с позиции обывателя на них немного посмотрели. И то сколько всего увидели. А ведь смысла всякого в деньгах куда как больше.

Возьмем ту же природу денег. В самом деле — что есть деньги и откуда они? В чем суть денег — как феномена социохозяйственной жизни?

То, что деньги вещь, — даже в случае их чисто идеального бытия, например, в уме, — это понятно, как понятно и то, что это вовсе не простая вещь, а вещь активно действующая и вещающая. Однако почему же эта вещь именно вот такая — с богатым внутренним содержанием и не менее богатой внешней деятельностью?

Думается, нет необходимости доказывать, что все это не от вещных свойств самой этой вещи (об удобствах той или иной вещи в роли денег мы здесь не говорим — это для нас не существенно). Не от вещной природы природа денег как денег. Нетрудно установить, что природа денег как денег имеет социальную, а не какую-нибудь еще, природу. Так решил человек хозяйствующий, так решило общество хозяйствующее, так решила сама социо-хозяйственная жизнь. В разделенном хозяйстве, основанном на товарообмене, должна непременно появиться вещь с функцией денег, — и эта вещь непременно должна быть товаром, способным достаточно уютно чувствовать себя в товарном мире, т. е. быть достаточно ходовым, если не просто юрким, товаром, таким товаром, который может обмениваться на любой другой товар, по необходимости накапливаться, легко делиться и складываться, быть единицей и быть массой, сразу не исчезать, уметь сохраняться. Вот тут-то и потребны особенные качества этого товара как вещи — но не более того. Все остальное — от социума: человеческого и вещно-товарного (не надо удивляться вещно-товарному социуму, ибо вещи-товары наделяются людьми и обществом социальными функциями и даже правами).

Деньги выходят из общества, они прежде всего социальный феномен, они выполняют социальные функции, с их помощью реализуется общество — хозяйствующее общество. Ни одна вещь сама по себе деньгами не является. Деньгами становится вещь, в которую как бы вдувается социальная душа, ее оживляющая, превращающая в активный элемент общественно-хозяйственной жизни. Деньги это сначала социальность, а затем уже вещность. Сначала «социализация» вещи, а затем — овеществление («оденеживание») социума.

Денежная функция делает деньги деньгами, а не деньги рождают денежную функцию. Не функция из денег, а деньги из функции.

Деньги — товар, но товар особого рода — всеобщий эквивалент. Неплохо сказано. Деньги везде и всюду, сиюминутно и всегда. Они действительно нечто всеобщее, в пространстве и во времени, ко всему и вся имеющие касательство, ничего не оставляющие без внимания. Всеобщность денег поразительна. Ничего в экономике не происходит без денег (разве лишь в порядке исключения, как какой-нибудь бартер, т. е. безде-

нежный обмен товарами, да и то весьма условно, ибо каждый из бартерных товаров служит другому неразвитыми, но деньгами, т. е. всеобщим эквивалентом; а сколько-нибудь развитый бартер сразу же переходит к деньгам — пусть и как бы неполным, т. е. квазиденьгам). Нормальная экономика всегда с деньгами. Экономика вообще — хозяйство с деньгами, более того — денежное хозяйство, а лучше сказать — оденеженное хозяйство (осчастливленное деньгами, ими обремененное, как, разумеется, и опутанное). Без денег нет экономики.

Но этого мало. Деньги не только посредник в товарообмене, не только средство меры (измерение) цены, не только участник и облегчитель купли-продажи, не только стоимостное сокровище, т. е. накопитель стоимости. Все это так, это хорошо известно, в этом никто не сомневается. Но у денег есть еще та замечательная роль, на которую обычно меньше обращают внимание, но которая, по сути, даже более значима, а именно: начинать и завершать экономическое хозяйствование, а соответственно реализовывать тем самым и в целом общественное хозяйство. Экономика не просто функционирует с деньгами и с их помощью, экономика начинается с денег и ими же завершается (в аспекте достигаемого результата). Попробуйте в экономике что-нибудь начать без денег. Ничего не получится. Конечно, гипотетически рассуждая, можно пойти в лес, набрать грибов и их продать. Это так. Но откуда у грибника, к примеру, портки и рубашка, лукошко, еще и шляпа и т. д. Откуда? Оказывается, что он их ранее все-таки купил — за деньги. Так что все равно его действие как грибника начинается — в какой-то предшествующий момент — с денег.

А вот если ничего не выдумывать, то получается следующее: никакое действие в экономической среде нельзя совершить не просто без денег, а без денег в самом, так сказать, начале этого действия. Сначала деньги, потом действие, затем продажа результата действия (товара), потом возврат денег (что и знаменует собою завершение экономического действия). Деньги в начале и деньги в конце. Ничего другого быть и не может.

Выходит, что хозяйствование и хозяйство уже в своем начале обусловлены деньгами. Очень важный вывод. Задумаемся, не где-нибудь, а именно в начале. Нет денег — нет экономики. Не экономики нет без денег, что и так понятно, а нет денег — нет экономики. Согласимся,

что эти две сентенции — весьма разные по смыслу и значению сентенции: одна утверждает, что экономике нужны вообще деньги, а вторая — что экономика изначально зависит от денег, их наличия — и не совсем уж в их посреднической роли, так как начало есть начало, хоть в общем движении экономики оно есть и момент посреднический. Начало — исток, изведение, извлечение. И получается, что экономика, а следовательно, и хозяйство, истекают, изводятся, извлекаются... из денег. Вот тебе и посредничество! Тут уже что-то и в самом деле серьезное. Обратим на это внимание, это пригодится — как в познавании экономики, так и, при случае, в участии в ней.

Хитрая здесь получается вещь: деньги порождаются экономикой, а экономику рождают деньги. Здорово, не правда ли? Нет денег, нет экономики, нет хозяйства, нет занятости, нет жизни. Разве не приходится слышать, что нет производства, потому что нет денег (у хозяина, у фирмы, у государства)? Наверное, приходится. Все бывает налицо: факторы производства, люди, знания, навыки, таланты, а вот производства нет, так как нет, видите ли, денег. И это, конечно, не случайно, ибо деньги в экономике действительно в начале экономики, — и не только поэтому деньги из экономики, но и экономика из денег, а соответственно и вся жизнь.

Вот и люби тогда деньги, вот и виляй хвостом перед теми, у кого они есть, вот и плати им денежной же преданностью, т. е. неси им денег больше, чем взял — на время (помните недавние российские 100, 150 и 200% годовых, а разве нынешние 25% такие уж маленькие?). Деньги в экономике — всему голова!

Отметив это, задумаемся над мерой самих денег, их ценностью, их ценой. Почему, собственно, деньги имеют возможность быть всеобщим мерилом стоимости, откуда у них такая способность? Ответ здесь только кажется простым, а на самом деле все не так уж и просто: наука до сих пор все решает и решает эту задачу. И ничего удивительного тут нет: деньги — «штучка» трансцендентная. И мы сейчас это увидим.

Отложим пока современные — бумажно-эфирные — деньги, а приглядимся повнимательнее к деньгам ранее бывшим, а именно, к золотым деньгам (в роли денег могут оказаться разные вещи — раковины, дощечки, камешки, скотина, как и металл тут может быть разным —

медь, железо, серебро, различные сплавы, но лучше всего деньги были всегда материально выражены в золоте, — хорош металл, что говорит, самый подходящий, хотя он и не везде и не всегда в достаточной мере наличествовал).

Золото. Золото как товар, золото как деньги. Если золото — товар, то у него может быть и своя цена. А раз есть цена, то есть и возможность быть деньгами. Цена золота. Цена как цена, но и не совсем как цена. Почему? А потому что золото обменивается на все товары, и цена всех товаров выражена в золоте, в его весе, а не как-нибудь еще. Отсюда загадка: цена-то цена, да вот прямо-таки весовая цена, а не какая-нибудь названная. Так или иначе, но встает вопрос об относительной хозяйственной значимости, а соответственно о стоимости, ценности, цене весовой единицы золота — того же грамма. Сам по себе вес — не стоимость, он всего лишь знак стоимости, ее измеряемый представитель (заметим, что стоимость является у нас не только в цене и деньгах, но и в весе металла, играющего роль денег). От веса стоимости не получить, — уже хотя бы потому, что стоимость относительна и возникает в отношении, а лучше сказать — в мире отношений, в отношенческом космосе, в социуме. Социум, его жизнь, делает золото деньгами, а соответственно дает золоту цену, а не что-нибудь иное. Выходит, что золото должно находиться в движении, в обращении, в обороте — среди всех товаров, — и только тогда оно может обрести цену и стать деньгами. Что ж, как обычный товар золото, безусловно, имеет цену. И тогда следует неизбежный вывод: цена золота-денег есть цена золота-товара (обычного товара). Вывод неплохой, но он не учитывает того важнейшего обстоятельства, что золото может быть обычным товаром, точнее, только обычным товаром, ибо потребность в нем не только золотая, но и денежная. Товарная цена золота — товарная цена, но все-таки не совсем обычная товарная цена, а цена, скорректированная на денежную функцию золота. И к пониманию-объяснению данной цены нельзя подходить с теми же соображениями и мерками, что и любой другой цены.

И вот тут-то нам нужно немного поговорить о ценообразовании вообще, начав с ценообразования на любой вообще товар.

Здесь мы столкнемся с массой трудностей, ибо ценообразование

вообще не имеет никаких строгих закономерностей, а уж тем более точных механизмов, которые лишь надо хорошо описать. На всякое утверждение мы тут же обнаружим контраргумент, поощряющий прямо противоположное утверждение. На всякий пример из жизни мы легко найдем контрпример. На всякую глубокомысленную оговорку мы получим другую — столь же глубокомысленную. При попытке найти какое-нибудь правило, мы тотчас же обнаружим, что есть масса исключений, не столько его подтверждающих, сколько опровергающих.

Хаос? Нет, не хаос. Но и не привычный порядок, во всяком случае, не механический порядок. Стохастика? Пожалуй, но сложнее вероятностных процессов, хотя и строже чистой случайности. Стихия? В какой-то мере, да, но стихия умная, решающая задачи, достигающая результатов, т. е. внутри себя как бы и упорядочивающаяся. Синергетика? Да, конечно, но вряд ли соответствующая до конца и в главном той, которую так усиленно пропагандирует наука.

Здесь нам нужно осознать что-то очень важное — саму природу экономики, имманентного ей механизма. Экономика — космос, но, разумеется, специфический. Его специфика... в нем самом. Глупое довольно-таки утверждение, не правда ли? Но что нам делать, если экономика это не рынок и не конкуренция, как и не хаос, не стохастика, не стихия и не синергетика, и уж тем более не механика (никакая, даже самая утонченная и самая неопределенная), — экономика... всего лишь... экономика, и хотя в ней присутствует что-то, характеризуемое вышеупомянутыми словами, даже механика, но ни к чему к этому, даже в полном наборе, экономика не сводится и органично этим не обозначается. Когдато надо все-таки признать за экономикой право быть самой собою, т. е. экономикой, а не чем-то там еще. Разве так уж плохо данное утверждение-обозначение: экономика? Что тут в самом деле плохого? Если, конечно, понимать мало-мальски, что за этим словом стоит — по содержанию, по существу. А стоит за этим словом стоимость (заметьте, стоимость стои-т), та самая трансцендентная субстанция (обратим внимание на суб-стан-цию — опять стоя-ние), которая есть одновременно, как нам уже известно, еще и отношение и оценка. Экономика к стоимости полностью не сводится, но большой смысловой натяжки нет в таком понятийном равенстве: экономика — это стоимость.

Экономика — огромное, скрытое, само себе соответствующее, трансцендентное счетно-решающее устройство, активными элементами участниками которого являются экономические субъекты и экономические объекты (товары, деньги), обладающие к тому же и субъективными свойствами, как и дарующие субъектам свои объективные свойства. Информация вырабатывается в таком устройстве по всему социохозяйственному полю, гуляет туда-сюда, обрабатывается, воспринимается, переходит в решения, — и среди этих решений есть и решения о ценах. Решения (а решение вообще от речь, изрекать, словесничать). И об этом никогда не надо забывать: цены производятся (экономика — производство цен) по всему экономическому полю и производятся субъектами (с участием объектов — товаров и денег). Цены не возникают сами по себе — они есть субъектный продукт, как, собственно, и любой другой продукт в обществе. Цены, разумеется, объектно и объективно, если хотите, обусловлены, но это не мешает им быть субъектными и субъективными. Цены, в конце концов, созидаются людьми, находящимися между собой в обменно-оценочных отношениях. Иного варианта нет и быть не может. И здесь особое значение принадлежит тому феномену-действу, которое мы называем оценкой.

Оценка. Как она происходит? А кто ж это знает? Все оценивают, и все не знают. Ясно, конечно, что все как будто учитывается, как и ясно, что что-то все-таки при этом не учитывается; что-то учитывается хорошо, а что-то — совсем плохо. Разумеется, над оценкой тяготеет необходимость выживания или, по-научному, воспроизведения, причем не только субъектов оценки (продавцов и покупателей), но и объектов (вещей). Но привязать оценку жестко к воспроизведству все равно нельзя, как нельзя ее сколько-нибудь жестко привязать ни к чему другому. Нужно всегда учитывать, что оценка — сама себе голова, а не только отражение объективных моментов и субъективных порывов. В этом-то «сама себе голова» и сидит вся загвоздка. Хотим мы того или нет, но оценка свершается в значительной мере сама собой, однако в непременном взаимодействии с другими оценками. Существует мир оценок, или оценочный мир, где все и вся переплетено и взаимодействует. Именно все и вся — причем сразу в пространстве-времени, мгновенно и в связи с течением

прошлого и будущего. Цена высчитывается, но высчитывается, во-первых, с учетом цен (на издержанные факторы, на такой же или аналогичный товар, на конкурирующий товар, на вообще другие товары), а во-вторых, в некоторой мере и произвольно. Цены никогда не бывают удобными (для всех), но они все-таки оказываются если не удобоваримыми, то хотя бы перевариваемыми. Вот это-то переваривание или, по-другому, признание цен и очень важно иметь в виду, разумеется, с условием, что в реальности осуществляется признание всех цен сразу (непризнание какой-то цены — не беда, более того, это необходимо для всей процедуры признания: как же признавать без непризнания?). Цены возникают обусловленно, но в то же время и в чем-то случайно, а живая реальность все это ценообразование подправляет.

Нет большего заблуждения, на взгляд философии хозяйства, чем попытка искать либо материальную основу цены, которую можно измерять и в соответствии с этим измерением назначать цены, либо просто некий расчетный механизм, который выполняет ту же задачу, но без измерения какого-то материала (вещества). Экономика рассчитывает цены сама, обладая для этого трансцендентным механизмом, о котором только и можно сказать, что он стоимостной. И разве этого мало — утверждать, что экономика и есть механизм ценообразования, она для этого и существует — вся целиком, и без экономики тут не обойтись. Если бы экономический механизм мог в целом быть до конца раскрытым и смоделированным, то зачем бы тогда была нужна экономика? Она и существует — как экономика! — по той простой причине, что она как раз не моделируема и даже не разгадываема. Именно поэтому и существуют цены, те самые цены, которые рассчитываются самой экономикой — трансцендентно. Заметим, что все попытки рассчитывать как-то цены за экономику терпят и терпят провал, в лучшем случае оказываясь всего лишь ловкой интеллектуальной игрой. Игра в ценообразовании есть, но другая — реальная. Да, цены есть следствие, условие, средство, результат и даже причина мощнейшей игры — но совсем другой игры, той, которую ведет сама по себе экономика.

Что ж получается, цены, выходит, могут быть какими угодно? Нет, ответим мы, они не могут быть какими угодно, но при этом заметим,

со вздохом, что они... могут быть и какими угодно. И это-то и надо хорошоенько уразуметь. Мир цен — такой же мир, как и любой другой, как то же мироздание, как тот же лес, как то же общество, как вообще всякая жизнь. Ведь не высаживает же никто лес и не руководит им из субъектного центра, а ничего — лес растет себе и растет, расцветает, умирает, возрождается, причем в том составе деревьев и прочих обитателей, который лес считает нужным для себя иметь, а в то же время и не иметь. Чем это не аналог экономики с ее субъектами, товарами и ценами? Только экономике мы почему-то отказываем в праве на свою жизнь, на тайну, на трансцендентность, а лесу же позволяем быть самим собою, а главное, не отказываем ему в праве решать за самого себя. Так вот: экономика решает, решает сама, и другого решающего у устройства ей не надо!

Вот и с гносеологической точки зрения: зачем экономике отказывать в праве быть и именоваться экономикой, ведь в слове «экономика» так много смысла, причем касающегося не только ее «тела», но и ее организма в целом, ее мозга, даже души? Экономика, и этим все сказано! Мы же не называем экономику лесом, парламентом или компьютером, ибо нам важно в экономике видеть как раз экономику — особый по природе своей мир, обладающий и особым способом бытия, в который входит и то, что мы называем ценообразованием. Ценообразование — экономическое дело, дело экономики, ее реализация. Идет ценообразование — есть экономика, нет этого процесса со всей его трансцендентностью — нет экономики.

Цены необходимы и случайны одновременно, как и возможны и действительны. Одновременно! В этом и состоит диалектика цены и диалектика ценообразования. Не в том диалектика, что цены формируются в диалогах, во взаимодействии покупателей и продавцов, в борьбе, наконец, а в том, что они по сути своей есть всегда единство противоположностей — смысловых противоположностей.

Можно ли исходить из того утверждения, что цены тяготеют к какому-то взаимообусловленному уровню, несмотря на все необходимости и случайности, которым они подвержены? Конечно, можно. И нужно. Это нормально. Игра цен, за которыми стоит вполне сознательные субъекты и вполне требовательные обстоятельства, ведет к какому-то воспро-

изводственному составу цен, т. е. такому свойству, при котором возможно воспроизведение агентов экономики — как по отдельности (на микроуровне), так и вместе (на макроуровне), т. е. возможно всеобщее — микро и макро — воспроизведение хозяйства и общества... однако... не для всех и не в одинаковой степени: кто-то выигрывает в ходе воспроизведения, кто-то проигрывает, кто-то выбывает, но какая-то воспроизводственная масса, конечно же, всегда остается, даже во времена экономических кризисов. Экономический космос не исчезает, хотя может расширяться и сужаться, изменяться, перстраиваться, становиться другим. Цены обязаны обеспечить жизнеспособность этого космоса, а потому могут быть любыми, но соответствующими тем не менее космосу, а соответствие это надо трактовать не просто как динамическое, а именно диалектическое, т. е. включающее в себя и несоответствие, а по большому счету опять же и трансцендентное.

Вот и деньги, их цена. Да, она тоже должна воспроизведенно соответствовать экономике, быть такой, чтобы обеспечить то самое воспроизведение экономики — с выбыванием и неравенством, о котором мы здесь говорили. Вообще, любая цена должна быть подвижной, таковой должна быть и цена денег. Уже отсюда не надо стремиться жестко привязывать цены к чему-либо, а тем более друг к другу. Цены ищут друг друга, в том числе и цену денег. Таким вот образом находится и цена золота. Нет ничего окончательно знаемого и подсчитываемого, что входит извне в цену товара и денег. Нет! Цена возникает в ходе сложной оценки, учитывающей кое-что априорное, но не только. Оценка ведь учитывает и то, что происходит уже в момент оценки, а также и то, чего еще и нет в реальной реальности, что еще виртуально, что лишь возможно в будущем. В цене всегда сидит и прошлая, и настоящая, и будущая реальность. Вот, в чем тут закавыка. И попробуй-ка привяжи цену к какой-нибудь уже состоявшейся, да еще и материальной, предметной, вещественной, реальности, привяжи, когда цена как раз должна быть отвязанной от такой реальности. Цена ведь сама и есть реальность, — не надо этого забывать. Цена сама себя находит, но в совместной игре всех без исключения цен. И цена денег там же, с теми же параметрами (вместе с дополнительными). Цена золота как денег определяется самим хозяйственным про-

цессом, что не мешает центральному субъекту, отвечающему непосредственно за деньги, в этом определении участвовать (со всеми необходимыми осторожностями и корректировками). Вес золота — всего лишь весовой знак стоимости, знак цены, определяемой не весом золота, а чем-то другим, что определяет и сам соответствующий цене золота вес. А что-то другое и есть, собственно, стоимость, обращенная к цене.

Деньги — не просто самый непосредственный представитель стоимости, ее воплотитель, это еще и некая масса стоимости, ее количество, если деньги рассматривать сами по себе. Сумму денег можно посчитать иной раз и за сумму стоимости, разумеется, при вхождении суммы денег в экономическую жизнь. Просто сумма денег — сумма вещи или просто знаковая сумма. А вот действующая экономическим образом, т. е. вступающая в экономические отношения, сумма денег, есть, безусловно, стоимость, ее некоторая массовидная величина (когда мы говорим — масса стоимости, то имеем в виду не более чем ее суммарную величину, но не массу ее в смысле некой вещественности; стоимость в этом плане не имеет массы, а имеет лишь объем). Сумма денег способна представлять какую-то массу стоимости, но в рамках экономического процесса, как и в случае реального признания денег как денег, а соответственно и как стоимости. Деньги должны всегда и непрерывно себя реально подтверждать.

Масса денег. Вся участвующая в экономической жизни масса денег — обращающихся денег, вовсе не обязательно является и массой стоимости, ибо часть денег выполняет простую счетную и посредническую функцию. Иное дело — движение стоимости как стоимости, например, при том же самом начале экономического хозяйствования. Авансируемая (затрачиваемая) сумма денег есть, безусловно, действующая стоимость как стоимость. Это не просто стоимостной знаковый посредник, а сама по себе стоимость — как субстанция. Набрали денег и пустили их в какое-то экономическое дело. Денег должно хватать в обществе на все — и на обращение товаров, когда деньги лишь посредник, и на обращение самих денег, когда деньги уже активные участники самого экономического процесса, его начало и его, как мы уже ранее отмечали, завершение.

В экономическом обществе должна быть какая-то необходимая

масса денег, что не означает и наличия соответствующей им массы стоимости, ибо часть стоимости сидит всегда в товарах, а лучше сказать — в товарах и деньгах, с товарами связанных, но не в деньгах как в таких, — для денежного выражения стоимости, сидящей в товарах, вовсе не обязательно иметь стоимость, воплощенную в деньгах, ибо деньги могут выразить товарную стоимость совершенно идеально, без всякого физического присутствия. Масса денег в экономическом обществе и обращающаяся в этом же обществе стоимость — не одно и то же по величине, тем более что деньги способны как бы к многоразовому употреблению, т. е. обслуживанию реальных процессов большей стоимостной величины, чем масса обращающихся денег. Если взять всю массу стоимости в обществе, то для ее реализации в качестве стоимости не нужно той же по величине массы денег (одни и те же реальные деньги, попросту говоря, способны несколько раз участвовать в обменно-оценочном процессе в рынках его полного совершения). Масса денег всегда меньше массы реализующейся в обществе стоимости. А вот сколько должно быть денег по массе в экономическом обществе решается опять же самой экономической жизнью — с учетом всех объективных обстоятельств и субъективных действий, в том числе и экономического центра, ответственного за деньги и их выпускающего в оборот. Сколько надо для хозяйства, столько и будет денег, — в противном случае — кризис от нехватки или избытка денег (что, естественно, время от времени случается).

Разбирая те или иные аспекты бытия денег, анализируя их свойства, мы замечаем, что деньги, даже золотые, более идеальны, чем материальны, более виртуальны, чем реальны, более эфирны, чем весомы. И это действительно так: деньги хороши не своей плотью, а своей функцией, а функция есть функция, — что в ней материального, что в ней весомого, да и как не быть ей виртуальной — функция ведь сначала возможность, намерение, замысел, а потом уже реальное исполнение. Природа денег более идеальна, чем материальна. Даже когда золото переходит из рук в руки, то оно переходит не просто так, а с расчетом и в расчетном виде — с величиной, с цифрой, наконец. Что золото без этого идеального расчета? Золото золотом, а расчет расчетом. И главное здесь расчет, он и весомее, хотя и не имеет никакого физического веса.

Идеальность денег, как и вообще многое другого, что мы привыкли считать материальным, дает возможность не только выступать деньгам в роли идеальных денег, но и вообще быть идеальными. У денег не только функция идеальная, но и «плоть», причем эта идеальная «плоть» непременно существует с материальной плотью, постепенно от нее освобождаясь. Так, бумажные деньги более идеальны, чем золотые, а не обмениваемые на золото бумажные деньги — еще более, а чисто счетовые деньги, т. е. безналичные, совсем уж идеальные деньги. В конце концов деньги могут вообще потерять всякую связь с материалом, с веществом, с некой физической предметностью, а быть всего лишь знаком, получив чисто цифровой образ бытия. Так оно и происходит в современном мире, когда деньги, утратив практически связь с золотом, превратились уже в практически номинальные знаки стоимости. Бумажные деньги еще существуют, но и они должны по преимуществу исчезнуть, как исчезнут со временем, возможно, и пластиковые карточки, приходящие сегодня на смену бумажным деньгам. Физический облик денег — совсем не главное в деньгах, главное — их функция. Остаются ли номинальные деньги товаром? Да, остаются, потому что они выполняют услугу, которая в товарном мире имеет образ товара. Дело не в том, что деньгами непременно должен быть один из физических товаров, способный выполнять денежную роль, а в самой природе денежной функции и самих денег.

Нет никакого смысла лишать деньги товарной характеристики, ибо деньги продолжают пребывать в товарном мире со всеми товарными свойствами — обмениваемости и оцененности.

Деньги разнообразны, но не только по своей плоти. Деньги отличаются друг от друга и по своей экономической природе. Есть деньги как деньги, а есть еще деньги от денег, т. е. производные от денег деньги. Что это за вторичные деньги?

Кое-кто, наверное, уже догадался, что речь идет о так называемых кредитных деньгах, когда какой-либо кредитный документ, например вексель, играет роль денег в случае перехода от одного агента к другому в качестве платежного средства. Ничего особенного в этом нет, так как это платежное средство бывает обязательно кем-то и чем-то обеспечено, а главное, в какой-то момент либо исчезает, выполнив свою роль, либо

заменяется на обычные деньги.

В рамках философии хозяйства нет необходимости подробно рассматривать феномен кредитных денег, как и многое другое, что связано с деньгами, ибо это задача непосредственно экономической науки. Но для философии хозяйства важна природа этих кредитных денег. Они, как было отмечено, в основе своей вторичны, т. е. их бытие определяется уже наличествующими в обществе деньгами (тот же вексель выписывается на какую-то определенную денежную сумму в действующих деньгах). Кредитные деньги — документы о деньгах, лишь заменяющие собой обычные деньги. Потому-то они и деньги, поскольку заменяют обычные деньги. Однако весь вопрос в том, почему необходима такая замена, что за ней стоит?

Не то что бы нехватка денег как таковых, хотя и нехватка тоже, но и, что очень важно, удовлетворение экономики в потребных ею деньгах. Sic! Здесь нужно внимание! Агенты, а это по преимуществу коммерческие банки, обслуживающие субъектов и их кредитующие, т. е. снабжающие денежнымиссудами, выпуская кредитные деньги (банкноты), увеличивают тем самым действующую в обществе массу денег, причем не наобум по преимуществу, а с расчетом на возврат их уже в обычных действующих деньгах, которые либо будут извлечены из общества, либо будут дополнительно в конечном итоге эмиссированы (выпущены). Главное, чтобы выпуск банкнот был оправдан реальным экономическим процессом, базирующимся на созидании продуктов. Кредитные деньги — как бы фьючерсные деньги, деньги под будущие деньги, виртуальные деньги, существующие обратиться в реальные. Разумеется, тут легко и впасть в чрезмерность, о чем свидетельствуют банковские, денежные и финансовые кризисы, инфляция, неожиданные взлеты и падения ссудного процента, банкротства и т. п. Здесь нужна мера, которую кредитно-банковская система должна соблюдать — под контролем, как известно, центрального банка, являющегося и монопольным эмиссионером обычных денег. Нашупыванию этой меры служат обязательные банковские резервы, в сочетании с которыми банк проводит кредитную работу, квоты на кредитование и выпуск банкнот, согласие на кредитование и выпуск банкнот центрального банка и т. п. правила и ограничения. Как бы там ни было, но производство денег в обществе осуществляется

не одним центральным банком, а всей кредитно-банковской системой. Коммерческие банки вообще ближе к реальному экономическому процессу, к производству благ, к будущему, а потому их участие в производстве денег чрезвычайно важно. Не агент какой-то в конечном итоге производит деньги, а весь мир агентов — при активном участии банков.

И тем не менее... отношение агентов к производству денег, а главное, контролю над ними — разное, слишком разное. Есть агенты, для которых манипуляции с деньгами является основным занятием, а есть агенты, способные управлять движением больших масс денег, как и есть агенты, непосредственно производящие деньги (те же центральные банки). Нетрудно представить себе и некий комплекс денежных агентов (из банков, фондов, инвестиционных компаний и т. п.), обладающий пусть и не абсолютной, но достаточно сильной властью над деньгами, позволяющий ему не только контролировать деньги и денежную сферу, но и экономику в целом — на международном уровне и в мировом масштабе, да что там экономику — хозяйство, общество, жизнь, все человечество. И это не сказки — достаточно повнимательнее посмотреть на современное «мировое» хозяйство, чтобы заметить, что оно давно уже не та экономика, которой обучают в университетах, а именно, экономика под денежной властью денег, а с учетом, что работающие деньги суть финансы, то уже не совсем экономика, а финансовая экономика, что то же самое, для краткости, финансомика, или финансомика (наши термины. — Ю.О.).

Деньги — это не только то, что обслуживает экономику и жизнь, это и то, что над ними господствует, причем не в смысле лишь преклонения перед деньгами и их возможностями, о чем мы уже говорили ранее, а в смысле власти, которой обладают деньги в реализации экономики и жизни. Деньги — объект власти и средство власти, они же и субъект власти. Очень важно это понимать. И если имеется-таки субъективная сила, владеющая деньгами и денежной властью, то эта сила способна владеть всем — буквально всем. Представим себе на минуту, что деньги, необходимые для жизни и хозяйства, надо у кого-то обязательно брать и брать взаймы, затем их возвращая с приростом; что деньги могут быть в распоряжении народов и экономических субъектов, а могут и не быть, во всяком случае, в достаточном количестве; что валютный курс может быть

одним, а может быть и другим, что он кем-то регулируется и, разумеется, вовсе не обязательно в нашу пользу; что можно получить необходимые деньги, как будто бы их и не возвращая, но потратить их придется таким образом, чтобы удовлетворить интересам тех, кто их дал (например, покупая импортные товары), и т. д., и т. п.

Денежная власть денег или власть над деньгами и через деньги — великое достижение экономической цивилизации, о которой мы еще поговорим в соответствующем месте. Главное — лишить денег тех, кого надо эксплуатировать, причем сделать это так, чтобы никто ничего и не заметил. Поэтому деньги всегда как будто бы есть, но и всегда почему-то при этом и нет: они приходят и уходят, приходят и уходят, приходят и уходят, и уходят почему-то вместе с существенной частью прибавочного продукта, а иной раз и с частью необходимого. Одни как-то все богатеют, другие, усиленно трудясь, все беднеют (пусть и относительно).

Денежная система — властная эксплуататорская вертикаль. Владей деньгами (вместе с их представителями — цennыми бумагами), денежной и ценно-бумажовой информацией, всей денежной системой, разумеется, и политической и информационной властью тоже — «господствуй», перераспределяй и присваивай, ну и, конечно же, потребляй. Власть над деньгами и денежная власть — стержневой момент любой власти в условиях экономической цивилизации, распространившейся по миру; это залог паразитического благополучия тех, кто доминирует в этой цивилизации, кто заглушил протесты и подчинил себе весь «варварский» мир, кто создал для профанов замечательное снадобье — экономикс.

Лекция девятая

Капитал

К. Маркс вовсе не случайно избрал слово капитал для названия своего фундаментального экономического произведения: он сразу попал в суть того феномена, который знаменует собою высшее, т. е. полностью развитое, бытие экономики — особого способа реализации хозяйственной жизни человека, основанного на товарообмене, деньгах и стоимости.

Маркс понимал капитал как самовозрастающую стоимость. Мы намерены придерживаться такого же в целом понимания, оставляя за собой, конечно же, возможность некоторой трактовочной специфики.

Оговоримся, что мы никак не придерживаемся того «современного» понимания капитала, которое предлагается тем же экономиксом. Для нас капитал не может быть ни только деньгами, идущими в деловой оборот, ни только средствами производства, соединяющимися с трудом в деловом обороте, ни тем более элементом принятой заклинательным образом триады: земля, труд, капитал. Мы считаем себя свободными от тех трактовок капитала, которые происходят не от сути экономики, а от внешне воспринимаемых явленческо-механизменных экономических процессов, к тому же достаточно произвольно выделяемых и непременно приспособляемых ментально к априорно принятой исходной аксиоматике. У нас тоже есть своя аксиоматика, однако другая, не только не пренебрегающая сущностной стороной предмета, а прямо к ней устремленная и от нее отталкивающаяся. Разумеется, с нами можно не соглашаться и нашу точку зрения игнорировать — это другое дело, но заставлять нас излагать неприемлемые для нас трактовки капитала вряд ли целесообразно, ибо мы создаем лекционный курс по философии хозяйства, а не по истории экономической мысли. Обмолвимся к слову, что вполне допустимое в эклектических учебниках собрание трактовок того или иного феномена не слишком приемлемо для восходящего к единой аксиоматике целостного представления о том же самом феномене. Мы обязаны следовать избранному нами курсу, реализация которого предполагает погружение в сущностный мир и соприкосновение с трансцендентностью.

На поверхности или в рамках феноменального мира капитал предстает как деньги, приносящие деньги. Действительно, выходит так, что деньги, пущенные в деловой оборот, приносят дополнительные деньги, или возрастают, а поскольку возрастание фиксируется в деньгах и возвращающимися по завершении делового оборота деньгами, то создается впечатление, вполне, кстати, реалистическое, что деньги как бы и самовозрастают. Сначала есть одна сумма денег (D), а затем появляется другая — большая (D'). D' всегда больше D , а акция $D—D'$ и есть та самая акция, которую можно при желании посчитать за самовозрастание денег.

Вот и явление капитала.

Однако не стоит спешить. Ведь и тогда капиталом можно посчитать и возрастание денег в результате простой перепродажи товара. Вообще говоря, можно. Во всяком случае, как некое напоминание о капитале, его простейшее выражение, первичную представленность. Бизнес есть бизнес: перепродал — и уже бизнесмен, можно даже сказать, предприниматель. В амебном, конечно, образе. А если перепродаешь удается огромные массы товаров, ну, тогда уже и в самом деле предприниматель — агент самовозрастающих денег, субъект капитала, а то и прямо — капиталист.

Собственно, на этом можно даже и остановиться, ибо простейшее представление о капитале, причем не самое плохое, получено. Однако не все так просто, так как остается все-таки неясно, откуда же берутся дополнительные деньги, точнее, что позволяет осуществить приращение денег, — не довольствоваться же тем заключением, что деньги берутся у покупателя перепродаляемого товара: мы-то знаем, что на одной перепродаже далеко не уедешь — дополнительные деньги должны иметь какое-то источниковое обоснование, ибо они должны быть в руках покупателей как именно уже дополнительные деньги, предназначенные на покрытие того прироста денег, о котором идет речь? Все экономические агенты друг другу перепродают товары с денежным приростом не могут, если нет этого денежного прироста независимо от самих купле-продажных акций. Агенты участвуют в купле-продажных сделках, одновременно участвуя и в присвоении каких-то (откуда-то взявшись) дополнительных денег. Тогда каких денег и откуда взявшись?

Где же источник денег вообще и соответственно, может быть, и источник дополнительных денег?

Введение в оборот новых масс золота или просто напечатанных бумажных денег — ответ для простаков, хотя это и имеет место, но для решения совсем другой задачи — обеспечения реальной товарной массы необходимым количеством обращающихся и общепризнанных денег. Факт пополнения каналов товарного обращения новыми деньгами разрешению проблемы дополнительных денег ничем помочь не может, тем более что эти самые дополнительные деньги могут появиться в руках капиталиста и без введения в общественный оборот новых масс денег.

Бизнес осуществляется каждую минуту, а новые деньги, как бы там ни было, вводятся время от времени, да и не ради потребностей бизнеса как такового, а ради потребностей, как мы уже заметили, обслуживания товарной массы. А дополнительные деньги для бизнеса могут явиться не только при той же общественной массе денег, но и при той же товарной массе.

Выходит, что решение проблемы надо искать там — в обращающейся массе товаров и денег, не претерпевающей общего увеличения. Причем факт перепродажи товара с выгодой, как мы уже заметили, не может ничем нам помочь, ибо все агенты в обществе не могут так поступать — смысла в этом никакого нет, всем сразу не перепродать, все или откажутся покупать или будут покупать без оплаты возможного прироста. Здесь уместно обратить внимание на то, что тайну прироста денег не выявить ни из единичных актов купли-продажи — их и не надо рассматривать, ни из всеобщего обменно-оценочного процесса, который можно было бы и рассмотреть, но тоже бесполезно. Обмен есть обмен — в нем торжествует эквивалентность (если не забывать об общественном купле-продажном процессе). Всем агентам товарообмена надо воспроизводиться, а потому не может быть так, чтобы одни систематически уступали другим. Тайну прироста денег из обмена не вывести, как не вывести ее и из обменных оценок. И тем не менее мы заявили только то, что решение проблемы надо искать в обращающейся массе товаров и денег. Верно. Однако не в самих купле-продажных акциях. Так же как и не в самих по себе товарах и деньгах. И не в самих по себе оценках. Все перечисленное лишь участвует в возникновении самовозрастательного для денег эффекта, но не производит сам эффект.

Вот оно, подходящее словечко — производит, ибо в нем заложено изведение, изведение чего-либо, рождение, появление на свет. Так, может, нам и задуматься над производством, да поискать такое производство (извести его), которое имело бы отношение к самовозрастательному эффекту? Производство эффекта — это куда как лучше, чем безысходно взглядываться в обменно-оценочные акции, в товары и деньги, во вновь поступающие в оборот деньги.

Повторим еще раз: решение проблемы надо искать в обращающейся массе товаров и денег. Но в самой по себе движущейся массе мы

ничего такого найти не можем. И не найдем. Пока не задумаемся над производством эффекта — в связи с обращающейся массой товаров и денег, даже в ней, но... с учетом... возникновения, т. е. производства... самой этой массы, а если принять во внимание, что деньги по сути есть товар и от товаров (неденежного свойства) напрямую и зависят, то речь может идти только о производстве собственно товарной массы, т. е. о производстве благ, принимающих товарную форму.

И вот тут-то мы начинаем нуждаться в чем-то таком, чтообще всему: товарам, деньгам, обмену, оценкам, т. е. всему экономическому, причем имеющем отношение и к производству товаров (именно к производству, т. е. изведению), что можно рассматривать и видеть поэтому весь процесс возникновения товаров, их обмена и оценки, а там, глядишь, и... прироста затраченных на бизнес денег. Мы должны соприкоснуться с тем общим, что вбирает в себя все, что во всем сидит, что все видит и что все раскрывает. Знакомый с классической политэкономией, этой своеобразной версией философии хозяйства, пусть и не целостной, как и с предыдущими нашими лекциями, уже, наверное, догадался, что тут перед нами выплывает во всем величии стоимость. Да, именно стоимость — как мы ее понимаем, т. е. не ценность какая-нибудь, а именно стоимость — во всех своих ипостасях: как оценка, как отношение, как субстанция. Последняя ипостась особенно для нас привлекательна, ибо речь-то у нас идет о производстве эффекта прироста денег. И коль скоро производство товаров есть одновременно и производство стоимости, а производство стоимости — производство товаров, то не здесь ли и сокрыта возможность разрешения нашей познавательной проблемы, тем более что стоимость всюду — и в товарах, и в деньгах, и в обмене, и в оценках, т. е. во всем экономическом и соответственно капитальном деле? Такое предположение заслуживает внимания.

У хозяйствующего и производящего человека (именно так: хозяйствующего и производящего — блага) есть возможность производить на свет благ больше, чем необходимо ему для своего собственного существования. В особенности это относится к хозяйствованию, происходящему среди обильной и достаточно производительной природы, а также к хозяйствованию и производству, вооруженным орудиями труда, особенно машинами. Так или иначе, но для человеческого хозяйственного

бытия характерен особый производительный эффект, позволяющий человеку, его труду, производить благ больше необходимого для него самого количества. Наличие такого эффекта позволяет нам различать необходимую массу благ и прибавочную массу благ, а соответственно необходимую стоимость (и ее массу) и прибавочную стоимость. Что... можно не продолжать? Уже догадались? Да, это действительно так: искомый нами прирост только и может взяться из прибавочной массы благ и соответственно из прибавочной стоимости. Если в товарном обороте находится вся масса производимых благ-товаров, т. е. необходимая и прибавочная, то почему бы в процессе этого оборота не извлечь с его помощью прибавочную часть и не обратить ее в искомый нами прирост денег? Источник прироста денег или, как принято говорить, прибыли и есть прибавочная стоимость, производимая в обществе наряду с необходимой. При производстве одной и той же массы товаров в обществе, как и при использовании одной и той же массы денег, а также при совершении всего обменно-оценочного процесса, когда все его агенты остаются, в общем и целом, удовлетворенными, становится возможным и добыть то, что мы обыкновенно называем прибылью, а следовательно, и совершить чудо — реализовать капитальное действие: на деньги принести деньги. Вот вам и самовозрастание, однако уже не только и не просто денег, а стоимости, причем вместе с благами.

Деньги, которые суть стоимость и которые используются как капитальные деньги или попросту как капитал, должны пройти некий загадочный путь, на котором они должны войти в соприкосновение с производством стоимости, а лучше даже в него погрузиться, что и позволит им притянуть на себя рождающуюся стоимость в ее или из ее прибавочной части и выйти затем из соприкосновения с производством стоимости (или погружения в него) с приростом — прибылью. Деньгам нужно как бы нырнуть и как бы вынырнуть. Тогда возможно все действие: от D к D? Но мы-то знаем, что между D и D? располагается не что иное, как производство стоимости, сопряженное с производством благ-товаров, а потому мы должны поместить в нашу формулу одну замечательную вещь (которая, кстати, и впрямь вещает), а именно ПС (ПБ-Т), т. е. производство стоимости, благ-товаров. Тогда формула D—D? примет иной вид: D... ПС (ПБ-Т)... D?, гораздо более понятный и доходчивый (и в смысле

денежного дохода тоже).

Тут действительно некая «загогулина»: деньги не прямо производят деньги, а лишь через свое участие (или соучастие) в производстве стоимости, во всяком случае, посредством с ним — этим производством — контакта. Производство стоимости обеспечивает здесь и производство денег деньгами, если учесть, что за дополнительными деньгами скрывается не что иное, как прибавочная масса благ-товаров. Половина, грубо говоря, всех благ-товаров, производимых в обществе, составляет необходимую часть, а половина — прибавочную. Необходимая часть остается у тех, кто своим трудом ее произвел, прибавочная же достается другим, кто непосредственно ее не производил. И как же это на самом деле происходит?

По-разному.

В самом производстве благ-товаров это происходит посредством авансирования денег на это производство благ-товаров, что означает превращение денег в неденьги, т. е. в средства производства, по крайней мере (это при личном труде авансировщика денег), или в средства производства и наемный труд (это уже при привлечении труда других лиц, не являющихся авансировщиками денег). На факт превращения денег в неденьги следует обратить внимание (тут все как в сказке). Деньги сами по себе не растут, а растут они, лишь превращаясь в неденьги. И рост денег происходит там — в зоне неденег, т. е. при производстве благ-товаров, при производстве стоимости. Стоимость авансированных денег при этом умирает, она исчезает (что хорошо заметно, если произведенный товар не бывает продан: стоимости денег уже нет, а новая... увы, так и не явилась). В ходе производства блага-товара зарождается новая стоимость, которая, правда, должна посредством продажи произведенного блага-товара «всамделишно» явиться на свет божий, т. е. по-настоящему и родиться. И если такое рождение состоится, то тогда может состояться и рождение прироста, ибо рожденное D? больше авансированного и умершего D (вследствие известного нам производительного эффекта).

Капитал, непосредственно занимающийся производством благ-товаров, стоимости и прибавочной стоимости, есть производительный капитал. Это, безусловно, самый главный капитал с точки зрения хозяйственной жизнедеятельности общества, реализации экономики и вообще

функционирования капитала. И чем ближе производительный капитал к производству наиболее необходимых для человека благ, тем он значимее в аспекте всеобщего воспроизведения, что, конечно, не означает, что данный капитал и является всегда и везде наиболее прибыльным. Прибыльность капитала зависит от множества обстоятельств, среди которых общественное производство (даже жизненно важная) значимость оказывается, как это ни странно, не на первом месте. В принципе, всякий капитал, способный к производству какого-либо блага-товара (не важно, какой при этом вещи — предмета, услуги, знания, информации, идеи, фикции, пустоты), является капиталом производительным, однако полезно различать все же капиталы, занятые производством действительно полезных и нужных вещей, и капиталы, занятые производством, может, и полезных и даже нужных по-своему вещей, но, если так можно выразиться, вторичного, третичного и т. д. ряда — вплоть до весьма бесполезных и в общем-то ненужных вещей. Почему мы об этом говорим? Чтобы подчеркнуть некую многослойность капитального хозяйства, наличие в нем первичных (предшествующих) слоев и вторичных (последующих) слоев, что означает жизненную зависимость последующих слоев от предшествующих, но при этом не исключает обратной зависимости — уже эксплуатационной — первичных слоев от вторичных. Быть самым жизненно важным, повторяю, не означает при этом и быть самым прибыльным (типичный пример: не самое лучшее положение сельскохозяйственного производителя с точки зрения прибыльности и возможностей воспроизведения и, наоборот, великолепное положение какого-нибудь биржевого спекулянта, хотя без аграрного производства общество прожить вообще не может, а без биржевого спекулянта все-таки может). Сначала в хозяйствующем обществе решаются непосредственно-производительные задачи, что позволяет открыть и вообще иметь производство стоимости и прибавочной стоимости, а соответственно и иметь капитал вообще, а затем уже решаются иные задачи, не столь непосредственно-производительные, а скажем, опосредованно-производительные задачи — вплоть до просто непроизводительных задач.

И тут важно заметить следующее: чем дальше капитал уходит в своем функционировании от непосредственно-производительных задач, тем больше у него появляется соблазна и необходимости не столько

производить стоимость и прибавочную стоимость, сколько их перераспределять (в основном, конечно, прибавочную стоимость). В конечном итоге, т. е. на самом высшем и наименее производительном уровне, оказывается капитал, занимающийся чистым перераспределением стоимости и прибавочной стоимости, т. е., по сути, уже вовсе не производительный, а перераспределительный капитал (биржевой спекулянт — явно перераспределительный капиталист). Тут мы можем услышать типичное возражение: биржевики, мол, тоже нужны, и что их так уж третировать — они ведь тоже трудятся и тоже оказывают услуги. Все это так, но в жизнеутверждающей иерархии они далеко не на первом месте, и их деятельность имеет более всего перераспределительную задачу, а вот в капиталоутверждающей иерархии они могут иметь и вполне ведущее положение. Полезно в связи с этим повнимательнее посмотреть на такие капиталосоздания, как банки, страховые общества, инвестиционные компании и т. п. учреждения, которые в лучшем случае производят кое-какие услуги (финансовые), но основной доход могут получать и получают более всего за счет перераспределения уже произведенной стоимости и прибавочной стоимости. Короче, чем производнее (вторичнее), тем ближе к перераспределению (и тем дальше от производства).

Капитал — феномен во всех отношениях замечательный. Капитал это работающие деньги, мало того, это деньги, превращающиеся в неденьги, и эти последние производительно организующие, но и это не все, это деньги, приносящие деньги, выбирающие их по преимуществу из той части общественной массы денег, которая соответствует прибавочной массе благ-товаров. Но и это не все: капитал позволяет себе практически бесконечно расширяться или накапливаться, причем расширяя при этом и производство благ-товаров, само хозяйство. Капиталу в принципе все равно, какое производство вести, что производить, в каких количествах, сколько занимать средств производства и труда, хотя, разумеется, капитал наталкивается на определенные внутренние (пределы производительности и эффективность) и внешние (пределы реализации благ-товаров) ограничения, что отражается в росте относительных капитальных затрат (авансированных денег) или, как принято обычно говорить, в росте издержек производства (себестоимости) и, наоборот,

в сокращении размеров прибыли — это во внутреннем плане, и в уменьшении объемов продаж или сжатии спроса, что ведет к падению доходности (притока денег) и прибыли — это уже во внешнем плане. Однако капитал не был бы столь замечательным, если бы не находил возможности преодолевать эти ограничения посредством технических усовершенствований и вообще развития техники и производства, что позволяет сокращать издержки, увеличивать прибыль, дифференцировать продукт, диверсифицировать хозяйствование и производство, производить благотовары, создавать новый и расширенный спрос. В итоге производство при капитализме имеет весьма настойчивую тенденцию к росту, а соответственно этому растет и капитал. Растет хозяйство в целом, растет и благосостояние, правда, не у всех людей одинаково — как по размерам, так и по темпам.

Капитальное хозяйство — уже не просто обменно-оценочное, не просто товарное и даже не просто денежное хозяйство. Это хозяйство, ориентированное на прирост денег, на прибыль. Целью хозяйствования становится прежде всего производство денег с помощью денег, самовозрастание денег. Деньги, а вместе с тем и стоимость выходят на первый план, именно они теперь ведут хозяйство, а не только его опосредуют. Важнейший смысловой момент — человек человеком, хозяйствующий субъект субъектом, а есть еще и хозяйствующие деньги, хозяйствующая стоимость, которые, конечно, без человека, принимающего решения, ничего, но тем не менее человек-то действует уже в особой денежной, стоимостной ауре, объятый ею, на нее ориентирующийся, от нее и зависимый. Извлечение денег с помощью денег позволяет (внимание!) вести хозяйство по-особому, тащить его вперед, расширять и развивать, достигать недостижимого, богатеть и изменять качество жизни, активно эксплуатировать природу и человека, их труд, превращать природу в неприроду, а человека... по крайней мере, в другого человека. Капитал фактически снимает все ограничения: не только физические, но и моральные, стремясь к своей и только своей выгоде, по-своему понимаемой эффективности, расширению и новизне. Капитал рационализирует и машинизирует человека, превращая его либо в стоимостное решающее устройство, либо в оторванного от природы и традиций труженика, либо в неустанного потребителя, либо в не менее активного исследователя или конструктора.

Капитал знаменует собой полный и всеохватывающий переворот — гигантскую капитальную революцию, радикально меняющую все: человека, общество, хозяйство, государство, политику, культуру, технику, знание, идеологию, религию, нравственность, все, что угодно, в том числе и природу, даже, пожалуй, и самого Господа Бога (в смысле его понимания и представления о нем). Капитальное хозяйство — другая жизнь. Вся жизнь, всего человека, всего народонаселения. Разумеется, глобальные и глубокие изменения произошли не в один час, они обусловлены временем и развитием самого капитала, но не видеть их нельзя. До капитала — один человек, одно общество, одна жизнь, с капиталом — совсем другие. Гигантский, к тому же еще и взрывной, качественный скачок.

Капитал обеспечил колоссальный выброс человеческой энергии — как разрушительной (для всего предшествующего в обществе и для природы), так и созидающей (для всего нового в обществе и, в особенности, для неприроды), но также и созидающей энергии для самого капитала. Капитал и человеческая энергия сошлись вместе, стимулируя друг друга. У человека, причем принадлежащего даже самому низкому социальному слою, плебея, мало того, разбойника, махинатора, ловкача, появилась реальная захватывающая цель — растущие деньги, самовозрастающая стоимость, а за ними богатство, благополучие, можно сказать, и рай. Капитал втянул в себя человека, захватил его, в некотором роде и подавил, сняв все запреты, мешающие погоне за деньгами и денежной славе. На арену жизни вышел в полном смысле слова экономический человек, который хоть и давно занимался товарообменом, но был все-таки долгое время как бы недоэкономическим человеком. Действительно, экономический человек, или *homo economicus*, есть именно капитальный человек, субъект капитала, агент самовозрастающей (без ограничений) стоимости. Все остальные люди экономики — не более чем околоэкономические люди. Это, конечно, тоже серьезно, но не столь, как быть капиталистом (предпринимателем, бизнесменом, деловым человеком). Человек, став капиталистом, да еще и не мелким, т. е. не совсем уж мещанским, включился в Великую Капитальную Игру, обеспечивающую, несмотря ни на какие трудности и злодейства, дорогу в Земной Рай, разумеется, при условии некоего конечного выигрыша, а не проигрыша.

Капитал — явление частное и общественное — одновременно и однопространственно. Как есть частные микрохозяйства (микрохозяйствования) и общественное макрохозяйство, так есть и частные капиталы и общественный капитал. Частные капиталы и общественный капитал — одно и то же, но, разумеется, не совсем, ибо частное это частное, а общественное это общественное. Лучше было бы сказать, пожалуй, что частные капиталы и общественный капитал — два взаимообусловленных и наразрывных воплощения капитала вообще, в некотором смысле и две его — капитала вообще — ипостаси. Общественный капитал — сумма частных капиталов, но не только, это еще и некая единая целостность, своеобразный хозяйствующий субъект, реализующийся как объективный процесс, т. е. субъект-процесс. Частные капиталы — не просто единицы в общественном капитале, его элементы, составные части, это еще и общественные по своему характеру действующие лица. Именно так: общественные по своему характеру, ибо необщественными они просто не могут быть. Частность отделяет, конечно, от общественности, но не снимает вовсе последней, как, собственно, и общественность, отделяясь как-то от частности, не отрицает совсем частность. То и другое вместе, однако и при различии; то и другое в различии, однако вместе. В частности своя общественность, в общественности своя частность. А в итоге — капитал вообще.

Когда говорят о капитале, то обычно представляют себе частный капитал (предприятия, фирму, банк и т. п.), что и естественно, и в общем-то правильно. Как бы там ни было, но частный капитал первичнее общественного. Не общественный капитал распадается на частные капиталы, а частные капиталы составляют общественный капитал, хотя частные капиталы сами по себе, т. е. вне общественной капитальной целокупности, не существуют (не воспроизводятся), а если и существуют, то только в среде еще не капитального хозяйства — как его приданки. Что же касается собственно капитального хозяйства, то в нем никаких частно-частных, т. е. не включенных в общественный капитал, капиталов нет и быть не может. Поэтому, правильно в общем-то обращая внимание на частный капитал при упоминании капитала как такового, не совсем правильно не замечать при этом общественного капитала. Лучше всего, по-види-

мому, под капиталом понимать именно капитал вообще, если нет прямого указания на частный капитал, или иначе: иметь в виду сразу частно-общественную природу капитала и сосредоточиваться на капитале вообще.

Капитал втягивает в себя, не говоря уже о привлечении к его орбите, все, что можно и «не можно». В этом плане для капитала никаких ограничений нет, разве лишь физические. Помимо субъекта капитала — капиталиста (предпринимателя, бизнесмена, делового человека), капитал втягивает в себя или привлекает в орбиту своего функционирования все природные, людские и неприродные ресурсы или, как принято говорить в политэкономии, производительные силы: труд, предметы труда, орудия труда, энергию, информацию, знания, навыки, умы, науку, сознание, даже души людские с их чувствами, эмоциями, страстями, а также государственную власть, политику, право, культуру, идеологию, короче, все, что так или иначе присутствует в хозяйственной жизни, что может служить капиталу в его организационно-производительной миссии, что способствует его доминированию. И не надо удивляться тому, что наш список производительных сил оказался столь великим, к тому же еще и открытым, ибо мы, конечно, не все тут перечислили, так как в реализации капитальной функции, а это есть не что иное, как ведение хозяйства, естественно, посредством людей, все перечисленное и многое еще другое находит свое необходимое применение. Конечно, труд и эмоции — разнорядковые вещи, но это не значит, что эмоции не важны, что ими можно пренебречь. Капитал в этом плане всеяден: он забирает все, ибо это все ему действительной необходимо (вспомним хотя бы о тех же эмоциях потребителей или работников предприятия). Капитал организует жизнь, он ее в себя и вбирает, распространяет на нее свое влияние, переделывает под себя, не гнушаясь при этом ничем. Капитал даже любовь может использовать в своих интересах, а интересы капитала глобальны и горизонтны, его интересует все поле жизни, все! Вот и возражай после этого против категории «капитал» — в нашем понимании, солидарном с классическим, как и против категории «стоимость» — тоже в нашем понимании, и тоже значительно солидарном с классическим. Да, разумеется, хозяйствует человек, но ведь какой человек — человек-капитал или,

еще круче, капитал-человек, причем у капитала здесь отнюдь не служебно-посредственная роль, если в сознании человека прямо так вот капитал и сидит (то ли сознание в человеческом организме, то ли вместо него уже и капитал — частично, конечно). Капитал в человеке, в его сознании, в его уме, в его душе. Там же и стоимость. Вот что воистину знаменательно и интересно: человек с капитальным сознанием, с капитальным умом, с капитальной душой. Неплохо, не правда ли?

Капитал все-таки не человек, это некая субстанция, с человеком связанная, человека и вяжущая. В чем-то ведь это субстанция и сама по себе. Поди разберись, что в хозяйственном решении-действии от человека (от homo), а что от капитала, соответственно и от стоимости. Стоимость вроде бы не субъектна, она как будто бы и не решает, но в том-то и дело, что она, по сути, субъектна и она, по сути, решает. Понять это очень важно: стоимость — та еще стихия, которой-де нет и которая тут как тут, которая-де молчит и которая во всю говорит (на своем языке и своим, конечно, голосом), которая как будто бы нейтральна, но которая при этом невероятно активна и действенна.

Все вокруг обволакивается стоимостью, все вокруг контролируется капиталом, все вокруг служит стоимости и капиталу, все вокруг ими управляется. Капитал-то ведь и есть самая первая производительная сила в капитальном (т. е. капитализированном, окапиталенном) хозяйстве. Именно он — сила, а потом уже все остальное — тоже сила. И все, что втягивается в капитал или в орбиту его функционирования, тоже становится капиталом. Вот ведь как получается!

Не будем здесь говорить о разных нечеловеческих факторах, становящихся капиталом. Это, пожалуй, и так ясно; здания — капитал, машины — капитал, земля — капитал, недра — тоже капитал, лес — тоже, водоемы, рыба, вода, воздух... да мало ли что становится или может стать капиталом, даже солнце, во всяком случае, излучаемая им энергия, а что говорить об информации, знаниях, науке и т. д.? Давайте, лучше поговорим немного о человеческом факторе (неплохо звучит, правда), то бишь о человеке.

Кое-что мы уже о нем сказали — о человеке-капитале, однако разумея под ним более всего собственно субъекта капитала — капиталиста. Но все обстоит сложнее: в капитал и его орбиту втягивается все или

почти все члены капитализированного общества. Никто здесь не может избежать навязчивых «щупальцев» капитального «монстра» (одна реклама по ТВ чего стоит, а ценные бумаги, а потребление капиталопродукции?). Стоимость пронизывает всё и вся, всё и все оцениваются, всему является денежный эквивалент, все считают и рассчитывают. Цены, затраты, налоги, страховки, доходы. Каждый человек и практически каждая вещь, в том числе и идеальная, получают цену. Природное переплется со стоимостным, стоимостное господствует над природным. Божий дух вытесняется стоимостью. Естественные энергии дополняются, а то и замещаются, искусственными. То же самое происходит и с информацией.

Капитал — это труд. Без труда нет и не может быть капитала, как не может быть и стоимости, ибо не может быть производства стоимости и капитала. Однако не труд определяет капитал, а, наоборот, капитал определяет труд. Не капитал служит труду, хотя и обеспечивает изначально трудовой процесс (без авансированных денег нет труда), а труд служит капиталу. Не столько капитал в труде, сколько труд в капитале. Как раб, как слуга, как приказчик. Труд не свободен от капитала, а напрямую от него в зависимости — при гораздо более слабой обратной зависимости. Человек, привлекаемый капиталом, юридически, может, и свободен, но экономически он не свободен и не может быть свободным. Капитал втягивает в себя и в свою орбиту труд и не отпускает его. Он и не может этого сделать. Капитал, повторяю, есть труд.

Обычно говорят о труде, занятом непосредственно на капитальном предприятии, причем в первую очередь о производительном труде. Это в общем правильно, но недостаточно — причем принципиально. Капитал использует гораздо больший объем труда, чем это видится на конкретном предприятии, в особенности, если мы вспомним, что капитал вообще есть одновременно частно-общественный капитал — весь, так сказать, капитал. И вот этот-то капитал вообще пользуется всем трудом, источником обществом, — всем! И иного тут быть не может. Какому-нибудь независимому адвокату, может, и кажется, что он независимый и работает исключительно на себя, реализуя себя и как предприниматель, но это далеко не так: адвокат наш включен в систему капитала вообще и вовсе

не как независимое действующее лицо, а как исполняющий свою «благородную», но вполне служебную, функцию, как фигурант, — не более того. И именно поэтому адвокату сему перепадают столь высокие гонорары, ибо он исправный защитник капитального права и капитального социального порядка, их исполнитель. Адвокат — не более чем жужжащая, но правильно жужжащая муха в цепкой паутине капитального паука.

Капитал пользуется всем общественным трудом, а сейчас и в мировом масштабе. Всем! Здесь не должно быть никаких иллюзий. Нет труда, который не был бы в той или иной мере полезен капиталу, как и мало труда, который бы ему не служил. Капитал эксплуатирует даже не просто труд, тем более наемный, а труд вообще, причем и труд предшествующих поколений, т. е. воплощенный уже в предметы, в энергию и информацию, в знание, в идеи. Какой-нибудь ученый, сделавший открытие, и понятия не имеет, что его открытием пользуется мировой капитал, производя какие-то блага-товары, стоимость, прибыль, самого себя, а соответственно и используя труд всего человечества, обусловленный замечательным открытием скромного ученого, возможно, уже и давно отошедшего в мир иной. В том-то и дело, что нельзя сводить труд, используемый капиталом, лишь к занятому на предприятиях труду, тем более только к труду наемному. Все здесь сложнее, запутаннее и содержательнее. Если бы все сводилось к труду работников предприятий, не говоря уже о собственно наемном труде, то капитал не смог бы вообще осуществиться. Труда непосредственно занятых на предприятиях недостаточно для полноценного бытия капитала (ему нужны и ученые, и адвокаты, и политики, и военные, как, разумеется, и все остальные труженицы).

Однако у непосредственно занятого на капиталистических предприятиях труда есть своя органическая функция — служить капиталу как бы изнутри, обеспечивая производство им благ-товаров, стоимости и самого капитала (либо просто обеспечивая ему перераспределение производимой в обществе стоимости). Труд, занятый на предприятии, это не только непосредственно производительный для капитала труд, прямой источник его бытия, но (Sic!)... главный посредник между капиталом

вообще и трудом вообще, тот самый уже и не стоимостной, и не капитальный, и не денежный насос, а именно, трудовой насос, втягивающий в орбиту капитала весь необходимый для него труд — настоящий, прошлый и даже будущий, живой, овеществленный и виртуальный. Затраты капитала (авансированные деньги) на труд — это одно, как и сама обрачиваемость затраченных денег, труд работников предприятия — другое, а вообще используемый капиталом труд — третье. Все это очень полезно различать, чтобы иметь гораздо более достоверную картину бытия капитала и труда.

Утверждение, что капитал это труд, не означает, что труд как раз и составляет капитал — в смысле его материала. Нет, труд не является материалом капитала, как не является он и материалом стоимости. Материальность капитала как капитала — не материального вообще свойства (в привычном понимании материального). Достаточно припомнить здесь наши рассуждения о природе стоимости, ее содержимом. Капитал сам по себе, как и стоимость, идеального порядка, хотя это идеальное может иметь и вполне материальные воплощения. Да и сам труд, надо заметить, не так уж и материален, как кажется на первый взгляд. Материален человек, правда, далеко не во всем, как представляется, как и материальными могут быть результаты труда, а вот сам по себе труд — насколько материален, да и что это такое на самом деле — труд? Даже если труд выглядит самым что ни на есть материальным, даже видимым, даже «твёрдым» процессом, это вовсе не значит, что то, что видится, это и есть собственно труд, а не лишь его видимая оболочка. Вообще, надо заметить, в понимании материального и идеального немало путаницы. Материальное — от материи, а материя — от матери, а что есть, собственно, матерь, мать? Наверное, это вовсе не просто видимое, ощущаемое, тем более, скажем, упругое. Это, скорее, надо полагать, материал мира, природы, всего сущего. Однако какой же в конечном итоге материал? Что-то как бы и мертвое? То есть само по себе мертвое — без жизненной субстанции, без... идеи. Так ведь и идея может показаться материалом, ибо какая вообще материя без идеи? Иногда материальное трактуют как вещественное, что совсем и не плохо, но ведь и идеальное тоже можно рассматривать как вещественное, т. е. вещающее. К сожалению, ясности во всем этом нет, и мы вынуждены пользоваться расхожими понятиями, да еще и

путаться в них. Если под материальным понимать все природное и как бы не исходящее из головы человека, то тогда надо признать, что вокруг нет ничего идеального, кроме идей, рождаемых человеком, его головой, умом, душой, вообще сознанием. Но в том-то и дело, что вокруг нас полно и в самой природе непосредственно идеального, во всяком случае, нематериального, как, к примеру, те же отношения между, скажем так, организмами. Тогда, возможно, идеальное относится не к одному человеку с его сознанием, но вообще к живой природе. Это уже лучше — в живой природе есть нечто, что нельзя трактовать как собственно материальное, что можно рассматривать как хотя бы нематериальное. Относительно неживой природы трудно говорить в терминах идеального, но если задуматься над началом мира, то... ситуация сразу меняется: а почему же тогда не предположить наличие некой идеальной все-таки силы — тоже по-своему живой, но уже в каком-то абсолютно трансцендентном измерении? Возвращаясь к труду, стоит заметить, видимо, что несмотря на присутствие в нем явно идеального, т. е. исходящего из головы человека момента, и сам по себе труд — не слишком материальное нечто: ведь труд сам по себе не фиксируется (затраты физической или даже интеллектуальной или психической энергии ничего не говорят, кроме того, что есть затраты какой-то энергии — все равно это не труд). Труд сам по себе неуловим, как неуловима сама по себе стоимость, да и тот же капитал. Хотим мы того или нет, но мы вынуждены констатировать, что в мире вообще есть что-то, что не может получить сугубо материальной трактовки (даже само материальное, как мы только что видели, не может обойтись при раскрытии своего существа, без идеального, без трансцендентного, без нечтого). Когда мы говорим об идеальном, то мы фактически говорим о чем-то неопределимом до конца, о действительно трансцендентном, о восходящем к ничто либо в него уходящем. Вот и труд — сам по себе труд — что это на самом деле? И не имея, так сказать, материального ответа, мы вынуждены говорить об идеальном, что вовсе не должно быть непременно связано с чьим-то сознанием, из него обязательно вытекать, нет, это идеальное существует в мире само по себе, доставляя нам не только недоумение, но и радость познания и самого нашего бытия (страшно даже представить себе бытие человеческое без идеального!).

Из ничего в труде все и состоит, как и в стоимости, как и в капитале. Разумеется, мы улавливаем это ничего, знаем о его присутствии, видим его результаты, но при любом размышлении о труде, стоимости и капитале, особенно, о труде вообще, мы должны учитывать это самое ничего, чтобы не впадать в иллюзию, что можно, к примеру, труд как таковой посчитать (измерить), а вслед за этим и посчитать стоимость, а соответственно, исходя уже из этих расчетов, посчитать и капитал. Нет, не все здесь так просто. Считая труд, мы считаем вовсе не труд как таковой, как и не стоимость, и не капитал, а что-то другое — время, продукты, деньги. Конечно, считая это другое, мы считаем и труд, и стоимость, и капитал, однако косвенно, через посредничество чего-то, если и не совсем постороннего, но все же иного, а потому мы считаем все-таки не совсем то, что хотим посчитать.

Почему же все это нам так важно в случае с капиталом? Надо полагать, потому, что мы хотим составить более или менее адекватное представление о феномене, называемом капиталом, рассмотреть данный феномен не в одной лишь его явленности, но и по существу, избегая при этом плоского механико-материалистического толкования, а самое главное, моделирования.

Капитал — феномен сложный, многоярусный, разноликий и пространственно раскинувшийся, со многими связями и обусловленностями. Разлагать его на составные элементы, конечно, можно, но нужно прежде всего видеть его в целостности — достаточно неопределенной и таинственной. Капитал — не отношение, а клубок отношений, весьма к тому же и запутанный. Аналитическое упрощение бывает полезным, но куда важнее синтетическая целостность. Капитал — организм, к тому же реализующийся по сферической сети связей, да еще и динамично, в процессе, со значительной неопределенностью. Не надо стесняться относиться к капиталу как к живому организму, а может, и к живому миру, способному обнимать собою остальной мир, внедряться в него, всасывать его в себя, переваривать, управлять им, его изменять. Это, право, лучше, чем рассуждать бесконечно о свободе, конкуренции и рынке, которых, в отличие от капитала, еще поискать надо, ибо их действительное, а не мифическое бытие весьма и весьма, в отличие от капитала, проблематично. Нет, конечно, мы не отрицаем вовсе свободы, конкуренции

и рынка, но мы видим, что тут все не так просто, как это часто представляет экономическая теория, что в реальности более несвободы, неконкуренции (хотя и не обязательно сотрудничества) и нерынка (хотя и не обязательно какой-нибудь планомерности). Надо, на наш взгляд, поменьше рассуждать о свободе, конкуренции и рынке, которых, может, особенно и нет в наличии, а побольше о реальных экономических феноменах и процессах в адекватном, по возможности, их понимании. А для этого надо хотя бы учитывать, что экономический мир не только не механистичен, хотя свою механику он имеет, не только глобально не материалистичен, хотя своя материя в нем есть, не только плоскостно не феноменален, хотя ему, безусловно, свойственна своя феноменальность — многоуровневая и очень сложная, не только плотно не детерминирован, хотя причинно-следственные отношения ему, конечно, известны, но, наоборот, что это мир, полный неопределенности, идеальности, ноуменальности (сущности), случайности, что он непременно обусловлен тем самым ничто, о котором мы ранее уже говорили.

Капитал — особая организация хозяйственной жизни, ориентированная не на Солнце и не на Луну, не на Восток и не на Запад, не в глубь Земли и не в Космос, а всего лишь на самовозрастание стоимости, которое — через действующий капитал ориентирует все остальное. Плохой это ориентир или хороший — особый вопрос, здесь нами не обсуждаемый. Главной задачей у нас было дать некоторое онтологическое представление о капитале.

Лекция десятая

Экономическая цивилизация

Хозяйственная жизнь не исчерпывается производством и потреблением благ, их распределением, а экономическая — товарообменом и производством капитала как самовозрастающей стоимости. Мы это неоднократно уже подчеркивали по малейшему поводу: для философии хозяйства это принципиально важно, ибо она вообще не ограничивает свой предмет и не заостряет интерес на чем-либо частном и конкретном. Это и понятно: философия хозяйства рассматривает хозяйство как жизнь, а жизнь как хозяйство. Да и само бытие может трактоваться в рамках

философии хозяйства как хозяйство, — естественно, уже трансцендентного субъекта.

Философия хозяйства ничем не пренебрегает, что, конечно же, не означает ее какой-то беспринципной всеядности, а лишь подчеркивает ее заинтересованность в изучении всего, что участвует в хозяйственной жизни либо имеет к ней какое-то отношение, но в изучении, разумеется, достаточно абстрактном — в рамках, так сказать, обобщающего анализа. Горизонты философии хозяйства широки, но вместе с тем они есть, хотя и не четко очерченные. Философия хозяйства не станет заниматься конкретными механизмами и уж тем более технологиями хозяйства, но учитывать она их будет, а при необходимости рассматривать их на абстрактном, по преимуществу, сущностном, уровне, уделяя внимание не столько механизмам и технологиям, сколько их природе и общей роли.

Предмет философии хозяйства специально и строго не ограничивается, но это не значит вовсе его неопределенной разбросанности. Философия хозяйства берет то, что ей нужно — для познания смысла (с обращением к метасмыслам) хозяйственной жизни, как и общих принципов ее организации и реализации. Содержательное пространство философии хозяйства велико, оно как бы и без границ, но у этого пространства есть не только ширь и глубь, но и некий смысловой (метасмысовой) центр, который определяет границы этого пространства, стягивая его смысловыми же струнами (а лучше, наверное, сказать — суперструнами), что делает это пространство достаточно напряженным и по-своему определенным.

Что это за центр? Об этом нужно много и специально говорить, но думается, что наши предшествующие разговоры позволяют здесь выразиться достаточно кратко: человек — хозяйство — жизнь — бытие — ничто, и если весь этот смысловой ряд сжать в одну точку — в один многосмысовой смысл, то мы можем, при желании, уловить (и не более того!) суть того самого центра, о котором идет речь. Все в философии хозяйства, как, собственно, и в реальности, исходит отсюда — из центра, как и все туда — в центр, стекается. Тем самым определяются задачи, характер и границы познания, свойственного философии хозяйства. Ничто философии хозяйства не чуждо, но все подряд рассматривать она

не может. Размах, отбор и ограничения философско-хозяйственного познания диктуются указанным (и совершенно замечательным!) центром.

Данный центр, конечно же, идеальный, но не только субъективно, но и объективно, более того, он вовсе не только ирреальный, но и реальный, насколько вообще человеческое знание воображение соответствует реальности. Во всяком случае, такой центр, будучи мыслимым, присутствует непосредственно в реальности. А то, что он где-то, как-то и почему-то, в каком-то там неопределенном образе, не должно нас смущать, ибо нас не смущает и сама трансцендентность, которая тоже ведь присутствует в реальности. Задетый вообще трансцендентностью (разве человек, хозяйство, жизнь, бытие не трансцендентны по сути?), центр наш уходит корнями просто в абсолютную трансцендентность, явным представителем которой в реальности и является как раз то самое ничто, которое замыкает выше отраженный смысловой ряд (или, наоборот, его начинает, ибо ряд этот имеет кольцевое разрешение, позволяющее ему быть на себя замкнутым).

Все из ничто и все в ничто!

Позволим себе такую сентенцию, которая, надо полагать, не вызовет у многих одобрения, скорее даже, наоборот, но без которой мы обойтись не можем. Философское представление о реальности должно, на наш взгляд, не только учитывать это самое ничто, но из него непосредственно исходить, — ничего ведь тут нет страшного — поместить себя просто в это ничто и посмотреть оттуда внимательно на мир, глядишь, и философия какая-то потечет. Затейливо уж больно, скажут нам, но что вокруг незатейливо — ответим мы?

Итак, сидя в философско-хозяйственном центре и погрузившись в ничто, попробуем теперь из этого центра и этого ничто обозреть в целом мир, который мы называем так или иначе экономическим. Но хорошо сказать — обозреть, а вот как? Ведь мир этот, безусловно, очень сложен, он протяжен в пространстве и во времени, имеет богатую историю, соответственно и истоки, в то же время и богатейшее настоящее, переходящее в будущее, учитывающее прошлое, — короче, чего только нет в этом мире, каких только начал и итогов, ретроспектив и перспектив, не говоря уже о его феноменальности и ноумenalности, явлен-

ности и сущности (так сказать, за-явленности), имманентности и трансцендентности.

Всего хватает в этом мире, а мир экономический, худо-бедно, это ведь весь мир человеческий, разумеется, за исключением многого, чего нам — философам хозяйства — просто не нужно касаться, от чего мы, как принято говорить, абстрагируемся. Нас, конечно, выручает это абстрагирование, однако не только это, но и другое — уже в связи с тем, что нас как раз интересует, ибо это интересное мы выявляем, так сказать, во все стороны абстрагируясь, прежде всего, в сторону общего, глубинного, метасмыслового, т. е. для нас главного, а в уже обозначенном выше плане — в сторону нашего суперсмыслового центра. Абстрагирование нам помогает. Но мы этим не ограничиваемся, ибо сколько всего вокруг, требующего познания и осмысления. Опять же надо абстрагироваться — уже в сторону некоторого, может, и весьма исключительного, упрощения или, как еще говорят, изоморфизма. Но и это не спасает: попробуй-ка, изобрази, хотя бы и изоморфно, целый мир — в пространстве и во времени. Трудно, даже невозможно.

И вот на выручку приходит еще одно абстрагирование, однако особого рода, о котором всего меньше обычно говорят, но которым в общем-то постоянно пользуются, ибо так устроено наше человеческое восприятие, познание и отображение, как, собственно, и созидание: сразу все и сразу мгновенно, без погружения в детали и в последовательности, без анализа протяженностей в пространстве и во времени, без нудных рассуждений о том, что это есть это, а это есть то (это, мол, явление, а это — его сущность, — скучно все это, даже противно, а главное, не слишком-то и верно). Не отрицая в принципе возможности и такого рода описательности (познавательной тщательности, однако не смысловой, а скорее, предметной), мы все-таки должны более всего доверять образному абстрагированию, во-первых, а во-вторых, центростремительному абстрагированию (тому, что ведет к центру), идущему вслед, конечно же, центробежному обозрению, тоже абстрактному.

В итоге получается самая сложная по смысловому содержанию картина, однако предельно сжатая. Эта-то смысловая предельность как раз и передается образно, иногда и метафорично, она-то и является для нас искомой. К такого рода обнаружению, осмыслению и передаче

абстрактного знания прибегают, как известно, литература, живопись, религия. Вспомним хотя бы о тех же семи днях творения, о которых идет речь в Библии, чтобы убедиться, что это возможно, разумеется, в пределах слабых сил человеческих. Лучшей иллюстрацией такого подхода служит православная икона (а икона и есть как раз образ), на которой в предельно сжатом виде и предельно вне течения времени и вне распространения вокруг пространства дается иной раз сложнейшая метасмысловая картина. Для нас, философов хозяйства, особенно интересными и значимыми представляются иконы, посвященные Софии Премудрости Божьей, в которых содержится много трансцендентного смысла, выраженного к тому же символически. Создатель такой иконы, а вслед за ним и ее созерцатель, находятся в особой зрительно-выразительной точке, с которой им видится как бы все сразу и в максимально, хотя и изоморфно содержательной полноте. Все приближенно, все рядом, в некотором чисто смысловом нагромождении, со всех сторон. Здесь нет горизонта, нет удаленного прошлого и объемного настоящего, нет и туманного будущего, однако все содержательно, явленно-сущностно, объемно сжато. Некий аналог такого подхода можно найти в так называемой современной (модернистской) живописи, в том же кубизме или в том же сюрреализме, но в отличие от этих последних, в иконе нет никакого — преднамеренного и даже концептуального — искажения (уродования), познаваемого объекта (если, конечно, не признать за этими «измами» простой охоты как раз за уродливым).

Указанная точка обозрения обычно называется точкой обратной перспективы, когда все концентрируется непосредственно рядом (в некотором смысле это есть также точка и обратного времени, когда прошлое и будущее тоже оказываются рядом — в точке или, по крайней мере, около нее). Думается, что такую точку можно также назвать точкой сосредоточенного времени-пространства, как и точкой сконцентрированного смысловым образом объекта. Есть объект, а есть его смысловая концентрация, многомерный образ, архитектонический символ. Именно это привлекает более всего поэзию, концептуальную живопись, насыщенную прозу, как, разумеется, и философию. Именно этим отличаются в первую очередь священные писания.

Уместно здесь будет также заметить, что философия, в отличие

от той же иконописи или священного писания, не стремится, конечно, к особой, подчас нарочитой, зашифровке открываемых ею смыслов. Для философии тут нет никакого резона: она как раз стремится к максимальной ясности. Однако ей приходится иметь дело с такими объектами познания и в таких ракурсах, при которых невозможно избежать определенной условности, не говоря уже об образности и символичности. И не желая, быть может, того сознательно, философия вынуждена быть как бы зашифрованной, не слишком доступной, трудно понимаемой, со скрытыми и нелегко обнаруживаемыми смыслами. Такая закрытость, или эзотеричность, философии вполне естественна, с нею надо считаться и не удивляться тому, что нужно открывать не только реальность, но и саму философию. Однако от этого можно испытывать и большое удовольствие, а не одну лишь досаду.

Большим подспорьем в философском познании и отображении мира является, конечно, язык — родной язык. Может, я и ошибаюсь, но мне кажется, что язык в принципе говорит человеку гораздо больше, чем специальная философская терминология. Это нужно иметь в виду и постоянно вдумываться и вчувствоваться в родные слова, особенно в те, которые восходят к древности, к праязыку. Оказывается, что смыслы, спрятанные в словах, во-первых, не случайны, во-вторых, многозначны, в-третьих, очень глубинны — идут от истоков, наконец, они просто точны. В «старых» словах все едино: знак, значение, символ, смысл. Воистину, вначале и в начале было слово. Философу, на наш взгляд, очень невредно проникать в слова — слова исконного родного языка.

Мы позволили себе столь обширное методологическое вступление по той простой причине, что касаемся в настоящей лекции очень объемного предмета, с которым нам предстоит разобраться как раз тем самым образом, о котором мы сейчас столько толковали. Это не значит, конечно, что далее мы будем последовательно и тупо применять рассмотренную методику, еще и пытаясь ее тем самым проиллюстрировать. Нет, мы будем идти обычным, уже нам известным, познавательно-отобразительным путем. Но весь осуществленный выше методологический комментарий поможет нам понять, почему мы поступаем в наших рассуждениях так, а не иначе. Комментарий этот не вреден и для осмыслиения всего уже сказанного в предшествующих лекциях: кое-кто, наверное, уже догадался,

что те же стоимость, деньги или капитал мы рассматривали, находясь, по возможности, в той самой центральной точке, о которой мы только что вели речь. Просто знаково-смысловые точки бывают разные: стоимость — одна точка, деньги — другая, капитал — третья. И вот теперь перед нами совсем иная точка — экономическая цивилизация.

Если слово «экономическая» нам более или менее понятно (в соотношении с другими словами-категориями, используемыми нашей философией хозяйства), то «цивилизация» требует некоторых разъяснений. Мы не будем прибегать к помощи энциклопедий, а обратимся к корневой части данного слова «цивил», чтобы убедиться, что речь идет в принципе о городском устройстве общества, во всяком случае, не сельском, т. е. уже достаточно внеприродном, оторванном от природы и природного хозяйства, в значительной мере и в искусственном. Такое устройство предполагает наличие особого типа членов общества — горожан, пусть-то царей, феодалов, священников, торговцев и ростовщиков, ремесленников, воинов, нотариусов, рабов, крепостных, свободных слуг и т. п., но непременно горожан, а также и особого типа отношений — городских, которые выходят за рамки обычных общинных или тех же сельских крестьянских или феодально-крестьянских отношений. По сути дела, с городов и начинает свое бытие именно общество, а не община, хотя в городах как будто бы сохраняется многое от общинного устройства, как и того же феодального. Город, конечно, — община, но, во-первых, городская, а во-вторых, уже и общество. С развитием же городов, в особенностях крупных, дыхание общества (именно общества!) становится все более сильным, пока город окончательно не формирует общество, — и это он делает, надо заметить, не без активной помощи также развивающейся экономики. И хотя экономика может иметь место и вне города, даже и без города, но воистину экономикой она становится именно с городом, на его базе, с его участием. Можно сказать даже, что город и экономика во всяком случае там, где развивалась именно экономика — неразлучные брат и сестра. Городская жизнь требует, как мы уже отметили, особого устройства, особых действующих лиц (горожан) и особых отношений (городских). Люди разных сословий, занятий, положения и т. д. вынуждены так или иначе сожительствовать и общаться не где-нибудь, а в городе, в котором обязательно должно осуществляться какое-то особое —

городское — общежитие. Отсюда и обязательная договорная форма организации и реализации такого общежития. Горожане, хотят они того или нет, вынуждены непременно становиться, пусть и не все поголовно, гражданами города, его членами, его субъектами, его носителями, его реализаторами. Город — это не постройки, прилепленные друг к другу, не огороженная при этом территория, т. е. прежде всего не то, что вообще нагромождено в образовании, называемом городом, а именно особая человеческая общность, которая как раз и называется обществом.

Общество и город — почти одно и то же, если, конечно, отвлечься от смысловых различий, вкладываемых в оба эти слова. Городское общество или, скажем так, «городство», со своим особым договорным устройством и есть, по сути, цивилизация, а если не забыть при этом и особую культуру, характерную для «городства», мы получим тогда уже цивилизацию в полном смысле, присущем этому слову. Не будем забывать, что культура включает в себя не одни только культы, храмы, книги, произведения искусства, утварь, орудия труда, но и нравы, нормы, установления, ценности, идеологии, манеры поведения, а также само общественное устройство, государственный порядок, право, политику и т. д. Культура — это все, созидаемое человеком, — материальное и идеальное, реальное и ирреальное, видимое и невидимое, виртуальное и воплощенное... Культура непосредственно сопряжена с хозяйством — и как результат, и как начало, и как способ, и как средство. Хозяйство и культура неразрывны. Неразрывна с культурой и цивилизация, хотя культура может иметь и имеет место без всякой цивилизации, как, собственно, и хозяйство. А вот экономика все-таки тяготеет к цивилизации, как и цивилизация к экономике. Тут, что называется, взаимное влечение. Город в конечном итоге способствует тому и другому, отчего и нет ничего удивительного в их стремлении друг к другу.

Стремление это выражается, с одной стороны, в оцивилизовывании экономики, а с другой — в экономизации цивилизации. Исторически, да и логически первое предшествует второму. Хотя цивилизация и нуждается в экономике, но, во-первых, не всякая, во-вторых, наличие экономики в рамках цивилизации не означает вовсе собственно экономизации цивилизации, для этого нужна большая мера и немалое время для осу-

ществления. А вот оцивилизовывание экономики — это остро необходимо для экономики и вполне для нее естественно. Экономика нуждается в цивилизационной организации и реализации, ибо в противном случае она в общем-то состояться не может. Как себе представить экономику с ее товарообменом, деньгами, кредитами, конкуренцией, монополией, да хотя бы с цеховой ремесленнической регламентацией, без политической власти, общественного права, государственной номинализации денег, полицейской защиты, судов, нотариусов, адвокатов, тюрем и т. д., т. е. всего того, что вообще свойственно цивилизации, городской жизни, хозяйству города? Ясно, что без всего этого и тому подобных вещей, в том числе и специфической идеологии и морали, экономика осуществляться не может. Она должна быть обязательно подвергнута цивилизационной обработке, что, конечно же, не исключает и отрицательных последствий, но для нас сейчас важен сам факт этой обработки. Цивилизация непременно цивилизует экономику, — и не потому, что это красиво, а потому, что это крайне необходимо для самой экономики. Не только цивилизация настаивает на оцивилизовывании экономики, но и сама экономика, ее природа и принципы функционирования требуют того же самого. Сколько-нибудь развитой экономики нет и не может быть вне цивилизации.

Цивилизация имманентна экономике, она в ней сидит, а потому экономику можно лишь условно рассматривать вне неэкономических по природе, но совершенно экономических по функциям и самому участию в экономике цивилизационных компонентов. Экономическая теория может и не уделять этим компонентам большого внимания, хотя это ей не очень удается, а вот философия хозяйства обязана их непременно учитывать, даже и не исключая из сферы экономики. Причем для философии хозяйства по большому счету важно все неэкономическое в обществе, а не только как-то связанное с экономикой. Не только, к примеру, экономические и даже хозяйствственные функции того же государства, но и само государство, его характер, устройство, политика, его свобода и несвобода, его эффективность и т. д. Для философии хозяйства совершенно небезразличны культура, идеология, религия, мораль, психология, поведение людей, коллективов и сообществ и многое другое, что все равно присутствует в хозяйственной жизни, ее определяет,

причем гораздо серьезнее, чем это представляется слишком уж чистым экономистам. Нет, по сути, ничего, мимо чего могла бы пройти философия хозяйства, что не говорит, конечно, как мы уже отмечали, о ее какой-то патологической всеядности. Здесь не всеядность, а стремление к реалистически целостному представлению о хозяйственной жизни человека.

Но не только экономика нуждается в цивилизационном строе, но и сама цивилизация нуждается в экономике, разумеется, не всякая. Там, где экономика есть и развивается, там цивилизация не может обойтись без экономики и всего экономического: город, государство, войска, полиция, аристократы, священники, слуги, простолюдины, юристы, нотариусы, артисты, поэты... все и вся, что характерно для цивилизационного бытия нуждается в товарах и деньгах, а точнее, в деньгах и товарах, которые и забираются у первичной экономики посредством налогов, пошлин, поборов, оплаты услуг, пожертвований, конфискаций и т. п. Цивилизация, сопряженная с экономикой, вынуждена ее — эту экономику — эксплуатировать, что не значит вовсе, что это плохо, но что может быть очень даже и плохо, если независимая часть цивилизации не знает меры в обращении с экономической. Экономика, таким образом, обслуживает цивилизацию, получая взамен оцивилизование самой себя.

Однако не все так просто: в истории Западной Европы, соответствующим образом подготовленной ветхозаветной идеологией и развитием буржуазного (т. е. городского, но одновременно и экономического, слоя), наступил момент своеобразного прорыва экономики в хозяйственное и цивилизационное пространство с последующим овладением экономикой всей хозяйственной жизнью и подчинением экономике всей цивилизации. Произошла, — не в один день, конечно, — Великая Экономическая Революция, а затем возникла и экономическая цивилизация. В итоге осуществилась практически тотальная экономизация цивилизации. Такой переворот в хозяйственной жизни и судьбе западноевропейской цивилизации произошел, конечно, не без участия капитала, развивавшегося сначала подспудно, а затем и уже совершенно явно. Именно капитал — это высшее достижение экономического способа хозяйства, когда деньги свободно и стремительно делают деньги, когда

стоимость уверенно самовозрастает, когда деньги окончательно одерживают победу и становятся во главе экономики и всей жизни, когда обнаруживается великая динамическая сила — погоня за деньгами посредством всего лишь превращения денег в неденьги и опять в деньги — уже возросшие, когда обнажаются страшные энергии обогащения и накопления, достижения — не для всех, конечно — рая на Земле, когда высвобождаются предпринимательство и труд, знание и информация, наука и изобретательство, идеология (на время, разумеется) и политика (разумеется, не для всех), когда сама религия, не говоря уже о морали, разворачивается в сторону любого, кроме разве лишь прямого и открытого воровства, стремления к стоимости и к ее самовозрастанию. Триумф капитала, денег, стоимости и экономики, сопровождавшийся Великой Цивилизационной Революцией, названной по совсем другим — вовсе не хозяйственным — причинам Возрождением (резон, конечно, здесь был, ибо западноевропейская цивилизация, будучи тогда в основе как будто бы христианской, вдруг открылась навстречу преодоленному когда-то христианством греко-римскому миру с его, относительно христианства, язычеством; это было важно, ибо без такого оборота — заметим, идеального! — экономическое, а точнее, капитальное, начало не смогло бы осуществить так необходимого ему исторического прорыва, в достаточной мере затем укрепиться и начать свое триумфальное шествие по планете; неважно было, что греко-римская цивилизация была в основе не слишком экономической, важно было другое: надо было освободить человека от всего мешавшего тогда экономике — сословий, абсолютизма, цехового ремесленнического строя, крестьянства, феодалов, консервативного священства, морали, чести, вообще всяческих норм общежития, препятствовавших напору капитала, денег, стоимости; греко-римская идеология, с ее культом свободного человека, как нельзя кстати подходила для жаждавшей свободы буржуазии — свободы действовать, эксплуатировать, грабить и накоплять, как и конкурировать, обновляться и изобретать).

Экономическая революция сопровождалась революциями политическими (вместо монархии — республика, вместо абсолютизма — конституционная монархия, вместо субъективного произвола — объективный, как бы и бесстрастный, закон, вместо любого рода личных,

сословных и государственных зависимостей — гражданская свобода, в том числе и для лишенных тем или иным способом собственных средств производства и земли ремесленников и крестьян, и т. д. и т. п.), а также революциями культурно-идеологическими, включая и религиозную революцию (появление в рамках христианства протестантизма, как раз и соответствовавшего наилучшим образом буржуазно-капитальному духу, а также приспособление католицизма к торжествующему экономизму).

Экономизм. Хорошее слово. Это не экономика как таковая, а сам, так сказать, дух экономики, ее ведущее и вдохновляющее начало. Дух этот всегда сидит в экономике, но особенную значимость он обретает с капиталом, его победой. Тогда он начинает распространяться на всю жизнь человека, на все пространство его бытия, на всю цивилизацию. Экономика овладевает человеком и его жизнью, его бытием, — и заявляет о себе экономизм. Все вокруг подчиняется экономическому началу, все его обслуживает, все его страшно любит. Господство экономического начала и всеобщая к нему любовь — это и есть экономизм.

Экономическая революция произошла в Западной Европе (в XIV—XVII вв.). Там и родилась и развилась экономическая цивилизация. Об этой революции можно многое говорить, как и о характерном для нее первоначальном накоплении капитала (по привычной терминологии), а лучше сказать — решающем нарастании капитала (капитал-то зарождается раньше, т. е. до революции, потом он эту революцию совершает, бросаясь в прорыв, на простор, в бешеное накопление; поэтому-то предпочтительнее говорить не столько о первоначальном накоплении, сколько о решающем нарастании капитала). Говорить можно много, но от такого разговора в данном месте нас избавляет собственная — советско-российская — история, которая великолепно продемонстрировала за последние полтора десятилетия XX в., как это делается, — не проходит даже, а именно делается: и зарождение капитала, и революция, и бешеное накопление, и возникновение нового идеального обрамления, и лишение трудящихся средств производства, и появление богатства, и многое другое. Разница состоит лишь в том, что наша революция уже шла на фоне суперразвитой экономической цивилизации, под ее влиянием и при ее участии, — так что у нас имело место не зарождение экономиче-

ской цивилизации, а, так сказать, приобщение к ней — пусть и на положении довольно жалкой периферии.

Капитал себе все подчиняет. Все! И прежде всего, мораль, точнее, нравственность, замененную моралью, ибо мораль — куда как слабее и гибче нравственности, ибо нравственность от Бога, а мораль — от человека. Так вот и эту самую человеческую мораль капитал себе и подчиняет, превращая ее в мораль буржуазную, когда красть бублик с прилавка нехорошо и наказуемо, а грабить целые народы и континенты вполне допустимо и даже поощряемо. Нехорошо, к примеру, грабить банк, а вот лишать земли крестьян — это хорошо, как и, к примеру, лишать пенсионеров огромной страны заработанной ими, и не такой уж царской или президентской, пенсии. Буржуазная мораль — двойная мораль, перевертышная, скользкая. А какой ей еще быть, коли всюду борьба за деньги, за капитал, за личное благополучие. Вот возьмем то же уважение к личности, демонстрируемое буржуазным обществом. С одной стороны, это даже хорошо, ибо удобно, а с другой, нет, не плохо вовсе, но... сдабриваемое эгоизмом, крайним индивидуализмом, подчеркнутой замкнутостью, личной гордыней, оно обращается в весьма тягостное для человека, уже и не такого божьего человека, бремя. Конкуренция — не шуточки. Говорят, что это здорово. Возможно. Но... как же совместить с любовью, доверием, дружеством — в христианском смысле? Конечно, люди, слава Богу, остаются людьми и в буржуазном мире, а потому любовь, доверие и дружество в них не исчезают совсем, но... к конкуренции, эгоизму и индивидуализму им все-таки приходится приспосабливаться.

Буржуазная мораль постановила: человека не переделать (и в этом смысле Христос опять умер, уже идеально и не воскресая, может, до срока), но поставить в рамки можно — посредством закона. Закон — таков объект культа в рамках экономической цивилизации. В противном случае ничего не получится, не будет механики экономического хозяйства, не произойдет диалектического единения противоположных принципов — «грабь» и «не грабь», «убивай» и «не убий», «обманывай» и «будь честным», «ври» и «держи слово», «экономь» и «роскошествуй», «будь равнодушным» и «люби», «враждуй» и «дружи», и т. д. и т. п. Короче, делай все, что не запрещено законом, делай еще больше, если можешь обойти закон, делай еще больше, если можешь на него вообще наплевать.

Двойная, и очень гибкая, надо заметить, мораль. Все по закону, как и все — минуя закон (закон-то есть, следовательно, есть и что не соблюдать, соблюдая, — для того и запутанное массивное законодательство, и юрисконсульты, и адвокаты, и гибкие суды, и пресса, и общественное мнение, и многое другое, что сопровождает буржуазную законность и обеспечивает вполне правильное, т. е. двойное, обхождение с ней). В конце концов можно и соблюдать законы часто очень даже для этого приемлемые, в особенности, в высокоразвитых, богатых и очень цивилизованных странах, естественно, доминирующих в мире, можно даже не слишком эксплуатировать своих граждан, оберегая их от тяжелого и неприятного труда, но кто сказал, что следует соблюдать правила приличия и в остальном, не очень развитом и цивилизованном мире, как и относиться по аналогии с согражданами к импортной рабочей силе, в том числе и к завозимым из-за туманного рубежа квалифицированным специалистам и ученым (впрочем, могут быть и исключения, и поощрения, даже приоритеты, но все равно — выполнять им приходится ту работу, которую не хотят или не могут делать коренные высокоцивилизованные граждане). Капитал гибок, ох, как гибок: кому процветание, кому помочь, кому кредиты с долговыми обязательствами, кому иностранные (считай, международные) инвестиции, а кому и экономические санкции с бомбами, — это зависит от поведения — правительств, элит, народов. Каждому, как говорят, свое!

Вправе ли мы порицать буржуазную мораль? Нет, конечно. Ведь у буржуазного общества, ставшего нежданно-негаданно, чуть ли не единствено цивилизованным — как будто вокруг больше и нет цивилизаций, такие грандиозные успехи, правда, очень неоднозначные, но воистину грандиозные. Поэтому, что нам так уж критиковать эту самую мораль. Иное дело, что мы не обязаны ее приветствовать, а главное, мы просто должны ее показывать такой, какая она есть. Вежливость — великая вещь, но если тебя вежливо, но круто эксплуатируют, делают зависимым и бедным, а то и просто сживают со света, ибо такова логика капитала, его поведения, то как-то не по себе становится, — тогда-то и вспомнишь о Боге, благодати, любви, солидарности, даже о социализме ушедшем, об империи, безопасности, занятости, творчестве, образовании, уверенности в завтрашнем дне, да мало ли еще о чем тогда вспомнишь.

Когда говорят, что экономика вне морали, а лишь с одной эффективностью и полезностью, то откровенно лгут. Человек нигде не может быть без морали, в том числе и в экономике. Мало того, сама экономика не может обойтись без морали, без каких-то этических принципов, эталонного образа поведения и т. п. Иное дело, что у экономики своя мораль — экономическая, хотя, разумеется, не только экономическая мораль, как мы видим, дуальная — в основе дуальная, ибо она призвана совмещать несовместимое. Любопытно, что сейчас на Западе вовсю развивается особое научное направление — этической экономики, что происходит, конечно же, не случайно: во-первых, этика у экономики есть, во-вторых, хотелось бы, чтобы она стала в так называемую постиндустриальную эпоху малость получше.

Экономическая революция переделала радикально мораль. Не ее только. Она переделала идеологию, вооружив человека таким мировоззрением, которое позволяло ему, как и его принуждало, действовать в соответствии с экономическими принципами. Человек — господин природы, почти-бог, если не бог, творец, демиург, причем самостоятельный, сильный, злой, если хотите. Ему все подвластно, он — создатель своего мира, который мы предпочитаем называть неприродой. Человек — демиург неприроды, а соответственно новой техники, новых трудовых приемов, управлеченских методов, материалов, пород животных, сортов растений и т. д. Человек решительно вторгается в божий мир, его последовательно познает (наука тут как тут) и переделывает (с помощью науки и инженерии, умножающегося практического опыта). Мир не является более данным человеку Богом, это мир, который человек берет и делает с ним, что хочет. Мир познаем и переделываем. Прочь трансцендентность, прочь тайну. Разумеется, не все сразу узнается, а что не узнается, того просто нет. И Бога нет. Хотя, впрочем, почему бы и не оставить Господа, пусть будет, но совсем не страшный для капитала и экономики, для денег. И считать, считать, считать. Оценивать и оцениваться. Да, мир, да, природа, да, человек, но через деньги, через стоимость. Как уж тут не вспомнить чеховский «вишневый сад», этот ненужный призрак другой культуры, устаревшего мира, глупой цивилизации. Смотришь на дерево, а видишь деньги, смотришь на Солнце, а видишь стоимость. Икона — на аукцион, картина — в куплю-продажу, поэзия...

о, зачем тут поэзия, хотя, впрочем, почему бы нет, она деньгам не мешает. Был Божий, природный мир, да исчез — за стоимостной пеленою, теперь это другой мир — стоимостной. Деньги прямо из мира и текут — как вода, как воздух. Да что вода, что воздух — ведь они тоже оказывается стоят и тоже есть стоимость, хоть и труда никакого не требуют.

Естественный мир заменяется на искусственный. Теперь счастливо-несчастливый постиндустриальный человек видит перед собой искусственный мир, пластмассовый, каменный, металлический, жужжащий и грохочущий — поп-музыкальный. Где Бог, где Дух, где София? Где Благодать? Вещи вокруг (которые, собственно, ничего уже и не вешают, а просто шипят, ноют, воют — без всякой тайны), предметы, услуги, товары, разумеется, нужные, хоть и безумно придуманные. Выдуманный вокруг мир, да еще и... виртуальный, имитационный, импровизационный, мелькающий, совершенно знакомый и совершенно непознаваемый. Нет той самой Книги, которая бы рассказала вдохновенно об этом удивительно пресном мире — без русалок, без леших, без дуновений, но зато с автомобилями, самолетами и видаками. Смотри, и ничему не удивляйся, ибо об этом мире, который можно вполне профессионально разложить по полочкам, нечего в воодушевлении сказать. Ни Литературы, ни Философии, ни Слова!

Ладно, не будем больше: сколько ведь у ныне живущих (живущих ли?) всяких возможностей. Живи и наслаждайся! Вот и экономическую науку постигай, становись менеджером, аудитором, экономистом. И смотри на мир по-экономически, т. е. трезво, рационально, расчетливо. Вокруг цифры и цифры, вот и считай себе, а взамен... деньги, а за ними... товары, а за ними... удовольствие. Мир как удовольствие, — разве плохо? Нет уже враждебной человеку природы, нет уже его перед ней бессилия, хоть и есть, к сожалению, не менее, если не более, враждебная человеку неприрода, правда, им самим и созданная.

О религиозном перевороте мы сейчас помолчим, тем более что кое-что мы уже о нем сказали, а вот об организационно-гражданском перевороте, пожалуй, есть смысл немного поговорить.

Экономическая революция, сопровождаемая политическими революциями, открыла дорогу гражданскому обществу и в той или иной мере и интерпретации демократии. Факт, который всеми учитывается и

не оспаривается. Формальные сословия исчезли (от них остались в лучшем случае одни формы), все члены общества стали гражданами. Гражданство в городе распространилось на гражданство в стране. Государство тоже стало гражданским. Появилась единственная представительная власть, избираемая гражданами. Государственный аппарат не исчез, но стал подчиняться теперь этой представительной власти. Заработали различные демократические (гражданские, народные, публичные) институты. Чиновники остались, но появилась армия юристов, посредников, всякого рода стряпчих. Ничего особенно плохого мы в этом не видим, хотя не видим ничего особенно и хорошего. Просто возникла адекватная развитой экономике, ставшей уже капитальной, или, как обычно говорят, капиталистической, государственная организация. Примерно к такой организации и устремилась сегодня Россия, усиленно реформируемая (а на деле — нещадно переворачиваемая) на экономико-буржуазный лад. У нас тоже созидается подобное гражданское общество.

Укажем особо на одну важную характерную особенность рассматриваемого государственного устройства: на доминирование в нем экономизма, причем не столько в аспекте государственной экономики (денег, государственных доходов и расходов, бюджета, налогов, пошлин, имущества, предприятий, инвестиций, тюрем и т. п.), сколько в аспекте того экономического духа, который царит в государственной системе. Государство не просто нужно экономике, оно не просто ее обслуживает, в ней участвует и имеет, так сказать, свою экономику, а в том, что, будучи организацией в общем-то неэкономической по природе, по духу своему оказывается очень даже экономической. Здесь тоже поблескивает стоимость — отраженным от реальной экономической стоимости светом. Здесь, конечно, право, но... обильно пропитанное экономизмом. Не то что бы все продается и покупается, хотя кое-что важное все-таки продается и покупается, но само функционирование государственно-политической машины экономизировано, ибо подчинено экономическому по сути сознанию. И суды во многом такие же, и любые иные институты. Всеrationально, рассудочно, правильно — без души. Все по закону, по порядку, по расписанию. Все оптимально. Может, по-своему и справедливо, но в сторону внешнего смысла — не вещественного, конечно, но и не духовного. Такое устройство работает, возможно даже, и эффективно,

хотя далеко не везде и не всегда, но оно напоминает тот самый механизм, который представляет собой капитал: расчет, расчет, расчет. Бюрократизация огромная, аппарат раздутый, волокита несусветная. Но зато все как надо! А какая слежка, какое доносительство, какой надзор! Вот где, действительно, тоталитаризм, повторяющий зеркально тоталитаризм экономический.

Замечательно и другое: государственная власть служит по преимуществу буржуазному классу, в особенности его супербогатой и супермощной верхушке — финансовой олигархии. Нет, в этом утверждении нет никакого анахронизма, это подтверждается каждый день. Наличие так называемого среднего класса вовсе не опровергает данного заключения, а в реальности просто его подтверждает. Средний класс — буржуазный по своему характеру класс, даже если его значительная часть не принадлежит к собственно буржуазии. Это класс буржуазного, капиталистического, экономического общества, и он-то как раз и служит сейчас его основной опорой. Экономическая цивилизация, продуктом развития которой является средний класс, признается этим средним классом, разве лишь не в вопиющем капитализменном виде. Средний класс предпочитает, конечно, умеренный капитализм социализированного типа, его он добивается — не без помощи низших трудящихся классов, его и укрепляет.

Заметим, что экономической цивилизации, основанной на конкуренции, т. е. соревновании за хозяйствование и жизнь, свойствен феномен, который принято называть классовой борьбой, во всяком случае, борьбой интересов различных социальных слоев и групп. Несмотря на известное ослабление этой борьбы в последней четверти XX в., она продолжает иметь место. Плохо это или хорошо, но борьба эта есть. Она имеет и политический характер, временами обостряясь до настоящей войны. Экономическая цивилизация — цивилизация как бы совершенно естественной, даже предположенной борьбы, причем борьбы на многих уровнях, в разных сферах, по разному поводу, во многих формах, разными методами, ибо таковы принципы победившего и диктующего свои условия экономизма. Наличие борьбы не исключает, что очень важно, возможности поиска и установления социального компромисса поддержания иной раз и весьма стабильного социального равновесия,

что наглядно видно сейчас по странам с высокоразвитой экономикой. Этому как раз сильно способствует средний класс (примечательно, что есть страны, например, Скандинавские, общество в которых и состоит по преимуществу из этого среднего класса, элиминирующими значительно вообще классовую структуру общества, — недаром же о таких странах часто говорят как о социалистических, хотя таковыми они себя как будто бы не считают).

Вся жизнь экономических обществ, в том числе и конкуренция с классовой борьбой, имеет правовую организацию. Общественное, в основе своей демократическое право — фундаментальный параметр экономической цивилизации. Право подразделяется на разные виды: гражданское право, публичное право, хозяйственное право. И в каждом видовом праве мы обнаруживаем присутствие и влияние экономического начала — не только в хозяйственном праве (которое, кстати, может специально и не выделяться). Если толковать фактическое право как свод юридических законов и любых других регламентационных установлений, т. е. всего того, что надо так или иначе соблюдать, на что ориентироваться, с чем считаться, то что в жизни человека-гражданина вообще свободно от юридического нормирования? Видимо, очень немногое — свободная от правовой регламентации зона бытия в общем-то невелика (что-то из жизни внутри дома, в усадьбе, в санатории, что-то очень немногое на рабочем месте и на предприятии, что-то в театре, в ресторане, на прогулке, что-то в личных решениях и действиях, скажем, при выборе продукта, транспортного средства или направления личного движения, и т. д. и т. п., однако, заметим особо, все-таки что-то, а не все — даже дома, даже в ресторане, даже на прогулке, даже в магазине; это только кажется, что человек очень свободен, на самом деле все не так просто: жизнь цивилизованная отличается тотальной и даже микроскопической правовой регламентацией).

И тут возникает вопрос: право лишь фиксирует что-то из реальной жизни, его отображает, по-особому представляя, или право, — будучи идеальным, заметим, по своей природе, — непосредственно определяет эту реальную жизнь, делая ее не просто отмеченной правом, даже им регулируемой, а воистину правовой, т. е. правом определяемой, если хотите, и управляемой? На наш взгляд, право более определяет, чем просто

отображает и как-то в соответствии с потребностями бытия регулирует. Думается, что право надо считать имманентной принадлежностью бытия, как и вообще знание, информацию, энергию, воду, воздух и т. д., причем такой принадлежностью, которая не просто фиксирует и помогает бытию вообще, а в значительной мере его определяет. Попробуй, скажем, не получить сертификат, дающий право на производство какого-то продукта или торговлю им; или вести бухгалтерию так, что в ней не смогут разобраться налоговые инспекторы; или вывести просто так что-либо за границу, если это что-либо подлежит таможенному досмотру или обложению. Здесь можно перечислять до бесконечности. Регламентируется все или почти все: и так сказать легче, ибо регламентация по сути безгранична (хотя, разумеется, есть и зоны свободы). Жизнь регламентирована, хозяйство регламентировано, человек регламентирован. Это важно. И регламентация эта не столько отобразительная и пассивная, сколько созидательная и активная. Демиургичность права не бросается в глаза (в глаза бросается более всего просто правовой порядок), но она есть. Обратим внимание, что очень многое нельзя делать не потому, что запрещено законом, и не потому, что еще не разрешено законом, а потому что вообще еще нет какого-либо специального — по некоторому поводу — закона. Сначала закон, а потом реальное действие, хотя, разумеется, законодательству приходится лишь фиксировать и регулировать уже совершающиеся действия — поощрять ли, запрещать ли, просто ли как-то регламентировать.

Право — сложнейший идеальный мир, выраженный в слове. Вообще говоря, даже обычные административные, деловые и технические бумаги, не говоря уже о тех из них, которые относятся к официальным документам, тоже входят в правовую систему, их тоже нужно обязательно делать (производить), им обязательно следовать, с ними обязательно считаться. Право было словом и слово стало правом. То самое, не честное слово, не слово джентльмена, а слово, записанное на правовой доске общества (трактуемом нами возможно более широко). Право — регламентационная (да — нет; это — не это; так — не так) информационная система, активно влияющая на текущую в обществе информацию, ее распределющая и перераспределяющая, ее структурирующая. Хочешь, не хочешь, а считайся. Знай право. А поскольку это море информации,

и сам ты знать не можешь, то обращайся к особой отрасли деятельности и хозяйства (!) — юридической, в чью компетенцию входит не только производство правовых норм, но и их применение, трактование, как и обхождение (от «обойти»). И за это обращение надо платить, для чего есть и цены, эту отрасль почему-то не обедняющие, а обогащающие. Юристы в экономическом обществе — не то что зажиточные, а прямо-таки... Хозяйствовать в рамках экономической цивилизации — производить право, его соблюдать и не соблюдать, ему поклоняться и его презирать, натыкаться на него вдруг и пролетать вдруг мимо, хорошо знать и неожиданно обнаруживать, а вообще, конечно же, ему так или иначе подчиняться. Феномен правового подчинения. Свободен, но в рамках, не свободен, но с зонами свободы. Динамическое равновесие противоположностей (с тюрьмами, конечно).

Тот факт, что экономика не может обойтись без цивилизационной организации, кажется, ясен, как ясно и то, что сама цивилизация не может обойтись без экономики. Ясно, наверное, и то, что имеет место и известная экономизация цивилизации, т. е. придание ей экономического по сути характера. Но вправе ли мы выделять особо такой феномен, как экономическая цивилизация? Нам кажется, что вправе (мы тут, что называется, в праве, т. е. в правоте, в действительности, в истине). Разумеется, мы не собираемся вводить экономическую цивилизацию в сонм тех цивилизаций, которые выделяются специально наукой, т. е. соотносить ее с цивилизациями, обнаруживаемыми по совершенно другим критериям. У нас нет поэтому проблемы попадания или непопадания в какую-то там список цивилизаций. Иное дело, мы можем обозначить еще и неэкономическую цивилизацию, что не только возможно, но и необходимо. Это, собственно, мы уже и делали мимоходом, но это, разумеется, большая самостоятельная задача.

Лекция одиннадцатая

Неэкономика

Когда что-то происходит в реальности новое, но пока еще не совсем ясное, непонятное, а главное — по смыслу не определенное и словесно еще не обозначенное, приходится прибегать к таким словесным

довескам, как «ново» и «после», а в латинском варианте — «нео» (neo) и «пост» (post). Несмотря на то, что этим иногда просто прикрывается вдруг возникшая онтологическая пустота или самое обыкновенное когнитивное бессилие, в том числе и вполне прозаическая нехватка слов, данный прием позволяет возвигнуть некий смысло-знаковый пункт, как бы висящий в вакууме, но который способен — при дальнейшем изучении и осмыслении предмета — послужить опорой и даже мостиком к достаточно удовлетворительному, т. е. определившемуся и уже верно обозначенному, знанию.

Новизна, открывающаяся в реальности, на то и новизна, чтобы не быть легко и сразу схватываемой: к ней еще надо подобраться, найти слово, настолько меткое, чтобы навсегда или надолго покорить ускользающий предмет, установить над ним свою власть. Вещь отнюдь не всегда и охотно вещает, и заставить ее заговорить — задача исследователя, ученика, мыслителя. Потребен некий искрящий контакт между изучающим субъектом и изучаемым объектом, который просто так не возгорается. Субъект должен вникнуть в объект, а объект — войти в субъекта. Только при таком союзе, да еще и при условии обнаружения подходящих слов, обычно метафорических, символических, образных, возможно осуществление познавательной мечты, всегда желанной, но не всегда достижимой.

Вот и мы, вместе со многими знатоками современной экономики и зарождающихся в ней новых тенденций и черт, вынуждены прибегать, во всяком случае, для начала, к прибавке «нео», размышляя и говоря, быть может, не столько даже о *modern*-экономике, сколько о *futur*-экономике, т. е. о том хозяйственном устройстве, которое не столько уже есть — как законченность, сколько, по-видимому, еще только будет. Речь идет более о грядущем, однако уже и заявившем о себе, устройстве.

Неоэкономика.

Мы пользуемся именно прибавкой «нео», а не «ново», ибо первая более принята сегодня в ученом мире и имеет уже и международное распространение. Неоэкономика — новая экономика. Определение достаточно в общем-то пустое, мало о чем говорящее. На этих «нео» и «новая» далеко не уедешь. Надо раскрывать то, что за ними стоит. Однако и в них самих есть что-то значимое, если исходить из того, что новое есть все-таки действительно новое, а не просто каким-то образом и как-то

подновляющееся старое. Степень новизны должна быть весьма значительной, чтобы на что-то «навесить» столь мощный предикат — новое!

Новая экономика.

Нас такое определение устраивает, ибо мы видим, что в современной «продвинутой» экономике действительно происходит что-то значительное: идет, — может быть, лишь начинается, — серьезная качественная мутация, в результате которой на свет явится не просто обновленная, как это было прежде (например, в конце XIX в., в середине XX, в последней четверти XX в.), а и в самом деле новая экономика, причем именно экономика, т. е. тот способ хозяйства, который подпадает в нашем понимании под наименование экономики, — со всеми ее товарообменами, оценками, деньгами, капиталами, финансами, денежными доходами, налогами, кредитами и т. д., и т. п. Говорить о преодолении собственно экономики, — повторяем, экономики в нашем понимании, — пока нет резона, ибо ничто и нигде пока не свидетельствует об исчезновении такого фундаментального начала, как стоимость, — тоже, разумеется, в нашем понимании; стоимость по-прежнему есть, она все еще в силе, ее значение не только не падает, но даже и возрастает. Экономика никуда не исчезает, — может, и до времени, — но она сильно изменяется, настолько сильно, что возникает необходимость и возможность говорить о ней как об именно новой экономике.

Экономика — это стоимость. Мы не устаем это повторять, так как, во-первых, это нам представляется реалистичным, во-вторых, содержательно (онтологически) важным, в-третьих, размыслительно (гносеологически) значимым. И коль скоро перед нами новая экономика, то соответственно что-то новое должно иметь место прежде всего в стоимости или, во всяком случае, произойти со стоимостью.

Всякий, кто имел возможность как-то ознакомиться с историей экономики, знает, что экономика качественно изменилась. Докапиталистическая экономика — это одно, капиталистическая — другое. Есть экономика без капитала, а есть экономика с капиталом, мало того, есть экономика непосредственно капитализированная, т. е. уже подпадающая под власть капитала. Этот факт давно был замечен политической экономией, выделявшей так называемое «простое товарное производство» и

«капиталистическое производство», что как раз и означает «без капитала» и «под капиталом». И там, и здесь стоимость, однако с разной значимостью и функциональной ролью: там — более посредник, здесь — властитель и основная цель. Согласимся, что есть разница. И она даже не вся: в первом случае стоимость непосредственно связана с производством благ-товаров, что вынуждает наблюдателя-экономиста говорить о материальной, чуть ли не вещественной обусловленности стоимости, ее трудовой или полезностной субстанциальности, ее, скажем так, определяющей объективности (отсюда именно производство стоимости и товарообмен на основе произведенной стоимости, отсюда и зависимость стоимости денег, или воплощенной в деньгах стоимости, от стоимости, производимой в обществе, что означает, что деньги лишь другая ипостась все той же производимой стоимости); во втором случае дело обстоит сложнее: здесь уже имеет место появление иной ипостаси стоимости — капитала, в связи с которой стоимость хоть и не порывает с производством благ-товаров, но перестает быть лишь его внутренней посредницей, а становится так же и внешним определителем, что заставляет исследователя говорить не просто о производстве стоимости, а о производстве стоимости... стоимостью, а соответственно и о более сложной обусловленности стоимости, ее не такой уж материальной природе, как и не такой уж зависимости от трудового и полезностного начал, как это казалось ранее, не такой уж и ее объективности (отсюда уже возможность вменения стоимости, а не одного лишь ее производства, в том числе и вменения субъективного, что делает оценки не столь уж материально обусловленными и позволяет заметить в стоимости существенное нематериальное — идеальное — начало; тут уже является и сама трансцендентность¹).

¹ Тот факт, что политэкономия и в условиях «капиталистического производства» пытается все объяснить в дискурсе «простого товарного производства», т. е. материальности, объективности, «трудовости» и полезности стоимости, не замечая (или мало замечая) ее идеальности, субъективности, «нетрудовости», неполезности, как и ее трансцендентности, не говорит вовсе о том, что всего этого не было в реальности, причем и в рамках простой, т. е. некапиталистической, экономики (все это изначально было, даже в простой экономике, но тогда этого действительно можно было и не заметить, что подтверждается блестяще тем же самым «незамечанием», которое имело место уже при капитализме).

Выходит, что в результате капитального переворота (или экономической революции) произошло не просто усложнение бытия стоимости, изменение ее роли и повышение значимости, но и, что особенно важно, изменение... нет, не качества стоимости, ибо качество стоимости как феномена бытия не может просто так измениться — раз феномен продолжает существовать, а произошло, скорее, изменение в качестве стоимости или, в некотором роде, качественное изменение стоимости, т. е. не изменение качества как такового, а изменение внутри качества, ибо стоимость перестала сидеть, как прежде, в производстве благ-товаров, вышла из него, встала над ним и стала в него сознательно входить ради выхода из него в возросшем масштабе, что и привело не просто к поведенческим (функциональным) и структурным в ней переменам, а к высвобождению и заявлению о себе иных, содержащихся в ней, но зажатых качеств (качественных черт).

И стоимость вдруг предстала... другой стоимостью: производственная стоимость, опосредствуемая денежной и меновой — в ходе товарообмена, заявила о себе как о капитальной стоимости, для которой производственная, денежная и меновая стоимости оказываются всего лишь внутренними моментами реализации. Будучи ранее более всего производственной, стоимость оказывается в условиях господства капитала производительно-вменительной. Сидевшие где-то в «нави» качества переходят в «явь», они уже не скрываются где-то скромно, а решительно выходят на поверхность. В итоге происходит изменение не вообще качества стоимости, а лишь качества в качестве стоимости, не вообще природы стоимости, а лишь природы в природе стоимости. Является в принципе та же стоимость, но уже в другом образе, т. е. является и другая стоимость. В итоге экономической революции и обширной капитализации экономики возникла и новая экономика — по тем временам и меркам.

И вот снова новая экономика, или неоэкономика (этим «нео», надо полагать, подчеркивается какая-то особая новизна этой новой — по сегодняшним оценкам — экономики). Снова, можно предположить, изменяется качество стоимости и, конечно же, в пределах самого этого качества (стоимость, повторим, покуда никуда не девается, а продолжает быть, еще и усиливаясь). Что же происходит? А происходит, кстати, то, что

можно и было бы предположить, вдумавшись в логику предшествующего нью-экономического переворота — капитального. А почему, скажем, стоимости не продолжить путь наверх — в над-производство, а раз капитал уже в надпроизводстве, но еще в сопряжении с производством, то почему бы стоимости не двинуться еще дальше от производства, уже в рамках капитала, и уйти при этом и в над-капитальную сферу, тем более что банковский капитал нечто подобное уже давно демонстрирует? Почему бы стоимости не стать стоимостью, не производящей стоимость как капитал вообще (пусть и с вменением), а ее — эту стоимость — прямо присваивающей — через то же вменение и хорошо известное перераспределение уже произведенной стоимости? Для этого, конечно, нужен особый капитал в капитале, способный подчинить себе капитал вообще, т. е. некоторый суперструктурный капитал, который, будучи при этом и банковским, возвышается над всем капиталом, в том числе и банковским, да не просто возвышается, а как бы и создает весь капитал, а за ним и всю экономику. Не контролирует, что понятно, а именно создает, когда любые частные (или индивидуальные) капиталы становятся в каком-то важном отношении уже от него производными.

Настала пора осмыслить это новое, хотя и не такое уж новейшее — по истокам и примерам, состояние капитал-экономики. Разумеется, наука давно уже заметила эффект контроля над действующими капиталами сверху, как и эффект вменения капитала и стоимости сверху, так же как и эффект перераспределения производимой в обществе стоимости и прибавочной стоимости посредством капитальных действий сверху (достаточно упомянуть о том же феномене монополистического капитала, как и о феномене финансового капитала, замеченных и изученных политэкономией). Однако сегодняшнее состояние капитал-экономики позволяет сделать куда более серьезные выводы относительно стоимости, капитала и их реализаций — в направлении иерархически-пирамидального их строения и бытия, как и созидательной роли присущего им верха-центра. Пора уже перестать трактовать капитал-экономику как составленную из частных капиталов, чуть ли не самостоятельно возникающих и даже возникающих чуть ли не из ничего. Ничего подобного уже давно нет и быть теперь вообще не может. Общественный капитал ныне не столько уже составленный из микрокапиталов, сколько на эти микрокапиталы

распределоточивающейся (отсюда и рынок, к примеру, уже не базисная стихия взаимодействующих между собой товаро-капиталовых агентов, а вспомогательный механизм ограниченно-свободной настройки, обслуживающий выходящую за пределы собственно рынка — совсем даже и не рыночную — организацию).

Новую экономику не просто понять, ибо в ней нет какого-нибудь явного Госплана, на который можно было бы все и повесить. Открытого и просто так обозримого центра нет. Однако он есть! Им как раз и является тот самый суперструктурный капитал, или суперкапитал, о котором мы только что говорили. Конечно, это не единый капитал, но это, безусловно, как бы самый верхний капитал, а главное — решающий. Но дело даже не в нем как таковом — просто жизнь ныне экономическая так устроена, что она сама по себе уже полагаться на какой-то там стихийный процесс не может. Здесь все сразу: объективная потребность в организации из центра и сверху, с одной стороны, и ее субъективная возможность — с другой. Есть потребность в суперкапитале, и этот суперкапитал уже в наличии. Общественный капитал, а вместе с ним и вся экономика выстраиваются теперь так, чтобы иметь внутри себя это центростремительное (к центру и вверх) и одновременно центробежное (от центра и вниз) структурообразование и функциональное осуществление. Отсюда, с одной стороны, порождение всем ходом воспроизведения экономики суперкапитала с его центро-общественными функциями, а с другой — реальное исполнение суперкапиталом возлагаемых на него функций. И ни один микрокапитал не может теперь не считаться с именно таким устройством экономики, наоборот, он в нем весьма охотно и обретается.

Получается, что экономика каким-то образом, достаточно скрытым и неопределенным, как бы изливается из этого верха-центра, ибо ее структуризация и реализация уже не могут не определяться в основных параметрах «желаниями» верха-центра.

Мы привыкли к тому, что «макро» есть всего лишь производное от «микро», но теперь нам надо смириться с другим исходным положением: «микро» есть всего лишь производное от... не совсем уже и «макро», ибо это «макро» вовсе не то «макро», к которому мы «прикипели», а уже произведенное «макро» — верхом-центром, т. е. не «макро»

в привычном понимании, а совсем другое «макро».

Неэкономика — вовсе не суперлиберальная экономика, в которой все «компьютерщики» буквально купаются, сидя у себя дома, в виртуально-информационной свободе, а экономика, отличающаяся особой суперорганизованностью, — и суперорганизация эта превосходит не только рыночно-конкурентную организацию, не только корпоративно-монопольную, не только межгосударственно-трансモノ-польную, но даже и новейшую виртуально-информационную. Это особого рода организация, у которой пока нет другого наименования, кроме неоэкономической.

Экономическая наука, давно утерявшая связь с философией и религией, уже не способна возвышаться над экономикой ради выявления метасмыслов, для нее характерных, а потому, бегая как подопытная крыса по лабиринту, вынуждена лишь отмечать новые явления и черты, характеризующие частности, а не экономику в целом. Заметив компьютеры и Интернет, исследователи тут же принялись толковать о неоэкономике, перенося на целое то, что относится лишь к частному. Так уже было с постиндустриальностью, так теперь происходит с неоэкономикой, так будет и с постэкономикой. Компьютер, как в свое время машина или позднее тот же химический процесс, всего лишь частность, хотя, безусловно, и революционная — сначала в своей части, а затем и для целого. Компьютер изменяет экономику, но не компьютер же в природе экономики: если в экономике что-то качественно меняется под воздействием компьютера, то это что-то — не компьютер.

Была когда-то экономика ручного труда, потом стала экономика технического (машинного) труда, затем появилась экономика научно-технического труда (уже и труда-творчества), теперь вот экономика компьютеризированного труда (теперь уже и труда-творчества-игры). Перемены в характере труда, в его оснащении, имеют огромное значение для экономики, ее эволюции, но качество экономики изменяется при этом по-своему, в соответствии со своей логикой. Это необходимо непременно учитывать. Изменения частностей — важно, но нужно иметь в виду всегда и в первую очередь целое, у которого есть своя собственная смыслово-качественная начинка, в пределах которой и происходят какие-

либо смысло-качественные изменения, причем не обязательно под частным или внешним давлением, а, допустим, в силу и своей внутренней потенции.

Если говорить о своей (для экономики) — смысло-качественной начинке, характерной для целого, то лучше всего она выражена, о чем при желании нетрудно и догадаться, в стоимости, а не в товаре, деньгах, капитале, финансах, что по отношению к стоимости — все равно та или иная часть, хотя по природе своей и экономическая.

Открытие стоимости — величайшее достижение пытливого человеческого ума, еще воистину философствующего, а не только ис-следующего — как сейчас. Идти по следу бытия-жизни, конечно, надо, но почему же при этом не возвышаться над бытием-жизнью, не опережать даже — идеально? Только возвышение, названное довольно-таки примитивно абстрагированием, позволяет разглядеть глубины, и только на рас-стоя-нии. Вот и стоимость различается лишь на ди-стан-ции — масштабно-обобщительной и проникновенной. Упереться в компьютер и виртуальные технологии не мудрено, закричав в восторге о наступлении неоэкономики, а надо бы соприкоснуться вплотную со стоимостью, в нее войти, поосмотреться там да и поозираться вокруг — уже из стоимости. Что тут нового, чтобы о новой экономике-то вещать?

Обратимся к истории стоимости, к логике ее бытия-развития.

Стоимость, которую мы рассматриваем одновременно как субстанцию, отношение и оценку, т. е. трипостасно, прошла свой исторический путь — от более простого и более низового бытия к бытию более сложному и более верховому, — и в этом «более» есть свой резон, ибо стоимость всегда была сложной и верховой, даже в свои самые «первобытные» времена, а развиваясь, усложняясь и изменяясь со временем, не теряла никогда и своих более простых и низовых, если так можно выразиться, компонентов — менялось лишь соотношение между простым и сложным, низовым и верховым, а вместе с ним и само «воплощение» стоимости, ее, так сказать, плоть.

Сначала стоимость была напрямую связана с товарообменом и только товарообменом, она непосредственно из него выходила (товар обменивался на товар и возникал феномен стоимости); затем, когда

появились деньги, стоимость, не прерывая связи с товарообменом, получила возможность бытийствовать как бы и вне обмена (бытие стоимости усложнилось, ибо она уже и в деньгах, т. е. с обменом, но и вне обмена); далее деньги стали предшествовать товарообмену, как и вообще хозяйствованию — обязательным условием того и другого стала предварительно накопленная сумма денег, с которой все хозяйственное действие и начиналось (бытие стоимости еще более усложнилось: она еще внизу, но уже и впереди, а не позади, т. е. не как только результат, но и как начало); затем возник феномен капитала, когда деньги-стоимость предшествовали не просто хозяйственному процессу, а процессу, направленному на их — денег-стоимости — само-возрастание (тут уже появился эффект явного отрыва от низа и известного возвышения стоимости над ним, — бытие стоимости еще более усложнилось, она теперь бытийствовала всего более для себя, а не для товарообмена или вообще непосредственного хозяйственного действия; здесь уже имела место, конечно, революция — та самая пресловутая экономическая революция, о которой мы все время толкуем; здесь уже возник эффект господства стоимости над хозяйством, а не одного лишь его обслуживания); далее развивались кредит и ценно-бумажный капитал (фиктивный капитал, фондовый рынок), что сделало стоимостное бытие еще более сложным, верховым и оторванным от непосредственного (или реального) хозяйственного процесса (стоимость теперь не просто господствовала, а господствовала, так сказать, «фиктивно», не слишком вдаваясь в реальные хозяйственные процессы; стоимость была занята не производством стоимости как таким, а лишь обеспечением такого производства со стороны и сверху, однако обеспечением ради собственного самовозрастания; имел уже место эффект как бы помноженного или многоуровневого самовозрастания стоимости, усложненного верхними уровнями бытия и движения капитала; господство стоимости над хозяйством усилилось, изливаясь при этом из все более и более верхних уровней экономического бытия); далее пошло формирование финансового капитала, главная особенность которого состояла в установлении контроля над всей стоимостью, принимающей форму капитала: производительного, банковского, фиктивного, а вслед за этим и над иными потоками стоимости (в этом состоял

серьезнейший шаг в институциализации верхней стоимости, ее возвышающего бытия над непосредственной хозяйственной жизнью, ее господства над нею); далее финансовый капитал, — этот реальный прообраз суперкапитала, о котором мы ранее говорили, — двинулся, соединяясь с государственной институциональностью, на покорение новых стоимостных вершин, подчиняя себе деньги вообще, а вместе с этим и само деньгообразование, чему способствовало крушение золотого стандарта и торжество бумажных и вообще ирреальных денег (о чем это свидетельствовало, догадаться нетрудно: стоимость уже стала подконтрольной в общей своей массе, а не только в ее отдельных потоках); далее, что в общем-то происходило в то же самое время, финансовый капитал, давно уже став транснациональным, а соответственно и трансцендентным, завоевал международную сферу, поставив под контроль взаимоотношения национальных денег (через валютные отношения), а вместе с тем и международные экономические отношения во всем их разнообразии, как и мировое хозяйство в целом (никакая уже стоимость не ускользала из-под внимания транснационального финансового капитала, слившегося к тому же и с межгосударственными экономическими образованиями); наконец, сложился транснациональный и одновременно трансцендентный суперкапитал, не только контролирующий всю бытующую в мире стоимость всеми возможными и невозможными способами, но и как бы изливающий эту стоимость на мировое хозяйство — управляя ею и всей хозяйственной жизнью, что свидетельствовало уже о совершении новой экономической революции и переходе к собственно неоэкономике.

Мы видим, что историческое развитие стоимостишло не просто по пути усложнения ее бытия, прежде всего характерных для нее отношений и оценок, а по пути усиления в ее бытии вёрхового начала — надстроичного, производного, суперструктурного, что означало не только более сложную реализацию стоимости, но и перемещение зоны судьбоносных для стоимости и хозяйства решений вверх — от низа к верху. Выходило так, что стоимость все более и более отрывалась от производства стоимости, воспаряла над ним, все более и более устраиваясь в пространстве контроля над стоимостью, ее вменения и перераспределения. Не зона производства стоимости определяла теперь вообще

бытие стоимости, а зона надпроизводственного бытия стоимости определяла все более вообще бытие стоимости. Это был действительный переворот в экономике: не низ теперь определял, а верх!

Все это не значило, разумеется, что прекратилось производство стоимости в низах, нет, такое производство, конечно же, не исчезло, но оно осуществлялось теперь уже подконтрольно — с верхов, причем настолько, что стоимостные нижние отношения и оценки, а также стоимостные потоки, оказывались производными от воли верхнего стоимостного эшелона. Возник феномен глобального и трансцендентного (т. е. плохо наблюдаемого, скрытого, во многом и тайного) стоимостного управления производством стоимости, всем ее бытием. Не стоимость теперь зависела от производства благ, от вообще хозяйства, а хозяйство и производство благ зависели от стоимости. Отношения и оценки в низах определялись теперь в верхах. Стоимость определяла стоимость. Стоимость сомкнулась со стоимостью. Возник феномен суперстоимости. Стоимость воистину теперь главенствовала надо всем.

Сначала стоимость сидела в производстве-обмене; затем она вышла за его пределы, оставаясь к нему как бы притягиваемой (находясь, если так можно сказать, в параллельном бытии-полете); потом стоимость пошла круто вверх, закручиваясь в свою собственную бытийно-воспроизводственную спираль, однако питаясь непосредственным производством-обменом; наконец, заняв выгоднейшую позицию верха-центра, обозревая и контролируя все производственно-обменное и надстроичное пространство, стоимость стала воистину определять производство-обмен, как и все вокруг в хозяйственной, да и не только в хозяйственной, жизни. Воспроизводство суперстоимости определяло теперь воспроизводство стоимости вообще и воспроизводство хозяйства и общества в целом (в аспекте управления масштабными процессами).

Можно ли экономику по-прежнему считать капитальной (капиталистической)? Можно, конечно, но этого уже недостаточно. Перед нами другая экономика, а учитывая, что суперкапитал, о котором здесь идет речь, является все-таки на поверхности (относительно ноуменальной стоимости) именно финансовым капиталом, то нашу неоэкономику можно без особой натяжки назвать и финансовой экономикой, а если покороче — финансомикой, или финансомикой.

Разумеется, финансовый признак — не единственный признак неоэкономики, но, надо полагать, главный, ибо он касается самого основного в экономике — реализации стоимости. Стоимость теперь не столько в низах и не столько непосредственно производится микросубъектами, сколько с верхов и сколько, пусть и не очень непосредственно, но все-таки вменяется микросубъектам — нижним производителям стоимости. Производство стоимости не исчезает, она не возникает сама по себе, но производится теперь под опекой как бы верхней стоимости, не столько, быть может, отделившейся от нижней, сколько выделившейся из нее и обретшей функциональную самостоятельность. Все это кажется, конечно же, странным, но это так: обособившаяся наверху стоимость изливается вниз, питая этот низ... стоимостью. Соотношение круто изменилось: без верха низ сегодня ничего не может. Ни тебе денег вообще, ни тебе авансированных капиталов, ни тебе кредитов, ни тебе цен, ни тебе спроса, а соответственно и предложения. Понять эту зависимость низа от верха — понять сегодняшнюю и будущую экономику. Экономика-сверху подминает под себя, а в известной мере и замещает собой экономику-снизу.

Стоимостная власть сверху (или с верха-центра) на практике есть финансовая власть, а ее реализация — финансизм. Последний и представляет собой самый изощренный экономический империализм, а в соединении с глобализмом — экономический ультраимпериализм (как тут ни вспомнить К. Каутского с его тезисом об ультраимпериализме, не оцененным достаточно В.И. Лениным). Мировой финансизм окупается глобальной финансовой рентой, которую вынуждены платить все. Теперь уже не взаимодействующие между собой товаропроизводители, хотя они и остаются, теперь уже не самостоятельные капиталы — с капиталистами и своим наемным трудом, хотя они тоже остаются, теперь неформализованный суперкапитал, который даже и без лица, но которому все служат — не наемно даже, а за саму возможность жить. Не труд теперь только продается, а сама жизнь — и не продается даже, не покупается, «выделяется» (на жизнь, а может, и на нежизнь).

Особенность неоэкономики состоит в том, что стоимость в ней трансцендентно прибывает в реальную хозяйственную жизнь, а прибавочная стоимость из нее трансцендентно убывает (любыми способами):

от получения обычных доходов по ценным бумагам и кредитам до финансовых, денежных, валютных, платежных и т. п. кризисов). Деньги более не находятся в достаточной степени в ведении большинства национальных государств, как не находятся в руках национальных агентов капиталы, кредиты, товарные и фондовы инвестиции, доходы, цены, и т. д., и т. п. Все это находится в ведении суперкапитала.

Было время, когда экономическая наука могла себя тешить сначала трудовой, а потом и полезностной, теориями стоимости. Все по сути сводилось тогда не к стоимости, а к вещам (предметам и услугам), стоимостью обладающим. Стоимость старались вывести из вещей, идя по следу как раз за ними. То труд в вещах находили, то полезность, что само по себе и реалистично, но... не в отношении к стоимости, ибо она есть все-таки вселяющийся в вещи дух, а не свойство самой вещи. Конечно, понимали и тогда, что им труда никак не поймать, ни полезности никак не схватить, но ведомые научным методом все шли и шли по обозначенному наукой следу, т. е. ис-след-овали, но не стоимость как таковую, а лишь то, что стоимость хоть и имеет, но само по себе никак не стоимость. Понимали, конечно, что стоимость все-таки входит в вещь, но очень хотелось ее измерить чем-нибудь нестоимостным, но вроде бы саму стоимость и субстанциально составляющим. И ответа вразумительного, конечно же, не дали и дать не могли, ибо стоимость — это та еще «штучка», она сама измеряет (т. е. меру стоимостную всему дает), но при этом сама же не измеряется (т. е. не имеет внешней субстанциальной меры). Будучи субстанцией, стоимость в то же время несубстанциальна, т. е. она сама себе субстанция, но никак не субстанция... от чего-либо другого (все равно чего: труда, абстрактного труда, общественно-необходимого труда, полезности, предельной полезности...). В субстанциальном плане стоимость вовсе не вторична — от какой-либо внешней субстанции, а первична. Первична она и в оценках — конкретных товаров, хотя и считается с тем, в какой же товар она вселяется. Если на рождение товара уже была затрачена стоимость (факторов производства), то, конечно же, стоимость рожденного товара будет с этим считаться, хотя и не жестко, как будет она считаться, к примеру, и с качеством товара, и с его редкостью, и с другими характерными моментами).

Стоимость — тайна, поэтому мы и называем ее трансцендентной

(даже трансцендентальной). И эту тайну надо сознавать, оставляя стоимости стоимостово, а человеку — человеково. Не надо относиться к стоимости как к механизму, который можно разложить на части и все сразу же разузнать о его работе; стоимость принципиально не механистична и не раскладываема, она не только всегда целостна, но и в целом от исследователя скрыта. Заметим попутно, что это вывод вовсе не экономической теории, которая, разочаровавшись в разложении стоимости и ее познании, ухитрилась в конце концов вообще выбросить понятие стоимости из своего арсенала, а вывод философии хозяйства, для которой трансцендентность, как и неразложимая целостность, — совсем не пустой звук; философия хозяйства видит стоимость, но и замечает при этом ее трансцендентность, а потому не ставит перед собой никаких препарационных относительно нее задач; не стремится философия хозяйства и рассчитывать что-либо в экономике, заменяя стоимость: ценообразование — дело в конечном итоге самого трансцендентного стоимостного процесса. Никакими затратами труда и никакими полезностями величин цен не объяснить, ибо вовсе не они «мерят» цены, а как раз цены их и «мерят» — в ценах, разумеется.

Если быть откровенными, то вынужден заметить, что уже весьма надоело разъяснять одно и то же: что феномен стоимости есть; что его нельзя игнорировать; что стоимость есть экономика, а экономика есть стоимость; что стоимость познаваема как трансцендентная целостность (как музыка, идущая изнутри); что стоимость никак не материальна, хотя и вселяется в материальные вещи, а если и материальна, то по-особому: невидимо, неощущаемо, нефиксируемо; что стоимость триипостасна: она есть одновременно субстанция (нематериальная), отношение и оценка; что стоимость никем и ничем, как и с помощью чего-либо в нее извне входящего (труда, полезности), не измеряется, что измеряет она — и себя, и все вокруг, вступающее в экономический оборот; что любое измеренческое суждение будет заведомо неполным, ибо всегда останется что-то, что непременно ускользнет изпод внимания рассчитывающего (стоимостное измерение поэтому трансцендентно); что стоимость не только посредник, но и господин, что она не только споспешствует, но и управляет; что стоимость — специфический хозяйствующий субъ-

ект; что самой стоимостью можно управлять, а через нее и всем хозяйственным миром; что наилучшим (сложным, суперорганизационным, тайным) способом извлечения прибавочного продукта является стоимостной механизм; что ныне все вокруг подконтрольно стоимости, а сама стоимость подконтрольна суперстоимости, т. е. стоимости в стоимости, владеющей верхом-центром, что суперстоимость — это тоже самовозрастающая стоимость, а суперкапитал — агент бытия и самовозрастания суперстоимости (со своим, своеобразным, конечно, круговоротом), и т. д. и т. п.

Никто, или почти никто, не хочет над этим серьезно задуматься, возбудить воображение, заметить то, что не перед носом. Или полное безразличие к стоимости, или же труд, полезность — полезность, труд, а то еще и энергия, информация — информация, энергия... и так до бесконечности. Всем «сторонникам» стоимости, сводящим, однако, стоимость лишь к оценке, очень хочется все самим рассчитать, т. е., с одной стороны — выполнить работу за стоимость, а с другой — ее тем самым и упразднить. Так вот, стоимость на то и стоимость, чтобы все рассчитывать самостоятельно, чтобы в итоге от людей до конца не зависеть (участие людей-рассчетчиков в самом экономическом процессе сути дела тут не меняет, ибо все эти люди лишь участники глобального расчета, но не его окончательные вершители: процесс вершится в конечном итоге сам).

Упразднить стоимость можно, но тогда чем ее заменить? Стоимость может быть упразднена, но вместе, увы, с экономикой. Возможно, когда-нибудь это и произойдет, но пока на улице экономика и стоимость, а потому оставим стоимости стоимостово и не будем нарочито изгонять ее из хозяйственной жизни. Что касается требований все новых и новых аргументаций в пользу в общем-то видимого, но как-то упорно не замечаемого, т. е. стоимости и ее метанаучного понимания, то это лишено всяких разумных оснований, ибо это требования, — тут приходится заранее извиниться, — слепого к зрячему, а что может зрячий объяснить слепому, к тому же добровольно и радостно себя ослепляющему? Ничего! На этом мы, пожалуй, с данной репликой покончим: желающий видеть да увидит, желающий не видеть, ничего, конечно же, не увидит. Каждому свое!

Экономическая наука может сегодня торжествовать, нет, не по поводу очередной победы, вовсе нет, а в связи с открывающимися новыми возможностями для ис-след-ований, что фактически то же самое — для рас-след-ований, а то и прямо-таки для следо-пытств. Наука вновь берет новый след — теперь от компьютеров, информатики и Интернета. Революция! Вот, где просторы, вот, где новизна, вот, где факты! Сплошной восторг! Праздник!

Наступает информатационная цивилизация, или, покороче, информцивилизация. Факт. Никто с этим не спорит: была эпоха каменная, потом — металлическая, теперь вот уже и пластмассовая (зачем обнаруживаются сразу и «пластичность», и «массы», как и пластичные массы и массовая пластичность, — а чуть по-другому: гуманизм, PR-демократия и глобализм). Пластмассовая — значит и информационная. Теперь все в пластмассовом ящике и из пластмассового ящика. Экран. Показывающий что-то — ирреальность и от чего-то отделяющий — от реальности. За экраном — виртуальность, однако не сопряженная органично с реальностью, а ее вовсе и не органично («синтетично», пластмассово) во многом и заменяющая. Теперь надо жить (жить ли?) там, в ящичной виртуальности: хочешь хозяйствовать — в ящик, хочешь экономики — туда же... Эта-то виртуальная, внутриящичная и изъяичная, пластмассовая экономика, обозначенная «передовой» наукой как информационная, и является как раз, по мысли этой же «передовой», естественно, западной науки, неоэкономикой.

Почему нет? Разные мифы создает наука о реальности, пусть будет и такой — неоэкономический. Почему же миф? А потому что всю богатую реальность наука вновь будет стараться по своему обыкновению впихнуть в частное — поверхностное и однобокое — прокрустово ложе вдруг открывающегося, но неизбежно ограниченного, дискурса. Всю реальность этим вновь открытым дискурсом ей не покрыть, даже если дискурс этот и пласт-массовый, т. е. пластичный и массовый одновременно. Лишь очередной тощий и неуклюжий миф может появиться, от которого науке вскорости самой тошно и станет.

Что может произойти с экономикой, а в чем-то уже и происходит, в связи с информфактором?

Дело тут, конечно, не только и не столько в образовании большого

производственного и потребительского информсектора, хотя это и важно, сколько, с одной стороны, в изменении механизма функционирования экономики, а с другой — в возможности некоторых существенных подвижек в самом существе экономики. Великий объем и небывалая скорость обработки и передачи информации в неограниченном планетарном масштабе, — это, прямо скажем, не шутки. И впрямь перед нами разворачивается торопливо другая экономика.

Какая же?

Хороший вопрос и нужный вопрос. Да вот как на него поудовлетворительнее ответить? А делать нечего, надо как-то отвечать, задавшись, по-видимому, уже другим, не менее замысловатым, вопросом: на что же в конечном счете работает в системе экономики расцветающий информфактор?

Да, правильно, надо начинать и заканчивать со стоимостью и стоимостью. Но подобраться к ней можно лишь, разобравшись сначала с деньгами, а затем уже с капиталом, кредитом, ценными бумагами и всеми другими экономическими вещами. Мы могли бы, конечно, начать с товарообмена, склонив свою буйную постиндустриальную голову перед классикой, но... что бы мы увидели, кроме возрастания скорости и обезграничивания пространства товарообмена, новой структурной перестройки мирового хозяйства? Это важно вообще для хозяйственной жизни, но не для понимания сути происходящего, ибо суть... да, да... именно там — в стоимости и во всей обрамляющей ее экономической системе. А ближайший путь к стоимости сегодня — через деньги, которые давно уже — не один из реальных товаров, хотя и товары они по своей природе, которые уже не выходят из товарообмена и его обслуживают, а давно уже входят в товарообмен и его определяют, которые давно не являются уже лишь элементами помимо-них-реальности, а оказываются моментами создаваемой ими же реальности, которые давно уже не столько оцениваются неденежными товарами и их субъектами, сколько сами оценивают эти товары и этих субъектов, которые давно уже не собираются снизу и потом льются сверху, а сначала выливаются с верха и потом уже подбираются с низа. Деньги сегодня — не классические вовсе деньги. Это не возникающие объективно, а создающиеся субъективно деньги, что не говорит о каком-то безграничном субъективном

произволе в денежном вопросе, но что произвола субъективного вовсе и не исключает. Владение деньгами, их образованием и их потоками — самое важное в современной (либеральной?) экономике. Не землей сегодня надо непосредственно владеть, не средствами производства, не трудом, даже не знаниями, а... деньгами, владение которыми обеспечивает и владение всем остальным в экономизированном (т. е. купле-продажном) смысле. Все решительно изменилось, все перевернулось! Человечество и не заметило, как уже оказалось в новой, по сути, экономике — в неоэкономике.

Какие же дивные запахи чуются нам из чарующе пахнущей денежной кухни, на которой уже в дело пошел наш блеющий звонко агнец-информфактор? Предположить, что он — этот агнец — взорвет вдруг, как усатый террорист, эту самую кухню, конечно, можно, но... каким тогда образом сможет этот террорист — в случае везения — хотя бы убраться вовсюяси... без денег, без бензина, без жратвы? Но может быть, наш агнец-террорист взорвет только эту денежную систему (сожжет, скажем, лишь скверную поварскую книгу), а затем появится, — надо полагать, достаточно быстро, — другая, уже хорошая, отвечающая всем «законам» трудовой или полезностной теории стоимости денежная система (новая, уже правильная, поварская книга)? И такое предположить можно... если, разумеется, принять наших денежных поваров за безмятежных идиотов. А они, эти повара, совсем даже и не идиоты, — и прекрасно могут управляться с попавшим в их руки агнцем. Да и агнец ли это? Уж не блюдо ли готовое перед нами, приготовленное в виде агнца для щедрого угощения жадной до новизны общественности... может, и не на денежной, но близкой к денежной, кухне?

Вопросы, вопросы?..

Более вероятным представляется все-таки вовлечение информфактора в лоно денег и стоимости, чем их — денег и стоимости — упразднение или существенный подрыв с помощью этого фактора; более вероятным представляется эффективное использование информфактора в интересах господствующей уже денежно-стоимостной власти, чем упразднение или существенный подрыв этой власти. Информфактор способен сыграть выдающуюся роль в развитии уже в общем-то возникшей неоэкономики, настолько выдающуюся, что завтра мы экономики уже и

не узнаем (будем мучиться от отсутствия необходимого дискурса, либо погрузимся в надуманные и неразрешимые дискурсивные противоречия — к выгодах диссертантов). Нет, не свежий запах победы над скверной денежной системой почутся нам из мировой денежной кухни, ибо его там и быть не может, а тлетворный запах от рождения нового мирового денежного чудовища, который только и может там объявиться — где молодо, там и тленно!

Утверждение электронных денег и электронного экономического счета, как и возможность привлечения и обработки колоссальных массивов информации, ее быстрого и повсеместного (повсюду и сразу) распространения, а также сцепления всех без исключения действующих лиц экономического низа в некую электронную совокупность, из которой они не могут выходить по определению, как и, наоборот, контроль верха-центра над необходимой для управления низом информацией в сочетании с властью над деньгами и с распространением по электронной системе управляющих импульсов и побуждений, может привести к возникновению вполне тотализированной электронной экономики, или электрономики. Конечно, не все тут просто, но почему же нам не исходить из данного предположения как хотя бы наиболее вероятного, — печется-то электронный пирожок все на той же кухне — неэкономической? Да и стоимость по своей природе (идеально-трансцендентной) не слишком этому противоречит. Давно уже пора расстаться с убеждением, что стоимость возникает благодаря исключительно непосредственным товарообменным отношениям («товар — товар»), ибо последние давно уже подчинены иным стоимостно-образующим отношениям, которые есть уже даже не отношения «товар — деньги» (снизу вверх), а отношения «деньги — товар» (сверху вниз). Деньги теперь — не итог, а начало. А электронные деньги — тем более.

Вот говорят, что сейчас воцарится чуть ли не полная электронная демократия (Интернет, доступ к информации и т. д.). Но, во-первых, откуда нашим демократам денег-то взять, если деньги все электронные и на карточках; во-вторых, как им обойтись без денег, т. е. без соответствующих (общих) оценок и разрешительных (разрешенных или разрешающих) расчетов; в-третьих, где и как они возьмут всю необходимую

для судьбоносного хозяйствования информацию? Нам кажется, что электрономика будет еще более тайной экономикой, чем она является сейчас. Вообще неоэкономика — тайномика, — и с этим, думается, надо в первую очередь считаться. Демократия останется — как остаток, но, во-первых, для профанов, во-вторых, для наивных, — да и то лишь останется как управляемая демократия.

И если электрономике, т. е. вполне развитой неоэкономике, суждено не состояться либо состояться и вскорости погибнуть, то не по причине электронной демократии, как и не по причине электронного разбоя. Это может произойти из-за... самой электрономики, так как либо она сама себя вообще не выдержит (мы имеем в виду, конечно, глобальную — на весь земной шар — электрономику), либо усилия по ее реализации будут превышать допустимые любой эффективностью пределы. Тотальная (в планетарном масштабе) неоэкономика может не состояться и вследствие борьбы больших социохозяйственных пространств-структур против глобализации вообще и электронного тоталитаризма в частности. Такое возможно, но это обусловлено уже не экономической исторической логикой: тут начинает брезжить призрак даже и постэкономики.

Лекция двенадцатая

Хозяйственная демиургия

Хозяйство, как мы уже имели возможность убедиться, от хождения, но, конечно же, хождения целесообразного, имеющего какую-то цель. Что это за цель? В самом общем виде — реализовать жизнь. Жизнь требует реализации, а жизнь человека — сознательной реализации (не будем сейчас касаться вопроса о том, что есть сознание и у кого оно есть, а у кого его нет: важно, что человек обладает знанием, которое он способен рассматривать как знание, т. е. как бы и отделенно от себя, а потому быть существом со знанием — с знанием знания, а следственно, и с со-знанием, т. е. с сознанием; человек — существо в полном смысле слова сознательное, что, конечно же, не гарантирует его от «плохости», но это уже совсем другой вопрос — нравственный). Требование сознательной реализации жизни выставляет и требование реализации самого

сознания, что уже очень и очень интересно. Хозяйствовать — реализовывать сознательно жизнь, а соответственно реализовывать само сознание. Реализация с сознанием необходимо дополняется реализацией сознания.

Выходит, что хозяйство — функция от сознания и функция знания, что так или иначе означает некую эманацию сознания — как действа-процесса, так и итога. Хозяйство — реализующееся и реализованное сознание. Мы можем достаточно уверенно утверждать, что хозяйство есть продукт сознания. В то же время мы не можем пройти мимо того утверждения, что и сознание есть по сути своеобразное хозяйство — как действо-процесс и как итог, т. е. и продукт хозяйства.

Что тут первично, а что вторично? Это уж кому как нравится. Кто-то будет уверенно напирать на хозяйство, т. е. саму жизнь как жизнь, кто-то, наоборот, будет стоять за сознание, ибо без сознания собственно и нет человека, его жизни, его хозяйства. Если человек всего лишь рождение природы, да еще и физическое, то хозяйство может оказаться и впереди, а если человек явился в природу кем-то порожденным, т. е. уже с сознанием, то впереди может оказаться уже сознание. Ответить на этот вопрос однозначно мы не можем, ибо не можем выскочить из своего человеческого существа, т. е., по сути, преодолеть трансцендентность мира и самих себя, а потому будем исходить из самого факта тесной связи хозяйства и сознания, их неразрывности. Заметим только, что есть не только хозяйство и сознание, как и сознание и хозяйство, а нечто более взаимопроникновенное, а именно: хозяйство в сознании (там, внутри сознания), хозяйство сознания (когда сознание как бы есть хозяйствующий субъект), хозяйство от сознания (как результат), но также и сознание в хозяйстве (как действующее лицо), сознание хозяйства (как внутреннее свойство), сознание от хозяйства (как зависимость).

Разделить хозяйство и сознание невозможно, а главное, не нужно; вообще, надо заметить, что хозяйства (человеческого) нет без сознания, а сознания (тоже человеческого) нет без хозяйства. И не так уж важно — до поры! — что тут первое, а что второе.

Хозяйство — сознательная реализация жизни. Это очень важно, ибо сознание — это свобода! Сам факт знания, не говоря уже о факте знания о знании — факт свободы. А если еще учесть, что бывает одно

знание и бывает другое знание, т. е. бывают разные сознания и соответственно разные хозяйства, то факт свободы становится еще более убедительным. Сознательное хозяйствование (обратим внимание на то, что здесь почти тавтология) — свободное хозяйствование. Могу делать так, а могу делать и иначе — в пределах, конечно, но все-таки... Да и вообще: могу делать это, а могу делать то, или, что реалистичнее, могу делать то, когда сделано это, или, еще реалистичнее, сегодня делаю это, а потом буду делать то, причем еще и не знаю что. Есть выбор, есть возможность перехода от одного к другому, но есть также и возможность движения к еще неизвестному другому.

В сознании — сила! Причем сила хозяйственная. Хозяйство, вообще говоря, из сознания. Последнее изводит из себя хозяйство, его так или иначе производит. Труд, рука, мозг, как и вообще организм — не то что не главное, но... все-таки что они все без сознания?

Сознание — это и замысел, и его реализация. Объективность объективностью, но все здесь все-таки из сознания, которое, конечно же, считается с объективностью, как и само во многом объективно, но куда тут деться от сознания — от этого замечательного центра-источника хозяйства. И именно хозяйства, т. е. целого мира, а не всего лишь одного субъективного хозяйствования.

Нас могут, естественно, обвинить в субъективизме, быстренько зачислить в сторонников субъективной философской школы, а то и просто в последователей какого-нибудь философа-идеалиста, но... давайте думать... о реальности и только о реальности. И ради чего нам забывать о сознании, которое как раз есть в реальности и которое эту реальность производит, почему нам не видеть важнейшей роли сознания в реализации хозяйства?..

Оговоримся, что в реализации хозяйства участвует не само по себе только сознание, ибо в человеке есть еще и подсознание (так, нам во всяком случае, кажется), и даже сверхсознание, которые, хоть и обусловлены сознанием, но все-таки являются не-совсем-сознанием, т. е. внутренний мир человека гораздо сложнее того, что покрывается обычно словом сознание. Некоторое время мы будем говорить о сознании вообще, т. е. о сознании, покрывающем все сразу — сознание, подсознание

и сверхсознание. Нам важно сейчас рассмотреть главное — сознательность хозяйствования и «осознанность» (в смысле присутствия сознания) хозяйства.

Обратим еще раз внимание на факт изливания хозяйства из сознания. Исключительно важный смысловой момент. Хозяйствуя, т. е. живя, человек так или иначе, несмотря на всю свою зависимость от объективной среды, действует, скажем так, по своему усмотрению. А что значит «по усмотрению»? Наверное, то, что человек, во-первых, способен смотреть в себя — в свое знание, во-вторых, переносить усмотренное в себе во внешний мир, т. е. «овнешнивать» свое знание или «ознаниевать» внешний мир. Обычно мы исходим из того, что знание у человека возникает как отражение внешнего мира и человек только и делает, что приспосабливается к внешнему миру; однако это не совсем так: человек не только забирает извне знание, но и создает его внутри себя, причем со временем, по мере накопления знания, становится все более очеловеченным, субъективированным, даже и субъективным. Человек не только получатель знания — извне, но и его производитель — из себя. И внешний мир для человека — вовсе не тот внешний мир, каким он является в независимой от человека реальности, а как раз тот мир, который непременно и уже очеловечен — в аспекте представления, и другого — неочеловеченного — мира человек и не знает. И никому в общем-то не известно, что в мире от мира, и только от мира, а что от человека, и только от человека. Когда человек лишь осматривается в мире, то он более хозяйствует, как предписывает мир, а вот когда человек начинает более присматриваться к себе, т. е. обращаться к своему знанию о мире, то он уже хозяйствует не столько, быть может, по предписанию мира, сколько по предписанию уже своего сознания. И это очень и очень важно: хозяйствование человека — его хозяйствование, а хозяйство в целом — его хозяйство.

Почему мы так упорно говорим обо всем этом? Чтобы подчеркнуть одно очень существенное свойство человеческого хозяйствования, а следственно, и хозяйства в целом — его принципиальную неприродность, т. е. природность, конечно (куда от природы деться?), но одновременно и неприродность, причем более важную для понимания сути человеческого хозяйства, чем природность. Природа природой, от которой

не уйти, а при этом еще неприрода, т. е. то, что исходит от человека как бы и вопреки природе. Выходит, что человек, хозяйствствуя, выступает в роли некоего творца — творца уже неприроды, т. е. того, что природа сама не дает и дать не может (может, и не хочет). Разумеется, многое в хозяйствовании человека непосредственно сопряжено с природой, но многое уже является и чем-то не-совсем-природным, внеприродным, даже и надприродным.

Хозяйствование человека есть творчество. Мы видим, что можно просто пользоваться благами природы, можно добывать природные блага, можно использовать природные блага для их переделки, а можно и создавать такие блага, которые природой вообще никак не предусмотрены (природа ведь тоже творец, не надо об этом забывать; она ведь тоже по-своему хозяйствует). Выходит, что, хозяйствствуя, человек творит свой мир, который хоть и обусловлен природой, но природным его уже не назовешь, — это уже неприродный, или искусственный, или оккультуриенный, мир.

И вот, что интересно: человек вовсе не довольствуется простым воспроизведством самого себя, обеспечением физического выживания. В противном случае он не был бы человеком — существом сознательным. Сознание толкает человека за пределы простого физического воспроизведения (потому-то человек — не животное среди животных, а особенное животное). Жить по-человечески — не жить чисто физически, а жить сознательно, с сознанием, в сознании, со знанием. Человек — существо природно-неприродное, и неприродность эта восходит к сознанию (то ли благоприобретенному, то ли данному кем-то, то ли захваченному у кого-то?). Жить по-человечески — не только реализовывать организм, но и реализовывать сознание (или душу, иным словом). А сознание, восходящее к знанию и с ним сопряженное («вкусить плодов от древа познания»), требует и знаниевого хозяйствования — по знанию, с знанием и ради знания. Отсюда и императив не просто реализации знания, но и умножения знания. Отсюда и творчество.

Говорить, что лишь какой-то там умственный труд является творческим — говорить несомненную чепуху. Творчество — не в одном из трудов, не в одном из хозяйствований, а вообще в труде, вообще в хозяйствовании. Творчество в самом хозяйстве, в его начале. Без творчества

нет хозяйства. Хозяйство уже по определению есть творчество. Хозяйствовать значит творить, а творение (как процесс) и есть собственно хозяйствование.

Все сказанное нам позволяет сделать вывод о наличии феномена хозяйственной демиургии, т. е. творения человеком собственной жизни и окружающей среды из себя, а по-другому, созидания человеком собственного — неприродного, искусственного, оккультуренного — мира, а еще чуть по-другому: движение человека в ходе своего жизнеотправления от природы к неприроде. Очень важный вывод, а главное, краткий: феномен хозяйственной демиургии!

Вывод, вполне естественный для философии хозяйства, — экономическую теорию он мало волнует, ибо она занята в общем-то частностями, и если обращается к творчеству, так лишь как к внутреннему моменту хозяйственной деятельности и труда, как к фактору, позволяющему решать текущие хозяйственно-производительные задачи. Философия же хозяйства замечает иное: творчество как начало-исток хозяйства, как его основание, как одновременно и его цель-итог, а главное, как его потенция, а возможно, даже, и сознание, в чем-то великое и трансцендентное.

Человек — демиург! Его жизнь — не жизнь физической твари, а жизнь идеообусловленного существа, способного не просто жить, а жить, творя. Жизнь человека — хозяйственная демиургия!

Нет, не просто производство благ и их потребление, даже не производство себя и своей жизни, что гораздо уже содержательнее, а производство под себя целого мира — из природы, вопреки природе и наряду с природой. И как, зная это, мечтать о каком-то царстве благополучия на Земле, если такое благополучие просто не предположено демиургическим сознанием человека? Демиург не может отказаться от демиургии, свойственной ему, во-первых, органично, во-вторых, трансцендентно, а потому он не может остановиться и будет всегда идти вперед — от одной неприроды к другой, не завораживаясь каким-нибудь вдруг и возникшим перед ним «городом Солнца», ибо что «город Солнца» перед покорением космического времени-пространства?

Хозяйственная демиургия — что-то сложное, всестороннее, целостное... и бесконечное! Попробуйте ограничить эту демиургию чем-

либо, какой-либо областью, каким-либо сроком или какой-либо целью: ничего не получится. Тут все так или иначе трансцендентно, — и вовсе не только потому, что неизвестно, а потому, что воистину целостно, ибо мир целостен только с трансцендентностью, как и целостно с нею представление о нем. Трансценденция — это совсем не немая и бездействующая пустота, это как раз то, что говорит и действует, что творит, но что человеку в полном объеме недоступно, что он знает и что он при этом не знает, что сидит в нем и в то же время во вне. Многое можно сказать о хозяйстве, характерной для него демиургии, но, однако, не все, далеко не все: недоступными остаются самые-самые начала (откуда что пошло?) и самые-самые концы (куда же все идет?), но также и самые-самые глубины (что-то там — внутри?). Если что и более или менее понятно, так это некая самая доступная середина — и достаточно поверхностная. Тут господствуют опытные знания, тут могут быть доказательства, тут возможны модели. А в остальном, увы — лишь догадки.

И это хорошо! Что бы было, если бы все стало человеку известно? Другой был бы мир, другая была бы жизнь, другое было бы существо. Да и мир ли это был бы, существо ли, жизнь ли?..

А известно человеку все-таки немало. Что же тут есть — в поле известной человеку демиургии, в зоне, так сказать, ясности?

Рассматривая хозяйство как демиургию, а не всего лишь как удовлетворение потребностей или какой-нибудь оптимальный выбор, мы имеем возможность существенно по-иному взглянуть вообще на хозяйство, на его бытие и историю, равным образом и на те исторические воплощения, в которых хозяйство реализовывалось, реализуется или может в будущем реализоваться. Обращение к демиургии дает возможность посмотреть на хозяйство как на созидание новой жизни, не бывшей ранее, т. е. как на действие, в рамках которого совершается и то, чего еще нет, а не только то, что уже есть; хозяйство предстает как хозяйство обновленное, несущее в себе противоречие между новым и старым, между нынешним и будущим, между новшеством и традицией. Демиургическое хозяйство не может стоять на месте, оно должно изменяться, — и изменение это является для него необходимым имманентом.

Доисторические времена — условность, и довольно плоская (как, к примеру, сегодняшний постмодернизм). Не было и не могло быть

никаких доисторических времен — все времена исторические, если под историей понимать то, что однажды вышло из и в виде истока и все время продолжает истекать (обратим внимание на это «ист», корреспондирующее, кстати, с «ст», характерным для стоимости; стоимость — не только от «стойкий», но и от «источный», — здорово, не правда ли?). Вместо доисторических времен было время, надо полагать, раннего, первичного, начального бытия человека, а соответственно и его хозяйства. История человеческого хозяйства когда-то и как-то началась и по сей день продолжается — как биение сердца в течение жизни организма. Хозяйство человеческое не остановить, пока жив вообще человек.

Человек — существо прежде всего биологическое, что означает, что хозяйство человека прежде всего хозяйство биологическое, или биохозяйство. Это понятно. Однако человек и существо... нет, уважаемые коллеги, нет, не социальное вовсе, а... сознательное, обладающее сознанием, о чем мы немало уже говорили, а потому хозяйство человеческое есть хозяйство сознательное, или сознохозяйство. И это очень сильно: человеческое хозяйство есть не просто делаемое человеком хозяйство, но делаемое сознательно, с сознанием, из сознания, но и, заметим, ради сознания. А это уже не обыкновенное биохозяйство, а особое биохозяйство — управляемое сознанием. Можно сказать и несколько иначе, утая, что человека можно рассматривать, во-первых, как одушевленное существо, т. е. имеющее душу, а во-вторых, как разумное существо, обладающее разумом. Отсюда сознохозяйство оказывается, с одной стороны, одушевленным хозяйством, или спиритохозяйством, а с другой — разумным хозяйством, или сапиенхозяйством. Хозяйство человека не может быть просто биохозяйством, даже биохозяйством, обслуживающим сознанием (душой и разумом), оно должно быть настолько не-биохозяйством, что о биохозяйстве применительно к человеку остается говорить лишь как о некотором основании или неизбежном свойстве — пусть и фундаментальном — человеческого хозяйства (его, так сказать, первом этаже). И только после «созно» («спирито» и «сапиен») мы можем поставить «социо», указав и на то, что хозяйство человеческое есть непременно и хозяйство социальное, или социохозяйство, обладающее социальной структурой, мотивацией и реализацией (оговоримся, что в данном случае мы понимаем «социо» в широком смысле, как имеющее

отношение к хозяйству вообще, а не только к экономическому хозяйству).

Человек — существо природное, однако и неприродное одновременно. Человек в природе, и в то же время он вне природы. Человек не может (пока, во всяком случае) оторваться от природы, а потому его хозяйство в той или иной степени является хозяйством природным, но при этом, поскольку человек и вне природы, его хозяйство в той или иной мере является хозяйством неприродным. Находясь в природе, человек творит неприроду. Очень важный вывод, значение которого трудно переоценить.

Ничего нет удивительного в том, что поначалу человеческое хозяйство было более природным, более натуральным, более естественным. Это позволяет нам сделать вывод, что хозяйство человека было поначалу в целом натурхозяйством, для которого биохозяйство было наиболее значимым моментом. Натурхозяйство не было лишено неприродности, наоборот, оно непременно с ней сочеталось, выливаясь в то, что можно назвать артхозяйством, но неприродность все-таки носила в рамках натурхозяйства подчиненный характер. Разум человеческий работал на такую неприродность, которая не ставила еще под сомнение исходную природность человека и его хозяйства, не выводила человека слишком уж за пределы его природной обусловленности.

Человеческое хозяйство — не животное хозяйство; уже поэтому оно в чем-то обязательно является артхозяйством, т. е. хозяйством с неприродным, искусственным, культурным началом. Человек создает орудия хозяйствования и вещи (предметы и услуги), которых нет в природе как таковой. Хозяйство человека принципиально неоднородно. Тем не менее мы, наверное, поступим правильно, если будем различать натуральное хозяйство (с преобладанием натуральности) и ненатуральное хозяйство (с преобладанием ненатуральности).

Как это произошло, мы досконально не знаем и знать не можем, но мы в состоянии утверждать, что «сапиен» в конце концов захватило инициативу и человеческое хозяйство, подчиняясь сапиен-демиургии, все более и более превращалось в хозяйство ненатуральное, а само движение от натуральности к ненатуральности и определило в главном

демиургический вектор в хозяйственном бытии человека. «Сапиен», которое все более сообразовывалось в «рацио», т. е. становилось все более и более «сапиен» — как бы «сапиен» в степени, отрываясь в то же время все более от «спирито», а не только от «натуро», взяло на себя основную нагрузку не только по ведению хозяйства, но и по его выведению на новые неприродные уровни. Разумеется, это происходило неровно, неритмично, порывисто, локально, возвратно и т. д., т. е. общая картина эволюции хозяйства была (и остается) весьма пестрой и с позиции рационального наблюдателя весьма и весьма неупорядоченной. Но как бы то ни было, но дело шло по линии природа — неприрода, ибо человек обладает способностью изменять окружающий мир, т. е. природу вне себя, свою жизнь, в чем-то и самого себя, т. е. и природу себя, если не сказать при этом — свою неприроду.

В самом деле, в человеке сидит неприрода, во всяком случае, не та природа, которую мы обычно подразумеваем в человеке и вокруг него. Человек неприроден. Этим очень много сказано. И если человек так или иначе деятелен, то он деятелен, во-первых, не только природно, но и неприродно, а во-вторых, по преимуществу неприродно, ибо он — человек («чело» и «век», т. е. у него есть голова с разумом — «чело», и он ведает кое-что такое, чего не дает ему собственно природа — потому и «век»).

Отсюда принципиальная неприродность человеческого хозяйства, хотя человек может не слишком выходить за пределы природы, точнее, преодолевать не все возможные пределы, которые ему ставит природа, т. е. человек способен, а поначалу и вынужден, хозяйствовать не то чтобы в рамках природы, а, скажем так, в узких природных рамках, т. е. более или менее по-природному. Поэтому-то и натуральное хозяйство — как хозяйство, более или менее встроенное в природу, т. е. не переходящее какой-то решающей грани, отделяющей еще-натуральное хозяйство от уже-не-натурального хозяйства.

Переход грани. Серьезнейшая «штука» (акт, действие, событие, случай, шаг, скачок). От натурального хозяйства к ненатуральному, от еще-природного к уже-не-природному, от в общем-то еще-данному (природой, Богом Творцом) к уже-не-данному или даже к уже-взятыму.

Это переворот (так сказать, архреволюционный переворот). И он произошел. По нашему убеждению, с окончательной победой экономики, в момент (эпоху) ее окончательной самоориентации на деньги — как главную ценность и цель хозяйствования, как основное средство жизни и жизнедеятельности, как ведущее управлеченческое начало.

За деньги человек разрывает с природой (как матерью, как колыбелью, как домом) и вступает в особые отношения с Богом Творцом — противостояния, если не борьбы. За деньги человек усиливает в себе «сапиен», окончательно превращая его в «рацио», как бы порывая и со своей собственной природой — из природы. Человек окончательно выходит за пределы природы — идеально и по возможности материально, как и уходит из-под опеки Бога Творца, стремясь как бы и занять его место. Тут уже имеет место духовный, или, скорее, антидуховный переворот. Хозяйствуя еще-по-природному, хотя и не совсем по-природному, человек хозяйствовал более или менее с природой и Духом Божиим (вопрос о конкретных представлениях об этом Духе мы здесь не затрагиваем). Хозяйство человека было не только природным, но и духовным, или пневмохозяйством. Экономика, — с ее погоней за деньгами, а соответственно потребительными благами, — вызвала бунт человека хозяйствующего против природы и против Бога Творца. Человек не захотел хозяйствовать под опекой ни природы, ни Бога Творца, он решил вырваться за пределы хозяйства природы и хозяйства Бога. Демиургия человека не стала ограничиваться ни внутривидовой демиургией, ни богохновляемой демиургией. Настал момент, когда человек стал сам-себе-хозяйствующим субъектом. Это была самая выдающаяся хозяйственная революция, которую только можно было себе помыслить. Это была воистину леонардовская революция, живым и реальным символом которой явился именно Леонардо да Винчи — изобретатель еще неосуществленного, но уже осуществимого.

Мы упомянули чуть выше орудия хозяйствования, которые привычнее называть орудиями труда. Человеческое хозяйство практически не реализуется без орудий, а главное, не изменяется качественно, а если и изменяется, то очень мало и в узких пределах. Орудия оказываются, во-первых, самыми качественно и количественно динамичными элементами

хозяйства, во-вторых, самыми влиятельными — по последствиям. И демиургия человеческая, конечно же, оказалась направлена прежде всего, на орудия, реализуясь как орудийная демиургия, или технодемиургия, через посредство которой и могла только осуществляться свободная и активная хозяйственная демиургия человека в целом.

Технический прогресс — факт. Фактом является и хозяйственный прогресс, движимый вперед прежде всего техническим прогрессом. Поначалу технический прогресс был медленно-эволюционным — в пределах в общем-то природного хозяйства, а в один прекрасный момент — с победой, кстати, экономики (и капитала) — стал бурно-революционным. Хорошо известно, что переход (если не перескок) от ручных орудий к машинным знаменовал собою воистину революционный скачок в техническом прогрессе (собственно, с этого момента и возникает само понятие о техническом прогрессе, т. е. именно о прогрессе, ибо до этого момента говорить о прогрессе было как-то и не сподручно, хотя прогресс какой-то все-таки был).

Технический прогресс — дело человеческого сознания, главным образом, ума, разума, рассудка. В самой природе человека (его неприроде, прежде всего) заложена потенция к хозяйственным нововведениям, ибо трудно представить себе такое существо, как человек, без подобной потенции: хозяйство человека — не хозяйство животного, ибо человек не встроен органично в систему природы, как другие животные, наоборот, он как бы «выдвинут» из этой системы или, наоборот, не «вдавлен» в эту систему, т. е. он в природе, но и рядом с природой, даже вне ее. Хозяйство человека, при всей своей первоначальной природности — хозяйство все же неприродное, и ничего удивительного ни в нововведениях, ни в техническом прогрессе, ни в собственно хозяйственном прогрессе, как и вообще в прогрессе, нет. Человек — существо с прогрессом, т. е. каким-то обновленческим продвижением вперед. Человек — так или иначе демиург, ибо он свободен — хотя бы от той же природы (благодаря и своей неприродности).

Человек в общем-то не может не переделывать и не приспосабливать под себя природу, из которой он то ли вышел, то ли в которую он вошел. Такая переделка природы — закон человеческого хозяйствования. А где переделка, там и нововведение, там и технический прогресс,

там и вообще хозяйственный прогресс. Разумеется, данный прогресс может замедляться, приостанавливаться, как и, наоборот, ускоряться, нестись вперед, — по разным, кстати, причинам, в том числе и из-за... культурных запретов или тех же природных ограничений, — но он тоже является непременным законом человеческого хозяйствования.

Было время, совсем, впрочем, недавно, когда технический и хозяйственный прогресс вызывал вовсе и не дикий, а, скорее, вполне цивилизованный восторг. Взахлеб говорили о невероятных возможностях прогресса, окончательном покорении природы, о необыкновенном технотронном будущем. Каких-нибудь полвека назад было именно так, — и единственное что смущало, так это, пожалуй... лишь возможность атомной войны. Это было неприятно, но об этом старались не думать, завороженные научно-техническим прогрессом (даже научно-технической революцией). Хозяйственный прогресс, движимый вперед техническим и научным прогрессом, воспринимался однозначно положительно, тем более что достижения сциентизированного и технизиранного человеческого хозяйства воистину были грандиозными — и даже как будто обещающими решение чуть ли не всех проблем, связанных, как минимум, с физическим существованием человека, а то и... но, но не будем пока об этом. Вернемся вновь к машинному перевороту, обычно обозначаемому в литературе как промышленная революция.

Да, мы должны обратить внимание на машину, ибо машина, так сказать... это машина (она же и машина, а в некотором роде и мехина, т. е. механизм), т. е. не орудие просто труда, а нечто, труд человеческий заменяющее, само как бы и трудящееся, особенно если машина эта еще и автомат, т. е. сама себе машина, самоуправляющаяся машина. Труд машины, как и машинный труд, совсем и не ручной труд, пусть и с орудиями. Где машина, там и производительность, там и прогресс. Именно машина перевернула хозяйственный процесс, заменив человека, дополнив человека, усилив человека, изменив человека. Трудящийся человек стал другим трудящимся человеком, мало того, он стал человеком, не пользующимся просто природой, а воистину в нее вгрызающимся, ее переделывающим, создающим уже громадную неприроду. Машина — джин, но и применение машины тоже джин, — и как тут остановиться, в особенностях, когда машина сошлась с экономикой (со стоимостью), точнее,

экономика (и стоимость) сошлась с машиной. Отрыв от природы пошел по экспоненте. Тут уже никакой козеволюции. Да и человек подчинился машине, ибо от машины теперь зависела его жизнь. Так что дело вовсе не в том, что человек стал придатком машины, а в том, что жизнь человека вообще определялась жизнью машины. А это куда как серьезнее. Придаток машины — нехорошо, а зависимость от машины вообще — это хорошо?

К машине быстренько присоединились такие замечательные вещи, как физизм, химизм, биологизм, математизм, кибернетизм, менеджеризм, социологизм, политологизм, психологизм, да мало ли еще что, что не было собственно природным, что было из нее извлечено наукой и техникой, что было независимо от нее ими создано, т. е. некие технологические процессы, еще более усилившие хозяйственную демиургию человека. Последний не просто переделывал природу в неприроду, он уже и попросту создавал неприроду по своему усмотрению. Человек вышел на позицию творца своего собственного мира.

И коль скоро мы обратили внимание на машину, а затем и на технологический процесс (в самом широком представлении), то нам необходимо обратить внимание и на такую несомненно замечательную вещь, как демиургическое знание, т. е. не просто на онтологическое, созерцательное, объяснительное, приспособительное, выживательное, терпимое, деликатное и т. д. знание, а именно на знание демиургическое, т. е. переделывательное, преобразовательное, творческое, созидающее, интервенционное, активное, фантазийное и т. п. Очень важный здесь открывается смысловой момент: одно дело знание для жизни в природе и вместе с нею (по возможности и в единстве с нею), совсем другое — знание для жизни над природой и вопреки ей. Тут, как говорится, «две большие разницы». Нельзя сказать, что онтологическое знание совсем исчезло и полностью заменилось на демиургическое, нет, но на передний план вышло знание как раз демиургическое, которому и стало подотчетным знание онтологическое. Природоведение уступило место природопредельванию, а лучше сказать — неприродоведению, что не исключает, разумеется, по причине того, что концов неприроды никто не знает, и некоторого неприродоНЕведения.

Обычно говорят о науке и технике, а в рамках самой науки —

о естествознании и обществознании, как и впридачу к ним — об антропознании (знании о самом человеке). Мы же поступим так: будем толковать просто о науке, ибо так или иначе все именно в ней, благодаря ей и вслед за ней, как и по ее невысочайшему благословению.

Наука.

В самом широком смысле. Как особое знание, имеющее мощнейший демиургический мотив, который, во-первых, звучит в нем особенно сильно, во-вторых, все более мощно, в-третьих, все более, если так можно сказать... изощренно, в-четвертых, все более и более авангардно («передово»). Наука — вовсе не то, что обычно называется наукой, к чему мы все привыкли, скажем, верифицируемое знание, т. е. опытное, доказательное, проверяемое, ибо верификация — не самое главное в науке, хотя и абсолютно необходимое. Наука — не одно только знание, как и не одно только его добывание (бытовое знание — тоже по-своему научное знание, ибо тоже верифицируемое — практикой). Наука — это мировоззрение, это идеология, это самопознание человека. Это в конце концов просто сознание человека, т. е. это сам человек и есть, разумеется, как человек сиентизированный. Наука — смысловая начинка человека. Это только поначалу наука казалась одним из знаний, которыми обладает человек, а со временем она стала настолько имманента человеку, что и само сознание человека стало научным, да не просто научным, а наукой.

Был человек, а стал «науковек» или, скажем, «челонаук». И не для забавы вовсе мы таким словообразованием занимаемся, а для уяснения очень важного — онаучивания человека, а соответственно, его жизни, его бытия, его хозяйства. Дело не в том, что человек науку применяет в своей хозяйственной деятельности, а в том, что он ведет хозяйство, а соответственно жизнь, по-научному, в науке при этом и растворяясь. Было время, когда человек применял науку, а теперь вот наука применяет человека. Согласимся, что все это далеко не одно и то же.

Было мифовоззрение, было религиовоззрение, было философовоззрение, а стало науковоззрение — и не важно, что наука фрагментарна и не может дать единого взгляния на мир и на человека в нем, но она создает никому неведомый миф о научном взглянии на мир — якобы и

самый достоверный. Наука хороша не воззрением на мир, а возможностью его переделки. Наука хороша демиургически, а онтологически... в общем-то плоха, хотя все здесь кажется совсем другим. Наука презирает онтологию мира, но в ее весьма удачно вторгается — ради не целостного познания мира, а ради его преобразования, да что преобразования — ради созидания иного мира. Не надо искать в науке целостного объяснения мира, несмотря на все в него проникновение, но зато в науке можно найти очень многое в аспекте переустройства мира — по частям, однако.

Истинным хозяйственным демиургом человек стал, конечно, с наукой, освободившей его, кстати, ото всяких противодемиургических запретов, но роль науки нельзя понять без ее единства с экономикой. Экономика ведь тоже по-своему демиургична — как потенция, как стремление, как энергия. И вот вкупе с наукой она и дает столь впечатляющий демиургический эффект: две сестрицы как нельзя лучше подходят друг для друга. Экономика — человеческая абстракция (надо только деньги-стоимость считать) и наука — человеческая абстракция (надо тоже счет вести в разных единицах измерения). Обе абстракции и сошлись — на счете. Причем экономика быстренько стала онаученной, а наука — экономизированной. Так и явился рационально мыслящий сциентический и экономический человек. А чтобы все шло как надо в социальном плане, то явилось впридачу к экономике и науке развернутое право, а человек наш разумный стал еще и человеком правовым. Вот и три составляющих момента: экономика, право, наука.

Заметим попутно, что право и наука — вполне респектабельные составляющие хозяйственной жизни. Они сразу и средства хозяйства, и его объекты, и его, уже более трансцендентные, субъекты. Политика тоже. И психика, и ethos, и пиар. Да мало ли что? Все здесь так или иначе хозяйственное, все имеет отношение к хозяйству, да и просто в него входит. То же право ведь надо создать, т. е. по его поводу похозяйствовать (походить — из учреждения в учреждение, из кабинета в кабинет, от одной «умной» головы к другой и т. д.). Да не просто создать, еще и применить. А тут тебе и юристы, и прокуроры, и судьи, и нотариусы... целое хозяйство. А кто над этим задумывается — над хозяйством самого права? Да никто. И над правовым хозяйством тоже не очень задумываются, хотя

право отнюдь не только обслуживает жизнь нашего правового человека, но и определяет ее. Разве право не хозяйствует?

Хозяйственная демиургия распространяется на все вокруг, а не только на производство потребительных благ. Вся жизнь человека демиургирована. Вот что важно как-то уразуметь. Демиургируются не одни результаты хозяйства, но и само хозяйство, в том числе его способы, хотя, конечно, тут есть и влияние объективно-стихийной, синергетической организации. Хозяйственная димиургия касается не только того, что созидается в рамках хозяйства, но и, повторяю, самого хозяйства. Создание денег — димиургия, введение кредита — демиургия, внедрение финансовой ренты — демиургия. Экономика сдемиургирована. Неоэкономика тоже. Войны, а что войны, они тоже... созидаются, причем в новых образах, т. е. они тоже демиургируются.

Хозяйство димиургично, экономика — в особенности; наука — тоже в особенности; право — то же самое; политика — а какой же ей быть? и т. д. и т. п. Человек — демиург. Он достаточно свободен, чтобы творить. Человек — творец. Он — новатор.

Вот и предприниматель — демиург. Всего: продуктов и новых продуктов, технологий и новых технологий, финансовых и новых финансовых механизмов, занятости и новых образов занятости. Предприниматель и есть тот, кто одновременно экономист, технолог и правовед. Как минимум. А как максимум, он еще и политик, и социолог, и психолог и т. д. Даже еще и ученый («научник»). При этом он, правда, непременно менеджер, т. е. организатор — всего и вся.

А вот какой-нибудь паразит — не демиург. Тут уж ничего не поделаешь. Демиург — деятель. Так что не все среди людей выполняют демиургическую роль, тем более первоходческую.

Результатом человеческого хозяйствования, ведомого вперед демиургической интенцией человека, стало создание колоссальной по своим объемам и великой по своему разнообразию неприроды. И созидание неприроды продолжается.

Цель хозяйственной деятельности — не удовлетворение потребностей, во всяком случае, далеко не только удовлетворение потребностей (потребности ведь удовлетворяют и животные). Вообще наука страшно

принизила человека, объявиив его некой «потребительской машиной». Такое впечатление, что это было сделано даже и не по заблуждению. И хотя о человеке всегда говорили как о созидателе, но как бы и за пределами основных научообразных течений. Социалистическая доктрина, правда, любила говорить о человеке как о преобразователе природы и созидателе светлого — однако прежде всего потребительского — будущего (коммунизма), кое о чем толковала и футурология — тоже в плане овладения человеком природой и какого-то крупного преобразования человека (в могущественного человека — в сверхчеловека), но в целом экономическая наука кружилась вокруг потребностей и их удовлетворения, забывая как-то о таких моментах, как предназначение человека, цели его существования и жизни, телеологическая устремленность, та же самая демиургическая интенция. Это и понятно: наука — не философия. Только философия, а точнее, философия хозяйства, может ставить такие вопросы и как-то на них отвечать. Хотела того экономическая наука или нет, но она ослепила человека хозяйствующего, втащив в чисто экономические представления о своем хозяйственном бытии и не показывая ему иных смысловых пространств. Произошло грубое овеществление человека хозяйствующего, его сознания, из которого наука вывела всякие религиозно-философские заблуждения и внедрила в него материально-потребительскую и товарно-финансовую хозяйственную ориентацию. Положительная идеальность была отброшена, и на ее место попала идеальность отрицательная. Так родился сциентизированный и техницированный экономический человек, который творил уже не хозяйство, а экономику, а через нее и хозяйство, не отдавая себе отчета в том, что же он, собственно, творит — кроме удовлетворения все новых и все нарастающих потребностей.

И вот настало время оглянуться окрест и оценить сотворенное, ибо природа покорена, потребности в целом удовлетворены, общество потребления создано, экономика достигла высшей степени развития. Но вот незадача: сделать это, оказывается, совсем не просто, — как раз по той причине, что вокруг слишком уж много неприроды, заслонившей собою не только естественный мир, но и вообще любые смысловые пространства. На дворе постмодерн, т. е. некая самодвижущаяся эклектика, а еще лучше — патологическая мешанина, для которой смысл — что-то

лишенное смысла, ибо смыслом постмодерна является как раз... бессмыслица. Вот и приехали! А как же наука, рацио, математика?.. Не знаем. Разбираться надо, и разбираться философически. Другого варианта не просматривается. Хозяйственная демиургия, ведомая лишь материальным, исследовательским и изобретательским инстинктом, освобожденным от позитивной идеалистической опеки, не могла не завершиться столь впечатляющим результатом — обессмысливанием происходящего. Однако это повод для иных разговоров.

Лекция тринадцатая

Пересотворение мира

Хозяйство — сама жизнь!

Однако мы рассматриваем человеческое хозяйство, — и последнее есть не просто жизнь, ее обеспечение, но и изменение жизни. Это есть некая намеренная тенденция к другой жизни.

Особенность человеческого хозяйства состоит в стремлении к фундаментальным переменам бытия, чего, естественно, нет ни у одного животного. Вот почему мы говорим об особом сознании, характерном для человека, о его особой деятельности, да и вообще о его особом положении в животном мире.

Хозяйствующий человек — демиург, — и этим все сказано!

Вне демиургии не было бы необходимости так уж много говорить о человеке и его хозяйстве. Все было бы куда проще: «надо жить, надо хозяйствовать». Тут можно было бы ограничиться необходимыми потребностями и их удовлетворением, трудом, участием в труде, как и неучастием в нем, распределением благ. Можно было бы еще привлечь производительность труда — как фактор, способствующий удовлетворению потребностей. На этом можно было бы и остановиться. Но вряд ли тогда понадобилась бы наука — достаточно было бы обыкновенного бытового знания. Потребность в науке возникает уже в случае изменения и нарастания потребностей, т. е. с привлечением демиургического момента. Именно демиургическое начало в человеческом хозяйствовании порождает необходимость в науке, да и не только в науке, но и в филосо-

фии, ибо человеку уже нельзя не задумываться над важными судьбоносными вопросами: почему, для чего, куда?

Экономическая наука, в образе прежде всего политической экономии, оказалась вовсе не чуждой воззренческим, обобщительным и прогностическим рассуждениям, даже и проективным: она немало говорила о преобразовательных возможностях капитализма-индустриализма, об общественном благосостоянии, о социализме и коммунизме, об обществе потребления, в общем — о стремлении к потребительскому раю, при котором и все остальное в обществе должно быть непременно хорошим — как бы и беспроблемным.

Выходило, что главная цель хозяйства состояла в приближении человека (неважно, какой ценой) к этому самому потребительскому раю. Всего должно быть вообще много — по потребностям. И ничего другого наука о хозяйстве, т. е. экономическая наука, предложить не могла, так как рассматривала хозяйство достаточно узко, поверхностно и однобоко, т. е. потребительски, а если и касалась творчества, то лишь в связи со всем же расширением потребностей и возможностей их удовлетворения.

Наука все меньше «волновалась» философией, она упорно от нее избавлялась, замыкаясь в своем научно же обоснованном предмете и соответственно методе. Целостная онтология и гносеология хозяйства осталась в итоге вне поля зрения науки, озабоченной рационализацией хозяйства в целях потребления и только потребления, — что, быть может, по-своему и неплохо, но явно недостаточно.

Так или иначе, но только философия хозяйства, тяготеющая к целостности и глубине, т. е. к мета-размышлениям, смогла взять на себя задачу мета-логического осмысления хозяйства, его начал, свершений и тенденций. Это не значит, что философия хозяйства совсем уж безразлична к потреблению, производительности и эффективности, но она смотрит на эти «вещи» совсем по-другому — с учетом массы иных обстоятельств и смыслов, иных резонов и мотивов. Через призму философии хозяйства на хозяйство взирает не производитель и потребитель, не предприниматель и менеджер, не банкир и торговец, не инженер и «научник», не президент и губернатор, не демократ и авторитарист, не капиталист и социалист, не империалист и компрадор, а самый обыкновенный вообще-человек — просто-человек, и смотрит на хозяйство как

на трудно улавливаемое и трудно понимаемое трансцендентное действие, творимое поколениями и поколениями — без видимого начала и без знаменного конца.

Политическая экономия, как и вообще теоретическая экономия — вплоть до эконометрики, продукт экономической цивилизации, ее практика, ее науки, ее философии (хотя философия экономической цивилизации не слишком уж цеплялась за философию как таковую, ее в общем-то упорно выхолащивая и умертвляя; то же самое эта цивилизация проделала и с экономической теоретической наукой, превратив ее в конце концов во всего лишь технологическую «теоретику»). Нельзя сказать, что политическая экономия не замечала вообще неэкономических хозяйств, но она смотрела на них как на именно экономическое, а не вообще хозяйственное знание, а потому прикасалась к ним бегло-критически, т. е. занималась ими не очень-то обстоятельно, да и не так уж и справедливо.

Являясь следствием, элементом и идеологическим обоснованием экономической цивилизации, политическая экономия не могла даже поставить всерьез перед собой те вопросы, которые легко ставит философия хозяйства, ибо для политической экономии главным было все-таки рациональное ведение сугубо денежного хозяйства, т. е. хозяйства, ведущегося даже не столько с помощью денег, сколько уже ради самих денег.

Отсюда увлечение количественной стороной, счетом и расчетом, так называемой оптимизацией (в деньгах ведь можно все считать, подсчитывать и рассчитывать, а стало быть, и оптимизировать). Теоретическая экономия не могла не увязнуть в экономическом счете, что само по себе хоть и неплохо, но явно и недостаточно. И даже широко известный социальный аспект, характерный для политической экономии, был, по сути, сведен все к тому же экономическому расчету: кому сколько в экономике причитается? Теоретическая экономия, оплодотворенная математикой, вообще свелась в итоге к некой счетной науке, для которой рассчитанная истина оказалась гораздо дороже любой просто мыслимой истины, не говоря уже о мета-мыслимой. Количественная определенность взяла верх над качественной неопределенностью. Пробил конец всяческой философии, зато восторжествовал технологизм и инженеризм, что, правда, не сделало технологизированную науку по поводу экономики более истинной, — пожалуй, и наоборот.

Нельзя сказать, что теоретической экономии совсем чужды идеи новаторского предпринимательства или научно-технического развития, т. е. идеи в общем-то демиургического свойства, но, повторим еще раз, все это рассматривается в теоретической экономии в рамках того же главного течения — экономического, т. е. денежно-счетно-потребительного. Однако экономическая демиургия — не вся вообще хозяйственная демиургия, а уж тем более — не вся жизненная демиургия. Даже столь любимое политической экономией производство, т. е. нечто в общем-то демиургическое, опять же более всего раскрывалось в достаточно зауженном экономическом аспекте.

Экономизм — большое достоинство теоретической экономии, но это и ее основной, наряду с «чистой научностью», порок. Так вот и получилось: научная экономия сама себя загнала в научно-экономический тупик. Что хорошо для бухгалтерии и менеджмента, вовсе не так уж хорошо для теоретического, а тем более мировоззренческого знания, ибо последнее не может базироваться на узком, пусть и научно-экономическом основании: на уровне теоретико-воззренческого знания идет обязательное соприкосновение с неэкономическим и даже ненаучным контекстом, игнорирование которого — ради чистоты науки и экономики — оборачивается для науки не просто известной узостью взгляда, но и некоторой надуманностью ее концептуальных конструкций, насищенно обедненных и упрощенных.

Сколько в политической экономии все-таки оторванного от реальности, условного, неясного, путанного, неразрешимого, а главное, бог знает чего и о чем наговоренного! Много, к сожалению, слишком много.

Теоретическая экономия, оторвавшись от реалистической философии, закрывшись от неопределенности бытия и его трансцендентности, от глубинной сложности мира, не могла не закончить стерильным существованием для себя, «игрой в бисер», некоей занимательной механикой, облаченной в математические одежды. Нет, разумеется, мы не против теоретической и даже математической экономии, но мы против замены широкого и глубокого предмета-подхода на предмет-подход узкий и мелкий, точнее сказать, даже и не замены, а самой обыкновенной подмены, хотя и не обязательно умышленной. Выдавать весь предмет за что-то и только за что-то, закрывая глаза на все богатство предмета, который,

безусловно, масштабнее и разнообразнее этого что-то, не лучший способ познания и объяснения реальности, оперирования с нею. Всякая специализация, будучи в чем-то и полезной, непременно вредна, и именно вредна собою, т. е. специализацией. Специализированное абстрагирование допустимо, но лишь для решения частных задач и в узких, часто весьма условных пределах. Вообще же данным абстрагированием ограничиваться нельзя: в борьбе за чистоту предмета непременно ускользает его действительная «цветущая сложность».

Человек пришел в природу или вышел из природы (что менее вероятно) как субъект, обреченный на изменение природы. Чрезвычайно важное положение! Сегодня уже нельзя пройти мимо этого положения. Его надо обязательно учитывать. Явившись в природе, человек перерождает природу, занимается перенатурализацией природы, меняет природу самой природы. Данная человеку природа заменяется на выдаваемую человеком природу. Окружающий мир — теперь уже не оказавшийся как-то перед человеком мир, а мир, от человека прямо исходящий.

Разумеется, в позицию бесспорного демиурга человек встал не сразу. Однако это в конце концов произошло. Переделывание природы дополняется как бы созиданием природы, правда, не совсем уже и природы, а скорее, неприроды, т. е. того, чему еще нет названия, может быть, артероды. Мир человеческий становится все более его, т. е. человека, миром — homo-миром. Мир превращается в какой-то иной мир — очеловеченный, искусственный, неприродный.

Хозяйство человека — жизнь, но не просто уже жизнь — как жизнь ради жизни, а что-то и другое — как жизнь ради другой жизни, как стремление к иному, как уход в другое — вообще другое. Человек — не сын уже мира, природы, бытия, а их родитель! Хозяйство человека — уже не хозяйство сына, а хозяйство родителя, не хозяйство пользующегося, а хозяйство создающего.

Человек хозяйствующий — переустроитель мира, природы, бытия! Сильно сказано! Очень сильно. Но можно и еще сильнее: человек хозяйствующий — пересотворитель мира, природы, бытия, а его историческое хозяйственное действие есть не что иное, как пересотворение мира!

Никакая экономическая наука не сделает такого вывода, ибо она

поглощена экономическим, а по сути, и технологическим, расчетом; человек для экономической науки — либо потребитель, либо производитель, либо даже и паразит, однако извлекающий пользу и только пользу; и творчество для человека такой науки — только творчество пользоносителя и пользоожидателя, а никак не творчество какого-то там иррационального, т. е. вовсе и не полезного, существа.

Наука — творчество. Однако какое? По преимуществу полезное, во всяком случае вдохновляемое пользой, ее ощущением и ожиданием. Бесполезность в науке, конечно, есть, но это, так сказать, полезная бесполезность либо вынужденная бесполезность (как «шум»). По сути и по результату наука может быть вполне бесполезной, даже иррациональной, даже абсурдной, но все в науке происходит все равно под эгидой пользы, рациональности, логичности. Наука готова согласиться на сложность бытия, его стихийность, стохастичность, даже на объективные в нем законы, но она не может признать в бытии наличия каких-то еще смыслов, ею самою не улавливаемых, тех самых, что за пределами научного познания и представления о мире, научного его конструирования.

Наука — творчество, хотя и не всегда и во всем полезное, но оплодотворяемое все-таки пользой. Это творчество, направленное на познание мира и умножение знания о нем, как и усложнение (иногда и упрощение) получаемого знания, но также и на созидание мира, своего — онаученного — мира, вырастающего на базе знания как сугубо извлеченного из мира, так и знания уже свободно произведенного, знания от знания, уже и над-мирного.

Наука, соответствующим образом понимающая и хозяйствование человека (как извлечение пользы и ее созидание), не просто реализовала изыскательскую потенцию человека, равным образом и объяснительную (на языке науки), но и обеспечила удовлетворение созидательной, творческой, демиургической страсти человека, той самой страсти, которую никакая наука толком объяснить не может, да и вряд ли захочет. До науки, а точнее, до какого-то определенного момента ее развития, не было особого резона говорить об особой — и пока еще даже совсем и не осмысленной — переустроительной функции человека, его воистину богоподобной роли, его суперответственного, а может, и сверхбезответственного, положения.

В начале было Слово, и Слово было Бог! Теперь же в начале... наука, а наука есть число, цифра, расчет. И если тогда главенствовал Смысл, т. е. Божья мысль, то теперь первенствует... расчет — полезный расчет. Тут перемены принципиальные — переворотные! Человек теперь — не реализатор жизни, определяемой природой, даже не переработчик природы и не ее переделыватель, а гораздо более высший хозяйствующий субъект, ибо он теперь архитектор и строитель, проектант и инженер, причем не чего-нибудь, а самой жизненной среды, как и самой жизни, причем не в чисто физическом их аспекте, но и в социальном, как в общем-то и в любом другом. Человек ведет свою демиургию по всему фронту: здесь далеко не одно лишь производство потребительных благ, включая сооружения и машины, но и производство отношений и институтов, культуры, образов поведения и мышления, языка, т. е. общества в целом и человека в целом. Хозяйственная демиургия затрагивает все и вся, даже саму душу человека, не говоря уже о его сознании, она ничего не оставляет вне поля своего зрения и интенции.

Пересоврение мира — вовсе не нейтральное слово, это не образ и не метафора, не нарочитое преувеличение, не ерническая колкость. Это правда! И такая правда, к которой еще надо привыкнуть и в которой еще надо разобраться. Она ошарашивает, больно бьет по воображению, льстит и обезоруживает. Она убивает. Но и мобилизует: волю, разум, мысль.

Так значит?..

Выходит так, что?..

В самом деле, не так все просто в хозяйствовании человека с глобальной точки зрения: борьба за жизнь сопровождается, оказывается, борьбой с жизнью — за другую жизнь, хотя отдельный, пусть и очень образованный человек, как и целые поколения и народы, могут этого и не осознавать. Борьба за другую жизнь — куда ни шло, но ведь перед нами гораздо большее — борьба за переустройство мира, за его пересоврение, — это уже слишком! Одно дело — борьба за «хорошую жизнь», за «потребительский рай», за счастье, даже за Царство Божье на Земле, совсем другое — за пересоврение мира!

Кем бы или чем бы ни был сотворен мир и человек в нем, откуда бы этот мир и человек в нем ни взялись, явилось в этом мире существо —

человек — берущее на себя функцию глобального и радикального преобразования этого мира в другой мир — природного мира в мир неприродный (в артемир), в полностью очеловеченный мир — homo-мир, который не дан уже человеку, а им — человеком — выдан, изведен из человека, им произведен. Вот вам и производство, столь любимое политической экономией; вот вам и оптимальный выбор, столь уважаемый экономиком; вот вам и новаторство, столь почитаемое экономической наукой, — все куда как сложнее, величественнее и страшнее, чем это могла вообразить себе практическая наука.

Правда, тут приходится вспомнить о социализме и коммунизме, к которым должно было перейти человечество вслед за капитализмом (в результате даже его развития) или по счастливому стечению обстоятельств и подходящей субъективной намеренности, прямо и минуя капитализм. Социалисты-коммунисты, хотя и не все, тоже исходили из идеи сознательного, пусть и подкрепленного «объективными закономерностями», глобального переустройства мира, а где-то в засловье — и его пересотворения. Недаром же радикальные социалисты-коммунисты отвергли религию и Самого Господа Бога, ибо вознамерились не более и не менее, как занять его место — место Творца, да еще и сотворить такое, что как будто бы в замыслы Господа вообще не входило. Социализм-коммунизм — не Царство Божье на Земле, это что-то уже другое — не-божье царство на Земле, а именно — царство человеческое.

Да, фактически у социалистов-коммунистов речь шла о пересотворении мира. Но так все-таки не говорили, во всяком случае не акцентировали на этом внимание. Может, еще не додумались, может, сознательно пока избегали, может, не подошло еще время. Да и лозунг такой был бы слишком опасен для ловких переустроителей, ибо за ним скрывалось самое главное — пересотворение человека! Да, именно так: пересотворение самого человека! Мы привыкли, к примеру, к эксплуатации человека человеком, а вот к пересотворению человека человеком не привыкли. А привыкать-то надо! И вовсе уже не с намерениями одних социалистов-коммунистов, а с намерениями — при разной степени их осознанности-неосознанности — совсем даже не социалистов-коммунистов, а самых настоящих либералов, тех самых либералов, что победили на сегодня в мире, которые в нем сейчас доминируют, которые им так

иначе управляют — по-либеральному, разумеется — и которые, надо особо заметить, представляют тот мир в мире, который мы называем экономической цивилизацией, но также и сиентизированной, технологизированной, информатизированной, политизированной, а лучше сказать, не столько политизированной, сколько пиаризированной (PR-технологизм, это, конечно, политика, но уже во многом и не политика, ибо это уже воздействие — суггестивного свойства, да и сама политика нынче всего более пиар, а не осознанная борьба сознательных сил).

Пересотворение мира, пересотворение человека — от человека! — факт, от которого нам уже не уйти. Правда, вселяющая в человеческое сознание одновременно восторг и ужас. Восторг — у пересотворителей и у тех, кто надеется (осознанно или нет) на лучшее; ужас — у пересотворяемых и у тех, кто при этом на лучшее не надеется. Конечно, можно спокойно утверждать, что на это есть объективные закономерности, воля Божья или просто трансцендентная стихия, т. е. что это так само по себе получается, а человеческое сознание тут не при чем. Действительно, на ход вещей, как и на синергетику, можно все списать. Так, мол, получается, и все тут. И никаких замыслов человеческих здесь нет и быть не может.

Однако не все так просто.

Хотел того человек или не хотел, но в одно прекрасное время и в одном прекрасном месте, а именно где-то в середине второго тысячелетия от Р.Х. и где-то в Западной Европе (что весьма, конечно же, условно — так хочется современному человеку называть и думать), человек — в данном случае вовсе не ЧЕЛОВЕК, а лишь какая-то его мизерная часть, т. е. некая группа людей, некий слой, некое сословие — взял да и поставил себя в положение переустроителя мира, а затем и в его пересотворителя. Развитие науки и техники, измененческого предпринимательства, протест против традиционной религии и против Бога вообще, развитие атеистической идеологии и гуманизма, соответствующей всему этому философии и культуры, учений о благосостоянии и богатстве, о социализме и коммунизме, как и вообще о светлом будущем, говорят о многом. Недаром же сказано было: пора перестать лишь объяснять мир, надо заняться его преобразованием. Разве не так?

А то же движение — почему-то, кстати, надежно законспирированное — тех же «вольных каменщиков» — «строителей Храма», особенно заявившее о себе именно тогда и именно там, разве оно ни о чем таком не говорит — о строительстве «нового мира» — мира «всеобщего благоденствия»? И разве не архитекторы они, эти «каменщики» и «строители»? Разве не проективные они хозяйствующие субъекты? И не от них ли идут всяческие перестроечные и переустроительные проекты? Не в их ли головах родился замысел того же социализма-коммунизма?

Трудно сказать, когда и в связи с чем, как и где, родилась пересотворительная интенция. Возможно даже, что восходит она к атлантам (жителям легендарной Атлантиды) или к тому же Каину — первому из известных градостроителей, как, собственно, и к Соломону. Сие не так уж и важно. Главное, что человек всегда стремился — в лице какого-то своего слоя — к самостоятельному созиданию собственного бытия. На то у человека ведь и воля, и сознание, и свобода. На то у него наука, техника, знание. На то и идеология. Человек захотел вырваться из-под власти природы и Бога, и он это делает, достигая, заметим особо, грандиозных успехов.

Прежде всего, конечно, переделка природы под себя. Чем не хозяйственная цель? Вполне хозяйственная, как и вполне человеческая. Вряд ли человек — продукт природы. Непохоже. Скорее, он все-таки ее какой-то оприродненный, но и неприродный в какой-то важной сути, насельник. Зачем же тогда этому насельнику так насиливать природу, переделывать ее под себя, мало того, замещать ее глобально (насколько возможно) неприродой — артеродой? Зачем? Ради выживания? Вряд ли. Тут что-то позамысловатее, да и потрансцендентнее. Тут стремление к другому миру. То ли человеку вообще мало природы, то ли она всего лишь исходное средство для достижения им какого-то неприродного состояния, то ли она служит не более чем отрицательной (т. е. отрицаемой) противоположностью, а потому и своеобразным для человека путеводителем — от противного (делай все не по-природному и придешь к нужной цели). Тут сплошные загадки, которых и бояться вроде бы нечего, но от которых как-то очень уж становится не по себе. Страшновато.

А почему?

А потому что человек переделывает человека, и не просто как-то переделывает, а пересотворяет. Человек человека! С помощью науки, соответствующей идеологии, разнообразного пиара. А что значит в таком случае «пересотворяет»? Уж не об ином ли каком-то существе речь заходит, пусть и в человеческом облике, а может, уже и в не-совсем-человеческом? Успехи биологии и генной инженерии налицо, как и многоного другого, того же пиара. Речь заходит вольно или невольно о каком-то другом вообще человечестве: наверху одни — совершенные в высоком смысле существа-властители, внизу — уже в низком смысле слова совершенные существа-роботы, ну а посередине — вполне совершенные исполнители-менеджеры. И в необходимых качествах и соотношениях. Наверху — бессмертные, посередине — полусмертные, внизу — запланированно смертные, а может, все будет иначе... но как?

Такого рода глобальные проекты напоминают кое-что из состоявшегося уже прошлого, имевшего свои переустроительные эксперименты: и природа должна была стать глобально другой, т. е. превратиться в неприроду, и общество должно было стать глобально другим, и человек должен был стать в целом другим. Эксперименты были (и есть), но успехи наук еще были недостаточными; так что эксперименты, похоже, опережали свое время, однако ведь в чем-то важном и состоялись, и если чуть-чуть подумать, то можно заметить и то, что многое уже из ранее экспериментального стало самой обыкновенной повседневной практикой (как тут ни вспомнить ту же советско-российскую перестройку-революцию — со всеми ее последствиями для инфраструктуры, производства, занятости, народонаселения, культуры, отношений, ценностей, ориентаций, поведения, социальной структуры, политической суеты, войн, даже в некотором роде и для физического, а не одного лишь нравственного, облика людей?; а как не обратить внимание на состояние тех же западных обществ — мирно у себя пасущихся и гневно наказывающих всяческих по миру супостатов?; и как не указать на то же повсеместное признание того же глобализма, хотя никто практически в нем ничего не понимает?; да и как не упомянуть о том же мировом финансизме, способном снимать глобальную финансовую ренту — со всех, но при этом делать вид, что ничего подобного не происходит?).

Пересотворение мира и человека уже идет и имеет своих субъектов и объектов, как имеет и свои уже заметные достижения.

Факт.

Разумеется, но не слишком признаваемый, ибо, как говорят мудрейшие, такого просто не может быть. Правда, почему-то старательно английский изучают, в Интернете сидят, служат, о долгой жизни мечтают, хотя и болеют, мрут, вообще исчезают.

Хозяйствование человека сегодня прямо направлено на достижение нового мира и нового человека. Отсюда и неоэкономика, и неомодернизм, и неоиндустриализм, а по распространенному рекламному представлению — постэкономика, постмодернизм, постиндустриализм, т. е. что-то совсем и не ясное, но многозначительное... с точки зрения принципиальной новизны — наступления какого-то постмира и появления какого-то постчеловека.

И конец истории тут как тут: какая уж теперь история с ее самобытием, с ее еще-объективностью, с ее еще-сакральностью. Человек-пересотворитель хозяйствует уже не в истории, а над историей, он может уже с историей не считаться, ибо сам ее конструирует, а конструируемая история — уже и не история, как конструируемое будущее — уже и не будущее. Это в истории надо прогнозировать, а над историей — совсем и не надо, ибо чего ее прогнозировать, коли будущее проективно созидаются.

В самом деле, есть ли такие возможности у современных устроителей жизни, а может, и не жизни вовсе, а чего-то другого — какого-то особого существования? На этот вопрос легче ответить утвердительно, учитя достижения возвышающейся цивилизации и полную беззащитность десакрализованного и оторванного от Бога и Традиции человека (человека ли?), как и его особую открытость к потрясающе беззастенчивой и бессмысленной суггестии. Поклонение деньгам и вещам, удобствам существования делает свое дело. Высшая польза, которую ныне извлекает продвинутый в цивилизации человек, это польза от бесполезности, от имитации, от «игры в бисер», от всего того, что ближе к ирреальности, чем к реальности. Человек теряет тайну: рождения, предков, имени, натуры, духа, характера, поступков, деяний, свершений, болезней,

смерти. Все теперь просматривается, все дискурсируется, все моделируется. Наука о человеке, стимулируемая всей вообще наукой, добилась очень многоного в понимании человека, его организации, его поведения, в управлении им. Душа теперь — не потемки, хоть и угрюм бывает ныне человек, ибо на место человека пришли таблицы, структуры, матрицы, которые хоть и условны и скучны, а поди ж ты — обеспечивают голограммическое сканирование и полную рассекреченность. Человек сегодня всего лишь сумма реакций, хорошо, кстати, просчитываемых, а если и не просчитываемых вдруг, то тем хуже для человека — теряет он, а не тот, кто его просчитывает. Не человек сегодня, а счет — разный, разумеется, но счет — и каждому отведено (не отводится даже, а именно отведено) свое место, — это при господстве гуманизма и либерализма, демократии. Вся свобода человека ныне в успешности поиска отведенного места: чем быстрее и точнее, тем лучше. И никаких таких трансцендентных сомнений и порывов.

Мы еще не знаем точно, да и узнаем ли вообще, какой-такой человек ожидается быть полученным... от человека. Человек выводит человека! Вот они, последние времена! На место человека прибудет какой-нибудь чиповей (с «чипом» вместо души и с «веем» вместо ума, либо прямо наоборот, что не суть важно). Чиповейство — уже не фантазия, а реальность, как то же клонирование. Все образование нацеливается ныне на производство чиповея. Разве не так? А кто не хочет, так ему же и хуже, — куда податься-то в полностью контролируемом мире?

Мрачная, скажут, картина. А может, и не мрачная вовсе, даже оптимистическая, почему нет? Кому-то невесело, а кому-то и весело. Весело от исчезновения традиций, обязанностей, ответственности, ограничений, границ, норм, понуждений и всего подобного. Теперь воля. Правда, чья?

Вот совсем недавно мы считали, что без государства (царств) нет хозяйства, нет экономики, нет жизни. Оказывается, все наоборот: именно государства (царства) мешают хозяйству, экономике, жизни. Государство воспринималось нами как продукт хозяйствования человека (как и та же культура, кстати), как условие и рамки хозяйствования, наконец, как необходимый субъект хозяйствования. Теперь же нам упорно объясняют, что государство в хозяйствовании не нужно или почти не нужно,

что ныне человек хозяйствующий — уже и не государственный вовсе человек, ибо он сам по себе, вне государства, не под его покровительством, вне его ответственности. Не нужно теперь государств (царств), а человеку нужна лишь от них свобода. А если и сохранять государства (царства), то лишь для несения караульной службы и сбора налогов (обеспечения глобальной финансовой ренты). Наступает, видимо, конец не одной истории, но и государств (царств), ибо караульная служба и сбор налогов — не государство, либо мнимо-государство, мираж.

Нет, власть над людьми (чиповеями) не исчезнет, она просто станет другой властью — невидимой, само собой реализуемой, вкрадчивой. Никто этой власти и не заметит, хотя и знать при этом будет хорошо, что лучше с нею, чем без нее.

«Невозможно все это», — скажут иные критики. И будут правы, ибо при таком подходе эта невозможность как раз и станет скорее всего возможностью. Лучше осознать возможность, чем увериться в невозможности.

Конечно, ста процентов нет и у этой великой возможности. Хоть и отвернулся человек от Бога и решил сам стать богом, но... коли человек все-таки тварное от Бога существо, а Бог всемогущ, то, может быть, и не допустит всего этого Господь, не позволит человеку творить человека, пересотворять мир. Что ж, почему нет, но как об этом узнать, да и когда мы об этом узнаем, — уж не после ли КАТАСТРОФЫ?

Человек свободен, он имеет возможность выбора, и человек сделал свой выбор — противо-Боговый. Теперь человек идет по этому пути, и все призывы вернуться к Господу Творцу остаются тщетными. Человек не пошел по пути, указанному Богом, а решил сам себе построить Царство Божие на Земле, не полагаясь ни на Бога, ни на свое нравственное совершенствование. Наука же принципиально безнравственна и прекрасно служит человеку в реализации его Великого Проекта.

Великий Проект есть, и он осуществляется — не по прямой, конечно, и не сплошняком, но неуклонно и последовательно. Разумеется, есть и сопротивление — природы, культуры, людей, народов, государств, как и сопротивление просто «материала», так и вполне осознанное сопротивление. Однако ничего пока не свидетельствует о возможности пере-

хода на иной путь, заповеданный Богом, ибо у Бога сейчас нет авторитета, да и в человечестве накоплен немалый опыт церковного (или подобного ему) водительства — не ставшего спасительным.

И вот перед любым остро чувствующим и глубоко мыслящим человеком сегодня встает жуткий вопрос: «Что делать?».

В самом деле, что делать, что делать все-еще-человеку? Прогресс неумолим и неостановим, — все знают. Большинство населения, ничего такого не улавливая, идет вперед, давно уже соблазненное или успешно ныне соблазняемое, зараженное искусством потребительства и науки. Сдача позиций повсеместна, а исключения лишь подтверждают правило. Население в целом согласно с пересотворением, вовсе и не отдавая себе в том отчета. Элиты выродились, либо уловлены, либо сами сдались. Традиции слабеют и умирают. Великий Проект не имеет достойного анти-проекта, который и вообще вряд ли возможен. Прогресс раскатан и должен дойти до конца — не только как завершение своей собственной реализации, но и, быть может, как завершение человечества вообще, но не исключено при этом, что и самого обыкновенного, конечно же, совершенно неожиданного — всего того, что связано с прогрессом.

Кто знает? Возможно всякое, ибо пересотворение не лишено вовсе трансцендентности: последняя изгнана из умов, но не из реальности, более того, деяния человеческие лишь ее усиливают, превращая вообще в непрочитываемую пустоту, что и понятно — одно дело божественная или та же природная трансценденция, которую принято признавать и о которой можно что-то говорить, хотя бы посредством откровения, и совсем другое дело от человека исходящая трансценденция, когда все хорошо рассчитанное вдруг оборачивается совершенно могильной неизвестностью. Живая трансценденция — одно, мертвая — другое. А какая живая трансценденция может родиться от онаученного человека?

Допустим, что пересотворение, о котором мы говорим, в конечном итоге всего лишь утопия, более того, мираж. Это означает, что пересотворение в целом неосуществимо. Но даже если это и так, то все равно никто не знает, когда, на каком этапе, при каком состоянии мира и человека оно может остановиться, прекратиться, потерпеть поражение, а главное, с какими все-таки истинными последствиями для человечества и мира?

Прозорливость науки, затеявшей реальную реализацию пересотворения, давшей в руки пересотворителей эффективные для этого средства, необычайно ускорившей данный процесс, не более как иллюзия. Разумеется, наука знает, чего она хочет — в ограниченном диапазоне, а также знает, как этого можно добиться — также в ограниченном диапазоне, но наука при этом не знает, во-первых, всего вокруг — в целом и на глубину, и знать не может; во-вторых, всех последствий ею и онаученным человеком творимого, а главное — самых решающих последствий; в-третьих, как избавиться от последствий уже сотворенного, а не только еще могущего быть сотворенным. Наука знает, как и даже куда идти, но она не знает, куда и зачем она придет.

Здесь, конечно, Великий Риск Великого Проекта. Игра в темную. Ничего другого и быть не может. И потому-то играет человек, который хоть и пыжится, но не Господь Бог. Трансцендентность можно выкинуть из головы, но ее не выкинуть из мира. Она и заставляет играть в темную, как и в темную же и рисковать.

Нельзя закрывать глаза на феномен пересотворения, осуществляемого человеком. Этот феномен нужно полностью осознать. Нужно понять, что человек давно уже живет под эгидой пересотворения, что он уже пересотворяется, что его ожидает еще большее пересотворение. Приятно, конечно, думать о необыкновенных возможностях пересотворенного человека, хотя и не очень приятно сознавать, что кто-то и где-то творит тебя, твоих детей, твоих внуков, да и ты ли уже это, дети ли уже это, внуки ли уже это, если ты уже и не знаешь, глядя в зеркало, кто, собственно, перед тобой — ты или тот, т. е. кто-то уже пересотворенный, как не ощущаешь, что они — это действительно твои дети и внуки, ибо они уже и не твои вовсе, а того.

Положение современного человека воистину ужас-но, ибо стоит он теперь не перед строгой, а то и мягкой, природой, не перед строгими, а иной раз и ласковыми богами, не перед строгим, но при этом любящим и понимающим Богом. Нет, теперь человек стоит перед сотворенной им и совершенно равнодушной не-природой (артеродой), перед миражным, имитационным, ускользающим бытием, а может, уже и не бытием вовсе, а перед не-бытием (вроде сна), перед опустошенным духовно, но столько

зато знающим, совершенно оцифиренным существом, которое лишь похоже лукаво на человека, а само уже вовсе и не человек.

Можно ли вдруг повернуть Америку? А может, и не Америку вовсе, а Европу? А может даже, не Америку и не Европу, а выжившую как-то в лоне человечества Атлантиду? Можно ли вообще как-то развернуться — и не назад даже пойти, а куда-нибудь вправо или влево? Ведь мир-то вокруг уже другой — не традиционный, и человек уже другой — не природный, и сознание уже другое — не мистическое, хоть и есть еще на свете кое-какие заповедники, где Заповедь еще сильна...

Не просто все, ох, как не просто! Но не в том даже дело, что разобраться трудно, что предложить нечего, что слушать никто не будет, а в том, что мир уже пересотворен, что он уже полон пересотворенных надежд, что он уже хочет быть пересотворенным. Пересотворение — уже энергия, уже информация, уже импульс. В нем и выражена великая телология человеческого хозяйства. И не может ли стать какое-нибудь Евразийство альтернативой этой телологической миссии? Может, и может, но... мир-то особенный уже сделан, он есть, все вокруг шумит, клокочет, пузырится, все несется в бешеном ритме, все глобализуется, все интернетизируется. Не сбьет ли любую альтернативу огнедышащая структура, не пожрет ли любую контринициативу умильно тренькающая постцивилизация. Для глобального разворота должен возникнуть и момент разворота, — и быть нам хотя бы к нему готовым.

Момент разворота!

Можно, наверное, его как-то эскизно представить, хотя это будет не более чем гипотеза. Лучше, видно, исходить из того, что человеку уже суждено если не весь путь пройти, то во всяком случае по нему упорно идти. Есть в этом, надо полагать, своя обреченность. Момент разворота (над Атлантикой!) должен рано или поздно возникнуть, хотя и не строго обязательно. Момент разворота — лучший из исходов. Но он может и не наступить: то ли человечество его проскочит, не заметив, то ли до него дело не дойдет, то ли завершится все неожиданно и скоро... глобальным крахом. Гладко эта великая хозяйственная затея все равно не пройдет. Человечество втягивается в совершенно невероятный глобальный эксперимент.

Пересотворение мира — не только великая телесная миссия человека хозяйствующего, но и его великое эсхатологическое ожидание. Либо человек создаст иной мир и в него войдет иным человеком (существом), либо человек потерпит страшную неудачу, уничтожив не просто старый мир, а мир — в человеческом измерении — вообще.

Философия хозяйства открыла феномен пересотворения мира, но она не может стать его идейной сопроводительницей: тут еще царство науки, а наука нынче — в силе!

Лекция четырнадцатая

Хозяйственное богословие

Употребленное здесь словосочетание — хозяйственное богословие — достаточно условно, ибо, во-первых, мы не претендуем на в полном смысле слова богословие — это совсем не наша задача, а во-вторых, мы бы не хотели, чтобы сказанное воспринималось слишком уж буквально и со стороны предиката, т. е. хозяйственного, так как не считаем, что есть или должно быть особое хозяйственное богословие — как что ли раздел общего богословия. Наше словосочетание не просто условно, но и образно, даже, скорее, именно образно, если не сказать — метафорично, поскольку нас интересует в данном случае лишь некоторое отражение идеи Бога, а соответственно, и богословия, в хозяйственной жизни и ее осмыслиении, а точнее, быть может, использование некоторых особых метасмысловых критериев в постижении феномена, который мы называем хозяйством.

Правильнее, возможно, было бы говорить здесь не столько о богословии, сколько о бого-со-словии, разумея под этим такое прочтение хозяйственной проблематики, которое корреспондирует со Словом, идущим от Бога либо с Ним как-то связанным. Нет, мы не предполагаем погружаться в богознание, в источники религиозной мысли, в священные тексты, — и уж тем более не собираемся затрагивать религиозной догматики. Мы попробуем порассуждать свободно в интересующем нас аспекте, никак не вторгаясь в область действительного богословия, даже и по-философски. Обойти совсем данный аспект мы не можем, ибо он явно стучит в наше сердце, но было бы с нашей стороны неправильным и даже

самонадеянным судить велеречиво о том, что не входит, скажем так, в нашу компетенцию.

У нас своя задача и своя попытка ее разрешения, что, надеемся, достаточно безобидно с точки зрения строгих богословских правил — мы, повторяем, никак не вторгаемся в область собственно богословия, а потому высказанное далее относится только к философии хозяйства — в основе своей светскому знанию.

Тут хотелось бы обратить внимание на очень важную вещь: философия хозяйства не может игнорировать, или может не игнорировать, идеи Бога, а, соответственно, идеи хозяйства Бога, как и идеи присутствия Бога в хозяйственной жизни человека. Признавая трансцендентное, постоянно с ним соприкасаясь, философия хозяйства самым естественным образом подходит к признанию Бога и всего с ним связанного в феномене человека, в феномене человеческого хозяйства, вообще в феномене бытия. Философия хозяйства не может пройти мимо идеи Бога Творца, т. е. Бога Хозяйствующего Субъекта, положившего начало обозреваемому человеком миру, самому человеку в этом мире, как и его — человека — хозяйственной способности.

Разумеется, собственно научная философия хозяйства, если таковая вообще возможна, может не обращаться к идеи Бога и ко всему, что с этой идеей связано, но вообще философия хозяйства, которая не замыкается в рамках научного и только научного подхода, легко приходит к богословским (хотя бы в нашем понимании) размышлениям. Мир без трансцендентности — бедный, да и не очень-то реальный мир, а мир без Бога, хотя бы и просто без идеи Бога, не то что бедный, но и крайне для себя небезопасный, о чем нам уже доводилось размышлять в предшествующих лекциях. Обезбоженный человек — странное, мягко выражаясь, существо, если даже и не воистину злостное.

Важно установить, что философия хозяйства не просто признает (способна признать) Бога, а то, что философия хозяйства в своих метамысловых поисках не может не входить в область, обычно занимаемую даже не философией, а именно богословием, она не может не затрагивать, к примеру, тех же вечных вопросов: почему, для чего, зачем, куда?, — ибо приходится ей задумываться не над одной лишь проблемой того же оптимального экономического выбора или чего-нибудь еще

подобного, а над проблемой вообще человека, вообще жизни, вообще хозяйства. Философия хозяйства не только масштабнее экономической науки как таковой, ибо она не столь специализирована и обобщает то, чего не может обобщить экономическая наука, но и глубже науки, ибо она открывает то, перед чем останавливается или от чего отстраняется чисто экономическое мирознание. Философия хозяйства не просто идет по краю известного и неизвестного, что не без успеха делает и наука, а заходит в то самое неизвестное, или трансцендентное, а стать в сознании трансцендентным — уже обрести статус известного, перед которым так или иначе пасует наука, чего она так не любит, что ей в общем-то чуждо.

Что есть, к примеру, для науки София Премудрость Божья, если не религиообусловленная выдумка: наука ведь и есть сама для себя софия — премудрость, ибо полагается наука только на саму себя. Да, так и есть: наука не нуждается в какой-то еще предуведомленной софии-премудрости, с которой ей надо было бы считаться, а наука как раз считается лишь с той истиной, которая ею по-научному и добывается. Нет, мы не против вовсе научных истин, тем более, если они эффективно и полезно работают, но мы против отвержения тех истин, которые возникают вне науки, отражая в значительной мере уже и метанаучные сферы бытия. Мы как раз за привлечение всех истин, кроме нарочито надуманных или зловредно вводимых, т. е. выдаваемых за истину, тех истин, которые позволяют человеку полноценно ориентироваться в себе и в мире, в своем хозяйстве. В поисках истины, как и в пользовании ею, не должно быть заведомых ограничений, хотя и не должно быть и бездумного безграничья. Как ни хороши истины науки, но они, во-первых, не все по-настоящему истинны, а во-вторых, относятся они к весьма узкой сфере бытия, что означает, что одних научных истин явно недостаточно.

Не близка ли философия хозяйства к вере? Именно к вере — как к особому изъявлению человеческого сознания, а не как к простому уверованию в свои собственные истины. Уверовать в истины может и наука, даже самая точная, а вот быть верой, т. е. некоторой трансцендентной правдой (вера и *veritas* — одного корня), которая не доказуема, но все-таки принимаема, может не всякое человеком осознаваемое знание. Действительно, философия хозяйства, хотя сама по себе и не вера, сочетается

какой-то своей стороной с верой, т. е. она в некотором плане является верообусловленной. Философия хозяйства может спокойно принять веру, согласиться на нее, ею обогатиться. Многое, что говорится и выводится в философии хозяйства идет не от ума-рассудка, а от ума-сердца, от ума-чувств, от ума-переживания. И никто часто не знает, почему в философии хозяйства принимается то или иное утверждение, ибо восходит оно нередко не столько к доказательству, сколько к откровению, а то и просто к какому-то откуда-то приходящему смутному ощущению — правильно, и все тут! А чем поддержано бывает это «правильно», никто, по сути, и не знает: тут может работать и подсознание, и сверхсознание, а то и самое обыкновенное врожденное убеждение. Философия хозяйства — философия жизни, но так же и философия человека — не как объекта философии, а как ее субъекта. А что есть человек, если не тайна? Даже наукой аналитически разобранный и досконально как будто бы изученный человек все равно остается... непознанной тайной, даже самый что ни на есть клонированный и зомбированный. Почему же тогда не иметь тайны и определенной верообусловленности той же самой философии хозяйства?

Согласно философии хозяйства, и мы вполне можем пойти на такое утверждение, человек все-таки неизвестен, во всяком случае, до конца, а потому человек есть некое трансцендентное хозяйствующее существо. Соответственно все, почти все или в значительной части хозяйственное действия человека тоже не слишком известны человеку, во всяком случае, не слишком им понимаемы, в особенности, в метамотивах и в метапоследствиях. Человек, согласно философии хозяйства, вовсе не такой уж рациональный хозяйственный агент, тем более не счетно-решающее экономическое устройство, хотя он экономически много считает и решает, много рационирует. И если что-то в действиях человека попадает в разряд вполне рационального и здорово рассчитанного, то это что-то все равно оказывается «обволоченным» тем, что в данный разряд совсем и не попадает, тем, что по преимуществу располагается в начале и в конце, хотя сидит и в середине, что относится к неопределенному и непросчитываемому, к неизвестному, что как раз и делает все хозяйственное действие неумолимо трансцендентным.

Экономическая наука обращена по преимуществу к рациональному, рассчитываемому и более или менее непосредственно схватываемому. Она признает, разумеется, что не все в хозяйственной деятельности может быть именно таковым, но нацелена она все-таки именно на такое. В этом великое достоинство науки, но в то же время и ее не менее великая проблема. Наука не просто не все знает, но и, что неизбежно, страдает заведомой и вовсе не безопасной неполнотой. Внушая человеку рациоисчетный подход, она, конечно, помогает ему действовать, но превращает человека при этом в общем-то в довольно слепо действующий... механизм. Зрение, которое сообщает человеку хозяйствующему наука, неумолимо оборачивается совсем не безобидной слепотой. Внущенная уверенность возвращается вдруг... вполне отчаянной неуверенностью.

Наука гасит неопределенность (как и любая модель, которая, по сути, есть гаситель неопределенности). У науки нет другого выхода: она вынуждена изображать по возможности определенную реальность. Это, как мы уже сказали, позволяет весьма эффективно действовать, но и приводит, позорительно будет выразиться, к скольжению по, мягко выражаясь, не совсем уже адекватной... ирреальности. Никто вообще почему-то не говорит об априорной ирреальности науки, с ее на-себя-закнутости, как и о ее противостоянии реальности. И реальность мстит за это науке — на метасмысловом уровне, остающемся в целом чуждым науке. Наука говорит: действуй, и все получится, — и все, надо заметить, получается, однако... в пределах всего лишь той или иной конкретной операции. А реальность всегда богаче любых с нею операций — по смыслу, более того, среда для научно обоснованной операции не просто неопределенна, но и в чем-то для науки неопределенна, что свидетельствует о том, что наука позволяет действовать и достигать результатов, но... в значительной мере вслепую и без знания всех возможных последствий.

Тогда что?

Наука в таком разе не может не предложить просто еще одной — уже, может, и заметно другой — операции, тем же научным образом рассчитанной, — и это реально происходит, но... все опять повторяется: трансцендентность всегда начеку (либо исходящая от реальности, либо уже вводимая в реальность самим человеком).

Не то философия: она предлагает видеть мир иным, обладающим активной и решающей трансценденцией, с которой можно и нужно как считаться, так и взаимодействовать. Трансценденция — не просто непостижимая «субстанция», это и работающая, и достаточно осознаваемая «субстанция». Не игнорировать ее вообще-то нужно, а признавать, в доступной мере знать и, по возможности, с нею взаимодействовать, никак не относясь к ней высокомерно.

Представим себе человека в лесу: сколько тут всего для человека, впервые в нем оказавшегося, неведомого; однако для опытного обитателя леса здесь немало уже и известного, но сколько при этом остается всегда и таинственного, требующего особого внимания, повышенной осторожности, изощренной изобретательности. Можно уничтожить лес, как и превратить его в рощу или даже в парк, населив «удобными» для человека животными, но тогда уже или не будет вовсе леса, либо что-то и будет, но уже не лес — и уж тем более будет что-то, совсем лишенное первозданной тайны, но... подверженное неведомым и не менее таинственным заболеваниям.

Можно переделывать и переделывать природу, превращая ее в неприроду, уничтожать имманентную природе трансцендентность (до определенных все-таки пределов), но в итоге получить нечто такое, что вроде бы и без тайны, но зато с какой-то нарастающей и угрожающей неизвестностью, обусловленной уже непосредственно человеческими усилиями и желаниями.

Но дело даже не в самой по себе тайне мира и ее активности. Это еще не все. Сама суть феномена человека там же — в тайне. Сам человек — тайна, но **ТАКАЯ**, что... и самого человека от нее в дрожь бросает. Вспомним хотя бы Достоевского, прямо заглянувшего в глубины души человеческой. Все в человеке уходит в тайну, все, в том числе и его пристрастие к «обезтайненной» науке — полной тем не менее всяческих тайн (тайн, так сказать, изобретенных). Отсутствие тайн в науке — только кажимость. И ничего человек не может без тайн, без конструктивного взаимодействия с ними (при неконструктивном оперировании с тайнами рождается только уродство или уродливая смерть, а смерть, кстати, ведь чуть ли не самая великая тайна бытия, с которой вообще соприкасается сознание).

Скучно, право, убеждать человека в том, что он и все вокруг него — тайна. Обычно человеку это совсем не кажется, во всяком случае, человеку образованному, городскому, онаученному, одним словом, цивилизованному. Тайна как бы снята с человека, выдавлена из его сознания. Ему хочется ныне более всего просто английского языка и компьютера, да еще и на жительство в США, а вот то, что в этом во всем тоже есть своя тайна, ему и невдомек.

Тайна заменена закономерностью и случайностью. Рухнул СССР — закономерность, а если не закономерность, то... случайность. Был социализм — закономерность, а может, и случайность. Явилась перестройка — закономерность, в некотором роде и случайность. Что тут особенно думать? Все вполне ясно... при полной (*sic!*) неясности: случайность здесь ничего не объясняет, а закономерность — объясняет не более (если случайность ниоткуда, то откуда же закономерность?..).

Мир не то чтобы вообще сложнее, чем это кажется науке, мир... другой, не научный, хотя его и можно и нужно воображать по научному, однако в пределах — условно, для некоторых практических целей, не более.

Человек трансцендентен, что, собственно, и делает человека человеком. Он трансцендентен во всем — в хорошем, так сказать, и в плохом, а что вообще хорошо в человеке, а что плохо... кто знает?

И остается... да-да... остается... Создатель, да еще и разумный, с сознанием, со словом, — не человек, но... в общем, Господь Бог!

Как же так, ведь никто достоверно не знает, есть ли Он — Господь Бог, нет ли Еgo, да и каков Он на самом деле? Почему вдруг мы делаем такое заключение?

Философия, как и наука, может отрицать бытие Бога, но философия, в отличие от науки, может и признавать бытие Бога, ибо философия способна чувствовать и признавать трансцендентность, а соответственно, она способна доходить до таких познавательных вех, до которых наука дойти никак не может. Вера — тоже познание, но особое. Но дело здесь не только в вере как таковой, а в том, что человек, ощущая себя особым существом, в том числе и осознанно (демиургически) хозяйствующим, не может удовольствоваться ни своим одиночеством в известном

ему мире, ни заведомым ограничением этого мира, ни замировой пустотой, ни нивелирующей сущностью своего бытия, ни отсутствием положительных вечных истин, ни невозможностью иметь устойчивые нравственные ориентиры, ни неспособностью различения добра и зла, и т. д., и т. п. Человек хочет как проникновений в иные миры, так и своей к ним причастности. Он чувствует так или иначе трансцендентность и в себе также видит тайну. Он хочет слышать иные сферы, и он их слышит, а главное, он в них напряженно вслушивается. И сферы эти открываются человеку, они с ним сообщаются, становятся известными. Не прямое исследовательское узнавание, а таинственное и свыше нисходящее откровение выводит человека за пределы имманентного мира, делая человека существом воистину неприродным (заметим, не по-научному и не по-практическому неприродным), а может, и сверхприродным, способным к невероятному для имманентного мира свободному полету свободной мысли. Ни одна научная идея космического путешествия по своему величию и своей значимости не сравнится с идеей Бога, не придуманной вовсе человеком, а ему непосредственно данной — при взаимном влечении друг к другу Бога и человека. Человек не обладает никаким более величественным знанием, чем знанием Бога. Бог открыт человеку — при условии открытости последнего Богу.

И вот тут для нас самое важное: человеку известно, что он есть создание Божье, и человек это признает, если, разумеется, он открыт Богу. И это признание очень знаменательно: человеку есть, что само-осознавать, как само-определяться, на что само-ориентироваться. Только с Богом человек сам; без Бога человек не-сам, т. е. и не... но не будем, не будем... достаточно уже и сказанного.

Давайте лучше задумаемся над другим: что же все-таки лучше, хозяйство с Богом или хозяйство без Бога? Или иначе: что лучше, хозяйствовать в рамках божьего хозяйства или же вне его, т. е. в пространстве не-божьего хозяйства? Или еще по-другому: что лучше, следовать божиим заповедям (не обязательно только известным десяти) или же им не следовать?..

Да, мы вынуждены ставить здесь вопросы почти утилитарно — такова основная мелодия времени (достучаться до сердца ныне очень трудно, почти невозможно, приходится рассчитывать более всего на ум).

И надо заметить, что такого рода умственный подход не исключает вовсе возможности движения с его помощью к Богу, пусть первичного и неосознанного, пусть даже и «с интересом», но все-таки движения, хотя бы и интеллектуального. Бог всемогущ и милосерден, Он простит!

Так что же в самом деле лучше? Осознавать, что с Богом ты воистину высок и ответствен, или не осознавать этого; осознавать, что ты вовсе не можешь, согласно Богу, творить все, что хочешь, или этого вовсе не осознавать; осознавать, что ты все же божье творение, как и все вокруг тебя люди, или ничего подобного не осознавать; осознавать, что польза по Богу — вовсе не та польза, которой учит научная экономия, или же опять же этого не осознавать, и т. д., и т. п. Заметим, насколько легко — пока идеально — решаются самые острые проблемы человеческого хозяйства при условии осознавания того, о чем мы говорим: проблемы социальные, демиургические, нравственные, экологические, да мало ли еще какие, которые давно уже решены, скажем так, религиозным сознанием и которые вдруг наплывают на человека без-религиозного, как раз активно на Земле ныне и хозяйствующего.

Выходит, что есть один по типу человек — хозяйствующий субъект — религиозный, признающий и, позволительно будет сказано, просто учитывающий Бога и все, что от него идет и с ним связано, а есть другой по типу человек — хозяйствующий субъект — безрелигиозный, не признающий и не учитывающий Бога и Его заповедей, Его, если хотите, установок. Человек, идущий к Богу, и человек, идущий от Бога. Человек-боголюбец и человек-богоборец. И оказывается, что все, о чем мы сейчас говорим, исключительно важно, ибо на Земле могут хозяйствовать и хозяйствуют совсем разные по сути человеческие сознания, с достаточно разными намерениями, задачами, которые они перед собой ставят, и разными последствиями, которые имеют место по реализации этих задач. Согласимся, что это действительно очень важно, как согласимся и с тем, насколько далек от первого образа реально и totally хозяйствующий на Земле человек (так называемый «передовой человек»).

Смешно, не правда ли? Совсем смешно в современной университетской аудитории говорить обо всем этом. Какой Бог, какие-那样的 Критерии, какие Заповеди? Смешно!

Но не будем спешить, а задумаемся вот над чем — над всего лишь

словосочетанием «философия хозяйства». Но задумаемся не просто так, а с расшифровкой — смысловой расшифровкой.

«Хозяйство» — слово русское, нам близкое и понятное. Мы трактуем его как родственное «хождению», о чем немало говорили, хотя можно, наверное, заметить и родство его с такими словами, как санскритское «хос» и то же английское «хаус», означающими «дом» (хозяйство будет соответственно — домоводство). Но нам как-то ближе «хождение» — по тому же дому ради его ведения, ибо в «хождении» сразу все: и действие, и труд, и организация, и управление, и цель, и проект, но так же и дом, и земля, и лес, и фабрика... и т. д. В любом случае «хозяйство» — вполне воспринимаемое «русскоязычным» человеком слово (здесь достаточно ясно, о чем идет речь).

Иное дело — «философия». Слово не наше, и его надо так или иначе делать нашим, а соответственно, понимаемым. Составлено оно из двух греческих слов, звучащих по-русски как «любовь» и «мудрость». Отсюда философия по-русски как бы и «любомудрие». Однако любомудрие — не совсем философия, ибо философия — способ добывания и выражения знания, как и само получаемое этим образом знание, чего о любомудрии не скажешь. «Любомудрие» — всего лишь любовь к мудрости, как и всего лишь мудрая любовь, что совсем даже и хорошо, но однако не есть то, что мы обычно разумеем под философией. И если та же «философия хозяйства» вполне естественна для понимания, то «любомудрие хозяйства»... как-то не очень (может, это и замечательно, но в общем-то не то, т. е. не философия хозяйства).

И все-таки не будем отчаиваться, а положим вместе сразу три слова: любовь, мудрость, хозяйство, а затем задумаемся над теми смысловыми возможностями, которые открываются вследствие предложенной совместности данных трех слов. Посмотрите, как хороши они вместе и как красноречивы: хозяйствуй с любовью и мудростью и... будешь хозяйствовать... как?.. верно, именно так, по-божески, ибо «любовь» — это прямо Бог, «мудрость» — если не прямо Бог, то не более и не менее как его непосредственная эманация — София Премудрость Божья, а «хозяйство» — уже и не просто целеположенное созидательное хождение, а хождение под Богом, в рамках, так сказать, Его — Бога — хозяйства (сравните: «хозяйство Бога», что вполне нормально, и «экономика Бога»,

что совсем и не нормально, т. е. недопустимо). Простые сами по себе, но очень и очень важные, трансцендентные смыслы (они же — метасмысли) открываются перед нами посредством прочтения в некотором порядке, заданном «философией хозяйства», всего трех вполне обычных слов: любовь, мудрость, хозяйство. Как тут не возрадоваться: и по поводу явившихся смыслов, и по поводу их глубочайшего — и установочного — значения, и по поводу сакральной силы родного русского языка. Все здесь совершенно, до конца ясно, хотя и все абсолютно трансцендентно: тайна явилась и раскрылась — сама!

Вот вам и единство, если хотите, и своеобразная, божественного происхождения, троица (прошу не путать с Божественной Троицей). И посмотрите, насколько все здесь понятно, как понятно и то, насколько человек хозяйствующий далек от раскрывающейся смысловой формулы: он хозяйствует по-разному, главным образом, сегодня экономически, т. е. ради пользы, удовлетворения растущих потребностей, оптимального с экономико-технолого-рыночной точки зрения выбора, но в целом мы никак не можем сказать, что человек хозяйствует согласно открывшейся нам божественной (философско-хозяйственной!) формуле. А если так, то и вывод здесь следует не самый веселый: человек по большому (громадному, бесконечному, трансцендентному) счету ведет вовсе и не хозяйство, а самое что ни на есть анти-хозяйство.

Нехороший вывод (как тут не вспомнить «некую квартиру» М. Булгакова из «Мастера и Маргариты»). Да, нехороший. Но что делать? Такова транс-логика бытия человеческого. Вот почему «политэкс» и экономикс в почете, ибо раскрывают они по сути это самое антихозяйство, называя его упорно экономикой, да еще по возможности и абстрактной, т. е. абстрагированной от реальности, от жизни, от хозяйства, от Бога. Нравственность, настойчиво убеждают нас, «не экономическая категория», как будто нравственность вообще может быть категорией. А потому и «нече» от «эконометрии» требовать того, чего ни она, ни стоящая за ней реальность не предполагают.

Что же выходит? А выходит не что-нибудь, а самое что ни на есть кривое безразличие (заметим, что это не «кривая безразличия», известная нам по экономике, что само по себе и знаменательно, ибо вместо прямого безразличия мы имеем всего лишь «кривую безразличия», а именно

кривое безразличие, т. е. такое неразличение, которое не просто слепое, а вдобавок еще и... кривое). Кривым безразличием, т. е. уводящим в сторону пустопорожним неразличением — что хорошо, а что плохо, страдает наше привычное, т. е. слишком уж онаученное, прямо-таки математизированное, представление о хозяйственной реальности, о человеке, его хозяйствовании, его жизни. Думаю, что вряд ли надо убеждать, насколько кривое безразличие — со всеми своими точками, прямыми и кривыми, трендами, играми и пиарами — далеко от хозяйственного любомудрия, раскрываемого философией хозяйства.

Что тут много говорить, если вполне научный человек — образованный, трезвый и умный — убеждает нас не только в том, что сознание становится (если не стало) объектом рыночного (безобидно так — всего лишь рыночного!) воздействия и средством конкурентного (опять же очень безобидно — всего лишь конкурентного!) воздействия, т. е. если хочешь эффективно сегодня хозяйствовать, то вот прямо и воздействуй на сознание, переделывай его — под себя, под свои рыночно-конкурентные нужды, — и что самое привлекательное: ты, будучи хозяйствующим субъектом, должен иметь именно такую возможность (т. е. быть сильным и изощренным) и именно такую возможность непременно реализовывать. Нет, не товары какие-то там выпускать, не рекламий их заниматься, не маркетингом как таковым, а воздействовать на сознание как необходимую компоненту хозяйственной (то бишь и антихозяйственной) деятельности. Сознание теперь не где-нибудь, а на рынке, в производстве, в экономике (нет, не сознание только лишь потребителей и производителей, а вообще любого человека). Если уж маркетинг, то маркетинг теперь по поводу сознания, т. е. с переделкой человека, с его пересотворением. Уважающая себя фирма должна не товары как таковые только производить, но и само сознание, которое даже и не товар теперь только, а некая подтоварная (не над-товарная, а именно под-товарная) субстанция, призывающая к удовлетворению насущных нужд экономики (неоэкономики, финансомики, виртуаномики, пиарномики).

Сознание производит сознание — из себя, для себя, через себя; человек производит человека — из человека, для человека, через человека; экономика производит экономику — из экономики, для экономики, через экономику.

Круг замкнулся — великий исторический круг!

Отсюда и конец истории, может, и хозяйства тоже. Отсюда, стало быть, и апокалипсис. Тут можно сразу же начать возражать, но... спешить все же не надо, лучше подумать, спокойно взвесить. Мы ведь не страсти здесь нагнетаем, а знание, да и то ведь не нагнетаем, а всего лишь предлагаем, но с расчетом — на вдумчивое восприятие.

Концы, о которых мы говорим, надо не буквально понимать, а соответствующим образом — как тенденцию, как стремление, как и завершение чего-либо — не надо забывать, что вокруг что-то все время непременно умирает, исчезает, уходит в Лету. И хозяйство вообще — не одно только созидание, но и разрушение, и уничтожение, и смерть. Разве удастся отделить нам хозяйство от смерти? Не удастся. Однако в одном хозяйстве больше смерти, в другом — меньше; одно как бы противостоит смерти, во всяком случае, не слишком ею увлекается, а другое — прямо-таки все в смерти и купается. Не будем, к примеру, забывать, что война — тоже хозяйство, а на оккупированной территории кишит своя хозяйственная жизнь. Есть хозяйство более энтропийное, т. е. к смерти тяготеющее, а есть более негэнтропийное, т. е. жизнь утверждающее. В хозяйстве вообще всего хватает, но мера этого всего бывает разная. Бог — сила негэнтропийная, жизненная. Причем не просто как-то энергетически, а в первую очередь нравственно. Любовь и мудрость — явная негэнтропия, не правда ли?

Вот мы обмолвились выше об антихозяйстве. Это не значит, что все хозяйство человека антихозяйственно, даже и экономика. Нет. Но относительно такого критерия, как любовь и мудрость, нельзя не признать более антихозяйственный, чем хозяйственный, облик человеческого хозяйства, прежде всего в отношении к природе, человеку, сознанию, жизни. А делая столь печальный вывод, мы не исключаем, разумеется, позитивной составляющей хозяйства, в том числе и экономики, не закрываем глаза на софийность хозяйства, но видим при этом и его антисофийность.

Сама по себе экономика — не антихозяйство, но она имеет мощную антихозяйственную потенцию. И что интересно: чем больше возможностей у экономики по решению свойственных ей задач, тем более велико давление присущего ей антихозяйственного начала. Когда-то ведь

может и «всамделишный» конец наступить, о чем возвестить достоверно сможет уже лишь глобальная катастрофа.

Человек, возомнив себя богом-творцом, «попёр», что называется, напролом — как медведь в лесу. Но самое важное, что человек, отдаляясь все более от природы и Бога и приближаясь все более к самому себе, все более хозяйствовал именно от себя, находя в себе самом привлекательные для этого мотивы и самую горячую поддержку. И подобное эго-хозяйствование — от себя — не могло не привести в итоге к такому значительному отрыву от бытия, когда уже и само бытие стало превращаться в некую созидаемую человеком миражность. Вместо мира — мираж (мир-аж вместо аж-мира).

Любовь и Мудрость, где они?..

Любовь, что это? Если не касаться трансцендентной стороны вопроса, а обратиться непосредственно к человеку, то любовь есть особое состояние человека, его души, его сознания, подсознания и сверхсознания, т. е. всего идеального, скажем так, в человеке, когда «эго» в человеке стремится в нуль, а «альтровер» (от альтруизма), наоборот — к максимуму. Любовь — это растворение «Я» в «не-Я». И кто же из хозяйствующих агентов особенно растворяется таким вот образом в «не-Я»? Ясно, что любви в хозяйствовании, мягко выражаясь, немного.

Мудрость? А это что? С одной стороны — знание, однако знание, с другой стороны, молчаливое, как бы и спящее, а может, некое резервное знание, причем знание, касающееся непременно так называемых вечных проблем, а соответственно, отражающее доступные человеку транс-смысли, или мета-смысли. Мудрость — сокровенное знание, т. е. знание о скрытом и одновременно сокрываемом (хранимое) знание. Конечно, есть бытовая мудрость — от непосредственного опыта, от практической жизни, а есть откровенческая мудрость, рождающаяся от особого рода размышлений, переживаний, прозрений, вчувствований, проникновений. Мудрость — всего менее научна. Научное знание, может, и точное, но не мудрое, знание. К мудрости науку не отнести. Наука не мудра. Тут уж ничего не поделаешь. Мудрость удрученна, она осторожна и скромна, она тиха. Мудрость в родстве с благим молчанием. А наука, ей что, она все трещит и трещит, за все берется, все решает, всех поучает. И хозяйство ныне все более по науке ведется, а не по мудрости. Мудрость — там,

где-то, на задворках. Сейчас ловкость более потребна, чем мудрость. Мудрость противна суете, а наука как раз с суетой прямо-таки в обнимку.

Польза. Это совсем другое — тут ни любви особой, ни мудрости. Но польза — сила! Современный человек — человек пользы, а никак не человек любви и мудрости. Оттого и философия в забвении, не говоря уже о религии. Какое уж тут хозяйственное богословие?..

Однако реальность требует своего. Наука, видя кое-какие в общем-то страшные проблемы, которые вдруг поднимаются перед изумленным человеком-демиургом, пытается что-то сделать, естественно, по научному: то за социальность выступит, то за этику, то за экологию, а то, глядишь, и за Самого Господа Бога вдруг заступится (мол, даже наука уже подошла к признанию факта наличия Бога; именно так: «к признанию факта наличия», — не иначе). Стали сейчас и про философию вспоминать, например, философию бизнеса, философию маркетинга, философию бухгалтерского учета и т. д., т. е. про ту философию, которая как бы за пределы науки и не выходит, ту философию, которая философией, по сути, и не является. Даже в философии экономики, к которой частенько обращаются наиболее на сегодня «продвинутые» ученые, мало что от собственно философии, если, конечно, под философией экономики не понимать лишь особого раздела философии хозяйства.

Думается, что уже достаточно понятно, что в полном смысле слова философия сочетается лишь с в полном смысле слова хозяйством; только при соприкосновении именно этих двух слов возникает необходимый смысловой «искрящийся контакт», ибо эти два слова вместе ведут к явным метасмысловым откровениям. Странно, быть может, но факт, и никуда нам от этого замечательного факта не деться. Именно хозяйство требует философии, и именно философия раскрывает хозяйство.

Отсюда вывод, может, и несколько неожиданный: философия хозяйства и есть, по сути, хозяйственное богословие, однако в том его понимании, о котором мы говорили в самом начале лекции. Значит ли это, что философия хозяйства сводится к хозяйственному богословию? Нет, конечно. Но тесная синергия здесь присутствует: если начать с философии хозяйства, то непременно приходишь к хозяйственному богословию, как, собственно, и наоборот. Ни в каком другом случае этого смыслового взаимодействия не добиться.

Нас посетил весьма неутешительный вывод: в творящемся человеком хозяйстве мало — очень мало — любви и мудрости, в нем господствуют польза и расчет (экономический, технологический, игровой). Разумеется, нам скажут, что такова жизнь, что ничего другого быть не может (или пока не может), что ничего особенно плохого в пользе и расчете нет, и т. д., и т. п. Мы с этим спорить не будем, тем более, что мы никого ни в чем не убеждаем, а потому и, что нетрудно заметить, не разворачиваем особых доказательств, не выискиваем все новых и новых аргументов. Наша задача в другом: предложить взглянуть на мир и хозяйство существенно иначе, увидеть их не такими, какими они обычно нам представляются, заметить, если хотите, иную правду. И никого заставить это сделать нельзя, ибо это, по сути, акт личностно-интимный: либо хочешь иного знания, либо не хочешь. Крутая аргументация тут не поможет: убежденных не переубеждают, а профан может быть весьма упорным в своем профанстве. С нашей стороны намек, может быть, и существенно подкрепленный, а с другой — отклик, возможно, идущий просто от души, с озарением.

Что следует из нашего невеселого вывода? Во-первых, что хозяйство человека действительно не очень весело, во всяком случае, более трагично, чем просто спокойно-рассудительно, ибо общая перспектива совсем и не ясна, а маховик раскатан, да и жертв все время требует, много жертв. Во-вторых, возможность какого-то разворота, скажем так, к лучшему что-то не просматривается, если не сказать прямо: ее просто нет. Польза и расчет сделали свое дело: мир человеческий достиг в ходе своей хозяйственной демиургии точки невозврата. Теперь только вперед — с новым человеком (человеком ли?).

Вперед!

Никакая философия хозяйства, никакое хозяйственное богословие, не говоря уже о лихорадочно перестраивающейся на ходу науке, не поможет: если можно было бы развернуться, то зачем тогда все было начинать. Эпоха хозяйственного прогресса должна дойти до конца. Прогресс на то и прогресс, чтобы... не останавливаться. Прогресс — воистину дурная бесконечность. И остается лишь ждать — конца самонарастающего процесса. Самому прогрессу ничего не будет — это просто трансцендентное самодействие. Более того, настолько самонадеянное и

несамокритичное, что все возникающие от него проблемы оно пытается решить с помощью... самого себя. Прогресс любит только... прогресс!

Осознанного разворота не будет. Хозяйство давно уже ведется человеком в целом бес-сознательно. Человек (как человечество) давно уже показал себя трансцендентным хозяйствующим субъектом, сознание которого весьма успешно работает на бес-сознание, — и ссылки на объективные закономерности и случайности это не оправдывают. Человек хозяйствующий — раб «коллективного бессознательного», он в него — этого бессознательного — потоке. Человек демиургирующий создает мир, который он не то что не знает, но и с которым разобраться как следует не может. Перспективы ныне — не какие-то там открытые и неведомые перспективы, еще и светлые, а уже вполне и ведомые, однако не в аспекте точного о них знания, а в аспекте их точной неизбежности: не знаем что, но знаем что непременно будет, ибо маховик-катафалк раскатился и не останавливается. Перспективы не ясны, но они уже как бы и заполнены тем самым суррогатом, что наворачивает бессознательно человек хозяйствующий, ибо мир уже достаточно искусствен.

Очеловечивание хозяйства человека привело к тому, к чему и должно было привести — хозяйственному хаосу, трактуемому, разумеется, не как беспорядок, а как отсутствие или неулавливание главного трансмысла: а ради чего все это? Кто вразумительно ответит на этот вопрос: какой олигарх, какой президент, какой «нобель»?

Человек хозяйствующий вступает в полосу хозяйственной (или антихозяйственной) растерянности. Ему нужно как-то склеить рассыпающийся мир — хотя бы в воображении. Но этого-то как раз и нет. Отсюда и пресловутый постмодернизм, утверждающий в итоге... ничто!

Вера в Бога! Она, конечно, возможна, даже сегодня — в эпоху величайших научных открытий, как раз и отвергнувших самого Бога. А вот вера в человека, где она, возможна ли? Супервопрос. В Бога, пожалуй, любой может верить, было бы желание, а вот в человека... что-то не очень. Человек хозяйствующий входит в эпоху страшной переоценки всего с сотворенного, как и мучительного хозяйственного покаяния, а следственно, если хотите, и хозяйственного спасения.

Поймет ли, захочет ли, сможет ли?..

Лекция пятнадцатая

Россия хозяйствующая

После всего сказанного в курсе лекций такое словосочетание, как «Россия хозяйствующая», выглядит, мягко говоря, неоднозначно, ибо невольно возникает вопрос: хозяйствует ли или, скажем, антихозяйствует ныне Россия, да и Россия ли хозяйствует-антихозяйствует на территории России? Сильный вопрос, драматичный. И он не случаен, так как согласно философии хозяйства, разделяющей хозяйство и экономику, как и хозяйство и антихозяйство, признающей такие феномены, как экономическая цивилизация и экономическая революция, равным образом и такие явления как финансомика и неоэкономика (с глобализмом вместе), современное хозяйство в России представляется по меньшей мере странным хозяйством, попавшим в некую своеобразную антихозяйственную ловушку, в которую оно прыгнуло по мановению палочки причудливых ультраэкономических (ультрарыночных) реформаторов-революционеров, действовавших в условиях глобализированной экономической цивилизации, ставшей к тому же финансомикой-неоэкономикой, по рецептам этой же самой глобализированной (и централизованной) экономической цивилизации. Это как минимум. А как максимум... это уж пусть каждый решает по-своему, а то ведь, не дай Бог... в какие-нибудь мракобесы и попадешь — у просвещенных и все знающих.

Что, соответственно, произошло?

Страна, ибо странное хозяйство соответствует не столько России, которая в подполье как была, так и остается, а именно стране — этой стране (не случайно, совсем не случайно рождаются такие замечательные выражения, как «эта страна»), была подвергнута... нет, не эксперименту... а насильственному волевому сверху и из центра приспособлению к потребностям (заметим, что потребности бывают разные, отнюдь не в пиве или компьютерах), а вот кого?.. Да-да, именно так, к потребностям, с одной стороны, созревшего в тени, но уже вполне сложившегося необуржуазного слоя (соответственно, необуржуазных настроений, желаний, потенций) — внутри страны, а с другой — овладевающей миром экономической цивилизации в лице управляющей ею и в значительной

мере миром, скажем так, верхушки — извне. Такое приспособление, осуществленное посредством так называемой либерализации хозяйства внутри страны и его мгновенного (и внезапного) открытия внешнему миру, не могло не привести, нет, не к хозяйственному кризису, что слишком мягко, а к самой обычной хозяйственной катастрофе (недаром же реструктуризация стала вдруг... катастройкой), смягченной, однако (не будем этого отрицать), доходами от экспорта газа, нефти, металла, леса и т. п. продуктов, как и всякого рода распродажами (того, что казалось ранее национальным богатством, что было накоплено предшествующими поколениями). Хозяйство страны не было полностью разорено, ибо что-то должно же было остаться для удовлетворения потребностей переустроителей и пошедшего за ними необуржуазного класса, т. е. для извлечения баснословных доходов и одновременного недопущения вполне возможного тогда угрожающего необуржуазной революции социального взрыва. Произошел быстрый и неожиданный для населения (не общества, а населения) хозяйственный переворот, отбросивший страну в разряд недоразвитых стран и утвердивший в ней режим странного хозяйства.

В чем же странность этого странного хозяйства?

А в том, что экономика теперь в стране есть, а вот хозяйство — то ли оно есть, то ли его нет? Вопрос. Чего больше сейчас в стране — хозяйства или антихозяйства, коли вокруг свернутые отрасли, незанятость, перенапряжение, бедность (нечто даже хуже бедности), утечка богатства и бегство людей за границу, стремительное убывание населения, голод, холод, болезни, эпидемии, но в то же время и престижные стройки, и огромные личные богатства, и роскошные пиры, да мало ли еще чего воцарилось в стране? Трудно, ох, как трудно, назвать все это хозяйством, да еще и национальным хозяйством, да еще и российским хозяйством, куда как легче назвать антихозяйством, да еще и не-национальным, да еще и не-российским. Экономизация свершилась, революция экономическая произошла, экономическая цивилизация тут как тут, — все здесь, все в России, но все как-то не за, а против России, не за ее хозяйство, а против него. А что еще, скажите, могло бы быть в этой стране?

Нет, никакой реформации (в аспекте преобразования) в России не было и нет, а имело и имеет место не что иное, как, повторяю,

приспособление к потребностям... которые в общем-то и вне России (что внутри, что за границей). Страну как бы схватили (пусть не за волосы, а за ворот) и подвесили — так она и висит, подвешенная во времени-пространстве, лишаясь при этом и своего времени (исторического и культурного времени) и своего пространства (тоже исторического и тоже культурного). Страна живет (живет ли?) без времени и без пространства, что, может, и не легко понять, но необходимо: нет прошлого (оно опошлено и размазано), нет будущего (перспектива жизненная не просматривается), нет и настоящего (одно бессмысленное, хотя, быть может, для некоторых и съятое, выживание), — связь времен разорвана, нет течения, нет развертывания, отсюда — безвременье; нет и пространства — как своего для каждого и одновременно общего для всех — как нет уюта в этом пространстве, ставшего вдруг враждебным и как бы и ненужным, в то же время и непреодолимым (кто и куда сейчас ездит по стране?), да и вообще тягостным (какие идут вести из этого пространства — страшные), — выходит безвременье сочетается с беспространствием. Время как бы отключено (что сейчас делается исторического, кроме постоянного чего-то исчезновения и нудного непрекращающегося отступления?), а пространство сжалось до точки, его как бы и нет. Уход отовсюду: из Европы, из Азии, из Африки, из Латинской Америки, из Космоса, с Запада, с Востока, с Севера, с Юга, из Океана, из Крыма, из Прибалтики, с Курил, с Дальнего Востока, с Кавказа, с Украины, с Черного моря, с Каспия, да мало ли еще откуда. Эта страна должна, судя по всему, исчезнуть, а уж человек из этой страны — тем более. Отсюда реформа образования, новое воспитание, полная свобода, а также рок, пиво, пьянство, незанятость, наркомания, самоубийства.

Если нет перспективы (а какая тут перспектива с программой Грефа, возможно, и Грифа), то нет времени; если нет ощущения горизонта, то нет пространства; если нет времени-пространства, то нет жизни, а есть лишь некое прозябанье, пусть и в банке, пусть и с деньгами, пусть и в роскошном доме. Что сказать потомкам, на что нацелить? Грабьте, ребята, воруйте. Ташите, насилийте, убивайте. Это что ли сказать? Или же прочь отсюда — из этого гибельного времени-пространства, из этой страны. Что еще остается? Помимо, конечно, сверхсознательной любви — к Родине. А Родины вроде бы уже и нет. Какая тут Родина, если

глобализм, если хорошо там, где платят, если наслаждение там, где капиталы и устойчивые доходы?

Апокалиптическая получается картина, апокалиптическая! А какая же еще? Разве благоденствие (благоденствие ли?) десятка процентов «элитарного» населения утешает? И можно ли всерьез довольствоваться неприменением в стране творческого труда, кроме труда (труда ли?) всякого рода затейников — от деятелей искусства до бизнесменов.

Страна экономизирована, но не ради производства, творчества, перспективы, энтузиазма, справедливости, добра. Нет, не ради всего этого, не ради. А ради совсем другого — обогащения (это для одних) и раз渲ла (это для других). Соответственно для разворовывания, распродажи, присвоения, но также и последующего исчезновения. Впрочем, кое-что можно и оставить, чтобы присвоение обеспечить, да и пространство удерживать... под контролем.

Вляпалась Россия, вляпалась. В историю, да так, что перестала быть и субъектом истории. Теперь только объект, только материал. Экономика держит Россию за горло, антихозяйство (разграбиловку) поощряет, соблазняет, к бездне ведет, в безнадежье ввергает. Конфликт тут великий — между экономикой и хозяйством, между экономикой и культурой, между экономикой и жизнью. Интересно, не правда ли, что хозяйство Бога возможно, а вот экономика Бога — нет!

Почему же тогда не утвердиться в России, в этой стране, странного хозяйства, если все для этого было сознательно сделано? «Хотелось как лучше, а получилось как всегда», — вранье все это: вовсе не хотелось как лучше, а хотелось лишь для себя лучше и не получилось вовсе как всегда, а получилось то, что хотелось, и заметим, совсем не для одних лишь инициаторов переделки страны, но и для многих, очень многих, в ней переделываемых! Смотрите, как охотно вдруг многие переделались в торговцев, финансистов, налоговиков, адвокатов, вкладчиков, потребителей, как за английский решительно взялись, за компьютеры прочно сели, в иномарки залезли... Разве не так?

Но, но, но...

Разумеется, все неоднозначно в этом мире. Есть в этой стране и кое-какое хозяйство, производство даже развивается, инвестиции имеются. Верно. Никто этого и не отрицает. Выживать вроде бы можно,

как бы и жить. Факт. Но... тут опять множество но... но... в каком-то неполноценном пространственно-временном континууме, при больно уродливом жизнеотправлении, в каком-то сильно искаженном образе. К тому же и не в жизнеутверждении вовсе, а скорее даже наоборот — в весьма последовательном и каком-то роковом жизнеутверждении.

Получается так, что Россия ныне лишена не то что российской (в интересах России, хотя бы), но даже и вообще полноценной хозяйственной жизни, а тот хозяйственный процесс (совсем не нейтральное словечко здесь — процесс), который имеет место, настолько страшен, что его нельзя отнести ни к реализации хозяйства, ни тем более к реализации хозяйствования. Очень грустный, но очень важный вывод. Дело дошло до того, что назвать хозяйство хозяйством невозможно, а что говорить, простите, о любви и мудрости хозяйствования, о которых печется философия хозяйства: какая уж тут любовь, какая мудрость, коли ограбление, обогащение малой части, обездоленность большинства, а главное, практически полная бесперспективность — та самая, еще-человеческая. Язык не поворачивается сказать, что есть какое-то там российское хозяйство, а о любви и мудрости вообще приходится помалкивать. Вот вам и реформы, вот и прогресс, вот и вхождение в «цивилизованный мир»! Что, может о великой криминальной революции поговорить, чтобы яснее было? Или еще какие-нибудь доказательства привести, чтобы глаза открылись? А сами они — глаза эти, что, уже и не открываются? Боязно, неприятно, смрадно. Лучше зажмуриться и... в Анталию, на Кипр, на Канары, а там... пока-то деньги текут... слава... реформаторам-революционерам!

Великое преступление в России (на ее территории) совершено, великое! Конец того самого мира, который еще как-то с нравственностью, а соответственно с величием и низостью (их различием) был со-пряжен, пусть этот мир назывался даже советско-социалистическим, что не так уж и важно, главное, что у этого опочившего мира (а лучше сказать убиенного) еще был какой-то нравственный фундаментал, пусть уже и обедненный и искаженный, но все-таки он был — как критерий, как причина, как повод, как ариаднина нить, как итог. Это было то, что еще оставалось от любви и мудрости, разумеется, слишком уж в превращенном

виде. Но было, было... Великая война это подтвердила, как и великие со-зидательные достижения — Великие Строки, осуществленные, прямо скажем, не за деньги и не за «интересы». Теперь совсем, совсем другое: теперь, знаете ли, как бы игра, где один обыгрывает другого, а другой, втянутый тоже в игру, не должен на это обижаться (ведь не обижается же один футболист на другого, если этот последний его обыграл; а удары по ногам и «сносы» — это не от обид, а от борьбы, в том числе и на выбывание; не запрещать же футбол оттого, что один игрок обыгрывает, а то и выбывает, другого). Вот такая игровая цивилизация (которая, согласимся, не совсем уже и цивилизация) вдруг и воцарилась в России, назвавшись для пущей важности «экономической», «рыночной», «открытой», «свободной», наконец, просто «западной» цивилизацией. Все в этой цивилизации хорошо, только лишена она... да-да... нравственного фундамента, замененного «пользой», «выгодой», «хорошим обращением», «правилами игры», «законом», «пиаром», и т. д., и т. п. И разве это не конец — целого, заметим, мира, а вместе с ним и некоего человека, еще знавшего грех, как знавшего еще и подвиг?

Какой же теперь человек, коли вокруг «интерес», «польза», «информация», «игра», «ситуации», «сети», «имитация», «виртуальность», «фармакология», «реклама», «пиар», «зомбирование», «клонирование» и мало ли еще чего причудливого и неудобомыслимого? Нет, перед нами уже не-совсем-человек, ибо человек в «устаревшем» понимании все-таки с душой и одухотворенным сознанием, т. е. совсем-другой-человек или, скажем так, не-такой-человек, т. е. не чиповей, что с умом и цифирным знанием, но без души и без одухотворенного сознания.

Что говорить, с душой боролись упорно, притесняли ее, изгоняли, но вот наступил момент, когда взяли, да и расстреляли ее в упор, ибо уже можно было — герои-греховодники уже ушли из истории, забрав с собою и саму историю. Человек как создание Божье покинул этот мир, и мир теперь принадлежит жадно плодящемуся чиповейству (можно сказать, и тараканству — суть здесь одна и та же).

Но что важно: в России (все-еще-России) это особенно заметно. Здесь все как на ладони. Ибо «презренное старое» еще живо, а «прелестное новое» еще не утвердилось окончательно. Мало того, здесь, во все-еще-России, и развернулась ожесточенная идеино-духовно-сакральная

борьба, нет, не нового со старым — это все незатейливо и плоско, а все-еще-человека с почти-уже-не-человеком. Это великая, хотя и малозаметная, и необычайно судбоносная, хотя и кажущаяся кризисно-временной, трансцендентная по своей сути и характеру драка. А если не нравится драка, то — сражение!

Да, сражение! Хотя об этом так не хочется думать и уж тем более говорить. Лучше уж о «рынке», «оптимальном выборе», «трансакциях», «аудите», «управлении персоналом», «виртуальных сетях», даже о «хакерах». И, в самом деле, лучше, но... за пределами философии хозяйства. А последняя, увы!, все о том же: о мета-смыслах, т. е. не о том, что на поверхности, а о том, что, как минимум, внутри и, как максимум, над.

Внутри, как мы видим, одна гадость (мы, конечно, сознательно преувеличиваем, хотя, впрочем...), а вот над... тут все не так просто, ибо что же знаменует собой вся эта эзотерическая нечисть, почему ее так много, отчего именно в России, почему сейчас, с каким же окончательным исходом? Вот они — мета-вопросы, на которые должны быть и мета-ответы, вот она — трансцендентность, позволяющая поставить вопросы, но не позволяющая на них ответить, вот она — загадка бытия!

Да, мы не можем дать определенных, т. е. как бы и научных, ответов, ибо, во-первых, мир вокруг трансцендентен; во-вторых, трансценденция вообще-то сама любит отвечать, но не так, совсем не так, как мы того хотим; в-третьих, мы сами, несмотря на заверения науки и тенденцию к чиповству, трансцендентны (даже если и отказываемся от Бога, души и нравственности), что говорит о том, что мы можем, конечно, в себя и в мир вслушиваться, кое-что и чувствовать, но, увы, не все мы можем выразить словами, даже из того, что нам оказывается так или иначе доступным. Отсюда только одно: мета-подходы к мета-ответам, т. е. улавливание неопределенности через неопределенность. Вот такая перед нами стоит мета-задача.

В России, в ее времени—пространстве, имеет место большая игра, в рамках и в ходе которой реализуется сразу несколько игр, из которых нам важно различать: а) плоскостную игру человеческих сознаний, т. е. игру полностью осознаваемую человеком — как вступившим агрессивно в российское время-пространство, так и в нем исторически обитающим и его отстаивающим; б) глубинную, т. е. полностью не осознаваемую, игру

человеческих сил — как чиповейских, так и все-еще-человеческих, т. е. игру, результат которой не может предсказать определенно ни одна из играющих сил, как бы стихийно-объективированную игру; в) надповерхностную игру, которую ведут как бы над-человеческие силы, замыслы которых вообще скрыты от человека и им не прочитываемы (дискурс, скажем так, такой игры — не человеческий и даже не околочеловеческий, он — внечеловеческий, отсюда не знаемый и даже не угадываемый человеком, хотя, конечно же, как-то по-своему ощущаемый). И если мы признаем столь сложную по смыслам игру, то что такое на сегодня есть Россия хозяйствующая? Выходит, что Россия является (хотя и, разумеется, не одна Россия, но здесь мы говорим все же о России) совершенно трансцендентным хозяйствующим субъектом, занятым не вообще хозяйством и хозяйствованием, а особым хозяйством и хозяйствованием, в рамках которого находят место реализации и значения не только человеческого субъективно-сознательного, не только внутричеловеческого (внутри-общественного) объективно-бессознательного, но и над-человеческого, т. е. не человеческого, совершенно (если и не абсолютно) трансцендентного, порядка. Попробуй, разберись тут с хозяйством, хозяйствованием и хозяйствующим субъектом. А ведь жизнь как-то реализуется (вместе с анти жизнью), что-то вокруг действительно происходит, неумолимо идут реальные перемены, одно бытие сменяется другим (может, уже и не бытием вовсе), уже не маячит на горизонте, а крутится тут, рядом, среди нас (все-еще-человеков) какое-то иное существо, может, уже и не-совсем-человек (обличье человеческое, а суть другая, точнее, обличье есть, а ничего существенного вовсе и нет — о нем просто нет смысла говорить; функционал, он и есть функционал — среда, мозг, реакция, какая уж тут существенность, право?).

Сражение!

Что ж, мы знаем, что война — тоже хозяйство, когда разрушение и созидание не то что вместе, а в каком-то особенном единении, которое еще надо осмыслить. Война и мир, но не тот мир, что после войны наступает, а тот, который в войне находится. Мир в войне. Отсюда и войновое хозяйство. Вот примерно такое хозяйство и воцарилось сейчас в России — войновое, т. е. не совсем военное, а посложнее, попроцесснее, поитоговее, а соответственно, и потрансцендентнее.

Говорят, что сейчас идет некий (измеряемый тысячелетиями, даже их десятками, если не сотнями) фазовый переход, в рамках которого действительно рождается действительно новое и действительно человекоподобное существо, особенностями которого будет как раз его если не полная, то очень большая — решающая — искусственность, т. е. вместе с неприродой или, как мы изволили ранее выразиться, артеродой, кончивающей окончательно с природой, должно явиться соответствующее этой артероде человекоподобное нечто — какой-нибудь, позволим себе еще одну словотворческую вольность, артек вместо человека. Сотворенный уже не каким-то там Богом или даже не природой, как и не каким-нибудь Большим Взрывом, равным образом и не космическими пришельцами, а непосредственно человеком, перестающим желать оставаться человеком, возжелавшим перескочить в какой-то другой «вид» (вид вообще — научная условность). Без адвокатов ныне нельзя, без врачей нельзя, без учителей нельзя, без лекарств нельзя, без денег нельзя, без компьютеров нельзя, без Интернета нельзя, без идентификационных номеров нельзя, без карточек нельзя... а если подумать... то по сути нельзя без пробирки, без аквариума, без клетки, без скафандра, без противогаза и т. д., но, что особенно важно, без генной инженерии, без искусственных органов, без вживленных чипов... а, вот как раз и появился наш чиповой, он же и артек.

У кого-то вся эта перспектива вызывает умиление, у кого-то — чувство (чувство ли?) осознанной необходимости, у кого-то страх и отвращение, а у кого-то и вообще омерзение. Что говорить, мерзкие времена вокруг, мерзкие, хотя и сладостные по-своему, даже желанные.

Является ли Россия хозяйственной колыбелью нового бытиеподобного мира и нового человекоподобного существа? Является ли она при этом хозяйствующим в данном аспекте субъектом? Или, напротив, она является всего лишь объектом хозяйственного в данном же аспекте действия?

Как хотелось бы, честно говоря, переадресовать эти вопросы кому-нибудь еще — тому, кто все и так знает, но... нам ничего не остается, как размышлять самим — в меру наших ограниченных возможностей, ибо мы не знаем того, кто знает, точнее, не можем просто так его спро-

сить и просто так получить от него ответ. Отсюда лишь гипотезы, вероятности, догадки.

Что мы можем здесь сказать?

И да, и нет! Это, конечно, не ответ, хоть и попахивает от него диалектикой, но что нам делать, если мы замечаем и то, и другое, не говоря уже о третьем? Однако напрашивается все-таки и некоторая определенность, разумеется, вполне и неопределенная. Какая же?

Нравится это кому-то или нет, но высматривается или даже вычувствивается, что Россия более всего выступает пока в роли объекта — для некоего нового гигантского эксперимента, который, конечно, неоднозначен и по смыслам своим, если так можно выразиться, многослойен. На поверхности это, по всему видно, довольно гнусный эксперимент нынешних Земле-строителей, для которых важно не столько новых существ вывести (на Западе их уже, кажется, вывели, во всяком случае, на пред-видовом уровне), сколько старых человеков (арийцев, кстати) вывести, но уже на нет, ибо они... мешают, крепко мешают... со своими культурами, традициями, понятиями, критериями, языками, т. е. со всем своим все еще не выветрившемся багажом. Отсюда и мощнейшая антикультурная, т. е. анти-российская, атака, как и, соответственно, атака анти-государственная. Это на поверхности. Внутри, как везде, сложнее: тут уже закономерности, случайности, непредвиденности, т. е. все такое, что не совсем уже в воле человека-экспериментатора, если и совсем не в его воле (затеял Бонапарт войну с Россией, в Москву даже вошел, но лишь для того... чтобы русские... в Париже оказались, — вот и весь эксперимент; и таких примеров, в том числе и против русских, предостаточно). С внутренними мотивами и процессами приходится считаться, действия свои корректировать, иной раз кое от чего отказываться, новое предлагать (Бжезинский это хорошо знает), которое, есть не то что сопротивление материала, а кое-какое и его — этого материала — собственное мнение. Устроители социоэкспериментов это хорошо понимают: оттого тут всегда и игра (без правил, разумеется, хотя и с учетом всяких там обстоятельств).

Одни давят, другие — сопротивляются, либо даже и свою ведут игру — тоже, надо сказать, без особых правил. Так или иначе, но... война (а это и есть в главном игра без правил). Войну эту многие не видят,

не хотят видеть, за конкуренцию принимают, а то и за новую жизнь. Однако — война! И хозяйство в нынешней России военного, так сказать, толка, но не в смысле его милитаризации (оно даже демилитаризировано), а в смысле состояния, способа реализации, характера бытия. Хозяйство, в котле которого должен погибнуть старый, т. е. и советский, и русский, даже и российский человек, и возникнуть новый — не только не советский, не русский и не российский человек, а человек вообще с еще невиданными — в массе — свойствами (кстати, с заранее заданными; когда онаученный человек научился создавать вещи — машины, материалы, организмы — с заранее заданными свойствами, очень гордясь этим, он почему-то не подумал о той весьма простой вещи, что он сам становится объектом переделки под заранее заданные свойства, — такова великая ирония жизни!). С какими же это свойствами? Да теми самыми — удобными для власти, всяческих интенций и придумок, для нового мира, для броска... куда впрочем?, — да не все ли равно, главное, чтобы весело, незатейливо, игриво. Развлекайся, новый человек, развлекайся, это твоя и только твоя миссия на Земле, ибо тебе повезло!

Однако есть еще высшие смыслы, которые наука наша очень не любит. Одно дело, признать разные там закономерности и случайности, пусть и не всегда наукой схватываемые, совсем другое — представить в смиренном и довольно-таки жалком виде перед суперсмыслами, к которым с логикой и доказательствами просто так не подобраться. Здесь иная ясность потребна — не-научная, а лучше сказать, супер-научная. Выше науки надо взлететь, а там, глядишь, что-нибудь и поймешь.

Трудно дается такое понимание, очень трудно. И не каждому, и не во всякий миг, и по испытании — иной раз, весьма суровом. Захочешь заглянуть, а... нет, лучше не говорить, лучше помолчать.

Благое молчание!

Великая это вещь, благое молчание. Чего болтать-то? Глухой — не услышит; всезнающий (т. е. совсем уж интеллигент) — сам все знает (разумеется, не это!); самонадеянный — на себя, собственно, и надеется, т. е. ничего такого ему просто не надо. Что же касается остро чувствующего, думающего напряженно не одним умом, а и сердцем — большим сердцем, открытого невеселым переживаниям, то ему ведь не так много и надо... разве намека.

Намек!

Кто задумывался над этим замечательным словом? Ведь все о знании, об аргументах, о доказательствах. Как на суде! А тут всего лишь намек. Разве может наука признать такое, разве может всезнающий учёный на этом основываться, разве... а вот реальные деятели, надо заметить, намеки любят, чувствуют, на них быстро реагируют... разумеется, деятели великие (неважно, с каким знаком, но великие).

Хотим мы того или нет, но жизнь человеческая, соответственно, и хозяйство обусловливаются таким образом, что ничего собственно человеческого о происходящем сказать невозможно — тут работает такая трансценденция, о которой можно лишь мечтать. В самом деле, что же такое происходит сейчас в России? Реформа? Это для наивных. Революция? Это уже для кое-что понимающих. Пересотворение — мира и человека? Это уже для многое понимающих. Для чего такое падение, зачем такое страдание, с какой целью такое предательство, по каким мотивам такой позор? Конечно, кое-какие соображения мы можем высказать! Сходу и по размышлении, но все равно многое — самое главное — остается за кадром, уходя в эту самую непонятную трансценденцию. Ведь должны же быть какие-то веские основания для подобного антихозяйственного жертвоприношения, для подобного антихозяйственного разгула, для подобного антихозяйственного срыва? Или благодать отвернулась от России, оставляя место погибели? А может, наоборот, жизнь ищет что-то небывалое, которое состоится потом, а не сейчас, а сейчас не жизнь, а некая антижизнь! Ведь похоже, очень похоже на последние времена, после которых или ничего, или что-то совершенно новое, о чём мы и помыслить не можем.

Сегодня в России воцарился и безжалостно действует некий пресс, что-то такое из России выжимающий. Что же? Эх, если б знать, а то ведь... Почему столь резкий и столь масштабный переворот — и всего и вся? Чтобы к «цивилизованному миру» присоединиться? Так ведь Россия же не частная страна, не локальное сообщество, не малый народ. Россия — мир, а мир не присоединяется, — он либо есть, либо его нет. Хозяйство российское — хозяйство мировое, следовательно, оно само-себе-хозяйство, как бы оно ни открывалось, ни присоединялось, ни грабилось. Вот богатеи возникли, а для чего? Клептократия утвердила,

а зачем? Криминал разыгрался, а с какой целью? В самом деле, что же происходит в России?

Нет, не знаем мы ни супермотивов, ни суперпоследствий. Никто не знает. Даже Бжезинский не знает, что он затеял. И Горбачев не знает, и Ельцин, и Березовский. Никто не знает. Ибо все видимые задачи и цели слишком мелки, слишком поверхностны, слишком локальны. Хороши проекты, да без конца... без видимого и понимаемого конца. Бесконечные проекты, где и «бес», и «конечные» так замечательно красноречивы.

Эксперимент есть, он налицо. Но итог... итог вовсе и не ясен. Что из всех этих переходов, бифуркаций и катастроф получится? Разве кто-нибудь из смертных решится на сколь-нибудь точное суждение, на более или менее ясное предвидение? Нет, вряд ли решится, если ответствен. И мы не решаемся... ибо в тумане. Хотя, впрочем, есть у нас... вера. Да, вера, безответная, слепая, ненужная. Во что? В Россию! «В Россию можно только верить!». Давно сказано, а как замечательно... и актуально. Ничего у нас нет, никакого расчета, никакого проекта, никакого расписания. Один апокалипсис. Однако и вера!

Россия не станет ни Западом, ни Востоком, ни Югом, ни Севером. Она останется Россией, может, и в погибели. Но России суждено кое-что понять, чего не понимают ни на Западе, ни на Востоке, ни на Юге, ни на Севере. И это понимание очень и очень важно — для вообще-человека. Недаром же именно в России та же философия хозяйства родилась и развивается. Поиск в России идет, — вполне, кстати, хозяйствственный, — поиск нового слова и нового миропонимания. Разве этого мало? И разве слово того не стоит? Разве слово — не стоимость? В России свершится пришествие Нового Слова! Не факт, конечно, но вера, а вера, знаете ли — факт!..

Вот она, Россия хозяйствующая! Какая? Слово создающая. Вот она, российская трансценденция, в которую, конечно же, никто (или почти никто) не верит из умных, из начитанных, из всезнающих. Но есть и те, кто верит, сам того не понимая, но чувствуя, что не зря все это, совсем не зря!..

Было время, когда хозяйство сводилось к производству потребительских благ или же к производству денег, да и сейчас многими сводится, однако и пришло время, когда хозяйство рассматривается всего

более как производство жизни и человека, как производство сознания и, если хотите, души человеческой, равным образом замечается, что есть и антихозяйство со своими наоборотными целями и алгоритмами, имеющее прямо противоположную функцию. Надо различать хозяйство и антихозяйство, как различать и хозяйство-антихозяйство, направленное на пересотворение мира и человека по замыслу человеческому (и античеловеческому), как и хозяйство, направленное на спасение человека, его сознания и души, что не означает движения назад.

Так вот, нам все-таки представляется, что в России, подвергаемой жуткому античеловеческому эксперименту, должен потерпеть поражение страшный пересотворительный проект, и России суждено спасти-таки свою душу и души преданных ей людей. Пора осознать, что в мире идет трансцендентное по сути сражение за Душу и души, что вовсе не выдумка болезненного воображения, что оно не в прошлом, а здесь и сейчас. Измена, состоявшаяся в России, должна обернуться небывалой преданностью России, которой еще не было в веках — во всей истории человечества. Странно, страшно, немыслимо, но это будет, ибо этого хочет, не может не захотеть странная, страшная и немыслимая Русская Душа, которая не сегодня, но завтра, воспрянет и ринется, не сходя с места, в последний бой. Именно не сходя с места, ибо задача русского человека вы-стоять, обретя тем самым высокое звание Божьего Человека.

Хозяйствование ныне всего более не вне человека, не около него, не рядом с ним, а непосредственно в человеке, в его сознании, в его душе. Это важнейший вывод, который делает философия хозяйства, вовсе и не оригинальный, но так необходимый. Не производство далее, а сохранение! Да, сейчас на повестке именно сохранение, — и пусть разговоры о рынке и конкуренции, о деньгах и капитале, о валютных курсах и банковских процентах не затмевают главного — воссоздания души человеческой, т. е. того, без чего человек превращается в достойный «постиндустриальной эпохи» компьютеризованный механизм.

Хозяйствование души и хозяйствование в душе! Сильно сказано, не правда ли? И ничего, собственно, нового. А как до этого дойти в триумфальном сциентизированном мире, давно отвергнувшем эту совсем не нужную ему субстанцию — душу? Напрасно кто-то думает, что задача

человека состоит в комфортном обустройстве своего частного бытия, а остальное, мол, вполне приложимо, — нет, ничего без хозяйствования души и хозяйствования в душе не получится, что прекрасно подтвердили что капитализм, что социализм, что индустрIALIZМ, что «постиндустриализм», и что еще подтверждят всякие финансомики, неоэкономики, информаномики, глобализмы и любые изобретения воспаленного ума человеческого.

Загадочная русская душа!

Сколько об этом говорено, и, однако, все впереди — нет, не разгадка русской души, а ее — этой мятежной души — совершенно неожиданное проявление. Главное сейчас — осознать и... не вмешиваться! Это главное. Многое нужно осознать, отогнав от себя наплывший со всех сторон морок, многое нужно разглядеть, пристально всматриваясь в мир и в жизнь через неохотно рассеивающийся морок, многое нужно различить и увидеть, понять, оснастив себя новым мирозрением и новым мировоззрением. И никто этого нового мировидения и этого нового мироведения не даст, кроме разве самого Господа Бога, но на то должна быть Его Воля, но никто не может по существу помешать обрести это новое понимание мира и человека в нем, если, конечно, сильно этого захочет, а захочет, судя по всему, придется, — недаром же именно в России так много сейчас проблем и так много сейчас стремления — не институционализированного вовсе — их разрешения. Задумался русский человек, ох, как задумался!..

Душа — субстанция по преимуществу личная. Хотя есть, наверное, и душа народа, которую сциентисты любят называть «коллективным бессознательным», а на самом деле тут все сознательно, хотя и по-особому (если уж что и есть, так это коллективное сознание, а не «коллективное бессознательное»; не стоит забывать, что сознание вообще трансцендентно, а потому в любом случае загадочно, как бы ты его ни называл — коллективным, сознательным, бессознательным и т. д., а главное — оно всегда сложно и в границах своих обязательно размыто, если не спрятано). Душа — вовсе не бессознательное, наоборот, сознательное. Но это не значит, что во всех отношениях понятное, разбираемое, моделируемое. Душа — не система, да и человек — не система, хоть и поигрывать на этой системе можно — как на флейте.

Вот эту-то игру и должен исключить со временем русский человек. А пока он должен заняться своей «коллективной душой» — во спасение ее и себя с нею.

И вот тут возникает важнейший вопрос — о государственности. Совместима ли душа народа — русского народа — с государственностью? Казалось бы, не очень, но... при ближайшем рассмотрении... можно прийти и к иному выводу: совместима! Более того, органично совместима! Но сейчас, нам уже стало хорошо известно, идет растворение российской государственности, ее всестороннее ослабление, как и самое тревожное — ее криминализация (теперь и словечко появилось соответствующее — клептократия). Русская душа лишается общей для всех, единой для всего времени-пространства, утверждающей бытие — жизнь — общество в их тождестве самим себе, спасительной вне-личностной и даже-сверх-личностной организации. Русская душа лишается защиты, а соответственно, и возможности, если хотите, живительной реализации.

Нет, мы не утверждаем, что все и везде в российской государственности было хорошо, многое было и отвратительным, но была все-таки такая симфония, довольно-таки и гармоничная, между личными, так сказать, душами (вовсе не такими уж «мертвыми») и всеобщей народной душой (не такой уж и «бессознательной»). Можно даже сказать, что имела место такая государственно-личностная соборность, разумеется, со всеми противоречиями, пониманиями, насилиями и бегствами. Нет, мы вовсе не идеализируем российскую государственность, более того, мы склонны признать за нею немало пороков. Однако она была и обеспечивала российскому народу и русской душе не одну лишь возможность быть, но и, не побоимся такого заявления, кое-какой расцвет. Сегодня эта государственность под угрозой.

Да, мы хотим иной государственности, чем сейчас, но, во-первых, именно государственности, во-вторых, нашей государственности. И крест на государственностиставить нельзя, хотя его и стараются сегодня поставить (чему служат и такие установочные «штучки», как «общечеловеческие ценности», «права человека», «свобода», «открытое общество» и т. д.). России без самостоятельной и сильной государственности нельзя (Россия — не Литва, не Бельгия, даже не Украина). При слабой и

несамостоятельной государственности нет и не может быть эффективно и в своих интересах хозяйствующей России. Россия хозяйствующая — государственная, и никакая другая, Россия.

Удар по государственности в России, нанесенный — по различным мотивам — в 1980—1990 гг., поставил Россию вообще в тяжелейшее и крайне опасное положение, не только резко ослабив ее и превратив, по сути, во второстепенную страну, но и лишив ее возможности не то что величаво и содержательно, но и сколько-нибудь самостоятельно и в своих интересах, хозяйствовать. Удар по государственности был ударом по России хозяйствующей. Вместо хозяйства воцарилось антихозяйство. Россия оказалась на грани существования. Теперь в хозяйствование в России должна входить мощная государственно-восстановительная составляющая.

Нет, мы не против ни экономики, ни открытости, но мы против лишения России и ее народа права и возможности быть полноценным хозяйствующим, а потому и историческим субъектом. И никакие природные и интеллектуальные ресурсы нам здесь не помогут, ибо те и другие могут успешно вывозиться без сколько-нибудь эффективного влияния на саму Россию, ее возрождение. Поэтому мы выделяем две главные составляющие — духовность и государственность, те самые составляющие, без подъема и усиления которых ни о какой России хозяйствующей не может быть и речи. А ведь России надо так многоного избежать!

Вот оно, хозяйственное богословие России! Разумеется, это только намек, только сильное желание слабого перед мирозданием и вечностью подрастающегося русского человека, но это вполне оправданное желание, ибо что будет с человеком без любви и мудрости, без любомуудрого хозяйствования, без хозяйства, основанного на любви и мудрости?

Страшно подумать!

Трудно, немыслимо, невозможно.

Но иного пути нет.

Нет!

Да будет!

Заключение

Философия хозяйства — хозяйствующая философия

Философия хозяйства — знание безграничное, и не потому, что оно может бесконечно накапливаться, а потому, что оно заведомо неопределенно, ничем заранее не лимитировано, исходно разнообразно. Оно не имеет строгой (как бы выверенной) аксиоматики, свода незыблемых правил и установок, каркасных соглашений. Каждый, кто погружается в данное знание, а лучше сказать, в пространство данного знания, ведет себя так, как ему захочется, с той лишь главной путеводной ориентацией, что его размышления и выводы должны соответствовать осмысливаемой реальности, даже если последняя предстает идеальной, виртуальной или просто ирреальной. Строгого критерия истины тут нет, и философ хозяйства находится в свободном когнитивно-экспликативно-рефлексивном полете, а потому ориентируется он более всего на сознание — как свое личное, так и общественное, на культуру, на ход вещей, по преимуществу идеальных. Судить философа хозяйства и саму философию хозяйства легко (для непосвященных) и одновременно очень трудно (для сколько-нибудь в нее погрузившихся). Мы не устаем повторять, что философия хозяйства — не наука, а философ хозяйства — не научник, хотя философия хозяйства и философ хозяйства вовсе не чужды науки и от нее вовсе не отмахиваются. Критическое отношение к науке и даже ее творческое преодоление — не только не пренебрежение к ней или ее решительное отбрасывание, а самое что ни на есть уважение, однако не ведомое вовсе умильным преклонением. Науке — научово, философии — философово!

Неопределенность философии хозяйства не означает, что она совсем лишена определенности, нет, она достаточно определена в неопределенности — чтобы выглядеть достаточно напряженным знанием, на которое можно и опереться: смыслы (прежде всего, метасмыслы), добываемые философией хозяйства, может, и тонкие, а иной раз и трудноуловимые, но не такие уж слабые, чтобы на них нельзя было уверенно рассчитывать. Философия хозяйства имеет свой знаниевый и размыслительный строй, однако, не статичный, не раз и навсегда данный, но формально и торжественно закрепленный. За философию хозяйства,

как и вообще за философию, не полагается премий — типа Нобелевских — ибо хоть и умен бывает философ, и душевен, но кто поручится, что он бывает при этом и прав? Философ вещает, его слушают, ему даже внимают, но кто станет в ежедневной жизни напрямую руководствоваться предложенными им «вещими вещами»? Ясно, что никто. И не надо, ибо философская мысль не для повседневности, не для суэты суэт, не для оперативного руководства. Но без философских истин тем не менее нельзя: нет обобщающего понимания, нет целостного видения, нет обоснованной ориентации в неопределенности, и в конце концов, нет уважительного сознания, нет его полноты, нет, соответственно, человека. Человек действует не по философии, но согласно философии, но не как с внешним — и правильным — знанием (функциональным, технологическим, операциональным), а как со знанием внутренним — на поверку, может, не таким уж и правильным, помещающимся где-то там — внутри, в душе, в сознании. Действует в данном случае не столько знание, сколько человек со знанием — с со-знанием. Философия действует не напрямую, а через человека, в нем как-то, чаще всего трансцендентно, разместившись. Важно не знать буквально философию, а ею органично проникнуться — к тому же и по-своему. Философия действует через философического человека.

Это дает нам основание говорить о философии хозяйства, как, собственно, о философии вообще и любом знании вообще, как о хозяйствующей философии, т. е. как о чем-то реально действующем в хозяйстве, как о хозяйственном факторе. Ничего тут особенного нет, но тем не менее это очень важно. Функция философии хозяйства шире и сложнее просветительской, она включает в себя и реальное действие, хотя и очень опосредованное. Философия хозяйства дает (хотя может этого и не делать) не что иное, как идеологию, необходимую человеку — для хозяйства, для жизни, для самого человека. Тезис о неидеологичности хозяйства (экономики, прежде всего) — страшный по своей пустоте и смертельности. Это суперложный тезис. Мы хорошо видим на примере современной России, к чему приводит так называемая деидеологизация бытия, хозяйства, экономики, жизни, культуры, человека. Да, нарочитая, тем более концептуальная, идеологизация, еще и насилиственная, вредна, даже если она формально опирается на религию и идею Бога. Но без идеологии

нет человека, и человек все равно имеет ту или иную хозяйственную идеологию, даже если ему кажется, что ее нет, а есть лишь одна польза и эффективность. Задача философии хозяйства, а она должна быть непременно нацио-культуро-пространственно обусловленной, предоставить такую идеологию — в соответствующем дискурсе. Философия хозяйства не может не выходить на идеологию, ибо у нее не один только ум, но и сердце, у нее есть душа, она к тому же еще и богообусловлена. Хозяйственное богословие — основа идеологии философии хозяйства, а весь ее идеиный поток и есть ее идеология.

Философия хозяйства, конечно же, более созерцательна, чем деятельность, и деятельность она именно потому, что созерцательна. Не задача философии хозяйства учить человека хозяйствующего, что и как ему делать, задача философии хозяйства — показать мир, в котором действует хозяйствующий человек, а также человека хозяйствующего в мире, в котором он действует, а соответственно, обсудить с человеком хозяйствующим мотивы и итоги его деятельности, ее общее направление, глобальный результат. Философия хозяйства дает хозяйство-вИдение, а затем и обобщенное, воззренческое, идеиное хозяйство-вЕдение. Философия хозяйства способна и должна дать человеку своеобразное хозяйственное евангелие, так необходимую человеку благую весть.

Человек хозяйствует, упрощенно говоря, не как дама в свете, а как медведь в лесу (несмотря на всю утонченность многих механизмов, алгоритмов и продуктов). Это значит, что человек по сути мало знает, что творит, во всяком случае, не отдает себе полного в том отчета (можно даже сказать, что человеку свойственно идиотическое или даже шизофреническое, во всяком случае, патологическое хозяйствование — это такое патологохозяйство). В итоге хозяйство так или иначе мечется, бросаясь из края в крайность. Не будем говорить о человечестве в целом, а возьмем хотя бы нашу Россию: за подтверждением ходить далеко не придется — от крепостничества к капитализму, от капитализма к тотальному огосударствлению (социализму?), от тотальной административно-планомерной системы к свободному рыночному хозяйству (либеральной экономике?). Уже пример России убеждает в необходимости какой-то хозяйственной сверхидеологии, способной оздоровлять хозяй-

ство, его гармонизировать, наполнять совестью и нравственностью, освещать ему путь, органически вводить в мироздание. Философия хозяйства призвана обращать внимание человека на опасную рискованность разного рода поворотов и скачков, как и на не меньшую по возможной катастрофической опасности «благополучную стабильность». Философия хозяйства действует в пользу не конца, а продолжения истории, жизни, человека. Не апокалипсис, а апокатастасис, т. е. антиапокалипсис, в центре заботы философии хозяйства. Нет, совсем не простая задача, а лучше сказать, сверхзадача, у философии хозяйства.

Да, именно в точке философии хозяйства сходятся все главные хозяйствственные, а они же и человеческие, суперструны: идеиные, нравственные, мирообусловленные, сакральные. Никакая другая сфера хозяйственной мысли и знания так не соотносится с тем, что и знать-то не надо, о чем и размышлять-то специально не надо, что с молоком матери должно усваиваться, что свойственно не уму, а переживанию. Ни одна сфера хозяйственной мысли и знания не обращена так к сознанию, как философия хозяйства, противящаяся всякому насилию над сознанием, но зато выступающая за высокую сознательную ответственность.

Хозяйствовать — производить прежде всего и по преимуществу идеи. Не блага как таковые, соответствующие тем или иным потребностям, а именно идеи, которые, конечно же, тоже блага, но особого рода. Тот же закон, к примеру — благо, причем идеальное благо, становящееся и материальной вещью-силой. И вот этот закон — тоже хозяйственный продукт, как и любое так называемое материальное благо. Но что закон, а те же хозяйственные решения, разве это не продукты хозяйствования? Соответственно, и идеино-идеологические установки, вплоть до таких, как «хорошо — плохо», «правда — ложь», «благо — вред», «добро — зло», «можно — нельзя», разве это не хозяйственные продукты? А политика, а «массовая информация», а пиар?.. В том-то и дело, что все это самые обыкновенные продукты самой обыкновенной хозяйственной деятельности, которая, само собой, к экономическому счету вовсе не сводится. Когда писатель пишет свой постмодернистский текст, запутывая читателя, то он хозяйствует — напрямую, причем, создавая весьма сложный хозяйственный продукт, предназначенный, кстати, для потребления,

о котором читатель, надо заметить, и не подозревает вовсе, причем создает он не одно лишь слово-текст, но и идеи, и мораль, и поведение (либо отсутствие всего этого), как создает он и самую примитивную путаницу, из которой ни читатель, ни сам писатель уже никогда не выберутся. И выборы президента — хозяйственное действие, но не потому что имеют место затраты, печатная и иная пропагандистская продукция, штабы, машины и т. п., а потому что имеет место обыкновенный хозяйственный процесс, итогом которого бывают победы и поражения, как и сам избранный президент (последний — самый обыкновенный хозяйственный продукт). Нет смысла говорить об этом более, надеемся, что и так ясно.

Сама экономическая цивилизация, о которой мы ранее много говорили, как и экономическая революция, ее обусловившая — тоже итоги хозяйственных процессов, причем такие итоги, которые так или иначе еще и участники хозяйственных процессов. Российская перестройка — хозяйственный процесс: сначала в идее, потом на практике, затем в катастрофе, наконец, в небытии. Оправдание взяточничества и грабежа (не сами лишь взяточничество и грабеж, а именно их оправдание) — хозяйственный акт, умело и беспринципно осуществляемый «реформаторами». А созидание всяческих иллюзий, любого камуфляжа, какой угодно развесистой клюквы, разве это не хозяйство, разве это не хозяйственные (и антихозяйственные) достижения?..

Само существование и действие философии хозяйства, ее содер-жательное развитие, выброс ею всяческих сентенций, наконец, проникновение (конечно, хорошее) в сознание человека, суть не что иное, как хозяйственный процесс. Хозяйство внутри философии хозяйства, но хозяйство и во вне, но не то хозяйство, что вокруг, в контексте, а хозяйство, исходящее от философии хозяйства. Вот поэтому-то мы и толкуем упорно о том, что философия хозяйства есть не только хозяйственное (внутри себя), но и хозяйствующее (от себя) нечто. Нам остается лишь сказать, что философия хозяйства есть не что иное, как хозяйствующий субъект.

Развернутый здесь курс лекций дает, мы надеемся, достаточно цельное представление о философии хозяйства. Ясно, что в нем содержится не вся возможная картина, но достаточно рельефный рисунок, надо

полагать, имеется. Данный курс лекций — не вся философия хозяйства, хотя и не скопище отрывков. Определенная (в общей неопределенности) концептуальная замкнутость в курсе есть. Однако было бы неправильно относиться к курсу как к своду правил, которые лишь надо затвердить и в нужный момент произнести. Такого в курсе нет и быть не может, как не может быть такого вообще в философии хозяйства. Данный курс следует рассматривать более как путеводитель, чем какой-либо регламент. Философия хозяйства чужда уставной строгости. Это вообще не столько знание, сколько нахождение в знании, сопряженном органично с размышлением. Знание в философии хозяйства не оторвать от размышления. Философия хозяйства — всего более рождающаяся мысль, чем закостенелая — хоть и правильная с формальной точки зрения — формула. Быть с философией хозяйства — быть в философии хозяйства. Последнюю нужно не столько знать, сколько ею жить.

Смеем надеяться, что у философии хозяйства есть будущее: не самое широкое и привольное, но действенное. Философия хозяйства нужна, без нее не обойтись, хотя это еще и не в полной мере осознано. Обращение к философии хозяйства — не акция пытливого ума, а огромная жизненная потребность, восходящая к настоящей и острой необходимости.

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

Тезисы

Объект познания и осмысления. Мир в целом. Человек (человечество) в мире. Человек (человечество) как субъект мира. Взаимодействие человека (человечества) и мира. Мир человека и человеческий мир.

Познаваемая, понимаемая и мыслимая реальность. Сложность, включающая в себя материальное и вещественное, духовное и идеальное, а также трансцендентное, противостоящее имманентному, экзотерическое (внешнее) и эзотерическое (внутреннее), феноменальное и ноуминальное, явленческое и сущностное, открытое и закрытое. Физис, но вместе с тем и метафизис. Литосфера, биосфера, ноосфера и спиритосфера вместе и во взаимодействии. Реальность вместе с ирреальностью.

Предмет познания, понимания и размышления. Субъективное, обусловленное и определяемое сознанием, творческое жизнеотправление человека (человечества) во взаимодействии со средой обитания (природой), человека с человеком и человека (человечества) со сверхприродным началом.

Способ освоения, воссоздания и созидания реальности. Фиксация реальности, ее словесно-категориальное описание, обнаружение смыслов, в нее заложенных, познание принципов и законов ее организации и реализации, установление закономерностей, для нее характерных; целостное, онтологического порядка осмысление реальности, ее соответствующее словесно-категориальное отображение; выведение собственных (человеческих, из человека) представлений и смыслов, их собственная целостная организация, позволяющая создать собственную вообразительную словесно-категориальную конструкцию, не имеющую прямого адеквата в окружающей реальности, но способную предложить собственную (человеческую, из человека) ирреальность как иную реальность.

Методология познания и осмысления. Метафизические познание и осмысление метафизики бытия, не пренебрегающие свойственными бытию трансцендентностью и ирреальностью, их признающие и всячески учитывающие. Отсюда не одно лишь усвоение поверхностной явленности и моделирование взаимодействий материальных элементов и

структур, т. е. физическое познание физики бытия, но и ноуменологическое (созерцательное и вообразительное) проникновение в суть реальных вещей, и ирреальных невещественностей, обнаружение потаенных смыслов и логик, их ментальная организация через посредство полилектического (обратной перспективы, в системном разнообразии и единстве, расчлененности и целостности) видения сложной реальности, включающего диалектическое видение единства взаимоисключающих положенностей (это есть не это, а то, которое не есть это, но не есть и то, а потому это есть это и то вместе, не будучи при этом ни тем, ни другим, а становясь третьим, разумеется, не этим и не тем).

Философия. Не только пронизанные трансцендентностью, т. е. метафизичностью, следовательно, и метанаучностью, а сегодня и постнаучностью, способ познания реальности и способ словесно-категориального выражения выработанного знания, как и сам образ ментального бытия, познающего и осмысливающего реальность человека, но при этом еще и особого рода субъект и объект познания, осмысления и знания, ибо нет человека без философии, становящейся в человеке и через него собственно философским субъектом, а реальности нет без философского ее наполнения, выступающего в ней и через нее философским объектом.

Исходные определения. 1. *Хозяйство вообще* — реализация всего самостоятельно сущего или любого из возможных автократических существований, взятая по преимуществу со смысло-организационной стороны. 2. *Хозяйство человеческое* — субъектное, обусловленное и определяемое сознанием, творческое жизнеотправление человека (человечества), осуществляемое во взаимодействии со средой обитания (природой), человека с человеком и человека со сверхприродным началом, взятое по преимуществу со смысло-организационной стороны. 3. *Хозяйствование человеческое* — субъектная, обусловленная и определяемая сознанием, творческая деятельность человека (человечества), обеспечивающая реализацию его жизнеотправления во взаимодействии со средой обитания (природой), человека с человеком и человека со сверхприродным началом.

Философия хозяйства. Метафизическое — метанаучное, а на сегодня и постнаучное — восприятие жизнеотправления человека (челове-

чества), осуществляемого во взаимодействии со средой обитания человека и человека со сверхприродным началом, человека с человеком, служащее для целостного понимания — обращаемого в знание и переводимого в размышление — исходных смыслов, целей и механизмов жизнеотправления, его организации, возможностей и результатов, а также для поиска и созидания приемлемых для человека (человечества) способов жизнеотправления, их усовершенствования и изменения, достижения в итоге не бывшего ранее бытия — и nobытия.

Человек хозяйствующий. Поскольку все жизнеотправление человека (человечества) есть непрерывное и целостное хозяйственное деяние, то сам человек есть непрерывно и целостно функционирующий хозяйствующий субъект. Нет жизни без хозяйства и хозяйствования, как и хозяйства и хозяйствования нет без жизни! Жизнь — хозяйство, а хозяйство — жизнь! Жизнь человека — хозяйствование, а хозяйствование человека — его жизнь! Хозяйствующий субъект — обеспечивающий жизнь, ее реализацию, однако, делающий это во взаимодействии со средой обитания, также обеспечивающей жизнь. Жизнь — потребление среды, но с ее непременным приспособлением к потреблению и соответствующим изменением. Человек всегда в среде, он ей адекватен, но он всегда и вне среды, ибо он — субъект, а потому отличен от среды, частично и относительно от нее свободен. Поэтому человек имеет возможность и испытывает необходимость быть субъектно, осознанно и творчески хозяйствующим. Потребляя среду, ее изменять, а изменения среду, ее потреблять! Изменять под себя, а потому производить среду, из себя ее изводить. Среда обитания — природа, она от рождения человека и до его смерти. Человек хозяйствует в природе и по-природному, но поскольку человек и вне природы, хотя бы мысленно, он способен, будучи субъектом, наделенным творческим сознанием, изменять природу, ее переделывать, мало того, создавать то, чего нет в природе, создавать свой неприродный мир. Не одно производство жизни, но еще и производство своей среды обитания, еще и отличной от данной человеку природной среды. Живя и хозяйствуя, человек производит себя самого и себе подобных: хозяйство — производство человека, людей, однако с сознанием, со знанием, с культурой. Обогащая и изменения сознание, человек изменяет человека, весь его идеальный мир. Человек хозяйствующий —

изменяющий среду и сам изменяющийся человек.

Хозяйство как труд. Хозяйствуя, человек преодолевает внешнее и внутреннее, природой обусловленное, сопротивление, он всегда действует как бы вопреки, затрачивая себя, через трудность, «трясь», а соответственно, трудясь. Хозяйствование — труд! Даже простое потребление готового блага — труд. Размышление — труд. Организация — труд. А что говорить о производстве (изведении из себя и из среды) блага, явно требующего труда и становящегося поэтому продуктом труда? Везде труд! Ничего нет в жизни и хозяйстве нетрудового, по крайней мере, не обусловленного трудом. Труд — условие бытия человека, его жизни, его действия. Само рождение человека — труд, смерть — тоже! Производство и воспроизводство человека — труд, а не только потребность в труде. Без труда нет человека! Труд — необходимость, но он и великая потребность. Сам труд тоже потребляется. Труд — страда, но и наслаждение. И по всему поэтому труд священен, как священно, кстати, и само хозяйство!

Хозяйство как творчество. Хозяйствуя, человек непрерывно и с неизбежностью творит, что-то разрушает, что-то созидает, т. е. делает что-то новое — как повторяющееся новое, обычное, так и совершенно новое, небывалое. Человек — творец, он агент нового, субъект новизны, ибо человек хоть и относительно и неполно, но свободен, так как он частично неприроден, он и извне, из другого мира, он трансцендентен. Человек способен вершить то, чего нет, по крайней мере, без него нет: что почти еще природное, что во многом уже и неприродное. Человек творит свою жизнь, и сам себя творит, и мир окружающий творит, и творчество свое творит, разумеется, весьма вольно в известных пределах, но... и, ибо натворил он уже много такого, что никак природой и миром не было предположено, что прямо-таки из какого-то ничто! Здесь имеет место трансцендентное (замешанное на трансцендентном) вытворение из трансцендентного ничто! Творческое выявление творческого ничто! И это ничто в самом человеке-творце, им-то человек усиленно как раз и питается, внимая окружающему миру, природе, среде обитания, но также и тому, чего вокруг вообще нет, но что, однако, может быть... если соответственно похозяйствовать.

Человек и человечество. Человек — это человек-особь и человек-

сообщество, а соответственно — человек и человечество, хотя оба слова-понятия — человек и человечество — чаще всего употребляются синонимично — за человеком, как правило, подразумевается и человечество. Однако есть и различия. Человечества нет без человеков-особей, но человек-особь, принадлежа человечеству и без человеческого сообщества не реализуясь как человек, — не человечество, т. е. человечество в особых, но оно всегда есть и без конкретного человека-особи (конкретного человека-особи нет, а человечество все равно есть). Но проблема здесь глубже, во многом и в другом: человек как особь смертен, а вот человечество можно рассматривать, исключив случай вселенской гибельной катастрофы, как феномен бессмертный, да и вообще, то, что свойственно человеку как особи, вовсе не свойственно человеку как человечеству, как и наоборот, а потому хозяйствование человека-особи, как и человека-сообщества, вовсе не хозяйствование человечества — тут весьма большие различия. Человечество, к примеру, ничего само по себе — как именно человечество — не делает, это если и субъект, то субъект совершенно объективированный, абстрагированный, трансцендентированный, бессознательный, которого как бы вовсе и нет, т. е. субъект-дух, субъект-идея, субъект-стихия. Все его хозяйствование — лишь результат сложения усилий субъектов-особей, субъектов-сообществ, но никак не его собственное усилие. Трудятся и творят особи, коллективы, сообщества, структуры, но совсем не человечество в целом. Само по себе человечество слишком пусто, чтобы субъективно и осознанно что-либо желать и делать. Однако в человечестве есть то, чего нет ни в одной особи, разве лишь есть в какой-то достаточно большой части человечества, а именно — накопленного и накопляемого знания, причем знания не живого, а мертвого — некоего банка данных, причем знания вполне хозяйственного, необходимого для жизни человеков-особей, их труда, их творчества. И этим знанием всегда пользуется человек-особь, который, собственно, и хозяйствует, трудясь и творя, продолжая бытие. Человечество — макрокосмос относительно любого человека-особи, человека-коллектива, человека-структурь, но он сам по себе, во-первых, всего лишь дух, идея, стихия, даже и пустота, а во-вторых, вполне мертвый космос, и оживляется этот космос только через реализацию мириадов мак-

рокосмосов — наделенных сознанием человеков-особей. И вот что особенно важно: человек-особь смертен, и именно поэтому он имеет способность знать и быть при этом моральным, даже иной раз и совестливым, а человечество бессмертно, а потому оно в принципе ничего не знает, оно исходно безнравственно и несовестливо. При этом отдельный человек-особь знает далеко не все и использует улавливаемые им знания самое короткое время, почти что мгновенно, а человечество располагает весьма обширным, практически вечным, кладезем знаний, но само оно это знание использовать не может. Отсюда сложнейший хозяйствственный процесс, осуществляемый человеком-человечеством, в котором то возгораются, то гаснут мириады сознательных инициатив, черпающих знания, в том числе и язык, из мертвого общечеловеческого банка данных, и который имеет общие, как бы сами по себе возникающие, результаты, способные к тому же сохраняться и накапливаться. Отдельному человеку бывает вовсе не все равно, что он делает, хозяйствствуя — во всех возможных ракурсах, а вот человечеству в целом бывает совсем даже наоборот — оно вполне безразлично к текущему результату, ибо лица своего оно, а соответственно личности, не имеет. Творят люди-особи, люди-общество, а сохраняет все творимое, пусть не все, но многое — самое важное, человечество. Так хозяйствует человек, который одновременно и человечество: что-то понимая и делая, на что-то ориентируясь, чего-то опасаясь — будучи особью, но при этом ничего не делая и не понимая, ни на что не ориентируясь и ничего не боясь — будучи человечеством. Человек-особь хозяйствует при достаточно полной, но все же ограниченной информации (при достаточных, но ограниченных возможностях), а человек-человечество владеет всей добываемой особями информацией, но никак ее не использует, лишь консервируя. Зато консервация эта позволяет людям-особям не просто хозяйствовать, но хозяйствовать творчески, по-новому, дополняя тем самым подлежащую консервации информацию.

Хозяйство как философия. Хозяйствуя человек... философствует, ибо имеет дело с незнаемым и неподвластным, но вовсю действующим, работающим — с трансцендентным началом, с трансценденцией, которые в мире и в самом человеке, равным образом в его хозяйстве и в его философии. Если бы человек мог все узнать, не было бы никакой

философии. Наука, может, и была бы, а вот философии не было бы. Именно поэтому хозяйствующий человек всегда человек философствующий. Но не только размышляет философски человек хозяйствующий, а и внедряет философию, трудясь и творя, производя и потребляя, организуя и реализуя. Что из содеянного человеком, кроме разве уныло повторяющегося и легко воспроизводимого, не имеет того или иного философского, пусть на бытовом уровне, обоснования? Разве можно себе представить не реализующего себя философски хозяйствующего человека, даже и первобытного? Есть ведь и простая философия, и повседневная, и текущая, и немая, совсем и незаметная. А уж если принять во внимание многообразную культуру, в особенности словесную, то какие еще могут быть сомнения в том, что хозяйство и есть реализуемая непрерывно философия?

Философия как хозяйство. А сама по себе философия разве не хозяйствственный продукт? И разве у философии нет своего хозяйства, своего производства и потребления своей смыслологии, своей реализации, своего, если хотите, жизнеотправления? И субъект есть у философии, и сознание есть, и творчество. Хочешь хозяйствовать — философствуй, а должен философствовать — хозяйствуй, — хотя бы как субъект философии! У философии свое хозяйство, рождаемое хозяйством вообще, а потому философия — хозяйствственный продукт, она же и хозяйство.

Трансцендентность. Без трансцендентности не было бы этого — именно этого! — мира, не было бы человека как человека, не было бы сознания, не было бы хозяйства, как и не было бы — что, надо полагать, всего понятнее — никакой философии. Наука против трансцендентности, она ее не любит, но трансцендентность существует себе и существует, питая не только философию — охотно, но и саму науку — нехотя! И вот что важно: трансцендентность вовсе не просто какая-то неизвестность, но такая неизвестность, которая думает, решает и действует, одним словом — работает! Признавая трансцендентность, философия дает себе возможность познавать и понимать мир, иметь с ним оразуменное дело, взаимодействовать с ним, наконец, просто любить его.

Метафизика хозяйства. Как раз то, чем занимается по преимуществу философия хозяйства, которую интересует всего более не физис

с физикой, а метафизис с метафизикой, т. е. все то, что не только за и вне материи, но даже и за первичными смыслами, вложенными в феноменологию бытия. Философию хозяйства волнует, в отличие от той же науки, именно метафизика бытия, полное уходящих в трансцендентную глубину смыслов — смыслов смыслов или метасмыслов, соприкасающихся со всем более неизвестным, но активно творящим ничто. Это *ничто* не потому ничто, что оно ничто, а потому, что оно не определимо в пределах явленного и сколько-нибудь улавливаемого (словленного, обустроенного словом) бытия. В ничто ведь полно содержания, это вовсе не абсолютная пустота, не вакуум, но об этом содержании человеку мало что можно сказать, хотя и можно чувствовать и признавать, учитывать и даже с ним взаимодействовать. Производство и потребление какого-нибудь блага — физика, а вот объяснение, почему именно этого блага и почему именно в этом формообразовании, — уже кое-какая метафизика; появление качественно нового блага в руках человека — физика, а вот объяснение появления этого, а не какого-то другого блага, уже требует некоторой метафизики; а уж само так называемое возвышение потребностей человека требует, увы, по преимуществу именно метафизического объяснения. А что значит метафизического? Именно так: как бы и не объясняемого объяснения, как и не от сего мира объяснения, не изыскиваемого в ходе скрупулезного исследования или тщательного рассуждения, а уже предположенного к исследованию и рассуждению зачина. Сказать, что тут трансцендентность — уже кое-что важное понять, сказать метафизика — то же самое, сказать философия — тем более! И какая тут выходит невозможность для сциентизированного (онаученного) ума, ибо ум этот уже не в состоянии предположить неуловимое и незнаемое: незнание только в одном направлении может быть еще-не-знанием, а в другом — как раз все наоборот — оно есть уже-через-незнание-знание, — таков секрет метафизики, который она упорно поддерживает и защищает, но против которого как раз и выступает последовательная наука! Метафизическое знание — обогащенное незнанием знание, или знание о незнаемом, вполне, кстати, истинное и даже руководительное, — смотря, о чем идет речь, смотря, какая решается задача. Вообще метафизика — не столько знание, сколько понимание, а лучше сказать — постижение!

Хозяйственная мирология (онтология мира). Мир как хозяйственное лоно человека, среда хозяйствования человека, объект хозяйствования или приложения хозяйственной воли, силы, инициативы. И хотя мир не обладает сознанием, во всяком случае, человеческого типа сознанием, будучи по преимуществу вообще неживым миром, это не значит, что мир не обладает идеальностью и смысловостью, соответственно своей смыслологией, улавливаемой человеком и трактуемой им с помощью слова и языка, посредством своего сознания (в широком смысле, включая и то, что обычно называется у человека бессознанием). Мир не только внешен, т. е. экзо, но и внутренен, т. е. эзо, не только показан, но и скрыт, не только поверхности, но и глубинен, не только имманентен, но и трансцендентен, не только феноменален, но и существен, не только обозначен, но и смысловен, а самое для нас главное — противен, сопротивленен, активен, он имеет свой резон быть, а потому мир и сам есть хозяйство — объективно-объективное хозяйство, но при этом мир еще и по-своему объективно субъектен, т. е. в некотором роде сам есть хозяйствующий субъект. Хозяйственность мира — хозяйственность человека — человеческое хозяйство в мире и с миром! Хозяйство человека из хозяйства мира и на хозяйство мира. Хозяйство *от* хозяйства и хозяйство *на* хозяйство. Хозяйства человека нет без хозяйства мира, хотя хозяйство человека — не хозяйство мира, а если уж и его часть, то часть отрицательно, отталкиваемо, противостоянно выделенная, находящаяся, по крайней мере, в диалектическом единстве с хозяйством мира — положенности и противоположенности. Хозяйствуя, человек снимает с мира его хозяйственность, выделяя и свою хозяйственность. Хозяйства человека нет без мировой смыслологии, информации и организации, не говоря уже об энергии, но хозяйство человека есть и своя смыслология, информация и организация, как и своя энергия. Мир — не один физис, соответственно, и отражающая его физика, это еще и метафизис — с адекватной ему метафизикой. Метафизика мира и от мира переплетается сложно и замысловато с метафизикой человека и от человека, выражаясь в итоге в совокупной метафизике хозяйства и от хозяйства.

Хозяйственная антропология (человековедение). Человек — сын природы, а лучше — Природы, но он, судя по особому положению в природе относительно самой природы, предполагающему выделение

его из природы — умственное, сознаниеевое, творческое, является также и сыном неприроды, а может быть, сверхприроды, или, как принято в религии, сыном Божиим. Человек, будучи явно от мира сего (животным), в то же время явно не от мира сего, ибо не находится с этим миром в простом (животном же) соответствии. Человек неприроден, внеприроден, сверхприроден, а потому и хозяйствует человек по преимуществу не так, как это может делать любое нечеловеческое живое существо. Самое главное, что человек способен не только отражать в себе окружающий мир и самого себя, не только воображать иной, вокруг него не существующий мир, но и создавать на базе природы свой, уже в чем-то существенном и неприродный, мир. Человек — не просто насельник этого мира, он еще и созидатель иного мира. Человек — не просто производитель каких-то не имеющихся в природе благ, он еще и производитель, т. е. демиург, иного мира, а вместе с тем и производитель своего сознания, точнее, его содергательного наполнения. Человек зависим от природы, но он и в чем то исключительно важном от нее свободен. Человек обладает способностью и возможностью выбора действовать не строго по-природному, более того — вопреки природе, даже и не по-природному. Отсюда необыкновенные качества человека как хозяйствующего субъекта — демиургические качества. Человек не просто пользуется веществом природы, он это вещество изменяет, мало того, изменяет согласно своим потребностям, но что особенно важно, согласно своему замыслу. Человек способен предвидеть результат своей хозяйственной деятельности, и предвидеть его не просто в разных вариантах, но и в несуществующем еще облике и качестве. Хороши животные, но вот на фортепиано они не играют, музыки не создают, рекламы виртуозным музыкантам не делают и не получают за исполнение музыкальных произведений денежного вознаграждения. Животные вообще не знают, что такое не то что пение, но и вообще звук, хотя звуком с необходимостью, подчас и виртуозно, пользуются, чуть ли не поют. Хорош соловей, да вот не Чайковский, хотя и слушал композитор зачарованно соловья, а вот соловей вряд ли станет прислушиваться к симфониям Чайковского. Человек хозяйствует субъектно, сознательно, творчески, чего не скажешь ни об одном животном, хотя некие предобразы субъектности, сознательности и творчества у животных как будто бы обнаруживаются. Обезьяна

не говорит по-человечески не из-за отсутствия соответствующего артикуляционного аппарата, а потому что ей сказать по-человечески нечего. В человеке заложено стремление к иному — это у него не от мира сего, — а потому человек, несмотря на удовлетворяемость или неудовлетворяемость своих насущных жизненных потребностей, всегда шел, идет и будет идти к иному. Непокойное у человека хозяйствование: человека не устраивает ни баланс с природой, ни баланс с самим собой, ни даже баланс со своими идеальными представлениями. Человек не остановим, он всегда будет идти в своем хозяйствовании вперед — на завоевание ли этого мира, на созидание ли иного мира, на переход ли в какой-то совсем уж сверхчестственный мир. Царство Божие — вот цель человека хозяйствующего, и вовсе не обязательно здесь на Земле, в этом мире, как вовсе не обязательно, сознает ли человек эту цель, ибо она трансцендентна, т. е. от него во многом и не зависит. Хозяйствуя, человек изменяет себя, может, не особенно антропоморфно, но зато уж ментально, сбрасывая даже благоприобретаемую мудрость, но накапливая любые практические знания, позволяющие человеку рваться вперед. Сознает ли человек, что он на самом деле творит, непрерывно хозяйствуя, да все больше по-новому, по-иному, почти что уже и не по-человечески? До конца, до полноты, до абсолюта? Конечно же, нет, но при этом человек все-таки сознает, что он жаждет какого-то конца, какой-то полноты, чуть ли не самого абсолюта — и этой жажды, как хорошо видно, вполне человеку достаточно, чтобы не останавливаться на пути в иное, неприродное, сверхприродное, жертвуя природой и собой, подавляя, эксплуатируя и убивая себе подобных, проливая реки крови, но в то же время и одержива в великие для себя победы. Таков он — человек, человек как хозяйствующий субъект, такова, выходит, и его хозяйственная антропология, раз уж без нее человеку философствующему никак не обойтись.

Хозяйственное сознание. Только кажется, что человек хозяйствующий действует всегдаrationально и всегдарасчетливо, и уж тем более всегдаправильно. Не отрицая необходимой доли rationalности, расчетливости и правильности, нельзя не констатировать и обратного: человеку хозяйствующему, а не просто только живущему, присущи те же иррациональность, нерасчетливость и неправильность, хотя, надо полагать,

и в меньшей пропорции. Человек — не машина, а если и машина, то особого рода — немеханическая это машина, даже и не физическая, химическая или биологическая, ибо это машина, обладающая сознанием, мало того, сознанием, как бы обернутым еще и психеей (душой), да таким сознанием и такой психеей, которые имеют явно неземное, даже и неприродное, происхождение, во всяком случае какое-то противоположное Земле и Природе происхождение. И дело не столько в том, что человек совершает ошибки, что в его действиях частенько проглядывает явная несуразность, почти что и органическая, что человек вовсе не противник разного рода сбоев, недодумок и недоделок, что он способен принимать не самые лучшие, более того, абсолютно и вредные решения, и вообще, что называется, ехать не туда, сколько в том, что человек имеет возможность включать и использовать особого рода механизмы реализации себя, своего жизнеотправления, своего взаимодействия со средой, а в итоге — своего хозяйствования, механизмы, по крайней мере, мета-природного характера, позволяющие человеку не только пользоваться данной ему природой, но и, выделяя себя из природы, познавать и моделировать ментально эту последнюю, ее затем преобразовывать, мало того, сотворять неприродный, т. е. уже свой собственный мир, в общем, быть не только обывателем на планете Земля, не только даже тружеником и потребителем производимых им самим благ, но и созиателем несуществующих миров — идеальных в первую очередь, материальных — во вторую. Хозяйственное сознание, вместе со всем тем, что обычно понимается как бессознательное — это не просто способность и возможность как-то по-особому — осознанно — действовать, хозяйствуя, но более всего это источник самого хозяйствования, его образа, целей и результатов. Хозяйственное сознание замечательно не столько своей сознательной осознанностью, сколько своей хозяйственной эманацией, позволяющей не просто целесообразно хозяйствовать в мире, но и не менее целесообразно, если позволительно так высказаться — *хозяйствовать мир*, а это, нужно признать, явно из ряда выходящих вещей. Микрокосмос человека, переходящий в его же макрокосмос, конструирует уже и высший для себя космос — человеческий. Тут работает как раз сознание и то, что сейчас принято называть *ноосферой* (сферой разума, как и того же сознания, хотя само по себе человечество никаким

собственным сознанием не обладает). От сознания человека-особи до сложенного из индивидуальных, рождающихся и гибнущих, сознаний общечеловеческого сознания (бессознания) один шаг: творя себя, человек творит и мир. Сознание человека — демиургическое сознание! А что в сознании есть такого, что позволяет сознанию делать то, чего нет? И вот тут-то, отвечая на этот вопрос, приходится вспомнить о трансценденции, сопряженной с творящим через человеческое сознание ничто. Да, именно так: *ничто!* Разумеется, в человеке и в человечестве многое всего: слова, языки, информация, знания, но... почему же вдруг новые слова, языки, информации, знания... которых ранее не было... но которые и в самом деле приходят из какого-то *ничто*, во всяком случае, через его посредство? Хозяйственные сознания у человека различны: традиционные и инновационные, консервативные и революционные, умеренные и импульсивные, нерешительные и радикальные, медленные и быстрые, стабильные и изменчивые, воспроизводительные и творческие, сильные и слабые, скучные и даровитые и т. д. и т. п. Имеют место не только разные индивидуальные сознания, но и различные типы сознаний, как есть и доминирующие в той или иной социальной локалии типы сознаний. Англосаксонское хозяйственное сознание — не только не африканское, но даже и не латиноамериканское; китайское сознание — не арабское, не индийское, даже не японское; еврейское — не славянское, а то же славянское не свести к тому же русскому. Есть сознание деревенское, а есть городское, есть аграрное, а есть промышленное, есть гуманитарное, а есть техническое. И молодежное сознание отличается от старицкого, и мужское от женского, и вообще женское от того же женского материнского. Мир человеческий — мир бесконечно разнообразного сознания. Можно утверждать, что сколько сознаний, столько и хозяйствований и хозяйств. Однако в реальности все сознания переплетаются, переходя в итоге в коллективное сознание, содержащее в себе мощный экстракт коллективного бессознания. Это коллективное бессознание и спасает в целом ситуацию, ибо без него и без его доминирования в социуме никакого человеческого социального хозяйства вообще бы не получилось. Но тут важно иметь в виду, что в человеческом социальном хозяйстве непременно вступают в действие и вполне сознательные организационные механизмы: институциональные и властные, которые как раз и

призваны соединить между собой все действующие сознания, проходя через коллективное безсознание.

Хозяйственная социология (обществоведение). Человек — существо общественное. Человек — всегда человек, всегда люди, совместно хозяйствующие люди, хоть у каждого человека есть и свое хозяйство, как есть и свое жизнеотправление. Как нет языка и сознания без общения и общности, так нет и человека вне общества, а потому хозяйствующий человек есть непременно и хозяйствующее общество, которое существует, будучи само хозяйственном же организованным (сложенным, структурированным, образованным). Одни люди, к примеру, много и по преимуществу трудятся, другие же этими трудящимися много и по преимуществу управляют, а третьи — третьи особенно не трудятся и ничем особенно не управляют, но зато зачастую очень много и по преимуществу потребляют. А разве это просто — хозяйственное сорганизоваться, — хоть вольно, хоть насильно? Хозяйство — общественная организация, это всегда какая-то организация общества, что сознательная и волевая, что стихийная и непринудительная. Образ (манера) хозяйственной организации и реализации общества или хозяйственного устройства общества — *способ хозяйства*, и способов хозяйства история насчитывает великое множество. Соседствующие и, как правило, взаимодействующие способы хозяйства — *хозяйственные уклады*. И всюду *иерархия* — в той же общине почти незаметная, а в цивилизованном, т. е. уже в основном городском, обществе очень даже зрячая. Все люди живут, действуют, как-то трудятся, что-то производят, что-то потребляют, плодятся, умирают, в общем жизнеотправляются, но все по-разному: что индивидуально, что по группам, по слоям или классам. Одни просто существуют, как-то воспроизводясь, другие что-то непременно созидают, стремясь к новому, творят. У всех при большом иной раз сходстве — разная хозяйственная судьба, разное место в социальной матрице, разная хозяйственная функция, разное взаимное положение. Велико в обществе хозяйственное разнообразие — можно сказать, что есть всякое, хотя имеет место и сильная тяга к единобразию и даже однообразию. Любое хозяйствующее общество, в особенности цивилизованное, ячейсто обустроено: от элементарных социальных ячеек до весьма сложных социальных образований-структур. Хозяйственные ячейки — либо

прямо хозяйствующие субъекты, либо хозяйственные локалии, в которых существуют и действуют те или иные хозяйственные агенты. Семья, к примеру, — простая хозяйственная ячейка, которая одновременно и хозяйственная локалия, при случае и хозяйствующий субъект. Все то же самое относится к предприятиям, фирмам, учреждениям, регионам, странам, государствам и государственным аппаратам, международным организациям. Любая ячейка — *хозяйственный институт*, она так или иначе образована человеком, людьми, и учреждена, причем не просто ради хозяйства, но и в самом процессе хозяйствования. Сама ячейка — хозяйственный продукт, хотя она и создается для хозяйственного производства: потребностей, благ, удовлетворений, воспроизводства, вообще жизни. Внутри любой ячейки, как и между ячейками, возникают и воспроизводятся различные *хозяйственные отношения*, обеспечивающие жизнедеятельность ячеек, происходящий в них и за их пределами хозяйственный процесс. Хозяйствующее общество — мир хозяйственных отношений. Итак: люди, отношения между ними, ячейки, отношения внутри ячеек и между ними. Отношения — те же институты. В итоге весь общественный хозяйственный процесс — сложнейшая реализация ячеек и отношений, различного рода институтов. Хозяйство — *социум*, а потому хозяйство, обращенная к нему и из него вытекающая и в нем действующая философия включают в себя *хозяйственную социологию*, а в определенном аспекте и *социологию хозяйства*, что, наверное, все-таки не одно и то же.

Хозяйственная культура. Чрезвычайно емкое по смысловому содержанию понятие: как идеальная насыщенность хозяйствующего сознания; как набор организационных механизмов хозяйствования и хозяйства; как материальная и идеальная продукция хозяйства, используемые в нем предметы, сущности, понятия; как возникающий в итоге хозяйственного процесса мир человека (человечества), включающий в себя мир вещей и идей, приемов и образов поведения, вообще всего созданного, искусственного, неприродного, благоприобретенного, своего. Вряд ли стоит особо подчеркивать, что хозяйственная культура необычайно разнообразна и может быть весьма сложно типологизирована. Что только не относится к культуре: слово, язык, знания, предметы быта, ору-

дия труда, процесс труда и его организация, продукты труда, блага, обычаи, законы, информация, манеры поведения, образ жизни, да мало ли что еще: все или почти все вокруг есть та или иная культура. Культура в человеке, в обществе, вокруг человека, среди людей, она есть нечто исходное для хозяйства, его непременно сопровождающее, а затем и итожающее. Культура накрепко сцеплена с сознанием и социумом, их воспроизведением. Какая культура, такое и хозяйство, таков человек и таково общество, хотя хозяйство, человек и общество и создают культуру, будучи и сами так или иначе культурой. Как продукт культура вторична относительно хозяйства, но как условие этого последнего она первична. Не столько хозяйство ведет культуру, сколько культура ведет хозяйство, задавая ему качество и способ реализации. Изменить хозяйство — изменить культуру, но не как лишь продукт хозяйства, а как его решающее условие. Недаром хозяйственная революция сопровождается культурной, а для полного закрепления нового хозяйства всегда требуется полная культурная революция. Нет никакого смысла требовать от Японии европейского хозяйства, а от Европы — японского, хоть между тем и другим хозяйствами может быть много общего. Культура Японии — не культура Европы, а потому между японским и европейскими хозяйствами существует серьезное базисное различие. Даже итальянское хозяйство не сводимо к какому-нибудь греческому хозяйству, а что говорить о хозяйствах Нигерии или Арабских Эмиратов? Современная глобализация унифицирует во многом хозяйственную культуру, но далеко не во всем. Помимо местных этно-странных различий имеются различия того же глобального, хоть и иначе выраженного, характера, ибо в современном мире сошлись не только разные цивилизации, но и миры-эпохи, среди которых хотя бы доиндустриальная, индустриальная и постиндустриальная, и эти миры-эпохи не просто есть, но они системно есть, они дополняют друг друга и между собой хозяйственно взаимодействуют. Глобалистическая унификация не отменяет миро-эпохальных культурных различий, наоборот, она создает условия и для их сохранения, для иерархически соподчиненного существования различных миров-эпох.

Хозяйственная экзистенция. Жизнь есть хозяйство, но и хозяйство есть жизнь. У жизни есть хозяйство, но и у хозяйства есть жизнь, мало того, жизнь самого хозяйства, или *жизнь хозяйства*. А жизнь есть

всегда рождение и умирание, она всегда не только жизнь, но и смерть. Рождаясь постепенно и не менее постепенно умирая, хозяйство тем самым живет, мало того, имеет возможность жить. Смерть не останавливает хозяйства, последнее никогда не прекращается, оно непременно воспроизводится, изменяется, становится другим, развивается и преобразуется. Человек выживает, жизнь выживает, выживает и хозяйство, однако, изменения себя, жизнь, самого человека. Реализуясь, хозяйство изменяет не одну среду, но и себя, а изменяясь, хозяйство существует. Хозяйство — творение, которое творится и творит. Где-то во мгле веков прячется начало этого творения — из ничего!; затем это творение продолжается от поколения к поколению, перекликаясь и взаимодействуя все с тем же ничто; и направлено это творение на что-то неизвестное, и творит оно, не зная что, а возможно, и все то же ничто. Вот и получается чистой воды *экзистенция* — блуждание в безграничной неизвестности, объемлющей кое-какую известность. Знаний много у человека и возможностей у него немало, но есть почетное место и для *веры*, всю эту неизвестность как-то хозяйствственно обустраивающей, а человека хозяйствующего с необходимостью омудряющей, как, разумеется, есть место и для *философии*, мало того — для *философии хозяйства*.

Хозяйственная историософия. Вся история человека — история хозяйственная, а все хозяйство человека исторично, оно имеет свою историю. Философски осмысленная история хозяйства, она же история хозяйствующего человека — *хозяйственная историософия*. Последняя есть непременно смысловая история, а с учетом оперирования с большими, или глубинными (как и высшими), смыслами — метасмысловая история, или метаистория, в рамках которой открываются металогические, т. е. пронизанные трансцендентностью — трансцендентологические, алгоритмы исторического движения. От фактов и к смыслам, а через ближайшие смыслы к метасмыслам, все более «заряженным» трансцендентностью. Уход во внеисторическое ничто с возвращением в историю с метаисторическим ничто!

Природная обусловленность хозяйства. Природа для человека — мать, матери, материя. Человек природен и материален. Человек существует в природе и по-природному, взаимодействуя с природой,

ее потребляя, участвуя в ней. Воспроизведение природы — воспроизведение человека. Человек зависим от природы, он ее пленник. Жизнеотправление человека — природное жизнеотправление. И хозяйство человека имеет исходно природный характер, оно природно: по обусловленности, по материалу, по реализации.

Неприродная способность хозяйства. В человеке есть что-то исходно, фундаментально и существенно неприродное — от неприродного (сверхприродного) Начала, Отца, Духа. Человек бытует в природе, от природы он неотрывен, но в то же время человек бытует и вне природы, рядом с ней и над ней, он может действовать не по-природному, не так, как природа, иначе. Отсюда хозяйство человека имеет и неприродный характер, оно не только соответствует природе, но и противостоит ей, гармонирует с ней, но при этом ей и противоречит. Человек — созиадатель неприроды! Воспроизведение человека — воспроизведение не одной лишь природы, но и *неприроды*.

Хозяйственная телеология. Хозяйствуя, человек идет от природы к неприроде, все ближе отрываясь от природы, хотя ее совсем и не покидая, все ближе погружаясь в созиаемую им неприроду. Таков главный телеологический смысл человеческого хозяйства, однако вполне трансцендентного свойства, без явного и ясного целеполагания кроме смутно прозреваемого вообразительно какого-то иного мира.

Хозяйственная метаистория. Движение от природного хозяйства, когда хозяйство ведется более всего в природе и по-природному, к неприродному хозяйству, когда хозяйство более всего ведется вне природы и не по-природному. Исторический водораздел: окончательный переход в Европе середины II тысячелетия от Р. Х. к экономике (капиталу), к машинной технике и машинному труду, к науке. Конец господства в человеческом хозяйстве природы и осознаваемой человеком неприродной обусловленности, равным образом и сверхприродного (сакрального) начала; переход к господству в хозяйстве собственно человеческого начала, к ориентации человека хозяйствующего на человека и только человека, а потому десакрализация природы и отмена нечеловеческой сверхприроды с курсом на покорение природы и созидание уже своей, т. е. человеческой сверхприроды (неприроды, надприроды, суперприроды); конец хозяйства в данном человеку мире и переход к хозяйству

в созидающем человеком мире. Современность: бытие человека по преимуществу в созданном им неприродном мире, движение вперед уже вне прямой зависимости от земной природы — от одного неприродного мира к другому.

Три метаисторические хозяйствственные эпохи. 1. Эпоха *Премодерна*, когда человек хозяйствовал, в основном в природе и по-природному — натурально, пользуясь ручными орудиями труда и не выходя особенно за пределы природного воспроизводства. 2. Эпоха *Модерна*, когда человек пошел не переделку и покорение природы, выходя решительно за ее первичные (исходные) пределы, активно созиная неприроду, т. е. обновляя, или модернизируя, данный ему мир, построив свой собственный мир — искусственный, целостно демиургируя, применяя машинную технику и, по сути уже внеприродные технологии, науку, ориентируясь на деньги, их накопление, на капитал и денежный доход, т. е. ведя не столько натуральное, сколько искусственное — техногенное и экономическое — хозяйство. 3. Эпоха *Постмодерна*, когда целостный искусственный мир в основе уже создан, природа практически покорена, интеллект необратимо технезирован, а человек и его мир настолько денатурализованы и десакрализованы, что становятся воистину обессуществленными, бессодержательными, обессмысленными, т. е. поверхностными, функциональными, симуляционными, теряющими исходную онтологическую ценность. Мир Постмодерна — легкий, витающий, виртуализированный мир, мир без тяжести, без сопротивления, а потому и без труда, заменяемого все более развлечением и игрой, даже и на так еще называемой работе. Хозяйствование получает здесь мощную фантастическую составляющую, сфера хозяйства наполняется миражами, фикциями, симулякрами, превращаясь в хозяйство не просто творимое и творящее, а в хозяйство более всего выдуманное и выдумывающее.

Экономическое хозяйство — экономика. Хозяйство вообще — не экономика. Пора это признать. Только особенное хозяйство является экономикой, а именно *товарообменное хозяйство, оценочное* (когда все подвергается единообразной оценке, имеет цену), *денежное* (с деньгами как средством обмена и оценки, а также условия и цели хозяйствования). Такое хозяйство существует с давних времен, но длительное историче-

ское время имело вспомогательное значение относительно непосредственно натурального хозяйства, дополняло его, обслуживало, хотя временами достигало большого развития, особенно в крупных цивилизациях, на морских, крупных речных и дальних сухопутных (континентальных) путях. Экономика, а вместе с ней и торговля — вполне адекватный спутник человека хозяйствующего, ибо всегда была и всегда возникает необходимость обмена благами (как из-за различий в средах обитания и производства, а также в типе и качестве благ, так и по причине выгодности производственных специализаций и постоянного товарообмена). Экономика — социально разделенное, в отличие от того же натурального, хозяйство. Обмен благами это еще и обмен хозяйствованиями, соответственно, и трудами, особенностями, инициативами, организациями, а при случае и новшествами. Особенность полноценного экономического хозяйства, когда хозяйствующие субъекты являются только или по преимуществу экономическими, а также свободно экономическими, состоит в его принципиальной безграничности, — и если уж оно испытывает ограничения, то лишь от наличных ресурсов или текущего объема сбыта, как и от какого-либо сопротивления среды, другого хозяйства, чьей-либо воли. У экономики большие возможности для роста и развития, хотя история демонстрирует случаи искусственного сдерживания экономического начала ради достижения неэкономических целей (той же стабильности, безопасности и безрисковости, к примеру, для цехового ремесленного хозяйства средневековых городов или же при решении задач быстрого технического развития и особого социального устройства, как это было, допустим, в СССР). В целом экономическое хозяйство производительнее натурального, оно стремится к росту и разнообразию, к развитию, к обновлению, разумеется, в соответствующих условиях и на определенном этапе своего бытия. Однако и у натурального хозяйства есть свои преимущества, а лучше сказать, возможности, ибо оно тяготеет к стабильности, целостности, гармоничности — и не только самого себя, но и жизни вообще. Экономическое хозяйство может иметь разную степень своей собственной развитости: оно может, скромно дополняя натуральное, быть своеобразной полукономикой; оно может, установив господство над натуральным хозяйством, его еще и разрушая, выставить вперед все свои возможности, экономизируя вокруг себя все и вся;

оно может занять собою все хозяйственное пространство, диктовать захваченному миру свои условия, оставляя неэкономическое хозяйство в подчиненных экономике порах индивидуального и социального бытия; оно может быть по преимуществу товарообменным, но может сориентировать себя на целевое производство (накопление) денег. Так или иначе, но экономика, просуществовав большую часть истории человечества в кооперации с натураномикой, вырвалась в итоге из-под патроната этой последней, как и обслуживавших ее социально-культурных механизмов, в том числе религиозных, смогла победить натураномику и воцарилась в человечестве в планетарных масштабах.

Экономическая революция. Вырываясь из-под оценки неэкономического хозяйства, экономика, умами и руками ее адептов, осуществила в некотором месте и в некоторое время, а именно в Западной Европе в середине II тысячелетия от Р. Х., *экономическую революцию*, позволившую, наряду с религиозной, культурной, политической и социальной революциями, дать простор развитию экономического начала, а соответственно, всей системе экономики. Экономика толкнула вперед экономику, но вырвав для нее при этом возможность любыми способами извлекать денежную ренту, превратив себя в экономику *капиталистическую* (весь денежный доход при капитализме, или доход на капитал, есть именно рента, хотя он может принимать и образ произведенной прибыли). Примечательно, что экономическая революция свершилась впервые именно в Западной Европе — среди христианского, но уже, правда, окатоличенного, т. е. вовсе уже не ортодоксального, мира, того самого мира, идейный основатель которого Иисус Христос как раз отверг денежную ренту, хотя и не отверг экономики вообще, самих по себе денег. Вышло так, что христианство — пусть уже и подорванное католической церковью — создало условия для... отрицания... сначала части себя (особенно в ходе так называемого Возрождения), а потом и самого себя целиком (уже в ходе так называемого Просвещения). В христианском мире нашло себе место, как и силы за себя бороться, антихристианство — сначала частичное, а затем и полномасштабное, итогом действия которого стала экономическая революция с порожденным ею капитализмом. Нет, христианство не исчезло в Западной Европе, но оно было суще-

ственno трансформировано буржуазной, т. е. экономической, Реформацией и приспособлено тем самым к экономико-капиталистическим потребностям.

Экономическая цивилизация. В истории возникали предтечи экономической цивилизации, — раз уж была экономика! — в частности, у финикийцев, в греческих Афинах или в том же Карфагене, но локальные образования так и оставались локальными, не переходя во фронтальное расширение, даже несмотря на военные пополнования (вроде Пунических войн Карфагена с Римом). Долгое время в истории человечества экономическая цивилизация существовала скорее как потенция, не слишком приметно реализуясь в виде разбросанных по хозяйственному миру, но не собранных еще в большую и единую целостность элементов. Западноевропейская экономическая революция дала простор развитию собственно экономической цивилизации, когда экономика принимает действительно цивилизационную целостность, а цивилизация соглашается на свой явно экономический характер. В данном случае можно вполне говорить о приоритете экономики над всем остальным в социуме — в таком утверждении не будет никакого преувеличения. Социум, включая государство, экономизируется, а экономика — социализируется (не в социалистическом аспекте!) и огосударствляется (не в плане принадлежности к государству, а в плане обретения механизмов организации, характерных для неэкономических властных систем). В настоящее время экономическая цивилизация доминирует в мире, приняв во всех отношениях глобальную, если не полностью планетарную выраженность.

Экспансия экономики. Предоставленная самой себе, или сама себя представляющая, экономика способна к неограниченному расширению и развитию, как раскрывая свои собственные потенции и возможности, так и осваивая любые социо-хозяйственные пространства, втягивая их в свой оборот, качественно изменения. Экономика не стоит на месте, она не довольствуется ничем завершенным, она всегда идет вперед, хотя и переживает сбои, замедления, приостановки, кризисы, даже и катастрофы, но непременно для того, чтобы получить прилив новых сил и пережить новый подъем, испытать качественный скачок, возвыситься.

И в этом смысле экономика — величайшее изобретение человека, разумеется, процессно-исторического, объективистского толка. Экономика хороша тем, что она свободно сопрягается с наукой и техникой, не испытывая никаких сомнений и угрызений совести по поводу их конкурентного и накопленческого использования. Экономика — всеобщая борьба за производство богатства посредством богатства. Только экономика способна вновь и вновь бросать в хозяйственный оборот богатство ради обретения еще большего богатства. Экономика вполне адекватна предпримчивому человеку, именно поэтому она чаема и успешна, экспансивна и агрессивна, неостановима.

Философия экономики. Вся онтология экономики может быть сведена к товарообмену, деньгам, цене, капиталу и финансам, а на сущностном уровне — к *стоимости*, которая есть сама себе субстанция, причем совершенно идеальная субстанция, возникающая и реализующаяся через отношения и посредством оценок, осуществляемых экономическими хозяйствующими субъектами, включая производителей (имитентов) денег. Стоимость есть одновременно *отношение, оценка и субстанция*. Она всегда выражена в цене, т. е. в идеальном количестве денег, но она всегда и в сумме денег, в не менее идеальной, но при этом и вполне реальной, их массе. Стоимость в величине (размере) цены, но она и в объеме денег. Она вселена в товар, но она и самостоятельно действует как субстанциальная масса. Все пространство бытия стоимости и весь механизм ее реализации непосредственно в головах людей — вне человеческих голов вообще ничего нет экономического. А само это экономическое есть не более чем число и мир чисел, абстрактных величин, цифр. В самой по себе экономике нет ничего материального, если за материальное не принимать саму мысль или тот же образ. Экономика — дело субъектное, это его — субъекта — эманация. Блага — не экономика, как не является экономикой и само по себе производство благ. А вот обозначение благ товарами, как и оперирование с благами как с товарами — дело экономическое. И каким бы материально-вещественным ни выглядел бы при этом товар, как товар он совершенно идеален и исходно субъектен: как товар он не рядом вовсе с субъектом, а он лишь в голове субъекта, как раз там, где есть мнение по его поводу, его купли-продажи, цены

на него (не цена *от* блага-товара, а цена *на* благо-товар, которая идет во-все не *от* товара, а навешивается *на* товар, хотя и учитывает при этом любые возможные качества и потребности товара, в том числе и чисто материальные). Начинается бытие экономики с обмена товара на товар ($T - T$), но быстро переходит в оденеженный процесс ($T - D - T$), как и не менее быстро в процесс движения собственно денег ($D - T - D$), когда все начинается с денег и ими же заканчивается, нередко и с приростом ($D - T - D'$, где $D' > D$). Но вот наступает момент, когда экономика уже реализуется по преимуществу ради этого прироста и вовсю работает на этот прирост: тогда наступает то, что до сих пор называется *капитализмом*, при котором к тому же окончательно утверждается возможность предоставлять деньги непосредственно в рост, заниматься ростовщичеством, а если поприличнее — банковско-кредитной деятельностью, когда формула экономического процесса заметно упрощается, становясь просто $D - D'$ (меньшие деньги приносят в итоге большие деньги). На этом, правда, экономика не успокаивается: она обретает способность посредством чисто финансовых, а фактически просто денежных, купле-продажных операций на денежных (валютных) и фондовых (ценно-бумажных, фикционных) рынках непосредственно наращивать деньги к деньгам — как $D' D''$, D''' и т. д. В любом варианте реализации экономики всегда в ее основе и в авангарде деньги, т. е. массовидная, а не просто величинная, стоимость. Производство чего бы то ни было есть всегда использование денег и их же производство через производство и вменение стоимости. И вот что важно: деньги столь же идеальны, сколь идеальны цены, товары, обмены (перемещение благ в пространстве в итоге обмена — не сам по себе товарный обмен). Золото само по себе — не деньги. Оно бывает деньгами только в ходе хозяйственного процесса и особой в нем роли. Не золото делает деньги деньгами, а вот деньги действительно делают деньгами золото — и деньги есть здесь не более чем идеальная «нахлобучка» на золото. Вот почему возможны и совершенно идеальные, практически ирреальные, деньги, вообще не имеющие никакого материального носителя. Деньги — всего лишь цифры, но особой идеальной значимости цифры, у которых своя в хозяйстве специфическая роль. Важно лишь из чьих голов исходят эти цифры, кто и как наделяет

их особенной ролью, кто и зачем на эту роль цифр соглашается, кто, почему и как этими цифрами пользуется, проявляя к ним постоянный интерес и выражая неподдельное восхищение. И вот выходит, что кто-то эти цифры действительно выводит в свет, наделяя их особенной функцией и даже особым содержанием, кто-то ими пользуется, но не для одного лишь обмена товара на деньги, а денег на товар, но и для организации производства товаров и... самих денег, т. е. самих этих цифр, обретая еще и возможность распоряжаться всем и вся, в том числе и людьми, их трудом, инициативой, творчеством. У одних людей этих цифр бывает в прямом распоряжении (собственности) много, у других, наоборот, мало, а кое у кого их вообще не бывает. И каждый живет по цифрам, их величине, будучи непременно оцифренным, существуя по тем возможностям, которые дают ему именно эти цифры. Денежная цифра, которая, собственно, и есть деньги, — прямое порождение экономической власти, ее проявление, ношение, реализация. Деньги — власть, а все пространство в экономике, да и во многом за ее пределами — пространство денежной власти. Деньги владеют всем! Но и деньгами тоже владеют. Кто владеет деньгами, этими всего лишь по-особому обусловленными и особым образом признаваемыми всеми людьми цифрами, тот и владеет экономикой, да что экономикой — хозяйством, всем миром! Деньги — цифры, цены — цифры, инвестиции и доходы — тоже цифры, все в экономике цифры — и ничего другого! Цифры эти как раз и есть чуть ли не сама по себе экономическая субстанция. Что за цифрой, что в ней? Ничего... кроме стоимости, которая... тоже цифра, но не сама по себе только цифра, а как бы в цифре сидящая сущность, ибо цифра-то эта особенная, со своим смыслом, со своей особой функцией, со своей, если хотите, природой, — и вот это-то сидящее в экономических цифрах смысловое и существенное и есть собственно стоимость. Без цифр нет стоимости, но и стоимости нет без цифр — именно этих, т. е. стоимостных, экономических, цифр. Вся экономика — пространство этих цифр, их взаимодействий, их солидарности и борьбы друг с другом, их движения, взаимопереходов, сложений и делений, самой разнообразной взаимной игры. И разве это не чудо — эти цифры?! Чудо, и еще какое! И как тут не вспомнить о трансцендентном, о метафизическом, о металогическом! Да, все

цифры в головах людей, даже если они где-нибудь, на чем-нибудь и написаны, это порождение голов и их непременная принадлежность. Цифры — от субъектов, они поэтому во многом и субъективны, но цифры одновременно и от объектов, они в то же время весьма объективны — и не только потому, что несут объективно обусловленную информацию, снятую с самой объективности (с объективной, как принято говорить, реальности), но и потому, что они все... от самих себя, ибо цифры обязательно взаимодействуют друг с другом, представляя собой какие-то уже действующие, т. е. уже и реальные величины: цен, масс денег, инвестиций, доходов, валютных курсов и т. д. и т. п., а величины эти взаимодействуют друг с другом, соединяясь и отталкиваясь, сливаясь и разделяясь, примериваясь друг к другу, присматриваясь, входя друг в друга, исходя одна из другой, перемешиваясь и взаимно переходя друг в друга. Вложение денег, их инвестирование, авансирование или ассигнование — начало экономического процесса, сопровождаемое явлением, скажем так, первой действующей величины; далее, когда идут покупки и осуществляются затраты, — происходит расходование этой первой величины; а потом наступает момент возвращения денег — через те же продажи произведенных товаров, т. е. восстановление первой величины, но еще и с приростом, т. е. уже и увеличение первой величины, стало быть, возникновение новой, уже второй, величины, а по-иному — накопление денег, увеличение их массы. Что же, разве величины тут не влияют на величины? Взять хотя бы ту же заработную плату, которая всегда есть какая-то определенная величина. Какая же? В общем-то, любая из возможных, а возможными могут быть довольно-таки разные величины, хотя и не совсем уж разные, а соответствующим образом разные, т. е. разные, но при этом и не разные, а согласованно разные, что определяется сонмом обстоятельств, среди которых не только потребность воспроизведения наемной рабочей силы, не только затраченный ею труд, не только качество самой трудовой услуги, но и многое другое, что определяется в ходе взаимодействия друг с другом различных экономических величин, подчиняющихся, разумеется, общему ходу воспроизводства, включая и общественное. То же самое можно сказать о любой цене, в том числе и о цене денег — реальной, конечно же, цене. Величины, мы видим, *как-то* непременно и взаимно обязательно образуются — и в этом «как-то»

вся суть как раз и заложена: величины образуются в сознании и через сознание, но при этом как бы и сами по себе, вне прямого участия сознания. От экономических величин веет какой-то чудесной тайной, которая не просто некая неизвестность, а самая настоящая... трансцендентность: что смысловая (цифры ведь всего лишь сами-по-себе-величины!), что функциональная (цены можно и нужно устанавливать, но они при этом и как-то сами устанавливаются, чуть ли не сами по себе). Экономика — могучее, сложнейшее и сокрытнейшее счетно-решающее устройство, любое моделирование которого приводит лишь к введению в модель пресловутого «черного ящика», который принять во внимание можно, а вот вскрыть для осмотра никак нельзя. У экономики своя глубокая метафизика, а соответственно, и своя метасмыслоорганизация, как и своя метасмыслология. Понять тут надо всего лишь то, что та же цена, как и фактически всякая экономическая, она же стоимостная, величина, в принципе может быть... любой, но при этом... не какой угодно. Устанавливать в общем-то можно любую экономическую величину, даже оперировать вольно с нею, но надо всегда помнить, что и она — эта самая величина — оперирует ее установителем, мало того, его она тоже устанавливает. Выходит, что каждая вроде бы объектная величина в чем-то одновременно и субъектна, от нее исходит какая-то инициатива, она вполне действенна. Хорошо чувствовать себя экономическим субъектом, все для себя считая, рассчитывая и устанавливая, но совсем не вредно учитывать и то весьма простое обстоятельство, что сам-то субъект тоже подсчитан и рассчитан, тоже установлен — все теми же цифрами. Да, цены исходят от субъектов-людей, но в итоге получается, что цены исходят и от цен, но это еще не все — и люди тоже исходят от цен-субъектов. Таково оно, лукавое бытие экономики, такова ее непростая метафизика, такова ее убойная трансцендентность. Отсюда и *философия экономики*, однако реализуемая лишь в рамках *философии хозяйства*, отводящая экономике важное, но все-таки частное, место, рассматривающая экономику не как хозяйственную всеобщность, а как частный случай хозяйства вообще.

Историософия экономики. Расцвет экономики приходится на эпоху Модерна, когда сама экономика стала мощным модернизацион-

ным (обновленческим) фактором человеческого бытия, вобрав в себя все-стороннюю цивилизационность и завладев со своей стороны цивилизационной целостностью. Предшествовавший Модерну Премодерн можно вполне рассматривать как время экономической предистории, зарождения экономики, отдельных попыток ее целостной реализации с охватом достаточно больших пространств, однако не вышедших все-таки за локальные пределы, хотя и имевшие практически повсеместное распространение. А вот эпоха Модерна стала воистину *экономической эпохой*: именно в это историческое время экономика достигает своего полного развития, подчиняя себе хозяйство и мир. Такому ходу вещей способствовал всегда порождаемый экономикой, но получивший в итоге экономической революции необходимую для себя свободу *капитал* — эта стремящаяся к непрерывному росту стоимость, эти возрастающие в ходе хозяйственного движения, а по сути и своего хозяйствования, деньги, этот мощный концентратор экономической, а вместе с ней и вообще хозяйственной энергии, ее непреклонный организатор и вездесущий реализатор. Тут надо учесть то важнейшее обстоятельство, что капитала не бывает, а главное, он не может эффективно состояться без своего субъекта — представителя и движителя — *капиталиста-предпринимателя*, в особенности, в производительной, банковской и финансовых сферах, где требуется не только владение саморастущими деньгами, как это бывает у того же ссудного капиталиста-рантье, но и эффективное использование этих денег в хозяйственном, пусть даже и в сугубо экономическом, процессе, требуется хозяйственная инициатива, активность, творчество, а нередко и особого рода деловая изощренность. Для экономики вообще характерен *экономический человек*, ведущий *экономическое хозяйствование*, владелец и раб денег, живущий деньгами и в потоке денег, от них полностью зависящий, их собиратель и тратчик, но так же и созидатель товаров, реализатор продаж и покупок, соискатель экономической пользы и выгоды, еще и постоянно действующее счетно-решающее устройство. Однако для эпохи капитализма характерен не просто экономический, а *творчески экономический человек*, имеющий целью постоянно увеличивать находящиеся в его хозяйственном распоряжении деньги — накапливать капитал, вести капиталонакопление, не останавливаясь перед любым подходящим хозяйственно-творческим актом,

достигая любых приемлемых изменений в неденежной, прежде всего материально-технической, среде, накапливая и применяя все возможные знания, трансформируя любые технологии. Экономическая революция, как хорошо известно, создала условия и для *научно-технической революции*, а экономический человек возымел право и возможность стать *научно-техническим человеком*: творчество экономическое совпало с творчеством научно-техническим, что дало немыслимый во времена Премодерна созидательный, воистину демиургический, эффект — явление в итоге нового, причем вполне целостного мира, в основе своей уже неприродного, искусственного, совершенно уже человеческого. Сокрушив все премодерновые тенеты, перестав подчиняться природе, отбросив традиции и отменив вековечные сакральные установки, человек хозяинствующий стал не только человеком экономическим, но и воистину творческим, а если кто из людей и не стал таковым, то был вынужден подчиниться тем, кто таковыми стал, пойдя к этим последним в наем, однако не для услужения, а изнурительного, почти что и нечеловеческого, труда — во благо не столько себя, сколько уже капитала и капиталистов. Одно дело торговцы и ростовщики, совсем другое — промышленный капиталист-предприниматель, измышляющий все время что-нибудь новое, сам много трудинувшийся и заставлявший других исступленно трудиться. Человеческий мир стал быстро прирастать *богатством*, причем разным, новым, не бывшим ранее, служащим не для одного лишь житейского потребления, но и для потребления производительного, хозяйственного, экономического. Капитал, возникавший и действовавший как частное явление, хоть и составлял при этом общественное целое, но такое целое, при котором любой частный капитал, как и весь общественный капитал, имел необходимую для своего бытия хозяйственную и экономическую свободу, выражавшуюся не только в свободе решений и действий, движения и самореализации, но и в свободе скрытых, неявных, «черноящечных», а во многом и просто трансцендентных механизмов, органичных стоимости, ее и любой нестоимостной самоорганизации. Эти механизмы были определены наукой как стихийные, а для познавательной солидности — как *конкурентно-рыночные* (решают, мол, все конкуренция и рынок, а люди тут как бы и не причем, хотя люди всегда причем, а конкуренция и рынок решают далеко не все из скрытого, неявного,

«черноящечного», трансцендентного). Экономика, пережив долгую зависимость от природы, натурального хозяйства и сакрально-культурных установок премодерновой эпохи, обрела наконец-то свободу — в целом свободу, став свободной, или либеральной, экономикой. Карфаген наконец-то победил, и не где-нибудь, а в самой Западной Европе, на просторах бывшей Римской Империи! Карфаген обрел свободу, он стал свободным — для себя свободным, но все-таки не в себе свободным. Внутри самого Карфагена свобода с неизбежностью сочеталась с несвободой. Конкуренция — свобода, но одновременно и несвобода, ибо конкуренций много, они друг на друга воздействуют, взаимно себя ограничивая, а самостоятельность с необходимостью сочетается с потребностью кооперации или даже соподчинения; рынок — свобода вроде бы, но в то же время и несвобода, ибо далеко не все обстоятельства удается игнорировать, а кое к чему приходится непременно приспособливаться. Свобода свободой, а сила силой: одни субъекты всегда сильнее других, как и сильнее субъектов оказываются многие обстоятельства. Короче, где экономическая (капитальная, предпринимательская, конкурентная, рыночная) свобода, там и экономическая же (капитальная, предпринимательская, конкурентная, рыночная) несвобода. Дело не в том, что натураномика вся будто бы несвободна, а экономика вроде бы вся свободна, а в том, что свободы и несвободы в натураномике и в экономике просто разные. Капитализм начал со свободы — для себя свободы, но он не мог не считаться со своей же в себе и для себя несвободой. И чем дальше, тем несвободы, увы, становилось все больше: сильные становились сильнее, а слабые относительно этих сильных — слабее, да и самих-то сильных становилось все меньше, ибо они превращались уже в сверхсильных. Субъектная иерархия не просто усиливалась в экономике, а вошла в конце концов в определенный порядок, в рамках которого сильные оказывались устойчиво наверху, а слабые — устойчиво внизу, мало того, все субъекты уже существовали в рамках организации, не просто навязываемой сильными слабым, а предлагаемой сильными, ставшими устойчиво верхними, для всего мира субъектов — что сильных, что слабых. Так появляются свободно управляющие и не менее свободно управляемые. Организация сверху и из центров подчиняет себе самоорганизацию внизу и по перифериям, будучи и сама в немалой степени самоорганизацией.

Ничего особенного в этом нет: называется это *корпоративным*, или *монополистическим, капитализмом*, т. е. уже не совсем либеральным, точнее, совсем не таким уж либеральным, как это было на заре капитализма. На рубеже XIX — XX вв. экономика превращается в корпоративно монополистическую. Но это было не все: либерализм, отвергнувший решительно *антиэкономическое* государство Премодерна (поэтому и произошли политические революции), признал хладнокровно *проэкономическое* уже государство Модерна, отведя ему и соответствующую экономическому либерализму роль (эмитента и гаранта денег, правозащитника, полицейского, контролера, тюремщика, колонизатора, пирата, но не более того), мало того, либерализм, правда, уже изрядно стесненный корпоративизмом-монополизмом, был вынужден в дальнейшем пойти на ограничительное для себя участие государства в экономической и вообще хозяйственной жизни, чему немало способствовали и ведущиеся в XX в. за передел мира гигантские войны — тоже деяния и процессы хозяйственные и экономические. Пришло время капитализму стать не только корпоративно-монополистическим, но и *огосударствленным*, хотя либерализм как основа постреволюционной — с середины II тысячелетия от Р. Х. — экономики, естественно, не только совсем не исчез, но еще и взял у принудительной организации, в особенности, у государственной, и кое-какой реванш, чему немало способствовала сначала *интернационализация* экономики, а затем ее *мировизация*, т. е. обретение мировой целостности. Несколько воспрянув, либерализм был, правда, вынужден немедленно подчиниться другой мощной организационной силе — *международной (транснациональной) корпоративной и межгосударственной (наднациональной)*, что знаменовало собой то, что сегодня называется *глобализацией* экономики, сопровождающейся подчинением мировой экономики единому, хотя и сложному и противоречивому, мировому хозяйствующему, если прямо не управляющему, центру. Вообще либерализм экономики успешно сочетается не только с внутренней для свободной экономики конкурентно-рыночной (капитальной) несвободой (свобода на свободу уже дает какую-то несвободу — для той и другой из свобод), но и относительно внешним дирижизмом: корпоративным, государственным, транснациональным, межгосударственным,

наднациональным. Представление об экономике как о сугубо самоорганизующейся системе, лишенной-де решающей волевой организации (несамоорганизации) — совершенно ложное представление, недостойное даже серьезного обсуждения. Самоорганизация, если за таковую считать известное самоопределение экономических агентов, самоосуществление экономических параметров и определенное самодвижение экономики в целом с частичной самореализацией отдельных ее процессов, не только не охватывает всего организационного пространства экономики, но вовсе не является в нем доминирующим началом, скорее лишь корректировочным, дополнительным, подстрочным, ибо решающая роль принадлежит все-таки организации-несамоорганизации, или волевой субъектно-сознательной организации, хотя это не исключает и наличия самозапускающихся процессов вроде общего роста или падения деловой активности, как и тех же стихийных и внезапных, а не вполне предположенных и хорошо сделанных экономических кризисов. В целом историческая эволюция экономики Модерна шла по линии иерархической и центростремительной структуризации стоимостной субстанции, вовлечения ее стихийной самоорганизации в волевого порядка многоуровневую иерархическую организацию (несамоорганизацию), достижения в итоге такой организации самих конкуренции и рынка, при которой говорить о последних, в том числе и о пресловутом либерализме, как о решающих фундаментальных началах экономики вообще и капитальной экономики в частности стало прямо-таки неприличным. Конечно, что-то неподвластное в экономике и ее движении всегда есть, но, что особенно важно, неподвластное это выходит за рамки не только конкуренции и рынка, но даже и всех транснационалов с их мировым центром. Стоимость изначально и в принципе трансцендентна, и таковой она является не из-за действия конкуренции и рынка, как и не из-за тех же ошибок экономических субъектов, хотя все это, безусловно, усиливает трансцендентность бытия стоимости, а трансцендентна стоимость, как и механизм ее реализации, по самой своей природе, ибо, как хорошо известно, есть товары, цены, деньги, инвестиции, есть в конце концов экономические цифры и всякие числа, а вот где при этом, собственно, она — стоимость? Вроде бы это какое-то нечто, но в то же время это и явное ничто! И как же так получается, что стоимость всех и вся расставляет

по местам, обеспечивает всеобщую целостность, наполняя это целое и все его элементы и части реальным экономическим смыслом? Ведь если бы стоимость только обслуживала хозяйство, ставшее экономическим, а то ведь стоимость прямо-таки производит экономику, а за ней и через нее и хозяйство? Стоимостью можно сознательно управлять, но ровно настолько, насколько стоимость это позволяет. Экономическая цивилизация — цивилизация не просто со стоимостью, а цивилизация и самой стоимости. Сначала оборот стоимости, ее воспроизведение, а потом уже оборот и воспроизведение всего остального. Стоимость замечаема, о ней можно многое сказать, но стоимость всегда и всюду — тайна! Спрашивается, а как же действовать экономическим субъектам, если они всего лишь рабы стоимости? В том-то и дело, что хоть и рабы, но не только, они еще и работники стоимости, мало того, они и ее управители. Хозяйствующий субъект не может быть только экономистом, но если уж он экономист, то он должен искать творческий контакт со стоимостью, но при этом более в хозяйственных, чем в чисто экономических интересах, действуя не просто ради стоимости, а именно со стоимостью — и только тогда он получает необходимый, если не наибольший, хозяйственно-экономический эффект! Нельзя никогда забывать, что стоимость — сама себе субстанция, сама себе работник: она способна и простор дать субъекту, и опрокинуть его, на себе вынести, но и с себя сбросить. Короче, не конкуренция и рынок более всего управляют экономикой, хоть и активно участвуют в этом управлении, и не одни лишь транснационалы это делают, как и не только мировой экономический центр, и не сама по себе лишь смешанная, как любят сейчас говорить, система управления, в которой сразу все: субъект, конкуренция, рынок, транснационалы, мировой центр и еще чего-нибудь этакое, а экономикой управляет — как раз в рамках самой экономики — еще и некое *великое неизвестное*, в чем-то человеком управляемое, а в чем-то и нет, имя которому *стоимость*, если, конечно, понимать под стоимостью лишь идеальную субстанцию, реализующуюся в головах и через головы людей, но... от них во многом и независимую — как какое-то чуть ли не *абсолютное нечто*, как и какое-то *творящее ничто*! Попробуй-ка объяснить, к примеру, феноменальный рост той же цены на нефть — в несколько раз и за короткое время, когда

ничего с нефтью и вокруг нее принципиально не изменилось: что же, какой мотив, какая сила стоит за таким ростом — не спрос же с предложением, не конкуренция же с рынком, не рост тех же издержек, не просто один лишь сговор сильных мира сего? Ясно, что так действует стоимость, которая, заметим, способна не только к производству себя, но и к вменению себя, но почему же именно этот и именно такой рост производит стоимость? Можно выдвигать разные версии, но есть, наверное, и что-то важное, что провоцирует на это стоимость, как, допустим, ответ природы и натурального хозяйства в целом на долгое над собой насилие со стороны той же самой экономики: природа и натуральность ныне не так уже беспредельны и не так дешевы, да и не так уже бессильны и безответствны, как того хотела длительное время освободившаяся от их контроля и влияния экономика. Поиграла, поиграла против всякой натуры, строя глобальную искусственность, а тут вдруг... стала играть против... самой себя, но не уничтожая вовсе себя, а приспособливая себя к новым требованиям природно-хозяйственной среды. Обратим внимание на то, что цены растут — без всякого на то привычного оправдания — не только на нефть, но и на иные природные ресурсы, на землю, на лес, на недра, даже на свежий воздух и чистую воду, хотя при этом и на недвижимость, на жилье, на здравоохранение, на образование, что тоже весьма симптоматично. Природа ныне бьет неприроду, экономику, стоимость и бьет их же оружием — экономическим! Хорошее вроде бы объяснение, но разве оно может удовлетворить экономистов, тем более, что... верно, верно!.. есть биржи, рынки, спекуляции, войны за них, борьба за ресурсы, плутократии, картели, да мало ли еще что, а потому... так и будет наш правоверный экономист искать какую-нибудь известную ему из учебников причину роста цен, не замечая, что мир хозяйственный уже изменился, а стоимость, это великое информационное чрево, на все это уже умно отреагировала и, кажется, надолго, может, и навсегда!

Новая экономика. Современная, а лучше сказать, передовая, экономика — значительно уже не та экономика, какой была когда-то в момент своего расцвета — где-нибудь в середине XIX в., да уже и совсем не та, чем была, допустим, даже в середине XX в. Все течет, все изменяется, протекла в глубь истории и сильно изменилась и экономика.

И изменилось, а точнее, развилось, в экономике как раз само ее фундаментальное начало — экономическое или стоимостное, окончательно выставившее вперед и наружу в качестве ведущего свой собственно *финансовый* образ, завладев глобально, виртуально, информационно, технологически, менеджериально и дирижистски всей экономикой и покорив в целом хозяйство. Нет, не производительный хозяйствующий субъект, не производитель-экономист сейчас во главе экономики, а субъект-финансист, выраженный ныне в гигантских образованиях-структурах, хотя производители реальных благ никуда не исчезли, как не исчезли и производительного характера предприниматели, тоже ставшие в основе и по преимуществу крупными структурными агентами, а лучше сказать, агентами-структурами. И вот финансовые структуры либо прямо над производительными, либо переплетены с ними, либо сами производительные структуры одновременно и финансовые. Вообще финансы — работающие деньги. Финансы везде и у всех, но не у всех агентов они не просто финансы, даже и активно функционирующие, а финансы *управляющие* — через финансы иными финансами, а через все это вместе — всем экономическим миром, а через него — всем или почти всем хозяйством в мире, а следовательно — и всем миром. Вот и выходит, что финансы всюду и надо всем, мало того, они — иерархическая пирамида, в которой *кто-то* на самом верху и в центре — и этот кто-то всем финансово, и нефинансово тоже, и управляет. А глобализм, виртуализм, информатизм, технологизм, менеджеризм и дирижизм такому сложному управлению сверху и из центра способствуют, ибо с информационно виртуальными деньгами, финансами и капиталами, с глобально распространенной на весь мир и соответственно технически оснащенной менеджериальной системой можно вполне удовлетворительно осуществлять и глобальный — ловкий и умный — дирижизм, в рамках которого умело затащить и корпорации, и банки, и государства, и межгосударственные организации, а через сложную управленческую иерархию и управляемый рынок — всех и вся. В итоге действует финансовая иерархическая система организации экономической и хозяйственной самоорганизации — и все более или менее довольны, что посвященные, что профаны! Экономика уже давно перестала быть просто обслуживающей хозяйством организацией, а является организацией и господствующей над хозяйством,

а в самой экономике ведущую роль уже играет именно *финансизм*, под которым полезно понимать все работающее денежное, однако особым образом представленное и организованное (ценные бумаги — не всегда вроде бы деньги, но тогда это некие заместители денег, их непосредственные партнеры). Начавший активно развиваться в итоге экономической революции процесс возвышения стоимости в экономике и над ней (через капитал, банковский кредит, акционирование, бумажные деньги, ценные бумаги, инвестирование, холдинги, финансовые группы, финансовую олигархию, государственные финансы, международные финансовые организации), достичь в рамках экономической цивилизации той командной позиции, при которой легко прийти к выводу о замене экономики *внизу и снизу* на экономику *вверху и сверху*, когда все главное экономическое (деньги, цены, валютные курсы, инвестиции, кредиты, процентные ставки и т. п.) вываривается наверху и более всего в интересах центра, а не внизу и в интересах низа. Финансовое воспроизведение — не реальное воспроизведение, а управляющий этим последним идеальный спутник. Сначала финансы, а потом уже все остальное, а не наоборот. Формула РХ — Ф — РХ, где РХ — реальный хозяйственный процесс, а Ф — финансы, обслуживающие РХ, заменена ныне на формулу Ф — РХ — Ф, где уже Ф полностью определяет РХ. Не РХ объемлет и ведет Ф, а Ф объемлет и ведет РХ. Сначала верхний финансовый баланс, а затем уже все остальные балансы. Наверху просто сидит гигантская *суперсистема*, представляющая собой управляющую финансовую надстройку надо всем управляемым ею хозяйствственно-экономическим базисом. Переход к *новой экономике* — революционный переворот! На историческую сцену вышел, закрепился и целостно себя реализует особого рода сложный хозяйствственный, — он же экономический, он же финансовый, он же хозяйствующий, — суперсистемный субъект — *глобальный финансовый комплекс*, способный подчинить себе мировое хозяйство и управлять им, применяя, разумеется, не столько прямое, сколько опосредованное управление: через среду функционирования экономических субъектов, через воздействие на ориентационные параметры-маяки, через влияние на профаническое сознание. Объективность хозяйства и экономики, конечно же, не снимается, но... как уже более всего субъективно управляемая объективность. Объективные законы

не столько сами по себе правят новой экономикой, сколько вкупе с глобализованным, в первую очередь, финансовым, сознанием, т. е. вместе с центрированной властной волей, не отменяющей экономических законов, но не допускающей их только стихийной реализации. Это не есть управление законами, которые не упразднить, но это есть сознательное пользование ими... в осознанных интересах. Сегодня имеет место действительно новая экономика, которая умеет жить для себя, властвовать надо всем практическим хозяйством, достаточно им в своих интересах управлять. Стоимость как субстанция не просто остается, но остается как явно доминирующее начало, имеющее объективность, самоорганизационность и стихийность, но при этом и управляемость со стороны глобального финансового комплекса. Отсюда цена может быть любой, но не какой угодно; отсюда всеобщее и разнообразное кредитование с обратной ему столь же всеобщей и разнообразной задолженностью (хозяйство должно экономике, экономика должна финансовой суперструктуре); отсюда не столько производимая прибыль, сколько отчисляемая рента. Ничего без денег, ничего без оценок, ничего без превращения в стоимость. А если есть глобальный контроль над деньгами, оценками, а соответственно над стоимостью, то чему уж так сильно тут удивляться? Не рынок здесь правит, а рынком правят; не стихийно все возникают большие процессы, а при управляющем воздействии концентрированной сознательной воли; не сам по себе идет ход вещей, а идет он под непрестанным влиянием хода центрированных умов. Когда-то была и остается кое-где до сих пор экономика *Премодерна*, т. е. обслуживающая природу и натуру и натуральное хозяйство экономика; затем настало время экономики *Модерна*, объявившей войну природе и натуральному хозяйству, их вытесняющей и себе подчинившей, развивающей искусственное хозяйство и обеспечивающей построение искусственного мира; дошло дело и до экономики *Постмодерна*, заявившей о своем полном господстве в мире и занявшейся реализацией не просто искусственного, а в основе своей имитационного и фикционного хозяйства, когда экономические показатели отражают не природу как таковую или же что-то человеком созданное, но ощущимое, а нечто просто воображаемое — фикцию, симулякр, пустое ничто, т. е. отражают собою не какую-то внешнюю ценность, а имеют свою собственную ценность — как знак самих себя — и не более того.

Стоимость для себя, о себе, из себя. Это действительно что-то новое, революционно новое, ранее не бывалое. Конечно, стоимость всегда была в чем-то и сама по себе — недаром же она идеальна, самоорганизационна, трансцендентна, но она все-таки более всего служила, чем властвовала, отражала, чем диктовала, посредничала, чем господствовала. Не от реальности более сегодня какой-нибудь опорный экономический параметр, а... от самого себя... и... на реальность, не столько уже отражаемую им, сколько созидаемую. Одно дело — участвовать локально в реальности, совсем другое — ее глобально определять! От экономики-подспорья (Премодерн) через экономику-созидаельницу (Модерн) к экономике-властвительнице (Постмодерн).

Новый мир. На земле построен и уже имеет свое историческое место *новый мир*, он же и *иной мир*, т. е. *неприродный мир*, мало того, уже по преимуществу и *сам по себе* мир. Данному изначально миру — природному — человек предпочел свой мир, взятый им уже от данного мира, уже собственно человеком созданный мир, который находится даже не в данном человеку мире, не рядом и не вместе с ним, а существует как бы параллельно ему, вне его, над ним. Да, природа вроде бы есть, вещественность есть, животность есть, материальность есть — от этого не уйти, во всяком случае, пока не уйти, как не уйти и от вселенной в мир идеальности — она тоже есть, но наряду со всем этим явился и особого рода мир, имеющий какую-то новую материальную воплощенность и новую идеальность. Констатация данного факта — великая констатация! Мечта европейского Возрождения достигнута — построено Царство Божие на Земле, однако по лекалам самого человека. Христианство, объявившее человека свободным — перед Богом, трансформировавшись, создало условия для освобождения человека уже от самого христианства. Свободу выбора человек использовал для освобождения себя от Природы и Бога ради построения своего собственного мира. Модерн — эпоха такого освобождения и такого построения, Постмодерн — эпоха завершения — на данный исторический срок — такого освобождения и такого построения. Человек, почувствовав себя целостным (системным) демиургом, пошел даже не на переделку, а на истинное *пересотворение мира*. Современный мегаполис с транспланетными коммуникациями — высшее воплощение такого нового мира!

Новый человек. Новый мир — *новый человек*. А как же иначе? Технизованный, мобильный, коммуникативный, юркий. Гражданин мира. Эгоцентрист. Мировой стандарт. Интернетовец. Непрерывного образования неутомимый инноватор и инноватист (обновленец самого себя). Системный элемент, деталь в механизме, автомат в автомате. Потребленец. Имитатор, игрок, карнавальщик. Кнопочник. Иждивенец умной машины, ею пользователь и ее же раб. Переполненный информацией об информации. Обездушенный и обездуховленный. Внешний, футлярный, пустой. Без естественной трансцендентности и тайны. Механичный, программный, искусственный. Ничего будто бы хорошего? Как бы не так! Идеальный с точки зрения антихристианской демиургии человек, приспособленный к новому миру, к его постоянному обновлению. Мелькающий мир — мелькающий человек! Человек-фикция, человекобраз, post-человек! Конечно, еще не совсем такой, но зато с какой перспективой стать именно таковым! Постмодерн — это серьезно, хоть и рождается он с комфортом, весельем и чуть ли не счастьем.

Человеческая демиургия. Труд, творчество, хозяйство — уже какая-то демиургия. А если с программой, системным замыслом, целостным проектом? Тогда уж и впрямь *демиургия* — особенно с наукой-то и техникой, с совершенствующимися качественно, разнообразно и продуктивно орудиями, с машинами и иными искусственными устройствами, с лабораториями и мозговыми центрами, а главное, со свободой делать, творить, создавать. Хозяйствовать *из себя*, из своего *творящего ничто*, из субъективной глубины. Это только кажется, что человек лишь отражает и подражает, нет, он способен создавать то, чего нет, и создавать в больших, даже и в глобальных, масштабах. Что-то есть потому, что этого что-то не может быть в мире никогда! Загадочен, ох, как загадочен человек — с его-то креативными возможностями!

Феномен антихозяйства. Хозяйство нужно, без него нет жизни, как, правда, нет и смерти. А что есть смерть? Исчезновение жизни. Хозяйство соседствует поэтому со своей противоположностью — *антихозяйством*. В смерти однако все выглядит слишком явно. В жизни есть не только смерть, но и движение к смерти — те же болезни, да и смерть есть не только физическое исчезновение организма, а и многое другое, что тоже умирает, например, мораль, правило, порядок, а соответственно,

сама жизнь способна обрести патологическую реализацию. Что такое преступление, к примеру, воровство? Акт вполне хозяйственный — для преступника, но одновременно и вполне антихозяйственный. А разве та же хозяйственная реформа свободна от антихозяйственного начала? Или частнособственнический захват ресурсно-производительной сферы российского общества — здесь что, одно только хозяйство? А любая война, которая, конечно же, хозяйство, разве ж она одновременно не антихозяйство? Короче, антихозяйство повсюду: в личном быту, в семье, в коллективе, на предприятии, в учреждении, в регионе, в обществе, в мире. От антихозяйства не уйти, как не уйти от самого по себе хозяйства. Однако есть антихозяйство и антихозяйство: с одной стороны, диалектически обоснованная неизбежность, даже необходимость, а с другой — субъективно попущаемое, если не специально организуемое зло. Тут все зависит от угла зрения. Тот же внезапно возникающий экономический кризис — достаточно естественное антихозяйство, переходящее затем в хозяйство, а вот тот же хорошо организованный кем-либо для кого-либо экономический кризис — хозяйство, однако с мощной антихозяйственной составляющей, могущей и не вывести возникшее антихозяйство к нормальному хозяйству. Разумеется, везде есть мера, а потому и для антихозяйства есть своя мера, которая как раз и позволяет говорить об антихозяйстве как о феномене, мимо которого пройти невозможно. Субъективно культивируемые бедность, темность, преступность, безотцовщина, беспризорничество, голод, холод, пьянство, безработица, безысходность, убыль населения и т. п. «штучки» — верные спутники антихозяйства, мало того, настоящего *инфериального хозяйства*. Да и похирание природы современной техно-индустриальной цивилизацией вряд ли может избегнуть антихозяйственной характеристики. А возникновение нового постмодернового мира — не антихозяйственное ли во многом действие, производящее на свет столько разнообразных симуляций и пустот? А тот же новый человек — итог чего: хозяйства только или же антихозяйства тоже? Богатая это по смыслу, значению и заключениям категория — антихозяйство, отражающая, разумеется, саму реальную хозяйственную реальность.

Софийность хозяйства, его и антисофийность. В самом слово-сочетании фило-софия-хозяйства присутствует *софия*, т. е. мудрость, которая должна, если не обязана, присутствовать не в одних головах людей, но и в самом реальном хозяйстве. Должна-то должна, но вот присутствует ли? Большой вопрос! С одной стороны — да, вроде бы присутствует, ибо как же тогда жить, совсем-то без мудрости, хотя бы ее толики: дед с бабкой мудры (жизнью уже достаточно удручены!), отец кое в чем мудр (как-никак работает, ответственность за семью имеет), мать мудра (как же без этого детей растить?), начальник мудр (людьми управляет), работники мудры (дело делают, управляются, к начальству прислушиваются), законодатель мудр (все-то он что-то учитывает, всему-то какое-то нормативное определение ищет), писатель мудр (о мудрости и рассказывает), ученый мудр (знаниями многими обладает, иной раз и скорбь умно-жающими), философ мудр (а что ему еще остается?), священник мудр (ведь мудрость представляет, ею и наставляет), мудрец мудр (уж ему-то от мудрости никуда). Так что мудрость есть, она как-то присутствует и реализуется в хозяйстве — без мудрости хозяйство человеческое в общем-то не повести. Уже поэтому хозяйство *софийно*. Но есть мудрость и мудрость. Одно дело — мудрость житейская, ученая, философическая, а другое — мудрость Божия, не здешняя, так сказать, мудрость, она же и метамудрость, высшая мудрость, трансцендентальная мудрость — *София Премудрость Божия*. Всякая мудрость хороша (опыт, знание, осознание, норма, мера и т. д. — все это те или иные проявления и параметры мудрости), но есть, позволительно будет сказать, *мудрость мудрости*, которая как раз от Бога, от Абсолюта, от Природы, от Вселенной, от Мира. Есть, так сказать, текущая операциональная мудрость, она прямо от человека, она везде и всюду, а есть мудрость из некого трансцендентного центра, та самая мудрость, которая есть высший, если не крайний, критерий, которая оценивает и судит человеческую мудрость, которая где-то и откуда-то, но которая так или иначе присутствует и в мире, и в человеке, и в хозяйстве. Без Софии нет хозяйства, хозяйство вообще непременно софийно — от Софии, оно пропитано Софией, исходящей от Бога Творца, от Создателя. Однако... человек все-таки свободен от Софии Премудрости Божией, что дает возможность ему или замещать Софию своей собственной софией, или прямо действовать несофийно,

отбрасывая всякую мудрость, идя и по антисофийному пути. Мы видим софийность хозяйства, но мы замечаем и его *антисофийность*. Если человечество само себя поставило на грань уничтожения, то можно ли хозяйство человека признать софийным? Если население России сейчас резко сокращается, когда иммиграция даже не перекрывает смертность коренного населения, то можно ли назвать современное российское хозяйство софийным? На первый план в подобных случаях выходит как раз антисофийность. А если посмотреть повнимательнее на хозяйствование человека, то сколько в нем обнаруживается действительно антисофийного — аж дух захватывает! Мудрость — конечно, знание, учитывающее при этом и незнание, но знание чего-либо, вообще говоря, еще не мудрость. Какое же из знаний может быть отнесено к мудрости? Наверное, откровенческое, которое не только органично диалектическому знанию, когда это не это и не то, а это и то вместе, будучи при этом не тем и не этим, а другим, в котором и то, и это, и третье, но и полилогическому, когда все видится здесь и сразу в полном сопряжении с трансцендентным началом, т. е. знание, питаемое незнанием и тишиной, скорбью, удрученiem, страхом, да вот совсем не теми, о которых может подумать лишенный мудрости профанический всезнайка. Софийность хозяйства — невозможная возможность, а антисофийность — возможная невозможность! На том и сойдемся!

Стоимость через призму софийности. Софийна ли стоимость? С точки зрения чисто экономической — при том понимании экономического, которое здесь демонстрируется, — стоимость не то что софийна, она прямо-таки сама софия экономическая и есть, ее органическая принадлежность, очаг, неиссякаемый источник, самое мудрое в экономике, чуть ли не само живительное ее солнце. Стоимость можно не признавать, да вот можно ли обойтись в экономике без стоимости — этого всеобщего экономического, мало того, всеобщей в экономике управляющей трансцендентной силы? Пробовали, да что-то не получается! Стоимость — вся экономическая мудрость и есть, разумеется, как дух, как трансцендентный разум, как загадочное счетно-решающее устройство, как неуязвимая субстанция. И вот что интересно: софийность стоимости не абсолютна, в стоимости хватает и антисофийности. Стоимость мудра, но стоимость и пуста, она созидательна и разрушительна, живительна и губительна.

И тем не менее: стоимость — премудрость экономическая, софия экономики, экономика в экономике. Действующая софия, что позволяет заключить, что экономика по сути своей стоимость и есть. Стоимость как софия — мир порядка и соотношений, кладезь знаний, источник требований, механизм решений. Стоимость сама многое знает, сама решает, но и предоставляет знание, позволяет решать. Не следует забывать, что стоимость — в головах людей, в их сознании, что именно люди вершат стоимость, в ней участвуют, но в то же время стоимость объективирована, она в чем-то свободна от людей, она их ориентирует, ими командует. Нет никаких препятствий почитать стоимость за экономическую софию, но, делая это, не следует почитать ее как Софию Премудрость Божию, даже и за какую-то ее долю или какое-то проявление, хотя возможность введения в стоимость установок и ограничений, восходящих к божественному началу, отрицать вряд ли разумно.

Хозяйство и экономика. Вопрос не в том, чтобы непременно отрицать экономику в пользу неэкономического хозяйства, а в поиске *меры* для экономики, той самой меры, которая не позволяла бы экономике господствовать в свою пользу над хозяйством, жизнью, человечеством, обеспечивать не слишком бросающуюся в глаза эксплуатацию природы и человека, равным образом и поддерживать разного рода человеческий паразитизм. Разумеется, вредить жизни и той же природе можно и без экономики, на основе собственно хозяйства и только хозяйства, но у хозяйства все-таки больше возможностей устанавливать и поддерживать необходимую обоснованную и удерживаемую культурой меру: экономика — это царство стоимости, особенно если стоимость свободна, необузданна, — сметает любые культурообусловленные меры, обрекая человека на хозяйствование вне каких-либо натуральных и сакральных ограничительных и направительных установок. Предоставленная самой себе экономика в принципе против всяческих пределов, кроме, разумеется, тех, которые на короткое мгновение или на длительное время возводятся самой воспроизводящейся стоимостью. Да, стоимость может иметь, конечно, внешнее умеривание, в том числе и субъективно предложенное и поддерживаемое, но сама стоимость внешних умериваний не любит, ибо она *сама себе мера*, а потому и стремится к внешнему безмерию. Экономика, разгорячившись, гонит вперед хозяйство, расширяя

его и преобразуя — и нет в этом для экономики никаких стабильных границ. Вот почему экономика и была воистину сакрализована европейской цивилизацией. Деньги — кумир, хотя и особого рода кумир. И этот кумир делает свое дело, которое не сводится только к избавлению от умеривающей человека морали, а имеет результатом высвобождение человеческого хозяйства, всей хозяйственной энергии человека, его изобретательности и изощренности, всей его демиургической страсти.

Хозяйственная телеология. Так или иначе, но возникает проблема *фундаментального исторического целеполагания*, реализуемого человеческим хозяйством. В самом деле, какова генеральная цель человеческого хозяйства на Земле? Еще недавно, каких-нибудь 50, 100 или 200 лет назад, можно было еще говорить более всего о выживании человека, поддержании его существования, удовлетворении необходимых жизненных потребностей, стремлении хотя бы к достатку, даже к воистину хорошей, если не прямо-таки замечательной, веселой и занимательной, почти что и беззаботной жизни, наконец, о жизни чуть ли не всецело творческой (все-де обитатели планеты только и делают, что читают, беседуют, пишут, рисуют, актерствуют, танцуют, да мало ли еще чем-либо подобным занимаются ради реализации своих драгоценных личностей). Но сегодня уже отчетливо видно, что все это не более чем частности, никак не раскрывающие самого главного и важного, ибо человек хозяйствующий (человечество хозяйствующее), не знающий по сути кто и что он, зачем он в природе вообще и на Земле в частности, но сознающий уже довольно, что он хотя бы частично не от мира сего, стремится в своей хозяйственной и непосредственно демиургической работе от *природы* к *неприроде*, построяя упорно свой неприродный мир, не соображая как следует, чем же может стать этот самый неприродный мир при своем завершении (в самом конце хозяйственно-демиургического пути), хотя и понимая все более, что стремится он все более к *иному миру*, которого нет на Земле и даже в обозримой человеком внеземной природе. Человек понял так или иначе, что он сам и все вокруг него трансцендентно, что есть-таки иной мир, в котором как раз и наличествует Бог, его — человека — Творец, понял, что он может-таки поставить себя — как сын Божий — на место Бога Отца, что он и сам может *пересотворить* мир, ему данный, что он способен создать свой собственный мир, т. е. дать сам

себе *иной мир*, а теперь он уже понимает, что этот созданный им новый мир есть всего лишь перевалочный мир для перехода в совершенно *иной мир* — то ли в мир другой планеты, то ли другого созвездия, то ли в мир из какой-то другой материи, то ли в мир с совершенно другой информацией, то ли в мир какого-то другого Духа. Как человек не знает точно, откуда и зачем он, так человек не знает точно, куда и ради чего он, а потому его хозяйствование имеет в общем-то *трансцендентную телеологию*, на векторе которой человека творящего может ожидать в общем-то любой конец, в том числе и глобально — как окончательно, так и промежуточно — катастрофический: чем-то может в итоге обернуться это неуемное стремление к бессмертию, к неприроде, вообще к иному?

Экономическая телеология. Сама по себе она весьма проста, ибо восходит к накоплению денег, а через них — богатства, но вот в своем историческом значении она не так уж проста, ибо несет человека экономического в общем-то незнамо куда, ибо человек экономический — еще и человек вообще хозяйствующий, да не просто хозяйствующий, а творчески хозяйствующий, да не просто творчески, а демиургически. Так что и в экономической телеологии немало трансцендентного заряда, правда, уже с учетом совершения человеком хозяйственного процесса в целом.

Хозяйственная эсхатология. Сопряженное с хозяйственной телеологией завершение хозяйственной активности человека: то ли всеобщим счастьем на Земле — Царством Божиим, то ли, наоборот, всеобщим несчастьем; то ли удачей для немногих и неудачей для большинства; то ли новой по качеству долговременной жизнью, то ли, наоборот, скорой и всеобщей смертью; то ли необыкновенным обустройством планеты Земля, то ли ее же необыкновенной гибелью; то ли переселением на другие планеты, то ли прямо-таки животной деградацией на деградирующей Земле; то ли наивысшим развитием человека, то ли его превращением в какое-то иное существо; то ли новым устроением природы с новым человеком, то ли переходом в иной мир; то ли покорением пространства и времени, то ли полным в них растворением. Эсхатология — всего лишь суждение о конце: возможном или реальном, временном или окончательном, частичном или всеобщем. Будет ли конец? Конечно, будет, как уже и был неоднократно, как имеет место и сейчас. Новый мир означает завершение старого мира, новый человек — конец прежнего человека, —

во всяком случае какое-то превращение, качественный скачок, какую-то смерть и какое-то рождение. Любая реформа — эсхатологическое нечто, когда старое из мира уходит, а новое как раз и приходит. Но ведь возможна, как сейчас отчетливо ощущается, и глобального масштаба и полной глубины трансформация — переустройство мира человеком-демиургом когда-то же чем-то закончится, — и вовсе не обязательно новой жизнью (как мы вообще понимаем жизнь), а и новым исчезновениям. Хозяйство человека не просто сопряжено с антихозяйством, — как жизнь со смертью, — но может и завершится этим самым антихозяйством, соответственно, и антижизнью, что будет даже не смерть, а какая-то уже полная аннигиляция. Не одна телеология трансцендентна, трансцендентна и эсхатология, как трансцендентны мир вообще, сам человек и его хозяйство. Однако человек непременно пройдет путь, ему трансцендентно пред назначененный, что не означает ни полного его рабства, ни абсолютной для него предопределенности.

Философия философии хозяйства. Есть философия, но ведь есть и *философия философии*, или же *философия о философии*. Есть, наверное, и *философия философии хозяйства*. В самом деле, а что представляет собою философия хозяйства при ее целеположенном философском рассмотрении, в рамках ее собственной философии? Дело в том, что философия хозяйства — не просто философия *о* хозяйстве, хотя это и не исключается, а прежде всего философия *от* хозяйства, но непременно при этом как *философия от хозяйства о самом хозяйстве*. Философия хозяйства, если будет угодно, есть в некотором роде *философствующее о самом себе хозяйство*, — и это возможно, ибо хозяйство, которое есть и интеллектуализм (в широком понимании этого слова), создав религию, мифы, философию, науку, фантастику, вообще всякую идеальную культуру, не могло не пойти в конце концов на осмысление и самого себя, задавшись вопросом: «А что же на самом деле творит на Земле хозяйствующий человек?», — и, отвечая на этот вопрос, не могло не обратиться именно к философскому способу осмысления острой и актуальной, а главное, вполне и трансцендентной, проблемы. Это произошло как раз на рубеже XIX и XX вв., когда человек думающий уже имел возможность увидеть и кое-какие итоги практической реализации вроде бы наивысшего на тот момент знания — научного (научно-технического),

положенного в основание глобальной человеческой демиургии. И имел место шок... от результатов этой демиургии, от сопряжения с ней науки и техники, от обслуживающей ее философии и даже соответствующих ей религиозных установок, т. е. шок от западноевропейского интеллектуализма нового времени, который как раз и заставил наиболее чувствительных к этому шоку мыслителей (вроде С.Н. Булгакова) на прорыв научно-философско-религиозной блокады, что и было осуществлено посредством обращения к *идее философии хозяйства*, оказавшейся не только отправным пунктом, но и главным вектором собственно *философии философии хозяйства*, ее фундаментальным смысловым и функциональным зарядом. Не философия, повторяем, о хозяйстве, тем более не философия в хозяйстве, а именно философия *из и для* самого хозяйства — как совершенно самостоятельное знание-размышление, диктуемое непосредственно хозяйственной реальностью, хотя и учитывающее все имеющееся в распоряжении человека знание-наследие.

Место и функция философии хозяйства в системе знания. Философия хозяйства, касаясь фундаментальных проблем *реализации человеческого бытия*, сопряженных одновременно и с *вечными вопросами*, на которые человек упорно ищет ответы, находит их и не находит окончательные, создавая всегда лишь те или иные возможные на времена версии, чаще всего мифологического свойства, является, безусловно, истоковым знанием-размышлением, в поле зрения которого не какая-нибудь частность бытия человека в мире, как и бытия самого мира в человеке, а обширная, можно сказать, полнообъемная, мироцеловеческая целостность, у «руля» которой располагается и несет практическую службу субъектно реализуемое, осознанное и творчески исполняемое жизнеоправление человека (человечества), в ходе которого достигается не одно жизнеобеспечение человека, но и изменение всего его жизнеустройства вплоть до демиургического созидания собственного мира и соответствующей этому миру переделки самого человека (переделки человека человеком). Отсюда философия хозяйства, не будучи сама собственно практическим (операциональным) знанием, является знанием-размышлением о всеобщей реальной практике человека (человечества), что предъявляет философии хозяйства жесткие реалистические требования и задает определенные реалистические ориентиры: в отличие от философии вообще

философия хозяйства должна отвечать не на собственные вопросы, которые ей самой нравятся, а на вопросы реализующегося, а точнее было бы сказать, реализуемого, бытия. Это возлагает на философию хозяйства особенную и в общем-то небывалую ответственность, предлагая в то же время и возможность ее соблюдения. Будучи философией непосредственно от хозяйства, или самого о себе хозяйства, философия хозяйства не только не является отраслью (разделом) философии вообще, или ее частной прикладной реализацией, а обладает собственной, уже как бы и внефилософской, спецификой, что позволяет говорить о философии хозяйства как о в целом самостоятельном знании-размышлении, занимающем собственное место наряду с философией вообще, религией и наукой. Питаясь с удовлетворением этими последними, философия хозяйства, однако, не представляет из себя никакой их смеси. Более того, философия хозяйства способна к обобщениям и заключениям, не даваемым ни философией как таковой, ни религией, ни наукой, — хотя бы потому, что обращена прямо к сфере производства человека и жизни, включая и производство любого из известных знаний. Не объединяя собою философии, религии и науки, философия хозяйства оказывается на позиции, позволяющей ей рассматривать любые из имеющихся знаний как бытующие в идеальном мире человека частности. Условно говоря, философия хозяйства, будучи знанием-размышлением от хозяйства, т. е. от производительного вообще источа, располагается в системе знания где-то на трапеции философии вообще, но при этом рядом с нею, а также с религией и наукой, оказываясь тем самым не выше и не ниже их, но все-таки ближе к истоку любого знания. В известной мере философия хозяйства есть и знание о знании, но исключительно в производительном и функциональном, а не содержательном, аспектах. Философия хозяйства не занимается содержанием различных знаний как таковым, хотя и способна кое в чем их поверять, ибо ее волнует более всего почему и с какой целью любое из знаний возникает и реализуется в рамках деятельного жизнеотправления человека, его хозяйствования и хозяйства.

Философия хозяйства как хозяйствующее знание. У философии хозяйства есть, разумеется, своя полезная функция, которая состоит не только в осмыслиении вообще хозяйства и реализующего его человека

(человечества) хозяйствующего, целей и результатов хозяйства, его места, роли и способов реализации, вообще всего, что онтологически и функционально характеризует хозяйство и человека, его совершающего, но и в оценке всего, человеком хозяйственно совершенного, совершающего и возможного еще к совершению — как с полезностной, так и нравственной стороны, в выведении действующих, возможных и необходимых критериев хозяйствования и самой жизни человека (человечества), в упорядочивании и просветлении умов и душ человеческих, в наполнении человеческого сознания особого рода обобщающим знанием и мироощущением, в руководстве, — конечно же, более трансцендентном, чем явном, — сознанием человека, принимающего решения. Вряд ли стоит сомневаться в том, что с философией хозяйства человек хозяйствующий может быть существенно *иным*, вовсе не таким, как без нее. Философия хозяйства — своеобразное оружие в руках действующего человека, которое может быть, как и все на свете, весьма разным по содержанию. Философия хозяйства, как и вообще философия, даже частично и наука, находится в прямой зависимости от нравственности ее созидателя и ею пользователя. Философия хозяйства — *хозяйствующее знание*, то самое *концептуальное знание о хозяйстве*, в котором столь определенно нуждаются хозяйствующий на планете Земля человек и само ведущееся человеком (человечеством) хозяйство.

Метафизика философии хозяйства, ее трансцендентность и сакральность. Понимая в данном случае под метафизикой нечто, что налишчествует в мире за пределами физиса мира, его физики, т. е. идейную или же смысловую начинку бытия и соответствующее ей знание-размышление, нельзя не обратить особого внимания на метафизическую природу, причем двойную, философии хозяйства — как собственно философии, так и собственно хозяйства. Хозяйство не менее метафизично, чем философия, хотя оно и не менее физично, чем мир — в известной его части. Здесь сходятся две метафизики — от самого по себе бытия и от знания-размышления о нем. Есть метафизика природы, а есть метафизика познания природы, как и о ней знания. Человек насквозь метафизичен (разум, душа, совесть, мерзость и т. д., хоть и связаны как-то с физикой человеческого организма, но это совершенно метафизические вещи,

а другими они просто и не могут быть). То идеальное, что служит познанию физического, его первичному фактологическому объяснению, т. е. научному осознанию, может, по-своему и метафизично, но не настолько, чтобы стать собственно метафизическим: тут метафизика проявляется на ином уровне, когда идея работает уже для идеи, когда открываются смыслы смыслов, когда вовсю царствует идейно-смысловая неопределенность. Метафизика непременно трансцендентна, она есть уже что-то само-по-себе и в самом-себе существующее, мало того, самостоятельно действующее. Философия пытается такого рода метафизику метафизически же улавливать, узнавать ее, о ней говорить, с нею диалогизировать, ее понимать, с нею взаимодействовать. И хозяйствующий человек хозяйственно же метафизичен, как и метафизично его хозяйствование и хозяйство. Как бы ни моделировала та же наука, к примеру, процесс принятия решений, но решения, заметим особо, принимаются очень часто как бы сами по себе, из ничего или через ничего, внезапно, нежданно, в чем скаживаются присутствие и действие как раз метафизики, трансцендентности, ничего. Философия хозяйства учитывает физику бытия, но гуляет в основном в метафизическом его поле, ибо с одной лишь физикой всего в хозяйстве не поймешь, мало того, ничего не поймешь. Но это не все: допустим, что обнаружено, что человек действует несофийно, ведет не столько хозяйство, сколько антихозяйство, что построенный тем же европео-американцем мир не мир вовсе, пусть и искусственный, а уже самый обыкновенный *антимир*, который грозит поглотить весь мир, всю природу, всю естественную среду обитания, их уничтожить, в общем, идет эсхатологически не просто к своему собственному, а и к всеобщему апокалиптическому концу, тогда что же нужно в таком случае делать, что предложить хотя бы в идейно-смысловом плане, в рамках той же философии хозяйства? Наверное, придется все-таки осмыслить, что есть человек хозяйствующий вообще, что есть свободный от Природы и от Бога хозяйствующий человек, что же вершит этот человек по своему собственному разумению, ведя внеприродное и внебожеское хозяйство, не нуждается ли человек хозяйствующий во внешних для него идейно-смысловых ориентирах, критериях, не созрел ли он уже для особого рода страшного суда — как именно хозяйствующий субъект, не надо ли пере-

осмыслить все ценностные установки, которыми руководствуется человек хозяйствующий, не обезумел ли он уже в своей демиургической страсти, не потребна ли уже реально *новая культурная революция*? Думается, что философия хозяйства и возникла внезапно, т. е. вполне метафизически и трансцендентно, именно для решения великой хозяйственной задачи — *метафизического осмысления человеческого хозяйства с позиции самого хозяйства и с позиции мира*, в котором это хозяйство творится. Заметим, не с позиции человека (антропоцентрично), а с позиции именно хозяйства и мира, т. е. всего вытворяемого и уже вытворенного человеком. Хозяйство может говорить от себя, а уж мир, переделанный человеком, — тем более. Что ж, пришло время человеку творящему послушать и творимый им хозяйственный процесс, и все сотворенное этим процессом. Философствование здесь, конечно, да вот весьма необычное: одно дело говорить и говорить от себя, глядя на мир и свое в нем хозяйственное пребывание, и совсем другое — слушать мир и свое в нем пребывание и говорить уже от имени этого мира и этого в нем пребывания. И как тут не вспомнить о Софии — той самой по сути метафизики метафизики, в тиши которой и скрыты столь необходимые человеку хозяйствующему истины. Хозяйствуй человек, возделывай земли — Землю!, трудись вовсю, даже и твори, но вот *как* все-таки и *что*? Не философия ли хозяйства, которая как раз расшифровывается как *хозяйство с любовью и мудростью*, призвана если не ответить на эти вопросы, то хотя бы подойти всего ближе к ответу на них — и вот ей придется выполнить не просто метафизическую, но прямо-таки *сакральную* функцию, представ в итоге перед изумленным человеком хозяйствующим не чем-нибудь, а самым настоящим *богословием*, конечно же, *хозяйственным*.

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА КАК ДОСТОЯНИЕ РАЗМЫШЛЯЮЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Людям в общем-то повезло — у них есть университеты и академии, в которых производятся, хранятся и развиваются знания о мире, природе, жизни, самом человеке, равным образом и о том, чего нельзя ни увидеть, ни пощупать, ни толком смоделировать.

Знание — сила!

Знание ради знания, соответствующим образом оформленное — в виде стремящихся к логической строгости концептов, и претендующее на конечную (действующую) истину — наука.

Университеты и академии — вместилища, продуценты и репродукенты такого научного знания, или науки, а вследствие неизбежной разделенности науки — наук.

Наука — непременно сонм наук, а единой целостной науки нет и быть не может: наука по природе своей устремлена к обнаружению конечных, верифицируемых и воспроизводимых, чуть ли не вечных, истин, а что может сказать такого уж истинного о мире в целом наука, коли мир этот лишь частично и по частям научен, т. е. частично и по частям поддается научному осмыслению и проектированию?

Перед миром в целом, а целостность эта выходит за рамки ощущаемой и научно познаваемой целостности — мало того, все самое важное как раз остается за рамками ощущаемой и научно познаваемой целостности — наука пасует.

Хочет того познающий и размышляющий человек или нет, но он вынужден выходить за рамки как ощущаемого мира, так и осмысливающей его науки, или набора наук, и обращаться к иному способу познания и размышления — метанаучному, т. е. выходящему за пределы собственно науки, а точнее, строя разнообразных наук.

Метанаучную функцию издревле выполняла и выполняет до сих пор философия, способная обобщать любое знание, вырабатывая абстрактное знание о знании, проникать мыслью за пределы ощущаемого мира, являющегося предметом как раз науки (строя наук). В отличие от науки, базирующейся на исследовании того, что непременно есть, философия может исходить из того, чего нет, но что все-таки есть,

т. е. из воображаемого (просто мыслимого) и из откровенческого (откуда-то и как-то вдруг приходящего).

Отсюда у философии, способной признавать наличие не только мира как такового, но и метамира, имеется возможность более насыщенного и целостного суждения о мире, хотя и не столь определенного, как у науки. Философия идет к истине, но на ее конечность не претендует, поскольку метаистина не только такой конечностью не обладает, но даже ее попросту не дозволяет.

Наука стремится к точности, философия, уважая точность науки, от научной точности уходит, ее преодолевая — ради размыслительного взаимодействия с метамиром.

Наука имеет дело с физисом — мировым физисом, а философия имеет дело с метафизисом — мировым метафизисом. Вот почему наука есть по сути своей физика, а философия, выходящая за пределы науки, — метафизика.

В силу неточности философии наука весьма чурается последней, снисходительно относясь, пожалуй, лишь к научной философии, которая по сути есть не более чем некая наука в науке, или наука наук, лишь философически осмысливаемая и преподносимая. Ничего плохого в этом нет, но... остается все-таки... тайна мира, как и тайна природы, жизни, человека, которая вынужденно отбрасывается научной философией, но которая, увы, есть и от которой человеку, сознанию, мышлению никуда не уйти.

В мире, природе, жизни и человеке всегда есть что-то, что не схватывается ни наукой, ни научной философией, равным образом, ими не объясняется, разве лишь почитается просто за еще не исследованное, не раскрытое, не познанное.

Мир познаем! — утверждают наука и научная философия.

Мир познаем, но с учетом его... принципиальной... непознаваемости — говорит философия, она же и метафизическая философия.

И все было бы ничего, если бы... если бы в тайне мира не было запрятано все самое главное, фундаментальное, изначальное, а именно... мысль о самом мире, его исходный смысл, сидящая в мире концепция.

Многое говорит о мире наука, но далеко не все, мало того, наука

не дает все-таки целостного представления о мире, в котором присутствует и мертвое (твёрдь, материя), и живое (органика), и сознательное (идеальное), и социальное (тоже идеальное, но уже иного рода), и вовсе... трансцендентное (неизвестно какое, разве лишь духовное), т. е. настолько разное, что единая картина у науки никак получиться не может.

У философии, конечно, больше возможности бросить обобщающий и целостный взгляд на мир, хотя она тоже вынуждена делиться на разные философии: натурфилософия, философская антропология, социальная философия, философия истории, философия науки и техники, философия духа. Разная есть философия, но, кажется, философии мира, как и науки мира, все-таки нет, хотя и есть кое-какие приближения к более или менее целостному представлению о мире.

Если у науки ограниченность познания обусловлена стремлением к научной точности, то у философии познавательная ограниченность связана с ее уважением как раз неточности, что порождает у философов многие и разные взгляды на мир: сколько философов, столько и философий, ибо у философии нет конечных истин, которые можно было бы зачислять в общий знаниевый арсенал, присовокупляя одну к другой, мало в чем при этом сомневаясь. Сомнения, конечно, есть и в науке, но в науке есть и многое несомненное: доказанное, опытно подтвержденное, практически верифицированное, а вот в философии из несомненного мало что есть — тут все подлежит как раз постоянному сомнению, а если и удерживается в размышающем сознании, то, как правило, за неимением чего-нибудь лучшего.

Однако без философии не обойтись, ибо только философия (вкупе, кстати, с религиозным знанием) позволяет человеку, его сознанию... адекватно общаться с миром и с самими собою... как тоже имеющими в себе самих не менее трансцендентную метафизическую тайну.

Есть наука, а есть философия — и обе друг к другу никак не сводимы!

Физика не любит метафизики, что понятно, но вынужденно с ней все-таки считается, соприкасаясь невольно с метафизическими в мире; метафизика вполне миролюбиво признает физику, но ею никак не удовольствуется, уходя дальше физики, немало при этом ей и споспешствуя.

Особого внимания заслуживает соотношение науки и философии в гуманитарной сфере — сфере человека, сознания, общества, где менее всего возможностей для науки с ее погоней за точными истинами и более всего простора как раз для философии с ее уважением неопределенности, напрямую сопряженной с идеальным, духовным, трансцендентным, что как раз всего более и характерно для гуманитарной сферы.

Считать сознание, мысль, разум, язык, психику, человека, социум, историю, отношения, коммуникации и т. д. чем-то материальным и подлежащим точному моделированию — даже не грубая натяжка, а самый обыкновенный нонсенс.

Познаем ли гуманитарной наукой идеальное? Разумеется, да. Но в ограниченных пределах и весьма условно. Здесь все-таки не так много физика, зато много метафизика, а потому и не так много физики, зато много метафизики. Отсюда и гораздо больше возможностей для собственно философии, чем для собственно науки.

Исторически произошло так, что философия предшествовала науке, за исключением математики, которая сразу обнаружила не столько любовь к мудрости, когда все вокруг неопределенны, сколько любовь к точности, характерной лишь для определенных сфер. Физика, при всех ее древних зачатках — возрожденческий способ познания мироздания. Физика — знание в основном Нового времени. Отсюда и вся наука в целом — феномен Нового времени. Наука зародилась с помощью математики, этой преднауки, в лоне философии, она вышла из философии, отвергнув если и не всю философию, то философию метафизическую, не пренебрегавшую ничем таинственным и неопределенным.

Вдохновленная своими возможностями открывать точные истины, наука, она же и физика, не просто отвергла неясную метафизику, но и попыталась заместить собою... эту самую метафизику, полагая мир не просто познаваемым, но именно научно познаваемым.

И если в естественной сфере, там, где вроде бы господствует материальность, вещность и определенность, науке удалось чуть ли не полностью вытеснить метафизику, лишь вынужденно вступая в контакт с нею на границах физического и метафизического начал в самом познаваемом ею естественном мире, то в гуманитарной сфере случилось кое-что совсем иное: гуманитарная физика по большому счету не состоялась,

породив лишь массу «научных мифов», и первая из наличествующих «физик» попала в критическое положение. Метафизика здесь оказалась не только не слабее, а пожалуй, и сильнее собственно физики.

Человек как «скопище духа» и «кладезь идеального», а соответственно и «кладезь тайны» и «скопище трансцендентного», оказался вместе со всеми своими межчеловеческими отношениями и мультичеловеческим социумом, с культурой и цивилизацией, с этносами и государствами, с правом и нравственностью, короче, со всем своим жизнеоправлением, лишь частично и частями овладеваемым наукой (науками), но в целом и в главном он оказался за пределами научного с ним обращения. Физика и метафизика тут не только не были всесильны, но скорее и по большей части продемонстрировали свое явное бессилие.

Тогда-то, а это произошло на рубеже XIX—XX в., и началось обратное, уже постнаучное, движение к философии, не миновавшее и возврата к религиозному знанию.

Человек и все с ним связанное — не только и не столько объект научного исследования, сколько объект философических осмыслений, включая и религиозные!

Сильное заявление, не правда ли?

Но что делать, если не подверстывать нарочито сознание человека, его поведение, его действия, его творчество, его место и функцию в мире, само его в нем явление, даже животность человека вкупе с его неживотностью, то бишь... с божественностью, иномирностью, инаковостью, все причуды человека, выкрутасы и разные творимые им гадости, всю его бессознательность и, разумеется, многое другое, если не подверстывать к сугубо научным парадигмам, схемам и матрицам, как не подверстывать под то же самое социум, его бытие, его устройство, его историю, его взлеты и падения!

Науке все кажется, что вот еще немного, еще чуть-чуть, еще что-то открыть, еще что-нибудь сформулировать и... гуманитарный объект сдастся, поджав хвост, на милость победителю, обретя окончательно и бесповоротно научный и только научный, мало того, точно-научный, чуть ли не математический, образ.

Не отвергая определенных — и в чем-то немалых — возможностей науки в гуманитарной сфере, в особенности, по сбору фактологических

данных и их феноменологическому анализу и обобщению, следует признать, что гуманитарный объект все-таки более метанаучен, чем научен, он полон тайны и трансцендентности, познавательное движение к которым возможно лишь на метафизическом пути, предполагающем не только фактологию и феноменологию, но и размыслительное, а иной раз и откровенческое, проникновение за их пределы — прежде всего в область существенного, где только и открывается возможность приближения к тайне мира и творческого соприкосновения с мировой трансцендентностью. Без овладения существенным все фактологическое и феноменологическое повисает в воздухе, а, лучше сказать, в пустоте, не получая адекватных реальности и приемлемых для познающего сознания объяснений.

Наука вообще пасует перед объяснениями. Заметить, обозначить, измерить (если возможно), посчитать (если возможно) — да, это наука может и любит, имея дело с явленческой поверхностью, а вот понять, объяснить — тут уж не очень, ибо не любит иметь дела с глубинным, существенным, ноумenalным. Стоит признать: наука умеет оперировать с реальностью, даже и гуманитарная наука с гуманитарной реальностью, ибо постигает кое-какие принципы управления гуманитарной объективностью, хотя бы воздействуя на сознание и поведение людей, их представления о мире, жизни и себе, но удовлетворительного объяснения гуманитарной реальности с учетом ее неограниченной смысловой глубины она все-таки дать не может.

Вообще от науки более всего ускользают смыслы, да она их особенно и не ищет. Приверженная фактологии, наука чурается смыслологии и уж тем более метасмыслологии, которой как раз и посвящает себя более всего метафизика.

Возврат к метафизике и соответствующей ей философии не есть возврат к бывшему когда-то философскому знанию, хотя определенный возврат к нему и имеет место, — это прежде всего возврат вообще на путь метафизической философии, но уже в значительной, если не в решающей степени на путь постнаучной метафизики, не отвергающей вовсе науки и ее достижений, а ее, эту самую науку преодолевающей — посредством выхода за пределы науки, но никак не ее забвения. Преодоление здесь — не полное отрицание, не отбрасывание, не стирание, а учет, разумеется,

критический, выборочный, локальный, но... в иной уже сфере размышлений, в других гносеологических координатах.

Сила науки в обнаруживаемых ею конечных истинах, но в этом и ее ограниченность — далеко не все в мире подлежит такому познавательному оформлению. И сила религии тоже состоит в конечных истинах, однако познаваемых уже на веру, порою и в разных трактовках. У науки в руках — непреложный факт, у религии — тоже непреложный, но уже... догмат.

Философия вынуждена иметь дело по преимуществу с тем, чего не отнесешь ни к фактической, ни к догматической истине, но это не значит, что философия пренебрегает истинами или философии вообще недоступны какие-то истины, — нет, истины ей вполне доступны, но совсем иные, способные вобрать в себя сразу все: факты, догматы, известности, но при этом и неизвестности, и неопределенности, и сокрытости, и иномирности.

Философские, или метафизические, истины — это не истины... без истины, а истины об истинах, но не предельные истины о предельных же истинах, а непредельные истины о запредельных истинах.

Сложность познавательного и отобразительного положения метафизической философии преодолевается посредством диалектического, а лучше сказать, полилектического восприятия истин, предполагающего одновременный учет всего сразу: реального и ирреального, материального и идеального, феноменологического и существенного и т. д., вплоть до посюстороннего и потустороннего, относительного и абсолютного, явленного и сокрытого, отковенного и таинственного.

Философия поэтому трудна, очень трудна, но без нее не обойтись. Можно говорить о промежуточной, примиряющей и синтезирующей роли философии в триаде «наука — философия — религия», но надо при этом иметь в виду, что философия и вполне самостоятельна, она существует сама по себе, хоть и с учетом науки и религии, и если она как-то синтезирует все три сферы знания, то не посредством смешения соответствующих знаний, а посредством лишь их к себе привлечения и выхода на уровень исходно синтетического знания (все здесь в снятом и преображенном виде, полилектически, но никак не механически, не химически и даже не органически; вообще мысль способна, воспринимая

имеющиеся знания, рождать новые мысли, выходя за пределы любого системообразующего процесса, ибо сама мысль — прежде всего метафизика и есть, как менее всего физика).

И выходит вдруг, что познание мира, как и оперирование с ним, требуют именно философского, метафизического, тайнообусловленного познания и оперирования, ибо только философия приближается к целостному мировидению, мировосприятию и мироведению, столь потребным находящемуся и действующему в мире человеку, способному не только быть в мире, но и отвлеченно его и себя в нем отображать, по-своему мир и себя воспринимать, по-своему с миром и с собою взаимодействовать, как и по-своему мир и себя в нем изменять.

Человек ведь сразу в мире, перед миром, позади мира и... впереди мира, ибо человек наделен сознанием (знанием о мире) и возможностью, зная мир и добывая о нем новые знания, как и знания от знания, переделывать мир по своему сознанию, или отсознаниваемому, усмотрению. Человек — не просто познаватель мира, не просто его отобразитель, не просто потребитель мира и оператор с ним, это еще и demiurge мира, его перестроитель, созидатель уже собственного мира — ни Господом Богом, ни Природой не предусмотренного.

Человек не просто существует в мире и в природе, в них живет, не просто является их органичной принадлежностью и составным элементом, он еще и особое существо, выделяющее себя из мирового и природного контекста, способное действовать не по миро-природному, строить свой мир, следя от природы к какой-то неведомой ему неприроде.

Человек не просто в пространстве и времени, в пространственно-временном континууме, он еще и созидатель своего собственного пространства — времени, его конструктор, оснаститель и реализатор.

Человек не просто в мире, с миром, посредством мира, как любое животное, он еще и особого рода субъект мира, сравнимый в чем-то с Господом Богом и несравнимый ни с одним животным. Человек — сверхживотное, он наделен сознанием и субъектностью, он способен воображать мир и переделывать существующий вокруг него мир согласно своему воображению, под свой проект, удовлетворяя не просто свои обычные жизненные потребности, а и некую особую, можно сказать —

сверхжизненную, потребность, вызываемую уже не своей природностью, телесностью, организменностью, но и какой-то сверхприродностью, соответственно сверхтелесностью и сверхорганизменностью, что может быть обусловлено только неприродным происхождением человека, его, пусть и частичной, божественностью.

Человек одновременно природен и сверхприроден, он вроде бы от сего мира, но в то же время и от какого-то иного мира, коли наделен он сверхчестственным свойством сознания (идеальным, духовным), позволяющим ему не только познавать окружающий мир, выделяя себя мысленно из него, но и воображать лтбой сверхчестственный мир, мало того, не только воображать миры, но и достигать воображаемых миров посредством своей трудовой и творческой деятельности, своего демиургирования.

Начинает человек вроде бы с изготовления простых орудий труда, что, правда, способно сделать и высокоорганизованное животное, но продолжает он созиданием уже целой среды обитания, а заканчивает все это построением целостного сверхчестственного, или же искусственного, мира.

Выходит, что человек ведет особого рода жизнеотправление, что то же самое в первом приближении — хозяйство, не сводимое к животно-физическому хозяйству, а восходящему к сверх- или мета- животно-физическому хозяйству, в котором реализуется все то, что отличает человека от животного и сближает его с Богом.

Человеком ведет хозяйство, а следственно, жизнь, включая свое сознание и находясь в сфере сознания, порождаемой наличием человеческого социума — в сфере коллективного, или общественного, сознания, что как раз и относится к тому, что стало все чаще называться ноосферой.

Человек не отделим от ноосферы, а ноосфера — от человека. Каждый отдельный человек (особь) — часть (элемент) ноосферы, а вся ноосфера — совокупность человеков, человеческих особей. Но при этом каждый человек есть тоже ноосфера — микроноосфера, а вся человеческая ноосфера (социумная ноосфера) в таком разе макроноосфера.

Человек хозяйствует в ноосфере и через ноосферу, хозяйствует сознательно и субъектно (как индивидно, так и сообща), не просто трудясь и применяя орудия труда, а постоянно конструируя вообразительно свою

деятельность, переводя ее виртуальный образ в реальное практическое действие.

Все жизнеотправление человека как животной и сверхживотной особи, так и животного и сверхживотного социума, есть хозяйство. Последнее — реализация всей жизни человека, исключая внутриорганизменные, витальные (физические, химические, биологические) процессы, сводящиеся к внутренней физиологии человеческого животного существа. Ничего в жизни человека, как особи, так и социума, нет нехозяйственного, все — хозяйственное!

Дело тут вовсе не только в производстве и потреблении благ, что давно заметили философия и наука, а в самом жизнеотправлении человека — как животном, так и неживотном, а лучше сказать сверх- или метаживотном.

Виртуальное конструирование жизнеотправления, его проектирование — хозяйство; добывание и использование необходимого и даже избыточного знания — хозяйство; обучение себя и других — хозяйство; созидание отношений между людьми — хозяйство; организация социума — хозяйство; обеспечение рождения человека, его оснащение сознанием (языком, навыками, знанием) — хозяйство; отправление любого культа — хозяйство; философствование — хозяйство; разговор, обмен мнениями, диспут — хозяйство; служба государству и в армии — хозяйство; армия — хозяйство; ведение войны — хозяйство; выборы президента страны — хозяйство; революция — хозяйство; грабеж — хозяйство; суд и тюрьма — хозяйство; смертная казнь — хозяйство; смерть и похороны — хозяйство.

В жизнеотправлении человека, исключая внутриорганизменные физиологические процессы, нет ничего нехозяйственного!

Все бдение человека — даже, наверное, и его сон, не говоря уже об отдыхе и досуге, — весь быт человека, вся его многоплановая и разносторонняя деятельность, все его хождение по пространству — времени, все его бытие в природе и вне природы, вся реализация его сознания — все это хозяйство.

Наука как знание — хозяйственный продукт, философия — тоже, религия — то же самое. Человек, живя, творит хозяйство, а творя хозяйство, человек не только живет, но и реализует себя как человек, обогащая,

усложнения, совершенствуя и изменяя свое сознание, делая и себя продуктом собственного хозяйства, равным образом, и изменяет и совершенствует среду своего обитания, переустраивая, может, пока еще не всю целиком планету, но уж ее внешний облик точно, — творя хозяйство, человек творит мир!

Все науки, которыми располагает человек, ученый человек — суть хозяйствственные науки, как и любое вообще человеческое знание. Но не всякие науки обращены к познанию собственно хозяйства — или жизни как хозяйства, как и хозяйства как жизни. Этим занимаются, так уж повелось, прежде всего экономические науки. Определенный вклад в это вносила и вносит философия.

Однако на рубеже XIX и XX вв. в интеллектуальной сфере человеческого бытия стало зарождаться новое специализированное направление мысли, получившее окончательное определение-наименование философия хозяйства.

Почему именно в это время и почему именно философия и именно хозяйства?

Рубеж XIX—XX вв. ознаменовался, с одной стороны, триумфом науки и техники, материализма, позитивизма и конструктивизма, денег и капитала, человека-демиурга, а с другой — сначала невольной тревогой, а затем и осознанным шоком в умах и сердцах человеческих, прежде всего, религиозного и философского склада, от созидаемого новым временем секуляризованного и денатурализованного, совершенно уже искусственного, по преимуществу, городского, мира, уже тянувшегося к великой международной браны, ставшей впоследствии мировой войной — Первой мировой войной, унесшей и искалечившей за четыре года десятки миллионов жизней.

Это было время глубокого затяжного кризиса всей послевозрожденческой и послепросвещенческой цивилизации, а соответственно и ее сиентизированного интеллектуализма, высоко эффективного с технологической, конструкторской и операциональной точек зрения, но весьма ограниченного и оторванного от реальности в аспекте проникновения в суть бытия, смысловой экспликативности, решения мировоззренческих задач.

Природа рассматривалась тогда как бездонный для человека ресурсный резервуар и объект для всяческой со стороны человека переделки, а сам человек трактовался как господин природы и окружающего мира, если не попросту земной бог-творец, а будущее представлялось как сознательно обустроенное творческим человеком надприродное бытие.

Реализуемое Новым временем хозяйство, несмотря на свои великие научно-технические и производительные достижения, не могло не вызывать вопросов и озабоченности у наиболее проницательных мыслителей, уже тогда — на рубеже XIX и XX вв., — заметивших, что бурное промышленное и интеллектуальное развитие, освобожденное от природных и сакральных ограничений и ориентиров, ведет к неоднозначным, если не прямо к катастрофическим, результатам — что для природы, что для самого человека. Со стороны таких мыслителей это было скорее предчувствием, чем законченным выводом, но большой и тревожный вопрос тогда уже был поставлен: приемлемое ли хозяйство ведет взбунтовавшийся перед Природой и Богом человек?

Человек как человек — одно, а вот человек как хозяйствующий субъект — совсем другое.

Человек и хозяйство, хозяйство и человек!

Хозяйство — производство не одних только потребительных благ, это и не только производство самой жизни, это еще и производство мира (среды обитания) вместе с производством самого человека, его сознания.

В истории мысли случилось так, что хозяйством занималось даже не хозяйствоведение, хотя таковое фактически уже имело место хотя бы в трудах Ксенофона и Аристотеля или в том же русском «Домострое», как и в трудах Посошкова и Ломоносова, а экономическая наука, в которой ведущее положение в XIX в. досталось политической экономии — как раз той самой науке, которая, полностью соответствуя духу нового времени, была более научной, чем философской, более практической, чем мировоззренческой, более идеологической, чем онтологической, наконец, более экономической, чем хозяйственной.

Экономика тогда рассматривалась более всего как рациональное, приносящее производительный эффект и доход, обусловленное вложением и извлечением денег (капитала), товарообменное, технически обу-

строенное, совершенствующееся, качественно изменяющееся, расширяющееся, развивающееся производство благ, удовлетворяющее столь же изменяющиеся и растущие потребности человека, определяемые и движимые рынком.

Ничего плохого в этом вроде бы не было, но экономическая наука оказалась предметно зажатой в пределы ограниченных парадигмальных установок: во-первых, труд

(человек) — предмет труда (природа, материал) — орудие труда (инструменты, механизмы, машины) — продукты труда (блага); во-вторых, производство — обмен — распределение — потребление (благ, конечно же); в-третьих, вложение (денег, капитала) — доход (денег); в-четвертых, производство — рынок — потребление, или же рынок производства — рынок обмена — рынок потребления. Причем все это рассматривалось по преимуществу как материальный, механизменный, технологический, операциональный процесс — как собственно фабричный процесс, когда все производящее и даже потребляющее общество представлялось фабрикой.

Экономика — фабрика, но в отличие от технофабрики, она еще и социальная фабрика, в пределах которой происходят капитальный и товарообменный процессы. Вот, собственно, и все, что могла предложить тогда экономическая наука, будучи и сама своеобразной фабрикой — фабрикой научного знания о фабрике. Ничего другого экономическая наука, чуждая всему невидимому, трансцендентному, сакральному — завороженная баснословным умножением продуктов-благ, невиданным ранее покорением природы и поразительным развитием технических средств производства и жизнеобеспечения, предложить и не могла, а если и могла предложить что-либо философическое, то не более как некую научную философию экономики, или иначе — философию (идеологию) экономизма.

Экономизм, это, во-первых, зауженная трактовка хозяйства, выделение из хозяйства только сферы производства и потребления благ, проходящих по преимуществу товарообменный процесс, соответственно процесс однажды и капитализированный; во-вторых, представление экономики, а частично и хозяйства как механизменной, технологической, операциональной, одним словом — фабричной, системы-процесса;

в- третьих, оправдание производительной способности экономики, как и ее ведущей роли в жизнедеятельности человека и общества, что сопровождалось освещением таких понятий, как благо, богатство, труд, деньги, капитал, прибыль, собственность, предприятие, предпринимательство.

Экономизм как политэкономическое (научно-философское) течение реализовался в ряде учений, что зависело от акцента на том или ином феноменологическом и понятийном звене экономико-смыслового пространства. Ежели акцент был на богатстве, деньгах, капитале, частной пользе и частной собственности, предпринимательстве, рынке, то получалась буржуазная философия (идеология) экономизма; ежели на труде, благе, общественной пользе и общественной (коллективной, государственной) собственности, общественном управлении экономикой, то выходила какая-то небуржуазная, в крайнем выражении — коммунистическая, философия (идеология) экономизма; ежели акцент делался на чистой рациональности, эффективности и производительности, то получалась технократическая (организационная, управленческая) философия (идеология) экономизма; ежели акцент смешался в сторону раскрытия и обоснования количественных параметров и структур экономики, их динамики, то возникала интеллектуалистская (математизированная, во многом «игро-бисерная») философия (идеология) экономизма; ежели основное внимание уделялось социальным отношениям и поведению экономических субъектов, то выходила социологическая (частично психологическая) философия (идеология) экономизма; ежели внимание сосредоточивалось на правовых аспектах экономической жизни, то получалась правовая (юридическая) философия (идеология) экономизма.

Все эти научно-философские реализации экономизма XIX век, не говоря уже о XX, успел с полным тщанием продемонстрировать.

Наибольшего внимания с философской точки зрения заслуживал, конечно, классический экономизм, не замыкавшийся еще совсем на феноменологической части, а предполагавший погружение и в сущностную сферу бытия, делая это, конечно же, без всякого «мистического» отношения к миру, т. е. в пределах научно-философского, рационально-материалистического подхода.

Это выражалось прежде всего в том, что классическая политическая экономия выдвинула и немало развивала идею стоимости — некой сущности или субстанции, лежавшей-де в основе экономического бытия и проявлявшейся во всех экономических параметрах и структурах, принимавших денежную форму выражения.

Сознавая, что стоимость принадлежит к числу невидимых и неощущаемых феноменов бытия, политическая экономия пыталась все-таки обнаружить и обосновать ее объективно-материалистическую субстанцию, на роль которой она выдвинула труд. Однако труд сам по себе никакой субстанцией не является, тем более материальной, если он и является феноменом бытия, то несубстанциальным и самым что ни на есть идеальным (манипуляции руки и движение мысли в голове — сами по себе еще не труд, а лишь его выражительные проявления; труд где-то внутри этих извне улавливаемых процессов, некое предположение, объясняемое затратой энергии, трением, сопротивлением; труд сам по себе невидим, несубстанционален и неизмеряется, он не имеет никакой адекватной самому себе меры).

Полагая, что за экономическими (однаждыными) параметрами — деньгами, товарами, капиталами, доходами, инвестициями, кредитами, лежит сущностная стоимость, политическая экономия, еще не лишенная конструктивной философичности, поступала мудро и продуктивно, но увязывая стоимость с трудом... как ее источником и субстанцией, политическая экономия попадала в предметный, познавательный и операционный капкан, ибо по труду никто и никогда ничего не оценивал, соответственно не продавал и не покупал, зато легко продавал и покупал то, что вовсе не являлось продуктом труда (земля, лес, водоемы, недра), либо являлось продуктом труда, но совершенно никак не учтенного (антиквариат, изобретения, предприятия, брэнды). А тот факт, что любой наемный труд получал оценку в деньгах независимо от самого себя (на рынке труда, заранее, еще до его применения) политическую экономию почему-то никак не смущало.

Не лучше обстояло дело и с попыткой объяснить стоимость полезностью, свойственной-де благам. Понимая, что все блага, если потребляются, одинаково полезны, экономическая наука выдвинула идею

пределной полезности, т. е. некой рыночной полезности, когда за предельную принимается полезность блага в условиях насыщенного его предложения и спроса. Что ж, цена блага при недостатке его предложения всегда выше, чем цена при насыщенном спросе на данное благо, но причем же тут вообще полезность блага — это всего лишь разная потребность в благе со стороны покупательного спроса, не более того? И никакая особенная полезность никаких особых оценок на рынке не диктует, за исключением лишь качества и редкости блага, что говорит о степени полезности того или иного блага среди аналогичных ему благ или же о степени потребности в данном благе среди других благ.

Обе попытки объяснения стоимости физическими свойствами благ — затраченным трудом или содержащейся в благах полезностью, оказались неудачными и потерпели совершенно логичный крах, что, правда, не мешает поклонникам экономической науки продолжать использовать эти не отвечающие реальности концепции, построив разные увлекательные, часто математизированные, головоломки, — и невдомек тут, что все оценки в мире экономики суть иные по природе оценки, идущие прямо от субъектов, от их голов и умов, сердец и душ, от их сознаний, не связанные напрямую и непременно ни с подсчетом трудовых затрат, ни с определением полезности, пусть и предельной, но зато имеющие возможность учитывать сразу все, что определяет оценки и влияет на них — все субъективное и все объективное, в том числе и трансцендентное, как все обусловленное оцениваемым нечто (благом, товаром), так и обусловленное средой обитания этого нечто — материальной, идеальной, институциональной, культурной, включая влияние на оценки других оценок, как и всего сонма оценок, непременно взаимодействующих, соревнующихся, проникающих друг в друга, так или иначе между собой сочетающихся либо, наоборот, друг от друга отталкивающихся.

Дать адекватное реальности понимание феномена стоимости, открытый политической экономией, может лишь философия, да не просто философия, а метафизическая философия, да не просто метафизическая философия, а метафизическая философия хозяйства.

Подходя к реальности во всей ее внешней и внутренней полноте, включая и трансцендентное начало, философия хозяйства, достигая в са-

мой себе адекватной реальности познавательной, содержательной и конструктивной целостности, находит, что блага в мире природы и человека беспечно разнообразны, что не все они суть продукты труда, а тем более не все они вещи, как и не все становятся товарами, подвергаясь обмену и денежной оценке, а потому феномен стоимости относится только к части благ, включая и деньги как специфическое благо, которая проходит товарообменную и денежнооценочную процедуры, причем товары оказываются товарами только в момент свершения такого рода процедур.

Стоимость — продукт и средство реального функционирования товаров и денег. Само по себе благо — не стоимость, даже лежащие в сейфе сами по себе деньги — тоже не стоимость, — и стоимостью все это становится лишь в товарообменном и денежнооценочном движении. Стоимость — возникающая и угасающая идеальная субстанция, возникающая и действующая только в товарообменном движении. И если такого движения нет, то нет и стоимости.

Почему все-таки стоимость (как сущность, как субстанция), а не просто деньги и цены? Философия хозяйства отвечает на этот вопрос так: потому что в деньгах и в ценах есть нечто общее, внутреннее и невидимое, что делает деньги деньгами, а цены ценами, что содержится в ценах как оценочная величина (число), а в деньгах как величина оцененная (численное количество, масса). Цена — денежная величина, фиксирующая относительную значимость товара и тех же денег в мире товаров и денег, а деньги — оцененная масса денег, этого главного средства оценки или всеобщего товарного эквивалента, позволяющая уже не только оценивать товары, но и замещать их, превращая товары, их совокупности, в единые массы денег. Те же инвестиции — не цены, хоть и оценены, это попросту массы денег, способные обратиться в любые товары, вещи, предметы, услуги, во все, что угодно.

Стоимость связана с оценкой, но при этом и с оцененной массой абстрактного оценочного средства — денег. Вот почему стоимость — всеобщая для товарного хозяйства субстанция. Стоимости нет без оценок, без цен, но стоимость в то же время не только оценка, цена, это еще и действующая в хозяйстве масса-энергия-сила, опосредствующая движение товарного хозяйства. Любое хозяйственное действие в хозяйстве, базирующееся на стоимости, ее использующем, является действием,

обусловленным деньгами, их массами, их затратами, притоками и возвратами. Отсюда стоимость — единая абстрактная всеобщая субстанция, в которой все выражено и которая бытует во всем, если это все проходит товарообменные и денежнооценочные процедуры.

Ясно, что не все хозяйство и не всякое хозяйство опосредуется стоимостью. Последняя действует только в товарообменном оденеженном хозяйстве. Стоимость локальна и исторична, несмотря на самое масштабное присутствие данной идеальной субстанции в цивилизованном хозяйстве.

Стоимость — не только субстанция, она есть также отношение и оценка, или, что то же самое, стоимость реализуется сразу как субстанция, отношение и оценка. Без отношений товаров и товаровладельцев, денег и владельцев денег друг с другом в ходе товарообменных и денежнооценочных процедур нет никаких стоимостных оценок, как нет и никакой стоимости как субстанции. Тут важно заметить, что оценки возникают не где-нибудь, а в головах людей, в их сознании, они субъектны и субъективны, и лишь вследствие разнообразных деловых и оценочных отношений людей между собой, с природой и социальной средой, а также вследствие отношений оценок друг с другом и всего мира оценок с общим воспроизводственным хозяйственным процессом, товарообменные оценки обретают необходимую для них объективность, гнездясь, опять же... не где-нибудь, а во все тех же головах людей, в их хозяйственном сознании.

Ни стоимость, ни цены, ни даже деньги не существуют где-то вне людских голов и человеческих сознаний, они все есть принадлежность идеального мира и сами суть идеальность. Цена вещи — не сама по себе вещь или же свойство вещи, это некая идея, «навешанная» на вещь человеком, его сознанием, его мыслью. Цена — мысль, пусть и обретающая некое самостоятельное бытие в замершем как будто бы виде, но... во все той же идеальной, сознаваемой среде. Деньги тоже ведь не вещь, хотя и могут иметь своего материального носителя: золото само по себе никакие не деньги, но оно может иметь денежную функцию — вполне идеальную и вполне идеального, вовсе не золотого, происхождения. А уж об идеальности стоимости и говорить не приходится: это воистину идеальная субстанция, обязанная своим явлением и бытием идеальному

миру человека, его уму, его сознанию, равным образом, и идеальным по сути своей межчеловеческим отношениям.

Человек — существо прежде всего идеальное, хоть и имеет животного носителя — тело, а также взаимную связь с этим животным носителем. Не материально в главном отличен человек от животного, а идеально — наличием сознания, или отображенческого знания о самом себе и об окружающем мире. Совокупность всех человеческих сознаний дает особую в мире сферу — сферу сознания, или ноосферу. Стоимость, цены, деньги и все идеальное, с ними связанное (капиталы, инвестиции, кредиты, доходы и т. д.) — принадлежность этой самой ноосферы, а потому никакие принципы материального мира к этой принадлежности мира идеального онтологического отношения не имеют, разумеется, кроме какого-то влияния извне, учитываемого человеческим сознанием и ноосферой. Стоимость, цена, деньги, как и все остальное с ними связанное — идеального происхождения, а потому и подчиняются прежде всего идеальным основаниям и мотивам своего идеального бытия.

Не труд и полезность оценивают цены и деньги, а стоимостной механизм, будучи механизмом идеальным, оценивает цены и деньги, причем стоимость при этом отдельно от цен и денег не существует. Оценки товаров, включая и оценки самих денег, — вменяются, и вменяются они действующим сознанием, учитывающим сразу все обстоятельства, в том числе и трудовые, и полезностные. Соответственно и стоимость вменяется, и только будучи уже вмененной, она производится в обществе как относительно самостоятельная субстанция, располагающаяся, однако, не где-нибудь, а все там же — в сознании.

Сначала вмененная, а затем и произведенная стоимость, выраженная в деньгах, оказывается особого рода хозяйственным ресурсом — сознаниевым, выдуманным, мыслимым, способным к самостоятельному бытию в сознании и ноосфере, соответственно в хозяйственных субъектах, их головах, а также способным к хозяйственному использованию уже не только в качестве посредника в обмене и оценках, но и в качестве энерго-информационного потенциала.

Сначала хозяйство вырабатывает стоимость, посредством ее вменения и производства, а затем стоимость уж как накопленная сама по себе

стоимость, вырабатывает хозяйство, его зачиная (инвестиции), оплачивая (затраты), оценивая (цены), способствуя вменению и производству новой стоимости, как и новых стоимостных доходов. В итоге стоимость, гнездясь в головах хозяйствующих субъектов, ведет через эти головы, ведясь и сама этими же головами, хозяйство — как отдельное (частное) микрохозяйство, так и общее (общественное) макрохозяйство.

Хозяйство, ведомое посредством стоимости и самой стоимостью, — этой идеальной сознаниевой и ноосферной субстанцией, есть экономика.

Философия хозяйства, в отличие от экономической науки, вводит и поддерживает смысловые различия между хозяйством и экономикой.

Воспитывая того же ребенка, его родители никакой экономики при этом не ведут, хотя ведут хозяйство, осуществляя его важнейшую функцию — производство человека, но когда родители платят за воспитание их ребенка няньке, бонне или детскому саду, то они реализуют в этот и только в этот момент собственно экономику.

Вообще жизнеотправление человека и общества сплошь хозяйственны и только местами и временами оно оказывается экономическим.

Александр Пушкин позволял себе говорить даже о хозяйстве поэта, но никак не об экономике поэта, хотя Пушкин и продавал издателям свои стихи, превращаясь из поэта в торговца. Изготовление любого продукта, работа инженера, учителя, врача, ученого, писателя, бюрократа и президента страны — никакая не экономика, это — хозяйство. А вот когда... да, да... когда что-то покупается и продается, обменивается на деньги, денежно оценивается и т. д., вот тогда действительно реализуется экономика с ее экономическим (денежнооценочным) расчетом. Бухгалтер — экономист, директор предприятия — лишь частично экономист, инженер в цехе — почти не экономист, охранник на проходной — совсем не экономист.

Экономика — только часть хозяйства человека, хотя и очень и очень значимая: куда сегодня без денег?!

Экономика — абсолютно идеальна, в ней нет ничего материального, это принадлежность и функция сознания и ноосферы. Отсюда не надо навязывать экономике никаких материальных субстанций и процедур. Экономика все сама и решает — в головах и через головы людей,

а потому всякий экономический параметр бывает таким, каким того хочет экономика, или стоимость, как раз лежащая в основе экономики, что позволяет поставить знак равенства между стоимостью и экономикой, как и наоборот, — а раз так, то философия хозяйства выводит важнейший принцип, если не закон, экономического бытия: всякий экономический параметр (деньги, цена, инвестиции, прибыль, валютный курс, судный процент, рента и т. д.) может быть любым, но не каким угодно. Любым, потому что все решается там, внутри, сходу — в экономике, в стоимостном котле, но при этом и не каким угодно, ибо в экономике, в этом котле, непременно вывариваются те или иные воспроизводственные ограничения, разумеется, подвижные.

На экономику и ее параметры, их формулирование и динамику, можно влиять, но заменить, а лучше сказать, подменить, экономику нельзя! Экономика в сознании и в ноосфере, как и сознание с ноосферой в экономике, но... сознание и ноосфера... вовсе не заместо экономики. Нельзя, к примеру, взять, да и рассчитать на модели все величины всех параметров для всей экономики, всех ее агентов. Нельзя! Всякие попытки считать вместо экономики — не для любопытства, а для действия — нонсенс!

Одно дело считать и рассчитывать в экономике, в ней участвуя, совсем другое — вместо экономики, за нее. Отсюда и ограниченность математических подходов к экономике: у экономики ведь своя математика... скрытая, невидимая, трансцендентальная, а потому человеческую математику можно применять по поводу экономики лишь частично, участвуя при этом в математике самой экономики, а вот заменить математику экономики человеческой математикой нельзя. Заметим, что в экономике нет ни одной постоянной величины — все величины переменные. Вот откуда и происходят онтологическая неадекватность и гносеологическая ограниченность, если не ложность, перемешанная с лукавством, математизированной экономической теории, претендующей на научную точность и реальную достоверность.

Разделение понятий хозяйства и экономики позволяет, во-первых, уточнить предмет экономической науки, в особенности, ее теоретической части, которым становится, собственно экономика с ее товарообменными и денежнооценочными процессами, товарными и денежными

системами, во-вторых, строже и ближе к реальности трактовать суть экономического, не смешивая его с вообще хозяйственным, отделяя от всего экономического; в-третьих, онтологически адекватно и полноценно понимать феномен хозяйства, сопрягая хозяйство со всем жизнеотправлением человека, наделенного сознанием и ноосферой, во взаимодействии со средой обитания и в единении с творческой — сверхприродной — способностью, а также и миссией человека.

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА КАК ОСОБОЕ ЗНАНИЕ-РАЗМЫШЛЕНИЕ

(к 10-летию журнала-альманаха «Философия хозяйства»)

Истоки

1. Первый, иеявный, общий: хозяйственная практика как таковая плюс абстрактно-обобщающие о ней суждения в рамках сначала общей философии (в ее социальной части), а затем и специфической философии — экономии, устремившейся со временем к *научной экономии — политической экономии*, теряя шаг за шагом исконную философичность и обретая сначала формализованную теоретичность, а затем все более функциональную технологичность, что означало и окончательный сброс за ненадобностью какой-либо философско-хозяйственной атрибутики, а также полное превращение экономии, с одной стороны, в математизированную, а с другой — в институциализированную (правовую), *экономическую теорию*.

2. Второй, явный, особенный: выходящее за пределы чистого экономизма течение мысли о *хозяйстве* — либо об *экономике*, предполагавшее учет исторических, социальных, институциональных, психологических, культурных, религиозных аспектов, влияющих на реализацию хозяйства-экономики, имевшее место как в Европе, так и в России (как, собственно, и в Китае, Индии, мусульманском мире), и усилившееся на рубеже XIX и XX вв. в связи с первыми симптомами общего кризиса

практического экономизма (капитализма) и соответствующего ему, уже по большей части собственно научного, вполне уже экономикоцентрического мировоззрения, что нашло завершение после ряда попыток в Западной Европе (в основном, в Германии) в появлении в России усилиями в первую очередь С.Н. Булгакова собственно *философии хозяйства* — как уже *пост*-экономического и *пост*-научного течения мысли.

3. **Третий, новый, единичный:** возникшее самостоятельно, вне прямой связи с предшествующими потоками мысли и первым учредительным (булгаковским) выплеском, течение мысли (сначала в СССР, а затем в России конца XX в.), сразу заявившее о себе как *философия хозяйства*, что имело результатом не только зарождение, но и, как оказалось, возрождение философии хозяйства, уже основанной ранее С.Н. Булгаковым, но потом вполне сознательно отвергнутой и столь же нарочито забытой (упрятанной в недоступных хранилищах) вследствие абсолютного и тотального доминирования в СССР марксистского мировоззрения, бывшего официальной идеологией.

Новое зарождение, оно же и возрождение, философии хозяйства произошло по почти что мистическому сценарию во все том же Московском университете, в котором философия хозяйства и возникла по итогам защиты С.Н. Булгаковым в 1912 г. одноименной докторской диссертации, но на сей раз философия хозяйства возымела шанс утвердиться и довольно развиться, обретя институциональное оформление в виде официально признанной в Российской Федерации *научной школы*, вкупе с особым научно-исследовательским подразделением — *лабораторией философии хозяйства* на экономическом факультете МГУ, действующим в МГУ *Философско-экономическим ученым собранием* и специфическим научным изданием — журналом-альманахом *«Философия хозяйства»*, выпускаемым Центром общественных наук и экономическим факультетом МГУ.

Мотивы

1. **Первый — гносеологический:** все более заметное, а на рубеже XIX и XX вв. ставшее уже попросту раздражающим, несоответствие широко распространившихся научно-философских (материалистических, механических, технологических) представлений, как и абстрактных

научно-теоретических построений, хозяйственной реальности, их ограниченность, узость, поверхностность и условность, что обозначило фактический кризис научной философии и теоретической экономии из которого наука попыталаась выйти путем... еще большего... *онаучивания науки* (через использование системного подхода, моделирования, кибернетики и синергетики)... — с уже практически полным отходом от глубинно-сущностных моментов познания, не говоря уже о метафизических изысках, и еще большим обращением к формально-феноменологическим, техническим, математическим приемам, что имело результатом не только явные формализацию и технологизацию теоретической экономии, но и ее вполне самоубийственную вульгаризацию, что не могло не привести к концу XX в. к почти полному исчезновению из как будто бы экономических теоретических конструкций... собственно экономического начала и превращению теоретической экономики... в некие разделы не то математики, не то технологии — с практически уже абсолютным отрывом экономической теории от реальности превращением ее в виртуальную «игру в бисер».

2. Второй — онтологический: все большее и все ускоряющееся превращение естественной (природной) реальности в искусственную (неприродную), сопровождаемое не только исчерпанием (нехваткой) природы и нагнетанием (избытком) неприроды, но и аналогичной указанному превращению трансформацией как человека вообще, его сущностным и смысловым убыванием, так и человека как хозяйствующего субъекта, его формальным и функциональным нарастанием, а также производной от всего этого все большей и все ускоряющейся виртуализацией человеческого бытия, его последовательной ирреализацией, что не могло не вызвать в мировоззренческом сознании внезапного, при этом онтологического происхождения, шока, заставившего уже на рубеже XIX—XX вв., не говоря о XX в., вновь и по-новому поставить вопрос о природе, сущности, содержании и смысле человека, его сознания и творческой способности, провоцируя тем самым потребность в существенном пересмотре сложившихся под влиянием Возрождения и Проповеди представлений об окружающей природе, о самом человеке, обо всем мироздании, как и о креативной деятельности человека, ее телологии (целеполагании) и эсхатологии (завершении).

3. **Третий — критический:** втягивание с конца XIX в. западно-европейской — от Возрождения! — цивилизации, а вместе с тем и всего затрагиваемого ею мира, в *общий — тотальный и перманентный — кризис*, порожденный свободным креативным творчеством вооруженного экономикой, наукой и техникой хозяйствующего человека, кризис, нашедший проявление не только в периодических экономических кризисах и тех же мировых войнах, как и в тех же революционных и национально-освободительных движениях или же в экстремальных (диктаторских, милитаристских, тоталитарных) режимах, но и, что особенно важно, в кризисе возрожденческой идеологии и просвещенческого гуманизма, включая такие составляющие евроамериканской цивилизации, как экономизм, сциентизм, техницизм и прогрессизм, а в итоге — в выхолащивании человеческого в человеке, технанизации человеческого бытия, превращении человека в постчеловека (в того же киборга), как и, конечно же, во многом другом, что позволяет говорить и об общем — тотальном и перманентном — кризисе, если не прямо о катастрофе, человека как такового, его креативной деятельности и созидающего им мира, а потому и воспринять необходимость критического осмысления всего вокруг происходившего во второй половине II тысячелетия от Р. Х. и происходящего ныне — уже в III тысячелетии, в адекватном реальности представлении и на соответствующем сложившейся ситуации языке.

Координаты

1. **Первая — мировоззренческая:** окружающий человека мир, как и сам человек, конечно же, материальны, механичны и даже математичны (кантитативны, измеримы), одним словом — *физичны*, но в то же время они идеальны (духовны), стихийны и неопределенны (калитативны, неизмеримы), одним словом — *метафизичны*, причем «мета», т. е. все, выходящее за пределы собственно физического мира хотя без него на глазах и в глазах человека и не существующее — уходит в трансцендентную (невидимую, недоступную, неизвестную) сферу (глубину, высоту, широту, даль), откуда в наблюдаемый человеком мир как раз и приходят все качества и все количества, в том числе совершенно на первый взгляд физические, а главное — приходят *смыслы*, что позволяет сделать заключение и о сложной физио-метафизической полноте

самого человека, его, с одной стороны, имманентности окружающей природе (вследствие материальности, животности, организменности), а с другой — трансцендентности человека относительно окружающей природы, его из нее выделенности, «внешности» по отношению к ней, одним словом — некой неприродности, что подтверждается наличием у человека сознания, языка, мышления, речи, знания, воображения, неопределенности поведения, импровизационности, творчества, деятельной свободы, а главное — подтверждается отсутствием полного экологического соответствия человека природе и всему живому миру, фундаментальной отстраненностью человека от природы и живого мира, его способностью виртуально моделировать и фактически создавать несуществующие в природе вещи, системы и даже миры.

2. **Вторая — методологическая:** физио-метафизическое содержание наблюдаемого человеком мира, как и самого человека, заставляет человека познающего, размышляющего, воображающего, проектирующего, трудящегося, производящего, творящего, созидающего, уничтожающего и потребляющего, одним словом — *хозяйствующего*, действовать столь же физио-метафизически, отчего решение чисто вроде бы физических задач (в плане текущего и перспективного бытия, а не одной лишь физической науки) с необходимостью сопряжено с решением задач вполне метафизических — как проходящих через сознание человека, так и человеком вообще не осознаваемых, что делает хозяйствование человека процессом не просто физио-метафизическими, но и имманентно-трансцендентным, понуждая человека, уже это хозяйствование специально познающего, поступать как физически, что как раз берет на себя прежде всего наука, которая вся есть по сути и по преимуществу физика, так и метафизически, что выпадает уже в основном на долю собственно философии (последняя ведь всегда метафизична, т. е. и метанаучна, хотя она не пренебрегает вовсе ни физикой, ни наукой), рано или поздно порождая *философию хозяйства*, с характерной для нее *хозяйственной метафизикой*, а это уже иное, чем та же экономическая наука, хозяйствование, вдохновляемое не только феноменальностью и фактологией, поиском закономерностей и законов для внешнего (поверхностного, механического) бытия, но и субстанциальностью, существенностью,

смысловостью, а потому и обнаружением внутренних (скрытых, потаенных, неопределенных) мотивов и механизмов бытия, непосредственно соприкасающихся с присутствующей в реальности «работающей трансценденцией» и подвластных уже не логике как таковой, а *металогике* (логике без явной логики, сверхлогике, паралогике).

3. Третья — историософская: наряду с историей хозяйства (как и историей той же экономики) возникает потребность и возможности специальных *историософских* размышлений по поводу ведения человеком своего хозяйства на протяжении всей человеческой истории, что поначалу нашло выражение в такого рода построениях, как формационные, цивилизационные, а то и попросту какие-нибудь периодные эпохные, но на рубеже XX и XXI вв., когда наиболее приемлемой обобщающей историософской конструкцией стало деление человеческой истории на эпохи Премодерна, Модерна и Постмодерна, хозяйственная история человечества стала восприниматься философией хозяйства в соответствии с этими тремя эпохами, однако с той существенной поправкой, что это не только следующие друг за другом эпохи но и существующие и в настоящее время миры — Постмодерна (нынешний передовой западный мир и явно примыкающая к нему и с ним схожая часть периферии), Модерна (модернизирующийся по западному образцу, хотя и со своими особенностями, догоняющий Запад периферийный мир) и Премодерна (остающийся в основном в традиционном, хотя и затронутом прогрессом, состоянии, главным образом глубоко периферийный мир), причем миры, существующие зачастую и в пределах одного и того же geopolитического (странового, регионального) ареала, — и само это деление на Премодерн, Модерн и Постмодерн оказалось исключительно продуктивным для понимания интегральных качеств и смыслов человеческого хозяйствования на планете Земля, его текущих целей, возможностей и средств, его общей *металогики и метасмыслологии*, включая трансцендентную *телеологию* и еще более трансцендентную *эсхатологию*.

Определение

Философия хозяйства — возможность целостного видения, отражения и отображения трансцендентно обусловленного мира, его динамики и судьбы, с учетом на основе и через призму действующего в нем творческого сознания.

Объект

Весь мир, человек в нем, человеческий мир — в единении всего видимого и невидимого, феноменального и ноумenalного, явленческого и сущностного, известного и неизвестного, имманентного и трансцендентного, физического и метафизического.

Предмет

Жизнеотправление человека как реализация его сознания.

Миссия

Постижение непостижимого — осознание сознания и всего им творимого.

Цель

Тайна хозяйствующего человека.

Опора

Парящий в *сфере сознания*, или в *ноосфере*, питающийся реальностью, сознанием и ирреальностью, равным образом, и трансцендентностью, смысло-субстанциальный очаг-эгрегор, открытый для посвященных и закрытый для профанов, из которого мыслящее метафизически творческое сознание имеет возможность, реагируя на исходящие из очага энерго-информационные импульсы, черпать откровенные сведения, потребные для составления этим сознанием представлений и суждений, адекватных выдвинутому познавательному интересу.

Познание

Не отвергая значения фактов, необходимости их добывания и изучения, анализа и синтеза, разного рода моделирования реальных систем и процессов, предпочтение в познании не фактологии с феноменологией, а смыслологии с субстанциологией, а лучше сказать — *метасмыслогии* и *метасубстанциологии*, а потому не столько наблюдению внешнего бытия и ведению рациональных расчетов, сколько проникновению внутрь бытия и разгадыванию в нем сокрытого, что то же самое — не физики, а метафизики, всему тому, что не в факте, а за фактом, не на поверхности, а за ней, не в реальной механике, а за ее пределами, не в *физисе*, а в *метафизисе*.

Способ

Глубокомыслие, сопряженное с душевным переживанием; осмысливание имеющихся текстов, действующего сознания и окружающей реальности, как и наоборот: реальности, сознания, текстов; предпочтение внезапных откровений в моменты творческого возбуждения сознания (с бессознанием, подсознанием и сверхсознанием вместе), а также его затмевания или (и) пробуждения (в связи с тем же сном), сильного напряжения и его мгновенного снятия, как и переходов сознания от состояния к состоянию, обусловленных как поведенчески, сменой того же настроения, так и событийно, переменой контекста; длительная подготовка сознания, его обогащение, превращение в самостоятельный источник знания, очаг творчества, в «работающую трансценденцию».

Позиционирование

Помещение сознания, или же иной раз просто его попадание, в точку обратной перспективы, или же достижение творческого контакта с вышеупомянутым очагом-эгрегором, когда все сразу, вблизи, центрировано, целостно — *полилектически*.

Критерий

Реальность.

Истинность

Богу-угодность.

Запечатления

1. Первое — о сознании. Сознание и все с ним сопряженное (сверхсознание, подсознание, бессознание) — главное в феномене человека, в его особенности и исключительности, во всем бытии человека, его жизнеотправлении, в труде и творчестве, как и в силе и слабости, упорстве и уязвимости, победах и поражениях.

Человек это сознание, а сознание — это человек!

Сознание в своей «сознаниенности» что-то явно неприродное или же сверхприродное, оно откуда-то, извне, из иного, из ничто — от Бога! Сознание метафизично, оно трансцендентно, а потому и безгранично, не имеет ни начала, ни конца. Сознание свободно, эфирно, летуче. Сознание — никакая не механика, не физика, не химия, даже не органика.

Сознание идеально, духовно, никак не материально, не от организма оно, а от души, хотя без организма в природном мире никакого сознания, как и никакой души, конечно же, нет!

2. Второе — о хозяйстве. Хозяйство — вполне осознанное, осознанное и реализуемое сознанием жизнеотправление человека.

Если попытаться свести хозяйство к производству, то это будет в последовательной смысловой субординации сначала производство самого производства, его организация, а затем производство жизни, потом непременно производство самого человека, его сознания, а уже следом за всем этим производство потребительных благ, среди которых, конечно же, идеи, знания и институты, а также производство среды обитания, как и производство человеческого мира в целом. Однако важно иметь в виду, что то же самое потребление, как и разрушение, истребление, умерщвление, — тоже хозяйство. Так что к одному лишь производству хозяйство никак не свести, даже к жизни как таковой не свести, ибо смерть — тоже хозяйство. А вот к жизнеотправлению, ведомому сознанием, свести хозяйство, пожалуй, можно, ибо тут уже действительно все — и производство с потреблением, и досуг, и война, и деторождение, и даже смерть!

3. Третье — о сознании и хозяйстве вместе. Сознание ведет хозяйство, а хозяйство формирует сознание. Хозяйство производно от сознания, а сознание производно от хозяйства, как производны от него язык, знание, мысль, философия, наука, религия... да мало ли еще что, чем наполнено человеческое сознание, хотя все это, чем наполнено сознание, имеет прямое отношение к ведению, или же производству... хозяйства. Хозяйство — эманация сознания, а вот сознание не более чем продукт хозяйства, да и то лишь в плане содержательного наполнения сознания. Вот почему сознание все-таки предшествует хозяйству, а не наоборот, мало того, можно вполне признать, что сознание первично, а хозяйство — вторично, и не генетически, что вообще покрыто мраком, а более всего функционально: сначала хозяйство есть дикция от сознания, а затем уже сознание — функция от хозяйства, хотя, разумеется, все тут во взаимообусловленном круговороте.

4. Четвертое — организация и самоорганизация. Нынешнее научное сознание, увлеченное кибернетикой и синергетикой, склонно

трактовать хозяйство, а по научной традиции — экономику, как более самоорганизационную — рыночную-де! — систему, чем сознательно и волевым образом организуемую. Разумеется, в хозяйстве-экономике есть все: и как бы стихийная самоорганизация, и как бы вполне видимая сознательная и волевая организация — несамоорганизация. Но дело в целом обстоит все-таки сложнее, хотя бы потому, что та и другая организации — самоорганизация и несамоорганизация — относятся к сфере сознания, или ноосфере, представляющей собою совокупность сознаний — индивидуальных, групповых, общественных, а среди них как более или менее натуральных диких сознаний, так и явно сознательно обустроенных (институционализированных). Ничего в хозяйстве, как и в той же экономике, со стороны их собственного содержания, кроме сознания и его — сознаниеских — атрибутов нет: остальное там не хозяйство вовсе, не экономика, а всего лишь какие-нибудь материалы, энергии, силы, информации, присущие собственно материальному миру — физису, восходящие к тому, что принято обобщенно называть всеобщей материей. Отсюда вся хозяйственная организация есть организация... нет, не сознательная буквально, а скорее организация... от сознания, в сознании, через сознание, т. е. она есть прямая принадлежность сознания, его направление, эманация, продукт.

И если с собственно сознательной организацией все более или менее ясно, то с самоорганизацией возникает немало проблем, ибо последняя... вроде бы... будучи более всего стихийной, совсем и не сознательна, а потому и вряд ли может быть отнесена к сфере сознания. На самом же деле и самоорганизация реализуется во все той же сфере сознания, в ноосфере, но реализуется как бы сама по себе, не проходя через какой-либо особый сознаниеский центр, не исходя из какого-либо явно фиксированного отдельного сознания. Здесь уже имеют место, во-первых, какие-то неосознаваемые специально взаимодействия сознаний, во-вторых, порождаемые этими взаимодействиями стихийные, как бы самопроизвольные, процессы, — и в итоге происходит чуть ли не вненосознаниеская организация. Но это вовсе не так: для сознания, а уж тем более для сферы сознания, или ноосфера, вполне присущи и стихийные, можно сказать, бессознательные, процессы, ибо сознание, не говоря уже о сфере сознания, ноосфере, является не механическим, даже не органическим

феноменом, вовсе и не физическим, а вполне метафизическим, где действуют более не законы и механизмы, а... не весть что... то, что вряд ли подлежит определению, на что и слов-то подходящих нет... кроме, разве... тех же стихий, страстей, трансценденталий.

Вот почему в рамках философии хозяйства предпочтительнее говорить об организации от сознания, в сознании и через сознание, что концентрированно может быть выражено в краткой, но емкой по смыслам формуле — *организации самоорганизации*, допускающей любую организационную комбинацию, как и взаимную перемену мест и функций у разных организаций, равным образом и наличие скрытых — узнаваемых или нет — организаций.

Необходимо особо заметить, что хозяйственная организация, в том числе и чисто экономическая, в основе своей и по большей части неявна, она скрыта и даже конспирологична — и не потому вовсе, что кто-то хочет чего-то от кого-то сознательно скрыть, хотя подобных желаний и предостаточно, а потому что такова вообще природа человеческой — вполне и осознанной — организации, восходящая к трансцендентной природе самого человека и его сознания. Сознательное — не значит явное, открытое и ясное, это лишь значит, что оно не более чем от сознания, в сознании и через сознание, а уж что и как выходит в итоге... зависит... все от того же наблюдающего и раскрывающего сознания, которому кое-что так или иначе бывает открыто и более или менее понятно.

Хозяйственная организация — организация по преимуществу в неопределенности и через нее, хотя хозяйственная организация и предназначена гасить неопределенность, ее преодолевать, но... не преминуя при этом и со своей стороны создавать всякую неопределенность: тут более всего трансцендентности, чем имманентности, а потому и более всего тайны!

5. Пятое — о творчестве. Творчество — вовсе не только какой-то по-особому вообразительный труд, это вообще любой труд, это сама жизнь человеческая, как и само по себе хозяйство. Разве можно представить себе жизнь человека, его хозяйство, без хоть какой-то толики воображения, без виртуальности, без намерения, без плана, цели, задачи, которые все не где-нибудь, а в сознании, не откуда-нибудь, а из сознания, не сами по себе, а через сознание, то самое сознание, которое как раз и

делает труд, хозяйство, саму жизнь человеческую антиномично творческими — как творящими, созидающими и производящими, так и творимыми, созидаемыми и производимыми? Специфика и сама суть сознания именно в творчестве и состоят, а не творческим, точнее не творящим и не творимым, сознание просто быть не может!

Сознание, — полное, заметим особо, знания, — несет в себе вовсе не только отражение мира, оно несет в себе еще и другой мир, которого нет вокруг, мало того, оно его не только воображает, но и созидает — совершенно практически, используя для этого и свой физический организм, ту же руку. Творчество — не только созидание нового (новаторство), но и воссоздание старого, это не только самый первый шаг, но и повторение, копирование, воспроизведение. Без творчества нет жизни, нет хозяйства, нет человеческого мира, нет всего осознанного вытвorenного, а жизнь, хозяйство, человеческий мир — это все как раз вытвorenное и есть.

Хозяйство — творчество, а творчество — хозяйство!

А что есть творчество? Будучи обязанным в какой-то мере физису, с ним тесно связанным, им весьма обусловленным, творчество, как и сознание, которое тоже ведь всегда творится, а не просто есть — исходит из творящего и творящегося сознания, а именно — из метафизиса, а потому и из «работающей трансценденции», следственно, и из... *ничто!*

Ничто в данном случае — это то, чего нет, но что все-таки возможно, и эта-то возможность как раз и реализуется творческим сознанием — тут одна метафизика выталкивает наверх, как и вытаскивает из глубины, другую метафизику, и в итоге возникает новая, не бывшая ранее реальность — даже прежняя вроде бы, по виду как будто бы повторяющаяся, чуть ли не та же самая, а, подиши ты, все-таки новая!

Творчество — не просто способность сознания, это его непрерывная реализация! И она способна быть разной — более творческой, менее творческой, как, собственно, совсем и не творческой. Но... но... сознание, которое тоже ведь очень разное — у людей, народов, цивилизаций, способно творить по-разному и с разной степенью новизны и, конечно же, иномирности, достигая необыкновенных — совсем уж неприродных — результатов.

Сознание человеческое ведь не от мира сего, оно от чего-то иного,

от трансцендентного, от ничто!

6. Шестое — об экономике. Экономика всегда хозяйство, а вот хозяйство не только не всегда, но и далеко не всегда — экономика!

Разве экономика это вся жизнь человеческая, все жизнеоправление человека, все его творчество? Конечно, нет. Но экономика вовсе и не только само по себе производство и потребление благ, а лишь такое производство и потребление, которое подчинено производству и потреблению, а лучше сказать существованию, особого рода идеальной и совершенно искусственной, т. е. прямо от сознания человеческого, субстанции — *стоимости*, находящей собственное воплощение в деньгах и адекватное символическое выражение в ценах. Вот отсюда-то как раз и следует экономика, когда главное в хозяйстве не потребительные блага, не человек, не жизнь, а... стоимость, которая сразу и основание, и средство, и цель... и благо. Благо из благ, всем благам благо, мало того, что универсальное благо, а и самое что ни на есть трансцендентное! Единожды родившись и едва успев встать на ноги, стоимость, получив достаточно свободы, непременно подчиняет себе хозяйство, ориентирует его, им управляет. Стоимость не ограничивается производством и потреблением благ, она предъявляет претензии на все: на политику, на идеологию, на науку, на философию, на религию, на культуру, на цивилизацию, на мораль, на человека, на его сознание, на всю его жизнь, превращая в итоге все вокруг в... экономику, но... не до конца, не до конца, ибо без неэкономики, причем занимающей фундаментальное положение, никакой экономики, оказывающейся всего лишь надстройкой над хозяйственным базисом, вообще быть не может: экономика вторична, суперструктурна и в общем-то «иждивенна», хотя и активна, и деятельна, и агрессивна.

Экономика из сознания, она в ноосфере, а потому нигде, кроме сознания и ноосферы, располагаться не может. Стоимость — субстанция но не выходящая за пределы сознания и ноосферы, а там, в этом сознании и в этой ноосфере, она существует... как бы и не существуя, ибо никакой стоимости как таковой нет и быть не может, а есть лишь то, что только и может удерживать в себе сознание и ноосфера, а именно... информация, да не какая-нибудь, а цифро-числовая, отчего деньги, цены, капиталы,

инвестиции, бюджеты, кредиты, прибыли, ценные бумаги и прочая, прочая, прочая... не более чем цифры и числа, причем совершенно голые (или чистые), ибо никакой измеряемой субстанции за ними и под ними нет и отродясь не бывало. Тут не физика вовсе, а метафизика, лишь переходящая по воле сознания в физику, однако не в обычную физику, а в особенную, в ту, что гнездится как раз прямо в сознании, в ноосфере, в метафизике.

Обвшанное обусловленными (договорными, согласительными, «словленными») цифрами и числами экономическое сознание само наряжает куда надо и сколько надо стоимостных цифр, определяя через обычновенное пустое число ценность (сравнительную значимость) денег и цен, а потом и всего остального в мире экономики. Блага — никакая не экономика, а вот оцененное, продаваемое и покупаемое, специальным образом «очищенное» и оцифрованное благо — благо, становящееся товаром — уже экономика! И так со всем и во всем! И решают тут все как раз не блага-товары, а само *экономическое сознание* — что отдельных экономических субъектов, что общее, или совокупное, как дикое и стихийное, так и цивилизованное и институционализированное.

Игра экономических чисел — вот что такое экономика!

7. Седьмое — о прогрессе. Прогресс — ускоренное, целеположенное, устремленное в неведомое будущее (не подсказываемое прошлым, историей, да и настоящим тоже) развитие. Развитие как самоцель! В историческом разрезе — экспонента! Медленное развитие — не прогресс, стихийное — тоже. Суть прогресса — в историческом рывке из одного мира в другой. Что и произошло в итоге ряда так называемых возрожденческих, а на самом деле — перерожденческих, революций, отвергших бытие и хозяйство человека согласно с природой и с Богом и открывших бытие вне и поверх природы, вне и помимо Бога. То был прорыв к свободному, неограниченному, инновационному творчеству, которое смогло состояться только на антихристианском пути при полном торжестве экономики, науки и техники, как и соответствующей такому торжеству идеологии.

Из архаики к новизне, из мира данного к миру созидаемому, от естественности к искусственности, от хозяйственного агента-подмастерья к хозяйствующему субъекту-демиургу.

Половина тысячелетия потребовалось человеку, чтобы в корне и в конец изменить мир, его фактически *пересовать*. И все это стало возможным вследствие высвобождения... стоимости, да, да, именно так — стоимости, этой удивительнейшей субстанции, которая сама по себе не более чем идеальный мир особым образом осмысливаемых и признаваемых хозяйствующим человеком абстрактных цифр, гнездящихся в людских головах, группирующихся в различные числа, способные выполнить стоимостную — отнюдь не только оценочную, но субстанциальную (сокровища, инвестиций, кредитов) — функцию. Никакая наука и никакая техника, как и вообще никакое производство, не могли бы выйти на путь прогресса, не случись воистину революционной победы стоимости, а соответственно — экономики, хотя произошло это в итоге все-таки революции прежде всего идеологической, ценностной, моральной, культурной, цивилизационной — революции непосредственно в сознании, связанной со скачкообразным переходом от одного типа сознания к другому (от того же христианского, возможно, уже и псевдохристианского, к условно христианскому, если не к антихристианскому, а то и попросту атеистическому).

Наряду с охранительным и стабилизационным сознанием всегда имеет место и сознание, устремленное к новому, еще не бывшему, а то и вообще невозможному — сначала виртуальному, мифическому, сказочному, а затем и ко вполне реальному. Кто, что, какая сила разбудили в человеческом сознании трансцендентную жажду прогресса? Кто ж это знает, как и вряд ли найдется тот, кто ответит на вопрос, откуда, зачем и почему возникло на планете Земля само это человеческое сознание — явно ведь не от мира сего?

8. Восьмое — о демиургии. Нет, человек вовсе не то существо, которого волнуют лишь потребительные блага ради естественного выживания — не только физического, но и метафизического. Не для того человек владеет сознанием, имеет язык и располагает возможностью мыслить, чтобы поименовывая по-своему мир, самого себя и многое из того, чего в мире вообще нет, довольствоваться столь примитивным потребительством. Нет и еще раз нет! Будучи созданием в какой-то мере иномирным, человек не может не рассматривать данный ему мир как мир, хоть и родной вроде бы и вовсе человеку не чуждый, как, скажем так,

не совсем его — человека — мир, не вполне ему органичный, как бы для человека, его сознания, не слишком и адекватный (сознавать свою временность, неумолимую жизненную тщету, общую неприкаянность и непременную смертность — привилегия, прямо скажем, не из приятных!), а потому у человека не может не возникать желания если и не прямого бунта, то хотя бы вполне обоснованного протesta против данного ему мира (этого беспредельного, мертвой хваткой держащего человека, физиса), что не может не вызывать у человека хозяйствующего великого желания переделать мир, а может и вообще его от себя отринуть и когда-нибудь покинуть.

Отсюда, видно, и особого рода *демиургическая* страсть, переходящая в маниакальное намерение, навязчивое проектирование и бесконечное созидание — чего-то своего, отличного, невероятного, попросту и неприродного, того, чего вокруг нет, но что, как оказалось, все-таки может быть. Таков итог несоответствия человеческого метафизиса природному физису — что в самом человеке, что в мире. *Демиургия* — следствие не прихоти, не выплеск таланта, не произвол гения, а самая настоящая, хотя и исключительная, необходимость, восходящая к потребности... вырыва из физиса... то ли на метафизический, то ли вообще уже на трансцендентный простор, но... не после и в результате неизбежной и чуть ли не спасительной смерти, а еще при жизни, в сознании, что, конечно же, невозможно, но... к потребности, каким-то образом в сознании все-таки восстающей... к потребности, если и не совсем в иной мир прыгнуть, то хотя бы в мире другом очутиться — более человеческом, что ли!

О-о, какой здесь имеет место великий конфликт: не с одной лишь природой-физисом, но и... с самим Господом Богом, да и человека с человеком, а еще и внутри самого человека, в пространстве его сознания, отчего демиургия человеческая не просто хозяйственный факт, а целая хозяйственная трагедия, а много ли вообще в бытии человеческом не трагического?!

9. Девятое — о продукции. Наука давно уже свела продукцию к потребительным благам, по большей части к благам-товарам, не обращая внимания на тот в общем-то очевидный факт, что продукцией хозяйственной является буквально все — если и не все, то уж почти все! — из того, что ныне вокруг человека, как, собственно, и в нем самом.

Природа давно уже в резервации, устроенной ей хозяйствующим человеком-демиургом, Господь Бог где-то по преимуществу за горизонтом, а вокруг... одна продукция, его — человека — продукция, включая язык, письмо, культуру и цивилизацию, села и города, дороги, транспорт и средства связи, магазины, законы, институты, политику, медицину, спорт, театры, тюрьмы, спецслужбы, казни... о-о... тут можно перечислять и перечислять, ибо речь идет и в самом деле обо всем, на крайний случай — почти обо всем! — сам мир человеческий — не более теперь чем продукция, и сам человек тоже, и сознание его и даже история — она тоже самая обыкновенная продукция. И войны, и грабежи, и убийства, и болезни, и моры, и многие катастрофы! А экономика? Тоже ведь чистейшая человеческая продукция со всеми своими деньгами, ценами, банками, ценными бумагами, бесценными фикциями, инвестициями, затратами, доходами... Все вокруг, или же почти все — человеческая продукция! И бытует человек уже среди, а лучше сказать в среде, своей же продукции, все более разнородной, сложной и совершенной, все более умной и агрессивной, да ладно бы просто бытует, продукцией своей пользуясь и наслаждаясь, а то ведь зависит от нее уже полностью и бесповоротно, да и не только потребительски, а уж и водительски — и не человек уже, кажется, над продукцией, а, наоборот, — продукция все более над человеком: власть человека над продукцией уверенно сменяется властью продукции над человеком, которая, следует заметить, далеко не только собственно потребительская, как и сугубо позитивная — вокруг ведь полно и вполне потребляющей продукции, в том числе и потребляющей самого человека, да и вообще всякой инфернального порядка продукции, пополняющей расширяющийся мир *антиблат*. Совсем он не прост, этот продуктово-потребительский мир, легко обирающийся вполне уже непотребной, нет, не физиономией своей, даже и не рожей, а заключенной в нем и безостановочно распространяющейся и все более разверзывающейся бездной... да, да... именно так... *бездной!*

10. Десятое — о кризисе. Построенный человеком — изобретателем, архитектором и конструктором — за последние 500 лет искусственный мир втянулся вдруг с конца XIX в. в свой великий, вполне уже и онтологический, кризис. И дело тут не столько в каких-нибудь периодических экономико-хозяйственных кризисах, не в мировых войнах,

не в угрозе той же термоядерной катастрофы или в разгуле так называемого международного терроризма, а более всего в том, что созданный человеком под себя и в борьбе с природой и супротив Бога мир работает активно и споро не только против природы и Бога, но и, что становится с каждым днем все очевиднее, против... самого человека, причем не только из-за нехватки какой-нибудь чистой воды или того же свежего воздуха, и даже не только из-за вдруг откуда-то взявшейся невыносимой инфернальности переделанной человеком-демиургом ноосфера — от господства в ней разрастающейся неприроды и расползающегося секуляризма, а и из-за своей потребительной благости, потребительской гордыни, выветривающих успешнее всякой инфернальности человека в человеке, а также из-за совершенно уже оторванного от человека, природы и Бога самодовлеющего прогресса — прогресса ради прогресса, не только всесторонне терроризирующего уже безуспешно уворачивающегося от него человека, но и дошедшего до практически уже полного отрицания человека как такового — какой-нибудь киборг все-таки уже не человек, да и в нынешнем компьютеризированном гражданине мира, кажется, немало уже качеств от вроде бы еще только ожидаемого киборга.

Из созданного человеком и уже полностью воспроизведенного им мира почему-то вдруг старательно улетучиваются куда-то не только какие-нибудь природные стихиалии (духи) или сакральные стихии (духовности), но и обыкновенные, имманентные всему живому, субстанции и смыслы, мало того, куда-то уходит вообще содержательность, оставляя вместо себя лишь наполненные пустотой и обездущенной механикой формы.

Не мир-реальность, а мир-симулякр, лишь имитирующий реальную жизнь!

Вселенский пир, захлестнувший самый передовой человеческий мир, — тот самый мир — постмодерновый, — явный признак не просто общего, но уже и *апокалиптического*, кризиса, отличающегося тем замечательным свойством, что из такого кризиса нет для попавшего в него мира никакого позитивного, т. е. сохраняющего этот мир, выхода. Человеческий мир решительно отрицает ныне уже не только природу и Бога, не только человека, он отрицает и самого себя — этот мир невыносим

уже и для себя самого! Такова великая историческая драма-ирония — от оптимистического Возрождения к... пессимистическому Вырождению, — в момент как раз полного и чуть ли не окончательного торжества возрожденческого мира, вдохновленного освобожденной человеческой гордыней и построенного демиургически восставшим сознанием.

11. Одиннадцатое — о будущем. Нет ничего более рискованного и неблагодарного, чем судить о будущем, тем более человека, сознания, ноосферы. Однако человек так устроен со своими сознанием и ноосферой, что он существует не только постоянно думая о будущем, но его так или иначе непрерывно конструируя — сначала виртуально-воображенчески, затем воображенчески-проективно, а потом и реально-производительно. Так что ничего особенного в предвидении человеком своего будущего нет. Иное дело, если речь заходит о предвидении независимого от человека будущего, ему неизвестного, чуть ли не невозможного, т. е. вполне уже трансцендентно обусловленного. Здесь возможны и риски с неблагодарностями, и роковые ошибки, и непоправимые действия. Но деваться человеку все равно некуда, он обязан проектировать свое бытие, которое никаким, кроме *проективного*, и быть не может.

И это тем более необходимо, что мир человеческий, отстроенный в основном по лекалам уже самого хозяйствующего человека, заделавшегося вдруг увлеченным и неустанным демиургом, находится вот уже сотню лет в *глобальном кризисе*, что, конечно, не помешало передовому прогрессивному человечеству и жить-поживать, и добра наживать, даже и развиваться и меняться, разрешая свои проблемы через посредство войн, захватов, противостояний, грабежа, перестроений, перераспределений, побед, поражений, консолидаций, диссипаций, централизаций, подавлений, глобализаций, империализаций, подчинений, колонизаций, милитаризаций, а, главное, через посредство знаний и творчества, науки и техники, экономики (ставшей сегодня финансомикой), институтов, идеологий и концептов, проектов и управлений.

Время глобального кризиса — время не только потрясений, разборок и падений, но и усилий, нововведений и взлетов, это время больших перемен, перехода от Модерна, построившего новое мироздание, к Постмодерну, это мироздание охотно эксплуатирующему и перестраивающему, хотя... сам кризис этого мироздания так и не преодолевшему,

ибо любая самонадеянная попытка выйти из кризиса связана у него не с преодолением Модерна, а его... усугублением — посредством еще большей модернизации построенного Модерном мира, его фактической *ультра-модернизации*, с переходом от классического Модерна к Модерну постклассическому, соответственно, и неизлечимо вульгаризированному. Постмодерн — всего лишь упрощенный, опустошенный, симуляционный Модерн, — и «пост» означает здесь не столько «после» или «за», сколько «последний», «крайний», «о-пост-ылевший», т. е. Модерн уже последнего времени.

Как тут не вспомнить ленинский тезис об империализме как о последней стадии капитализма, как о паразитическом, загнивающем, умирающем капитализме! Разве не прав был по сути В.И. Ленин? Прав, да еще как прав! И сегодня все то же самое, только относить эти грустные эпитеты приходится уже не к одному лишь капитализму, даже не только вообще к экономике, а ко всему построенному человеком миру, как и к самому строителю этого мира — человеку-демиургу. Ленин, не выходя за пределы научной философии и политической экономии, осуждал капитал, капиталиста и капитализм, возбужденно надеясь на труд, рабочего и социализм, а нам, сторонникам метафизической философии и философии хозяйства, ничего не остается, как... нет, не осуждать, конечно, ничего не осуждать, как ничем и не восторгаться... а всего лишь констатировать, что проблема тут гораздо серьезнее, а корни ее гораздо глубже, чем это представлялось Ленину, что восходит эта проблема к самому человеку, его сознанию с его же ноосферой, его хозяйствованию, его творчеству, соответственно, и к *тупику*, в который человек неожиданно попал, воспользовавшись эгоистически и опрометчиво творческой свободой, предоставленной ему... Господом Богом Отцом и подтвержденной Господом Иисусом Христом (рывок-то демиургический состоялся в христианской Европе, правда, дважды модернизированной: сначала католически, а затем уже и протестантски).

А тупик-то этот совсем не простой, а, скажем помягче, *апокалиптический*, т. е. какой-то трансцендентный выход все же имеющий, но вряд ли уже с положительным для созданного человеком мира итогом, а мир этот, кажется, уже не подвластен его создателю — человеку, он вполне отчетливо вырывается на свободу, как когда-то сам человек

вырвался на волю из-под власти природы и Бога, — и вот куда и до каких пределов его будет нести, кто знает?

Вот оно — будущее, самое что ни на есть неизведенное, синергетическое, вполне и рискованное! Трансценденция тут, но уже другая, не от природы и Бога, даже не от иного какого-то мира, а уже самим человеком сотворенная, знаменующая собой поразительную способность человека хозяйствующего вытворять неведомое — прямо из сознания, его трансцендентных глубин, прямо из ноосферы, ее трансцендентных высот, а вытворив кое-что, замереть перед этим «кое-что» в недоумении, ибо за ним маячит уже не резерв для будущего человека хозяйствующего, а какая-то счастливо зияющая на его пути антихозяйственная бездна!

12. Двенадцатое — о России. Россия (Киевская Русь, Московская Русь, имперская Россия, СССР, Российская Федерация) — это не столько страна, государство, нация, сколько некое мирового масштаба, глубины и значения — паразстрановое, почтигосударственное, «недонацийное», в общем, какое-то уж очень неопределенное, никогда до конца и надолго не сформированное, какое-то вариативное, никак не подпадающее под реальную евроустроенность и евроцентристическую ученую категориальность, населенческое, хотя и иерархизованное, образование, тянущееся вроде бы за Европой (Западной Европой), но до нее никогда не дотягивающее, признающее Азию, но Азией никак ж становящееся, какое-то альтернативное всему на свете, себя упорно полагающее и себя же упорно отрицающее, во всех отношениях Странное, с трудом воспламеняющееся и легко перевоплощающееся, ж остающееся, несмотря ни на что, самим собою — вязким, тягучим, бездным, ничем земным не удовлетворяющееся, но чего-то *иного* страстно желающее, ничего при этом не делая для его достижения, а лишь исполняя натужно какие-то чуждые себе проекты: норманнский, византийский, европейский (голландский, немецкий, чуть ли еще и не французский), мировой красный (европейский же), наконец, мировой либеральный (он же и глобалистский). А Россия как была сама по себе, так ею и остается, меняясь, конечно, но... ничего приемлемого так и не создавая — ни для себя, ни для других. Даже удар разрушительный 1990-х она самоотверженно перенесла и, едва очнувшись, уже на какое-то новое и странное будущее нетерпеливо зарится! В мировой кризис фактически добровольно влезла,

себя то ли отрицая, то ли испытывая, то ли возрождая: не преминула и к общему кризису передового человечества присоединиться, чтобы на себе, видно, чудеса постмодерновые прочувствовать; в мировой глобализм бодро впрыгнула, вкусив вдосталь протухшего либерализма; к семерке великих и самых достойных прильнула, превратив семерку в восьмерку, а по сути-то — уже в ничто; с имперской Америкой, сама-то едва опомнившись после роковых 1990-х, уже вовсю тягается, и Европу, объединенную и расширенную, ненавязчиво поучает, по сторонам как-то не без озорства озираясь.

Что же такое Россия? Скорее всего — *идея*, вполне и трансцендентная, если и понятная как-то, то лишь самому Господу Богу, а, возможно, и для Него не слишком ясная, ибо Россия не только человека ставит в тупик, но, видно, немало вызывает недоумения и у самого Господа Бога: больно уж все не так в России, не по-людски, не по-природному, даже не по-цивильному, совсем и не по-божески, а как-то нелепо, странно и страшно — прямо по-российски!

Нет, пожалуй, более загадочного места на Земле, как и, условно говоря, «социума», чем Россия с ее народонаселением, где сразу вроде бы все, но в то же время и... *ничего!* — стройного, завершенного, понятного. Ни один «изм» к России в нужной мере не подходит, хотя в ней как будто бы хватает всяких «измов»: рынок — не рынок, капитализм — не капитализм, демократия — не демократия, государство — не государство, даже хозяйство, кажется, — не совсем хозяйство, ибо для кого оно, для чего, с какой-такой продукцией, во благо ли оно, во вред ли, опять же куда, с кем, почему, для какой цели?

Да, в нынешней России много чего от *антимира* с его *античеловеком*, много и *антихозяйственного* — безрассудного, бестолкового, опасного, вредного, недостойного, гнусного, но... живет же Россия: бытует, на будущее надеется, ни во что из будущего по сути не веря, мало того, и позитива всякого удерживает в себе немало, как и отторжение всякого инферналья, вдруг нахально на нее нахлынувшего и ею любовно второпях принятого, демонстрирует.

Что-то опять вываривается в России, в этом трансцендентном метафизическом котле, где не хозяйство только в обычном смысле, а и... *метахозяйство*... уже в смысле необыкновенном; где валтасаров пир

не обрывается валтасаровой же катастрофой; где апокалиптика чуть ли не в полном единении с апокатастикой (антиапокалиптикой); где в пучине бытия тонут цивилизации, но откуда-то являются и новые миры; где человек размышляющий имеет более всего склонности к ничего ему не дающей метафизике; где невозможность оказывается вдруг самой что ни на есть возможностью, а явная возможность с презрением почему-то отвергается; где дух свободно парит над житейской суетой, а жизнь полна неисчерпаемого живительного духа... в общем Россия... это никакое не Здание, не Дом, даже не Сооружение, а всего лишь просторное поле для сакральных мистериальных игр, посреди и в итоге которых может возникнуть... ни с того, ни с сего... сакральный шанс перейти в... *Иное*, которого нет и которое вряд ли когда-нибудь будет!

Россия — собственно метафизика и есть!

Россия — не жизнь, как везде, не пост-жизнь, как на Западе, а, скорее всего — какая-то *пред*-жизнь, разрушение, с неизвестным итогом!

Россия — великий онтологический шанс!

София

Есть софия как вообще мудрость; есть и особая софия, имеющая отношение к философии (фило-софии, любо-мудрию), когда софия, она же и мудрость, — повод, предмет, цель и, коли выпадает удача, итог специальных утонченных размышлений; а есть уже не просто софия, а София, она же и Премудрость Божия, или София Премудрость Божия, которая есть достояние Господа Бога, человеку не известная, но открывающаяся ему через Слово Божие и через Божии Творения. Философия хозяйства соприкасается со всеми Софиями сразу: бытовой, высокой, Господней. Она и сама вырабатывает и удерживает в себе кое-какую мудрость, свою софию, — и особое значение тут имеет, конечно же, стремление к восприятию Софии Премудрости Божией, но, в отличие от любых иных к ней подходов, философия хозяйства, вслед за Булгаковым, относится к Софии Премудрости Божией и как к феномену хозяйственному — сначала как к замыслу Божиemu, вполне и хозяйственному, затем как к воплощенной в мире, природе и человеке, его хозяйстве, идеальности Божией, наконец, как к дару Божиemu, нисходящему постоянно на мир, природу, человека, его хозяйство.

И все бы ничего, если бы... если бы человеку хозяйствующему желалось и удавалось бы следовать Софии Премудрости Божией, а то ведь практика убеждает более в обратном — не только в *софийности*, но и в *антисофийности* человеческого хозяйства и бытия, мало того, пожалуй что, и в заметном иной раз преобладании антисофийности (инфэрнальности) над софийностью. У человека, обладающего сознанием и знанием, есть, конечно, своя мудрость — как житейская, так и специально измыщенная или нарочито заимствованная — и он действует, руководствуясь по преимуществу этой своей мудростью — и она так или иначе его выручает, ибо человеку хозяйствующему очень многое удается — вплоть до пересотворения мира. Иное дело, — и это особо замечает философия хозяйства, — что мудрость человеческая все-таки ограничена и... как-то очень уж переменчива, не всегда надежна, не лишена рокового риска, а то и попросту смертельно опасна, — и все это, как склонна утверждать философия хозяйства, вследствие самонадеянного отрыва мудрости человеческой, питаемой сейчас более физикой, чем метафизикой, от Софии Премудрости Божией, которая как раз более метафизична и трансцендентна, чем физична и имманентна.

Благо, польза и богатство — это, конечно, хорошо, но ведь есть еще и душа, и страда, и возвышение, мало того, есть еще и метафизическое бытие, т. е. бытие сознания, ноосфера, духа, которые ныне не то что стеснены человеческим физисом, но прямо-таки заражены им, как заражены они оплодотворяемым деньгами отрицательным человеческим метафизисом — вот почему протестантской (и возрожденческой) мудрости Булгаков противопоставил Софию, разумея под нею не одну Софию Премудрость Божию, но и оплодотворяемую ею мудрость человеческую.

Иное

Философия хозяйства — *иное!* Это не собственно наука и не собственно философия, это никакая не мифология, тем более, не религия, это — *иное*: иное видение бытия и иное знание о нем, иное его понимание и иные о нем суждения; это не теория, не доктрина и даже не учение, вообще никакое не обязательство; это всего лишь *открытие — иного*, бытующего не где-то там, а прямо здесь и сейчас, прямо на месте, а также признание иного *иного*, которое не здесь и сейчас, а как раз уже *там*, мало того — в грядущем.

Вот почему философия хозяйства — *проект, проект иного* — не того, которое будто бы возможно, а того, которое и помыслить-то никак нельзя, которое и родиться может только в среде *иного* — в той же России, где все не так, где все лишь искажение, отклонение, нелепость, на крайний случай — галлюцинация, где только безумию легко и вольготно, но где зато царствует корневая метафизика, обретающая все более благоприобретенной свободы, а ведь свободная метафизика, с которой как раз наиболее солидарна философия хозяйства, и есть... *Иное!*

Веха

Проживя десять переполненных трудами и размышленийами лет, журнал «Философия хозяйства», немало и настрадавшись, вышел-таки, имея искрящийся контакт с потаенным метафизисом, на *Иное* — что онтологическое, что гносеологическое, поставив тем самым вполне заметную издалека, но почему-то едва различаемую вблизи, указательную *веху* — аккурат на повороте к тому самому неведомому, из которого как раз и произрастает все вокруг ведомое, не преминув при этом уверовать в ту почти невероятную истину, что первая веха вовсе не обязана оказываться в истории незаурядного осмыслительного поиска последней!

СОДЕРЖАНИЕ

От автора (от автоапологии до самозащиты)	4
Из настоящего в настоящем	5
Я — ДОСТОЯНИЕ, однако ИНОЕ! М.: МГУ, 2025	7
Курс философии хозяйства	
Программа философии хозяйства. М.: МГУ, 2003	13
Курс философии хозяйства	
Учебное пособие. М.: ТЕИС, 2001	92
<i>Лекция первая. Вводная.....</i>	96
<i>Лекция вторая. Ни предмета, ни метода, ни стиля.....</i>	112
<i>Лекция третья. Притязания философии хозяйства</i>	132
<i>Лекция четвертая. Хозяйство как хозяйство.....</i>	150
<i>Лекция пятая. Хозяйство в разнообразии и развитии</i>	168
<i>Лекция шестая. Экономика</i>	190
<i>Лекция седьмая. Стоимость</i>	210
<i>Лекция восьмая. Деньги.....</i>	227
<i>Лекция девятая. Капитал</i>	244
<i>Лекция десятая. Экономическая цивилизация</i>	263
<i>Лекция одиннадцатая. Неоэкономика</i>	283
<i>Лекция двенадцатая. Хозяйственная демиургия</i>	303
<i>Лекция тринадцатая. Пересотворение мира</i>	321
<i>Лекция четырнадцатая. Хозяйственное богословие</i>	338
<i>Лекция пятнадцатая. Россия хозяйствующая</i>	355
<i>Заключение. Философия хозяйства — хозяйствующая философия.....</i>	372
Философия хозяйства. Тезисы. М.: ТЕИС, 2006	378
Философия хозяйства как достояние размышляющего человечества. М.: МГУ, 2008.....	429
Философия хозяйства как особое знание-размышление	
(к 10-летию журнала-альманаха «Философия хозяйства»)	
М.: МГУ, 2009	450

Научное издание

Осипов Юрий Михайлович

Иное достояние

Собрание превентивных текстов:
от политэкономии к философии хозяйства,
от софиологии к софиасофии

В трех томах

Том 1

РЕДАКТОРЫ:

Е.С. Зотова, Н.П. Недзвецкая,
Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына

Компьютерная вёрстка и редподготовка
публикуемых текстов:
Н.П. Недзвецкая, К.Ю. Беневская

ISBN 978-5-00078-962-9

9 785000 789629 >

Подписано в печать 8.10.2025. Формат 60×84/16
Усл.печ.л. 27,67. Тираж 65 экз. Заказ 25233

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательском доме «Державинский»
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г